

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Учреждение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

А. Г. Ларин

КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ

История и современность

**ВОСТОЧНАЯ
КНИГА**
Москва • 2009

УДК 314.151.3-054.72(=58)(470+571)
ББК 60.546.7(2Рос+5Кит)
Л25

*Исследование выполнено и опубликовано при поддержке
Фонда международных научных обменов им. Цзян Цзинго
(Chiang Ching-kuo Foundation for International Scholarly Exchange, Taipei)
и Центра китайских исследований (Center for Chinese Studies, Taipei)*

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

*Рецензенты:
д.и.н. В.Г. Дацышен, д.и.н. В.Л. Ларин, д.э.н. А.В. Островский*

*Ответственный редактор
д.э.н. В.Я. Портяков*

Ларин А. Г.
Л25 Китайские мигранты в России. История и современность /
А. Г. Ларин — М.: Восточная книга, 2009. — 512 с.

ISBN 978-5-7873-0493-0

Вниманию читателя впервые предлагается исследование, охватывающее все полтора столетия существования китайской общины в России. Интерес к китайцам особенно велик в наши дни, когда сотрудничество двух соседних держав приобретает все более широкие масштабы и число гостей из Поднебесной у нас постепенно возрастает.

Какое участие принимали китайцы в жизни России на разных этапах ее истории; как складываются их отношения с российским окружением в наши дни и какую роль они могут сыграть в дальнейшем; какую политику проводит правительство КНР по проблемам эмиграции и китайских диаспор — обо всем этом и рассказывается в книге. Она предназначена для широкого круга читателей: научных работников, практиков, преподавателей, журналистов, студентов, для всех, кто интересуется российско-китайскими отношениями или проблемами миграции.

УДК 314.151.3-054.72(=58)(470+571)
ББК 60.546.7(2Рос+5Кит)

© А. Г. Ларин, 2009
© ООО «Восточная книга», 2009

Оглавление

Введение	6
Глава 1. КИТАЙЦЫ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВА	19
§ 1. Китайцы в царской России	19
<i>Иммиграция из Китая: нарастающий процесс</i>	19
<i>Хозяйственная деятельность китайской общины в начале XX века</i>	27
<i>Китайская диаспора — источник повышенной опасности?</i>	37
<i>Китайские общества</i>	55
<i>Иммигранты нетипичные</i>	60
<i>Китайский труд во время Первой мировой войны</i>	63
§ 2. Китайская эмиграция в период революции и гражданской войны	69
<i>Жертвы чужой войны</i>	69
<i>Союз китайских граждан</i>	73
<i>Союз китайских рабочих</i>	77
<i>Кули берут винтовку</i>	85
<i>Китайская диаспора в советско-китайских отношениях</i>	92
<i>Китайская диаспора и китайская революция</i>	101
§ 3. Китайская эмиграция в СССР	111
<i>Национальное строительство</i>	111
<i>Социально-экономические преобразования</i>	119
<i>Конец «внеземелья» китайской общины</i>	124
<i>На выучку в Коминтерн</i>	129
<i>Отношения СССР с Китаем и Японией и китайская диаспора</i>	134
<i>Китайцы из КНР</i>	142

Глава 2. КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	146
§ 1. Китайская «квазидиаспора»: численность, занятия	146
§ 2. Коммерсанты	160
<i>Коммерсанты: социологическое исследование</i>	162
<i>Запрет на розничную торговлю</i>	203
§ 3. Рабочие	210
§ 4. Студенты (социологическое исследование)	222
§ 5. Туристы	251
§ 6. Мигранты и закон	254
§ 7. Мигранты и депопуляция	274
§ 8. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян	288
<i>Мнения о российско-китайских отношениях</i>	290
<i>Мнения о китайских мигрантах</i>	318
Глава 3. ЭМИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЭМИГРАЦИОННО-ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНР	341
§ 1. Эмиграционный потенциал Китая	344
<i>Динамика численности населения</i>	345
<i>Занятость, безработица, жизненный уровень</i>	348
§ 2. Управление эмиграционными процессами	355
<i>Политика в вопросах выезда и общий подход к проблеме миграции «вовне»</i>	355
<i>Экспорт рабочей силы</i>	360
<i>Борьба с нелегальной эмиграцией</i>	363
<i>Регулирование «утечки мозгов» и проблема их возвращения</i>	371
§ 3. Диаспоральная политика Пекина	384
<i>О мировой китайской диаспоре</i>	384
<i>Концептуальная основа диаспоральной политики Пекина</i>	387
<i>Культурные и социальные связи с диаспорой и задача ее сплочения</i>	391

<i>Гармонизация взаимоотношений диаспоры с ее окружением</i>	397
<i>Китайская диаспора и «китайская угроза»</i>	406
Заключение	415
Примечания	424
Приложения	470
Указатель таблиц	487
Избранная библиография	494

Введение

Китайская миграция в Россию — тема, занимающая прочное место в общественном сознании россиян. Среди трудовых мигрантов, регистрируемых Федеральной миграционной службой, доля приезжих из Китая по сравнению с потоком с окраин СНГ не так уж велика — порядка 20 %, да и демографы уделяют гостям из Поднебесной не слишком много внимания, занимаясь, главным образом, мигрантами из бывших советских республик, однако в живых разговорах интерес к китайцам проявляется вполне отчетливо. Каждый может высказать какое-то мнение о мигрантах вообще и о приезжих из КНР в частности. Зачастую речь в таких случаях заходит о китайской «демографической экспансии». Случается, звучит эта струна — и звучит тревожно — в средствах массовой информации. Китайские партнеры обижаются: «Сколько можно говорить о «китайской угрозе»! Это же старый миф, он рисует в ложном свете политику КНР и давно опровергнут жизнью!» Российские коллеги, испытывая неловкость, оправдываются: весь этот шум — происки западных недругов и их лоббистов, а то и просто погоня журналистов за сенсациями!...

Желание осмыслить, что несет с собой России китайская миграция, поделиться опытом, высказать свои предложения, а иногда и просто подать голос по актуальной теме вызвало к жизни неиссякаемый поток научных, полунучных и публицистических работ, в который решил внести свою скромную лепту и автор настоящей монографии. Она задумана как систематическое, по возможности, изложение важнейших проблем китайской миграции в Россию, не претендующее, конечно же, на то, чтобы «все всем объяснить», а лишь выражающее взгляды автора на заявленный предмет исследования. Главная методологическая установка автора — сохранять объективность анализа, что, вообще говоря, дается нелегко. Приходится преодолевать и введшиеся в сознание догмы советского времени: все, что делал СССР, — однозначно правильно, а все, что творил царизм, — заслуживает осуждения; и

приобретшие популярность постсоветские самоуничижительные «догмы навыворот», полученные посредством примитивной замены знаков «плюс» на «минус» и наоборот; и соблазнительные псевдопатриотические постулаты: наша страна всегда права. В какой мере автору удалось справиться с этой задачей — судить читателю.

Китайская диаспора существует в России почти 150 лет: с конца 50-х годов XIX в. До 1930—1940-х годов она была по численности далеко не последней среди китайских зарубежных диаспор.

Жизнь китайской общины, особенно в начале XX в., не была обойдена вниманием властей и общественности. Не только местная дальневосточная администрация, но и центральные правительственные органы, император, Государственная Дума занимались решением экономических и политических проблем, вызванных присутствием на отдаленной и слабо освоенной окраине страны многочисленной и сплоченной китайской общины, связанной многими нитями со своей метрополией.

Со своей стороны, китайские правительства, будь то императорский Китай или провозглашенная в 1911 г. Китайская Республика, внимательно следили за положением китайской диаспоры в России/СССР. Возникавшие в этой области вопросы были не просто вопросами внутренней деятельности нашего государства, они составляли один из аспектов наших отношений с Китаем, переплетенный с другими их аспектами. То же самое имеет место и в наше время.

Хотелось бы предупредить тех, кто решил познакомиться с историей бытия китайцев в России: при том, что сходство некоторых существенных черт прошлого и настоящего бросается в глаза, было бы серьезной ошибкой механически переносить в настоящее представления и оценки из прошлого или, наоборот, мерить прошлое сегодняшними мерками. Описываемые события происходили в другие исторические эпохи, другие поколения людей действовали на исторической арене.

Конечно, в хронике взаимоотношений любой эмигрантской общины с местными властями и местным населением можно найти и взаимовыгодное сотрудничество, и разногласия, трения, конфликты, и историк окажет плохую услугу своим читателям, если будет обходить молчанием то или другое. Тем не менее, автор глубоко убежден: никакие коллизии, имевшие место в истории китайской диаспоры в России, не должны бросать тень на нынеш-

ние отношения России и Китая — отношения, очищенные от идеологических наслоений, основанные на принципах дружбы, добрососедства и сотрудничества в интересах обоих государств. Эти отношения сложились как результат непростого исторического опыта, они дались дорогой ценой многих проб и ошибок. Сегодня мы рассматриваем их как важнейшее достояние двух народов. Изучая тот или иной аспект их истории, — а прошлая жизнь китайской диаспоры в России является по сути дела одним из них, — мы стремимся содействовать их укреплению и развитию.

Научное исследование жизни китайской общины в России началось одновременно с ее формированием и велось только в России, где имелись достаточно подготовленные для этого кадры и где актуальность темы, явно связанной с укреплением рубежей страны на Дальнем Востоке, не вызывала сомнений. Отечественные ученые и публицисты издали ряд фундаментальных работ о китайцах, корейцах и японцах в России и опубликовали множество статей в массовой и специальной периодике. В самом беглом виде историография по интересующей нас теме выглядит следующим образом.

Первые описания китайцев на Дальнем Востоке были сделаны российскими путешественниками в 60-х годах XIX в.: М.И. Венюковым¹, Н.М. Пржевальским² и др. В 70—80-х годах их работу продолжили военные специалисты В.В. Крестовский³, А.Ю. Назаров⁴, И.П. Надаров⁵. В дальнейшем благодаря трудам ученых, офицеров, чиновников местной администрации и центральных ведомств знания о китайцах и других национальных меньшинствах российского Дальнего Востока — географические, экономические, статистические, военные, исторические — непрерывно пополнялись⁶. На рубеже XIX—XX веков существенно разросшаяся китайская диаспора стала объектом интенсивного всестороннего изучения, включая обследования по заданиям правительственных ведомств. Среди результатов этой работы необходимо назвать капитальный труд В.В. Граве «Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье»⁷. Одно из основных мест в работах этого периода занял вопрос о так называемой «желтой опасности». Этнографическое и историческое направления, также касавшиеся данного вопроса, были продолжены в работах В.К. Арсеньева⁸.

В Советском Союзе в 1920-х годах проблемы китайской эмиграции стали рассматриваться в рамках начавшегося систематического исследования экономики советского Дальнего Востока и проблем национального строительства. Позже, в 30-х го-

дах в связи с депортацией корейцев и китайцев с Дальнего Востока, тема китайцев в России была закрыта для исследования — казалась, навсегда. Однако в конце 1950-х был дан зеленый свет одному из направлений этой темы, а именно: участию китайцев в революции и гражданской войне в СССР. Появилось большое количество научных и публицистических работ, политическая сверхзадача которых состояла в том, чтобы способствовать укреплению слегка пошатнувшейся в тот период дружбы двух великих государств с единой в то время идеологией и сходными общественными системами. Ряд работ по этому периоду был опубликован и в Китае. Правда, вскоре тема исчерпала себя.

Однако последние два десятилетия, в условиях начавшегося в СССР/России раскрепощения общественных наук, изучение китайской диаспоры, в том числе ее истории, возобновилось. Мало того, оно сделалось весьма актуальным, поскольку в России вновь появились, привлекая к себе общественное внимание, китайские торговцы и рабочие, получили небывалое развитие экономические связи российского Дальнего Востока с китайскими приграничными провинциями, а его связи с центром, наоборот, ослабли.

Новый этап ознаменовался появлением многочисленных исследований, посвященных китайской диаспоре — исторических, политологических, экономических, социологических, этнографических. Не имея возможности перечислить их все, назовем здесь лишь некоторые монографические работы. Это — труд Ф.В. Соловьева «Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917)»⁹, монография Т.Н. Сорокиной «Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX в.)»¹⁰, Е.И. Нестеровой «Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.)»¹¹. В монографии «Китайцы в России вчера и сегодня. Исторический очерк»¹² мы попытались проследить историю китайских мигрантов в нашей стране от ее начала до нынешних дней, посвятив небольшую часть современному периоду.

Среди исследований регионального характера за пределами Дальнего Востока необходимо назвать капитальный труд В.Г. Дაცышена «Китайцы в Сибири в XVII—XX в: проблемы миграции и адаптации»¹³.

В целом ряде трудов проблемы китайской миграции рассматриваются как составная часть более широкой темы, и такой подход, безусловно, следует признать полезным для их изучения. Ряд узловых проблем дореволюционной истории китайской эмиграции проанализирован в фундаментальном труде академика В.С. Мясникова «Договорными статьями утвердили»¹⁴. В серии монографий В.Л. Ларина «Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия»¹⁵, «Российско-китайские отношения в региональных измерениях (1980-е годы — начало XXI в.)»¹⁶, «В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX—XXI веков»¹⁷ миграция из КНР рассматривается, как это явствует из их названий, в качестве одного из аспектов двусторонних отношений на региональном уровне. В работе В.И. Дятлова «Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта?»¹⁸ поставленный вопрос анализируется на материале миграций не только из КНР, но и из стран СНГ. В монографии В.Г. Гельбраса «Китайская реальность России»¹⁹ контекстом служат российско-китайские отношения в их современном новом качестве, в другой монографии того же автора «Россия в условиях глобальной китайской миграции»²⁰ движение китайцев в Россию представлено как один из потоков их общемирового перемещения. Большой раздел посвящен миграции из Китая в работе О.А. Тимофеевского «Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX — начало XX в.)»²¹.

Много внимания уделено вопросам китайской миграции в исторических исследованиях Г.А. Ткачевой «Демографическая ситуация на Дальнем Востоке в 20—30-е годы XX в.»²², В.В. Синиченко «Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков»²³, коллектива авторов «Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке»²⁴. Восприятие мигрантов из Китая российским обществом — политиками, чиновниками, носителями массового сознания и даже творческой интеллигенцией подробно исследовано в монографии А.А. Лукина «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках»²⁵.

Исторической и современной проблематике китайской миграции посвящено также большое количество статей и докладов в различных сборниках и периодических изданиях, на многие из которых мы будем ссылаться в дальнейшем. Один из первых по времени сборников такого рода — «Миграционная ситуация на

Дальнем Востоке и политика России»²⁶ был выпущен в Москве в 1996 г. Особую ценность представляют труды ученых Дальнего Востока и Сибири, постоянно контактирующих с мигрантами из КНР, сотрудничающих с местной администрацией и имеющих возможность работать в местных архивах. Помимо названных монографий, важнейшие результаты работы зауральских ученых отражены в сборниках материалов международных конференций, проводившихся в Амурском государственном университете в «нулевых» годах, под общим названием «Россия и Китай на Дальневосточных рубежах»²⁷. Сюда же примыкает иркутский сборник «Мост через Амур. Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке»²⁸. Уникальная коллекция документальных материалов по теме была собрана в огромной, почти тысячестраничной работе А.И. Петрова «История китайцев в России. 1856—1917 годы»²⁹.

Не обошли вниманием данную тематику и в Китае³⁰. Первые записи о китайских купцах в России были сделаны еще в XVII в. В КНР исторические исследования подверглись сильной политизации. В годы напряженных отношений между нашими двумя странами большое количество работ было посвящено трениям и конфликтам на Дальнем Востоке между российскими властями и населением, с одной стороны, и китайцами — с другой. В китайских работах последнего времени можно выделить несколько концепций, а именно: китайские ученые подчеркивают значение вклада китайского труда в хозяйственное освоение Дальнего Востока и жестокую эксплуатацию китайских рабочих в царской России; рассказывая об участии китайских красноармейцев и красных партизан в гражданской войне, одновременно рассматривают китайских мигрантов-революционеров в виде невольного орудия советской политики, имевшей целью, как утверждается, распространение влияния СССР на приграничные регионы Китая; разоблачают миф о «демографической экспансии», осуществляемой якобы китайскими мигрантами в современной России.

Очевидно, что некоторые из китайских концепций требуют со стороны российских специалистов серьезного изучения и обсуждения.

Предлагаемая работа — это попытка показать историю «российских» китайцев от ее начала до наших дней включительно, осветить ее основные аспекты и понять: какое место в жизни России занимала и занимает китайская община, как наша страна и одно из меньшинств, ее населявших, взаимодействовали друг с

другом в тот или иной исторический период и как процесс взаимодействия их исторических наследников протекает сегодня.

Работая над книгой, автор старался сосредоточиться на наиболее важных гранях того или иного вопроса, на наиболее существенных фактах, не давая им утонуть в массе подробностей; в целом ряде случаев подкреплял свои соображения одним — двумя примерами, оставляя за пределами текста большой исходный материал. Это позволило сделать ее более компактной. Книга ни в коем случае не претендует на статус энциклопедического справочника по заявленной в ее заглавии теме. Многие факты, относящиеся к теме, еще ждут своих открывателей, те или иные утверждения автора, конечно же, могут быть оспорены.

Монография состоит из трех глав. В первой из них изложена история китайской эмиграции в царской России, в период революций 1917 г. и гражданской войны и, наконец, в советское время. Глава посвящена большей частью (но не только) китайцам на Дальнем Востоке России: там проживала основная масса китайских эмигрантов, именно об этих местах говорится и в подавляющем большинстве источников. В параграфе, относящемся к дореволюционному периоду, рассматривается жизнь китайской общины преимущественно в начале XX в., когда численность ее достигла наивысшего уровня, а роль в развитии дальневосточного края, особенности ее функционирования и связанные с этим функционированием проблемы выявились с наибольшей отчетливостью.

Мы не стали описывать деятельность китайской делегации в Коминтерне, приходящуюся на 20—40-е годы XX в.: это — отдельная сфера политики и совершенно отдельная тема исследования. Однако ради полноты картины мы решили посвятить небольшой раздел примерно 1,5 тыс. китайцев, обучавшимся в советских интернациональных заведениях, поскольку их судьбы связаны и с Коминтерном, и с массой рядовых эмигрантов и представляют собой пусть небольшой, но яркий и достаточно значимый фрагмент истории китайцев в нашей стране.

Вторая, центральная глава, наибольшая по объему, посвящена китайским мигрантам в Российской Федерации. Применительно к 90-м годам прошлого, а отчасти, и началу первого десятилетия нынешнего века их жизнь основательно проанализирована в названных выше работах В.Л. Ларина и В.Г. Гельбраса. Поэтому мы сосредоточились в своей работе на периоде середины — второй половины «нулевых» годов. Еще одно существен-

ное ограничение: стремясь к аргументированному изложению своих взглядов, мы отказались от пересказа эффектных пассажей относительно «китайской мафии», всеохватывающего «китайского подполья» и т. д., не подкрепленных убедительными фактами, какими могли бы быть, например, судебные решения или хотя бы свидетельства очевидцев.

Третью главу, в которой анализируется политика правительства КНР в отношении китайских диаспор и миграции за рубеж, мы считаем важным дополнением к центральной. Пекин активно регулирует миграционные процессы и энергично развивает связи с «заморскими» соотечественниками, и потому знакомство с его деятельностью в данной области в целом позволяет получить более полное представление о его подходах к частной проблеме китайских мигрантов в России. Читатель легко обнаружит, что многие аспекты политики китайского правительства, обозначенные в центральной второй главе, рассматриваются подробнее в следующей. Понимание эмиграционной политики КНР не может быть лишним для России, коль скоро она не собирается отказываться от услуг китайских мигрантов. Между тем, насколько нам известно, эмиграционная политика Китая, как и диаспоральная, в нашей литературе в целостном виде еще не рассматривалась, освещались лишь ее отдельные фрагменты.

Немалый интерес в этом плане представляют для нас и размышления китайских ученых, которые, кстати сказать, постоянно держат в поле зрения работы российских коллег. «Мы обязаны, — говорят китайские эксперты, — следить за изучением вопросов миграции в России, поскольку они связаны с формированием и совершенствованием стратегии безопасности нашей страны, с нашим активным участием в международном сотрудничестве в Северо-Восточной Азии и с освоением восточных районов России»³¹.

Сделаем небольшое уточнение, касающееся рамок работы: мы не рассматриваем в ней отдельно немногочисленных мигрантов — представителей корейского национального меньшинства в Китае, которые ведут себя фактически так же, как китайцы.

Еще одно уточнение, которое необходимо здесь сделать, касается терминологии. Обратимся к капитальному «Демографическому энциклопедическому словарю» под ред. Д.И. Валентя³². Термин «миграция населения» означает «перемещение людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменной места жительства навсегда или на более или менее длитель-

ное время... В зависимости от долговременности перемещений населения выделяют постоянную, или безвозвратную, миграцию и возвратную...

Миграцией населения в узком смысле является «собственно» миграция, и она совпадает с постоянной (безвозвратной) миграцией населения...

Нередко в понятие миграции населения входят также сезонная миграция и маятниковая миграция. Маятниковая миграция — это регулярное перемещение из одного пункта в другой на работу или учебу, например, из пригорода в город»³³. В качестве характерного примера сезонной миграции словарь приводит отходничество.

Таким образом, термин «миграция населения» может употребляться в нескольких значениях: в узком — перемещение навсегда; в более широком — навсегда или на долгий срок; в самом широком — даже на относительно непродолжительный срок, но периодическое. Такой же спектр значений имеет и слово «мигрант»: он может быть субъектом и постоянной миграции, и маятниковой, и сезонной.

В более позднем словаре А. Ионцева «Международная миграция»³⁴ расширительная интерпретация понятий «миграция» и «мигрант» подчеркнута: там выделена разновидность миграции — «временная миграция», осуществляемая на срок «от нескольких дней до нескольких лет», а понятие «мигрант» определяется как «лицо, совершающее межпоселенное территориальное передвижение (миграцию) с целью смены постоянного места жительства, работы, учебы, отдыха и др., навсегда или на определенный срок (от одного дня до нескольких лет)».

В «Демографическом понятийном словаре» под ред. Л.Л. Рыбаковского³⁵ четко различаются «миграция в широком смысле» (переселение) и «в узком» (перемещение).

В нашем исследовании мы будем использовать термин «миграция» в самом широком истолковании, и как временное перемещение на любой срок, и как постоянное. То же относится и к термину «мигрант».

Термины «эмиграция» и «иммиграция» имеют более узкую семантику — они не подразумевают кратковременного пребывания мигранта на новом месте. Первый из них означает «переселение в другую страну на постоянное или временное (на длительный срок) проживание»³⁶; такие же сроки подразумевает и второй термин³⁷. А вот собирательное значение совокупности перемес-

тившихся лиц имеет лишь один из трех названных терминов, обозначающих процесс перемещения: только слово «эмиграция», обозначающее «совокупность эмигрантов, проживающих в какой-либо стране»³⁸.

В настоящей работе мы будем употреблять этот термин за неимением другого как собирательный для обозначения совокупности китайских мигрантов в России независимо от того, на какой срок они прибыли. В современной литературе по миграции такое использование термина «эмиграция» встречается достаточно часто без дополнительных пояснений. Мы, однако, посчитали целесообразным специально объяснить его использование, поскольку, как будет показано ниже, китайцы в своей значительной части мигрировали в Россию на время, зачастую — непродолжительное, не превращаясь в постоянных поселенцев. Данное обстоятельство следует иметь в виду и в отношении других терминов, используемых в настоящей работе в том же смысле, что и «китайская эмиграция»: «китайское сообщество», «китайская община», «китайская диаспора», «китайское меньшинство» и т. д. Этими словами обозначается единый социальный и демографический объект, состав которого, тем не менее, всегда был чрезвычайно текучим, непрерывно обновлялся и остался таким же и сегодня.

Однако во второй главе мы будем специально рассматривать понятие диаспоры и выяснять, насколько правомерно употреблять его применительно к совокупности китайских мигрантов, поскольку в реальности она все чаще обозначается этим термином.

При подготовке предлагаемой работы автор использовал российские/советские публикации от позапрошлого до нынешнего века, а также документальные материалы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, Архиве внешней политики Российской Федерации, Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве социально-политических исследований.

Помимо российских архивов, автор имел возможность познакомиться с документами Министерства иностранных дел Китайской Республики, хранящимися в Институте новой истории Академии Синика (Тайвань), сотрудники которого, особенно директор профессор Чэнь Саньцзин, кстати сказать, крупный специалист по истории китайской эмиграции, создали для российского исследователя максимально благоприятные условия.

Позже я смог обсудить свое видение темы с проф. Ли Юйчжэнь и проф. Луань Цзинхэ из Института новой истории Академии общественных наук Китая, а также с учеными из Хэйлунцзянской академии общественных наук проф. Чжан Цзунхаем и зав. сектором китайско-российских отношений д-ром Ли Суйанем. Главный редактор журнала «Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю» проф. Чжан Сюмин устроила, можно сказать, заочное обсуждение двух моих работ по истории китайцев в России, опубликовав их в сопровождении статей китайских авторов на близкие темы.

В ходе подготовки монографии большую ценность имели для меня соображения, высказанные моими коллегами по Институту Дальнего Востока: проф. Ю.М. Галеновичем, д. и. н. Я.М. Бергером и д. и. н. [Е.Д. Степановым], д. э. н. А.В. Островским, к. э. н. Е.С. Баженовой. Особенно тесным было мое сотрудничество с д. э. н. В.Я. Портяковым, вместе с которым мы сделали совместную работу «Миграционная ситуация в Китае»³⁹, составившую основу раздела «Эмиграционный потенциал Китая» в данной монографии.

Много полезного для себя я почерпнул, участвуя в конференциях и «круглых столах», организованных проф. А.В. Лукиным в руководимом им Центре исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО(У) МИД России.

В отсутствие единой информационно-торговой книжной сети в нашей стране, при ослаблении, наряду со всеми остальными, также и научных связей между исследовательскими центрами европейской Россией и ее зауральской частью, где не в самых благоприятных условиях трудятся коллективы талантливых ученых, особое значение приобретают личные контакты. Полнее познакомиться с работами коллег на Дальнем Востоке и в Сибири я смог благодаря помощи директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН проф. В.Л. Ларина, сотрудников того же института к. и. н. Г.Н. Романовой и к. и. н. Г.А. Сухачевой, проф. А.П. Забияко и к. ф. н. Р.А. Кобызова (оба — Амурский государственный университет), проф. В.И. Дятлова (Иркутский государственный университет), проф. В.Г. Дацышена (Сибирский федеральный университет).

Я получил также много полезных материалов благодаря любезности советника посольства КНР в РФ г-на Гуй Цунью, упомянутых выше проф. Чжан Сюмин и д-ра Ли Суйаня, снабдившего меня большим количеством фактической информации. Д-р Кен Уи Ко (Го Гэнь-вэй), куратор Центра документации и ис-

следований зарубежных китайцев им. доктора Шао Ю-бао (библиотека университета Огайо), не пожалел усилий, чтобы сделать доступными для меня некоторые издания, ставшие едва ли не библиографической редкостью в КНР. Такой же подарок я получил от обозревателя государственной радиокompании «Голос России» И.Е. Денисова.

Некоторые коллеги любезно познакомили меня с рукописями своих работ. Профессор Цяо Инвэй из Института истории зарубежных китайцев (Пекин) передал мне текст своей статьи, посвященной истории взаимоотношений китайских диаспор с населением стран их проживания. Опытный сотрудник по проблемам миграции в России М.В. Мокшанов предоставил в мое распоряжение статистические данные из его подготовленной к защите диссертации.

К. э. н. Е.И. Пахомова (ВЦИОМ) взяла на себя организацию опроса, охватившего в общей сложности около 2 тыс. респондентов — россиян и китайцев.

Привести в порядок статистические данные мне помогла аспирант Института Дальнего Востока РАН А.В. Афонасьева.

Самое доброжелательное содействие я встретил со стороны сотрудников синологической библиотеки ИНИОН РАН, Центра научной информации и документации ИДВ РАН и его библиотеки. Чрезвычайно полезной оказалась для меня помощь признанного аса китайской библиографии В.П. Журавлевой.

Благодаря сайту www.polpred.com (Г.Н. Вачнадзе) я получил доступ к ценной фактической информации.

Мой друг китаевед А.А. Долгов поделился со мной своими обширными знаниями о китайской общине в Москве.

Всем им я хочу выразить искреннюю благодарность. Без их доброго участия эта книга не была бы написана. Я признателен всем коллегам, общение с которыми прямо или косвенно помогло мне в работе над нею, признателен всем сотрудникам библиотек и архивов, в которых мне довелось работать, за их благородный труд во имя нашего общего дела.

Наконец, я считаю своим приятным долгом выразить особую признательность двум базирующимся в Тайбэе организациям, поощряющим работу синологов по всему миру. Это — Центр китайских исследований (Center for Chinese Studies), предоставивший мне возможность изучить хранящиеся на Тайване документы МИД Китайской Республики, и Фонд международных научных обменов им. Цзян Цзинго (Chiang Ching-kuo Foundation

for International Scholarly Exchange), чья поддержка обеспечила автору проведение представительного анкетирования и издание настоящей монографии.

И последнее, о чем хотелось бы сказать в предисловии. Распространившийся в конце 2008 г. на Россию мировой финансово-экономический кризис внес изменения в демографическую и миграционную ситуацию в стране: стало сокращаться число рабочих мест, увеличилось количество безработных, снизилась, следовательно, потребность в иностранном труде. Сократились миграционные квоты, уменьшился миграционный поток извне, специалисты начали предсказывать обострение конкуренции между местным экономически активным населением и приезжими, активизацию заряженных мигрантофобией экстремистских элементов. Идея компенсации обезлюживания страны путем форсированного привлечения миллионов иммигрантов стала выглядеть несвоевременной.

Однако благодаря саморегулированию потоков трансграничной миграции каких-то серьезных перемен в том, что касается борьбы «своих» и «чужих» за рабочие места, не произошло. Во многих своих чертах миграционная ситуация сохранилась. И, поскольку она сложилась под воздействием фундаментальных факторов, нужны очень глубокие сдвиги, на сегодня мыслимые лишь теоретически, чтобы она изменилась кардинальным образом. Когда мы сумеем преодолеть кризис, на сегодня неясно, разброс экспертных оценок весьма значителен. Но когда бы это ни произошло, выход из кризиса, скорее всего, будет означать и возвращение к докризисному положению дел с мигрантами. В силу этих причин рассмотренные в данной монографии современные проблемы китайской миграции в Россию сохраняют свою актуальность.

Глава 1

КИТАЙЦЫ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВА

§ 1. Китайцы в царской России

Иммиграция из Китая: нарастающий процесс

Нерчинский договор, заключенный Россией и Китаем в 1689 г., зафиксировал принадлежность Китаю обширных территорий на левой стороне реки Амур. Почти три столетия спустя, в 1858—1860 гг. серия новых российско-китайских договоров установила прохождение границы по Амуру (до Хабаровска) и Уссури. Дикие таежные земли, закрепленные теперь за Россией, населяли малочисленные местные народности — орохоны, гольды, нивхи и др., а также незначительное количество китайцев (в России называли китайцами то ханьцев, то ханьцев и маньчжуров вместе, поскольку Китайской империей правила маньчжурская, или Цинская, династия). В ст. 1 Пекинского договора (1860 г.) говорилось: «Если б в вышеизложенных местах (т. е. на российской территории. — *Авт.*) оказались поселения китайских подданных, то русское правительство обязуется оставить их на тех же местах и позволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами»¹.

В Уссурийском крае в период подписания Пекинского договора находилось, по оценкам, 2—3 тыс. китайцев: охотники, золотоискатели, сборщики женьшеня, беглые люди, наконец, сосланные сюда преступники. Оседлых было выявлено 872 человека, 341 фанза². Посещавшие в то время Уссурийский край российские путешественники неизменно отмечали, что встречавшиеся им китайцы — это пришлые люди, не имеющие здесь родовых корней. Выдающийся исследователь Уссурийского края

В.К. Арсеньев доказывал в своих работах, что китайцы появились там не более чем за 30 лет до Айгуньского (1858 г.) и Пекинского договоров³.

Таким же по характеру, но еще более редким было китайское население Приамурья. Лишь в междуречье Амура и Зеи существовало относительно компактное поселение китайских подданных — оседлых маньчжуров, возникшее, как считают российские ученые, в нарушение Нерчинского трактата⁴. По Айгуньскому договору в качестве уступки с российской стороны было решено зазейских маньчжур «оставить навечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем чтобы русские жители обид и притеснений им не делали»⁵.

Постепенно, однако, количество пришельцев из Китая, привлеченных непочатыми природными богатствами края, увеличилось⁶. Этому способствовало то обстоятельство, что граница между государствами не охранялась. Лишь в 1869 г. для ее охраны была сформирована Уссурийская конная сотня, которая, однако, могла взять под контроль лишь малую часть границы.

Российские власти, заинтересованные в хозяйственном освоении края, в целом благожелательно относились к выходцам из соседних стран, стремились закрепить их в качестве колонистов. «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» 1861 г. разрешали российским и иностранным подданным селиться в этих местах, приобретая землю во временное владение или в полную собственность с освобождением от налогов на 20 лет.

Доброжелательность российской администрации сочеталось со слабым, а то и попросту нулевым контролем с ее стороны за деятельностью иностранцев. В 1870-х годах одних только морских продуктов (рыбы, трепангов, морской капусты) беспрепятственно вывозилось в Китай на сумму около одного 1 млн руб. ежегодно. В 1877 г. генерал-губернатор Восточной Сибири барон Фредерикс издал указ об обложении пошлиной вывозимых продуктов моря, но на осуществление этого указа не нашлось средств. (Средства нашлись у китайских властей: они открыто взимали сбор в российских бухтах, командируя туда с этой целью своих чиновников)⁷.

К этому нелишне добавить, что в российско-китайских отношениях действовало правило, зафиксированное в Уложении о наказаниях 1866 г.: «Китайцы, учинившие преступление на российской стороне границы, высылаются их правительству».

Только в 1882 г. экстерриториальность китайских подданных была отменена. Однако преступников-китайцев, сбежавших из России на родину, тамошние власти не выдавали российской стороне⁸. Мало того, случалось, преступники, переданные российскими властями Китаю, откупались там от местных властей и вновь самовольно переходили границу.

Помимо промысловиков и земледельцев, в населенных пунктах Дальнего Востока и Сибири постепенно разворачивали свою деятельность небольшие группы купцов, первые из которых появились там еще в XVII в.

Новый этап китайской эмиграции в Россию начался в конце XIX века, когда в процессе освоения края стал быстро увеличиваться спрос на рабочие руки, в то время как наполнение края переселенцами из европейской части России было недостаточным, чтобы удовлетворить его. Еще в середине 1870-х годов из провинций Чжили и Шаньдун по контракту была привезена первая группа китайских рабочих — около 150 человек — для строительства военных казарм в Хабаровске. В 1886 г. крупный прииск Джалинда (Верхне-Амурская компания) впервые прибег к найму китайцев для добычи золота. До этого более двух десятилетий золотопромышленники предпочитали брать русских рабочих как более выносливых. Поскольку, однако, китайцы занимались за мизерную плату, нередко со своими харчами, вскоре их труд на приисках стал использоваться весьма широко.

Одновременно с работами на приисках китайцы начали самостоятельно мыть золото в тайге, начиная с Хингана, а затем постепенно распространяясь по Амуру и его притокам. В лесах становилось все больше китайских охотников, сборщиков лекарственных трав.

На рубеже XIX—XX вв. потребителями китайского труда стали крупные стройки: Транссибирская железная дорога (1891—1916 г.), крепость-порт Владивосток. Вслед за казенными ведомствами китайских рабочих стали активно набирать частные предприятия. Увеличилось число торговцев. Массовой стала работа китайцев в качестве прислуги.

Нарастанию процесса миграции в Россию в немалой мере способствовал начавшийся в конце XIX в. экономический подъем Маньчжурии. В ответ на освоение Россией своих дальневосточных территорий цинское правительство, исходя из военно-стратегических соображений, отменило существовавшие прежде запреты на поселение китайцев в этом регионе и приступило к его организо-

ванной колонизации. Северо-Восток стал быстрыми темпами заселяться, одновременно превращаясь в базу для миграции через границу. В тот же период был дан зеленый свет и для колонизации Монголии. Освоение Маньчжурии и рост миграционных потоков в Россию были значительно ускорены благодаря предпринятому Россией строительству новой мощной транспортной системы — Китайско-Восточной железной дороги (1897—1903 гг.).

Российское правительство до конца 1870-х годов крайне отрицательно относилось к практике ввоза китайских кули в США и Латинскую Америку, приравнивая ее к работорговле. Император заявил: «Русские подданные, занимающиеся вербовкой и перевозкой китайских эмигрантов, не вправе рассчитывать на покровительство нашего правительства»⁹. Российские подданные, покупая суда, должны были давать расписку, что не станут заниматься перевозкой кули. Российским консулам в Китае вменялось в обязанность при попытке российского судовладельца взять на борт партию кули «задержать бумаги судна и немедленно донести о том в Петербург и Пекин»¹⁰.

Позже экономические интересы побудили российские власти дать согласие на импорт рабочей силы из Китая. Однако при этом российские чиновники, по крайней мере, некоторые из них, пытались, в меру своих сил, не допустить злоупотреблений, таких, как переполнение пароходов, везущих кули на заработки в Россию. Например, вице-консул в г. Чифу А. Островерхов отказывался выдавать капитанам «свидетельство о здравии» пассажиров, если на человека приходилось меньше нормы — 54 куб. футов. Он обратился к английскому коллеге с просьбой, чтобы тот последил за соблюдением английского закона о количестве пассажиров, однако получил вежливый отказ¹¹.

Китайские мигранты, в основном молодые люди, уезжали в Россию, как и в другие страны, гонимые безземельем и безработицей, в поисках заработка. По существу это был для них отхожий промысел, а сами они — типичными рабочими-отходниками. За сезон с марта по декабрь им обычно удавалось, сведя расходы к предельно скудному минимуму, скопить 150—300 руб. — в 2—3 раза больше, чем они могли бы заработать за то же время у себя на родине. Проработав один или несколько сезонов, они в массе своей возвращались на родину. Безусловным показателем текучести контингента китайских мигрантов был его половой состав, в котором женщины занимали ничтожную долю: молодые люди приезжали без семей и не обзаводились семьями.

В основном в Россию эмигрировали из Шаньдуна и Чжили, позже главным поставщиком рабочей силы стала Маньчжурия. Как правило, рабочие вербовались через китайских или русских подрядчиков, которые оплачивали в кредит их дорожные расходы. Крупнейшим центром вербовки был г. Чифу, откуда рабочие доезжали до Владивостока морским путем. Другие группы двигались в Россию через Маньчжурию, большей частью через Харбин, по железной дороге, на речных судах или даже пешком.

Невозможно точно установить численность китайского населения в Приамурье и Приморье в тот или иной период времени, поскольку систематический учет его не велся, в опубликованных цифрах имеются большие расхождения, а методика их вывода обычно неизвестна, подчас они взяты «на глазок». Тем не менее, некоторое, пусть и очень приблизительное представление о количестве китайцев цифры все-таки дают. Вопрос этот заслуживает специального внимания уже потому, что в массовом сознании ассоциируется с представлением о роли китайского труда в развитии Дальнего Востока, хотя на самом деле более существенными в этом случае являются показатели доли китайского участия в той или иной отрасли хозяйства.

В 1869 г., по материалам экспедиции генерала Соколова, общее число китайцев и маньчжуров в Приамурском крае (Амурская и Приморская области) составляло около 10 600 человек¹².

По переписи 1897 г. в России проживало 57 459 китайцев (включая дунган), в том числе на Дальнем Востоке и в Сибири — 41 112 человек¹³. Заметим, что перепись велась в зимнее время, т. е. охватывала ту иммиграционную массу, которая, «имея постоянный заработок, живет в крае целыми годами»¹⁴.

В 1910 г. на Дальнем Востоке, по местной статистике, насчитывалось уже 111 466 китайцев¹⁵.

По общему мнению специалистов, в действительности их было намного больше. Ниже мы попытаемся подсчитать, разумеется, очень приблизительно, численность китайцев на 1910 г. (в этот период она достигла пика) единственным доступным нам путем: экстраполируя некоторые частные данные на все китайское население. Мы сделаем это несколькими способами, опираясь на разные источники, чтобы получить результат, наиболее близкий к достоверному.

1. По соотношению кратковременных и долговременных мигрантов. Согласно подсчетам по косвенным данным (количество выданных виз, проданных железнодорожных и пароходных би-

летов), разница между количеством прибывших и уехавших китайцев за 1906—1910 гг. составила величину порядка 150 тыс. человек. По мнению автора этих подсчетов В.В. Граве, данное число и есть «тот приблизительный контингент китайцев, который, нужно считать, пребывает ныне в Приамурье в качестве прислуги, торговцев, чернорабочих и постоянно меняется в своем личном составе, проживающем в России от 1 до 5 лет сообразно профессии каждого из них»¹⁶. Фактически Граве, учитывая высокую мобильность китайской диаспоры, рассматривал эту величину как численность китайского населения на Дальнем Востоке, включив в нее и тех, кто иммигрировал в Россию нелегально. Число 150—200 тыс. рабочих называет и С.С. Шликевич¹⁷.

Очевидно, однако же, что в расчеты Граве не вошел некий остаток — китайцы, которые за указанные годы не выезжали на родину или выезжали, но в этот же пятилетний период и вернулись. В этот остаток должны были попасть коммерсанты, имевшие в России более или менее солидное дело; крестьяне — долгосрочные арендаторы и т. д. Граве пренебрег этим остатком, считая его, в соответствии с официальными данными, незначительным и ставя своей задачей определить численность китайцев хотя бы приблизительно. Заметим, что, по убеждению российских специалистов по Дальнему Востоку, китайские иммигранты, в отличие от корейских, в массе своей не проявляли любви к крестьянскому труду, предпочитая ему торговлю.

Действительно, не учтенный в расчетах Граве остаток не мог быть очень большим. В частности, это доказывается ничтожно малым количеством женщин: 4032 из общего числа 111 466 по местной официальной статистике, т. е. меньше 4 %. (По переписи 1897 г. на Дальнем Востоке и в Сибири проживали 38 791 мужчина и 2321 женщина, таким образом, женщин было 5,6 %¹⁸). Браки же китайцев с российскими женщинами, в том числе из аборигенов, были чрезвычайно редким явлением. Однако в литературе имеются и другие показатели, более высокие. Советский географ Г.М. Мевзос в 1920-х годах писал: «семейных, с семьями — «прочного» постоянного китайского населения края определяется тысяч в десять, т. е. примерно 20 % имеющегося в крае китайского населения»¹⁹. Количество женщин в то время, по его подсчетам, уже составляло 7 % китайского населения. В таком случае доля «прочной» части в китайском населении в 20-х годах также, вероятно, должна была бы быть несколько больше, чем в 1910 г. Примем, однако, что и в 1910 г. она была равна 20 %; тогда общая

численность китайского населения должна составить 150 тыс. (как считал Граве) плюс 20 % от этого числа, т. е. 180 тыс.

Теперь попытаемся подсчитать численность китайцев несколько по-иному: используя некоторые данные о соотношении между годовым сезонным отливом рабочей силы и величиной ее остающейся в России части. Так, по официальным данным, в Амурской области на 1 октября 1907 г. числилось 17 303 китайца, на 1 ноября того же года — 13 851 человек. Разница в 3452 человека объяснялась в документах местной администрации окончанием рабочего сезона²⁰. Пренебрежем тем обстоятельством, что отлив мог начаться и в сентябре. Отлив за октябрь составил 24,9 %, т. е. четвертую часть от оставшихся в стране 13 851 человека.

По оценкам Граве, в 1906—1910 гг. из России выехало приблизительно 400 тыс. китайцев, т. е. в среднем по 80 тыс. в год. Если допустить, что величина 24,9 % мало менялась из года в год, и экстраполировать ее на весь Дальневосточный регион, т. е. принять, что 80 тыс. — это четвертая часть всей китайской диаспоры, то в любой год указанного периода, в частности в 1910 г., вся ее численность составит в среднем 320 тыс. человек, а за минусом выехавших 80 тыс. — 240 тыс. человек.

Любопытно, что сходный показатель, близкий к 25 %, мы находим в другом месте и в другое время: в «Обзоре Приморской области за 1901 и 1902 гг.»²¹. Там отмечается, что во Владивостоке оставалось на зиму 2/5—3/4 того количества населения, которое насчитывалось в нем во время строительного сезона и навигации. С учетом этого показателя при 80 тыс. выехавших остаток, т. е. более или менее постоянное население, составил бы 135—240 тыс. человек.

(Этому расчету не противоречит сообщение приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова о том, что в 1899 г. в Приморье проживало 38 тыс. осевших китайцев и более 20 тыс. пришлых рабочих²². В этом случае количество осевших составляло 66 %, а количество выехавших — 34 % от общего числа проживавших китайцев).

2. По соотношению легальных и нелегальных мигрантов. Посчитаем теперь по-другому. Возьмем уже упоминавшиеся выше данные местной статистики — 111 446 человек. В это число входит стабильная часть китайского населения, но не входят, естественно, нелегальные иммигранты, и количество их неизвестно. Однако оценки специалистов того времени все-таки дают кое-ка-

кое представление об их численности. Так, А.А. Панов, явно не склонный преуменьшать число иммигрантов, считал, что в Приморской области в 1907 г. «число беспаспортных китайцев и корейцев составляет не менее 30 % проживающих по паспортам»²³. Допустим с запасом, что все 30 % — это китайцы. Тогда, увеличив официальное число 111 466 на 30 %, получим 150 тыс. человек — это как раз то количество китайцев, которое называет Граве.

Наконец, подсчитаем численность китайского населения, опять-таки как сумму легальных и нелегальных мигрантов, используя еще один источник. В.К. Арсеньев в одной из своих работ²⁴ приводит сведения о количестве зарегистрированных и незарегистрированных китайцев во Владивостоке и Никольске-Уссурийском в 1910 г. Зарегистрированных там оказывается соответственно 23 161 и 7356, незарегистрированных же, «по показаниям самих китайцев», — 30 тыс. и 10 тыс. человек. Иными словами, количество нелегальных иммигрантов составляет 131 % от легальных! Но даже при таких огромных процентах, допустив, что они справедливы для всего Приамурского края, суммарное количество китайцев окажется равным 111 466 плюс 131 % от этой величины, итого 257 486 человек.

В свете приведенных здесь расчетов нам представляется вполне обоснованным мнение Г.М. Мевзоса, писавшего в 1920-х годах относительно официальных данных о числе китайцев в 1910 г. — порядка 100 тыс. человек: «Если даже допустить (что вполне вероятно), что эти данные преуменьшены, то они все же должны быть значительно ближе к истине, чем цифры, говорящие о многих сотнях тысяч»²⁵. **Обобщая все сказанное выше, можно оценить численность китайского населения на российском Дальнем Востоке в 1910 г. не более чем в 200—250 тыс.** После 1910 г. она уже не росла ввиду вступления в действие законов, ограничивающих использование иностранной рабочей силы. Цифру, опубликованную в китайской прессе²⁶ (700 тыс. человек), мы считаем существенно завышенной.

Пришлое китайское население в основном сосредоточивалось в Приморской области. (Для справки: в 1859 г. Приамурский край был разделен на Амурскую и Приморскую области. В 1884 г. из состава Восточной Сибири было выделено Приамурское генерал-губернаторство, состоявшее из Забайкальской, Амурской и Приморской областей и Владивостокского военного губернаторства). В 1910 г., по сведениям генерал-губернатора Приамурского края П.Ф. Унтербергера²⁷, в Приморской области

проживало 60 586 китайцев, в Амурской — 31 872. Сходные цифры мы находим и у Граве²⁸: в Приморской области — 65 403 китайца, в Амурской — 32 740, в Забайкальской — 13 317. В одном Владивостоке проживало 29,8 тыс. человек китайской национальности. По сведениям китайского генконсула, китайцев насчитывалось в Приморье 80 тыс., из них во Владивостоке — 50 тыс.²⁹, т. е. 62,5 %. Согласно другому источнику, в 1916 г. во Владивостоке проживало 39 187 китайцев, что составляло 40,2 % жителей города. Это — максимально высокие показатели концентрации китайского населения из числа тех, которыми мы располагаем³⁰.

Как ни интенсивен был поток иммигрантов из Китая, в конце XIX — начале XX вв. он уже заметно уступал по масштабам процессу наполнения края переселенцами из европейской части России, проходившему в форме военной, казачьей, крестьянской, промышленной, наконец, пенитенциарной (т. е. за счет ссыльных) колонизации. По переписи 1897 г. в Амурской области проживало 11 160 китайцев (т. е. 9,2 % всего ее населения); в Приморской области — 31 157 китайцев (13,5 % ее населения). В 1910 г. доля официально учтенного китайского населения в основных областях его проживания была примерно такой же: в Приморской области — 12,5 %, в Амурской — 10,4 %. В целом же, если исходить из приведенных выше у В.В. Граве официальных данных и из самых скромных подсчетов числа российских подданных — 1,2 млн человек³¹, в 1910 г. она составляла 10—12 %. Аналогичные показатели выводятся и из данных Унтербергера.

Таким образом, в конце XIX — начале XX вв. официальная доля китайских мигрантов в населении края стабильно составляла 10—12 %. В действительности она была, очевидно, более высокой, но, как мы показали выше, вряд ли более чем в 1,5—2 раза.

Хозяйственная деятельность китайской общины в начале XX века

Существенно, однако, что китайское меньшинство едва ли не на все 100 % было самодеятельным, т. е. состояло из работающих людей. Поэтому его доля в самодеятельном населении края была явно более значительной, чем в совокупном населении. С достаточным, надо полагать, основанием «авторы конца XIX — начала XX веков, так или иначе писавшие о китайцах на

русском Дальнем Востоке, как бы ни относились к их присутствию, все отмечали их исключительную роль в экономической жизни Приамурья»³². Участие китайцев в большинстве секторов хозяйственной жизни края отражено в статистике.

Китайские рабочие составляли подавляющее большинство в сфере неквалифицированного физического труда. Вместе с тем они преобладали и во многих других рабочих профессиях, как-то: плотники, столяры, каменщики, печники, кровельщики, маляры и др. В 1910 г. в Приморской и Амурской областях на казенных и частных предприятиях трудилось свыше 105 тыс. рабочих, из них китайцев — 42 535, или 41 %³³. В Приморской области только на казенных работах в 1906—1910 гг. в среднем ежегодно трудилось 18 379 русских рабочих (19,3 %) и 76 975 иностранных (80,7 %), в том числе, если брать самые многочисленные профессии, чернорабочих соответственно 7268 и 32 077, плотников 5269 и 20 304³⁴ человек.

Иностранные рабочие — это в подавляющем большинстве китайцы. Рабочих-японцев было ничтожно мало, количество корейских рабочих сопоставимо с китайскими только в золото-промышленности и только до 1908 г., когда начали действовать особые запрещения для корейцев. После этого доля китайских рабочих на золотых и платиновых приисках стала стремительно расти и в 1910 г. достигла 82,3 % (20 022 человека) против 17,0 % русских (4136 человек) и 0,7 % корейских (150 человек)³⁵. В начале XX в. дешевый китайский труд, по мнению некоторых экспертов, оказался буквально спасением для находившейся в кризисе золотодобывающей промышленности.

Труд китайских рабочих широко использовался на угольных шахтах, свинцово-цинковых рудниках, в каменоломнях, а также на лесозаготовках, на предприятиях по металло- и деревообработке, на кирпичных заводах, в рыбной и мукомольной промышленности³⁶.

Китайские рабочие не только довольствовались меньшей оплатой и самыми примитивными бытовыми условиями. Они обладали также трудолюбием, дисциплинированностью, старательностью, не были подвержены пьянству. Между тем, с российской стороны в чернорабочие долгое время вербовались ссыльные, бывшие каторжники, люмпенизированные золотоискатели и т. п. «То были не рабочие, то был пролетариат», — писали в одном из документов владивостокские предприниматели³⁷. Да и таких рабочих не хватало. Лишь в начале XX в. постепенно стал форми-

роваться новый контингент рабочих, ориентированный на добросовестный труд. В 1911 г. группа правительственных экспертов, проведя на местах изучение мнений, надо сказать, весьма разноречивых, о достоинствах и недостатках «желтых» и «белых» рабочих (достоинства вторых — большая физическая сила, инициативность, отсутствие губительной склонности к опиумокурению и азартным играм), пришла к выводу: «Противопоставление китайского труда русскому как экономически более выгодного не находит себе оправдания в действительности»³⁸.

Тем не менее, в промышленности края китайский наемный труд был преобладающим. Однако компетентный анализ показывал, что использование китайского труда приносило российской стороне не только очевидную пользу, но и серьезный ущерб. Так, комиссия Горного департамента, изучавшая использование китайского труда в сфере золотодобычи, отмечала среди его негативных последствий: хищническую эксплуатацию россыпей; вытеснение с приисков русских рабочих, которым оставалось только уходить в тайгу на нелегальное старательство; утайку и скупку золота, которое затем уплывало в Китай³⁹.

Заметное место занимали китайцы в торгово-предпринимательской сфере. В 1910 г. в Амурской и Приморской областях имелось 5958 русских торговцев, 3393 китайских (56,9 % от числа русских), 232 корейских и японских. Промышленников было: русских — 1013, китайских — 874 (86,2 % от числа русских), корейских и японских — 292. Торговцев и промышленников вместе: русских — 6971, китайцев — 4267 (61,2 % от числа русских), корейцев и японцев — 514⁴⁰.

Среди китайских предприятий доля мелких и средних была выше, чем среди русских, что хорошо видно из сопоставления размеров оборота тех и других: оборот русских предпринимателей 949,14 млн руб., китайских — 25,26 млн руб. (2,6 % от оборота русских), корейских и японских — 7,45 млн руб. (0,9 %)⁴¹.

Однако эти цифры не отражают реальной значимости китайского сектора в торговле. Между крупными и средними китайскими и русскими торговцами (крупных китайских коммерсантов было немного) существовала, можно сказать, здоровая конкуренция, побуждавшая тех и других к выгоде населения снижать цены. Что же касается китайской мелкой и разносной торговли, очень плохо, кстати сказать, подававшейся учету, то она, по общему мнению российских специалистов, имела целый ряд осо-

бенностей, которые давали ей серьезные преимущества перед русской.

Особенности китайской торговли заключались в следующем: широкое кредитование мелких фирм крупными; тактика ускоренного оборота, пусть даже за счет меньших прибылей; минимальные накладные расходы на жалование служащим и т. п.; участие служащих в прибылях предприятия; систематическое уклонение от налогов; контрабандный ввоз товаров из Китая; сбыт некачественных товаров, нечестная торговля. Благодаря всему этому китайские мелкие торговцы, в том числе торговцы «в развоз» и «в разнос», с успехом теснили своих конкурентов и даже захватывали монопольное положение, образовав чрезвычайно разветвленную сеть, которая обслуживала население края даже в самых глухих его таежных уголках.

В китайском промышленном предпринимательстве особое место принадлежало водочному (*ханшинному*) производству. Российское правительство еще в 60-х годах XIX в. признало ханшин особо вредным для здоровья и запретило его производство и ввоз, однако его подпольное изготовление в китайской общине продолжалось. Власти уничтожали ханшинные заводы и конфисковали их продукцию, но на той стороне границы самогон варили в неограниченных количествах, и подданные обеих империй провозили его через границу контрабандным путем⁴². Встречным потоком из Уссурийского края в Китай шел опиум: производство его в России не было запрещено, мак выращивали все — и китайцы, и русские. Обширные площади засеивались маком, подчас в ущерб зерновому земледелию.

В транспортном хозяйстве края видную роль играл китайский (и корейский) парусный каботаж. Во многих случаях он был единственным средством пассажирского и грузового сообщения, и российское правительство, стремившееся ограничить иностранное судоходство, тем не менее, было вынуждено мириться с его существованием. Отчасти расцвет китайского судоходства объяснялся несовершенством российского законодательства: по положению, принятому в 1903 г., русские судовладельцы обязаны были нанимать в экипажи только русских, а это было невыгодно или даже невозможно: русских матросов не хватало, а зарплата их была выше, чем китайских.

Иностранной паровой каботаж уступал российскому, поскольку суда, принадлежавшие иностранцам, облагались довольно высоким налогом, но правило «на русских судах — русские

экипажи» позволяло выживать и ему. В 1910 г. иностранный каботаж был запрещен, однако фактически продолжал существовать, хотя и в меньших масштабах. Подчас для сохранения своего промысла хозяева использовали в качестве «судовладельцев» подставных лиц из числа российских подданных.

Нельзя не отметить роли китайского населения в развитии земледелия, в частности огородничества.

По мере хозяйственного освоения края китайские иммигранты стали оседать на пригодных для обработки землях в речных долинах, заниматься огородничеством в окрестностях городов. Процесс этот шел стихийно, постепенно нарастая. В конце XIX в. в Уссурийском крае «постоянно могли находиться около 20 тыс. китайцев, занимавшихся земледелием»⁴³. Однако с 80-х годов XIX в. в связи с увеличением числа крестьян — переселенцев из европейской части России власти начали выселять китайских крестьян с занятых ими земель. Выселение продолжалось до 1906—1907 гг. Законность его не вызывала сомнений, поскольку китайские земледельцы действовали самовольно, без санкции российской администрации.

О том, как происходило выселение, можно судить хотя бы по докладу генерал-губернатора Восточной Сибири в столицу в 1883 г.: «Когда по серьезным причинам новые поселения желательно водворить на земли, уже занятые китайцами, местная полицейская власть разбирает права последних на занятие участков, и если эти права недостаточны, то можно удалить китайцев не иначе как с Вашего, каждый раз, разрешения, по зрелом обсуждении дела, дозволив им беспрепятственно снять посеянный хлеб и овощи, перевезти постройки и проч.»⁴⁴. Как свидетельствуют документы, местные власти, будучи заинтересованы в том, чтобы не доводить дело до волнений, предоставляли китайским земледельцам отсрочки, принимали меры к обеспечению сохранности их имущества.

Цинское правительство возражало против выселения своих подданных, ссылаясь на текст Пекинского договора, гласивший, как мы уже отмечали выше: «Если бы в вышеозначенных местах (т. е. на российской территории. — *Авт.*) оказались поселения китайских подданных, то русское правительство обязуется оставить их на тех же местах и дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами»⁴⁵. Российская сторона считала эту аргументацию несостоятельной: во-первых, право заниматься этими промыслами «распространяется только на тех китайцев,

которые жили в Южно-Уссурийском крае (в данном случае дипломатическая переписка касалась именно Южно-Уссурийского края. — *Авт.*) в эпоху заключения Пекинского договора, а их тогда было весьма мало, и, во-вторых, рыбные и звериные промыслы не имеют ничего общего с земледелием»⁴⁶.

Оставшись без земли, часть крестьян вернулась на родину, часть ушла в поисках работы в города, часть пошла к российским казакам и крестьянам в наемные работники или арендаторы, став «главным поставщиком рабочих рук» в земледелии. Китайский труд именно в таких формах был характерен для сельского хозяйства Амурской области, тогда как в Приморье преобладал корейский труд.

Примечательно, что в сельском хозяйстве края бок о бок сосуществовали две разные системы полеводства: русская, перенесенная из европейской части страны, и китайская, лучше приспособленная к местным условиям (высокие грядки, перепахивание междурядковых промежутков, использование особых сортов, чередование культур) и потому считавшаяся среди российских специалистов «высшей ступенью сельскохозяйственной культуры»⁴⁷. Китайцы выращивали чумизу, бобы, кукурузу, мак, а также овощи и занимали господствующее положение на рынке сельскохозяйственной продукции, продавая и собственную продукцию, пользовавшуюся большим спросом по обе стороны границы, и «русское» зерно. Специалисты неоднократно отмечали «полезность введения в русское хозяйство китайской культуры»⁴⁸, однако русские и украинские крестьяне-переселенцы осваивали ее очень медленно. Это объяснялось рядом причин: во-первых, особой трудоемкостью китайской агротехники; во-вторых, покровительственной политикой правительства, стремившегося помочь переселенцам с помощью завышенных цен на зерно и субсидий; в-третьих, консерватизмом самих переселенцев, логично проистекавшим из первых двух причин и из высокомерного отношения к «желтым».

Значительное количество китайцев промышляло в тайге охотой, звероловством, сбором женьшеня и других лекарственных трав. В Уссурийском крае главными организаторами добычи пушного зверя, прежде всего соболя, были крупные китайские фирмы. Их агенты открывали пункты, откуда снаряжали охотников на соболя из числа китайцев и коренного местного населения. Агенты поделили между собой всю территорию края, так что каждый охотник мог сдавать свою добычу лишь одному

агенту. Многие китайцы-земледельцы занимались и охотой. В 1899—1900 гг. в крае насчитывалось около 50 тыс. охотников-китайцев и аборигенов, работавших на китайцев.

Таким образом, разнообразная, имевшая весьма широкие масштабы хозяйственная деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке приносила двойные результаты. Китайский труд активно использовался в освоении края, фактически во всех сферах его экономики. Однако деятельность китайских мигрантов — мы об этом уже упоминали в отношении наемного труда в промышленности — с российской точки зрения, имела не только положительные, но и серьезные теневые стороны.

Во-первых, при всей обширности российского Дальнего Востока, малочисленности его населения, нехватке рабочих рук и обилии природных богатств сосуществование там российского и китайского населения сопровождалось постоянной хозяйственной конкуренцией между ними. В ней участвовали различные слои населения: рабочие на приисках, на строительных и погрузочно-разгрузочных работах (случалось, дело доходило до драк), крестьяне, торговцы, охотники. Первое время после заключения Айгуньского и последовавших за ним договоров борьба принимала весьма острые формы, вплоть до применения силы, примером чему может служить так называемая «манзовская война»: в 1868 г. большая группа китайских старателей, удаленная с золотых приисков в заливе Петра Великого, стала совершать налеты на русские селения, пока не была разбита отрядом регулярных войск.

В последующие годы конкурентная борьба ограничивалась умеренными формами. А в несиловой борьбе китайцы благодаря своей лучшей организованности, лучшему знанию местных условий, использованию незаконных приемов, наконец, благодаря более низким жизненным стандартам нередко теснили своих российских конкурентов.

Попутно нелишне упомянуть, что экономическая и социальная конкуренция — борьба за лучшее место под солнцем — имела место также между китайскими и корейскими иммигрантами. Судя по архивным материалам, конкуренция носила отнюдь не цивилизованный характер, а китайцы обычно выступали в качестве активной, наступающей стороны. Описаны случаи, когда китайцы захватывали корейские поля, изгоняли корейцев из мест, богатых рыбой, и т. п. Впрочем, во взаимоотношениях двух диаспор соперничество переплеталось с толерантностью, взаимо-

помощью. Так, в голодные 1869—1870 гг. китайцы, очевидно, из гуманных соображений приютили у себя несколько корейских семей — но затем не захотели отпускать их «жен, девушек и детей»⁴⁹. Корейцы искали защиты у местной администрации. Выселением китайцев с отобранных ими у корейцев земель занимались и губернатор Восточной Сибири Фредерикс в 70-х годах XIX в., и Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер в начале XX в.

Во-вторых, китайцам ставили в вину хищническую добычу, фактически — разграбление природных богатств края, его полезных ископаемых (золота), ценных пород животных и растений. За год они вылавливали тысячи соболей — благодаря умелой организации дела китайцы оказались «добычливее» своих конкурентов⁵⁰. В условиях полной безнадзорности таежные богатства добывались самыми варварскими способами (ради особых грибов валили вековые деревья), выгребались подчистую, чем наносился непоправимый ущерб животному и растительному миру края. Примитивные способы разработки золотых россыпей вели к их быстрому выходу из строя.

Нелегально добываемые богатства контрабандным путем уходили через границу в Китай⁵¹.

В-третьих, как отмечали специалисты, из российского оборота изымалось и уплывало в Китай все, что китайские отходники зарабатывали: они делали покупки исключительно у своих соотечественников. По оценкам, ежегодные потери от вывоза денег составляли до 20 млн руб.⁵² Генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, имея в виду утечку за границу не только законных заработков, но и нелегально добываемых и скупаемых природных богатств (золота, пушнины и т. д.), утверждал, что китайская эмиграция, «высасывающая государственные и народные средства, ничего, кроме вреда, не приносит»⁵³.

В-четвертых — пусть это и не самое важное — наличие дешевой, неприхотливой рабочей силы, будучи существенным благоприятным фактором экономического развития, в то же время в ряде случаев действовало развращающим образом на тех, кто ее эксплуатировал — хотя, разумеется, нравственная ответственность тут лежала на самих эксплуататорах, и только на них. Это касалось крестьян и казаков, сдававших землю в аренду или даже в подаренду китайским крестьянам. Хозяева земли при этом нередко превращались в рантье, ведущих паразитический образ жизни вместо того, чтобы становиться, как того ждали от

них, «пионерами российской государственности». Российские администраторы и специалисты резко осуждали это явление⁵⁴.

Теневые стороны дешевого китайского труда давали о себе знать и в золотопромышленности. «Китайские рабочие, — писал А.А. Панов, — выгодны главным образом для тех золотопромышленников, которые приступают к реальным делам без капитала, без знаний, без заботы о месторождении и о рабочих, с единственной целью — нажиться. Между золотопромышленниками и рабочими возникает непозволительная борьба изобретательности во взаимном обмане, обсчитывании и других безнравственных приемах, понижающих и без того невысокий уровень порядочности таежных нравов»⁵⁵.

Нужно подчеркнуть, что способность китайской диаспоры в нелегкой борьбе отвоевывать себе место под солнцем, используя для этого все возможные средства, отнюдь не означала ее процветания, если, конечно, говорить об основной ее массе, а не о верхушке. Зарплата китайских рабочих, как правило, была ниже, чем у русских, иногда даже в 2 раза, а на приисках она подчас едва превышала прожиточный минимум. При расчете с китайских рабочих на приисках удерживали значительную часть заработка, случалось, до 70 %⁵⁶. Причем китайских рабочих жестоко эксплуатировали не только русские хозяева, но и китайские же подрядчики. Известны случаи, когда из установленной русским нанимателем зарплаты в 1 руб. 25 коп. в день подрядчики выплачивали рабочим лишь по 10 коп.

Китайские рабочие жили в невероятной скученности, в ужасающих антисанитарных условиях. Нельзя сказать, чтобы эти условия заметно отличались в худшую сторону от того, что было привычно в то время для самого Китая. Попытки администрации Благовещенска, Хабаровска и других городов в меру имеющихся средств навести у себя чистоту встречали непонимание и стойкое неприятие у китайского населения, что вынуждало городские власти отводить на окраинах специальные участки для поселения там китайцев — китайские кварталы, запрещая китайцам проживание за их пределами⁵⁷. В России, однако, положение обитателей китайских кварталов усугублялось тем обстоятельством, что многие из них проживали в чужой стране нелегально, без паспортов (о чем подробнее речь пойдет ниже). Описывая санитарное состояние Владивостока в 1901—1902 гг. и рассказывая о его китайском населении, автор отчета с горечью восклицал: «Легко представить себе, как должны изошряться не-

счастливые рабочие в том, чтобы скрыть и тяжелые болезни среди них (из боязни всеобщей проверки паспортов у артели), и самую смерть кого-либо (особенно беспаспортного, а если был у умершего паспорт, то он годится другим)...»⁵⁸. Отсюда возникали такие невероятные для цивилизованного мира явления, как «утайка больных и выбрасывание умерших».

Ко всему этому добавлялись различные бытовые проявления расовой дискриминации: высокомерное отношение и грубое обращение с китайцами со стороны местных жителей и нижних чинов администрации, избиения китайцев русскими рабочими, видевшими в них конкурентов, и т. п. Среди части обывателей жизнь китайца ценили недорого.

Ради справедливости необходимо, однако, отметить, что расовая неприязнь к китайцам ни в коем случае не была всеобщим явлением. «Общим правилом, — вспоминал один из мемуаристов, — нужно признать скорее дружеское отношение к ним со сторон русского населения»⁵⁹. Демократически настроенная российская интеллигенция относилась к китайским труженикам с искренним сочувствием. Из очерков и статей, публиковавшихся в прогрессивной печати, хорошо видно, что ее гуманизм не делал различия между обездоленными русскими и китайцами⁶⁰.

Правительство не останавливалось перед самыми строгими мерами, чтобы обеспечить соблюдение законов в отношении китайцев. Так, в 1882 г. за убийство пяти китайских подданных («манз») с целью их ограбления преступники-казаки были преданы смертной казни, о чем было объявлено по войскам Приморской области⁶¹. И это был не единственный случай самого сурового отношения к преступникам, нападавшим на китайцев. Для российского правительства было тем более важно обеспечить китайцам правопорядок, что преступления против них сказывались не лучшим образом на атмосфере российско-китайских взаимоотношений. В 1883 г. российский посланник рекомендовал из Пекина: «Как в интересах правосудия, так и ради сохранения наших добрых отношений с Китаем предложить нашим властям относиться с большей бдительностью и рвением» к расследованию преступлений на российской территории, жертвами которых оказались китайцы⁶². Рекомендация была вполне оправданной не только в политическом, но и в самом конкретном хозяйственном смысле: российское население на Дальнем Востоке находилось в зависимости от привозимого из Китая продовольствия и даже сена. Однако при слабости и правоохра-

нительной, и пограничной службы на Дальнем Востоке правительство мало что могло сделать в этом отношении.

Нелишне отметить и другое: в том, что касалось дискриминации китайских иммигрантов, Россия отнюдь не выглядела нарушителем общепринятых в том время норм. Китайские кули, востребованные за рубежами своей страны именно из-за дешевизны собственного труда, изначально были поставлены в неравное положение с местным населением всюду, куда бы они не приезжали. В странах Вест-Индии, Латинской Америки они попадали в невыносимые условия, превращаясь фактически в рабов. На Гавайях дело доходило до китайских бунтов⁶³. Подвергались они дискриминации и в США, где сталкивались с расистскими настроениями и были вынуждены мириться с пониженной зарплатой, удлинённым рабочим днем и т. п.⁶⁴ В положение людей низшего сорта попадали, разумеется, и представители других национальностей. Достаточно напомнить о российских рабочих, эмигрировавших в США в начале XX в. Интересно отметить, что миграция их шла и с Дальнего Востока. Автор одной из работ, относящихся к тому времени, с возмущением писал о том, как «американские агенты Перельструз, Аткинсон и Кашинский тысячами увозили русских рабочих с Дальнего Востока, а иногда даже и интеллигентов, с женами и детьми на Гавайские острова, соблазняя их обманными широковещательными рекламами и фактически обращая, за незнанием английского языка и отсутствием денег на обратный проезд, в рабство, между тем что в одной Приморской области свыше трех тысяч человек безработных»⁶⁵.

Китайская диаспора — источник повышенной опасности?

Признавая важность труда китайцев на Дальнем Востоке для развития края, российское правительство и общественность в то же время испытывали растущие опасения, как бы в результате «наплыва» китайцев, корейцев и японцев не утратить, в конце концов, власть над этой отдаленной окраиной империи (так называемый желтый вопрос. Заметим, что термин «желтый», свободно употреблявшийся в то время и в литературе, в том числе демократической, и в деловой переписке, сам по себе не имел никакой расистской окраски. Он просто обозначал людей одной из рас, и ничего больше. Расистским, шовинистическим он становился только в устах шовинистов).

Опасения такого рода появились уже в 70—80-х годах XIX века. Первый же глава образованного в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства Корф, выражая тревогу в связи с «наплывом» при слабости российской администрации, ввел ряд мер для его сдерживания. В 1886 г. китайцам и корейцам было воспрещено селиться в приграничных местностях. Несколько ранее, в 1884 г. были приняты правила выдачи китайским подданным видов на жительство — так называемых русских билетов. Все китайское население было поделено на две категории: те, кто проживал в России до 1860 г., получали бессрочные билеты; прочим разрешалось пересекать границу только в установленных пунктах, где им визировали китайские паспорта, а затем в течение месяца они обязаны были получить «русский билет».

В том, что опасения, а вслед за ними и ограничения в первую очередь относились к китайцам, не было ничего удивительного: китайцев было в несколько раз больше, чем корейцев (которых насчитывалось 38 тыс. в 1910 г.), не говоря уже о японцах (4,5 тыс.)⁶⁶, они считались более предприимчивыми и напористыми, чем корейцы, а, главное, за их спиной стояла огромная страна, которая вела территориальный спор с Россией не один век. Эти опасения особенно усилились после поражения России в войне с Японией в 1905 г., когда авторитет российской власти на Дальнем Востоке упал до катастрофически низкой отметки и среди китайцев приобрели популярность представления о том, что именно они являются настоящими хозяевами края.

Одним из основных источников тревоги для российской стороны служило превалирование или, по крайней мере, высокий удельный вес китайцев в ряде ведущих отраслей хозяйства Дальнего Востока в соединении с растущей численностью китайского населения в крае. Произвести более или менее полный подсчет ее, как мы уже говорили, было невозможно, однако «на глаз» она в некоторых пунктах края приближалась к русской, а то и превосходила ее, что было особенно заметно в период массового притока отходников из Китая на сезонные работы. Китайский труд занимал сильные позиции в массовых профессиях, связанных с физическим трудом в городе и деревне, с мелким и мельчайшим предпринимательством в сфере обслуживания и промышленности. Крестьян было сравнительно немного, однако их попытки укоренения, сначала в качестве фактических землевладельцев, затем — долгосрочных арендаторов или даже много лет живущих на одном месте батраков воспринимались с подозрением. У россиян

из массовых занятий оставались военная служба и отчасти земледелие. На базе остальных профессий, находившихся в руках у русских (это были чиновники, врачи, адвокаты и т. п.), население края сколько-нибудь значительно расти не могло.

В экономическом соревновании с китайцами, действовавшими, как мы отмечали выше, и законными, и незаконными способами, русские явно проигрывали. «Во время путешествия по Амурской области только и слышно, что все русские разоряются, и на естественно возбуждаемый вопрос, кто же богатеет, всегда получается стереотипный ответ: китайцы», — отмечалось в одном солидном труде⁶⁷ в 1910 г.

Помимо возрастания доли «желтого элемента» в сфере экономики и демографии, глубокую озабоченность, а точнее, возмущение тех, кто был знаком с ситуацией на Дальнем Востоке, вызывала безграничная власть китайских купцов над малыми таежными народностями, которых они, пользуясь их темнотой, держали в кабале и жесточайшим образом эксплуатировали.

Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти в докладной председателю совета министров В.И. Коковцеву писал в 1912 г.: добравшись до стойбищ, китайские купцы «дают полную волю своим алчным инстинктам»: они спаивают аборигенов, приучают к опиуму, продают им втридорога товары самого низкого качества. Они поделили между собою районы поселения инородцев и строго оберегают свои владения от посторонних. Продавая в долг порох, одежду, съестные припасы, они берут огромные проценты, закабаляют таким образом инородца, и это «оканчивается нередко продажей его с семьей в рабство или смертью в тайге от голода»⁶⁸.

Примерно так же вели себя и российские купцы. Однако они, по крайней мере, не доходили до таких крайностей, какие позволяли себе китайские: «отбирание детей у матерей, насильная продажа жен, наказание плетьюми, бесчеловечные пытки и увечья»⁶⁹ и даже казнь посредством самых варварских способов. Похоже, и эксплуатация не переходила в беспредел. В 1902 г. исполняющий должность Приамурского генерал-губернатора Белевский докладывал: «Ушедшие во время военных действий (восстания ихэтуаней в 1900 г. — *Авт.*) китайцы снова и при том в большом числе появились ныне в инородческих стойбищах по нижнему течению Амура, экономически закабаляя инородцев, материальное положение которых за время отсутствия китайцев значительно поправилось, при чем у них появилось лучшее ору-

жие, мука, белье из русского ситца, некоторые юрты оборудованы даже железными печами... Китайцы ослабляют русское влияние на инородцев... С появлением китайцев гольды изменили свое доверчивое отношение к школе, установившееся за время отсутствия китайцев»⁷⁰.

Китайские купцы, со своей стороны, заставляли орочей и гольдов строить школы и отдавать туда своих детей. Даже в конце XIX в. малолетних — и не только малолетних — таежных жителей убеждали, что их верховным владыкой является китайский император. И это было не так уж далеко от истины. Генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер отмечал в своих трудах: «Не ограничиваясь торговлей с инородцами, обитавшими на наших землях, китайцы стремились сохранить и долгое время с успехом сохраняли и административное влияние на них, как это было до присоединения к нам края. Выражалось это в том, что китайские найоны (чиновники) ежегодно приезжали в инородческие стойбища, собирали дань пушниной и чинили суд и расправу... Затем, когда административная власть в области окрепла, нормальный порядок вещей был восстановлен, причем в нескольких случаях, когда найоны не хотели этому подчиняться, приходилось принимать крутые меры»⁷¹.

Другим поводом для постоянной головной боли у российских должностных лиц было так называемое «внеземелье» китайской диаспоры: она воспринималась в России как инородное образование, плохо подчиняющееся российским законам, живущее недоступной для посторонних взоров и малопонятной внутренней жизнью и не поддающееся ассимиляции. Характерно, что многочисленные члены диаспоры не испытывали необходимости обращаться к российским властям для решения своих внутренних проблем. Во всяком случае, китаец никогда не подавал в российский суд иска к китайцу, хотя еще в 1883 г. был принят закон о подсудности китайцев российским судам.

Российские власти мало что знали о системе управления в китайской диаспоре. Было известно, например, что у китайских крестьян в каждой речной долине существовала своя община с выборными старшинами и собственными суровыми законами. Во многих местах с разрешения властей существовали китайские общества (подробнее о них мы будем говорить ниже). Обо всем остальном можно было только догадываться по отрывочным фактам, и это остальное рисовалось властям в виде некой нелегальной структуры, так или иначе объединяющей все силы диас-

поры с целью укрепить ее положение перед лицом русской части населения.

Независимость китайской массы от российских законов особенно наглядно, пожалуй, проявлялось в том, что она обитала в России фактически вне паспортного контроля. Тайный переход границы считался обычным делом, и множество китайцев жили в стране вообще без всяких паспортов, на нелегальном положении.

Механизм возникновения этого феномена прекрасно описали китайские же купцы, доказывая российским властям неэффективность установленных для китайцев паспортных правил и добиваясь их смягчения, с тем чтобы в этом отношении уравнивать китайцев с японцами. Паспорта «продают в Чифу содержатели гостиниц, которые заблаговременно приобретают их у китайских властей на вымышленные имена. Пароходовладельцы приобретают такие паспорта для своих пассажиров... Билеты эти пароходовладельцы не выдают на руки пассажирам, а держат у себя до прихода в порт назначения. Но и здесь опять-таки пассажирам этих документов не дают, а передают в руки специальному подрядчику, содержимому пароходной кампанией. Если же пассажир хочет непременно получить паспорт на руки, то должен заплатить подрядчику 30 центов и, кроме того, представить ручательство за себя какого-нибудь постоянного двора; только после этого выдается паспорт, но и тот с вымышленной фамилией. Если пассажир не хочет выкупить себе паспорта у подрядчика, то документ этот продается подрядчиком какому-нибудь другому лицу»⁷².

Прибыв в Россию со своим (или чужим) национальным паспортом, китаец был обязан, как мы уже говорили, в течение месяца получить здесь российский вид на жительство — «билет», заплатив за это особый сбор. Нужно ли говорить, что множество китайцев предпочитало уклониться от «выборки билетов», коль скоро власти не имели возможности принудить их к этому? В итоге проживание по чужим или поддельным паспортам получило широчайшее распространение, и дальневосточная администрация, несмотря на многочисленные «облавы и охоты» на беспаспортных, имела лишь самое смутное представление о том, сколько китайцев на самом деле находилось на территории края и кто из них чем занимался.

Взаимной отчужденности живших бок о бок китайцев и русских в известной мере способствовало глубокое различие цивилизаций, к которым они принадлежали, включая языковые различия. Сказывалось и свойственное носителям великих цивилиза-

ций (а в определенных случаях — и не только великих) внутреннее чувство превосходства, которое со стороны россиян проявлялось открыто, а в китайской среде существовало в латентном виде как психологическая компенсация за неравноправное положение. Из-за низкого культурного уровня как иммигрантов, так и значительной части их российских соседей между ними отсутствовали культурные контакты. Если брать межцивилизационные отношения между двумя народами в целом⁷³, в них явно выделяется и другой слой, более высокий, интеллектуальный, отличавшийся взаимным интересом, взаимным познанием культур. Однако в повседневной дальневосточной реальности соприкосновение двух народов практически исчерпывалось первым, низким уровнем, на котором цивилизационные различия оказывались непреодолимым барьером. Отчуждение усиливалось и благодаря распространенному среди российских жителей убеждению в особой стойкости желтой расы, при смешении кровей не поддающейся ассимиляции, а, наоборот, подчиняющей себе белую расу.

Все эти стороны жизни и деятельности китайской общины, затрагивавшие так или иначе интересы российского населения, суммируясь, создавали устойчивое представление о «китайском засилье» и бессилии собственных властей и далее о том, что рано или поздно дело вполне может обернуться плавным переходом российского Дальнего Востока в китайские руки, даже если по названию он останется российским.

Выражая мнение авторитетных политических кругов, известный военный деятель генерал Куропаткин писал в начале XX в.: «Исторически Россия и Китай двигались в Сибири навстречу друг другу, пока не разделили всю местность, находившуюся между ними... Ныне огромная эмигрантская волна... перекачивается через границу и смешивается в Приамурье и особенно Уссурийском крае с русским населением, создавая для него конкуренцию во всех видах труда. Если бы упразднить русско-китайскую границу и допустить свободное передвижение в Сибирь китайцев на равных с русскими правах — сибирские местности могли бы в короткое время окитаиться, а русские стали бы выселяться за Урал»⁷⁴.

Существовали и другого рода тревожные ожидания, связанные с закрытостью китайской общины и касавшиеся ее роли в возможных будущих событиях: на китайцев зачастую смотрели как на «разведчиков» или «проводников» потенциального вражеского войска — ведь, благодаря безалаберности властей китайцам доверяют, скажем, строить укрепления и ставить мины во Влади-

востоке. «В места, куда русского офицера не допустят никоим образом, китайцы проникают вполне свободно»⁷⁵. Рядовому обывателю представлялся вполне вероятным драматический вариант всеобщего восстания китайцев по единому сигналу и превращения их в «тыловое войско». Более искушенные в политике специалисты видели опасность в том, что при определенных условиях рядовой конфликт на бытовой почве, скажем, драка между китайскими и русскими рабочими, может спровоцировать эскалацию враждебности и вывести ее уже на межгосударственный уровень: «национальные страсти — вне расчетов». Местная администрация опасалась, что роковую роль может сыграть превращение китайского труда в орудие Пекина: массовое возвращение китайцев на родину по его призыву вызвало бы катастрофу в хозяйственной жизни края; с другой стороны, если Китай усилится, удаление китайских подданных с российской территории вопреки его воле станет невозможным.

Страхи относительно того, что китайская община способна превратиться в грозную неуправляемую стихию, особенно наглядно — более того, трагично — проявились в 1900 г., когда Китай потрясло крупнейшее в его истории восстание ихэтуаней, направленное против иностранного гнета. Восстание взбудоражило и российскую часть приграничного населения, и китайскую общину, внеся крайнюю напряженность в отношения между ними. Приамурский округ был переведен на военное положение. Ожидалась осада Владивостока. Многие стали смотреть на китайцев со злобой, как на опасных врагов, а местами даже чинить расправы над ними. В этой обстановке в Благовещенске разыгралась драма, о которой имеет смысл рассказать подробнее.

В самом начале июля за Амуром напротив Благовещенска появились войска восставших. Они обстреляли российские суда, заявив при этом, что река теперь закрыта для их плавания, а затем начали бомбардировать город из орудий. Повстанцы совершили также несколько набегов на казачьи посты на российской стороне Амура. За несколько дней до того из Благовещенска была отправлена в Маньчжурию половина гарнизона, и горожане чувствовали себя беззащитными перед ожидавшимся военным натиском из-за реки.

К этому времени в России уже знали о варварских расправах ихэтуаней с христианами в Китае. Уже начались нападения китайских отрядов на КВЖД с жертвами среди российского персонала, поджогами и грабежами, и к концу июня большая часть

железной дороги перешла в руки повстанцев. Было известно, что Хэйлунцзянский губернатор Шоу Шань «был самым горячим представителем той части китайского общества, которая хотела уничтожить значение России на Амуре, смотря на северные берега этой реки как на исконное достояние Небесной Империи»⁷⁶. Хорошо вооруженные части, начавшие боевые действия под Благовещенском, скорее всего, представляли собой отряды правительственных войск: в Маньчжурии под знаменами ихэтуаней имели место «не народные стихийные выступления, а велась организованная антииностранный борьба, подготовленная местными властями, осуществляемая провинциальными воинскими частями»⁷⁷. В это же время в Благовещенске в китайском квартале были найдены подстрекательские прокламации ихэтуаней с призывами поджечь город. Китайские предприниматели наскоро ликвидировали или бросали свои дела и переправлялись на правый берег Амура. Уходили туда и крестьяне, и прислуга. Неясно было, что ими движет: опасение за свою жизнь или желание присоединиться к восставшим.

Все это было воспринято российскими жителями Благовещенска как начало давно задуманной в Китае акции по «очистке» если не края целиком, то какой-то его части от русского населения. О настроении русских писала впоследствии одна из жительниц Благовещенска: «Я помню несколько семейств, члены которых, в случае взятия их китайцами, готовы были покончить с собой, лишь бы не попасться в их руки»⁷⁸.

В такой ситуации городские власти решили выселить китайцев за Амур с целью лишить противника его потенциальных союзников на нашем берегу, что и было сделано в спешном порядке спустя несколько дней после начала военных действий. К сожалению, акция эта, сама по себе, может быть, и логичная в военное время, была осуществлена, судя по литературе, с помощью жестоких методов⁷⁹. «Без сомнения, — вспоминал позже один из мемуаристов, — огромное большинство благовещенцев отнеслось отрицательно к (этому) факту, нашлось немало людей, которые были возмущены до глубины души. Но в то же время некоторая часть населения, наименее культурная, была деморализована действиями администрации против китайцев и сама творила насилия над ними»⁸⁰.

Восстание ихэтуаней в Китае было относительно скоро подавлено силами иностранных войск, однако драматические эпизоды, разыгравшиеся, когда волна его захватила самым краеш-

ком российскую территорию, запомнились надолго. Воспоминания свидетелей тех событий публиковались в российской прессе даже многие годы спустя.

Одним из следствий появления ихэтуаней на Амуре и вспышки антикитайских настроений было изгнание в том же 1900 г. в Китай значительной части зазейских маньчжуров⁸¹, как утверждала китайская сторона — более 10 тыс. человек⁸². Напомним, что, согласно Айгуньскому договору 1858 г., население зазейского района было оставлено «под ведением маньчжурского правительства», т. е. оставалось в китайском подданстве. Оно платило подати китайским властям и несло воинскую повинность в китайских «знаменных войсках», при этом не подчинялось российским законам, не платило налогов в российскую казну, отказывалось иметь дело с российской администрацией и сопротивлялось любым ее начинаниям, включая перепись или даже проведение телеграфных проводов.

Такая неестественная ситуация стала источником постоянных трений и конфликтов между сторонами. В России считали, что «живущее за р. Зеєю маньчжурское население, как находящееся на русской территории, должно подчиняться русским властям и законам наравне с прочими иностранцами, пребывающими в России»⁸³. Однако китайские власти категорически отвергли эту мысль.

Другим поводом для разногласий служили заявления китайской стороны, что земля зазейского анклава, будучи «собственностью его обитателей», в силу этого «принадлежит китайскому государству». Российская сторона в ответ напоминала, что «по Айгуньскому договору данный район относится к владениям России, а за маньчжурским населением, бывшем на левом берегу Амура во время заключения Айгуньского договора, сохранено право бесплатного и безвозбранного пользования тему угодьями, которыми они пользовались во время заключения означенного договора»⁸⁴, и не более того. Между тем численность зазейского населения росла из года в год за счет, главным образом, притока новых людей с правого берега Амура, не имевших, естественно, никаких прав на льготы, предоставленные Айгуньским договором коренным жителям этих мест. К концу XIX в. население амурско-зейского междуречья увеличилось, по неполным данным, до 14 тыс. человек⁸⁵. Характерно, что большинство их них — более 9 тыс. — составляли уже китайцы, тогда как российский этнограф Л.И. Шренк, совершивший экспедицию в эти места в

1854—1856 гг., накануне заключения Айгуньского договора, отмечал: китайцы заселяют этот район, однако, «будучи смешаны тут с маньчжурами и даурами... еще не могут считаться господствующей народностью»⁸⁶. Согласно китайским источникам, в 1857 г., за год до Айгуньского договора, здесь насчитывалось 30 с лишним поселений, а к 1900 г. общепринятым стало число 64, оно приводится и в российских, и в китайских источниках⁸⁷.

Соответственно росту населения стихийным образом увеличивалась и площадь анклава. Учтя это, российская администрация в 1980-х годах отмежевала зазейцам 108 тыс. десятин лучших земель, однако конфликты китайских подданных, поддержанных чиновниками из-за Амура, с местной администрацией и с появившимися здесь российскими переселенцами не прекратились. В 1899 г., сообщил Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков, «вновь назначенный айгуньским правителем Шоу Шань дошел до того, что выслал в земли зазейских маньчжур караул в 35 солдат при двух офицерах». Впрочем, «после неисполнения в срок нашего требования об удалении караула последний был обезоружен и возвращен в Айгунь»⁸⁸.

В 1901 г., после «исхода» зазейцев, российское правительство передало оставленные ими земли казакам Амурского войска. Тем самым завершился длившийся не одно десятилетие спор, в котором каждая из сторон стремилась получить как можно большую долю реального суверенитета над зазейским клином — участком земли площадью порядка 1—1,5 тыс. кв. км.

Разразившаяся вскоре война с Японией, закончившаяся в 1905 г. катастрофическим разгромом России, подорвала ее престиж на Дальнем Востоке. Поток служебных документов, направленных оттуда в Петербург, запестрел сообщениями о том, что китайцы ведут себя «дерзко». Русское же население края, наоборот, оказалось охвачено перманентным ощущением неуверенности. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер в письме председателю совета министров Столыпину выражал опасение, что «переоценка своих сил может побудить Китай под давлением Японии сделать необдуманный шаг, который вовлечет его в столкновение с нами»⁸⁹.

Это, однако, не поколебало намерения российского правительства «стать твердою ногою в крае». Его политика в том, что касалось территориальных вопросов, оставалась абсолютно четкой. В 1907 г., после эвакуации из Маньчжурии русских войск, введенных туда во время восстания ихэтуаней, и восстановления там ки-

тайской администрации, китайская сторона, употребляя «дерзкие выражения», стала добиваться, чтобы российские власти разрешили зазейским маньчжурам вернуться назад на том основании, что земля там является их собственностью и что они покинули обжитые места лишь временно, имея в виду позднее обязательно вернуться. Точнее, китайское требование формулировалось так: «64 деревни на левом берегу Амура надлежит возвратить Китаю»⁹⁰. Речь шла, таким образом, о притязании на участок российской территории. Российское правительство отклонило просьбу Пекина, объяснив, что Айгуньский договор «отнюдь не предоставляет Китаю какие-либо права на означенную территорию» и что после своего ухода «маньчжурское население утратило всякие права на занятые ими на русском берегу Амура земли, каковые уже предоставлены русским поселенцам»⁹¹.

Аналогичный обмен нотами имел место и в 1909 г.⁹²

Сегодня с высоты исторического опыта, когда уже известно, как развивались события, мы можем утверждать, что страхи насчет «желтой опасности» были в значительной мере преувеличены, так же как преувеличено было под их влиянием обыденное представление о преобладании численности китайского населения над русским, тем более что разноречивой в цифрах на этот счет не позволял увидеть реальной картины. Однако и тогда не все разделяли эти страхи. Имиджу «настырного», «дерзкого» китайца противостоял столь же утвердившийся в умах образ трудолюбивого и дисциплинированного китайского рабочего и крестьянина. «Наплыв не опасен политически», — такова была позиция Министерства иностранных дел⁹³.

Тем не менее, бесспорно, что часть власти в крае фактически находилась в руках китайцев, российская администрация слабо контролировала ситуацию и была бессильна изменить в свою пользу положение дел. И по мере развития миграционных процессов на Дальнем Востоке — наплыва китайцев в Россию и интенсивного заселения Маньчжурии — опасения за его судьбу в российском обществе усиливались. «Никакой политической опасности от китайцев, или, как их зовут в Уссурийском крае, манз, не предвидится. Лично они даже заинтересованы экономически в том, чтобы край был русским, так как от нас им легче поживиться деньгами, чем от своих»⁹⁴, — писала российская пресса в 1886 г.. «За последнее время Китай деятельно и спешно заселяет бывшие незаселенные места, соседние с русскими владениями, и сосредоточивает там всевозможные военные орудия. Сле-

довательно, попытка захватить (Уссурийский) край не оставлена и поныне»⁹⁵, — говорилось два десятка лет спустя. В начале XX в. появился ряд книг и множество статей, посвященных «желтой опасности»⁹⁶.

«Желтый вопрос» не принадлежал к числу наиболее приоритетных ни во внутренней, ни во внешней политике России. Однако им систематически занимались не только многие министерства, но и совет министров, император, он занимал видное место в работе Государственной Думы, когда там решались проблемы, касающиеся хозяйственного освоения Дальнего Востока, начиная со строительства Амурской железной дороги⁹⁷. (Дорогу, кстати, было решено строить исключительно при помощи русских рабочих рук.) В документах III Государственной Думы (1907—1912) подчеркивалось, что «вопрос о желтой иммиграции в наши Дальневосточные области в настоящее время, под влиянием изменившихся после последней войны политических и экономических условий, получает особо важное значение»⁹⁸.

Высокие чины министерств и дальневосточной администрации, ученые, частные лица заваливали правительство своими предложениями, направленными на то, чтобы жестче ограничить и поставить под контроль деятельность иностранцев на Дальнем Востоке, сократить поток иммигрантов, особенно нелегальных, лишить китайских предпринимателей преимуществ в конкурентной борьбе с российскими. Впрочем, предложения нередко касались лишь частных мер (упорядочение паспортных правил, борьба с уклонением от уплаты сборов за билеты на жительство, увеличение штатов и т. п.) а иногда отдавали прожектерством.

Например, оригинальный способ решить проблему «желтого труда», лишив его главного преимущества — дешевизны, предложил известный владивостокский предприниматель С.Д. Меркулов. По его мысли, следовало установить «желтым» достаточно высокую минимальную зарплату, ограничить продолжительность рабочего дня и одновременно навязать им лучшие санитарные и бытовые условия, близкие к тем, в которых живут российские рабочие, и, следовательно, более дорогостоящие. Тогда конкурентная борьба будет вестись на равных, и российские рабочие смогут одержать в ней победу⁹⁹.

Стоит заметить, что разные ведомства занимали различные позиции в отношении борьбы с наплывом иммигрантов¹⁰⁰. Дальневосточная администрация первое время относилась к ним сравнительно либерально и была готова допускать, даже привле-

кать их в край, стремясь одновременно удерживать их под своим контролем. Однако в конце XIX — начале XX в. генерал-губернаторы Приамурского края Унтербергер и Гондатти, ежедневно сталкиваясь с проблемами, порожденными наплывом мигрантов из-за рубежа, стали все более настойчиво требовать ужесточения миграционных правил. Комитет по заселению Дальнего Востока поддерживал их. Министерство внутренних дел выступало с собственными пакетами ограничительных мер (в том числе впускать только трудоспособных иммигрантов). МИД возражал, заботясь о том, чтобы новые меры не входили в противоречие с положениями российско-китайских договоров и не вызывали раздраженной реакции со стороны Китая, а также других стран, поскольку некоторые проекты законов относились ко всем иностранцам в целом. Военное ведомство, ведущее большие строительные работы, доказывало, что без «желтого труда» не обойтись. Дальневосточные предприниматели утверждали то же самое. Испытывая мощное давление с разных сторон, правительство и Дума проявляли взвешенный подход и зачастую отпирывали предложения на доработку, однако принципиальный курс правительства выражался формулой: «русский Дальний Восток — для русских».

Председатель совета министров П.А. Столыпин, последовательно отстаивавший этот курс, на одном из заседаний Думы, где обсуждался вопрос о строительстве Амурской железной дороги, подчеркивал, что существует «опасность мирного завоевания края чужеземцами. Господа, — провозглашал он, обращаясь к своим оппонентам, — этою опасностью пренебрегать нельзя, так как этот край нельзя приравнять, как это было тут сделано, к побережью Ледовитого океана, это не край, который можно было бы забросить, а край, которым заняться мы обязаны»¹⁰¹.

Дискуссии в Думе отражали неодинаковое толкование «желтого вопроса» различными политическими партиями России. Представители правых кругов и октябристы вполне одобряли линию правительства. Деятели либерального направления (кадеты, прогрессисты) в принципе поддерживали основные направления правительственной политики, но подвергали те или иные ее аспекты критике, исходя из программных установок своих партий. Принципиально иную позицию занимала в «желтом вопросе» российская социал-демократия. Имея сверхзадачей мировую революцию, а ближайшей целью — расшатывание и свержение царизма, она стремилась вовлечь в их осуществление все

слои и группы трудящихся, независимо от их национальной принадлежности. Социал-демократическая пресса призывала «всячески развивать сознание этих отсталых рабочих... привлекать их в профессиональные организации, обсуждать с ними задачи работы, привлекать их к общей борьбе за интересы всего рабочего класса»¹⁰².

Естественно, никакому «желтому вопросу» и никаким связанным с ним геополитическим соображениям в их программе не было и не могло быть места: «В Японии, Китае, Маньчжурии, Корее и т. д. постепенно вырастает, подымается новая, несокрушимая сила — пролетариат, зарождается и развивается новое течение — социализм...И разве может еще подниматься вопрос о «желтой опасности» там, где эта новая сила заявила уже о своем существовании, где громкий голос социализма призывает уже к братству, к свободе, к равенству...»¹⁰³.

Впрочем, до Первой мировой войны, создавшей в китайской — и не только китайской — рабочей среде взрывную ситуацию, китайская трудовая масса оставалась в целом политически инертной и не спешила усваивать социал-демократические идеи. Время революционных потрясений для нее еще не пришло, и деятельность социал-демократических организаций несколько не стесняла свободу маневрирования правительства в «желтом вопросе».

Вопрос, однако, не мог быть решен быстро, путем принятия какого бы то ни было пакета мер: этому препятствовало несколько фундаментальных факторов, проистекавших, в свою очередь, из общей отсталости российского Дальнего Востока.

Во-первых, всякое лимитирование труда китайцев и корейцев тут же оборачивалось ущербом для русской промышленности и русского населения. Ведущие местные предприниматели, протестуя, объявляли запреты на использование «желтого труда» «пагубными». Когда в 1910 г. был запрещен наем иностранцев на казенные работы, местные власти и предприниматели раз за разом стали добиваться от правительства исключений, ссылаясь на невозможность в противном случае закончить работы в срок. Согласно одному из докладов владивостокского биржевого комитета (1913 г.), от введенных к тому времени запретительных мер страдали все отрасли хозяйства, все группы населения, даже получающие жалованье от государства офицеры и чиновники, поскольку «жизнь вздорожала»¹⁰⁴. (Таким образом, в протестах против лимитирования китайского и корей-

ского труда предприниматели и социал-демократы были едины, при том, однако, важном различии, что для предпринимателей столь же «пагубной», как и запрет на использование китайского труда, представлялась мысль о равной оплате китайских и русских рабочих.)

Аналогичным образом обстоит дело и в сельском хозяйстве. Так, специальная комиссия по вопросам колонизации в Приамурском крае в 1909 г., изучив ситуацию, пришла к заключению, что «распространение на всех землевладельцев в крае запрета пользоваться желтыми в качестве рабочих нельзя сделать без экономического потрясения окраины»¹⁰⁵.

Единым, можно сказать, фронтом с промышленниками выступало военное министерство. В конечном счете их общая позиция вынуждала правительство искать компромиссные решения, не поддаваясь нажиму со стороны администрации Дальнего Востока, хотя последняя настойчиво защищала свою линию, апеллируя к высшим интересам страны. Так, генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер (который главную опасность видел не в китайцах, а в корейцах) был предельно категоричен в своих высказываниях: «Я не враг корейцев, как это принято думать, но не могу согласиться с мнением моих предшественников, считавших, что пустынный край нужно впереди всего заселить, хотя бы и корейцами. Я предпочитаю пустыню, но русскую, чем край возделанный, но корейский. Придет время, край заполнится русскими, запасы земли будут возделаны, но уже ими, а не корейцами. Правда, это произойдет, может быть, и через сто лет, но по крайней мере у меня не будет на душе, что я дал расхитить русскую землю»¹⁰⁶.

Во-вторых, правительство опасалось применением строгих мер возбудить среди китайцев националистические настроения, нарушить стабильность обстановки и — что было особенно важно — тем самым осложнить отношения с Китаем, вполне способным предпринять ответные шаги.

И если, например, Приамурский генерал-губернатор в 1912 г. вносил предложение «воспретить свободную китайскую торговлю в крае, точно определив места, где она могла бы осуществляться», то МИД давал отрицательное заключение: это «логически привело бы к необходимости пересмотреть самые основы российско-китайских отношений». В этом случае «для восстановления наших отношений с Китаем, без которых нормальное существование и развитие наших Сибирских и Дальне-

восточных владений невозможно, нам пришлось бы согласиться на такие ограничения наших прав в Китае, которые носили бы характер ликвидации всей нашей торговли в этой стране...Опыт наших сношений с китайским правительством показывает, что в наших с ним договорах есть достаточно постановлений, которые могут быть толкуемы к нашей невыгоде, и что китайские власти умеют пользоваться их неясностью для причинения нам неприятностей»¹⁰⁷. В итоге идея генерал-губернатора была отклонена.

В других случаях — там, где речь шла о миграции китайских рабочих, у китайского правительства, вообще говоря, не было рычагов для «симметричных», т. е. относящихся к той же области, ответных шагов. Однако и здесь Пекин, крайне заинтересованный в оттоке за рубеж рабочих рук, не находивших применения в своей стране, действовал достаточно решительно.

Так, китайское правительство постоянно протестовало и жаловалось на дискриминацию в связи с тем, что в России с 1888 г. с въезжающих китайцев, помимо пошлины за визирование национальных паспортов, взимался особый сбор за «выборку билетов», т. е. видов на жительство, и при том довольно большой (в начала XX в. — 5 руб.). В ответ Петербург объяснял, что это — мера вынужденная и что деньги идут исключительно для поддержания порядка и улучшения санитарных условий самого китайского населения. Действительно, местные власти систематически и скрупулезно отчитывались правительству в расходовании этих средств.

После вступления в силу закона 1910 г., запрещавшего наем иностранцев на казенные работы, один из высокопоставленных китайских чиновников инструктировал своих подчиненных: «Русские нарушают трактаты. Мы лишимся хороших доходов... В целях увеличения количества выезжающих рабочих без всяких задержек снабжайте обращающихся в Ваши бюро документами. Если русские будут действительно проводить в жизнь ограничения китайского труда, не считаясь с международным правом, — входите в дипломатические отношения на законном основании и не думайте, что у нас нет ответных мер»¹⁰⁸.

Характеризуя позицию Пекина, комиссии российского Государственного Совета, изучавшие «желтый вопрос», отмечали в 1910 г.: «Китай весьма ревниво наблюдает за интересами своих подданных и в международных сношениях выказывает всевозрастающую устойчивость»¹⁰⁹.

В-третьих, решению названного вопроса мешала слабость российской власти на Дальнем Востоке: нехватка штатов для поддержания правопорядка, от полицейской службы до таможенной, элементарный недостаток средств, нередко — туманное представление о проблемах Дальнего Востока в столичных кабинетах. В адрес правительства было высказано немало упреков в пассивности, отсутствии ясной последовательной политики в «желтом вопросе», в принятии непродуманных решений, неэффективных или даже дававших обратный результат. Критиковали, таким образом, с двух сторон — и за чрезмерное ограничение китайско-корейского труда, и за нерешительность в замене его трудом русских.

Однако в результате всех этих разнонаправленных воздействий дело постепенно шло вперед, и, по-видимому, именно такое регулирование проблемы — эволюционное, компромиссное, увязанное, пусть и не идеальным образом, с развитием собственных производительных сил — и было оптимальным с точки зрения российских интересов. Или даже единственно возможным. Правительством был издан ряд законов, шаг за шагом ограничивающих деятельность иностранцев и возможность их оседания на Дальнем Востоке: им была запрещена самостоятельная добыча золота (1867 г.), они не получили продления 20-летних льгот — освобождения от налогов — на владение землей (1882), они были лишены права селиться в приграничных местностях (1886 г.), приобретать недвижимость в Амурской и Приморской областях (1892 г.), был запрещен наем иностранцев на казенные работы иначе как в порядке исключения, по специальному разрешению совета министров, а также передача иностранцам казенных подрядов и поставок (1910 г.).

В сезон 1911 г. казенные работы были уже на $\frac{3}{4}$ выполнены российскими рабочими. Более 40 % приехавших на сезон русских рабочих остались в Приамурье на зиму. «Господствовавшее ранее отрицательное отношение к русскому рабочему и предпочтение ему китайца, — отмечалось Комитетом по заселению Дальнего Востока, — постепенно изменяется, так как хотя зарплата русскому рабочему и выше, но эта разница отчасти покрывается большей производительностью русского труда, а, главное, уплачиваемые русскому рабочему в виде зарплаты деньги остаются в России»¹¹⁰. С 1913 г. была отменена 50-верстная полоса вдоль границы, в пределах которой подданные обоих государств имели право беспошлинной торговли.

В этот же период стали складываться основные направления стратегии в отношении китайско-корейского труда:

- ограничить его применение сферой частной промышленности;
- держать курс на последовательную замену его во всех отраслях трудом российских рабочих;
- не допускать оседания иностранцев на Дальнем Востоке;
- предупредить передачу земли в их собственность и ограничить сдачу ее в аренду. Исключение можно сделать лишь для недвижимости, предназначенной для промышленных целей, с тем чтобы привлечь иностранный капитал.

Стратегия эта реализовывалась постепенно, медленно, после долгого и тщательного обсуждения каждой принимаемой меры, с учетом возможной негативной реакции Китая. Большинство ограничений формулировалось в виде правил, касающихся иностранцев вообще, а не только китайцев. Там, где это было возможно, специалисты предлагали адресовать запреты даже не иностранцам, а российским подданным, скажем, ограничивать не право брать землю в аренду, а право сдавать ее в аренду.

В политических сферах страны все прочнее утверждалось мнение, что сохранение суверенитета России над ее дальневосточными территориями — это проблема, требующая к себе самого серьезного внимания, и что коренное условие ее решения состоит в более или менее плотном заселении этих территорий. Российские наместники в дальневосточных областях говорили об этом еще в XIX в.: «Если мы не займем наших пустопорожних мест в крае своим населением, то их наводнят китайцы в качестве покорных, трудолюбивых земледельцев-промышленников, борьба против которых одними только войсками невозможна, потому что безрезультатна»¹¹¹.

В 1910 г. по распоряжению императора с целью всестороннего исследования природных условий и хозяйства российского Дальнего Востока была организована Амурская экспедиция. Одним из результатов ее стал составленный ее участником В.В. Граве комплексный проект урегулирования проблемы китайско-корейского труда, вобравший в себя предложения многих специалистов и предусматривавший даже такую сторону дела, как улучшение изучения в России Дальневосточного края и восточных языков. Проект Граве был привязан к выработанной экспедицией общей схеме развития Дальнего Востока. В заинтересованных кругах вызревала идея обширного «колоницион-

ного плана», который позволил бы наиболее эффективным образом организовать усилия по освоению Дальнего Востока.

Осуществлению этих замыслов помешала Первая мировая война.

Китайские общества

Способность китайской диаспоры выжить и обеспечить себе «жизненное пространство» в чужеродной среде — будь то в России или в любой другой стране — была в немалой мере обусловлена ее сплоченностью, ее своеобразной, весьма эффективной организацией¹¹². Помимо разнообразных неформальных, но тесных связей друг с другом, в том числе связей деловых, китайцы в России повсеместно объединялись в общества, служившие опорой их самоуправления.

Российская администрация, ощущая собственную слабость, нуждалась в китайских национальных организациях как вспомогательных органах управления китайским населением. В то же время она смотрела на эти организации с подозрением, как на источник альтернативной теневой власти в крае. Ее отношение к китайским обществам было двойственным, и, пробуя разные варианты, она то разрешала открывать их, ограничивая при этом, однако, их деятельность достаточно узкими рамками, то закрывала.

В 1891 г. с ее разрешения во Владивостоке, Хабаровске и Никольск-Уссурийске были впервые открыты «китайские общественные управления», спроектированные в основном по образцу существовавшего тогда в России крестьянского самоуправления. Управлениям было предоставлено право избирать своих руководителей — старшин, судей, разрешать сравнительно несложные судебные дела согласно собственным обычаям и т. п. В круг их обязанностей входило: разбирать тяжбы между их членами, посредничать между местной администрацией и китайским населением, собирать точные сведения о приезде и выезде китайцев и пр. При этом вся деятельность общественных управлений и приговоры китайских судов должны были контролироваться полицейскими чинами¹¹³.

Однако в 1897 г. китайские общественные управления были закрыты: по убеждению российских властей, они служили прикрытием для деятельности китайских тайных обществ. (На самом

деле они просуществовали еще некоторое время, в Никольск-Уссурийске — до 1901 г. Их не спешили закрывать, поскольку они вносили определенные средства в местные бюджеты: на содержание полиции и т. п.)¹¹⁴. Кстати сказать, они не устраивали и китайское правительство, которое в тот момент видело в них помеху собственным попыткам добиться открытия в России своих консульств и уже достигло определенного успеха: несколько ранее в том же году с разрешения российской стороны во Владивостоке впервые начал работать коммерческий агент китайского правительства. Он обратился к российскому правительству с просьбой предоставить ему значительный объем прав по управлению китайскими подданными, включая право судопроизводства. С точки зрения российских властей, удовлетворение этой просьбы «было бы почти равносильно открытию в этом крае особого китайского царства», и просьба была отклонена. Интересно, однако, что среди прочего китайский представитель просил ликвидировать китайские общественные управления, передать ему их функции и имущество, а также право назначать старшин.

Отразив, таким образом, попытку Пекина напрямую подчинить себе китайскую общину, российские власти, начиная с 1907 г., стали скрепя сердце выдавать разрешения на создание во Владивостоке, а затем и в других городах китайских общественных организаций: «при отсутствии фактической возможности обеспечить действительный контроль над китайской жизнью лучше иметь дело с явно действующими китайскими обществами, чем с тайными». Действительно, эти общества нелегально существовали и до своего официального открытия: во Владивостоке — с 1881 г., в Хабаровске — с 1889 г. и т. д.

А в 1909 г. коммерческое агентство во Владивостоке было преобразовано в консульство, которое, как считалось, фактически стало для местных китайцев высшим органом власти.

Мощный толчок к развитию китайских обществ дало образование в 1912 г. Китайской Республики, проявившей гораздо больше внимания к защите интересов своих граждан за рубежом, чем правительство императорского Китая. Республиканское правительство стало поощрять общественную деятельность эмигрантов, укрепление их связей с родиной. Его политика нашла живой отклик в эмигрантской среде.

«Теперь наше государство называется Республикой, консул горячо призывает нас осознать: в современном мире невозможно обеспечить свои интересы, не объединившись в общества. Мы хо-

тим создать у себя купеческое общество по образцу Владивостока, Хабаровска и Никольска», — писали китайцы из Имахэ¹¹⁵. «При прежних Цинах чиновники были далеки от коммерсантов, правительству недосуг было заниматься нашими прошениями. Теперь создана Республика, китайцев в России не менее ста тысяч, долг каждого — защищать суверенитет и расширять торговлю», — вторили им соотечественники с селенгинских золотых приисков¹¹⁶.

В городах и поселках российского Дальнего Востока стали множиться китайские общества, носившие, как правило, названия «хуацяо шанхуэй» («китайские коммерческие», или «купеческие общества», или «торговые палаты»), «хуацяо лянхэхуэй» («национальные ассоциации»), «хуацяо сечжухуэй» («общества взаимопомощи»). Некоторые из них создавались как «генеральные ассоциации», имевшие сеть своих отделений. Разумеется, решающую роль в обществах играли торгово-промышленные элементы как наиболее просвещенные и влиятельные, однако общества брали на себя и защиту интересов низших слоев, по крайней мере во взаимоотношениях с внешним миром. В уставах некоторых из них прямо говорилось об этом.

Задачи обществ, зафиксированные в уставах, включали в себя взаимную помощь их членов друг другу, улаживание споров между ними, содействие российским властям и полиции, защиту от хунхузов, просветительскую деятельность.

В действительности же общества регулировали отношения не только между своими членами. Во Владивостоке, например, «местный объединенный в Общество торгово-промышленный класс является фактически вершителем судеб зависящих от них необеспеченных масс Приамурского края»¹¹⁷. Показательно, что общества имели собственную полицию, формально — для борьбы с хунхузами, на самом же деле — еще и для того, чтобы держать в руках местное китайское население и коренные национальные меньшинства.

Существовали в китайской среде и тайные общества. О них российской администрации не было известно почти ничего. Один из немногих попавших в ее руки и описанных в литературе документов — устав одного из таких обществ средневекового типа, так называемого *гуньихуэй*, созданного, по-видимому, еще в 60-х годах XIX в.¹¹⁸

Устав состоял из 36 правил — запретов и наказаний, регулирующих отношения членов общества друг с другом и с аборигенами. Судя по характеру правил, жизнь аборигенов находилась пол-

ностью в руках китайских купцов, и устав, исходя из соображений не столько, наверное, гуманности, сколько полезности, несколько смягчал жестокие прежние обычаи. Он запрещал, скажем, за долги расстреливать аборигена или снимать с него всю верхнюю одежду. По контрасту среди правил, касающихся взаимоотношений внутри общества, было немало вполне гуманных: не покидать товарища в беде, заботиться о больных, не красть, не драться и т. п. Зато за кражу соболей, женьшеня, пантов полагались наказания устрашающе жестокие: зарыть живьем, утопить. Нарушителя упомянутого здесь запрета ожидала конфискация имущества на 200 китайских фунтов, штраф в виде одной жирной свиньи и 20 ударов бамбуковой палкой.

Не слишком много было известно властям и о скрытой деятельности легальных обществ. Однако повсеместно господствовало убеждение, что такая деятельность существует и что китайские общества, будь они легальные или тайные, служат для китайских предпринимателей инструментами согласования коммерческих интересов, устранения конкуренции, установления монопольных цен. Именно этим объясняли такие факты, как, скажем, молчаливый бойкот китайцами российских товаропроизводителей, пытавшихся обойтись без их посредничества, или поддержание китайцами единого потолка цен на тот или иной российский товар.

Существовала уверенность и в том, что все общества управляются из Пекина и представляют собой «автономные ответвления тайной политики Китая»: как иначе объяснить синхронные отклики на ту или иную коллизию, появляющиеся в разных местах края и в самом Китае?

По предположениям российских специалистов, в среде китайских эмигрантов действовали даже филиалы различных обществ в Китае, ставивших перед собой цели общественно-политического характера: пробуждение национальных чувств, стимулирование реформ и т. п. Высказывались догадки, что для уплаты взносов в центр филиалы добывают средства хунхузничеством.

Все это, впрочем, были лишь гипотезы, хотя и весьма правдоподобные...

В 1910 г. владивостокский цензор А. Занковский, проработавший 10 лет русским секретарем Китайского общества взаимного вспомоществования, подал министру иностранных дел докладную записку, в которой в основных чертах описал тайные связи этого общества с Китаем, в том числе обширные коммер-

ческие отношения, далеко выходящие за рамки его устава. Он отмечал, далее, что общество присвоило себе право улаживать дела даже между китайцами, не состоящими в нем, и, таким образом, сделалось «государством в государстве»¹¹⁹.

В 1914 г. В.К. Арсеньев обнаружил, что Никольск-Уссурийское общество взаимопомощи получило для своих дел официальную печать из китайского Министерства торговли¹²⁰.

Спустя десятилетия, в 1990-х годах в китайских архивах нам удалось обнаружить множество документов, свидетельствующих о том, что наблюдения Занковского, Арсеньева и других российских специалистов относительно тесных связей китайских обществ с метрополией были точными. Зарегистрировавшись сначала у местных властей, общества затем через консульства проходили регистрацию и утверждение в Пекине: в МИДе, а также в Министерстве промышленности и торговли (позже — в Министерстве сельского хозяйства и торговли). Процедура была достаточно сложной: МИД нередко запрашивал мнение властей приграничных провинций, а также Министерства внутренних дел. Утверждению подлежали устав Общества, его название, состав выборных органов. В Пекин пересылались также годовые отчеты о проделанной работе и финансовой деятельности. Из Пекина общества получали мандаты для председателя и его заместителей. Через свои общества китайское население России участвовало даже в выборах в парламент в Пекине¹²¹.

Все это делалось втайне от российских властей, до которых, повторяем, доходили лишь отрывочные сведения об этой стороне жизни китайских обществ и которые не уставали возмущаться тем обстоятельством, что китайцы жили по своим собственным законам и упорно игнорировали российское судопроизводство. Однако, независимо от того, в какой мере российская администрация была осведомлена о секретных делах китайских обществ и в какой мере негодовала по поводу такого положения вещей, у нее попросту не было сил, чтобы взять его под свой контроль. Достаточно сказать, что низшие административные органы сами нередко посылали дела, касавшиеся китайцев, в китайские общества на отзыв и принимали этот отзыв на веру.

Непрозрачность, как мы теперь говорим, жизни китайских обществ порождала с российской стороны запреты, как правило, не поддающиеся проверке. Ответом на запреты было усиление тайной деятельности, а та, в свою очередь, углубляла недоверие.

Иммигранты нетипичные

В массе китайских иммигрантов имелось небольшое количество людей с особенными, нетипичными биографиями или нетипичным положением в обществе, заслуживающих, на наш взгляд, отдельного рассказа. История сохранила, например, сведения о человеке, который был первым в России преподавателем китайского и маньчжурского языков.

В 1733 г. властители одного из джунгарских кочевых племен передали проезжавшему через его земли российскому отряду пленного китайца по имени Чжу Гэ с просьбой помочь ему вернуться в Китай. Когда Чжу Гэ прибыл в Тобольск, там обнаружилось, что он направляется в Китай с дипломатическим поручением, не отвечающим интересам России в Джунгарии. Поэтому его задержали, под охраной тайным образом отправили в Москву, приказав не давать ему по дороге «бумаги, чернила, топора и ножа», а из Москвы опять-таки тайком, кружным путем, с долгой остановкой в Тихвине переправили в Петербург. Путешествие заняло в общей сложности три года. В Петербурге Чжу Гэ, поняв, что в России ему нужно устраиваться надолго и основательно, перешел в христианство, получив при крещении имя Федор, и женился на дочери крещеного калмыка.

В 1738 г. Коллегия иностранных дел уведомила Синод, что при ней находится «иноземец новокрещен Федор Джога знающий манзурский язык, и... бесполезно будет для корреспонденции с китайским двором изучить того манзурского языка и российской нации людей»¹²². Для этой цели Коллегия просила Синод выбрать из московских «латинских школ» двух человек, знающих латынь.

Занятия начались на следующий год. Обучение строилось на заучивании слов и целых текстов и переводах с маньчжурского на русский. Получая более чем скромную стипендию: один — 3 копейки в день, другой — 1 копейку плюс «хлебную» надбавку «за четверик по цене деньгами в месяц», ученики Федора Джоги «как ево, так и их прилежанием» овладели маньчжурским и, по всей видимости, китайским языками и в 1743 г. в составе духовной миссии были отправлены в Китай. Чжу Гэ же получил в награду чин прапорщика и ежемесячный оклад 3 рубля «сверх жалования» и был определен в гарнизон города Архангельска, откуда бы он «по его состоянию и познанию калмыцкого языка не имел случая пробраться в зенгарский народ, что ежели б учинилось с

пользою интересов ея императорского величества сходственно быть не может»¹²³. Там он и прожил до своей кончины в 1751 г.

На рубеже XIX—XX веков массовый приток китайских мигрантов вызвал к жизни устойчивый стереотип китайца как человека, стоящего на самой низкой ступени социальной лестницы, зачастую презираемого и беззащитного. Это образ не относился, однако, к более высоким слоям китайской диаспоры — к купцам, сумевшим сколотить капитал и приобрести определенный вес в обществе. Самым, наверное, ярким представителем верхушки китайской общины, выделявшимся даже на фоне своей привилегированной среды, был талантливый коммерсант по имени Цзи Фэнтай, или Тифонтай, как звали его русские.

Он приехал в Россию в 1873 г. и сумел в течение нескольких лет создать в Хабаровске крупную торгово-предпринимательскую фирму, сделавшуюся одной из самых известных на Дальнем Востоке. Его фирма торговала хлебом и мукой, чаем и вином, бельем и обувью, известью, кирпичом, шелком, мехами собственной выделки и пивом собственного производства. Тифонтай строил дома и мельницы, владел земельными участками, промышленными заведениями и жилыми зданиями в Хабаровске и Дальнем. Участвовал в ярмарке 1896 г. в Нижнем Новгороде, пользовался известностью на азиатских биржах от Токио до Сингапура. Перед русско-японской войной 1904—1905 гг. он возводил форты в Порт-Артуре и доки в Дальнем, а во время войны стал главным поставщиком продовольствия для русской армии в Маньчжурии и на Квантунском полуострове, на чем заработал, как предполагали, «не один миллион».

Тифонтай принял православие и получил звание купца первой гильдии, однако косу не состриг и всю жизнь носил китайские халаты. В Хабаровске в одном из принадлежавших ему домов располагалось местное общественное собрание, в другом, «специально приспособленном для публики», — ставились спектакли¹²⁴.

Он приобрел такое доверие российских правительственных кругов, такое влияние в китайской диаспоре и был настолько богат, что в период русско-японской войны смог, получив разрешение главнокомандующего, сформировать из китайцев отряд численностью в 500 человек специально для «разведки и партизанских действий». В рапорте армейскому командованию он сообщал: «Жалованье людям, содержание полное их, а также лошадей я, Тифонтай, даю пока из своих личных средств в продол-

жение трех месяцев. Впоследствии, если окажется, что отряд был полезен и вполне оправдывает назначение и если Его превосходительство Главнокомандующий Маньчжурскими армиями найдет возможным, пусть правительство возвратит мне затраченные на отряд средства. Если же отряд не оправдывает себя, то он будет расформирован тотчас, как того пожелаете, а все расходы по нему я тогда принимаю на себя»¹²⁵.

Занимался Тифонтай и агентурной разведкой¹²⁶, а также «борьбой с неприятельскими шпионами из китайцев», в ходе которой его агенты «действительно вскоре раскрыли несколько шпионских гнезд»¹²⁷.

В современном Китае, как рассказали автору его коллеги из КНР, имя Цзи Фэнтая не пользуется уважением: ему ставят в вину, что в 1886 г., участвуя в переговорах между российской и китайской сторонами по пограничным вопросам в качестве переводчика и советника, он отстаивал интересы российской стороны.

Примерно в тот же период в России появилась еще одна группа «нетипичных китайцев», а именно, студентов, нетипичных потому, что их насчитывались единицы. В эти годы основной поток учащихся из Китая направлялся в США, однако китайское правительство не теряло из вида и другие индустриально более развитые страны. Так, в 1896 г. было командировано по четыре студента в Россию, Германию и Францию.

Отношение российских чиновников из разных ведомств к допуску в Россию студентов из Китая было неодинаковым. В 1911 г. военный министр счел целесообразным отклонить ходатайство китайского офицера Ли-Ю-хуа, уже окончившего юридический факультет Петербургского университета, о зачислении его вольнослушателем в Александровскую военно-юридическую академию. Военный министр рассуждал следующим образом: «Ввиду нахождения военного дела в Китае в зачаточном состоянии принцип взаимности ни в данном случае, ни в ближайшем будущем нами использован быть не может. Таким образом, разрешение нами в положительном смысле рассматриваемого ходатайства и ему подобных явилось бы выгодным лишь для Китая, а между тем последний не принадлежит к числу дружественных нам держав, прогресс которых в военном деле является для нас желательным»¹²⁸.

Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков придерживался противоположных взглядов. Он обращал внимание на то,

что Япония, стремясь распространить свое влияние «на главные отрасли управления Китая», принимает на учебу десятки китайских студентов, немецкие и английские инструкторы уже начали обучать китайских солдат. В этих обстоятельствах и России следует «воспитать в желательном для нас духе защитников нашего соседа», не оставляя, впрочем, без внимания и «другие классы пограничного с нами населения... Могучим средством в этом деле послужило бы, несомненно, систематическое привлечение китайцев, маньчжур, монголов и других народностей, населяющих пограничную с Россией полосу, в наши учебные заведения». Гродеков выражал уверенность, что «охотников для поступления в наши школы, совершенно лишенные духа религиозной пропаганды и вражды к инородцам, нашлось бы достаточное количество, ибо китайцы, как народ смысленный и практичный, быстро познают ту материальную пользу, которую им дадут знание русского языка и начатки европейского образования»¹²⁹.

В МИДе считали, что «получение китайцами высшего образования в России является желательным с политической точки зрения»¹³⁰.

Так или иначе, в начале XX века китайских студентов можно было встретить во многих российских учебных заведениях: в Военно-медицинской академии, Институте путей сообщения, Горном институте императрицы Екатерины, Политехническом институте императора Петра Великого, Иркутском горном училище, Николаевском кавалерийском училище и др. Их зачисляли по ходатайству китайской дипломатической миссии, с разрешения соответствующего министра или даже императора, нередко — в качестве вольнослушателей. Из среды этих студентов позже вышли создатели благотворительной организации «Союз китайских граждан», в течение ряда лет игравшей заметную роль в жизни китайской общины. Об этой организации речь пойдет ниже.

Китайский труд во время Первой мировой войны

С началом Первой мировой войны в России резко возрос спрос на рабочую силу. Она требовалась прежде всего для прокладки железных дорог и других строительных работ, добычи угля, рубки леса. О «желтой опасности» было тут же забыто, совет министров снял запрет на наем иностранцев на казенные ра-

боты на Дальнем Востоке и разрешил использовать их труд «в местностях Империи, расположенных к западу от Байкала, за исключением района военных действий»¹³¹.

Довольно быстро в Китае была организована широкая вербовка рабочих¹³². Деятельность вербовщиков, начавшись с Маньчжурии, затем распространилась на Северный Китай (Инкоу, Яньтай), Шанхай и даже Синьцзян, где искали рабочих для строительства железной дороги в Семиречье. Вербовкой занимались и русские, и китайские посреднические компании. Фирма «Ичэн», например, подрядилась поставить в Смоленскую губернию для рубки леса 20 тыс. рабочих.

Вслед за солидными фирмами, заполняя вакуум, за дешевыми рабочими руками бросились в Китай темные дельцы, аферисты. Возникла «дикая» конкуренция, вплоть до перехватывания уже готовых к отправке партий рабочих и вывоза их в другие места. Появились случаи сговора русских и китайских вербовщиков с целью обмана рабочих. (Впрочем, Россия тут не была исключением. Достаточно бесцеремонно вели себя и французские вербовщики.) Ситуация на новом огромном рынке труда складывалась явно в ущерб интересам рабочих.

В этих условиях правительство Китайской Республики приняло серию мер, чтобы защитить соотечественников, обеспечить им приемлемые условия жизни за границей. Понимая, что державы, занятые войной, не могут не считаться с его позицией, оно потребовало, чтобы контракты о найме рабочих проходили проверку и утверждались властями обеих сторон. Нелегальная, в обход таких проверок вербовка была категорически запрещена. Местной администрации было вменено в обязанность строго следить за соблюдением правил — желающих обойти их было более чем достаточно, в том числе и среди китайских подрядчиков. Были составлены документы, регулирующие наем рабочих, такие, как «Положение о выезде за границу на работу», «Закон о защите выезжающих на работу», «Правила подрядной деятельности» и др.

Китайская администрация рассматривала контракты достаточно придирчиво. Она требовала, например, чтобы российский завод взял обязательство по окончании контракта обеспечить возвращение рабочего на родину, равно как и в случае его болезни, а до того не увольнять его с работы. Требовала снизить штрафы (скажем, за пропущенный рабочий день — до размеров однодневной зарплаты), четко указывать сумму компенсации за

увечье, уменьшить комиссионные подрядчиков, в холодное время года обеспечивать рабочих дровами и т. п.¹³³

Некоторые положения имели для китайской стороны принципиальное значение, выходящее за рамки чисто хозяйственных вопросов. Во-первых, она хотела бы посылать в те места, где концентрировалось много китайских рабочих, своих коммерческих или консульских агентов — «умелых и опытных чиновников со знанием русского языка, способных защищать их интересы». Российские власти, продолжавшие питать недоверие к Китаю, негативно относились к предложениям на этот счет.

Во-вторых, китайская сторона добивалась, чтобы китайским рабочим были предоставлены те же условия работы и права, что и русским. Например, харбинский *даотай* (глава администрации) в соответствии с инструкциями своего МИДа требовал, чтобы в контракты включались такие статьи: китайским рабочим гарантируется защита российского закона, и для них не будет издано особых законоположений, в случае ареста китайского рабочего будет приглашен китайский консул или коммерческий агент и т. п. Это намерение китайской стороны, бесспорное с точки зрения сегодняшних понятий о правах человека, для российских властей того времени было неприемлемым.

В-третьих, заявив о нейтралитете в отношении воюющих сторон и не желая давать поводов для обвинений в отходе от него, Пекин неизменно выдвигал требование: не использовать китайский труд на работах, имеющих отношение к военным действиям. Данное ограничение должно было обеспечиваться и содержанием контрактов, контролируемых китайским МИДом, и соответствующими официальными заверениями российской стороны. Ссылки на то и другое служили для китайской дипломатии важным аргументом при ответах на протесты Берлина по поводу того, что, отпуская рабочих в Россию и Францию, Пекин тем самым нарушает свой нейтралитет.

Российские власти не могли напрямую отклонить это требование. Более того, они вынуждены были давать заверения на этот счет не только китайским ведомствам в центре и на местах, но и рабочим на вербовочных пунктах: те боялись, что их могут отправить на фронт рыть, например, окопы. Российские чиновники объясняли эти настроения работой германских агентов, распускавших панические слухи и распространявших прокламации среди китайского населения. Такая работа и в самом деле велась, в том числе посредством публикации в прессе материалов, содер-

жавших фальсифицированные факты. Например, в Гуанчжоу в газете «Шимянь жибао» в одной из статей утверждалось, будто бы Россия хочет нанять в Китае 100 тыс. кули и послать их сражаться на германский фронт, где немецкие войска уже взяли в плен 13 тыс. кули, вооруженных японским оружием¹³⁴. Дело было, однако, не только в немецкой пропаганде: она лишь подогревала понятные опасения тех, кто задумывался о работе в воюющей стране.

И действительно, данное условие китайской стороны Россия фактически не выполняла. В Полевых строительных управлениях китайский труд применялся весьма широко. В основном он привлекался туда через посреднические компании, но бывало, что представители Полевого управления сами ездили в Китай для вербовки. При этом иной раз происходили комические случаи: не получив инструкций, они ходили в военной форме и предъявляли мандаты, свидетельствовавшие, что такая-то стройка имеет важное военное значение.

Намерение китайской стороны через местные органы власти обеспечить контроль и корректировку контрактов наталкивалось на сопротивление российских ведомств. Когда в 1916 г. харбинский даотай пытался выполнить соответствующие инструкции своего МИДа и с этой целью задержать выдачу паспортов нанявшимся в Россию рабочим, российский генконсул в Харбине докладывал в Министерство иностранных дел: «Это нам неприемлемо. Мы требуем, чтобы выдача паспортов была свободной и не задерживалась вопросами о редакции договоров». Дальше он сообщал: «Благодаря угрозам прекратить визирование паспортов китайских купцов, отправляющихся в Россию, нам пока удалось избежать задержки...»¹³⁵.

Кардинальный выход из тупиковой ситуации с паспортами был найден, когда российское правительство разрешило китайским рабочим въезд без паспортов, по свидетельствам, выдававшимся на местах российскими консульствами¹³⁶. Мера эта, позволявшая обойти позицию Пекина, вместе с тем в определенном смысле была для него выгодна, поскольку лишала немецкую сторону оснований для протестов в его адрес.

Трения между сторонами по поводу трудовой миграции имели, однако же, второстепенное значение: обе стороны были в высшей степени заинтересованы в использовании китайского труда. Поэтому поток китайских рабочих в Россию все увеличивался. Так, за 1915 год через Харбин было завербовано и уехало

в Россию 7212 человек. В 1916 г. к июню, т. е. всего за полгода, было вывезено столько же — 7243 человека.

Общее количество завербованных в Россию китайских рабочих можно оценить лишь приблизительно. По российским данным, с января 1915 г. по апрель 1917 г. по железной дороге было ввезено 159 972 китайских рабочих¹³⁷. Китайское посольство в России в 1916 г. называло число 100 тыс. человек¹³⁸, это же число фигурировало в документах китайского МИДа и в последующие годы. Немецкий посол, обосновывая свой протест, утверждал в 1917 г.: «Начиная с весны прошлого года, правительства России и Франции завербовали в Китае большое количество рабочих, чтобы восполнить нехватку собственной рабочей силы. Для России это количество составляет 500 тыс. человек, для Франции — 50 тыс.». Думается, что российские данные наиболее близки к истине. Для сравнения укажем, что, по оценкам специалистов, во Францию было завербовано 150 тыс. рабочих, в Англию — 50 тыс.

Как бы то ни было, зоной расселения китайцев, пусть и неплотного, стала фактически вся европейская часть России: Петербург и Москва, Новгород, Рига, Майкоп, Симферополь, Мелитополь, Тирасполь, Карелия, Урал...

Контракты, заключающиеся хотя бы при минимальном контроле со стороны органов власти России и Китая, в принципе должны были обеспечить китайским рабочим на чужбине нелегкое, но все же более или менее сносное существование. Такие контракты должны были соответствовать как китайским законам, так и разработанным в России «Правилам найма и перевозки рабочих желтой расы». Согласно этим правилам, нанятым рабочим обеспечивалось проживание в бараках до момента отъезда, тщательный медосмотр, питание, комплект одежды и обуви. В пути рабочих сопровождали переводчики, агенты фирмы-наимателя снабжали эшелон провиантом.

Условия работы можно показать на примере договора известной фирмы Дризина (Харбин) о доставке рабочих на угольные копи на Урал в г. Кизел¹³⁹. Договор предусматривал оплату на подземных работах больше, чем на поверхности земли (соответственно 70 и 60 коп.), рабочий день продолжительностью в 12 часов, из которых 1,5 часа полагалось на обед. Рабочим бесплатно предоставлялись помещение, определенное количество провианта и уголь. Праздники должны были занимать не более 10 дней в году. Заболевший получал бесплатный билет до станции Мань-

чжуря плюс 6 рублей. Рабочим, отработавшим срок контракта, полагались премии в 25 и 50 рублей.

На практике, однако, рабочим нередко приходилось терпеть не только изнурительный труд, но и разного рода лишения, произвол начальства, дискриминацию¹⁴⁰. Возникали волнения, забастовки, стычки с полицией и казаками. Доискаться правды было невозможно. Китайские рабочие жаловались в свое посольство, российские власти трактовали события по-своему. Так, китайский посланник сообщал в МИД содержание жалобы с тех же Кизеловских угольных копей: там русские начальники, создав собственную полицию из китайцев, избивали и пытали китайских рабочих, доводили людей до самоубийства. Российский генконсул в Харбине, в свою очередь, утверждал, что недоразумения в Кизеле были быстро улажены, а китайский посланник дал делу тенденциозное освещение, добиваясь согласия российской стороны на открытие китайских консульств и коммерческих агентств¹⁴¹.

Каким бы, однако, ни был «коэффициент тенденциозности» у каждой из сторон, что бы ни происходило на самом деле в Кизеле и других местах, где трудились китайские рабочие, очевидно, что на их долю в тот период выпало немало страданий. Беспорное доказательство тому среди многих других — многочисленные факты бегства китайцев с работы. Из одного только 1-го Полевого строительного управления к моменту февральской революции 1917 г. сбежало свыше 500 человек. Сбежавшие (плюс уволенные) с работы составили вскоре главный контингент так называемых «бродячих китайцев» — людей без определенных занятий и крова над головой, перебивавшихся мелкой уличной торговлей или случайными заработками.

После начала войны в Петербурге, прифронтовых губерниях и некоторых городах на Дальнем Востоке было введено военное положение, и «бродячих китайцев» стали высылать из этих мест, а также из полосы отчуждения железных дорог как лиц, «подозрительных по поведению». («Язык их нам непонятен, местопребывание — неопределенное, и могут возникнуть различные недоразумения», — пояснил градоначальник Санкт-Петербурга.) Поодиночке или небольшими группами, до 15—20 человек, китайцев, «изобличенных в порочном поведении или подозреваемых в шпионстве», в административном порядке или по этапу отправляли в провинциальные городки во внутренние области России, за Волгу и на Урал, а частью — на родину.

Операция эта была весьма хлопотной, поскольку власти стремились проводить ее наиболее цивилизованным образом: оплачивали переезд, выдавали пособия на высланных лиц, пытались максимально учесть жалобы по поводу злоупотреблений, поступавшие из китайского посольства. МИД требовал немедленного освобождения «не подозреваемых в шпионстве» китайцев «в целях поддержания наилучших добрососедских отношений с дружественной нам державой, особенно важных в переживаемое время»¹⁴². Тем не менее, для китайцев вся эта процедура была, конечно, достаточно болезненной.

Таким образом, участие России в мировой войне принесло бедствия не только ее народу, но и китайцам, количество которых на российской территории за годы войны значительно увеличилось.

§ 2. Китайская эмиграция в период революции и гражданской войны

Жертвы чужой войны

Все содержание политики российских властей в отношении китайских рабочих резко переменилось после ликвидации монархии в феврале 1917 г. Временное правительство «ввиду изменившихся условий жизни русского общества» в июне приостановило высылку китайцев, а в июле вынесло постановление о прекращении ввоза китайских рабочих. Получив дипломатическое признание от Китая, оно выразило готовность улучшить их положение и содействовать их репатриации. Для решения вопросов, связанных с использованием «желтого труда», были созданы специальные органы: Особое междуведомственное совещание и Особый комитет. Особому комитету была поручена эвакуация в Китай тех рабочих, кто не хотел оставаться в России, больных, безработных. Предполагалось, что эти органы будут работать в тесном контакте с китайским посольством, передавать ему копии контрактов, материалы трудовых конфликтов и т. д.¹⁴³ Однако Временное правительство успело сделать не много. Успело, в частности, разрешить китайскому посольству посылать своих представителей (в сопровождении российских чиновников) в места сосредоточения китайских рабочих¹⁴⁴.

Успело обсудить в междуведомственном совещании, пригласив представителей китайского посольства, вопрос о «медицинской и денежной помощи больным китайским рабочим»¹⁴⁵. Успело предоставить льготы китайским рабочим для проезда на родину по железной дороге, вплоть до выдачи бесплатных билетов, и до сентября 1917 г. тысяча китайских рабочих смогла вернуться домой¹⁴⁶.

Россию потрясли новые события. Октябрьская революция, выход России из войны со странами оси, гражданская война, дезорганизация производства — все это привело к тому, что десятки тысяч китайцев остались без работы. Из-за разрухи на транспорте, перегруженности железных дорог они лишились возможности вернуться на родину и попали в отчаянное положение. Дело осложнялось еще и тем, что Российская империя распалась на части, разделенные фронтами, каждая со своей властью. Никто не хотел задерживать у себя массу безработных голодающих людей, но в тех условиях, при катастрофической нехватке средств, мало что можно было для них сделать. В итоге репатриация растянулась на долгое время.

Тем не менее, до начала чехословацкого восстания в Сибири в мае 1919 г. правительство РСФСР сумело эвакуировать более 40 тыс. китайцев¹⁴⁷. Китайские источники приводят несколько меньшую, но тоже значительную цифру — 30 тыс. человек. В обстановке войны и еще далеко не закончившегося формирования новых органов власти это потребовало огромных усилий.

Социалистическое правительство Украины также держало в поле зрения вопросы репатриации китайских рабочих. Оно приняло решение за собственный счет отправить в Харбин несколько эшелонов по 1000—1500 человек¹⁴⁸ (к сожалению, мы не знаем, удалось ли это сделать).

Многие китайские рабочие спешили выбраться из России самостоятельно, однако, далеко не всем это было под силу, и они застревали на полпути, где-нибудь в Омске или в Иркутске, бедствовали, нищенствовали, не умея даже объясниться на чужом для них языке.

Между тем репатриация китайских рабочих из советской России постепенно набирала темпы. В марте 1918 г. в Харбин прибыла, пожалуй, самая большая группа репатриантов — 2575 человек. Однако после того, как в мае 1919 г. мятежные чехословацкие части перерезали Транссибирскую магистраль, процесс репатриации фактически застопорился.

Кое-кто надеялся вернуться на родину окольным путем. На побережье Черного моря, по сведениям китайского МИДа, собралось около 10 тыс. китайцев, рассчитывавших воспользоваться пароходным сообщением. Часть из них через Батуми перебралась в Турцию¹⁴⁹.

Около тысячи рабочих, занятых, главным образом, на строительстве Мурманской железной дороги, попали в зону действия высадившихся в России английских войск. Британский командующий предложил вывезти их в Китай через Европу. В первую очередь возможность эвакуироваться была предоставлена тем, кто был в состоянии оплатить свой проезд (таких набралось 60 человек), а также тем, кто к этому времени служил в так называемом Славяно-Британском легионе. (Легион формировался «из добровольцев, главным образом русских, для совместной с союзниками службы, чтобы помочь удержать восточный фронт, пока русские не организуют собственные учебные базы и армии». В легионе насчитывалось 219 китайцев. Они использовались на охране объектов и на подсобных работах.) Китайцев вывозили из Архангельска и Мурманска в Англию, а оттуда круглыми путями, кто через Париж, кто через Канаду они добирались до дома¹⁵⁰. Когда в северные порты вошли отряды Красной Армии, там оставалось в ожидании эвакуации 245 китайцев.

Тем временем в Россию прибывали новые группы рабочих — тех, кому удалось выжить в тяжелейших условиях в немецком плену. Об условиях, в которых они там находились, можно судить хотя бы по приводимым здесь воспоминаниям одного из них: «Немецкое командование согнало кули в концлагерь. В день выдавали по одному куску черного хлеба с чайную чашку величиной. Откусишь его, а на зубах скрипит. С утра до поздней ночи заставляли кули строить тюрьмы, прокладывать дороги. Не скупилась немцы ни на пинок ногой, ни на удар плетью или штыком. И немало народу погибло от побоев, от непосильного труда. Ежедневно из концлагеря целыми грузовиками вывозили трупы умерших»¹⁵¹.

Китайское правительство мало что могло сделать, но что могло — делало. После блокады Транссибирской магистрали Пекин начал переговоры о репатриации китайских рабочих с омским правительством Колчака. Оно в принципе согласилось взять на себя ответственность за репатриацию, но только тех, кто приехал по официальным контрактам вербовочных фирм, и только после объединения России под его властью, когда у него

появятся средства. Пока же оно предложило заняться изучением и подготовкой дела: сбором и сверкой списков, выяснением, кто еще не успел вернуться в Китай. Оно отвергло предложение китайского МИДа упростить дело: просто репатриировать столько человек, сколько их значилось в списках. Отклонило оно и другое предложение Пекина: занять деньги на репатриацию у Российско-Азиатского банка или получить их от китайской стороны в счет «боксерской контрибуции». Омск выразил согласие лишь обсуждать эту идею после того, как Пекин официально признает его¹⁵². Скорее всего, позиция Омска объяснялась тем, что он не контролировал в достаточной мере ситуацию на своей территории и был не в состоянии организовать репатриацию.

Во время всей этой эвакуационной эпопеи китайское правительство неоднократно обращалось к третьим странам с просьбой помочь в перевозке рабочих. При этом оно исходило из того, что расходы по эвакуации рабочих обязано нести правительство России — страны-нанимателя, и, следовательно, оно должно будет возместить затраты этих стран. Китайский МИД прорабатывал вариант репатриации в долг — на средства Китая, но с условием расчета в будущем, «когда в России будет создано официальное правительство»¹⁵³. Однако официально такого рода претензии советскому правительству не предъявлялись, да и едва ли могли предъявляться: большую часть репатриантов оно эвакуировало собственными силами, а нести ответственность за последствия деятельности царского правительства, не бравшего на себя, кстати сказать, никаких обязательств, оно, естественно, не могло. Тем более не могло оно отвечать за деятельность дореволюционных вербовочных компаний, между прочим, уже прекративших свое существование.

Как бы то ни было, значительное число рабочих так и осталось в России, существенно пополнив собой численность китайской диаспоры.

Советской власти как снег на голову свалилась новая проблема: в разоренной войной стране всем им нужно было создать более или менее приемлемые бытовые условия, найти работу. Представление о напряженности сложившейся ситуации дают приводимые ниже документы, относящиеся к июню 1918 г.¹⁵⁴

Срочная телеграмма из Новгорода в НКВД июня 1919 г.

Новгороде и губернии много китайцев прибывших время войны качестве рабочих постройку железных дорог ныне безработных голодаю-

щих распространяющих заразные болезни угрожающие местному населению. Губком просит срочно распоряжения выселении китайцев родину чего они настоятельно просят.

Председатель губкома Сидоров.

Наркомтруда РСФСР — в НКВД

Сообщаем, что ввиду перерыва сообщения с Уралом и Сибирью и перегруженности Вятки Вологды и Перми немедленно направить китайских рабочих из Новгородской губернии на родину не представляется возможным. Единственный выход из положения — это временное размещение их на торфяных работах.

По китайским данным, в европейской части России в середине 1921 г. находилось 90 тыс. китайцев без постоянной работы, а в районах Сибири, контролируемых Красной Армией, — порядка 30 тыс. человек¹⁵⁵. Советское правительство приложило немало усилий, чтобы помочь китайским труженикам, оказавшимся на чужбине без средств к существованию. «Облегчение участи китайских рабочих, — говорилось в докладе, составленном китайским представителем для своего МИДа, — совпало с моментом установления в России советской власти, взявшей на себя защиту интересов рабочих, независимо от принадлежности их к той или другой национальности»¹⁵⁶.

Союз китайских граждан

В репатриации китайских рабочих, в сохранении жизни тех, кто оказался в тяжелейших условиях гражданской войны, заметную роль сыграла одна необычная общественная организация — Союз китайских граждан (СКГ) в России (Чжунхуа люй Э лянхэхэуэй). В апреле 1917 г. под таким названием в Петрограде зарегистрировалась группа учившихся там китайских студентов (всего их было восемь человек). Руководителем Союза стал выпускник Петербургского университета, преподаватель математики в реальном училище Лю Цзэжун. Он приехал в Россию в пятилетнем возрасте с отцом, приглашенным для организации чайводства в Аджарии¹⁵⁷.

Вскоре после февральской революции китайский посол докладывал в Пекин: «Россия преобразовывается, сила у рабочей партии. Крайне важно воспользоваться этим обстоятельством и

помочь нашим рабочим: провести обследование на местах, выявить в каждом городе больных и скончавшихся, дать людям кров, обеспечить бытовые условия»¹⁵⁸. Эту работу и взяли на себя молодые энтузиасты из СКГ¹⁵⁹. Движимые сочувствием к бедствующим соотечественникам, они не остановились даже перед тем, чтобы оставить хорошо оплачиваемую работу, бросить учебу. В своих хлопотах они доходили до самых высоких правительственных кабинетов. Именно по инициативе Союза Временное правительство приняло ряд мер, облегчивших тяготы китайских рабочих.

СКГ сумел добиться от китайского правительства и президента Ли Юньхуна выделения ему значительной суммы — 100 тыс. серебряных руб. на нужды китайских рабочих. Правда, две трети этой суммы осело в посольстве, и фактически лишь треть ее была передана Союзу.

Прекрасное взаимопонимание и плодотворное сотрудничество установились у руководителей Союза с советской властью, уделявшей проблемам китайских рабочих-иммигрантов самое серьезное внимание. В лице Лю Цзэжуна, талантливого организатора, болеющего душой за своих соотечественников, она получила прекрасного помощника и старалась удовлетворить все его ходатайства. Нарком государственного призрения А. Коллонтай выделила Союзу 3 тыс. руб. Железнодорожное ведомство предоставило ему право бесплатной репатриации китайских рабочих. С весны 1918 г. он получил право выдачи им продовольственных карточек, что фактически означало спасение их от голода. Ему было также дано право направлять своих представителей в суды, где слушались их дела.

Наркомтруд поручил Лю Цзэжуну составить проект документа о равноправии китайских рабочих, и этот проект лег в основу постановления об иностранных рабочих. Постановление декларировало равенство всех иностранных рабочих в России с российскими рабочими в вопросах оплаты, рабочего времени, медицинской помощи и страхования¹⁶⁰.

Поскольку Китай заодно со странами Антанты отказывался признать советское правительство и китайское посольство не вступало в контакты с ним, СКГ по сути превратился в представителя китайской эмиграции при новой власти. Эта роль СКГ была признана посольством: в феврале 1918 г., когда государства Антанты отозвали свои посольства из России, китайский посол вместе со всем персоналом выехал в Вологду, а оттуда — на ро-

дину (в посольстве остались два сотрудника, которые позже уехали в Европу). Перед отъездом посол вручил председателю СКГ Лю Цзэжуну мандат, уполномочивающий его «охранять интересы китайских граждан и в случае необходимости обращаться за содействием в датское посольство», которое согласилось взять на себя представительство интересов Китая.

В этот период СКГ и сам переживал трудные времена. Из его руководства в Петрограде остались трое плюс три технических сотрудника, включая русскую машинистку. Тем не менее, они не бросили свое дело. Двое — выпускник Николаевского кавалерийского училища Чжу Шаоян и Чжан Юнкуй направились на юго-западный фронт, чтобы на месте выяснить положение своих соотечественников. Затем Чжу Шаоян поехал в Киев с целью организовать там помощь китайским рабочим, а Чжан Юнкуй открыл и возглавил отделение Союза в Москве. Теперь в Петрограде остался один Лю Цзэжун, и, когда в марте 1918 г. правительство переехало в Москву, ему пришлось чуть ли не разрываться между двумя городами. Хорошо еще, что Наркомат путей сообщения снабдил его бесплатным служебным билетом.

Чтобы читатель мог лучше представить себе, в каких условиях и чем занимались в то время в СКГ, я позволю себе привести здесь в отрывках одно письмо, хранящееся в Архиве внешней политики Российской Федерации¹⁶¹. Письмо было отправлено с Украины. Подписи под ним нет, но из его содержания и сопутствующих обстоятельств ясно, что это — послание одного вышеупомянутых активистов СКГ Чжу Шаояна другому — Чжан Юнкую. Письмо написано на русском языке с небольшими стилистическими погрешностями. Правописание мы сохранили.

Независимо от того, верны ли наши предположения относительно имен отправителя и адресата, письмо является живой зарисовкой событий того времени и одновременно ярким свидетельством самоотверженности и бескорыстия молодых людей из СКГ.

«Знаешь, — пишет автор этого послания, — я за год сделался стариком, — конечно, из-за рабочих китайцев, этих детей природы, которых я всегда любил и для них я за последние годы всю мою силу отдал и с терпением отдаю теперь. Представь, что теперь покидать их в волнующей необъятной России не могу, ибо моя совесть не позволит мне бросить их на чужду страны России, как господа нашего посольства, которые только интересуют свои интересы.

В последнее время рабочие-китайцы находились на Украине в самом ужасном положении... Их называли большевиками, то большевистскими шпионами, то как будто их послали большевики из Петрограда и Москвы с агитационными целями и т. д.

В конце сентября гетман приказал арестовать всех китайцев, находящихся на Украине. Приказ был выполнен. По моему ходатайству и при поддержке всего консульского корпуса, действовавшего по моей просьбе, их вскоре освободили, и гетман разрешил им свободно жить на Украине». Но работу они потеряли: «некоторые из китайских рабочих знали своего хозяина, а другие совсем не знали, кто его хозяин. Почти два месяца днем и ночью я бегал повсюду, наконец, устроил всех, как сумел, в такой глубокой зиме.

Рабочие-китайцы совершенно без защиты, кому не лень, то и обижает их. Теперь опять новое украинское правительство и объявлена война советской республике, это для нас опять сильный удар, потому что говорят, якобы, наши рабочие служат у них в Красной Армии, особенно в газетах пишут очень часто, что китайцы убивают всех...

Вот последняя нота украинского правительства советскому правительству, что главное зло — это есть китайцы, которые режут без разбора всех на территории Украины. К добавлению приезжает масса пленных китайцев из Австрии и Германии и находится в тяжелейшем положении. Я сейчас беден как никогда и плюс масса расходов для всех нуждающихся. У меня сейчас столько долгов, что ты представить не можешь и я боюсь сказать и сообщить тебе и Шао-Джу (т. е. Лю Шаочжоу, это — второе имя Лю Цзэжуна. — *Авт.*), поскольку ты знаешь меня, что я не люблю затевать долги. Если я расскажу все подробно и если вникнуть всю эту историю, думаю, каждый, кто любит своих соотечественников, не иначе поступил, как я в данное время. Я не могу сказать, что каждое дело я верно поступаю, но я стараюсь удовлетворить каждого рабочего по столько, сколько я в силе. И пусть судят потом совестные люди о Китае.

...Я устраиваю в Киеве временное отделение союза китайских граждан... взял еще у одного купца 10 тыс. руб. в долг... Мой знакомый по Николаевскому училищу дал мне большую квартиру почти даром.

...Я послал человека в Екатеринослав, чтобы оказать помощь рабочим китайцам, и скоро сам опять еду туда для устройства на работу в один из заводов недалеко от Екатеринбурга 150 китайцев».

Когда дорога через Сибирь оказалась перерезанной, Союз китайских граждан (сменивший к этому времени свое название, о чем речь будет итти ниже), помимо заботы о жизнеобеспечении своих подопечных, занялся поиском обходных путей из России в

Китай. Осенью 1919 г. Союз послал одного из своих активистов в Среднюю Азию, чтобы разведать, нельзя ли организовать эвакуацию рабочих через Синьцзян. Ответ был отрицательный.

В ноябре 1919 г. упомянутый нами выше один из лидеров СКГ Чжу Шаоян, получив через китайское посольство в Париже полномочия для оказания помощи китайцам на юге России, направился в Турцию. Там он разыскал около 200 беженцев из России и нашел им работу. Затем объехал Новороссийск, Севастополь, Одессу и вывез оттуда еще 271 соотечественника. Они находились в самом отчаянном положении, некоторых пришлось даже вывозить из тюрьмы. Чжу Шаоян организовал отправку первой группы своих соотечественников и части второй морским путем из Турции в Китай, а остальных новичков устроил работать вместо уезжающих. Юг России, находившийся в это время под властью белых, был отрезан от центральной части страны линией фронта. Поэтому Чжу Шаояну вместе с Чжан Юнкуем, которого он встретил в Одессе, ничего не оставалось, как вернуться на родину¹⁶² — как оказалось, ненадолго.

Союз китайских рабочих

Несколько раньше, в конце 1918 г. Союз китайских граждан из чисто благотворительного общества превратился в «организацию пролетарскую», которая, как отмечалось в одном из документов НКИДа, «работает рука об руку с Рабоче-Крестьянским правительством»¹⁶³. Этот шаг представляется вполне логичным, если учесть, какое содействие получал Союз со стороны советской власти и какой притягательной силой могли обладать для его молодых руководителей идеи Октября.

24 декабря 1918 г. новая организация, получившая название Союз китайских рабочих, переехала в здание бывшего китайского посольства. «Над посольством (Сергиевская, 22) развевается красное знамя китайского трудового народа», — сообщали в связи с этим «Известия»¹⁶⁴.

Согласно сообщению «Правды», Союз (Люй Э хуагун лянъ-хэхуэй) насчитывал 40—60 тыс. членов. Советское правительство признало за ним «все права по охране интересов китайских граждан на территории Советской Республики»¹⁶⁵. Сегодня трудно сказать, как строилась в СКР массовая работа, в какой мере руководство в столице было действительно связано с рабочими

на местах. Однако известно, что он имел отделения в Петрограде, Киеве, Саратове, Самаре, Екатеринбурге, Омске, Иркутске, Красноярске, Верхнеудинске, и некоторых городах Сибири и Средней Азии.

Союз финансировался НКИДом¹⁶⁶. Лю Цзэжун получил от НКИДа мандат с припиской Ленина: «Со своей стороны очень прошу советские учреждения и власти оказывать всяческое содействие тов. Лау-Сиу-джау»¹⁶⁷. (Лау Сиу-джау — слегка искаженное второе имя Лю Цзэжуна — Лю Шаочжоу. — *Авт.*)

Интересно, что, изменив направление своей деятельности, СКР не порвал связи с Пекином, имевшие особую ценность при фактически полном отсутствии отношений между двумя странами. Чтобы не ставить эти связи под удар, Союз в обмене телеграммами с Пекином до конца 1920 г. использовал свое прежнее название — Союз китайских граждан. Поэтому когда в сентябре 1919 г. некий Союз китайских рабочих обратился через посольства и по радио к правительствам всех стран с просьбой оказать содействие китайским рабочим в проезде через Сибирь, для Пекина появление новой организации, работающей в сфере его интересов, было полной неожиданностью. Только в сентябре 1921 г., обращаясь в Государственный совет Китая за продовольственной помощью для китайцев в России, руководители нового союза дипломатично объяснили, откуда он взялся. Объяснение было таким: «После того, как посол уехал в Китай, мы хотели переименовать свою организацию в коммерческий союз. Но создание коммерческого союза не соответствует правилам Рабоче-крестьянского государства, его бы тут же закрыли. Поэтому мы переименовали Союз китайских граждан в Союз китайских рабочих»¹⁶⁸.

Важнейшим направлением деятельности СКР, помимо забот о благополучии китайских рабочих и их репатриации, стала пропагандистская работа с ними и, особенно, с китайскими красноармейцами. По предложению НКИДа Союз начал издавать газету «Люй Э хуагун датун бао» (что можно перевести как «Датун, газета китайских рабочих в России». «Датун» — одно из наиболее популярных понятий в истории китайской общественной мысли, означающее «великое единство» или «Великую гармонию» в человеческом обществе.) Русский подзаголовок газеты представлял собой вольный перевод слова «*датун*»: «великое равенство». Газета предназначалась главным образом для китайцев, сражавшихся в рядах Красной Армии. Каждый ее номер

имел тираж 2—3 тыс. экземпляров, всего было выпущено (до осени 1920 г.) 40—50 номеров.

Выходила и другие газеты аналогичного направления на китайском языке. Редактором одной из них, «Чжунго гунжэнь» («Китайский рабочий»), был выдающийся китаевед-лингвист Е.Д. Поливанов. В Архиве внешней политики РФ нам удалось обнаружить несколько номеров еще одной китайской газеты, называвшейся «Э цзин хуа гун датун бао» («Газета Датун китайских рабочих в российской столице») с подзаголовком на русском языке «Московский рабочий». Видимо, несмотря на тяжелые условия того времени, изданию газет как средству политического воспитания китайских рабочих уделялось самое серьезное внимание.

В то же время в деятельности СКР заметную роль начало играть другое направление — внешнеполитическое. В цитированном выше документе НКВД РСФСР прямо указывалось, что СКР «ведет пропагандистскую работу не только в России, но и в Китае».

В пропагандистской деятельности СКР — и это вполне логично — была отражена внешнеполитическая позиция советской власти. Стержнем пропаганды стала идея антиимпериалистической и далее — пролетарской революции в Китае, опирающейся на опыт и пользующейся поддержкой со стороны революционной России. Воззвания к китайцам в России соседствовали с призывами ко всему китайскому рабочему классу или ко всему китайскому народу «продолжать свою героическую войну против продажного правительства Северного Китая»¹⁶⁹ и т. п. Наиболее известным документом внешнеполитического содержания среди выпущенных Союзом является обращение III Всероссийского съезда китайских рабочих в июне 1920 г., направленное в Шанхай «господину Сунь Ятсену, для всех китайцев, всех общественных организаций, обществ и политических партий». Оно содержало просьбы не только о помощи в репатриации, но и о разрывании движения за признание Советской России. Сунь Ятсен, как известно, с энтузиазмом откликнулся на это обращение¹⁷⁰. СКР, таким образом, внес свой скромный вклад в усилия советского правительства наладить сотрудничество с Сунь Ятсеном.

Подчас на внешнеполитической арене СКР превращался в некую виртуальную величину, куда более значительную, нежели его собственная реальная суть. На разного рода митингах, совещаниях и т. д. руководители СКР нередко выступали как представители всего китайского пролетариата или китайского наро-

да. На I Конгрессе Коммунистического Интернационала в 1919 г. Лю Цзэжун выступал как представитель рабочих революционного юга Китая, откуда он сам был родом. На II Конгрессе Коминтерна он произнес речь от имени китайских трудящихся, проживающих в России, и от всего китайского народа.

В ряде случаев Союз служил для советских дипломатов чем-то вроде естественного консультативного органа по китайским проблемам. Там обкатывался, например, такой важный документ, как известное «Обращение Совета Народных Комиссаров к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. В Обращении советское правительство заявляло об отказе от привилегий, которыми пользовалась Россия до Октябрьской революции, и призывало Китай установить официальные отношения на новой, равноправной основе.

Стоит отметить, что при обсуждении этого документа в Союзе китайских рабочих произошло странное недоразумение, состоявшее в том, что «он в пункте, касавшемся КВЖД, был произвольно перередактирован»¹⁷¹. А именно, в документ оказался включенным абзац о том, что советское правительство безвозмездно передает китайскому народу Китайско-Восточную железную дорогу. В таком виде документ был передан китайской стороне и опубликован в одной из брошюр в Москве, а также в упомянутой выше газете СКР «Датун». Между тем, согласно более поздним объяснениям, то был всего лишь черновой вариант Обращения, в окончательный же его текст пункт о КВЖД не вошел, что дало возможность китайскому правительству и американским специалистам обвинять советское правительство в непоследовательности и в склонности продолжать политику царизма¹⁷².

Сегодня трудно сказать, в какой мере ответственность за этот инцидент лежит на СКР и его руководителях. Мы можем только констатировать, что они проявляли явную заинтересованность и в нормализации советско-китайских отношений, и в революционизации Китая и выдвигали в этой области собственные инициативы. Они хотели организовать поездку в Китай делегации, которая попыталась бы установить хотя бы неофициальные отношения между двумя странами, еще не признавшими друг друга после Октябрьской революции. Одновременно имелось в виду создать легальные каналы, которые можно было бы использовать для проведения в Китае революционной агитации. Союз был готов участвовать в первом и играть ключевую роль во втором.

Предложения СКР зафиксированы в интереснейшем документе, который мы здесь приведем в сокращенном виде¹⁷³. Напомним, что указанные в его заголовке авторы Лау-Сиу-Джау и Тсу-Шао-Ян — это Лю Шаочжоу (он же Лю Цзэжун) и Чжу Шаоян, о котором мы говорили выше.

«Председателю СНК т. В.И. Ленину. Доклад Председателя Союза китайских рабочих в России Лау-Сиу-Джау и Председателя Союза китайских граждан Украины Тсу-Шао-Яна.

После Октябрьской революции китайские революционные организации (в России. — Авт.) обратились с предложением о посылке в Китай советской делегации для установления постоянных сношений с Китаем. После долгих переговоров китайское правительство согласилось принять делегацию, но неофициальную, и не в Пекине. Осуществить это предложение не удалось.

С тех пор мы неоднократно предлагали Замнаркому Карахану послать в Китай представителя Советской власти хотя бы только для установления связи, издания газеты и пропаганды советских идей. Так как у Комиссариата не было свободных сил, то мы готовы снарядить делегацию из своей среды, при условии, если в нее войдет представитель советской власти, облеченный нужными полномочиями и знакомый с Китаем.

Положение в Китае благоприятно для нас. Пропаганда противоимпериалистического движения найдет благодарную почву не только в Кантоне и Шанхае, но и в Пекине.

Старые революционеры должны уступить место молодежи, питающейся советскими идеями. Даже группа китайских эмигрантов в Европе, никогда раньше не отличавшаяся особым радикализмом, теперь видит спасение Китая в установлении республики по образцу советской.

Цели делегации: сношение с эмигрантскими организациями в Европе, непосредственная связь с Пекинским и, особенно, Кантонским правительствами, признание от них права Союза китайских рабочих на официальное представительство китайских рабочих, для русского делегата — право официального представительства, организация в Кантоне или другом месте газеты и широкая пропаганда и агитация через посредство китайских революционных организаций.

Упустить настоящий момент значило бы упустить важный для нас случай для нанесения удара по империалистам, в особенности английским и японским, в тыл.

Москва, Тверская, 69»

Между тем сближение Китая и РСФСР шло медленно и трудно. Из-за идеологического антагонизма у сторон не было ясности в отношении намерений друг друга, зато было много настороженности и недоверия.

Москва и Пекин (так называемое бэйянское правительство) продвигались навстречу друг другу осторожными мелкими шагами, выжидая, какой будет ответная реакция другой стороны. К тому же Пекину приходилось действовать с оглядкой на империалистические державы, оказывавшие на него сильнейший нажим.

В 1920 г. китайское правительство направило в Москву миссию генерала Чжан Сылина¹⁷⁴, но, чтобы не придавать миссии ни малейшего намека на официальный статус, не уведомило о ней российский НКВД, поручив миссии по пути, когда она прибудет на территорию Дальневосточной Республики, связаться с Москвой самостоятельно. А когда это было сделано и из наркомата по иностранным делам пошел запрос в Пекин, ответа оттуда не последовало. Поэтому в наркомате склонялись к тому, чтобы миссию не принимать.

По мнению же Лю Цзэжуна, этот шанс нельзя было упускать. В ходе работы II Конгресса Коминтерна Лю встретился с Лениным и изложил ему свои доводы. Ленин тут же распорядился: принять делегацию, не придираясь к формальностям¹⁷⁵.

5 сентября делегация Чжан Сылина прибыла в Москву. В ее составе в Россию вернулись ветераны Союза китайских рабочих Чжу Шаоян и Чжан Юнкуй. Чжан Сылин сообщил наркому по иностранным делам Г.В.Чичерину, что китайское правительство решило передать в дар правительству РСФСР 5 тыс. пудов муки: 1000 — детским садам Москвы, 500 — детям Петрограда, остальные 3500 — китайским эмигрантам в Москве, Петрограде, Самаре и других городах страны¹⁷⁶. Помимо очевидных гуманитарных целей, этот дар мог служить для китайского правительства защитным аргументом на случай, если бы миссия вызвала раздражение империалистических держав.

Миссия Чжан Сылина стала важной вехой в развитии советско-китайских отношений: стороны договорились об обмене дипломатическими представительствами. Чжан Сылин объявил о сделанных китайским правительством новых назначениях. Был, наконец, занят пустовавший до того пост генерального консула в Москве, его заместителем стал один из ветеранов СКР, а Чжу Шаоян получил назначение консулом в Иркутск.

Лю Цзэжун участвовал в организации приема Чжан Сылина в Москве и Петрограде. Однако к этому времени между ним и представителями РКП(б), по всей видимости, возникли идеологические разногласия. Его предполагали послать на работу в Китай по линии Коминтерна, для начала направили в Сибирь, но там в китайском отделе пришли к выводу, что он «не обладает достаточной политической подготовкой, к тому же по духу и убеждениям является человеком далеко не близким к социалистическому движению»¹⁷⁷. Трудно сказать, на чем основывался этот вывод. Возможно, не все в действиях советской власти отвечало его идеализированным представлениям о революции. Его энтузиазм могли охладить, например, беззакония, творившиеся в некоторых отделениях Союза китайских рабочих, необоснованные репрессии против близких ему людей. Так, в 1919 г. самарской губернской ЧК был расстрелян председатель местного отделения СКР М. Шамсутдинов, известный своей заботой о бедняках-иностранцах. Лю Цзэжун писал в связи с этим своему товарищу: «Получил сегодня чрезвычайно печальное известие о том, Шамсутдинов расстрелян. Убежден, что он сделался жертвой ложного доноса. Поговорим об этом при личном свидании»¹⁷⁸.

Не лучшим образом сложились у Лю Цзэжуна и отношения с пекинским правительством: в отличие от своих товарищей по руководству СКГ, он не получил никакого поста в системе китайских консульств, к которым теперь перешла задача дипломатической защиты интересов китайских эмигрантов. В этой ситуации он подал в отставку с должности председателя СКР и вместе с Чжан Сылинем выехал на родину. На станции Маньчжурия к Лю Цзэжуну придрались было китайские пограничники, но Чжан Сылинь дал за него поручительство, что и позволило Лю вернуться на землю предков.

В кругах китайской демократически настроенной интеллигенции высоко ценили работу Союза китайских граждан и его основателя Лю Цзэжуна. Некоторые считали Лю идеальным кандидатом для консульской работы в Москве. Известный прогрессивный писатель и общественный деятель Цюй Цюбо назвал его «самым замечательным из китайцев, учившихся в России»¹⁷⁹. Тот факт, что его не пригласили на консульский пост, был, надо полагать, связан с превращением Лю в достаточно заметную политическую фигуру в советской России. Конечно, пока между Россией и Китаем еще не было дипломатических отношений, китайский МИД не имел точной информации о том, что проис-

ходило в Москве и, вероятно, многого не знал о внешнеполитических акциях руководителей СКР. Однако вряд ли тому же МИДУ не были известны такие факты, как выступление Лю Цзэжуна на конгрессах Коминтерна.

Тем не менее, Лю Цзэжун получил назначение на КВЖД. Позже он занимал профессорские должности в университетах, преподавая русский язык, а затем перешел в дипломатическое ведомство. В 40-е годы служил советником в китайском посольстве в Москве, в 1945 г. принимал участие в переговорах о заключении советско-китайского Договора о дружбе и союзе. После образования КНР Лю Цзэжун остался на дипломатической работе, потом стал заместителем главного редактора крупного книжного издательства, вступил в коммунистическую партию. Скончался он в 1970 г. Российским китаистам хорошо известен «Большой китайско-русский словарь», выпущенный в Шанхае под его руководством в 1960 г.

Союз китайских граждан считался организацией пролетарской, но формально не партийной. Китайские коммунисты состояли в РКП(б), образуя в СКР собственную фракцию. В июне 1920 г. на III съезде СКР фракция внесла предложение о создании центрального органа китайских коммунистов, и на следующий день после окончания съезда такой орган — Центральное организационное бюро — был создан. Лю Цзэжун был включен в число участников II Конгресса Коминтерна как делегат от Центрального оргбюро. Таким образом, граница между организацией китайских коммунистов и Союзом китайских рабочих была достаточно условной.

Столь же условной была разница между партийными и рабочими организациями на местах. На Дальнем Востоке возникали организации, называвшие себя, например, «Китайская социалистическая партия» или «Китайская партия большевиков» (кстати, Лю Цзэжун на I Конгрессе Коминтерна выступал как представитель Китайской социалистической партии). Затем они создавали рабочие союзы или даже сами преобразовывались в них. По-видимому, это был поиск наиболее эффективных организационных форм работы с политически неразвитыми массами.

По крайней мере, пропагандистская работа союзов явно строилась применительно к уровню китайских тружеников, на откровенно уравнилельных идеях. «Собственность должна быть общей. Взять, например, еду или одежду: все это надо поделить

поровну, чтобы не было так: один мерзнет, а другой в тепле, один сыт — другой голоден», — писала, например, газета «Бэйфын» («Северный ветер»), орган «ячейки Сибирского общества по изучению коммунизма»¹⁸⁰.

И Центральное организационное бюро, и все местные организации китайских коммунистов утверждались соответствующими комитетами РКП(б) и работали под их руководством. И эти организации, и рабочие союзы пользовались всесторонней поддержкой партийных комитетов и местных властей¹⁸¹. Консульства Китайской Республики в дальневосточных городах утверждали, что китайских рабочих «насильно красят в красный цвет» — вынуждают вступать в рабочие союзы: тем, кто отказывается, не выдают свидетельства об аренде помещений, не ставят отметку о прописке в паспорте и т. д.¹⁸² Справедливы эти утверждения или нет — важно отметить, что созданная структура обеспечивала максимальную мобилизацию потенциала китайской диаспоры в интересах революции.

Кули берут винтовку

В точности по Марксу китайские рабочие в России — в полном смысле слова пролетарии, которым нечего было терять, кроме своих цепей, — оказались готовы идти в бой во имя лучшей жизни. То был реальный интернационализм, опять-таки в полном соответствии с Марксом: ни национальность, ни иностранное гражданство не играли тут решающей роли. По подсчетам специалистов, 30—40 тыс. китайских рабочих в годы гражданской войны влились в ряды Красной Армии и красных партизан¹⁸³. Китайские дипломаты в годы гражданской войны называли большие числа — 60—70 тыс.¹⁸⁴ Китайцы воевали на всех фронтах. Из них создавались отряды, роты, батальоны и даже полки. Не случайно образ красноармейца-китайца вошел даже в советскую художественную литературу, в том числе в классику — вспомним хотя бы «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова.

Было бы, конечно, наивным изображать дело таким образом, будто все эти китайские рабочие с самого начала брали в руки оружие из идейных соображений. Подавляющее большинство китайцев не интересовалось политикой и занято было заботой о хлебе насущном, а для рабочих, завезенных в Россию во время мировой войны, заветной мечтой было вернуться домой. Такие

люди шли в солдаты под давлением обстоятельств, просто чтобы не погибнуть от голода и холода в чужой стране. На этот счет имеются многочисленные свидетельства самих китайских красноармейцев¹⁸⁵.

Некоторые китайцы попали в армию на тыловые работы еще в царское время и так и остались там после смены властей.

Насколько далеки были эти пролетарии от понимания политической обстановки в стране, хорошо видно, например, из воспоминаний китайского бойца Ли Фуцина, позже служившего в охране В.И. Ленина. Весной 1917 г., когда толпы голодных кули бродили по украинским степям, Ли с товарищами встретил русского по фамилии Иванов. Тот сказал: «Товарищи, чтобы остаться в живых, надо организовать и начать бить царские войска. У них в пакаузах есть и хлеб, и одежда». К этому времени Ли «уже понимал немного по-русски, и он почувствовал, что Иванов прав». Возникший таким образом русско-китайский отряд «стал совершать налеты на гарнизоны, громить склады», пустил под откос поезд с боеприпасами. «Позднее Ли Фуцин понял, что отрядом руководят большевики»¹⁸⁶. Иными словами, китайский рабочий, сам того не ведая, стал участником диверсий в тылу воюющей российской армии, т. е. правительственных войск!

Но были, бесспорно, и такие, кто вступал в Красную Армию по убеждению. В районах, занятых белыми, китайцы по-прежнему оставались людьми второго сорта, обездоленными и безо всякого просвета в будущем. Более того, в условиях гражданской войны белые стали смотреть на них как на врагов, пособников большевиков, и соответственно обращаться с ними. «В области Войска Донского, — сообщал в апреле 1918 г. уполномоченный китайского посольства, — казаки и поныне арестовывают всех без исключения китайцев и отправляют их в ссылку, местонахождение которой нам неизвестно. Такой же режим установлен на территории, занятой добровольцами»¹⁸⁷ (т. е. Добровольческой армией Деникина. — *Авт.*). Бывало и хуже. «Харьковский отдел Союза китайских рабочих в России телеграфирует Наркому Чичерину, — писала «Правда» 28 марта 1919 г. — В первых числах февраля в Мелитополе бесчеловечно замучено белогвардейцами свыше полусотни китайцев, уроженцев провинций Хубэй и Шаньдун. В числе погибших одиннадцать женщин и 23 ребенка. Просим Народный Комиссариат по иностранным делам довести об этом до сведения прави-

тельств Китая, Дании и правительств Антанты и выразить наш энергичный протест по поводу такого насилия над мирными жителями»¹⁸⁸.

Красные же обещали китайским рабочим полную защиту их интересов. И не только обещали. У красных же китайцы впервые почувствовали, что с ними обращаются как с равными, и это, естественно, было воспринято ими как доказательство того, что и остальные обещания новой власти будут выполнены. За это стоило воевать.

В том, что столь значительная часть китайской диаспоры сделала выбор в пользу красных и взяла в руки винтовку, большую роль сыграла пропагандистская и организационная работа большевиков. У белых ни такой идеологии, ни такого мощного пропагандистского аппарата не было. В системе организаций, занимавшихся формированием интернациональных частей Красной Армии, их политическим образованием, существовали учреждения и подразделения, предназначенные специально для работы с китайцами (или с китайцами и корейцами). Такая работа была, в частности, одной из главных задач Союза китайских рабочих. Осенью 1918 г. в Москве был создан штаб по формированию китайских отрядов на территории РСФСР (в 1920 г. переведен в Иркутск). При Дальневосточном бюро ЦК, в обкомах Дальнего Востока были созданы китайские и корейские секции, перед которыми ставились задачи: вовлекать китайцев и корейцев в партизанские отряды, агитировать за коммунизм среди китайского и корейского населения. В армии пропагандистской работой с китайцами и другими иностранцами занимались специальные структурные подразделения.

Очевидно, однако, что сила большевистских идей заключалась не столько в интенсивности их пропаганды, сколько в том, что они отвечали самым заветным чаяниям китайских бойцов-пролетариев и подкреплялись реальными делами новой власти, да и самим фактом ее установления. Поэтому даже те, кто шел в армию из чисто материальных соображений, ради выживания, постепенно, как представляется, проникались революционными идеями, чему немало способствовала и армейская пропаганда. Разумеется, в массе восприятие этих идей не могло не быть чрезвычайно упрощенным. Но люди хорошо усваивали главное: нужно и можно освободиться от неимоверного гнета, от нищеты — сначала в России, а потом с ее помощью — в Китае. Этот план приобретал осязаемость благодаря тому обстоятельству, что

в рядах Красной Армии китайцы не просто получали пищу и кров, но и полноценным образом социализировались, становились уважаемыми членами армейского коллектива, а жизнь их обретала высокий смысл.

Участию китайцев в защите советской власти с оружием в руках посвящена большая литература: несколько книг и десятки статей¹⁸⁹. В них подробно описаны также положение китайских рабочих в России перед Октябрьской революцией, пропагандистская работа большевиков среди них, их участие в забастовочном движении. Приведено множество свидетельств того, как китайские бойцы, убежденные в правоте своего дела, храбро воевали в рядах армии и в партизанских отрядах. Прочитируем здесь прочувствованные слова известного советского военачальника И.Э. Якира: «Китаец — он стоек, он ничего не боится. Брат родной погибнет в бою, а он и глазом не моргнет, подойдет, глаза ему прикроет, и все тут. Опять возле него сядет, в фуражке — патроны, и будет спокойно патрон за патроном выпускать. Если он понимает, что против него враг, то плохо этому врагу. Китаец будет драться до последнего»¹⁹⁰.

Известно, что китайские солдаты, отличаясь особой преданностью советской власти, несли охрану штаба революции — Смольного, служили в органах безопасности, разного рода охранных частях и экзекуционных командах. Так, когда начальник морских сил Балтийского моря адмирал А.М. Щастный, вопреки требованию немцев разоружиться и соблюдать нейтралитет, привел из Гельсингфорса в Петроград 160 боевых кораблей, был за то по приказанию Троцкого предан суду и приговорен к высшей мере наказания, — осуществляли приговор «китайцы из интернационального отряда под командованием Андреевского»¹⁹¹. В составе частей латышских стрелков — отборной гвардии, охранявшей Кремль — был и китайский отряд. Возможно, отчасти эта преданность была связана с тем обстоятельством, что завербованные в Россию китайцы оказались в совершенно чужой, незнакомой среде, и военная служба стала единственной опорой их существования.

Особый контингент китайских бойцов составляли дальневосточные красные партизаны. Какая-то часть их, по-видимому, не была по своему происхождению ни рабочей, ни крестьянской в обычном смысле этого слова. Дело в том, что на Дальнем Востоке издавна существовала своеобразная боевая сила — хунхузы (китайские разбойники), и участники политической борьбы

стремились использовать ее в своих интересах. Архивные данные свидетельствуют, например, что японское командование в 1920—1921 гг. интенсивно формировало отряды хунхузов в полосе отчуждения КВЖД, на приграничных с Россией территориях, в районе Спасска. Оно же нанимало хунхузов для налетов на КВЖД. В Хабаровске в 1921 г. была обнаружена организация, которая поставляла оружие хунхузам «при непосредственном участии французского и английского консульства»¹⁹².

Китайские революционеры также стремились привлечь хунхузов на свою сторону. Один из современных китайских историков рассказывает, например, об эпизоде из жизни участника созданной Сунь Ятсеном известной революционной организации «Тунмэнхой» по имени Чжан Симань (впоследствии, в 1930-х годах — видного общественного деятеля, создателя Общества китайско-советских культурных связей). В 1911 г., он, чтобы избежать ареста, эмигрировал во Владивосток и поступил там в Восточный институт. «По поручению прибывших из Шанхая сторонников Сунь Ятсена Чжан Симань отправился в тайгу на встречу с известным предводителем хунхузов Лю Даньцзы. Атаман этот был необычным хунхузом, люди рассказывали, о том, что ему свойственны чувства справедливости, преданности и верности долгу. Чжан Симань прожил у Лю Даньцзы несколько дней и сумел склонить его к участию в революции под руководством Сунь Ятсена. Лю приехал во Владивосток и при посредничестве Чжан Симаня встретился с революционерами из Шанхая. Знаменательная встреча состоялась в ресторане. Договоренность была достигнута, и в конце 1911 г. Лю со своим отрядом, насчитывавшим около 800 человек, отправился в Шанхай»¹⁹³.

Не упускала из виду хунхузов и Компартия Китая. Представитель КПК Чжан Тайлэй в 1921 г. в докладе III Конгрессу Коминтерна отзывался о хунхузах как о «боевом революционном материале», пусть и «сыром», с помощью которого следует «развивать по стране широкое партизанское движение». В этом был определенный смысл, и, видимо, немалый, поскольку отряды хунхузов пополнялись за счет обнищавшего крестьянства. Представители РКП(б) вели в Маньчжурии работу с «крестьянскими партизанами», призывая их к сотрудничеству с «китайскими боевыми друзьями» на российской стороне границы. При этом российские коммунисты предоставляли им, так сказать, идеологическую поддержку, подчеркивая, что видят в них не бандитов, не хунхузов, а революционеров¹⁹⁴.

Заметим, что практика привлечения разбойничьих отрядов в революционные вооруженные силы стала постоянной чертой гражданских войн. Военный советник Коминтерна при ЦК Компартии Китая в 30-х годах Отто Браун писал в своих мемуарах, что китайская Красная Армия «в ряде сельских районов Южного и Центрального Китая создавалась прежде всего из восставших крестьян, местных бандитских групп и мятежных частей» правительственной армии. Бандитские группы рассматривались в то время как потенциальные «крестьянские партизаны», поскольку они состояли «преимущественно из беднейших крестьян, которые убегали от феодальной долговой кабалы и вели малую войну против помещиков и деревенских ростовщиков»¹⁹⁵.

Какими бы, однако, ни были биографии или побудительные мотивы китайцев, пошедших в красноармейцы и в красные партизаны, важно то, что они вписали яркую страницу в историю борьбы за советскую власть во время гражданской войны в СССР.

Перипетии гражданской войны забросили некоторое количество китайцев и в белые части. Так, у атамана Семенова находилось 2000 тыс. китайских милиционеров, ранее служивших в охране на КВЖД и оставшихся без работы после перехода дороги под контроль китайской армии¹⁹⁶.

Китайское правительство выступало против участия граждан Китайской Республики в гражданской войне в России. Оно неоднократно выдвигало протесты и возражения по этому поводу, рассматривая при этом всех китайцев, вставших под ружье, как жертвы тяжелых обстоятельств или пропагандистской обработки. Китайская делегация на Версальской конференции в 1919 г. заявила протест против привлечения китайцев к службе в Красной Армии. Глава делегации министр иностранных дел Лу Чжэнсян направил письмо Лю Цзэжуну, требуя, чтобы тот воспрепятствовал вступлению в армию членов СКР¹⁹⁷. Разумеется, все эти протесты и возражения не могли иметь успеха.

Вот характерный документ на эту тему — телеграмма в МИД из китайского посольства в России: «Как сообщает секретарь Ли, недавно он имел встречу в Москве с заведующим Дальневосточным отделом НКВД и высказал ему свои соображения по поводу вербовки китайцев. Тот ответил, что на будущее нужно найти возможность ограничить вербовку, но очень много китайцев вступает в Красную Армию добровольно, и правительству трудно запретить им»¹⁹⁸.

Действительно, имеется много фактов, свидетельствующих о тяге китайских рабочих к службе в Красной Армии. Приведем здесь отрывки из одного документа, носящего длинное название: «Общая сводка работ иностранного подотдела Народно-революционной армии (Дальневосточной Республики. — *Авт.*) о формировании воинских частей из китайцев и корейцев»: «Начиная с Иркутска до ст. Онхой работа иностранного подотдела велась между иностранным пролетариатом по системе и указаниям ЦК РКП...Большинство товарищей корейцев и китайцев выразили горячее желание вступить в Красную Армию и воевать на любом фронте. Самое горячее желание воевать против Японии...Желающих записаться так много, что пришлось воздерживаться от записи и регистрации в Красную Армию»¹⁹⁹.

Не имели успеха и попытки китайского правительства воспрепятствовать вербовке своих граждан в войска атамана Семенова. Хэйлунцзянский военный губернатор докладывал в МИД: «Во исполнение Вашего указания командующий войсками в Маньчжурии Чжан связался с Семеновым, и тот согласился изъять оружие у китайцев. Но английские, французские и японские советники, находящиеся при нем, действуют слаженно, и боюсь, как бы это сообщение командующего не оказалось пустым звуком. Желательно связаться с российским послом...»²⁰⁰.

Но Омское правительство (чьего посла имел в виду военный губернатор), не имевшее никакой власти над Семеновым, давало каждый раз разные, но всегда уклончивые ответы: то оно сваливало вину на большевиков, то обещало, что Колчак вот-вот поедет на Дальний Восток и разберется. Не надеясь на силу дипломатических средств, правительство в Пекине требовало от администрации приграничных провинций самым решительным образом пресекать все попытки русских нанимать там рабочих. Впрочем, похоже, в отношении Семенова позиция бэйянского правительства не была столь уж категоричной или, скажем, столь же единодушной, как в отношении Красной Армии. По крайней мере, представитель Омского правительства в Пекине уверял, что премьер Дуань Цижуй считает возможным быть снисходительным к Семенову, учитывая, что число китайцев в его отряде невелико²⁰¹.

Стремление китайского правительства не допустить участия своих сограждан в войне объяснялось и идейно враждебным отношением к советской власти, и желанием избежать роста антикитайских настроений у какой-либо части русского населения.

Опасения эти были оправданными: примеров тому было более чем достаточно всюду, где устанавливалась власть белых, от Украины до Сибири. Пропаганда белых охотно эксплуатировала тему «злого китайца», получившего винтовку из рук большевиков.

«Не перечислишь всех слухов, распускаемых контр-революционерами с явно провокационной целью, — писала красноармейская газета “Призыв”, выходящая в Николаевске-на-Амуре (мы цитируем ее, сохраняя правописание оригинала. — *Авт.*) — Невольно поражаешься тупоумием обывателя, которое однако учли контр-революционеры, построившие на этом целую систему для возбуждения недовольства. Так, напр., за последнее время упорно поддерживается до смешного нелепый слух, тем не менее сильно будирующий обывательскую массу, будто бы перед наступлением Красной Армии на г. Николаевск командным составом было объявлено партизанам китайцам и корейцам, что по вступлении в город им будут розданы в жены русские девушки и вдовы, находящиеся в городе, и будто бы на днях таковые будут разыграны в лотерею»²⁰².

Китайская диаспора в советско-китайских отношениях

В ходе Октябрьской революции и гражданской войны китайская диаспора оказалась разделенной на две части. Если рабочие пользовались покровительством советской власти, то другой слой эмиграции — более или менее зажиточная часть оседлого населения — стала объектом революционного насилия, начиная с реквизиции производственных помещений, жилищ и имущества, введения крупных налогов и т. п. Многие представители этой социальной группы, покинув обжитые места, уехали в Китай. По прикидкам Союза китайских рабочих, к середине 1920 г. через Ургу и Кяхту из России выехало 5 тыс. купцов и предпринимателей²⁰³. Впрочем, от тягот военного времени, от хаоса и разрухи, от развала всей системы жизнеобеспечения, от разгула преступности, а подчас и от чиновного произвола страдала вся китайская эмигрантская община, как и вообще все население России. Девальвация рубля, выпуск местных «пустых» денег били по карману и хозяина, и рабочего. От трудовых повинностей не был избавлен никто. «Во время гражданской войны в России с китайскими эмигрантами в Сибири и на Дальнем Востоке обращались как с мусором», — считает китайский историк Ли Юнчан²⁰⁴.

Известный советский китаист М.И. Сладковский вспоминал в своих мемуарах о «мрачных картинках тех лет» — о том, как появились «революционеры-максималисты, занимавшиеся «подавлением буржуазии», а также грабежами и разбоями»²⁰⁵. Мемуарист отмечает далее, что с ними «вели решительную борьбу красногвардейцы, состоявшие преимущественно из железнодорожников», однако, судя по количеству жалоб, поступавших в те годы из китайской диаспоры в китайские консульства, деятельность первых — «максималистов» имела гораздо более широкие масштабы, нежели попытки вторых — красногвардейцев сдерживать ее.

Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что политика советской власти в отношении имущего китайского населения не сводилась к одним лишь мерам насилия. В ней можно четко проследить и охранительную сторону. Наркомат юстиции в марте 1918 г. издал специальное постановление о защите прав китайцев на территории страны и «строго контролировал его выполнение местными органами»²⁰⁶. Исполком Амурского облсовета обратился к «гражданам китайцам и японцам», обещая им «полную защиту их интересов»²⁰⁷. Имеются документы, свидетельствующие о стремлении советских органов власти оградить китайских предпринимателей от разного рода мошенников и вымогателей, упорядочить практику реквизиций, остановить сверхусердных перегибщиков, закрывавших, например, в 1918 г. китайские мастерские за нежелание рабочих в обязательном порядке вступать в профсоюз²⁰⁸.

Самый, наверное, красноречивый из числа документов такого рода, о многом говорящий — письмо Народного комиссариата иностранных дел от 4 декабря 1918 г., адресованное Всероссийской чрезвычайной комиссии, всем совдепам и местным чрезвычайным комиссиям. В письме указывается:

«За последнее время участились жалобы китайских и других восточных граждан на различные притеснения, испытываемые ими со стороны местных властей, при чем некоторые из таких жалоб оказываются основательными, а причиняемые притеснения вызываются тем, что многие районные Совдепы и местные ЧК приравнивают, например, китайских граждан (к сожалению, даже рабочих) к подданным иностранных держав и даже держав, воюющих с нами, так как Китай-де находится в союзе с империалистическими правительствами (в 1917 г. Китай, объявив войну Германии, присоединился к Антанте. — *Авт.*).

Необходимо разъяснить зависящим от вас органам, что китайские и других восточных стран граждане в России отнюдь не могут быть причисляемы к буржуазным классам и считаться, хотя бы в малой степени, ответственными за политику своих продажных правительств... Просим преподать строжайшие инструкции всем подчиненным Вам органам о необходимости крайне осторожного отношения к многочисленным гражданам восточных стран в России и о неукоснительном исполнении инструкции Народного комиссариата по иностранным делам»²⁰⁹.

Здесь важно отметить, что все китайцы, независимо от их имущественного положения, были уравнены в правах с остальными иностранцами. Едва взяв в свои руки бразды правления во Владивостоке, новая власть постановлением Дальневосточного Совета народных комиссаров от 11 мая 1918 г. придала этому принципу силу закона и объявила об «отмене всех паспортных ограничений и специальных налогов, взимаемых с китайцев и корейцев на всем пространстве Дальнего Востока»²¹⁰.

Советская власть действовала в отношении китайской общины достаточно гибко, в зависимости от ее общего экономического курса, от ее отношений с Китаем. В период гражданской войны это обстоятельство особенно наглядно проявлялось в Дальневосточной Республике, в которой удельный вес китайского населения был весьма велик и для которой взаимоотношения с Китаем имели жизненно важное значение. «Китайцам — самое внимательное отношение», — говорилось в постановлении Дальбюро ЦК РКП(б)²¹¹. В одном из китайских дипломатических документов ситуация в ДВР в 1921 г. описывалась следующим образом: «Правительство ДВР вместе с Союзом китайских рабочих оказывает содействие репатриации наших рабочих, не навязывает ныне китайцам неконвертируемые бумажные деньги, на их домах вывешиваются китайские флаги с целью защиты и в знак уважения к приезжающим из Китая персонам правительственного ранга, постоянно демонстрируется доброжелательное отношение к нашей стране»²¹².

Временное Приамурское правительство белых в 1920—1922 гг. также декларировало уравнивание прав китайцев с другими иностранцами, но его политика в этих вопросах была поверхностной и непоследовательной: она затрагивала лишь частный вопрос о паспортных ограничениях, да и те то отменяло, то вводило вновь.

Естественно, Пекин с удовлетворением воспринимал факты сотрудничества советской (и вообще, любой) администрации с

китайскими предпринимателями и возражал против всех видов насилия, будь то классовое революционное насилие или просто уголовные преступления. В Китае тщательно фиксировали многочисленные жалобы своих граждан из России и даже пытались систематизировать их, сводя в таблицы, суммируя размеры ущерба, нанесенного в такое-то время китайским жителям такого-то города и т. п.

Вообще, китайское правительство придавало самое серьезное значение вопросу о положении китайцев в России, охваченной огнем революции и гражданской войны. Помимо посольских и консульских работников, китайский МИД направлял специальных эмиссаров с целью обследовать ситуацию в различных районах России и определить размеры понесенных китайскими гражданами убытков. Когда в январе 1918 г. основной персонал китайского посольства вместе с посольствами стран Антанты эвакуировался из Москвы, была достигнута договоренность с датским посольством о том, что оно будет представлять в России интересы Китая, и в частности, интересы китайской диаспоры. (Датское посольство исполняло эти обязанности до своего выезда из Москвы в декабре 1918 г., после чего предъявило Китаю счет для оплаты расходов.)

Положение китайской эмиграции в России неоднократно рассматривалось в Китае на государственном уровне, обсуждалось в ходе диалога между Китаем и РСФСР. Китайское правительство активно стремилось поддержать эмигрантскую общину в России. В ноябре 1920 г. Пекин выдвинул правительству Дальневосточной Республики предварительные условия установления торговых отношений. В частности, он предложил руководителям ДВР возместить китайским эмигрантам в России все убытки, которые они понесли в результате революции, включая потери от девальвации рубля; взять на себя ответственность за защиту жизни и имущества китайских эмигрантов и создать им необходимые условия для поездок, коммерции и проживания²¹³. В ходе дальнейших переговоров китайская сторона представила подробный перечень потерь, понесенных эмигрантами.

Представители ДВР отклонили эти требования, явно нерезонансные в условиях гражданской войны. Они заявили, что китайцы, как и все иностранцы в Республике, живут под надежной защитой закона, и категорически отказались от выплаты компенсации, предъявив ответный иск Китаю за поддержку атамана Семенова и другие недружественные акции.

Несколько ранее, в апреле 1920 г. в процессе переписки с советским правительством по поводу налаживания двусторонних отношений Пекин заявил (через Лондон), что готов возобновить переговоры и принять советскую делегацию при условии выполнения советской стороной ряда требований, в числе которых значились и такие: китайские граждане в России освобождаются от реквизиций; советское правительство возмещает все убытки, понесенные китайцами на территории России в период революции и гражданской войны²¹⁴. Советское правительство ответило, что эти пункты «требуют внимательного обсуждения и не могут быть обсуждены по телеграфу». В июне советский полпред в Англии Л.Б. Красин сообщил китайскому послу, что китайцы в России «пользуются полным равноправием и свободой»²¹⁵. В дальнейшем как РСФСР, так и ДВР неизменно придерживались этой линии.

С началом гражданской войны китайские консульства и общественные организации многих городов Дальнего Востока стали обращаться к китайскому правительству с просьбой прислать войска — пехотные части или военные корабли — для защиты жизни и имущества китайских граждан. Писали из Читы, Хабаровска, Благовещенска, Имана, Никольска-Уссурийского, жалуясь на отчаянное положение китайского населения. Писали, надо сказать, в весьма сходных выражениях, что невольно наводит на мысль о наличии за этими жалобами некой направляющей руки.

Обращения соотечественников послужили, по-видимому, одной из причин, побудивших китайское правительство направить воинские контингенты на российскую территорию, хотя в декларации от 24 августа 1918 г. о посылке войск фигурировал другой мотив: помощь союзникам по Антанте в борьбе с австро-германским противником в Сибири (имелись в виду военнопленные, участвовавшие в гражданской войне в составе частей Красной Армии). При этом Китай обязался не вмешиваться во внутренние дела России и уважать ее суверенные территориальные права²¹⁶.

Китайские войска были введены в Хабаровск, Благовещенск и ряд других приграничных пунктов. Наиболее крупный, пожалуй, военный отряд был послан во Владивосток: 2 батальона пехоты, по одной роте кавалерии, артиллерии, саперов и пулеметчиков — всего 1600 человек плюс 700 человек obsługi, а также военный корабль «Хайжун»²¹⁷. Одной из главных задач китай-

ского контингента стала охрана консульств и правлений национальных обществ. Кроме того, они охраняли железнодорожные линии, угольные шахты²¹⁸.

Некоторые современные китайские историки, например, тот же Ли Юнчан, остались недовольны тем, как бэйянское правительство защищало своих соотечественников: по их мнению, правительство не заботилось всерьез об интересах сограждан и осуществляло эту акцию как показное популистское мероприятие — «обманный трюк»²¹⁹, имевший целью успокоить общественное мнение, взбудораженное сообщениями о плачевном положении китайцев в Сибири и на Дальнем Востоке. Крейсер «Хайжун» прибыл во Владивосток спустя почти полгода после обращения китайских жителей города к своему правительству, пишет китайский ученый. Тут же офицеры предались разгулу, принялись шататься по публичным домам, затевать скандалы и вымогать подарки у видных лиц из местной диаспоры, угрожая в противном случае лишить ее своей защиты.

В отношениях с советской властью китайские войска вели себя в целом крайне осторожно. Насколько можно судить по архивным материалам, они ограничивались выполнением полицейских функций и в боевых действиях почти не участвовали. Одной из немногих боевых операций было преследование отступавших в направлении Хабаровска партизан «силами кавалерии и пулеметчиков совместно с японскими войсками»²²⁰ (еще в мае 1918 г., когда Китай подписал с Японией «Соглашение о совместной обороне от противника»).

Есть сведения и об эпизодах другого рода, но не вполне ясные. Так, 20 марта 1920 г. власти Амурской области направили китайской стороне протест против «неоднократных случаев набегов вооруженных китайцев на ближние русские поселки»²²¹. Однако нам не известно, были ли то на самом деле китайские войска или же хунхузы, и действительно ли имели место набеги, или версия о набеге использовалась в качестве средства давления на китайское командование.

Как правило, китайское командование легко шло на контакты с местными властями ДВР, по их требованию или даже, в зависимости от обстоятельств, не дожидаясь таких требований, отводило свои части назад, дабы не вступать в конфликт с российской стороной.

Новые публикации архивных материалов показывают, однако, что так гладко отношения развивались не всегда. Более того,

выясняется, что китайские отряды пересекали границу не только по просьбе соотечественников, но, случалось, и по призыву российских антибольшевистских сил. Так, в информации Упсибревкома А.М. Краснощекова Наркоминделу РСФСР от 4 апреля 1920 г. сообщается: «В городе Троицкосавске состоялось заседание русско-китайской конференции по поводу занятия Троицкосавска китайскими войсками...

Представителями России был поставлен вопрос: почему китайские войска заняли русскую территорию?

Ответ: китайские войска заняли город и предместье по приглашению Троицкосавской городской думы, которая в своем заседании 14 января вынесла резолюцию пригласить китайские войска в защиту от могущих быть беспорядков.

Резолюция выносилась правыми членами думы с городским головой Еповым»²²².

Дальнейшее содержание беседы интересно как показатель достаточно жесткого, хотя и корректного тона китайской стороны: она не отказывается в принципе от ухода с российской территории, однако, сознавая свою силу, отнюдь не торопится с отводом солдат и не дает на этот счет никаких принципиальных обещаний:

«Когда китайские войска намерены оставить русскую территорию?

Ответ: наши войска пришли издалека, им нужно дать отдохнуть...

Предложение китайских представителей: китайские войска выедут из Усть-Кяхты, Усть-Кирана и Наушек, а также из города Троицкосавска и займут Красные казармы.

Вопрос: скоро ли китайские войска намерены оставить Красные казармы?

Ответ: пока не поставим своих на своей территории.

Вопрос: возможно ли поместить в Красных казармах войска регулярной Народно-революционной армии?

Ответ: ...чтобы не было столкновения солдат при совместной жизни, временно казармы будут заниматься только китайскими войсками.

Вопрос: почему граница у Кяхты закрыта?

Ответ: Кяхта находится в тылу у Красных казарм, поэтому временно должна оставаться за китайскими войсками. В дальнейшем командование русских войск, явившееся сюда с рекомендацией от русских властей, условится с китайским командованием».

Если данная цитата свидетельствует о неуступчивости китайского командования в определенных случаях, то в других доку-

ментах зафиксированы факты проявления китайской стороной напористости, граничащей с агрессивностью. Например, в сообщении Предсибревкома И.Н. Смирнова В.И. Ленину по прямому проводу от 12 июня 1920 г. читаем:

«Наша осторожная политика в уклонении от вооруженных конфликтов с японцами побуждает китайцев к захватам нашей территории.

В районе озера Зайсан местными пограничными китайско-монгольскими властями под угрозой военного воздействия потребовано очищение района, занятого около 35 лет назад русским населением.

Я велел передать им, что всякие переговоры о границах должны вестись правительством Пекина с Москвой, и до тех пор, пока такие переговоры не приведут к изменению границы, мы всех, вооруженных винтовками и переходящих границу, будем рассматривать как разбойничьи шайки и соответствующим образом расправляться»²²³.

Факты подобного рода подтверждают ту мысль, что китайская военная экспедиция, помимо выполнения полицейских функций, имела еще и серьезные политические цели: во-первых, поставить заслон «экстремистам», как тогда называли большевиков, оттеснить их от китайских границ, действуя параллельно с белыми силами. Во-вторых, поскольку в 1917 г. Китай, объявив войну Германии, присоединился к Антанте, ввод его войск в Россию приобретал дополнительное значение как демонстрация союзнической активности Пекина. Во-третьих, пользуясь отсутствием единой крепкой власти на российском Дальнем Востоке, Пекин стремился заполнить образовавшийся вакуум и взять под контроль приграничные участки российской территории, с тем чтобы при благоприятном развитии событий удержать их за собой.

Упомянувшийся выше генерал Чжан Сълинь приводил в пользу военной экспедиции в Сибирь следующие соображения: «Раньше Россия обладала значительной мощью и в сношениях с Китаем выступала с позиции силы, а наша страна, будучи не в состоянии идти наперекор, вынуждена была мириться с этим положением. Но сегодня вспыхнувшая в России революция привела к возникновению непрекращающихся беспорядков. Недавно созданное Омское правительство в условиях всеобщей нестабильности не располагает реальной силой и еще не успело укрепиться... Омск, Чита и другие города являются либо местом раз-

мещения правительства, либо важными стратегическими пунктами. Там повсюду можно разместить наши войска, чтобы в конечном счете пересмотреть все заключенные ранее неравноправные договора»²²⁴.

В тот же период, в 1919—1920 гг., а затем в 1923 г. провинциальное собрание пограничной пров. Хэйлунцзян обращалось к наместнику Маньчжурии Чжан Цзолиню с просьбой поставить перед правительством вопрос о «возвращении утраченных земель» в Амурско-Зейском междуречье²²⁵.

Однако, как отмечал известный советский китаевед В.Я. Аварин, «китайские войска были слишком слабы для того, чтобы принять сколько-нибудь серьезное участие в интервенции»²²⁶. Действительно, в Приморье, скажем, их было, по оценке В. Сибирякова-Виленского, «немногим больше одной дивизии»²²⁷.

Китайские революционные организации, находившиеся под контролем советской власти, естественно, реагировали на интервенцию со стороны Китая резко отрицательно. «Вчера, — сообщали, например, «Известия» 22 сентября 1918 г., — в Народный Комиссариат по иностранным делам прибыла делегация от китайских граждан и вручила подписанный уполномоченными колонии протест против участия в союзном вмешательстве в русские дела Северного Китайского правительства... Китайская колония в Москве, в своих рядах насчитывающая десятки тысяч рабочих,... энергично протестует против активного вмешательства Китайской Республики во внутренние дела Российской Федеративной Советской Республики путем вооруженного вторжения в пределы Российской территории с целью территориального захвата и низвержения существующей социалистической коммунистической власти... Да здравствует коммунистическая Советская власть! Да здравствует ее великий вождь Владимир Ильич Ленин! Да здравствует Интернационал!»²²⁸.

Что же касается традиционных китайских обществ, то в экстремальных условиях гражданской войны их деятельность не прекратилась, хотя и была в значительной мере дезорганизована. Там, где китайских войск не было, китайские консульства и общественные организации пытались организовать охрану собственными силами, испрашивая на это согласие российских и китайских властей. Там, где позволяли обстоятельства, китайские общества сохранили связи с Пекином, принимали участие в парламентских выборах в метрополии, обращались к правительству за помощью в особо затруднительных случаях и даже, случалось,

пользовались помощью присланных из Китая воинских контингентов для подавления смут в собственной среде.

Вот пример²²⁹. В 1921 г. в одном из районов Владивостока под боком у городского китайского Общества взаимного вспомоществования некий Ли Хунчэн создал конкурирующую организацию — Китайскую коммерческую ассоциацию. Между двумя обществами завязалось острое соперничество, в ходе которого каждая сторона, апеллируя к Пекину, обвиняла другую в злоупотреблениях. В частности, Ли обвинил председателя старого общества Чжан Даю в том, что тот, сговорившись с прежним консулом, от имени консульства заказал 280 вагонов для доставки продовольственной помощи китайскому населению города, а затем использовал эти вагоны в собственных целях. Драматизм борьбы усиливался благодаря тому обстоятельству, что Чжан добивался в тот момент своего избрания в парламент. Борьба окончилась поражением Ли. Он и несколько его сотрудников «чинами китайской милиции, состоящими при Обществе взаимного вспомоществования, при содействии матросов с китайского крейсера, стоящего во Владивостокском порту, были арестованы и увезены на названный крейсер», после чего по приказу из Пекина Ли был вывезен в Китай «под строгое наблюдение местных органов власти без права возвращения во Владивосток». Общество его как «экстремистское» было распущено. Этот пример интересен, помимо всего прочего, тем, что показывает степень контроля Пекина над жизнью китайских обществ, а также власть вертушки признанных им обществ над рядовыми китайцами, даже не являвшихся их членами.

Трудно сказать, что дал, в конце концов, китайскому населению российского Дальнего Востока ввод китайских воинских контингентов. Можно констатировать, однако, что вопросы, связанные с положением китайской диаспоры, играли в российско-китайских отношениях не последнюю роль и, в конечном счете, усложняли их урегулирование.

Китайская диаспора и китайская революция

Правительство Советской России с самого начала рассматривало революционно настроенную часть китайской эмиграции, прежде всего красноармейцев, как боевой резерв, способный внести свой вклад в торжество китайской революции. Нарком

по иностранным делам Г.В. Чичерин на III съезде Союза китайских рабочих в июне 1920 г. так определил историческую миссию китайских революционеров в России: «Им предстоит быть звеном между движением, которое уже есть, и тем, которое будет в ближайшее время в Китае»²³⁰.

Представление о скорой и победоносной революции в Китае, подкрепленное начавшимся подъемом революционного движения на юге страны, не вызывало сомнений. В пропагандистских листовках, распространявшихся среди китайского населения ДВР, говорилось: «Все человечество идет к коммунизму. В Китае в силу присущих ему национальных и исторических особенностей, а также традиций этот путь наиболее легок и приемлем»²³¹.

Исполнителями великой исторической миссии с гордостью осознавали себя и сами китайские участники российской революции. В уставе Оргбюро китайских коммунистов в России говорилось: «Китайские коммунисты считают своей прямой обязанностью перед пролетариатом всех стран проведение социальной революции в Китае и организацию рабочего класса Китая»²³². На митингах бойцы китайских красноармейских отрядов единодушно принимали вдохновенные резолюции:

«Мы, китайцы, проливаем свою кровь за освобождение угнетенных народов от ига капиталистов и за всемирную революцию... Заявляем всему миру, что мы являемся первым ядром китайской революционной армии, идущей рука об руку с русскими и другими интернациональными отрядами на помощь рабочим и крестьянам Китая и всего Востока»²³³.

Мысль об использовании китайской общины для продвижения революции в Китай не оставалась одной лишь голой идеей. Мы уже упоминали, что Союз китайских рабочих адресовал свою пропаганду не только китайцам в России, но и трудящимся самого Китая. Подобно СКР, Центральное организационное бюро китайских коммунистов, помимо основной работы на территории России, в определенной мере ориентировало свою деятельность на Китай. При этом оно не ограничивалось пропагандистской работой. Из документов известно, например, что в 1920 г. оно послало в Китай для налаживания контактов с тамошними революционными организациями около десятка коммунистов-китайцев.

Вероятно, поиски контактов велись с двух сторон или, по крайней мере, обе стороны были заинтересованы в поддержании постоянных связей. Как показали архивные разыскания, некото-

рые члены РКП(б) имели одновременно и удостоверения Компартии Китая²³⁴.

В уставе Оргбюро в разделе «Организационные построения китайских коммунистов на родине» было зафиксировано такое требование: «При всяком удобном случае местные бюро входят в связь с Центральным бюро китайских коммунистов, которое временно будет помещаться в Москве»²³⁵. Иными словами, Оргбюро мыслило китайских коммунистов в России и в самом Китае как некую общность, если не единую партию, а себя — видимо, по образцу Коминтерна — как ее центр.

Работу по отправке агентов, в том числе китайской национальности, в Китай вел и НКВД. В одном из документов на имя В.И. Ленина замнаркома Л. Карахан сообщал: «Народным Комиссариатом по Иностранным Дела́м от времени до времени посылаются на Дальний Восток китайские и корейские агитаторы, задачей которых является установление связи с пролетарскими демократическими организациями на Дальнем Востоке. Стоимость каждого агитатора с премией при возвращении обратно определяется: в Северный Китай и Корею 10 000 руб., в Южный Китай 20 000 руб.»²³⁶.

Среди эмиссаров Коминтерна также были представители китайской диаспоры, и в их числе — рабочий, а впоследствии видный профессиональный революционер Ян Минчжай (1882—1930 гг.)²³⁷.

До Октябрьской революции он проработал полтора десятка лет во Владивостоке и в Сибири, прекрасно владел русским языком, в 1917 г. вступил в РСДРП. По его предложению Дальневосточный секретариат ИККИ в 1920 г. направил в Китай рабочую группу. Сам Ян выполнял в ней обязанности переводчика и связного. Благодаря усилиям группы, прежде всего ее руководителя Г. Войтинского (впоследствии видного китаевода), и местных марксистов в течение нескольких месяцев в Китае были заложены первые камни в фундамент организованного коммунистического движения. В Шанхае был создан первый в Китае коммунистический кружок, и Ян Минчжай стал одним из его членов. Кроме того, были созданы: Общество изучения марксизма (Ян сделался одним из его руководителей); первое в Китае информационное агентство коммунистической ориентации (во главе с Яном), которое готовило и распространяло статьи о советской России; Социалистический союз молодежи; издательство, выпустившее в китайском переводе «Коммунистический манифест»; Общество изучения иностранных языков, в котором

студенты изучали русский язык и марксизм; первый профсоюз нового типа, работавший под руководством коммунистов.

В последующем Ян Минчжай, коммунист и советский, и китайский, одно время находился на руководящей работе в структурах Компартии Китая, потом работал заместителем главного редактора китаеязычной газеты «Гунжэньчжилу» в Хабаровске.

Китайские коммунисты из России устанавливали контакты в Китае не только со своими идейными единомышленниками. Они встречались и с Сунь Ятсеном. Один из них, Лю Цянь, даже договорился с Сунем о «немедленном объединении революционных сил, находящихся на территории Южного Китая, Центральной России и Дальнего Востока, дабы совместно в полном контакте подготовить почву для выступления против существующего на Севере реакционного правительства»²³⁸.

Со своей стороны, Сунь Ятсен стремился наладить связи со своими соотечественниками в России. В 1920 г. его представители, прибыв в Благовещенск, проводили агитационную работу среди тамошних китайских красноармейцев, призывали рабочих поддержать революционное дело Сунь Ясена²³⁹ и получили субсидию от местного ревкома²⁴⁰. Позже, в 1923 г., представитель Коминтерна Маринг в Чите был проинформирован о «плане Сунь Ятсена открыть представительство Гоминьдана в Сибири для местных китайцев» (план этот не был осуществлен)²⁴¹.

Китайская диаспора сделалась важным источником кадров, когда на Дальнем Востоке в структуре Сиббюро—Дальбюро ЦК РКП(б) начал создаваться аппарат для налаживания систематической революционной работы в Китае. В докладе Исполкома Коминтерна об организации и деятельности секции восточных народов при Сиббюро ЦК в качестве одной из главных задач секции называлась «воспитательная работа среди китайцев, живущих в России, в целях подготовки революционной работы в Китае»²⁴². В другом документе отмечалось, что в Дальневосточном секретариате «корейский и китайский отделы имеют вполне сформированные батальоны (при 5-й армии), подготовляя в них кадры для руководства воинскими частями в своих странах в моменты вооруженной борьбы»²⁴³. Из китайцев подыскивали также «людей Востока, дисциплинированных в партийном смысле и способных работать за рубежом для Советской России в качестве секретных агентов разведки»²⁴⁴.

Надо сказать, подобрать элитные кадры было нелегко. В секретной переписке отмечалось: «Указанных (т. е. восточных. —

Авт.) национальностей товарищи мало дисциплинированы в партийном смысле, ибо на днях даже распущена Китайская секция, и надежных, дельных найти невозможно»²⁴⁵.

Неготовность к революционной работе низовой части китайской диаспоры соседствовала с ультрареволюционностью другой ее части, вполне естественной в тот период и характерной отнюдь не только для китайских коммунистов. Мы имеем здесь в виду левацкие представления о будто бы назревшем революционном кризисе в странах Востока, о возможности добиться быстрой победы революции путем военного вмешательства извне, из России. При этом, как правило, подразумевалось участие представителей проживавших в ней соответствующих национальных меньшинств. В отношении Китая такая идея выглядела особенно заманчивой благодаря наличию большого контингента китайских красноармейцев — готовой революционной армии. Так, в 1923 г. один из руководителей Оргбюро китайских коммунистов Дань Пэнфэй представил в Коминтерн откровенно авантюристический проект: он предложил собрать отряд в тысячу человек из безработных китайских рабочих и демобилизованных китайских красноармейцев, силами этого отряда установить в Синьцзяне советскую власть и заняться там подготовкой военных и политических кадров для последующей советизации Китая, имея в виду, что рано или поздно Китай на правах союзной республики «вступит в СССР»²⁴⁶.

Проект этот не был единственным документом такого рода, он оказался, можно сказать, «встречным» по отношению к планам, разрабатывавшимся в лагере Сунь Ятсена. Выдвинутый Сунь Ятсеном в 1918 г. «северо-западный план» предусматривал ввод частей Красной Армии в Китай. Его реализация едва ли могла мыслиться без участия китайских красноармейцев. В том же году представитель Сунь Ятсена предложил германскому командованию еще один проект, где прямо говорилось об использовании 12 тыс. китайских эмигрантов в России и 10 тыс. немецких военнопленных для боевых действий (с применением аэропланов) на китайской территории²⁴⁷.

Прямыми переносчиками революционной силы из России в Китай стали отряды красных партизан. Они нередко пересекали границу во время операций против атамана Семенова, которого китайские власти охотно впускали на свою территорию. Некоторые партизанские командиры замахивались и на большее: вдохновленные перспективой близкой пролетарской революции в

Китае, они предпринимали попытки начать революционную войну в его приграничных районах.

В связи с этим не будет лишним длинный отрывок из воспоминаний командира одного из партизанских отрядов Г.Ф. Ковалю об известном китайском красном партизане Син Диу.

«Син Диу рвался к живому делу. В первой половине июля 1921 г. он перешел со своим отрядом границу. Прощаясь со мной, Син Диу говорил, что идет бороться с предателями китайского народа — бандами Чжан Цзолиня. Син Диу рассчитывал организовать на местах революционные комитеты, создать народно-революционную китайскую дивизию, зимой выйти к устью Сунгари, а с открытием навигации захватить пароходы и подняться вверх по Сунгари.

На китайской территории партизаны Син Диу продержались несколько месяцев. Их первые успехи, организация революционной власти в ряде уездов напугали чжанцзолиневские власти, и против партизан были брошены крупные силы регулярных войск. В конце сентября им удалось окружить и наглухо заблокировать Син Диу в городке Яньцзио. Не сумев преодолеть сопротивление партизан, командование чжанцзолиневских войск решило взять их измором. Партизаны и население городка были поставлены под угрозу голодной смерти.

Син Диу удалось послать двух жителей к советским друзьям. Узнав о критическом положении отряда, пришли на помощь и 10 ноября вместе вернулись на нашу территорию»²⁴⁸.

Заметим, что китайские власти считали Син Диу «главарем хунхузов» и требовали «немедленного ареста хунхузов — Син Диу и других, терроризирующих китайское пограничное население и вносящих этим неприязнь в дружелюбные отношения народов Китая и СССР»²⁴⁹.

Советская власть стремилась привлечь на свою сторону и вооруженные отряды, действовавшие на территории Маньчжурии (по-видимому, те самые, кого местные крестьяне обычно называли хунхузами). Так, в июне 1922 г. решением Дальбюро РКП(б) «для китайских партизан в Маньчжурии, в отрядах которых коммунистическое влияние почти полностью отсутствовало, было создано отделение политграмоты при военно-политической школе Народно-революционной армии Дальневосточной республики»²⁵⁰.

Главное, однако, было не в хунхузах. Действия партизан в узкой приграничной полосе Северо-Восточного Китая, воспринимались в Пекине отнюдь не как локальные беспорядки мест-

ного масштаба. В глазах китайского правительства это был лишь один из фрагментов общей тревожной картины наката революционной волны из России: случаи нелегального перехода через границу китайцев-агитаторов, удачные и неудачные попытки организовать забастовки и демонстрации, за которыми стояли вернувшиеся из России рабочие, фиксировались китайскими властями неоднократно.

Вот один из многочисленных примеров. В июле 1920 г. китайский МИД получил сообщение из Хэйхэ: «Недавно здесь появились люди, называющие себя членами Китайской социалистической партии. Они распространяют листовки, агитируют за экстремизм. Оказалось, что они — с того берега, побывали в руках у русских. Необходимо расследовать это дело и потребовать, чтобы российская рабоче-солдатская власть запретила посылать подстрекателей на наш берег»²⁵¹.

Нацеленность вождей нового российского государства на мировую революцию была более чем очевидной, однако, информация из Москвы шла скудная, и потому в Пекине тщательно фиксировали даже самые фантастические слухи на этот счет. Приведем одно из сообщений того времени от китайского представителя в России: «Вождь экстремистов Троцкий посылает китайцев, служивших в Красной Армии, в Харбин, а дальше они будут рассредоточиваться и подстрекать народ. По слухам, весной по всему Китаю начнутся беспорядки. Эти люди везут с собой огромные суммы денег, спрятанные в чемоданах с двойным дном, чайниках, термосах, зашитые в одежду или головные уборы»²⁵².

Особенно беспокоила китайские власти возможность соединения северного «экстремизма» российского происхождения с революционными силами Юга. Идея создания подобного рода «клещей» носилась в воздухе, и сообщения из России, казалось, подкрепляли ее.

Хэйлунцзянский военный губернатор на основании полученных им данных уведомлял: Северо-Амурский союз китайских рабочих направляет своего эмиссара на Хуанхэ, на — днях он тронется в путь²⁵³.

От генконсула из Благовещенска шла депеша: «Нынешним летом из Шанхая приехали несколько студентов с поручением от Сунь Вэня (т. е. Сунь Ятсена. — *Авт.*) присоединиться к Союзу китайских рабочих и издавать газету «Северный ветер». Сейчас главарь этого союза создал новую группировку, в ней примерно 1000 человек. Они находятся в районах вдоль границы и желез-

ной дороги, вступили в связь с бандитами на нашей стороне и выжидают случай, чтобы начать действовать. Занимаются шпионажем, время от времени посылают своих сообщников к нам в разные провинции с целью агитации за коммунизм»²⁵⁴.

Надо заметить, что существовали силы, явно заинтересованные в обеспокоенности Пекина перспективой экспорта революции из России, в наличии помех налаживанию нормальных отношений между Советской Россией и Китайской Республикой. Эти силы добавляли дезинформацию от себя. Генконсул из Владивостока сообщал в 1919 г.: «Слухи о том, что семена экстремизма забрасываются в Китай и что китайских эмигрантов подстрекают, не соответствуют фактам. Более того, они являются зловредными. По мнению консульства, это — происки старой партии (т. е. белых. — *Авт.*). С помощью этих слухов она пытается воспрепятствовать признанию нового (т. е. советского. — *Авт.*) правительства»²⁵⁵.

Возможно, авторами таких происков были не только белые. Английский посол в январе 1919 г. уверял китайских дипломатов, что в районе Москвы находится свыше 10 тыс. китайских рабочих, «воспринявших экстремизм»²⁵⁶. Однако чуть позже от китайского дипломата поступила другая информация: «Китайские рабочие на территории, подчиняющейся большевистскому правительству, сейчас из Москвы и других городов прямым путем возвращаются на родину. В районе Москвы китайских рабочих немного, они не затронуты злом экстремизма»²⁵⁷.

Как бы то ни было, китайское правительство сочло необходимым принять серию превентивных мер²⁵⁸. Поощряемое и подталкиваемое японской и английской дипломатией, оно усилило охрану границы, ужесточило полицейский и цензурный контроль, активизировало агентурную работу, особенно в приграничных провинциях. Были даны указания пресекать и тщательно расследовать все случаи подстрекательской деятельности, подходить с особым вниманием к выдаче паспортов возвращающимся из России рабочим, отбирать на таможне коммунистические листовки. За вернувшимися устанавливалась слежка.

Под наблюдение попали и российские граждане, въезжающие в Китай: запрещалось продавать им билеты, если у них не было паспортов или паспорта были неправильно оформлены.

Государственный Совет распорядился, чтобы воинские части в столице и вокруг нее усилили охрану от возможных акций экстремистских сил. Он запретил публикацию в прессе материалов

экстремистского содержания. Одновременно он потребовал обратить внимание на то, чтобы прибывающим из России рабочим были обеспечены средства к существованию.

Китайским красноармейцам путь на родину был закрыт²⁵⁹...

Некоторые современные историки из КНР воспринимают энтузиазм, с которым китайские коммунисты в России относились к революции в Китае, с некоторой дозой критицизма, простирающейся, в свою очередь, из критического отношения этих ученых к политике советского правительства. По их мнению, политика Москвы в Китае определялась ее собственными интересами, во многом расходившимися с интересами Китая; эмигрантам же была отведена в ней роль слепых инструментов.

«Советская Россия и Дальневосточная Республика, — пишет пекинский историк Ли Юйчжэнь, — рассчитывали, используя китайскую эмиграцию, еще только формировавшую свои ряды, одним ударом убить двух зайцев: помочь Сунь Ятсену свергнуть пекинское правительство и создать свое, суньятсеновское, тяготеющее к России; и вместе с тем — «защитить российские интересы» на Китайско-Восточной железной дороге и во Внешней Монголии»²⁶⁰.

Что же касается китайских коммунистов, деятелей Союза китайских рабочих, то они «не понимали всей сложности международных отношений, не обладали полноценными знаниями о пролетарском интернационализме, провозглашенном Коминтерном... имели самые смутные представления о таких понятиях, как «государство» и «суверенитет»²⁶¹. На их взгляды оказали решающее влияние события, участниками и очевидцами которых были они сами: победа революции в России, устранение расовой дискриминации, социальные преобразования. Общепризнанной была роль России как «оплота мировой революции». В силу всего этого революционеры из китайской эмиграции, будучи патриотами своей этнической родины и исходя из самых лучших побуждений, безоговорочно восприняли советскую точку зрения на ход событий в Китае, прониклись решимостью делать там революцию «при помощи и по образцу Советской России» и, как того и хотело советское правительство, пошли на службу его внешней политике. «Союз китайских рабочих с момента своего возникновения служил советской дипломатии», — пишет Ли Юйчжэнь²⁶².

Она подтверждает свою мысль о «несамостоятельности» российских китайцев таким, в частности, примером. «Известно, что

китайско-советские переговоры наталкивались на серьезные препятствия из-за проблемы Внешней Монголии и непоследовательности Советской России в вопросе о КВЖД. Протест, выраженный пекинским правительством, был вполне оправданным. Однако в советской пропаганде утверждалось, что пекинское правительство по указке империалистических держав проявляет «враждебность» к новой России, отказываясь признавать ее. И китайские эмигранты в России критиковали пекинское правительство за то же самое»²⁶³.

Точка зрения китайского историка заслуживает серьезных комментариев, но, чтобы не уходить слишком далеко в сторону от темы, мы ограничимся здесь несколькими замечаниями.

Ли Юйчжэнь отмечает, что Союз китайских рабочих и организация китайских коммунистов в России проводили в сфере дипломатии линию советского правительства, и это справедливо. Более того, выше мы постарались показать, что они проводили эту линию с энтузиазмом, проявляя собственную инициативу, отнюдь не как пассивный «рычаг». Наше несогласие с китайским историком касается другого вопроса, имеющего принципиальное значение. На наш взгляд, неправомерно сводить борьбу Советской России против пекинского (бэйянского) правительства к конфликту государственных интересов. В первую очередь это было столкновение классовых сил на международной арене, революционная борьба в международном масштабе против империалистических, феодальных сил. Да, действительно, у России имелись государственные интересы на КВЖД, и вполне обоснованные, поскольку дорога была построена на российские деньги и являлась российской собственностью, которую, в соответствии с соглашениями, Китай имел право со временем выкупить. В Монголии интересы России переплетались с интересами Китая и местных властей (из этого переплетения и возникло, в конце концов, суверенное монгольское государство). Однако прежде всего противоречия между Москвой и Пекином носили классовый характер.

В течение многих лет после Октябрьской революции главным историческим содержанием советской политики в Китае было содействие китайской революции, что соответствовало, разумеется, государственным интересам Советской России, но и интересам китайского народа тоже, пусть даже между интересами этих двух сторон имелись известные расхождения. И если китайские революционеры в России «пошли на службу» совет-

ской внешней политике, мы не видим в этом абсолютно ничего такого, за что их следовало бы порицать, а потом оправдывать.

Что же касается их «смутных представлений» о суверенитете и государстве, то в период Октябрьской революции эти представления были иными, чем сейчас, в коммунистических кругах всего мира, начиная с коммунистов России. Как известно, государственный суверенитет считался явлением второстепенным и временным, предполагалось, что он окажется лишним после близкой уже мировой революции, когда отношения между нациями станут идеально дружественными. Поэтому никак нельзя согласиться с предположением, содержащимся у Ли Юйчжэнь в лишь слегка завуалированном виде: будто бы советская власть эксплуатировала политическую неразвитость китайских революционеров-эмигрантов в собственных интересах.

В силу многих причин российским китайцам не суждено было сыграть значительную роль в развитии революции в Китае. Основное революционное воздействие из России в Китай шло по другим каналам: через создание КПК, через помощь Гоминьдану. Однако и китайцы-эмигранты помогали революции в Китае: тем, что участвовали в российской революции.

§ 3. Китайская эмиграция в СССР

Национальное строительство

После разрушительных бурь революции и гражданской войны количество китайцев в России (теперь уже СССР) сильно сократилось. Этому способствовала и возобновившаяся репатриация китайских рабочих. Так, в июле 1922 г. в торжественной обстановке, с речами и оркестром из Петрограда был отправлен «первый эшелон с китайскими рабочими на их родину»²⁶⁴. По переписи 1923 г., число их на Дальнем Востоке уменьшилось до 50 183 человека²⁶⁵, а затем вновь стало возрастать. Согласно переписи 1926 г., на Дальнем Востоке уже проживало 71,6 тыс. китайцев (по языку), а всего в СССР — 101,7 тыс.²⁶⁶ (Столь значительный рост населения может быть объяснен как притоком мигрантов, так и более тщательным учетом числа жителей.)

Доля китайцев в растущем населении края уменьшилась (на 1926 год — до 3,8 %), однако их роль в развитии его экономики осталась значительной. Об этом свидетельствуют такие

цифры: китайцы составляли 21,5 % самодеятельного городского населения края и 35,2 % от общего числа городских рабочих. В основном это были чернорабочие-кули: грузчики и носильщики («местно-транспортники», по терминологии тогдашней статистики), а также горнорабочие, кожевники, пищевики. В этих отраслях китайцы составляли больше половины занятых (вместе с корейцами и японцами, однако среди рабочих желтой расы китайцев было более 90 %). В категории «хозяева» на долю китайцев приходилось 37,4 %, среди служащих — 11,0 % (главным образом торговый персонал), среди прислуги — 36,3 %.²⁶⁷

Особенно заметное место занимали китайцы в Приморской губернии: там из 50 тыс. с лишним китайцев проживало на январь 1925 г. 39 509 человек (76,7 %), или 6,0 % всего населения губернии²⁶⁸. Крупнейшим центром сосредоточения китайского меньшинства оставался Владивосток, в котором в 1923 г. проживало 23 159 человек, почти половина всего китайского населения Дальнего Востока и 21,7 % жителей города²⁶⁹.

Сфера применения китайского труда сократилась во время гражданской войны, а затем постепенно стала опять расширяться. С 1921 г. китайских крестьян стали привлекать «в качестве рабочей силы, специально подготовленной для этой сложной работы» к выращиванию опийного мака, служившего для России валютным товаром²⁷⁰. Китайцы, надо сказать, не прекращали этот промысел и во время гражданской войны. Известный китаевед М.И. Сладковский вспоминал: «китайцы просят русских держать их промысел в строгом секрете. Они платят владельцам земель высокую арендную плату, и за молчание раздают подарки»²⁷¹.

С 1924 г. было расширено и поставлено на новую правовую основу использование китайских рабочих на старательских работах, поскольку за годы войны добыча золота пришла в полное запустение²⁷². В документах Совнаркома указывалось, что привлекать к таким работам можно «на общих с гражданами СССР основаниях местное китайско-корейское население, хотя бы состоящее в иностранном подданстве», однако лишь на определенных условиях: «предоставление как отдельным картелям, так и их старателям площадей, не превышающих одной кв. версты; заключение договоров с такими старателями на срок не свыше двух лет»²⁷³.

Число сельских жителей китайской национальности в 1926 г., по данным всесоюзной переписи, не намного уступало числу городских: 41 688 человек против 59 009²⁷⁴.

О занятиях китайцев, разбросанных по разным городам России, можно судить по примеру Москвы²⁷⁵. Там проживало в 1928 г. 8 тыс. китайцев, большинство — выходцы из Шаньдуна, около 1 тыс. — из Южного Китая. «Северные» китайцы занимались прачечным ремеслом, трикотажным промыслом, хлебопечением, прочие — мелкой ручной торговлей или не имели никакой работы. «Южные» китайцы специализировались исключительно на выделке кожаных изделий: сумочек, портфелей и т. д.

У нас нет обобщающих данных о судьбах китайских красноармейцев после гражданской войны. Однако кое-что можно узнать из их мемуаров²⁷⁶. Судя по этим изданиям, значительная часть китайцев осталась служить в армии, а также в органах безопасности, в разного рода войсках внутренней охраны. Китайцев можно было увидеть в военных училищах, в отрядах, воевавших с басмачами, в трудовых армиях. Когда Чан Кайши во время своей поездки в СССР в 1923 г. прибыл во Владивосток, там его встречал почетный караул, составленный из китайских солдат.

Некоторые китайские бойцы прослужили в армии очень долго. Так, боец по имени Цзи Шоушань в 1920 г. в составе экипажа бронепоезда «Красная Астрахань» «принимал участие в подавлении кулацких восстаний в Майкопе, Кургане, а также в станице Лабинской», а в 1945 г. он «в рядах Советской Армии участвовал в освобождении Северо-Востока Китая от японских оккупантов»²⁷⁷. Другие перешли на гражданскую службу, особенно значительное число бойцов — после 1921 г., когда часть военнослужащих старше 30 лет была демобилизована. Один из ветеранов вспоминал: чтобы не уходить из армии, некоторые бойцы скрывали свой возраст²⁷⁸. Те, кто расстался с военной службой, стали рабочими, администраторами низшего звена, пошли учиться на рабфаки, в институты.

Первое время после гражданской войны положение китайских эмигрантов, как и всего населения России, было крайне тяжелым. Им пришлось испытать безработицу, изнурительный труд, крайнюю жилищно-бытовую неустроенность. В 1923 г. китайские рабочие на золотых приисках в Иркутской области жаловались на непосильную работу, тяжелые условия жизни и просили отправить их домой²⁷⁹. В Москве в 1928 г. среди китайцев еще были безработные. Те же, кто работал в прачечных (а это была самая распространенная профессия), трудились в сырых подвалах по 12—14 часов в сутки²⁸⁰. Такой же была продолжительность рабочего дня и на частных предприятиях Дальнего Востока.

Постепенно, однако, жизнь китайцев стала улучшаться. В первую очередь это касалось рабочих государственных предприятий, особенно в привилегированных отраслях. Неплохой достаток давал и индивидуальный труд кустарей-ремесленников, получивших выход на рынок. Китайский консул в Иркутске сообщал в 1927 г.: «Если говорить о рабочих, то лучший пример — сапожники: они живут в тепле и сытости. А на приисках в Бодайбо рабочие богатеют. С нынешнего года они собираются в артели, которые отправляются в путь одна за другой. По слухам, уже более тысячи разбогатели таким образом и многие уже возвращаются домой»²⁸¹.

Вместе с тем тяжелые производственные и бытовые условия, а отсюда и огромная текучесть китайских и других восточных рабочих сохранялись и в начале 30-х годов²⁸². Положение мигрантов из Китая усугублялось тем фактом, что значительную их часть по-прежнему, как и до революции, составляли необученные работники. Гонимые безработицей, они шли трудиться туда, где русские рабочие не задерживались. Не случайно доля китайцев, составлявшая в горнодобывающей промышленности до 50 %, на пользовавшихся недоброй славой шахтах Артема доходила до 70—80 %. Экономическая дискриминация китайцев встречалась не только на частных предприятиях, хозяева которых до предела урезали им плату под патриотическим предлогом: воспрепятствовать вывозу валюты за рубеж. Были отмечены случаи, когда руководители государственных предприятий в стремлении сэкономить на иностранцах делали попытки лишить китайских рабочих страховки и прав, предусмотренных в Кодексе законов о труде²⁸³.

Китайские рабочие хуже обеспечивались питанием, одеждой, жильем. Китайские крестьяне были вынуждены арендовать землю на кабальных условиях. Экономическая дискриминация нередко сопровождалась шовинистическим, высокомерным отношением к «восточникам», что временами приводило даже к столкновениям русских и китайских рабочих.

Поэтому огромное значение в новой жизни китайцев приобрело, то обстоятельство, что в стране на уровне государственной политики и идеологии был взят курс на установление равноправия всех национальностей, прекращение дискриминации²⁸⁴.

В местных и даже центральных советах стали появляться депутаты-китайцы, особенно много их было во Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске. При всей эфемерности представи-

тельской власти они получили кое-какую возможность публично заявлять о проблемах китайской диаспоры. Для работы с нацменьшинствами при исполкомах стали создаваться институты уполномоченных, вводились должности инструкторов, на которые зачислялись и сами китайцы, правда, «реальная отдача от этих бюрократических структур была невысокой»²⁸⁵.

Борьбу за права восточных мигрантов вели партийные и советские органы, прокуратура и суды, печать. В народных судах их дела рассматривали китайские камеры (отделения). В 1930 г. ВЦИК и СНК было принято Постановление «О практическом проведении национальной политики в Дальневосточном крае в отношении китайцев и корейцев», в соответствии с которым в судах края были возбуждены сотни дел.

Параллельно с утверждением национального равноправия шло укрепление законности внутри китайской общины, в которой были распространены такие явления, как скрытая эксплуатация рабочих старшинками и подрядчиками, создание фиктивных рабочих артелей. Подрядчики нередко служили посредниками между администрацией и китайскими рабочими даже на государственных предприятиях²⁸⁶. К экономическим преступлениям добавлялись бытовые: содержание притонов, проституция, в искоренении которой большое значение придавалось воспитательной работе.

Благодаря усилиям советской власти шаг за шагом преодолевался разрыв между «белым» и «желтым» трудом. Китайские рабочие с их традиционным трудолюбием стали активными участниками разных форм социалистического соревнования и ударнического движения. В 1932 г. на 19 предприятиях Дальнего Востока 58 % китайских и корейских рабочих (из общего числа в 2623 человека) были ударниками²⁸⁷. На VI съезде Советов делегат с Дальнего Востока Юй-Хе-Тян рассказывал: «Бывают случаи, когда восточные рабочие берут на общественный буксир русских рабочих, но иногда имеет место и обратное: русские квалифицированные рабочие берут на буксир отсталых китайских рабочих». Он назвал наглой ложью бытовавшие на Западе утверждения о принудительном характере труда в СССР, о превращении населения страны в низкооплачиваемую трудовую армию.

Очищение от дискриминационных наслоений, от стереотипов национального высокомерия давалось не просто даже в высших партийных инстанциях. Вот небольшой, но характерный пример на эту тему. Один из участников проходившего в Москве

в 1921 г. съезда Союза китайских рабочих пожаловался во ВЦИК, что в бюро пропусков по отношению к нему была проявлена «обывательская враждебность». Он отмечал, что обиды от представителей советской власти воспринимаются китайскими гражданами, проживающими в России, «слишком больно, как незаслуженное оскорбление и не могут быть оставлены без внимания». После рассмотрения жалобы, как доложили секретарю Президиума ВЦИК А.С. Енукидзе, «был сделан нагоняй тов. Пухову в присутствии представителя от китайских рабочих. Тов. Пухов — старый партийный товарищ, но не сумел мягко обращаться с иностранцами. Он извинился и обещал впредь с иностранцами обращаться с особым вниманием. Настоящая жалоба сильно преувеличена»²⁸⁸.

Сами борцы с дискриминацией не всегда оказывались способны проявить беспристрастие. Например, в отчетном докладе III краевого съезду Советов в 1929 г. содержался такой самокритический пассаж: «Не всегда наш суд одинаково относится к русским и к китайцам тогда, когда они попадают в сферу действия суда. Можно указать целый ряд примеров, когда наш суд, пролетарский суд, приговаривает китайца за одинаковое с русским преступление к большему наказанию, чем русского. Вот это нарушение классово-национальной линии в нашем суде должно быть выжжено каленым железом»²⁸⁹.

На VI съезде Советов СССР в 1931 г. китайский делегат Юй-Хе-Тян, шахтер из Артема говорил: «Восточные рабочие, особенно китайцы — равноправные граждане СССР... В СССР сохранился кое-где шовинизм, так как царское правительство оставило очень плохое наследие в этом отношении. Но советская власть, коммунистическая партия ведут решительную борьбу против шовинизма»²⁹⁰. Бывший боец Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, участник боев во время конфликта в 1929 г. на КВЖД закончил свою речь лозунгами: «Да здравствует крепкий Советский Союз! Да здравствует советская власть в Китае! Да здравствует китайская Красная Армия! Да здравствует мировая революция!»

Позитивные явления не сводились, однако, к установлению национального равноправия: среди нацменьшинств развернулось культурное строительство²⁹¹. Разумеется, оно не могло идти быстро — слишком многое тому препятствовало. На Дальнем Востоке значительная часть китайских иммигрантов ориентировалась на временное, исключительно ради заработка, пребыва-

ние в России, и это обстоятельство лишало людей стимулов и возможности учиться. Не хватало средств, недоставало подготовленных должным образом преподавательских кадров, учебников, методических пособий, вследствие чего подчас обучение носило формальный характер.

Тем не менее, в ходе осуществления широкой программы национального развития в стране появились школы и техникумы с преподаванием на китайском языке, клубы, различные кружки. В начале 30-х годов преподавание на китайском языке велось в десяти начальных школах, на одном отделении вуза, в одном техникуме, на двух отделениях рабфака. 90 китайцев учились в вузах Москвы и Ленинграда²⁹². Приобщение к культуре всячески поощрялось, более того, ликбез и начальное образование власти пытались сделать обязательными. Примечательно, что китайским школам отпускалось больше средств, чем русским²⁹³. Была развернута борьба с религиозными верованиями и традициями, вплоть до празднования Нового года по лунному календарю.

Стали выходить два десятка газет на китайском языке: в Москве, Ленинграде, Чите, Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске, Иркутске, Артеме, Киеве. Крупнейшая из них — «Цяньцзиньбао» имела тираж до 6 тыс. экземпляров. Во Владивостоке издавалось пять газет²⁹⁴. Советские лингвисты совместно с китайскими коллегами, находившимися в то время в СССР, предприняли серьезные усилия по разработке и внедрению фонетической письменности китайского языка на основе латинского алфавита. (Интересно, что один из участников этой работы, заведующий китайской секцией движения за ликвидацию неграмотности У Юйчжан, он же заведующий китайским отделом Дальневосточного отделения Академии наук СССР, впоследствии стал председателем Комитета по реформе китайской письменности при Госсовете КНР.) В 1931 г. во Владивостоке прошла первая конференция по латинизации китайской письменности, был создан краевой Комитет нового алфавита, который сразу же приступил к организации учебных кружков. Некоторые китайские газеты стали печататься частично иероглифами, частично — с помощью алфавита. Планировалось в 1935/1936 учебном году перевести на латинский алфавит учебный процесс.

Новый характер, созвучный задачам социалистического воспитания, приобрела деятельность китайского театра²⁹⁵.

Важность всей этой работы едва ли нужно доказывать. В Москве, например, по свидетельству китайских общественных орга-

низаций, в начале 20-х годов большинство китайцев были малокультурными, не понимали по-русски, не знали советских законов, в результате чего нередко становились жертвами обмана и эксплуатации со стороны более развитых земляков. В нелегальных притонах процветало опиумокурение²⁹⁶. В 1923 г. лишь чуть больше трети китайцев, проживающих в городах Дальнего Востока, были грамотными. На 1 декабря 1925 г. в общеобразовательных школах края обучалось всего 180 китайцев²⁹⁷.

В новых условиях в китайской диаспоре усилилась тяга к образованию, возникла потребность изучать китайский и русский языки. «Нужно будет обучать грамоте китайских рабочих. Об этом уже записывали несколько раз, но школа не открыта. Сейчас имеется много китайских рабочих, желающих обучаться», — утверждал делегат Сун-Ши-Кай²⁹⁸ на III краевом съезде Советов в 1929 г. Другой китайский делегат в духе того времени требовал: «Существуют еще частные китайские школы, которые ведут занятия не по советским программам, ведут антисоветскую пропаганду. По моему мнению, эти школы нужно немедленно ликвидировать»²⁹⁹.

Повышенное внимание власти уделяли культурно-воспитательной работе среди китайцев и корейцев, работавших на золотых приисках. Для них выделяли дополнительные средства на создание пунктов по ликвидации неграмотности, школ и больниц, заказывали граммофоны и кинопроекторы, переводили на китайский язык кинофильмы. Туда посылали подготовленных людей, в том числе из Коммунистического университета трудящихся Китая, из военных школ в качестве политработников и администраторов.

Особое значение советская власть придавала политической работе в среде китайского и других нацменьшинств. Во Владивостоке кадры для нее из молодых рабочих готовили совпартшкола и ленинская школа, преподавательский состав которых был укомплектован в основном выпускниками открытого в 1925 г. в Москве Университета трудящихся Китая. Китайских рабочих вовлекали в партию, комсомол, профсоюзы. Партийные и комсомольские ячейки в китайской среде не отличались многочисленностью, но членство в профсоюзах было массовым: в 1927 г. — 80 % китайских рабочих. Хотя китайские рабочие составляли 56 % всех восточных рабочих, среди членов профсоюзов их доля была равна 81 %³⁰⁰. Не остались без внимания власти и китайские женщины: их стремились вырвать из круга бытовых забот,

привлечь к участию в общественном производстве и общественной деятельности. Всей политической и культурно-просветительной работой руководили местные партийные комитеты, начиная с областного уровня, при которых в нужных случаях создавали китайские или корейско-китайские секции или отделы.

Социально-экономические преобразования

Параллельно с энергичным национальным строительством в среде китайской эмиграции — как и во всем советском обществе — шли коренные социально-классовые преобразования. (По сути дела, национальное строительство по своему идеологическому содержанию служило одним из видов этих преобразований.) Хотя подавляющее большинство китайских эмигрантов (по переписи 1926 г. — 94,9 % от их общего числа³⁰¹) не были гражданами СССР, все они оказались глубоко вовлеченными в процесс радикальной общественной перестройки. Наравне со всеми другими народами страны они прошли через национализацию частной собственности и ликвидацию целых социально-экономических групп, владевших этой собственностью, через НЭП, коллективизацию, индустриализацию. В отношении китайской общины политика проводилась в принципе точно такая же, как и в отношении, скажем, советских граждан русской национальности, и проводилась с такой же твердостью.

Лица китайской национальности в самом начале 20-х годов составляли 37,4 % в общем количестве хозяев в городах Дальнего Востока (7978 человек из 21 311), а из этих китайцев-хозяев 2372 человека, т. е. 29,7 % имели наемных рабочих (прочие работали с помощью членов семьи или в одиночку)³⁰². На китайских предпринимателей приходилось 59 % всей частной торговли Приморья, и лишь 33 % — на советских граждан³⁰³. Китайские частные заведения, даже с наемными рабочими, в основном были мелкими, если говорить о промышленных заведениях, то — кустарно-ремесленного типа, число рабочих в них в среднем не достигало и четырех человек³⁰⁴. На эти заведения и было направлено острое революционных социально-экономических преобразований.

Первые экспроприации производились еще во время гражданской войны, нередко на основании постановлений местных властей или «революционного права». А в 1927 г. был принят

закон: те, у кого имущество было изъято до 22 мая 1922 г. (т. е. практически за весь период гражданской войны), не имеют права требовать его возвращения. Это правило распространялось и на иностранцев, и потому все претензии китайских граждан на этот счет автоматически отклонялись.

Подобная ситуация — уравнивание иностранцев с российскими (советскими) гражданами в том, что касалось экспроприации их имущества, — повторялась не единожды. Понесшие утрату китайские собственники заваливали жалобами и просьбами свои дипломатические представительства в Москве и на Дальнем Востоке, те, в свою очередь, адресовались к советским властям, но, за редкими исключениями, безрезультатно. У властей был достаточно весомый аргумент: постоянные жители страны должны исполнять ее законы. И побудительный мотив, важность которого невозможно переоценить: от перестройки социальных структур зависело само существование новых властей.

Имели место и прямые обращения китайских граждан к советскому правительству, но тоже безуспешные, даже если отдельные звенья власти готовы были пойти им навстречу. Вот один из подобных примеров, относящийся, правда, не к самой большой группе китайских иммигрантов — к земледельцам, но интересный тем, что дело дошло до высших инстанций.

В конце 20-х годов в ряде среднеазиатских республик СССР была проведена аграрная реформа — уравнивательное распределение земли. Там проживали китайские граждане — торговцы и сельскохозяйственные рабочие. До 1923 г. им разрешалось приобретать землю. Рабочий обычно много лет копил деньги, покупал участок земли, а после этого нередко переходил в российское подданство. Торговцы в основном сдавали свою землю в аренду, часто — своим соотечественникам, которые сплошь и рядом работали на одном и том же участке десятки лет.

В ходе реформы у всех хозяйств, отнесенных к нетрудовым (т. е. использовавших наемный труд), земля была изъята полностью, у «трудовых» хозяйств отрезаны сверхнормативные излишки. За счет изъятых участков наделялись землей безземельные батраки и арендаторы. При этом специальным постановлением правительства иностранцы были приравнены к гражданам СССР. В среднем каждому хозяйству досталось по 6,3 га земли.

В 1928 г. у жителя Туркмении китайского гражданина Исмаилова отобрали всю землю, отнеся его хозяйство к нетрудовым, и как муллу выселили с семьей из аула. Исмаилов пожало-

вался в ЦИК СССР на то, что решение было принято по ложным показаниям. В Москве сочли, что Исмаилов «сам является объектом эксплуатации», и попросили местные власти перепроверить заново обстоятельства дела. Разгневанный ЦИК Туркмении добавил в адрес Исмаилова обвинение в том, что тот «ведет агитацию против земельно-водной реформы, способствует ее срыву», и подтвердил свое решение³⁰⁵.

На следующем этапе аграрных преобразований, в период принудительной коллективизации китайские крестьяне были объединены в колхозы. В Уссурийской области в 1934 г. из 73 колхозов 5 были китайскими³⁰⁶. На 1 января 1935 г. в Дальневосточном крае состояло на учете 14 китайских колхозов³⁰⁷.

Радикальные классовые преобразования проводились и в торговле, важнейшей сфере занятости китайских жителей России в 20-е годы. Один из ведущих советских китаеведов М.И. Сладковский писал в своих мемуарах: «Китайские торговцы после ликвидации большей части русской частной торговли в городах Дальнего Востока активизировали свою деятельность, возмещая в какой-то степени уход со сцены русской торговой буржуазии. Китайское частное предпринимательство на советском Дальнем Востоке, действия которого носили хищнический, разрушительный характер, мешало становлению нашего социалистического народного хозяйства. С ним нужно было кончать»³⁰⁸. Борьба с ним велась в основном экономическими методами, путем организации кооперативов, способных конкурировать с частником. Типичную картину рисует сообщение китайского консула из Иркутска (1927 г.): «В городе с нынешнего года проводят политику вытеснения мелкого торгового капитала. В важнейших точках рабоче-крестьянские потребительские кооперативы открывают свои отделения, капитал и товары предоставляет им государство. Товары у них в изобилии, цены умеренные. Мелких китайских предпринимателей и торговцев теснят раз за разом, у них уходит почва из-под ног. В нынешнем году прекратило существование более 20 заведений, оставшиеся находятся при последнем издыхании»³⁰⁹.

Другим мощным экономическим средством социальных преобразований был налоговый пресс, давивший с особой силой на имущие классы. Представитель Китайской Республики во Владивостоке отмечал, например, в 1924 г.: «Экономическое положение на Дальнем Востоке и целый ряд обременительных государственных налогов и местных сборов ставят китайских商-про-

мышленников в невероятно затруднительное материальное положение, благодаря которому вся коммерческая деятельность их сводится исключительно к изысканию необходимых средств для погашения этих налогов и сборов. В силу этого сплошь и рядом китайские торгово-промышленники оказываются не в состоянии вести бездефицитно свои дела, прибегают к крупным кредитам и, в конце концов, становятся банкротами»³¹⁰.

В дополнение к налогам советское правительство стало ежегодно выпускать облигации государственных займов, которые среди имущей части населения распространялись в принудительном порядке, в зависимости от величины доходов. Этот порядок касался и иностранных граждан. Попытки китайской стороны добиться исключений или послаблений для своих граждан успеха не имели.

Некоторые способы ликвидации частной собственности оказывались для китайских предпринимателей особенно чувствительными. Например, в период НЭПа существовал принцип: право собственности предоставляется в целях развития производительных сил. В 1927 г. со ссылкой на этот принцип было принято постановление, согласно которому предприятие, не используемое по назначению, переходило в руки государства. Между тем, еще раньше, в середине 20-х годов, в связи с неблагоприятной конъюнктурой значительное количество китайцев выехало на родину, оставив свои предприятия на попечение доверенных лиц. У них не было ни малейших оснований сомневаться в незыблемости своих прав. Поэтому для них, людей в основном малограмотных, было полной неожиданностью появление комиссий, оформлявших конфискацию их мельниц или лесопилок³¹¹.

Известно, что классовые преобразования в СССР проводились весьма жесткими методами. Применялись они и к китайскому меньшинству. Китайцев, причисленных к эксплуататорским классам, а подчас и не только причисленных, целыми группами арестовывали и высылали на родину или же — наравне с гражданами СССР — в отдаленные места Союза. Насколько можно судить по китайским документам, им предъявляли обвинения в контрабанде, хранении оружия, нелегальном переходе границы, торговле опиумом, шпионаже и т. п. Следствие и суд проводились не всегда, иногда вообще никаких обвинений не предъявлялось.

В октябре 1927 г. китайский консул из Благовещенска сообщил: «Советская власть в соответствии со своей экономической

политикой сурово обращается с китайскими коммерсантами. Здесь их арестовывают и по решению Политбюро в Москве ссылают в глухие места, в Нарым и Архангельск. Некоторым из них ссылку заменили высылкой из СССР, пересмотрев их дела в суде по просьбе китайской стороны. Наше государство так с русскими эмигрантами не обращается»³¹².

Спустя полгода он же уведомлял: «На сегодня арестовано китайцев: в тюрьме — 360 человек, в милиции — 86, погранвойсками — 120. Конфисковано товаров на 80 тыс. юаней, не считая того, что было возвращено владельцам после протестов»³¹³.

Сегодня невозможно сказать, насколько обоснованным было обвинение и насколько справедливым — наказание в каждом конкретном случае. Мы имеем лишь общие представления о работе советских карательных органов и массу жалоб китайцев в их дипломатические представительства. Так или иначе, к 1930-м годам китайское предпринимательство было в основном свернуто³¹⁴.

Протесты китайских дипломатов обычно оставались безрезультатными, когда дело касалось ликвидации частной собственности имущих социальных групп. Однако в остальных случаях власти нередко шли на некоторые уступки китайской стороне. Это видно хотя бы из документов, цитированных выше. Приведем здесь еще один, выделяющийся из множества однотипных дел.

В 1925 г. советские органы безопасности раскрыли «заговор», имевший целью покушение на жизнь японского посла. «Заговор» был якобы организован проживающими в Москве китайцами, включая одного сотрудника китайского дипломатического представительства. Подозреваемые были арестованы. НКВД заявил, что сообщение о заговоре «исчерпывающе доказано». Однако после настойчивых усилий китайского посольства арестованные были выпущены³¹⁵.

Пытаясь каким-то образом спасти своих соотечественников или, по крайней мере, облегчить их участь, власти Китайской Республики предлагали обменять арестованных китайских иммигрантов на арестованных в Китае русских, а в 1928 г. выслали из Шанхая на родину большую группу российских эмигрантов (700 человек), снабдив их билетами и деньгами на дорогу. Они не учли, однако, что правительство СССР относилось к своим эмигрантам совершенно иначе, чем китайское правительство к своим, а именно — как к классовым противникам и потенциальным

шпионам, и потому было абсолютно нечувствительно к подобным репрессалиям. Во Владивостоке русских репатриантов встретили как врагов, обыскали и арестовали...³¹⁶.

Естественным следствием политики насильственных преобразований и репрессий стал отток китайского населения с Дальнего Востока — всех слоев, отнюдь, не только тех, кто обладал какой-то собственностью и подвергался экспроприации. Целые артели рабочих брали расчет и нелегальным путем уезжали за границу. По официальным данным, только по Владивостокскому округу за два месяца — с 10 июня по 15 августа 1929 г. — были выданы справки на выезд в Маньчжурию 455 рабочим, 118 торговцам, 74 служащим, 62 кустарям и ремесленникам, 368 прочим³¹⁷. Подобным же образом бегством за границу спасались от коллективизации корейские и китайские крестьяне — кулаки и середняки, бедняки и батраки. Отмечены случаи, когда китайцам-колхозникам предлагали принять советское гражданство, угрожая в противном случае исключить их из колхоза, что означало для них остаться без земли; в результате большинство из них предпочло выехать в Китай³¹⁸. По данным всесоюзной переписи населения 1937 г., число китайцев в России на январь этого года составило 38 527 человек, в том числе на Дальнем Востоке — 24 589³¹⁹, т. е. в обоих случаях уменьшилось по сравнению с 1926 годом почти в 3 раза (ср. с цифрами, приведенными в самом начале параграфа).

Советская администрация не препятствовала этому оттоку китайцев и не пыталась остановить его. Наоборот, в ее действиях все более отчетливо просматривался курс на вытеснение китайцев с советского Дальнего Востока³²⁰.

Конец «внеземелья» китайской общины

Недоступность китайской общины контролю со стороны органов власти, невозможность управлять ею в необходимой мере — эти черты ее, столь беспокоившие правительство и общественность дореволюционной России, сохранялись и некоторое время после гражданской войны. Масса мигрантов — рабочих, торговцев — каждый год по-прежнему пересекала границу в поисках временной работы и пребывала в СССР на нелегальном положении, с тем чтобы через некоторое время, обычно через несколько месяцев, таким же образом вернуться на родину³²¹.

«О современных размерах этого промыслового движения мы не располагаем никакими сведениями», — признавали специалисты из местной администрации, с неудовольствием констатируя, что данная группа иностранцев вывозит за рубеж значительные средства в виде зарплаты и торговой прибыли. Специалисты отмечали также ее криминогенный характер, указывая на такие серьезные преступления, как убийства, хунхузничество, контрабанда, притонодержательство, половые преступления и т. д. В 1925 г. по Дальнему Востоку было осуждено 16 725 человека, в том числе китайцев 3074, или 18 %, — процент существенно более высокий, чем доля китайского населения в общей численности жителей региона³²².

На втором краевом съезде советов в 1927 г. один из выступавших охарактеризовал ситуацию следующим образом:

«О беспаспортности. Это у нас больной вопрос, благодаря тому, что мы находимся около границы. К нам каждый день приходит из-за границы много китайцев и корейцев, и по нашим советским законам нам очень трудно с ними проводить борьбу, трудно регулировать наплыв этих беспаспортных китайцев. Они к нам приходят, не спрашивая никого, селятся в городе и в районах, занимают земли без всякого разрешения. Когда мы подходим к этому вопросу с точки зрения советского законодательства, то выходит, что мы не можем их выслать из нашего района или посадить в ИТД... Все это заставляет наш административный аппарат обращать на это много внимания, без должных результатов, чрезвычайно напряженно работать.

В числе этих иностранцев есть много элемента преступного, уголовного, и, если его сегодня отправляешь обратно за границу, то он завтра опять же появляется у вас, и так без конца. Другими словами, я считаю, что карательная политика слишком слаба. Это говорит о том, что для приграничных районов нужно создать другие условия, нужно выработать другие меры борьбы с такими лицами... Если тот или другой иностранец не берет паспорта, пришел на нашу территорию самовольно, то нужно их в административном порядке высылать за границу»³²³.

Так, собственно говоря, и стали делать, несмотря на то, что меры по укреплению паспортного режима били и по тем рабочим, которые не имели паспортов, но успели доказать свою полезность и получить признание общества — в качестве, например, шахтеров на государственных копях. За паспорт они должны были платить по 12 руб. — сумму по тому времени немалую³²⁴.

Фактически таким образом не только укреплялся порядок в китайской общине, но и сдерживалось использование китайского труда, чему должна была служить и другая мера — ограничение до 50 % доли китайских рабочих по договорам³²⁵.

Одновременно шаг за шагом была усилена охрана границы.

Как бы то ни было, с большими или меньшими издержками, но в эти годы происходило то, чего не могло добиться царское правительство: постепенно жизнь китайской диаспоры ставилась под контроль государства.

Этот процесс, как и экспроприация собственнических социальных групп, неизбежно вел к ликвидации китайских общественных организаций старого типа — одиозных символов закрытости китайской общины, теперь оказавшихся еще и «классово чуждыми» и враждебными политически. «Местные руководящие органы считают, что необходимо найти способ борьбы против влияния китайских купеческих обществ, которые являются приверженцами Чжан Цзолия или Цао Куня (китайских милитаристов. — *Авт.*)», — писал представитель Коминтерна Г.Н. Войтинский в январе 1923 г.³²⁶

Судя по китайским дипломатическим документам, дело происходило следующим образом. В течение 1923 г. в результате непродолжительной кампании организации китайских иммигрантов — разного рода купеческие общества, национальные союзы и т. п. были закрыты: сначала в Хабаровске и Имане, а затем и на всем Дальнем Востоке³²⁷. Председатели всех этих обществ, а также их заместители и многие члены правлений были арестованы, на арестованных завели следственные дела. Одновременно российские власти изымали у китайских организаций документы и денежные средства, конфисковывали имущество, отбирали помещения.

Китайское правительство протестовало против всего этого, квалифицируя аресты как произвольные и запрашивая разъяснений. Российская сторона отвергала протесты и в свою очередь обвиняла «некоторые китайские консульства» в том, что они «содержали свою тайную полицию и производили с ее помощью аресты и избиения». Она доказывала: при обысках в китайских организациях находили оружие и опиум. Китайская сторона возражала: оружие это — для защиты от бандитов, опиум — для личного употребления, а признания в шпионаже и т. д. вырваны путем применения силы во время допросов³²⁸.

Китайский консул в Чите Франклин Цю (в Читу были переведены арестованные сотрудники китайских обществ из Хаба-

ровска и окрестных пунктов) обратился к председателю Дальневосточного ревкома Матвееву, который согласился, чтобы часть арестованных была выпущена под залог. Затем на это дело было обращено внимание приезжавшего в Читу председателя ВЦИК Калинина³²⁹. Тот заявил, что арестованным нечего беспокоиться, что против них нет никаких серьезных обвинений, и обещал дать указание местным властям освободить их в самые короткие сроки.

Действительно, в течение 1923—1924 гг. арестованные сотрудники китайских обществ были один за другим освобождены по судебным постановлениям, судебные дела прекращены, имущество (кроме оружия) и деньги возвращены. Вполне вероятно, на исход этих дел повлияли происходившие в то время сдвиги в российско-китайских отношениях в сторону их нормализации.

Тем не менее, после реабилитации руководителей китайских обществ сами общества уже не были открыты. Безусловно, помимо всех прочих соображений, это было сделано еще и из опасения, что общества будут действовать нелегальным образом в пользу Китая.

Впрочем, и антиподы китайских коммерческих обществ — рабочие союзы ненадолго пережили своих противников. Апофеозом деятельности рабочих союзов стало проведение в Москве в феврале 1923 г. Всероссийского съезда китайских рабочих³³⁰. Съезд избрал почетными председателями Ленина и Калинина и направил приветственные телеграммы им, Зиновьеву, а также Троцкому как «вождю вооруженных пролетариев всего мира». В телеграмме Троцкому говорилось: «В час призыва к бою китайские пролетарии сомкнут свои ряды и, если будет необходимость, готовы сменить плуг на штык».

Главным на съезде стал вопрос о том, кто должен представлять интересы китайских эмигрантов в СССР. Выступавшие требовали, чтобы эти полномочия были отобраны у генерального консула, назначенного Пекином, и переданы Союзу китайских рабочих. При этом они ссылались на пример некоторых стран Юго-Восточной Азии, где консулов выбирали члены китайских общин.

Китайский представитель немедленно связался с Наркоминделом и заявил протест. НКИД ответил, что межгосударственные отношения еще не полностью восстановлены, и потому у китайского эмиссара нет полномочий представлять интересы эмигрантов. Тем временем участники съезда устроили голосование и выбрали консулом председателя Союза китайских рабочих

Чжан Юнкую, а вице-консулом — его заместителя. Съезд решил просить советские власти признать выбранных им лиц и потребовать от Пекина утвердить их³³¹.

Трудно сказать, были ли выдвинутые съездом фигуры на самом деле абсолютно неприемлемы для китайской стороны. Однако сам факт вмешательства СКР в сферу межгосударственных отношений в китайском дипломатическом представительстве почитали недопустимым, категорически отказались признавать самозванного консула и запросили МИД на предмет разрыва отношений с СССР. Из Пекина, однако, последовало четкое указание: «В том, что касается разрыва, проявлять величайшую осмотрительность»³³².

На этом борьба за консульский пост и закончилась.

В том же 1923 г. Союз китайских рабочих был передан в ведение Наркомнаца и исчез с внешнеполитической арены. При переводе Союза в новое ведомство была проведена ревизия, в ходе которой выяснилось, что «его культурно-просветительная деятельность почти ни в чем не проявилась», зато «обнаружилась незаконная практика присвоения функций следственных органов, полное отсутствие у исполкома каких бы то ни было забот об улучшении материального положения бедноты и т. п.»³³³ Последний известный нам документ о деятельности Союза, «объединяющего всех китайских пролетариев на необъятной территории СССР», — жалоба его председателя на реквизицию помещения и нехватку средств даже на канцелярские расходы³³⁴.

Какое-то время после этого в Москве существовало общество «Возрождение Китая», которое, получая небольшие дотации от Моссовета, ставило своей задачей проведение культурно-просветительной работы среди китайцев, оказание им юридической помощи, поощрение труда, кооперирование их в артели³³⁵. (В то время китайские артели уже существовали, и в незначительном количестве, например, в Москве имелось 420 китайских артельных прачечных, но фактически они оставались частными предприятиями с наемными работниками.)

Свертывание функций и отмирание СКР были связаны, очевидно, с сокращением объема его задач внутри СССР: репатриация китайских рабочих к этому времени уже не стояла в повестке дня. Тех, кто остался, вовлекали в единую общесоюзную систему профсоюзов, организованную по производственному принципу и находящуюся под партийно-государственным контролем. Национальные организации были обречены: на них стали смотреть

как на потенциальные очаги национализма, враждебного интернациональной сущности советского государства. Потеряла актуальность и внешнеполитическая сторона деятельности СКР: Москва добилась прогресса в налаживании прямых отношений и с Пекином, и с революционными силами юга Китая, не прибегая к помощи Союза и вообще к сколько-нибудь значительной помощи китайской диаспоры.

На выучку в Коминтерн

В соответствии со своим курсом на стимулирование национальных антиимпериалистических революций в странах Востока советское правительство организовало подготовку профессиональных кадров из числа жителей этих стран³³⁶. Такая подготовка была начата еще до полного окончания гражданской войны и велась почти до самого конца 30-х годов, в основном в сети специальных учебных заведений, созданных под эгидой Коминтерна.

В 1921 г. был открыт Университет трудящихся Востока (УТВ), вскоре названный Коммунистическим (КУТВ), и в том же году туда была принята первая группа китайцев, о которой мы уже упоминали ранее — ее привез из Шанхая российский коммунист Ян Минчжай. В 1925 г. в связи с подъемом в Китае национально-революционного движения, в развертывании которого СССР играл активнейшую роль, в Москве был создан Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК), куда принимали представителей двух революционных партий Китая — Коммунистической и Национальной (Гоминьдана) и куда перешли студенты из КУТВ, около 100 человек. За пять лет существования УТК (с 1928 г. — Коммунистический университет, т. е. КУТК) через него прошли свыше 1 тыс. студентов. В 1930 г. он был закрыт, но до 1936 г. в КУТВ вновь функционировало китайское отделение, а в 1936 г. из университета выделился Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем (НИИНКП), в котором обучались иностранные студенты, в том числе китайцы.

Обучение китайских революционеров вели, кроме того, Международная ленинская школа, Центральная комсомольская школа, курсы Профинтерна «Рабочее движение», отделение КУТК в Иркутске, Китайская ленинская школа во Владивостоке.

Советский Союз много сделал и для подготовки военных кадров китайской революции. Китайским командирам был от-

крыт прием в Военную академию им. М.В. Фрунзе, Военно-политическую академию им. Н.Г. Толмачева, Летную военно-теоретическую школу, Высшую артиллерийскую школу, на курсы «Выстрел» и т. д. Директива К.Е. Ворошилова обязывала военные академии готовить «руководителей крупными войсковыми частями в Китае»³³⁷. Показательно, что на военных курсах наряду с прочими дисциплинами изучались методы партизанской войны.

Организация учебы с целью подготовки профессиональных революционеров была делом новым и далеко не легким. Борцы за новый Китай в большинстве своем обладали лишь поверхностными теоретическими знаниями, у многих даже общеобразовательный уровень был низким. С другой стороны, не хватало марксистской литературы на китайском языке, не было приспособленных к китайской специфике учебных программ, недоставало разработок по современной восточной проблематике, которые можно было бы положить в основу лекционных курсов. Поэтому преподавателям пришлось уже в ходе учебного процесса составлять учебные пособия, переводить на китайский язык массу учебных материалов, труды классиков марксизма, выступления руководителей ВКП(б) и т. п. В переводческой работе активно участвовали и сами студенты — те, кто имел достаточную для этого подготовку.

Ввиду большой разницы в уровне знаний для студентов пришлось создавать несколько учебных групп с разными программами, от подготовительного факультета в УТК до «кружка теоретиков», в котором обучались руководящие работники обеих революционных партий Китая. Там же, в УТК, существовал «особый кружок» для учащихся в возрасте за тридцать, в их число входил, например, один из основателей Китайской коммунистической партии 52-летний Хэ Шухэн.

Для занятий с китайскими студентами привлекались лучшие преподавательские кадры Москвы, известные советские китаеведы. Рядом с ними работали и китайские революционные деятели, в большинстве — вчерашние студенты того же УТК—КУТК. Параллельно с преподаванием была развернута интенсивная научно-исследовательская работа. Сознывая значимость того контингента иностранных борцов за революцию, который воспитывался в Москве, в стенах названных выше университетов нередко выступали руководящие работники Исполкома Коминтерна и ЦК ВКП(б): Сталин, Троцкий, Бухарин, Крупская и др.

Учебные планы в УТВ и УТК строились таким образом, чтобы дать китайским студентам основательный теоретический багаж для предстоящей революционной работы. Известный военачальник генерал Фэн Юйсян, посетивший Москву в 1926 г., писал: «В других странах наши студенты изучают технику, строительство, горное дело, медицину. В СССР они учатся революции»³³⁸.

В политическом плане жизнь китайского студенчества была наполнена конфликтами. На нее оказывали сильное влияние сложный ход революции в Китае, перипетии взаимоотношений между Гоминьданом, Компартией Китая и ВКП(б), а также фракционная борьба внутри ВКП(б).

В 1925 г., когда создавался УТК, китайская Компартия и Гоминьдан выступали как союзники в рамках единого революционного фронта, однако вели при этом борьбу друг с другом за лидерство. Придавая посылке своих кадров на учебу в СССР самое серьезное значение (Председатель Национального правительства Ван Цзинвэй возглавил Центральный отборочный комитет), две партии начали соперничать между собой: каждая стремилась получить для себя как можно больше мест³³⁹. Принципиальные расхождения между их посланцами сохранялись и в Москве, временами выливаясь в жаркие дискуссии. Вместе с тем китайские коммунисты при поддержке советских товарищей по идеологии целенаправленно вели работу среди своих одноклассников-гоминьдановцев, стараясь перетянуть их на свою сторону. Вот партийная характеристика т. Дозорова — это псевдоним учившегося в КУТВ и УТК одного из будущих вождей КПК и КНР Дэн Сяопина.

«Очень активный и энергичный партиец и комсомолец (кандидат ВКП(б)). Один из лучших оргработников в Бюро Комсомола Университета. Во взаимоотношениях с другими — товарищ. В учебе был на первых местах. Партийная подготовка — хорошая (был индивидуалом — по индивидуальной обработке гоминьдановцев — на эту работу назначались наиболее подготовленные партийцы). Может быть использован на оргработе.

Секретарь ячейки ВКП(б) Университета им. Сунь Ятсена

(Ш. Агол)»³⁴⁰

Кропотливая индивидуальная работа принесла свои плоды. В 1927 г., после того, как Чан Кайши совершил антикоммунистический переворот, студенты-члены Гоминьдана — 239 из об-

щего числа 562 — покинули УТК, однако «очень многие гоминьдановцы в Москве стали другими людьми»³⁴¹: вступили в Компартию Китая и остались в СССР.

Еще одна линия фронта открылась в студенческой среде в 1926 г. в связи с борьбой сталинского руководства в ВПК(б) с троцкистской оппозицией. Часть студентов поддавалась влиянию троцкистской идеологии, а кое-кто из них твердо стал на сторону Троцкого, за что был выслан в Китай. Оставшиеся создали конспиративную организацию; малочисленные конспиративные группы возникли в Международной ленинской школе и некоторых военных школах.

Соединенными усилиями китайской делегации в Коминтерне и органов ОГПУ, с помощью слежки и доносов собравших материалы на 171 студента, троцкистское «подполье» в 1930 г. было разгромлено. В приговоре коллегии ОГПУ 36 троцкистам значились лишение свободы, в основном на срок 3—5 лет, высылка в Иваново и Нижний Новгород. Тех, кто не был арестован, отправили рабочими на московские заводы — проходить «пролетарскую школу». Несколько человек были «без явок» высланы в Китай, где к тому времени КПК уже находилась под запретом.

Новая волна репрессий обрушилась на китайских революционеров в СССР в 1937—1938 гг., когда сталинское руководство развязало во общесоюзном масштабе борьбу против сторонников «контрреволюционного троцкистско-зиновьевского блока», сопровождавшуюся массовыми разоблачениями «заговоров», актов «саботажа» и «шпионажа в пользу иностранных держав».

Жертвами этих кампаний стали многие иностранные коммунисты, в том числе сотрудники Коминтерна и студенты интернациональных школ, включая и китайцев. Как обычно в таких случаях, сталинским чекистам помогли доносы из окружения будущих жертв. Знакомство с архивными документами, отмечал российский историк К. Шевелев, «позволяет ставить вопрос не о том, кто повинен в фабрикации тех или иных дел, а о том, кто не виновен в этом. Их, к сожалению, меньшинство»³⁴². Так, по ложному обвинению в троцкизме, основанному на доносах, были арестованы в 1937 г., а затем казнены главный редактор хабаровской китаеязычной газеты «Гунжэньчжилу» («Рабочий путь») Чжоу Давэнь и его заместитель Ян Минчжай, о котором мы рассказывали выше (оба, кстати сказать, в 20-е годы учились и работали в УТК)³⁴³.

К этому времени интернациональные училища были засекречены и работали по военизированным программам. Скажем, Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем, уделяя много внимания общеобразовательным программам, поскольку «большая часть китайских товарищей поступала безграмотными, малограмотными», давал своим студентам обществоведческие и китаеведческие дисциплины, а, сверх того, «общую тактику, тактику партизанских действий, политработу в национально-революционной Красной Армии», имея задачей «подготовить командира взвода»³⁴⁴. Конспирация в институте была продумана до мелочей, вплоть до того, что в бухгалтерских и хозяйственных документах студенты обозначались только номерами их студенческих билетов. Дети ответственных сотрудников КПК — а в институте существовала учебная группа из таких подростков, в нее входили двое сыновей Мао Цзэдуна — жили под псевдонимами, от них требовали строго соблюдать правила секретности и пореже встречаться с родителями³⁴⁵.

В марте 1938 г. в институте числилось 228 студентов, из которых 91 не учился: те, кто закончил учебу, но не был отчислен из института, или не прошел мандатную комиссию, или же был «изъят по политическим соображениям» (в числе последних — 23 китайца и 15 корейцев). Руководство института докладывало: «В этом составе немало политически опасных элементов, которых мы изучали, изучаем и даем в соответствующие органы на них материал»³⁴⁶.

В более позднем отчете, относящемся к концу 1938 г., указывалось: «Всего арестовано за 1938 г. — 14 студентов (в том числе 6 китайцев). Арестованы как враги народа бывшие работники аппарата: Кеворкова, Миф, Крымов, Абрамсон...»³⁴⁷. (П. Миф был ректором КУВК в 1936 г. и директором НИИНКП в 1937 г.). В 1938 г. обескровленный репрессиями НИИНКП был закрыт.

И все же, при всех этих страшных потерях, учебные заведения Советского Союза сыграли первостепенную роль в подготовке кадров для китайской революции. Около 1600 китайских революционеров обучались в УТК—КУТК, не менее 500 — в КУТВ. Из 118 высших руководителей КПК 1920—1940-х годов, обучавшихся за границей, примерно 70 % пришлось на СССР. В списке китайских студентов можно встретить немало имен, вошедших в историю китайской революции и КНР: Дэн Сяопин, Лю Шаоци, Чжу Дэ, Ян Шанкунь, Цюй Цюбо, Е Цзяньин, Дун Биу и др.

Были среди студентов и члены Гоминьдана, через много лет ставшие видными фигурами на Тайване, в том числе сын Чан Кайши — Цзян Цзинго, сделавшийся тайваньским президентом, а также члены парламента, министры, высокопоставленные партийные деятели, командующий ВВС. Всего же на Тайване оказалось приблизительно 90 выпускников советских училищ³⁴⁸.

В СССР жили и учились не только зарубежные революционеры, но и их дети, для которых в 1930—1940-х годах было открыто несколько интернатов: под Москвой недалеко от железнодорожной ст. Лопасня и в Монино, а также в г. Иваново. Ивановский интернациональный детский дом, самый крупный и известный, был построен частично на добровольные пожертвования, собранные МОПРОм, и прекрасно по тем временам оборудован. В нем проживали воспитанники из многих стран, в том числе большая группа ребят из Китая: дети Мао Цзэдуна, Чжу Дэ, Лю Шаоци и др. В 1945—1954 гг., когда Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай посетили СССР, с советским правительством было заключено соглашение, в соответствии с которым все китайские дети до 18 лет должны были вернуться в Китай, а дети более старшего возраста могли выбрать страну проживания по своему усмотрению. Большинство вернулось на родину. Некоторые из них лишь через некоторое время смогли освоиться в новой для них культурной среде и заговорить свободно на родном языке³⁴⁹.

Отношения СССР с Китаем и Японией и китайская диаспора

Игра политических сил на международной арене оказывала постоянное влияние, временами подлинно драматическое, не только на жизнь китайцев, приехавших в СССР изучать революционные технологии. Она сказывалась так или иначе на существовании всей китайской диаспоры, а также на ее составе. После конфликта на КВЖД в 1929 г. на шахтах Дальневосточного края трудились китайские военнопленные. В период оккупации Японией Маньчжурии на советскую территорию перешли несколько тысяч военных и беженцев³⁵⁰.

Подход советских властей к китайской диаспоре явственно отражал состояние взаимоотношений СССР с Китаем, а также с Японией и другими державами, активно действовавшими в Китае. В мемуарной литературе зафиксирован рассказ о том, как

после устроенного Чан Кайши в 1927 г. антикоммунистического переворота и произведенного китайской полицией налета на советское посольство Сталин распорядился арестовать всех китайцев, проживавших в тот момент в Москве. Сгоряча арестовали даже представителей Компартии Китая в Коминтерне и студентов, обучавшихся в Коммунистическом университете трудящихся Востока³⁵¹.

В тот период отношение к китайцам изменилось не только в Москве. В январе 1928 г., вскоре после поражения руководимой компартией Кантонской коммуны, китайский консул в Никольске-Уссурийском сообщал в Пекин: «С тех пор, как коммунистов изгнали с юга, с местными китайцами обращаются все хуже. В декабре прошлого года в нашем городе было арестовано много китайских торговцев»³⁵². Волна карательных мер сопровождала конфликт на КВЖД в 1929 г. и разрыв дипломатических отношений между СССР и Китаем.

Даже такой, казалось бы, частный вопрос, как гражданство советских женщин, вышедших замуж на китайцев, превратился в повод для демонстрации жесткости. Китайские дипломатические представительства в соответствии со своим законодательством считали таких женщин гражданами Китайской Республики и выдавали им китайские паспорта. По советским же законам эти люди оставались гражданами СССР, а двойное гражданство не признавалось. Поэтому НКВД, «отдавая себе отчет в том, что конструкция советских законов о гражданстве и о браке способна умножать число конфликтов в вопросе гражданства с законодательствами других стран», тем не менее, настаивал: согласно теории международного права, «при возникновении тем или иным путем конфликтов в отношении гражданства известного лица всегда превалирует гражданство той страны, в которой индивид находится». В силу этого китайскому посольству следует отказаться от выдачи национальных паспортов, тем более что «юридические последствия такой выдачи не будут признаваться советскими органами»³⁵³.

Подчас далеко не дружелюбная пикировка возникала едва ли не на пустом месте. Так, в июне 1927 г. (уже после антикоммунистического переворота в Китае) иркутский областной суд принял к слушанию иск гражданина Зоу-Ши-Туна к местному китайскому генконсульству и направил в генконсульство повестку. Попутно суд отметил, что по советским законам «консульские представители не подлежат советской юрисдикции лишь по де-

лам о должностных преступлениях» и что при неявке ответчика дело может быть рассмотрено заочно. Консульство же переслало повестку в иркутский окружной исполком с иронической просьбой «не отказать вернуть ее по назначению, так как консульство не считает себя обязанным принимать какие бы то ни было повестки от местных судебных учреждений». Одновременно оно заявило протест против заочного рассмотрения дела³⁵⁴.

Главный нерв, определявший жесткие ноты в политике советского правительства в отношении китайской общины, получал заряд от напряженной атмосферы страны-крепости, осажденной силами международной буржуазии. В этой атмосфере китайская и корейская общины все чаще рассматривались как огромные рассадники агентуры империалистической Японии и проимпериалистических кругов Китая. Такой взгляд, безусловно, подталкивал к проведению репрессивной политики. Он проявился уже в первой половине 20-х годов, когда закрывали китайские общества и производили широкие аресты иммигрантов по обвинению в шпионаже. Во второй половине десятилетия он не ослаб. Случалось, репрессиям подвергались даже люди, симпатизирующие советской власти.

Так, после поражения Кантонского восстания в декабре 1927 г. советское правительство приняло некоторое количество эмигрантов из Южного Китая. В 1928 г. их начали арестовывать. Друзья арестованных кинулись искать защиту в китайском посольстве. Китайский дипломатический представитель заявил советской стороне протест. В ответ ему было сказано: «Среди приехавших есть лица политически сомнительные и даже засланные со шпионскими целями, мы вынуждены производить аресты»³⁵⁵. В период конфликта на КВЖД во Владивостоке арестовывали и выселяли китайских купцов. В практической деятельности советских властей политические установки сплетались с мерами по ликвидации НЭПа.

Среди других направлений политики в отношении китайцев, обусловленной международным положением, стоит отметить агитационно-пропагандистскую работу с осуждением действий китайского правительства. Такая работа велась в период конфликта на КВЖД и разрыва дипотношений с Китаем в 1929 г. среди рабочих, а особенно интенсивно — среди взятых в плен солдат с целью превратить их в носителей «классового сознания»³⁵⁶.

Иное отношение было проявлено к нескольким тысячам китайских военнослужащих, перешедших на советскую террито-

рию после оккупации Маньчжурии Японией в 1931 г. Интернировав, их предпочли использовать как источник принудительного труда.

В 30-е годы сложные и нестабильные отношения СССР с китайскими властями в Пекине, а также агрессивная политика Японии стимулировали нарастание недоверчивого, подозрительного отношения к корейской и китайской общинам, особенно на Дальнем Востоке. Сказывалась здесь и долгая, трудная борьба с преступностью в китайской среде: нелегальной миграцией через границу, контрабандой, содержанием тайных притонов и т. д. В 1930—1931 гг., в период подготовки Японии к агрессии против Китая в Маньчжурии, граница была закрыта.

Вот небольшой пример, характеризующий расхождение представления того времени — отрывок из сообщения о партконференции в одном из районов Владивостока, помещенного в местной газете «Красное знамя»: «Т.т. Ли Чен (торговый порт) и Тек Чан-су (судоремонтный завод Главрыбы) отметили, что т. Лезман в своем докладе ничего не сказал о работе с корейцами и китайцами. Это объясняется тем, что райком партии не вел этой работы, вследствие чего в среду корейских и китайских трудящихся проникло немало отъявленных контрреволюционеров, которые вели там свою работу»³⁵⁷. Стоит, наверное, добавить, что это сообщение появилось спустя несколько дней после того, как 23 апреля 1937 г. «Правда» опубликовала статью о японском шпионаже на советском Дальнем Востоке. В статье говорилось о том, что засылаемые туда японскими секретными службами агенты китайской и корейской национальностей «маскируются под уроженцев этого района».

Характерно, что в это время появилось немало публикаций исторического содержания, напоминавших о всевидящей и всепроникающей японской разведке периода русско-японской войны в 1904—1905 гг. В одной из работ такого рода, написанной генералом А.А. Вотиновым, сообщалось: «Офицеры японского генерального штаба, занимавшие те или иные должности на железнодорожных стройках, руководили многими шпионами, одетыми в китайскую, корейскую и монгольскую одежду и устроившимися работать в качестве строительных рабочих. Кроме того, некоторые из лиц других национальностей (китайцев, корейцев, маньчжур и монголов), занятых на строительстве этих железных дорог, также были завербованы японцами для шпионской работы. Проникновение японских шпионов на строительство желез-

ных дорог облегчалось тем, что начиная с 1899 г., царское правительство выписывало на строительные работы десятки тысяч китайцев из Тяньцзиня и Чифу, где были сосредоточены крупные центры японского шпионажа. Естественно, что среди прибывавших партий строительных рабочих было немало японских шпионов»³⁵⁸.

Будучи вынужден реагировать на агрессивную политику Японии, которая в результате захвата Маньчжурии в 1931 г. вышла к советской границе, Советский Союз усилил ее охрану и начал возводить на Дальнем Востоке систему укрепрайонов. Проживание иностранцев (или людей, не так давно ставших советскими гражданами) вблизи военных сооружений, да еще в лесной пересеченной местности выглядело в этих обстоятельствах как нарушение элементарных принципов государственной безопасности. При этом приходилось учитывать и тот факт, что среди китайцев было много выходцев из Маньчжурии, где в 1932 г. Японией было создано марионеточное государство Маньчжоу-го, и Япония могла объявить их гражданами этого государства.

В этих условиях осенью 1937 г. была произведена превентивная высылка 170—180 тыс. корейцев из пограничных районов Дальнего Востока ввиду их «неблагонадежности». Часть их смогла вернуться на этническую родину, остальных отправили в Казахстан и Среднюю Азию. Затем настала очередь китайцев. В декабре 1937 г. — начале 1938 г. органы НКВД провели несколько массовых операций, в ходе которых были арестованы, заключены в тюрьмы и лагеря, подвергнуты пыткам тысячи лиц китайской национальности.

По воспоминаниям очевидцев, людей хватили прямо на улицах, рабочих арестовывали целыми бараками, вместе с семьями³⁵⁹. В мае — июле 1938 г. несколькими эшелонами не менее 11,2 тыс. китайцев (считая и лиц других национальностей — членов их семей) были депортированы с Дальнего Востока, в том числе репатрированы в Синьцзян — 7,9 тыс., вывезены в Казахстан — 1,4 тыс., переселены в другие места внутри Дальневосточного края — 1,9 тыс. человек³⁶⁰.

В 1939 г. группу китайцев, находившихся в заключении, освободили и вместе с русскими членами их семей — всего около 1,5 тыс. человек — выслали в Казахстан³⁶¹.

Китайцы и корейцы были отнюдь не единственными объектами репрессивной депортации. Она имела в тот период куда более массовый характер, и потому было бы неверно рассматри-

вать ее как инструмент угнетения национальных меньшинств. В 30-е годы Дальний Восток, покрывшийся сетью концлагерей, превратился в огромную арену принудительно-миграционных потоков, состоявших из семей раскулаченных крестьян и «неблагонадежных» граждан страны. Всего в те годы с Дальнего Востока было выселено не менее 300 тыс. человек, а ввезено туда в 3 раза больше³⁶².

Возражения против депортации китайцев и корейцев высказал замнаркома иностранных дел Б.С. Стомоняков. Он обратился в СНК с запиской, в которой отмечал, что установление зон, запретных для проживания лиц иностранного происхождения, может вызвать неблагоприятную для СССР реакцию за рубежом, что массовые репрессии в отношении таких лиц нанесут большой ущерб нашим отношениям с народами зарубежных стран. В 1938 г. Б.С. Стомоняков был арестован и расстрелян³⁶³.

О репрессированных китайцах в литературе можно найти лишь самые скудные сведения. О китайцах-солагерниках вспоминали Л.Н. Гумилев, А.И. Солженицын, Е. Гинзбург³⁶⁴. По словам Л.Э. Разгона, «они были добрыми, честными и работающими людьми. Месяц или полтора, — пишет Разгон, — мне пришлось жить в их бараке, что оказалось большим счастьем: в этом бараке не воровали, не грабили, там всегда было подметено. Среди них не было «стукачей», не было ни одного грабителя, ни одного наглеца. Это были, повторяю еще раз, очень хорошие люди. Они честно работали изо всех оставшихся физических сил и честно погибали»³⁶⁵.

Кое-где от трагического прошлого сохранились только названия или прозвища мест. Так, в одной из журнальных публикаций 1990-х годов рассказывается о пересыльном лагере Вторая речка под Владивостоком. Лагерь делился на три зоны: две «контрреволюционные» и третья — «китайская». «Китайская» зона включала два женских барака. Высказывалось, впрочем, предположение, что в ней прежде содержались «три тысячи работников КВЖД из Харбина»³⁶⁶.

Об оставшихся в СССР китайцах мы располагаем лишь небольшим количеством отрывочных фактов, свидетельствующих о постоянном уменьшении численности китайцев и исчезновении из живой практики китайского языка. Если по Всесоюзной переписи населения, проведенной в январе 1937 г., китайцев в СССР насчитывалось 38 527 человек³⁶⁷, то в 1939 г. — 32 023 человека (из них 43 % в городах и 57 % в сельской местности)³⁶⁸,

в 1959 г. — 26 тыс. человек³⁶⁹, наконец, по переписи 1989 г. — 11 335 человек, из которых 3738 считали своим родным языком китайский, а 7303 — русский³⁷⁰.

В 40-е годы, во время Отечественной войны китайцев можно было встретить во многих местах Сибири, в Казахстане, а потом их число уменьшилось. Вместе с тем с 1945 г. началась вербовка китайских рабочих на работы в системе Наркомцветмета, главным образом на старательские³⁷¹.

С конца 30-х годов всякие упоминания о китайцах в СССР, а заодно и в России, исчезли со страниц печатных изданий, и история китайской общины стала, таким образом, тайной. Лишь в конце 50-х — начале 60-х годов по решению высоких инстанций вдруг появился недолговечный поток книжно-журнальной продукции о китайских красноармейцах и красных партизанах — героях Октябрьской революции и Гражданской войны. И потом опять наступило молчание. Да и сегодня о жизни китайцев в СССР в 20-е, а тем более в 30-е годы рассказывают лишь скупо открываемые архивные документы и не слишком частые публикации. О 40-х годах нам известны пока лишь отдельные факты. Один из них, приводимый ниже, увы, продолжает все ту же тему: о несправедливых и незаконных репрессиях. «10 января 1943 г. Государственный комитет обороны принял постановление № 143, по которому из армии демобилизовалось 400 тыс. человек, в том числе около 20 тыс. представителей различных национальностей, кроме русских (китайцы, корейцы, болгары, греки, калмыки, крымские татары). Они были размещены в системе ГУЛАГа в отдаленных пунктах, обнесенных проволочными ограждениями и обеспеченных охраной»³⁷².

В народе китайцы оставили по себе добрую память. Вот как вспоминали о них в беседе с автором наши видные китаисты старшего поколения.

Профессор Л.Н. Меньшиков: «Во время войны я жил в Якутске. Благодаря китайцам в городе было изобилие овощей...».

Профессор Л.М. Гудошников: «У меня связаны с китайцами детские довоенные воспоминания об Иркутске. Китайцы торговали у нас самодельными сладостями и ранними овощами, которые сами выращивали, делали мелкий ремонт обуви. Люди они были добросовестные, честные, и мать, посылая меня на базар, наказывала обращаться только к ним. Китайцев было довольно много. Нередко они женились на русских женщинах. Помню и китаянок: в очереди к окошку, в которое принимали передачи

для узников иркутской тюрьмы. Помню, как выкрикивали из окошка китайские фамилии...».

А как сложились судьбы бывших китайских красноармейцев?

Мы можем судить об этом, как и об их жизни в СССР после гражданской войны, лишь по вышеупомянутым опубликованным мемуарам. Все те китайские красноармейцы, чьи публичные воспоминания мы располагаем, в разное время вернулись на родину: кто в 20-х, кто в 30-х, некоторые даже в 50-х годах. Там их ждали своя революция и свои войны. Они вели подпольную революционную работу в Шанхае, работали в Яньани, участвовали в составе регулярных частей и партизанских отрядов в боях против японских агрессоров, в рядах Народно-освободительной армии вели бои с войсками Гоминьдана. Другие отделились от политики и стали обыкновенными крестьянами, или рабочими, или оказались без работы... Власти не заботились о них, но при этом даже в годы наихудших отношений с СССР не подвергали их преследованиям за их «красное» прошлое.

Имеются данные и такого рода: когда в 1945 г. советские войска, громя Квантунскую группировку японской армии, вступили на территорию Маньчжурии, некоторое число советских китайцев «влилось в коммунистическую армию, которая там формировалась»³⁷³.

С другой стороны, в состав Квантунской армии входили не только японцы: там были и войска марионеточного государства Маньчжоу-Го, состоявшие в основном из китайцев, и отряд монгольского князя Дэвана из Внутренней Монголии, а также части японской армии, переброшенные из Кореи. Соответственно, национальный состав той массы военнопленных, которая была захвачена Советской армией, оказался отнюдь не однородным. Наряду с 609 448 японцами там обнаружилось, в частности, 160 150 китайцев. Из них до декабря 1945 г. освободили или передали китайским властям 12 928 человек. Остальные, по-видимому, были, так же как японцы, отправлены в места заключения на территории СССР, а впоследствии — вероятно, в несколько приемов — освобождены оттуда и репатриированы.

Так, 3 августа 1950 г. на станции Пограничная китайской стороне был передан последний представитель Цинской императорской династии Китая, бывший император Маньчжоу-Го Пу И вместе со свитой, генералами и высшими чинами этого государства. «Перед отправкой из Харбина Пу И и его приближенных были получены агентурные данные о том, что Пу И опасается за

свою судьбу, ведет себя нервно и высказывает мысль о самоубийстве, к чему его склоняет его младший брат Пу Цзе. В связи с этим Пу И был изолирован от родственников и остальных военнопленных, интернирован и доставлен к месту передачи китайским властям под усиленным наблюдением»³⁷⁴. На ст. Пограничная Пу И написал письмо, в котором благодарил советское правительство и генералиссимуса В.И. Сталина за заботу и доброе отношение.

В 1955 г. указом Президиума Верховного Совета СССР была амнистирована группа осужденных иностранцев, содержащихся в местах заключения — 1680 человек, в том числе 195 китайцев, записанных как граждане КНР³⁷⁵.

О судьбе китайцев, вернувшихся из заключения в новую для них страну — КНР, нам практически ничего неизвестно. Что же касается бывших советских бойцов — участников революции и гражданской войны, то их в Китайской Народной Республике окружили заботой и уважением. Здесь они стали олицетворением тесного переплетения судеб двух великих соседних народов, живой иллюстрацией к тем страницам истории, где говорится о дружбе этих народов.

Китайцы из КНР

После провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики между СССР и Китаем примерно на десятилетие установились теснейшие дружеские отношения, основанные на единстве идеологий и общности интересов в области строительства нового общества и на мировой арене. И если между высшими политическими руководителями двух стран вскоре начались подспудные трения, в 1960-е годы приведшие к вражде и конфликтам, то возникшие с обеих сторон народные чувства без преувеличения определялись как братские. Принявшее широкие масштабы сотрудничество советских людей и китайцев было бескорыстным, свободным от торгашества. Советские специалисты охотно делились с китайскими своими знаниями. Достаточно напомнить, что большое количество научно-технической документации было передано китайской стороне безвозмездно.

В КНР были провозглашены лозунги: «СССР — наш старший брат» и «Учиться у Советского Союза!». За годы сотрудничества в советских вузах, научно-исследовательских и проектных институ-

тах, на предприятиях и стройках прошли учебу и стажировку около 38 тыс. китайских граждан³⁷⁶. Если прежде китайская молодежь ехала за образованием в США, то теперь она устремилась в СССР. В течение 1951—1962 гг. в советских вузах получили подготовку свыше 11 тыс. студентов и аспирантов. При этом в соответствии с межправительственным соглашением советское правительство взяло на себя 50 % расходов на их обучение³⁷⁷.

Попасть в СССР на учебу было не просто: требовалось пройти большой конкурс, продемонстрировать соответствие идеологическим критериям, овладеть русским языком (для обучения которому в КНР было приглашено значительное количество преподавателей-русистов). В Советском Союзе китайские юноши и девушки, прошедшие строгий отбор, учились с небывалым рвением и достигали превосходных результатов, радуя преподавателей, которые при случае ставили их в пример нерадивым советским студентам.

Освоившись в новой обстановке, китайские студенты вскоре обнаруживали, что не все в нашей замечательной действительности так замечательно, как им казалось из Китая. Впрочем, найти объяснения было нетрудно: необходимость строить социализм «в отдельно взятой стране», в капиталистическом окружении; огромный ущерб, нанесенный Советскому Союзу во время Отечественной войны; огромные расходы на оборону государства в условиях навязанной империализмом «холодной войны». Все это было правдой, хотя не всей правдой, но для молодых людей из страны, еще только строящей социализм по советскому образцу, этого было вполне достаточно. И едва ли можно сомневаться в искренности юношей и девушек, сохранивших теплые воспоминания о Советском Союзе после возвращения домой.

Кадры, подготовленные в СССР, сыграли уникальную роль в социалистической модернизации Китая. Они могли бы сделать для своей страны еще больше, если бы не мрачные годы «культурной революции» (1969—1979 гг.), когда их наказывали за их советское прошлое: выгоняли с работы, подвергали насилию, репрессиям, ссылке...

В самый разгар дружественного сотрудничества между СССР и Китаем в 1954 г. советское правительство предложило руководителям КНР направить значительное количество китайских рабочих в Сибирь, главным образом на лесоразработки. «Мы считали, — писал в своих мемуарах Н.С. Хрущев, — что дело представляет взаимный интерес и в какой-то степени явится по-

мощью Китая. Там существовала большая безработица... Нам требовалось около 1 млн человек, а, может быть, и больше. Таковой была общая потребность, согласно заявкам отраслевых министерств»³⁷⁸.

Стороны подписали соответствующее соглашение. В городах Китая развернулась регистрация желающих поехать в СССР, их медицинский осмотр. Были заключены первые контракты, для начала краткосрочные, и вскоре на Дальний Восток стали прибывать первые партии китайских рабочих, в основном лесорубов и шахтеров.

Тем временем советские руководители пришли к выводу: «Мнение о нехватке у нас рабочей силы было неверным, в СССР имеются даже излишки рабочей силы, просто их неправильно используют. Поэтому у нас отпала необходимость в таком количестве рабочих, которое мы просили у Китая»³⁷⁹. Тут же выяснилось, что для приема больших партий иностранной рабочей силы нет необходимой инфраструктуры: жилья, системы питания, медицинского обслуживания, а для создания всего этого требуется много времени и сил. От осуществления громадного плана пришлось отказаться, и по окончании контрактов китайские рабочие вернулись на родину. Последняя группа уехала из городка Усолье-Сибирское Иркутской области в 1962 г.³⁸⁰

Комментируя эту историю, Н.С. Хрущев писал: «Постепенно у нас сложилось единое мнение, что таким способом китайцы хотят внедриться на наш Дальний Восток... Сложилось мнение, что Пекин хочет переселить к нам как можно больше людей для «оказания помощи» в разработке богатств Сибири, с тем чтобы внедриться в экономику Сибири и ассимилировать ее небольшое русское население. В результате Сибирь этнически станет китайской»³⁸¹.

Несколько по-иному, но в сходном ключе излагает эту историю видный специалист по Китаю М.И. Сладковский. По его версии, инициатива исходила от Мао Цзэдуна: во время визита в СССР в 1954 г. он предложил переселить на постоянное проживание в Сибирь и на советский Дальний Восток 10 млн китайцев. Советская же сторона была согласна приглашать китайских рабочих лишь на ограниченные сроки. В результате переговоров была достигнута договоренность «о направлении из Китая рабочей силы в Советский Союз для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения». Но если советские хозяйственные органы предполагали использовать китайских рабочих

на лесоразработках и горнодобывающих предприятиях в северных районах, то китайская сторона стремилась направить их в места, прилегающие к границе, каковые требования «скорее напоминали геополитические цели», вследствие чего «указанные соглашения в жизнь не проводились»³⁸².

10 лет спустя, в 1964 г., в период обострения трений между тогдашними руководителями СССР и КНР, на двусторонних консультациях об уточнении линии государственной границы китайские представители в очередной раз подняли вопрос о «праве китайской стороны на управление и на вечное поселение китайцев в пределах 64 поселений» в междуречье Амура и Зеи, потребовав подтвердить это право. Китайские претензии и на этот раз, как и в начале XX в., были отвергнуты как необоснованные и нереальные³⁸³. Больше стороны не возвращались к этому вопросу.

В дальнейшем советско-китайские отношения приобрели напряженный, конфронтационный характер, и движение китайцев в Советский Союз надолго прекратилось.

Глава 2

КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Китайская «квазидиаспора»: численность, занятия

На рубеже 1980—1990-х годов, после десятилетий недоверия и вражды, Россия и Китай сумели, наконец, нормализовать свои отношения. Торопясь продемонстрировать добрую волю и устранить возведенные прежде барьеры, стороны в спешном порядке открыли разделявшую их глухой стеной границу, договорившись о безвизовом обмене. И тут же нарастающей волной в Россию хлынули мигранты из КНР, везущие с собой и готовые привезти еще в любых количествах кожаные пальто, пуховые куртки, обувь, калькуляторы и многие другие предметы ширпотреба, низкого качества, но зато сравнительно недорогие. Для российского населения, измученного экономическим кризисом и дефицитом товаров первой необходимости, приход китайских коммерсантов был спасением. Для самих коммерсантов — возможностью быстро сделать большие деньги. «В Чите, — говорилось в одном из китайских очерков тех лет, — покупатель неразборчивый, что ни увидит — все ему годится. А цены там выше, чем у нас в Китае, раз в десять, а то и больше»¹. На том же соотношении интересов сторон строилась и широко распространившаяся бартерная торговля.

Весть о том, что в России можно разбогатеть, разнеслась по провинциям КНР. Не только из приграничной полосы, но и из южных приморских районов в Россию потянулись профессиональные торговцы, а также рабочие, служащие, демобилизованные солдаты, представители творческих профессий, подгоняемые безработицей и бедностью. Героем дня среди китайских

«челноков» стал малообразованный торговец Моу Цижун из небольшого городка в пров. Сычуань, сумевший обменять 500 вагонов залежавшихся консервов и ширпотреба на два самолета Ту-154 и ставший миллионером, а позже попавший на скамью подсудимых. Уже в 1993 г. Россию посетили 751 тыс. китайских мигрантов². В изданиях тех лет и более поздних воспоминаниях можно встретить немало живых рассказов о мытарствах и приключениях китайских «челноков» и их больших заработках³.

Одновременно с «челноками» из КНР на этот каторжный труд-самоистязание во множестве переключились и российские граждане, нередко — обладатели дипломов о высшем образовании, вынужденные таким образом выживать в условиях ломки общественных устоев. (Можно только пожалеть, что они не оставили заметного следа в литературе.)

Не подготовленные к приему сотен тысяч иностранцев административные и правоохранительные органы скоро оказались не в состоянии ни контролировать их, ни даже вести их учет. Проживание китайцев без регистрации, как и их нелегальные занятия коммерцией, стало повседневным явлением. В числе мигрантов на территорию страны проникли и люди из криминального мира. Возникла острая необходимость придать стихийному притоку мигрантов управляемый характер.

Это и было сделано, хотя и с некоторым опозданием. 6 декабря 1993 г. правительство РФ ввело визовый режим пересечения границы для граждан КНР, имеющих общегражданские заграничные паспорта. 23 декабря было подписано межправительственное соглашение «О визовых поездках граждан России и КНР»⁴. На один—два месяца раньше администрации Приморского и Хабаровского краев своими постановлениями фактически ввели запрет на безвизовый обмен⁵. Эти решения принимались параллельно мерам общего характера, касавшимся миграции извне как целого, независимо от исходной страны. 16 декабря 1993 г. был подписан указ президента «О мерах по введению иммиграционного контроля в пунктах пропуска через границу». В 1994 г. были созданы посты иммиграционного контроля. Иммиграционным органам был вменен в обязанность контроль за въездом на территорию РФ, предупреждение неконтролируемой миграции, депортация иностранцев, рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища⁶.

С 1994 г., вслед за переходом российской стороны к более жесткому миграционному регулированию, ежегодное количество

приезжающих из КНР сократилось, однако по мере восстановления после дефолта 1998 г. и последующего роста экономики России ведущей тенденцией стало его увеличение. Это видно из табл. 1.

Таблица 1

Распределение китайцев по целям поездок в Россию, 1999—2008 гг., тыс. чел.

Годы	Показатели	Цели поездок						всего
		служебная	туризм	частная	ПМЖ*	транзит	обслуживающий персонал	
1999	Прибытие	184,6	178,8	24,3	0,01	1,7	58,2	447,6
	Выбытие	177,0	172,5	33,1	0,01	1,1	57,1	440,8
	Миграционный прирост	7,6	6,3	-8,8	—	0,6	1,1	6,8
2000	Прибытие	239,8	172,2	29,6	0,02	2,7	49,5	493,8
	Выбытие	239,5	165,5	33,5	—	1,3	50,4	490,8
	Миграционный прирост	0,3	6,7	-3,9	0,02	1,4	-9,9	2,9
2001	Прибытие	164,8	164,8	78,2	0,02	2,5	50,8	461,2
	Выбытие	165,4	156,8	82,4	0,01	1,3	50,9	456,2
	Миграционный прирост	-0,6	8,0	-4,2	0,01	1,2	-0,1	4,4
2002	Прибытие	126,3	267,0	262,1	0,1	4,5	65,7	725,8
	Выбытие	111,2	258,6	254,9	1,3	4,0	68,6	698,6
	Миграционный прирост	15,1	8,4	7,2	-1,2	0,5	-2,9	27,2
2003	Прибытие	99,7	203,3	293,0	0,02	7,0	76,8	679,6
	Выбытие	93,8	190,2	289,5	2,3	5,0	75,5	656,3
	Миграционный прирост	5,9	13,1	3,5	-2,28	2,0	1,3	23,3
2004	Прибытие	117,7	283,8	323,0	0,05	10,5	78,0	813,2
	Выбытие	113,0	275,0	310,0	0,6	8,3	76,6	783,6
	Миграционный прирост	4,7	8,8	13,0	-0,55	2,2	1,4	29,6
2005	Прибытие	146,3	204,2	352,5	0,1	7,3	88,2	798,7
	Выбытие	140,3	197,8	338,8	0,7	5,6	87,8	771,0
	Миграционный прирост	6,0	6,4	13,7	-0,6	1,7	0,4	27,7

Окончание табл. 1

Годы	Показатели	Цели поездок						всего
		служебная	туризм	частная	ПМЖ*	транзит	обслуживающий персонал	
2006	Прибытие	257,4	157,4	241,0	0,9	10,7	98,0	765,3
	Выбытие	226,2	153,3	244,0	2,4	5,5	97,5	728,8
	Миграционный прирост	31,2	4,1	-3,0	-1,5	5,2	0,5	36,5
2007	Прибытие	183,8	129,7	337,6	0,3	11,3	102,3	765,1
	Выбытие	177,5	128,2	338,0	2,5	26,4	101,4	750,1
	Миграционный прирост	6,3	1,3	-0,4	-2,2	-15,1	0,9	15,0
2008	Прибытие	196,9	127,2	377,7	0,7	9,9	103,1	815,5
	Выбытие	193,6	125,4	358,5	1,2	2,5	101,7	783,0
	Миграционный прирост	3,3	1,8	19,2	-0,5	7,4	1,4	32,5

Примечание. * ПМЖ — постоянное место жительства.

Составлено по источникам: Численность и миграция населения РФ в 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006 годах (статистические бюллетени) / Государственный комитет Российской Федерации по статистике. М., 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007; Численность и миграция населения РФ в 2007, 2008 годах (статистические бюллетени) / Федеральная служба государственной статистики. М., 2008, 2009.

В первой половине 2009 г. число въездов из КНР в РФ составило 343,0 тыс. человек — на 10 % меньше, чем за тот же период 2008 г.⁷

Какое количество китайских мигрантов находится в России в настоящее время?

Вопрос о численности китайских мигрантов давно уже является предметом дискуссий и в своей статистической, и в политической ипостасях. В последней он служит главным инструментом в спорах о «китайской демографической экспансии» в России — вымысел это или действительность? Доказывая наличие экспансии, оперируют миллионами; опровергая, говорят о сотнях тысяч.

В экспертном сообществе наиболее достоверной оценкой считается 200—400 тыс., максимум 500 тыс. человек⁸. Достоинство этой оценки состоит в том, что она выведена в результате анализа как сумма оценок количества китайцев в различных городах и ре-

гионах страны. На Дальнем Востоке, по данным Ассоциации китайских граждан Владивостока, работает около 200 тыс. граждан КНР⁹. Те же, кто говорит о миллионах китайцев, помещает их в таинственные неведомые пространства. Так, автор статьи «Перспективы китаизации России» в одном из номеров достаточно солидного журнала «Российская Федерация сегодня»¹⁰ доктор экономики Дипломатической академии мира при ЮНЕСКО Е. Гильбо оценил численность китайцев в России в 8 млн человек (это, насколько нам известно, рекордная цифра в том смысле, что большую не называл никто). Согласно его утверждению, «китайские общины автономно живут в лесах, куда не суются даже вымогатели-милиционеры». Но ни он, ни кто другой не привели пока ни одного свидетельства существования таких общин. Он же прогнозирует увеличение числа китайцев в РФ «с учетом высокого естественного прироста в китайской общине» до 21 млн человек к 2010 г., 44 млн — к 2020 г. и т. д.

В публикации другого автора со ссылкой на неизвестные материалы ФМС и спецслужб, утверждается, будто бы «только просторы Сибири и Дальнего Востока помогли “потеряться” примерно одному миллиону китайских граждан»¹¹. При желании можно было бы привести и другие не менее выразительные примеры.

К сожалению, более или менее точный статистический учет внешних мигрантов, включая и китайских, у нас не налажен, между данными разных ведомств имеются расхождения, подчас значительные. В статье такого авторитетного и осведомленного управленца, как заместитель главы администрации президента С.Э. Приходько¹², в 2004 г. численность китайцев была оценена в 150—200 тыс. Такие же цифры назвал в 2007 г. ответственный сотрудник МИД РФ К.В. Внуков¹³. По данным Всероссийской переписи 2002 г., в стране на тот год насчитывалось около 35 тыс. китайских мигрантов¹⁴. Однако утверждать, что итоги переписи хоть сколько-нибудь приближаются к реальности, не решился, кажется, никто. Текущая миграционная статистика, по крайней мере открытая, появилась в России далеко не сразу после начала массовой миграции извне. Согласно приведенной выше табл. 1, прирост миграции из КНР за 1999—2008 гг. составил 205,9 тыс. человек. Неизвестно, однако, сколько китайских мигрантов уже въехало в страну до момента, когда начался их подсчет. В китайских СМИ последних лет мы можем прочесть: «С начала 80-х годов прошедшего столетия порядка миллиона китайцев пересекли

границу и въехали на российский Дальний Восток, где занимались рубкой леса, перевозками, выращиванием овощей, торговлей и т. д.»¹⁵. Но это — цифры заведомо недостоверные, сильно округленные, к тому же остается открытым вопрос: а какая часть из этого миллиона вернулась в Китай?

Учет трудовых мигрантов ведет Федеральная миграционная служба, однако значительная часть мигрантов уклоняется от регистрации в ее структурах. Тем не менее, количество законно оформленных трудовых мигрантов каждый год увеличивается, причем темпы роста миграции из КНР относятся к числу наиболее высоких. В 2005—2006 гг. эта группа превосходила по численности приезжих из всех других стран, и глава ФМС К.О. Ромодановский назвал китайцев «наиболее законопослушными» из иностранных граждан¹⁶. В 2006 г. в России использовался легальный труд 210,8 тыс. китайцев — более 20 % от общей численности зарегистрированных ФМС иностранных работников¹⁷. В 2007 г. эта доля снизилась до 15,5 % от общего количества 2136 тыс.¹⁸ В 2008 г. численность зарегистрированных трудовых мигрантов из Китая составила 280 тыс. человек.

Большая часть китайских трудовых мигрантов сконцентрирована в Центральном федеральном округе (в основном в Москве) и в южной части Дальневосточного и Сибирского федеральных округов, что видно из табл. 2.

Таблица 2

Распределение трудовых мигрантов из КНР по федеральным округам, %

	2003 г.	2005 г.	2006 г.
Центральный ФО	24,7	50,2	37,5
Дальневосточный ФО	42,3	21	32,8
Сибирский ФО	22,3	18	29,7

Источники: 2003 г. — Мокшанов М.В. Проблемы и перспективы трудовой миграции граждан Китая в Россию (1999—2005 гг.) (рукопись); 2005, 2006 гг. — Антонова Л., Яковлев В. Российско-китайское сотрудничество в области миграционной политики // Россия — Китай. XXI век. 2007. Апрель. С. 46.

За Уралом доля китайцев в общей сумме всех иностранных трудовых мигрантов на конец 2003 г. превышала долю мигрантов из любой другой страны: в ДВО она составила 55,5 %, в СО — 47,3 %¹⁹. Китайцы заняли преобладающие позиции в Примор-

ском и Хабаровском краях, Амурской области и Еврейской АО; в Читинской, Иркутской, Новосибирской и Омской областях.

Рассмотрим теперь вопрос, также интересующий не только специалистов и обсуждаемый в связи с темой «китайской демографической экспансии»: сколько в России нелегальных мигрантов из КНР?

Уточним сначала, кого мы будем считать нелегальными мигрантами. Это — иностранные граждане или лица без гражданства, которые:

- пересекли границу и оказались на территории РФ, не пройдя паспортный и иммиграционный контроль или пройдя его с поддельными документами;
- не имеют должным образом оформленных документов, дающих им право находиться на территории РФ (не прошли в положенные сроки регистрацию по месту проживания или пребывания, просрочили визу);
- занимаются иной трудовой деятельностью, нежели указанная в их документах; не покинули РФ после окончания срока контракта или завершения учебы.

Два последних пункта охватывают подавляющее большинство нелегальных мигрантов из КНР.

Теперь заметим, что нелегальные мигранты, сколько бы их ни было, входят в общую совокупность китайских мигрантов, исчисляемую экспертами, как мы уже говорили, в 200—400—500 тыс. человек. Действительно, эксперты, учитывая официальные данные, вносят в них поправки, основанные на собственных представлениях о наличии такого-то количества китайцев на такой-то территории, а в конечном счете — на интуитивных визуальных оценках, не дающих, естественно, возможности отличать легальных мигрантов от нелегальных.

Определенным ориентиром для подсчета количества китайцев-нелегалов может служить число трудовых мигрантов из КНР, зарегистрированных Федеральной миграционной службой. Это приблизительно 40—50 % от указанного выше общего количества китайских трудовых мигрантов, признаваемого экспертами. Соответственно, нелегалов не может быть больше, чем оставшаяся часть. На самом деле, разумеется, нелегальным мигрантом можно стать и по другим основаниям, например, въехав в качестве туриста, а затем вместо экскурсий отправившись на рынок торговать. С другой стороны, и зарегистрировавшийся в ФМС может стать нелегалом, скажем, просрочив визу. Поэтому мы и говорим

о неточности данного критерия. Тем не менее, он дает нам право не соглашаться с утверждениями типа: «на одного легально оформленного китайского рабочего приходится десять нелегально трудящихся, которые пытаются осесть в России»²⁰. Коль скоро эти десять действительно где-то трудятся в количестве, составляющем более 90 % всех китайских рабочих, — как они могут остаться незамеченными и пройти мимо внимания экспертов?

Вот если взять всех трудовых мигрантов в России, откуда бы они ни приехали, то среди них, если верить экспертам, соотношение легальных и нелегальных выглядит более удручающим. В 2006 г. в ФМС было зарегистрировано 1,14 млн работников²¹, а нелегальных работников, по разным оценкам, было от 6 до 10 млн. В 2007 г., по словам руководителя ФМС К.О. Ромодановского, на 2136 тыс. зарегистрированных пришлось 5—7 млн нелегальных²².

Рассмотрим теперь распределение китайских мигрантов по видам экономической деятельности на 2006 г. (табл. 3).

Таблица 3

Распределение трудовых мигрантов из КНР по видам экономической деятельности, чел.

Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, в том числе	29 998
— сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этой области	16 979
— лесное хозяйство и предоставление услуг в этой области	13 022
Добыча полезных ископаемых	388
Обрабатывающие производства	4805
Строительство	38 894
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	132 623
Транспорт и связь, в том числе:	247
— транспорт	226
— связь	21
Финансовая деятельность	715
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	92
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	58

Окончание табл. 3

Геологоразведочные, геофизические и геохимические работы в области изучения недр	20
Образование	2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	507
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	687
Другие виды экономической деятельности	16 706

Источник: Антонова Л., Яковлев В. Российско-китайское сотрудничество в области миграционной политики. С. 46.

Как видно из таблицы, большинство китайцев — 59 % работало в сфере торговли (включая небольшое число занятых бытовым ремонтом), за нею со значительным отрывом следуют строительство (17 %), сельское хозяйство (7,5 %), лесное хозяйство (6 %), обрабатывающие производства (2 %).

В Дальневосточном федеральном округе экономическая специализация китайских трудовых мигрантов характеризовалась примерно теми же пропорциями, что и по стране в целом (табл. 4).

Таблица 4

Распределение китайских мигрантов в ДФО по видам экономической деятельности, %

Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	62
Строительство	13,6
Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этой области	7,6
Обрабатывающие производства	3,7

Источник: Антонова Л., Яковлев В. Российско-китайское сотрудничество в области миграционной политики. С. 46.

Совокупность китайских мигрантов в России не является диаспорой уже по следующей причине: диаспору образуют люди, постоянно, из поколения в поколение проживающие в принявшей их стране — об этом говорится прямо или подразумевается по умолчанию едва ли не во всех определениях диаспоры. Между тем поток из Китая едва ли не целиком состоит из временных трудовых мигрантов, разновидности гастарбайтеров. Это под-

тверждается табл. 5, содержащей сведения о пребывании и проживании в РФ граждан КНР на 2006 г.

Таблица 5

Пребывание/проживание в РФ граждан КНР, чел.

Всего въехало на территорию РФ	794 509
Всего выехало с территории РФ	728 141
Оформлено приглашений	187 816
Разрешено временное проживание	301
Проживает по разрешению на временное проживание	997
Выдано видов на жительство	261
Проживает по виду на жительство	2440
Временно зарегистрировано в ОВД, из них:	270 116
с частными целями	5213
деловые поездки	82 613
туризм	72 770
учеба	6570
с целью трудовой деятельности	100 201
в гуманитарных целях	524
с другими целями	1222
Зарегистрировано в гостиницах	120 610

Источник: Антонова Л., Яковлев В. Российско-китайское сотрудничество в области миграционной политики. С. 44.

Как видно из таблицы, из всех въехавших документы на более или менее длительное проживание имели: вид на жительство — 2440 человек (0,3 %); дополнительно получили его 261 чел (0,03 %); разрешений на временное проживание — еще меньше, чем видов на жительство, — 997 человек (0,12 %); сверх того получили его 301 человек (0,04 %).

О мобильности состава китайского сообщества свидетельствуют и следующие данные (см. табл. 1): за 1999—2008 гг. на постоянное место жительства прибыло из КНР всего 2,2 тыс. че-

ловек, и, более того, прирост мигрантов по данной категории оказался отрицательным: –8,7 тыс.

Согласно материалам ФМС, ежегодно происходит обновление примерно половины состава зарегистрированной рабочей силы из КНР (табл. 6).

Таблица 6

Прибытие/выбытие рабочей силы из КНР в 2003 г.

	Всего человек	%
Численность рабочей силы из КНР на начало года	28 862	100
Прибыло за год	21 304	73,8
Выбыло за год	15 884	55,0
Численность рабочей силы из КНР на конец года	34 282	118,8

Составлено по: Мокшанов М.В. Проблемы и перспективы трудовой миграции граждан Китая в Россию (1999–2005 гг.).

Однако в поведении этой текучей массы мигрантов если не полностью, то частично воспроизводятся некоторые принципиально важные свойства диаспоры. Чтобы не уходить слишком далеко в сторону, занявшись подбором наиболее точного определения такого сложного феномена, как диаспора²³, мы воспользуемся развернутым и достаточно точным для наших целей ее определением, данным в «Энциклопедии социологии»²⁴. В ней говорится: «Обычно термин «диаспора» относится к части народа (этнической общности, нации), живущей вне страны своего происхождения и образующей сложившиеся, сплоченные, устойчивые, хорошо укоренившиеся и ставшие необходимыми для принимающих стран этнические группы». Китайские мигранты в России, постоянно обновляющие свой состав, явно не образуют «устойчивой, хорошо укоренившейся этнической группы». Критерий «ставшие необходимыми» не вполне понятен, но к гастарбайтерам он в принципе подходит: не будь они необходимыми, их бы не принимали в данной стране.

Далее. «Диаспора понимается как такая этническая общность, которая сохраняет важные характеристики национальной самобытности своего народа, содействует развитию национального языка, культуры, сознания». Один из наших ведущих специалистов по проблемам диаспор и этнических мигрантов В.И. Дятлов

также выделяет поддержание чувства этнокультурного единства как одну из основных свойств диаспор²⁵. Эта черта, действительно, существенна для групп, постоянно живущих в иноэтническом окружении и рискующих утратить со временем национальную самобытность. Однако для временных мигрантов задача национального самосохранения не стоит, они его попросту не теряют, и, следовательно, данный признак диаспоры для них не является релевантным.

Наконец, «диаспора качественно отличается от дисперсной эмиграции наличием организационных форм своего функционирования и развития, начиная от такой, как землячество, и кончая наличием общественных, национально-культурных и политических движений». Вот это важнейшее качество диаспоры, безусловно, присуще и непостоянному сообществу китайских мигрантов. Дело здесь, думается, не только в особых коллективистских качествах китайского национального характера, но и в элементарной экономической необходимости: перевозить тысячи тонн товаров, хранить их и сбывать по одному невозможно без разделения труда, без его четкой организации, наконец, без бытового, информационного и культурного обслуживания тех людей, которые этим заняты. Поэтому возникли такие хозяйственные механизмы, как китайские рынки с разнообразной специализацией их работников, формальными и неформальными связями, жесткой внутренней иерархией, своими правилами и обычаями; возникли китайские гостиницы, общежития, посреднические и консультационные заведения и т. д. Поэтому же появились различные общественные организации, газеты, в свое время были созданы пейджерные станции.

Основательный анализ сложившихся структур содержится в работах В.Г. Гельбраса²⁶, В.И. Дятлова²⁷, С.Н. Гончарова²⁸ и других исследователей, поэтому здесь мы ограничимся кратким перечислением некоторых важных узлов, скрепляющих мигрантское сообщество поверх производственных связей.

В Москве, на Дальнем Востоке и в Сибири имеется целый ряд общественных организаций, большая часть которых объединяет представителей деловых кругов. Это — базирующийся в Москве Союз китайских предпринимателей, Союз китайских промышленников и предпринимателей в Петербурге, Ассоциация китайских предпринимателей Приморья и ряд подобных организаций в Иркутске, Красноярске и других городах. Отдельно зарегистрирована Ассоциация китайских предпринимателей север-

ных провинций Китая, работающих в Москве. Существуют и организации общего характера, такие, как Московская ассоциация китайских мигрантов. Ту или иную активность проявляют также организации другого профиля: Общество содействия мирному объединению Китая, Ассоциация молодежи китайской диаспоры в России, Союз китайских студентов, Московская ассоциация китайских женщин. В крупных городах за Уралом существует по нескольку китайских общественных организаций.

В большинстве своем они поддерживают связи с дипломатическими представительствами КНР, также с Канцелярией Госсовета по делам зарубежных китайцев и в той или иной степени ведут идейно-воспитательную работу среди соотечественников в русле политики правительства КНР. В унисон с Пекином они выступают с осуждением тайваньских и тибетских сепаратистов, проводят собрания с критикой секты «Фалуныгун», имеющей среди китайцев в России незначительное число сторонников. В 2008 г. общественные организации активно участвовали в сборе средств для помощи пострадавшим от землетрясения в провинции Сычуань, в 2009 г. обличали зачинщиков беспорядков в Синьцзяне.

Нужно иметь в виду, что правительство КНР придает важное значение общественным организациям зарубежных китайцев и уделяет серьезное внимание работе с мигрантами, стремясь укрепить их связи с родиной, воспитать чувство гордости за свою страну, за национальную культуру. «Китайские общественные организации, — отметил в одном из выступлений посол КНР в России Лю Гучан, — отдают свои силы строительству «гармоничного общества хуацяо», развивают славные традиции патриотизма, поддерживают объединение родины, распространяют китайскую культуру, вносят свой вклад в содействие китайско-российской дружбе»²⁹. В частности, распространение китайской культуры включает в себя содействие Центрам Конфуция, сеть которых существует и расширяется по всему миру, включая Россию.

В числе периодических изданий можно назвать «Лусюнь цанькао» (он же «Лусенс» — «Дорожный вестник»), «Хуа Э шибао» («Китайско-российская газета»), «Мосыкэ хуажэнь» («Московский китаец»), «Лунбао» («Дракон»), «Хуашан бао» («Китайский коммерсант»), «Мосыкэ ваньбао» («Вечерняя Москва»). В русле динамичной жизни китайского сообщества одни издания закрываются, другие появляются, но вакуум не возникает

никогда. Анализ газетных материалов показывает, что в китайской общине кипит активная жизнь: торговый и транспортный бизнес, информация и реклама, посреднические услуги, бытовое обслуживание, разнообразные развлечения, в том числе в женском обществе.

Свою лепту в укрепление китайской общины вносят землячества, объединяющие выходцев из одной и той же провинции, различные клубы. Наличие деловых, культурных, земляческих, групповых, клановых связей помогает ее членам поддерживать ощущение национальной идентичности, что считается характерным признаком диаспоры. Интересно, что подчас объединение мигрантов в землячества определяет их хозяйственную специализацию. Так, в Бурятии, по наблюдениям лиц, работавших с китайскими коммерсантами, фуцзяньское землячество занимается торговлей лесом, выходцы из г. Чжэннина (пров. Хунань) — нефритом, приезжие из г. Наньтуна (пров. Цзянсу) заняты строительным бизнесом³⁰.

Разветвленная сеть разнообразных структур — это не только фактор сплочения китайского сообщества в России, но еще и фактор, обеспечивающий его непрерывное воспроизведение, преемственность сменяющих друг друга «поколений» мигрантов. Другой фактор, не менее важный в этом плане — относительная длительность пребывания в стране значительной части мигрантов, формирование некоего устойчивого «ядра». За годы, проведенные в России, старожилы успевают накопить опыт и передать его новичкам. В опросе, проведенном нами в 2007 г. среди китайских коммерсантов, оказалось, что 16 % респондентов прожили в нашей стране от 3 до 5 лет, 32 % — более 5 лет (подробнее см. в разделе «Коммерсанты»).

Описанное здесь неполное, но существенное сходство китайского сообщества с диаспорой позволяет классифицировать его как «квазидиаспору». Заметим, однако, что в повседневной практике его все чаще называют диаспорой, оттого, вероятно, что отличие его от полноценной диаспоры извне не видно и не играет большой роли, тогда как его присутствие в России давно стало обыденным явлением. Можно добавить, что с течением времени китайская община, при всех спорах вокруг проблемы мигрантов в России, все более отчетливо воспринимается как явление, «ставшее необходимым для принимающей страны». Как того и требуют критерии диаспоры.

§ 2. Коммерсанты

Если преобладающая часть китайских мигрантов — это коммерсанты, то, в свою очередь, среди них подавляющее большинство составляют участники так называемой народной торговли. Этим термином с не слишком четким значением в Китае именуют «неофициальную» (*фэйгуаньфан*, букв. «не-чиновную») торговлю, массовую, которую ведут не компании, созданные властями того или иного уровня, а индивидуальные предприниматели или «народные организации» (иными словами, частные фирмы). По смыслу данный термин близок к нашему понятию «мелкий и средний бизнес».

С начала 1990-х годов «народная торговля» Китая с Россией продвинулась далеко вперед. Первоначальный бартерный обмен заменила обычная товарная форма торговли. Тащивших на себе свой товар «челноков» стала заменять сеть посредников, а затем производители сами занялись сбытом своей продукции. Повысилось качество китайских товаров, стал намного более разнообразным их ассортимент: прежде это были одежда, обувь, головные уборы; теперь — едва ли не любые предметы быта, в том числе сложные электронные изделия.

Если первоначально торговлю вели провинции Северо-Восточного и Северного Китая, то затем к ним присоединились крепкие фирмы из южных приморских провинций.

«Народные торговцы» стали больше задумываться о торговых брендах. «В России, — с огорчением замечает китайская пресса, — едва ли не каждый пользуется товарами из КНР, но покупатели не назовут ни единой китайской марки. Да и сами продавцы недалеко ушли от них. На китайские кинескопы наклеивают российские этикетки»³¹.

Из-за больших расходов и рисков, связанных с транспортировкой товаров и пересечением границы, некоторые предприниматели начали в пробном порядке инвестировать капиталы и создавать производство непосредственно в России — там, где это позволяют невысокая стоимость оборудования и рабочей силы, скромные размеры арендной платы.

Еще одна новая тенденция — объединение усилий инвесторов, опирающихся на поддержку местных властей КНР. Примером может служить инициатива администрации Синьцзи (пров. Хэбэй), предложившей предпринимателям общими силами создать в Москве свою торговую палату. Другой пример — план

правительства г. Нинбо открыть в Москве свой центр содействия инвестициям и торговле³².

О масштабах «народной торговли» мы можем получить косвенное представление, выделив в общем объеме российско-китайской торговли некоторые сегменты, в которых массовые категории китайских коммерсантов играют наиболее значительную роль. Крупным сегментом такого рода является приграничная торговля на Дальнем Востоке, а в ней — мелкая приграничная торговля. Нашим главным партнером по приграничной торговле является пров. Хэйлунцзян. По китайским данным, в 2007 г. объем мелкой приграничной торговли этой провинции с Россией достиг 5,4 млрд долл., в том числе экспорт в Россию — 3,51 млрд. (прирост за год — 15 %), а импорт — 1,89 млрд долл. (прирост — 18,7 %)³³. В целом же объем торговли провинции с Россией достиг 10,75 млрд долл. (на 60,4 % больше, чем в 2006 г.), а экспорт в Россию — 8,17 млрд долл. (прирост — 80 %)³⁴.

Заметим, что в КНР в понятие «приграничная торговля» входят торговые операции двух видов: торговые операции населения на специальных рынках в 20-километровой приграничной полосе и операции, осуществляемые специально уполномоченными компаниями и предприятиями, расположенными в приграничных районах, через определенные государством пограничные переходы. Следовательно, на долю китайских коммерсантов на российской территории приходится лишь часть указанных объемов, но, по-видимому, большая.

Сходные с вышеприведенными цифры приводит и «Жэньминь жибао», сообщая о бурном росте «приграничной торговли, осуществляемой частными предприятиями пров. Хэйлунцзян», на долю которых приходится 86 % от общего объема приграничной торговли провинции с Россией. Согласно «Жэньминь жибао», объем экспорта в рамках данного сектора торговли составил в 2007 г. 2,92 млрд долл. (прирост — за год 17,1 %), объем импорта — 1,73 млрд (прирост — 18,6 %)³⁵.

Имеются также данные о доле китайских коммерсантов на российских рынках. Согласно результатам обширного мониторинга (объемом в 8639 проверок), проведенного Роспотребнадзором в январе 2007 г., доля иностранцев на рынках страны значительно варьировалась в зависимости от региона. В Москве она составила 53,4 %, в Московской области — 27,12, в Свердловской — 39,1, в Приморье — 37,9 %. В глубинке удельный вес

иностранных торговцев на рынках не превышал статистически значимого 5%-ного порога. Граждане КНР заняли среди иностранцев, торгующих на рынках, лидирующее положение: 61 % в среднем по стране, на порядок опередив мигрантов из всех остальных стран; 42 % — на Урале, 83 — на Дальнем Востоке и 76 % — в Центральном Федеральном округе³⁶, где, заметим кстати, граждане Украины составили 5,1 %, граждане других стран — еще меньшую долю. Таким образом, если допустить небольшую погрешность, условно приравняв ЦФО к Москве, окажется, что доля китайцев в общей массе торговцев на московских рынках составила 40 %. По данным московской администрации, в 2007 г. она равнялась 23 %³⁷. В Приморье же, если отождествить его со всем Дальним Востоком, доля китайцев в рыночной торговле составит 31,5 %.

Коммерсанты: социологическое исследование

Что же сегодня представляют собой китайские коммерсанты? В каких условиях они ведут свой бизнес в России? Какие строят планы на будущее? Чтобы получить более полные ответы на эти вопросы, мы организовали во второй половине 2007 г. социологическое исследование этой наиболее многочисленной группы мигрантов из КНР (оно проводилось как часть более широкого исследования, охватывавшего также китайских студентов и россиян, выразивших свое отношение к Китаю и китайцам).

Опросы китайских мигрантов в России проводятся не часто: это много сложнее, чем зондаж взглядов соотечественников. Помимо языкового барьера, возникают препятствия в виде закрытости китайской общины, понятного недоверия к незнакомым людям с опросными листами, которое усиливается из-за вольной или невольной причастности многих потенциальных респондентов к теневым хозяйственным связям. Не способствует налаживанию контактов и агрессивность охранников на рынках, в китайских общежитиях и т. п. Мы уже не говорим о стоимости подобных мероприятий.

Тем не менее, хотя и в относительно скромных масштабах, такие опросы все-таки осуществляются, подчас параллельно с выяснением мнений россиян о Китае и китайцах. Можно назвать

здесь исследования Г. Витковской и Ж. Зайончковской³⁸, проведенные в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в 1998—1999 гг.; В.Г. Гельбраса³⁹ (Москва, Восточная Сибирь и Дальний Восток, 1998—1999 и 2002 гг.); А.П. Забияко, С.Э. Антиховского, Р.А. Кобызова⁴⁰ (Дальний Восток и пров. Хэйлунцзян, 2002—2006 гг., частично с участием Е.А. Плаксена, при поддержке Хэйлунцзянской академии общественных наук); Е.Л. Мотрич⁴¹ (Дальний Восток, 2001—2004 гг.); Е. Вишник⁴² (пров. Хэйлунцзян, 2003 г.); группы в составе Т. Алагуевой, К. Васильевой, А. Островского⁴³ (Забайкалье, 2007 г.); Т.В. Шевцовой⁴⁴ (несколько областей России, 2002—2004 гг.). Как правило, анкетирование китайских мигрантов охватывает от нескольких десятков до двух — трех сотен респондентов. Но в ходе исследований В.Г. Гельбраса, отличающихся большим набором вопросов, было опрошено первый раз 757 человек, второй — 525. А.П. Забияко с коллегами в несколько приемов опросили свыше 1 тыс. китайцев в России и на территории КНР.

В предлагаемой монографии мы изложим результаты сравнительно крупного опроса, проведенного по нашему заказу с помощью составленных нами анкет ВЦИОМом во второй половине 2007 г.

Цель опроса состояла в том, чтобы помочь формированию более полного представления о китайских мигрантах в нашей стране, способствовать более ясному пониманию их взглядов на проблемы, с которыми они здесь сталкиваются. Основные вопросы заключались в следующем: что привлекает китайцев в России и что отталкивает? Удовлетворены ли они своей жизнью в России — заработками, отношениями с властями и местным населением, бытовыми условиями и т. д.? Как они оценивают перспективы своей работы в России? Каковы их намерения на будущее? Сотни тысяч китайских мигрантов живут бок о бок с нами своей, закрытой от нас жизнью, будучи гражданами гигантской, могущественной соседней страны. Отнюдь не лишне знать, каково их социальное самочувствие, чего мы можем ждать от них и как следовало бы вести себя с ними.

В нашем исследовании анкетированием было охвачено 900 китайских мигрантов: 700 коммерсантов — предпринимателей и служащих, о которых речь пойдет ниже, и 200 студентов (которым посвящен отдельный раздел данной главы). Из 700 респондентов половина была опрошена в Москве, половина — в городах Дальнего Востока: 116 человек — во Владивостоке, по 117 — в Ха-

баровске и Благовещенске. Одну из своих задач мы видели в том, чтобы сопоставить данные, полученные в Москве и на граничащей с Китаем окраине страны.

В ходе анализа полученных результатов мы по мере возможности сопоставляли их с данными, полученными ранее другими исследователями. Разумеется, сравнивать итоги опросов систематично и подробно не имеет смысла: опросы проводились по разным методикам, в разных местах, пусть даже одного и того же города, на заведомо разном составе респондентов (например, у В.Г. Гельбраса в их число входили и коммерсанты, и студенты); даже при одинаковых вопросах предлагаемые наборы ответов, как правило, не полностью совпадают; при обработке анкет одни авторы берут за 100 % число респондентов, другие — число ответов и т. д. Мы уже не говорим о том, что относительно малое число респондентов увеличивает вероятность случайного разброса ответов.

Тем не менее, мы исходили из того, что какие-то общие тенденции, значимые характеристики не могут не повторяться в результатах если не всех, то хотя бы некоторых опросов, и подтвердить их существование не менее важно, чем выявить новые, особенно с учетом скромной, как правило, количественной базы исследований.

Жизненный багаж мигрантов

Среди опрошенных оказалось 60 % лиц мужского и 40 % — женского пола, по возрастным группам они распределились так: 18—24 года — 23 %, 25—34 года — 36, 35—44 года — 28, 45—59 лет — 12, 60 лет и старше — 1 %. Большинство их, таким образом, находится в трудоспособном возрасте, что естественно для трудовых мигрантов.

Мы не задавали респондентам вопрос об их национальности, учитывая, что доля не-ханьцев среди них не превышает нескольких процентов, а по образу жизни в России они неотличимы от китайцев. (Мы имеем в виду прежде всего корейцев из Яньбяньского автономного округа и других мест Северо-Востока Китая.)

Практически все опрошенные имеют образование не ниже средней школы первой ступени, а пятая часть — даже высшее, что видно из табл. 1. Сходные показатели образованности мигрантов приведены и в названных выше работах В. Гельбраса.

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Какое учебное заведение Вы окончили в Китае?» — Доля опрошенных, %

Университет	11
Институт	10
Среднее специальное училище	15
Среднюю школу второй ступени	37
Среднюю школу первой ступени	25
Начальную школу	1
Неполную начальную школу	0
Не учился	1
Всего	100

Пояснение. Поскольку все процентные показатели округлены до целых чисел, сумма процентов в той или иной таблице может быть несколько больше или меньше 100.

Как видно из табл. 2, подавляющее большинство опрошенных (69 %) оказались семейными людьми. (В опросах других авторов данные о семейном положении варьируются в значительных пределах.)

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Ваше семейное положение?» — Доля опрошенных, %

Холост(ая)	31
Женат (замужем), детей нет	12
Есть дети на моем иждивении	57
Всего	100

Основная масса мигрантов приехала в Россию из пров. Хэйлунцзян, а также двух остальных провинций Северо-Востока: 60 %, а на Дальнем Востоке — 91 %. Другие провинции представлены в Москве более весомо, чем на Дальнем Востоке (табл. 3).

Таблица 3

Ответы на вопрос: «Из каких мест Вы приехали в Россию?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Пекин	6	10	2	2	3	0
Хэйлунцзян	45	11	79	66	86	85
Ляонин	7	11	3	4	3	2
Цзилинь	8	8	9	14	5	9
Хэбэй	1	1	1	2	0	1
Шаньдун	2	1	3	6	0	2
Шанхай	2	3	1	1	1	0
Фуцзянь	3	7	0	0	1	0
Чжецзян	5	9	0	1	0	0
Цзянсу	5	9	1	2	0	0
Гуандун	3	5	0	0	1	0
Другое	13	25	2	3	0	3
Всего	100	100	100	100	100	100

Преобладающая часть мигрантов — 78 % — это жители городов или «малых городов» (*чжэнь*). Однако и жители деревень уже вовлечены во внешнюю миграцию, и в Москве их, согласно нашим данным, даже несколько больше, чем на Дальнем Востоке (табл. 4).

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Вы жили в городе, малом городе (*чжэнь*) или деревне?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
В городе	40	19	62	49	68	68
В малом городе	38	55	21	33	15	16
В деревне	21	26	17	18	18	15
Всего	100	100	100	100	100	100

Следующая табл. 5 свидетельствует о разнообразии занятий мигрантов у себя на родине: от руководителя государственного

учреждения до студента и до безработного. Малая доля крестьян означает, что приехавшие в Россию жители деревни — это люди, уже оторвавшиеся от земли и занятые в местной промышленности, — таких в китайском селе немало.

Обращает на себя внимание большой процент рабочих. Дело в том, что какая-то их часть — это сокращенные работники, формально не числящиеся безработными и перешедшие в разряд «ожидающих работу» (ниже мы покажем это). Доля же тех, кто признал себя безработным, невелика, и это характерно для всех предыдущих опросов, о которых мы упоминали выше. По-видимому, это объясняется психологическими мотивами.

Следом по численности за рабочими идут «крестьяне-рабочие», или «рабочие из крестьян» — вчерашние крестьяне, составляющие нижний слой городского рабочего класса. В одном ряду с ними — госслужащие низшего звена с их небольшим, но надежным заработком: оказывается, и для такой категории трудящихся доходы от мелкой (откуда им взять капитал для крупной?) торговли в России могут быть достаточно привлекательными.

Таблица 5

Ответы на вопрос: «Укажите Ваш последний род занятий в Китае» — Доля опрошенных, %

Студент	5
Рабочий	38
Крестьянин-рабочий	11
Рядовой служащий государственного предприятия	11
Рядовой служащий негосударственной фирмы	6
Руководящий работник государственного учреждения	3
Руководящий работник негосударственной фирмы	2
Крестьянин	5
Предприниматель	6
Безработный	6
Домохозяйка	4
Другое	3
Затрудняюсь ответить	0
Нет ответа	0
Всего	100

Любопытное явление обнаруживается в табл. 6: 35 % респондентов оценили свое материальное положение в Китае как «хорошее» или даже «очень хорошее», и это заставляет задуматься, зачем же в таком случае они поехали в Россию?

Таблица 6

Ответы на вопрос: «Как бы Вы оценили Ваше материальное положение в Китае?» — Доля опрошенных, %

Очень хорошее	10
Хорошее	25
Среднее	36
Плохое	24
Очень плохое	5
Всего	100

Логично предположить, что в нашем исследовании содержится ошибка, вызванная недостаточной представительностью выборки, или же — что в Россию мигрантов влечет надежда на какие-то очень большие, а не просто большие заработки, вопреки распространенному убеждению, будто бы эпоха шальных денег для китайских торговцев в России осталась далеко позади, в 90-х годах прошлого века. Чуть ниже мы попытаемся доказать, что дело не в одном и не в другом.

Пока же, обратившись к табл. 7, заметим, что почти половина мигрантов отправилась в Россию в поисках более выгодной работы и почти столько же — спасаясь от безработицы. Сходный процент безработных указан у Е. Вишник⁴⁵ (49,2 %).

Таблица 7

Ответы на вопрос: «Почему Вы решили поехать в Россию?» — Доля опрошенных, %

Направлен на работу	8
Не мог найти работу в Китае	40
Искал более выгодную работу	45
Хотел получить в России образование	5
Другое	2
Нет ответа	0
Всего	100

Сопоставление табл. 5 и 8 подтверждает наше предположение о том, что среди мигрантов, назвавшихся рабочими, имелось немало фактически безработных, «ожидающих работу»: таковых оказалось 70 % — максимальная доля среди всех категорий респондентов (ответ 2). Значительной является доля безработных и среди рабочих-крестьян, и среди домохозяек.

Таблица 8

Зависимость между ответами на вопросы: «Укажите Ваш последний род занятий в Китае» и «Почему Вы решили поехать в Россию?» — Доля опрошенных, % (чел.)

Род занятий	Почему Вы решили поехать в Россию?					Всего
	направлен на работу	не мог найти работу в Китае	искал более выгодную работу	хотел получить в России образование	другое	
Студент	19	0	57	27	2	100 (37)
Рабочий	1	70	26	2	1	100 (264)
Крестьянин-рабочий	1	67	28	1	3	100 (75)
Рядовой служащий государственного предприятия	18	3	71	5	1	100 (77)
Рядовой служащий негосударственной фирмы	41	2	52	2	2	100 (44)
Руководящий работник государственного учреждения	36	4	55	0	5	100 (22)
Руководящий работник негосударственной фирмы	17	0	75	0	8	100 (12)
Крестьянин	6	26	62	3	3	100 (34)
Предприниматель	3	3	85	6	3	100 (39)
Безработный	0	29	59	7	5	100 (41)
Домохозяйка	0	52	39	3	6	100 (31)
Другое	13	0	60	19	9	100 (22)
Затрудняюсь ответить	0	0	100	0	0	100 (1)
Всего	8	40	45	5	2	100 (700)

Общая доля безработных — 40 % (см. столбец 2) — близка к вышеназванным результатам Е. Вишник⁴⁶.

Ответы на следующий вопрос — о продолжительности проживания в России — позволяют предположить, что в Москве сформировалось более стабильное, чем на Дальнем Востоке, сообщество: доля мигрантов, проживших в России свыше трех лет, в столице заметно выше, чем на Дальнем Востоке (53 % и 43 %). К такому же выводу пришел В.Г. Гельбрас по результатам опроса 1998—1999 гг.⁴⁷ Это логично объяснить разницей в длине миграционных маршрутов (табл. 9).

Таблица 9

Ответы на вопрос: «Сколько лет Вы суммарно прожили в России?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Не более 1 года	19	25	14	15	9	20
От 1 до 2 лет	14	8	21	26	20	16
От 2 до 3 лет	18	14	22	19	23	25
От 3 до 5 лет	16	11	20	27	15	19
Более 5 лет	32	42	23	14	33	21
Всего	100	100	100	100	100	100

Жизненный уровень

Для трудовых мигрантов, естественно, главным является вопрос об их заработках, т. е. материальном положении. Как видно из табл. 10, подавляющее большинство мигрантов оценивает свое материальное положение как «среднее, приемлемое». Оценка «хорошее» плюс «очень хорошее» несколько больше, чем «плохое» плюс «очень плохое» (21 % против 15 %). Меньше всего тех, кто добился «очень хорошего» положения, и тех, кто оказался в «очень плохом», тех и других — единичные проценты.

Сходную картину находим у В.Г. Гельбраса в обоих его опросах⁴⁸.

Интересно, что в данных нашего опроса зависимость между уровнем материального положения и продолжительностью жизни в России не прослеживается. В частности, распределение

Таблица 10

Ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете свое материальное положение в России?» — Доля опрошенных, %

Очень хорошее	5
Хорошее	16
Среднее, приемлемое	60
Плохое	14
Очень плохое	1
Затрудняюсь ответить	3
Всего	100

оценок между теми, кто прожил у нас менее одного года, мало отличается от аналогичных показателей у проживших более пяти лет: сумма положительных оценок среди новичков составляет 20 %, сумма отрицательных — 13 %. Среди «старожилов» — соответственно 16 % и 16 %.

Таблица 11

Зависимость между ответами на вопрос «Сколько лет Вы суммарно прожили в России» и «Как Вы оцениваете свое материальное положение в России?» — Доля опрошенных, % (чел.)

Срок	Как Вы оцениваете свое материальное положение в России?						Всего
	очень хорошее	хорошее	среднее, терпимое	плохое	очень плохое	затрудняюсь ответить	
Не более 1 года	1	19	64	12	1	3	100(136)
От 1 до 2 лет	7	15	47	23	1	4	100 (99)
От 2 до 3 лет	9	16	59	13	1	3	100 (128)
От 3 до 5 лет	5	24	56	7	3	5	100 (110)
Более 5 лет	5	11	66	15	1	2	100 (227)
Всего	5 (37)	16 (113)	60 (421)	14 (97)	1 (9)	3 (23)	100 (700)

В принципе это естественно для трудового мигранта, который из года в год приезжает на заработки, а заработанные деньги отвозит или отправляет на родину. Вероятно, равномерности заработков способствует и то обстоятельство, что новички легко «находят концы» и встраиваются в уже сложившуюся систему.

По крайней мере, как видно из табл. 12, почти половина респондентов поехала в Россию, имея там заранее точку опоры, а почти треть сама послужила таковой.

Таблица 12

Ответы на вопрос: «Ваши связи через границу с другими мигрантами?» — Доля опрошенных, %

Когда я собирался в Россию, у меня там были друзья, которые обещали помочь мне на первых порах	47
По моему совету в Россию приехал кое-кто из моих друзей, родственников (не считая жены, незрелых детей)	29
Ни то, ни другое	23
Нет ответа	1
Всего	100

Теперь обратим внимание на то, что в России число мигрантов, видящих себя в хорошем или очень хорошем материальном положении, оказалось меньше, чем таковых было в Китае (табл. 10 и 6) — 21 против 35 %. Это странное явление похоже на ошибку, но таковой не является: в опросе В.Г. Гельбраса⁴⁹ (2002 г.) разрыв между оценками в пользу более ранних, относящихся ко времени до миграции, оказался еще более значительным — 25,4 % против 57,4 %. Правда, у него в счет вошли, помимо коммерсантов и служащих, еще и китайские студенты, но у последних при отдельном подсчете получились те же цифры, а значит, эти цифры должны быть справедливы и для совокупности коммерсантов и служащих без студентов.

Сопоставив данные о материальном положении респондентов в Китае и в России в разбиении по оценкам, мы получили следующие цифры: высшую оценку своего положения в Китае как «очень хорошего» сохранили в России лишь 26 %. Оценку «хорошее» понизил 51 %, среднее положение сохранилось у 79 % и понизилось у 8 %.

Явственно улучшилось положение после приезда в Россию только у тех, кто на родине считал его плохим: у 80 % из них. В целом респондентов, снизивших в России свое положение, оказалось 21 %, не улучшивших его — 46 %.

Надо полагать, при таких обстоятельствах у жителей Китая давно бы пропало желание ехать к нам на заработки, и поток ми-

грантов из Китая давно бы иссяк — чего в реальности не наблюдается. Как мы покажем ниже, подавляющее большинство мигрантов не собирается сворачивать свою деятельность в России. Поэтому нам ничего не остается, как констатировать субъективный характер оценок мигрантами собственного материального положения. Правдоподобно предположить, что свое положение на родине они сознательно или бессознательно приукрашивают, с тем чтобы повысить самооценку, а заодно и престиж своей страны в рамках модели «я и мир». Успехи же свои в России мигрант едва ли станет преувеличивать, скорее, проявит склонность на всякий случай преуменьшить при заполнении анкеты, хотя бы и анонимной. Иными словами, свое положение у себя дома и в чужой стране, на заработках, мигрант меряет разными мерками. Однако и в этом случае оценка собственного материального положения интересна для нас тем, что позволяет, при всей ее расплывчатости, составить какое-то представление о том, насколько человек удовлетворен им.

Более ясную картину можно увидеть с помощью табл. 13, где доходы показаны в реальном исчислении:

Таблица 13

Ответы на вопрос: «Укажите, пожалуйста, Ваш ежемесячный доход» —
Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Менее 5 тыс. руб.	21	0	43	51	43	34
От 5 тыс. до 20 тыс. руб.	61	85	37	28	43	39
От 20 тыс. до 40 тыс. руб.	9	9	10	7	11	11
От 40 тыс. до 100 тыс. руб.	2	3	1	0	1	2
От 100 тыс. до 300 тыс. руб.	2	3	1	1	3	1
Свыше 300 тыс. руб.	1	0	1	1	0	2
Затрудняюсь ответить	4	0	8	13	0	11
Всего	100	100	100	100	100	100

Из нее следует, что подавляющее большинство опрошенных — 82 % (строки 1 и 2) довольствуются заработками до 20 тыс. руб. Сходные с нашими данные опубликовала и Е. Вишник, оп-

росившая 250 вернувшихся из России мигрантов в пров. Хэйлунцзян⁵⁰: 3,6 % ее респондентов зарабатывают менее 1000 юаней (приблизительно 3,3 тыс. руб при пересчете через доллар), 36,4 % — от 1000 до 3000 юаней (т. е. до 10 тыс. руб.), 37,2 % — от 3000 до 5000 юаней (до 16,5 тыс. руб.). Таким образом, 77,2 % респондентов имеют заработок в пределах 16 тыс. руб.

Приведенные в таблице цифры позволяют думать, что заработки основной массы китайских мигрантов в настоящее время достаточно скромны. Они вполне сравнимы со средними заработками россиян, работников тех же профессий, и потому представление, будто первые отнимают у вторых «хлебные места» — один из любимых аргументов наших ксенофобов, — является не более, чем мифом. О том же говорят и опросы Международной организации по миграции, согласно которым заработки мигрантов в России совпадают с официальной зарплатой⁵¹. Данные табл. 13 свидетельствуют также, что в Москве заработки мигрантов выше, чем на Дальнем Востоке.

Разумеется, доходы состоятельных предпринимателей, имеющих возможность осуществлять сделки с контейнерами на рынке, превышают средний уровень. Доход от одного контейнера, судя по китайской прессе, достигал в начале «нулевых» годов сотен тысяч долларов. Например, в одном интервью по поводу ситуации в тот период говорилось: «Имея на рынке контейнер, можно наторговать на десятки тысяч долларов. Продать контейнер можно за 400 тыс. долл., а если его сдавать в аренду, можно в месяц иметь 10 тыс., а то и больше»⁵².

Полезно сопоставить ответы мигрантов относительно их заработков с данными, которые изредка появляются в китайских СМИ. Так, в одном материале из провинции Гиринь можно прочесть: «С июня 1996 г. крестьяне из поселка Сыхэцунь стали ездить в Москву. По словам секретаря поселковой парторганизации Чжао Цзинлиня, в поселке насчитывается 650 дворов, более 2 тыс. жителей, 700 из них занялись торговлей в Москве. За год в Москве можно было заработать от 50—60 тыс. до 1 млн юаней. У крестьянина Чжоу Кэциня семья — 4 человека. Прежде годовой доход семьи не превышал 1 тыс. юаней. В 1998 г. семья Чжоу отправилась в Москву. Сейчас в Москве за год он может заработать 400 тыс. юаней, а то и больше. Чжоу не только обзавелся собственным домом, но и купил 2 грузовика и занялся перевозками. По неполным данным, крестьяне Сыхэцуня за год привозят из Москвы 40 млн юаней»⁵³.

Разделив эту сумму на 700 крестьян-коммерсантов и на 12 месяцев, получим 4760 юаней в месяц, или приблизительно около 16 тыс. руб., что полностью соответствует ответам наших респондентов. Месячный доход крестьянина Чжоу вычислить труднее, поскольку неизвестно, все ли члены его семьи в Москве работали и в какой степени были заняты. Но если предположить, что все четверо трудились, то ежегодный заработок в 400 тыс. юаней в раскладе на одного человека в месяц дает 27 тыс. руб. Это уже выше среднего по нашей шкале, но, наверное, и в деревне тоже: недаром же местный партийный вожак приводил предприимчивого Чжоу в качестве примера!

Деньги, которые крестьяне деревни Сыхэцунь привозят из Москвы — это, надо полагать, чистая прибыль. Можно ли считать чистой прибылью те заработки, которые были указаны нашими респондентами, или из этих заработков следует вычесть какие-то расходы, если мы хотим точнее сравнить доходы мигрантов и россиян? Ответ на этот вопрос не прост, он требует дополнительной разработки анкет и дальнейших исследований. Пока же мы ограничимся констатацией того факта, что из своего заработка мигранты должны не только питаться, но и оплачивать снимаемое жилище, давать взятки и т. п. Мало того, многие мигранты, как это видно из табл. 14, вынуждены помогать материально родственникам в Китае. Лишь десятая часть ми-

Таблица 14

«Помогаете ли Вы кому-либо в Китае материально, деньгами?» —
Доля опрошенных, %

Членам семьи	58
Другим родственникам	6
Друзьям	10
Землякам в деревне	3
Кому-то еще	2
Нет, никому не помогаю, так как нет необходимости	10
Не помогаю, так как нет средств	5
Родственники помогают мне	5
Затрудняюсь ответить	0
Всего	100

грантов имеет возможность не оказывать такой помощи, поскольку в ней нет нужды, еще 5 % не помогают из-за отсутствия средств и еще 5 %, наоборот, сами пользуются помощью родственников.

Из табл. 15 видно, что помогать родственникам и близким, живущим в Китае, вынуждено большинство мигрантов независимо от того, к какой группе они принадлежат по своему материальному положению.

Таблица 15

Зависимость между ответами на вопросы «Помогаете ли Вы кому-либо в Китае материально, деньгами?» и «Как Вы оцениваете свое материальное положение в России?» — Доля опрошенных, %

Помогаете ли Вы кому-либо в Китае?	Как Вы оцениваете свое материальное положение в России?						Всего
	Очень хорошее	Хорошее	Среднее, терпимое	Плохое	Очень плохое	Затрудняюсь ответить	
Да, помогаю	78	68	82	86	55	65	79
Нет, никому не помогаю, так как нет необходимости	14	17	9	2	0	13	10
Не помогаю, так как нет средств	3	7	5	8	11	4	5
Родственники помогают мне	3	7	5	3	33	13	5
Затрудняюсь ответить	0	1	0	0	0	4	0
Нет ответа	3	1	0	0	0	0	0
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Как и в годы предыдущих опросов, мигранты в большинстве своем пользуются весьма скромными жилищными условиями: 69 % респондентов проживают в общежитиях, благоустроенность которых, как правило, оставляет желать лучшего (табл. 16).

Только 22 % снимают квартиру, 33 % живут в одном помещении или квартире с несколькими компаньонами, 5 % — в одном помещении или квартире с одним компаньоном.

Не исключено, конечно, что мигранты на всякий случай преуменьшают свои доходы, так же как и оценку своего материального положения. Бесспорно, далее, что они сплошь и рядом

Таблица 16

Ответы на вопрос: «В каком жилище Вы живете?» — Доля опрошенных, %

В китайской гостинице, общежитии	20
В общежитии китайской фирмы	2
При офисе китайской фирмы	1
В российской гостинице, общежитии	32
Снимаю квартиру	22
В собственной квартире	5
В студенческом общежитии	17
Другое	0
Всего	100

пользуются менее качественным жилищем, чем могли бы, исключительно в целях экономии. Однако, как показывает опрос, необходимость экономить нередко простирается и на область насущного: питания, одежды и обуви, медицинских услуг. Насколько значительна доля мигрантов, вынужденных ограничивать себя в этих видах потребления, видно из табл. 17. (В ней даны проценты от числа респондентов, т. е. от 700; сумма процентов больше 100, так как заданный вопрос допускал больше одного ответа; всего был дан 1281 ответ.) Возможность ни в чем не отказывать себе оказалась привилегией явного меньшинства респондентов.

Таблица 17

Ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам отказываться из-за нехватки денег от чего-либо из следующего перечня?» — Доля ответов от числа опрошенных, %

Покупка необходимых продуктов питания	32
Покупка необходимой одежды, обуви	20
Поездка на родину в Праздник Весны	51
Лечение, восстановление здоровья	48
Другие важные расходы	2
Ни от чего из названного не приходилось отказываться	30
Нет ответа	0

Даже среди тех, кто обозначил свое материальное положение как «хорошее» или «очень хорошее», доля таких счастливиц, по нашим подсчетам, составила 54 %; среди тех, кто оказался в «среднем» положении, — 26 %; в «плохом» и «очень плохом» — 3 %.

Интересно, что между доходами и оценками материального положения не просматривается сколько-нибудь ясной зависимости. Согласно нашим выкладкам, на всех ступенях заработка свое положение считают «средним, приемлемым» более 50 % мигрантов. Это обстоятельство вкупе с рассмотренным выше соотношением оценок материального положения дома и «на выезде» убеждает, что оценка мигрантом собственного материального положения не может служить сколько-нибудь достоверным показателем его действительного материального положения. Однако она важна как показатель его психологического самоощущения. Гибкость в восприятии реальной ситуации, подвижность уровня запросов свидетельствуют о высокой степени приспособляемости китайских мигрантов в условиях пребывания в чужом окружении.

О характере занятий мигрантов и силе их сообщества

По роду занятий в России более половины мигрантов объявили себя индивидуальными предпринимателями, (со)владельцев или руководителей предприятий оказалось всего 4 %. При этом работников китайских предприятий оказалось в 1,5 раза больше, чем российских: 15 % против 9 % (табл. 18).

Ответы на другой вопрос — о масштабе компаний, в которых респонденты трудятся, также свидетельствуют о безусловном преобладании мелких и очень мелких или индивидуальных предприятий: их доля составила 58 % (табл. 19).

Надо заметить, что лица, объявившие себя индивидуальными предпринимателями, далеко не всегда являются таковыми в полном смысле этого слова. Многие из них работают по договору или устной договоренности с фирмой-поставщиком товара и не образуют самостоятельного предприятия. Этим объясняется, почему в табл. 19 доля индивидуальных предприятий даже в сумме с очень мелкими (37 %, строка 4) меньше, чем число «самостоятельных предпринимателей, индивидуальных продавцов» (53 %, строка 8) в табл. 18.

Таблица 18

Ответы на вопрос: «Ваш род занятий в России?» — Доля опрошенных, %

Руководитель/заместитель руководителя российского представительства китайской или совместной фирмы (зарегистрированной в Китае)	1
Сотрудник такого представительства	4
Совладелец китайского предприятия в России	1
Совладелец совместного российско-китайского предприятия	2
Работаю на китайском предприятии в России	9
Работаю на совместном российско-китайском предприятии в России	5
Работаю на российском предприятии	9
Самостоятельный предприниматель, индивидуальный продавец	53
Член семьи (иждивенец)	1
Временно не работаю	3
Другое	12
Всего	100

Таблица 19

Ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете масштаб фирмы, в которой Вы работаете (которая Вам принадлежит)?» — Доля опрошенных, %

Крупная	6
Средняя	35
Мелкая	21
Очень мелкая, индивидуальное предприятие	37
Затрудняюсь ответить	1
Нет ответа	1
Всего	100

Опрос подтверждает, что наиболее типичная фигура среди китайских мигрантов — это мелкий коммерсант: свободный предприниматель, или торговец, состоящий в договорных отношениях с фирмой, или же ее наемный работник.

Как в таком случае, при весьма слабом присутствии хотя бы условно крупных предприятий, складываются отношения внутри массы мигрантов? Вследствие закрытости китайской общины (равно как и чеченской, азербайджанской, цыганской и т. п.) на этот счет циркулируют разного рода предположения, в том числе самые невероятные. Адекватной же информации у нас крайне мало. Мы уже упоминали, что в китайской общине установилось весьма развитое разделение труда, и это вполне естественно: в противном случае было бы просто невозможно переправлять из Китая и доводить до потребителя массу разнообразных товаров на многие миллиарды рублей, а равно обеспечивать проживание десятков и сотен тысяч людей в иноязычном и инокультурном обществе. Разделение труда налицо и в ряде других этнических общин в России, но в силу их меньшей численности и практического отсутствия языкового барьера между ними и местным населением они не испытывают нужды в создании такой же развернутой структуры, как китайская.

Однако для обеспечения полноценной деятельности общины важна не только профессиональная специализация тех или иных ее членов, но и другие стороны их взаимоотношений. Такие диаспоры, как чеченская или азербайджанская, обладают, как принято считать, особой сплоченностью, которая дает им возможность отвоевывать у российских конкурентов весьма прибыльные сектора экономики (рынки, местные торговые сети). Китайские зарубежные деловые общины также нередко расцениваются международным мнением как целостные организмы, хотя при ближайшем рассмотрении за целостностью обнаруживается сосуществование действующих самостоятельно групп и групповых иерархий. В то же время и между группами, и внутри групп складываются тесные неформальные связи, которые в одних случаях обеспечивают жесткую дисциплину, в других — поддержку членов групп, в третьих — позволяют оперативно и скрытно передавать коммерческую информацию и без долгих процедур, основываясь на одном только доверии, заключать даже крупные сделки. Членами подобных групп могут быть и коренные жители данной страны, не являющиеся этническими китайцами. Такая система, стихийно складываясь на протяжении поколений, позволила китайским иммигрантам-предпринимателям добиться успеха в борьбе за место под солнцем. Китайские деловые общины давно уже играют выдающуюся роль в экономике стран Юго-Восточной Азии (подробнее об этом см. в главе 3). Сформи-

ровались ли подобные связи, дающие преимущество в конкурентной борьбе с местными предпринимателями, внутри китайской общины в России?

Подчас под пером некоторых авторов внутреннее устройство китайской общины (и не только китайской) в России приобретает демонический оттенок, община начинает смахивать на тайный орден, на незримую армию, обладающую скрытым могуществом. К тому же она предстает как послушный исполнитель воли нашего могучего соседа. Однако сколько-нибудь убедительных доказательств в пользу этого утверждения пока еще никто не привел. Мало того, мы можем констатировать, что условия существования китайского сообщества в нашей стране этому не благоприятствуют и одновременно не требуют этого.

Действительно, китайские мигранты не являются ни гражданами России, ни ее постоянными жителями, они не укоренены в российскую среду, не инвестируют в нее сколько-нибудь значительные капиталы. В нашем опросе большинство респондентов (69 %) прожили в России не более 5 лет (см. табл. 9). Между тем доверительные связи, как известно, нарабатываются годами совместной работы.

С другой стороны, в подобных связях нет особой необходимости, поскольку упомянутая конкурентная борьба если и наличествует, то лишь в самой вялой форме, не мешая китайским коммерсантам с их товарами с 1990-х годов уверенно занимать обширную нишу на российском рынке.

Характер внутриобщинных отношений таков, что он не исключает острой борьбы между влиятельными хозяевами — «лаобанями», контролирующими тот или иной сектор общины и подчас прибегающими к изощренным способам устранения своих соперников. Не вызывает сомнений и наличие повседневных трений между работодателями и наемными работниками. Даже китайские рабочие, приезжающие в Россию в организованном порядке по контрактам, в критических случаях устраивают демонстрации протеста, как то было в Благовещенске в сентябре 2008 г., когда около 400 рабочих строительной компании «Хуафу» потребовали от руководства компании выплаты долгов по зарплате⁵⁴.

Поэтому оценку сообщества китайских коммерсантов как единой системы, действующей по приказу сверху, мы не разделяем. Мы можем констатировать лишь следующее.

Неформальные структуры, как и формальные, существуют в китайской общине в той мере, в какой они необходимы, чтобы

она могла успешно функционировать в нише, размеры которой зависят, в конечном счете, от состояния российской экономики и от политики российской власти.

Местами сосредоточения хозяйственной деятельности китайского, как и других торговых меньшинств являются, как правило, торговые центры, рынки. Нам представляется, что при равных условиях развитость структуры, степень сплоченности двух торговых меньшинств в тех или иных местах их сосредоточения (на двух рынках одинаковых размеров) оказывается приблизительно одной и той же.

Другое дело, что китайцы, если говорить в целом, всегда превосходили и русских, и представителей многих других национальностей коммерческими талантами — это было многократно отмечено и в России еще в дореволюционные времена, и в других странах, говорят об этом и сами китайцы. Не случайно носители русской культуры никогда не образуют торговых меньшинств, в какую бы страну они ни эмигрировали. Среди них профессия продавца не считается престижной. Это уже вопрос исторических традиций, особенностей национального характера. Однако, когда возникает общественная потребность, и они начинают заниматься коммерцией достаточно успешно.

Эффективной деятельности китайской общины способствуют достаточная стабильность и сбалансированность сложившихся внутри нее отношений. Большинство работников (66 %), как явствует из табл. 20, удовлетворены отношением к себе со стороны работодателя.

Таблица 20

Ответы на вопрос: «Как к Вам относится Ваш работодатель?» — Доля опрошенных, %

Хорошо	25
Средне	41
Плохо	1
Затрудняюсь ответить	2
Не работаю по найму	31
Нет ответа	0
Всего	100

Подобным же образом подавляющее большинство респондентов видит в своих соотечественниках достаточно надежных партнеров (табл. 21).

Таблица 21

Ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете Ваших соотечественников в качестве деловых партнеров?» — Доля опрошенных, %

Они не вполне надежны	7
Они более надежны, чем российские партнеры	24
Они вполне надежны, на них можно положиться	45
Затрудняюсь ответить	24
Всего	100

В опросе Е. Вишник⁵⁵ проблемы с боссом или коллегами отметили всего 5,6 % — цифры того же порядка, что и у нас.

Но главная сила китайского «торгового меньшинства» заключается прежде всего в дешевизне предлагаемых им товаров, обеспеченных дешевизной создающего их труда и поддержкой, которую китайские власти оказывают своим производителям, в частности, приграничным компаниям, посредством таможенных и налоговых льгот. Плюс, конечно, неустанный труд самих коммерсантов. Лишним подтверждением его служит табл. 22, показывающая, как мигранты проводят свой досуг. Фактически она свидетельствует о ненормированном рабочем дне.

Таблица 22

Ответы на вопрос: «Как Вы проводите свой досуг?» — Доля ответов, % (число ответов)

Смотрю телевизор, видео, захожу в Интернет	23
Провожу время с китайскими друзьями	17
Провожу время с русскими друзьями	5
Участвую в работе китайских общественных организаций	1
Посещаю китайские клубы	0
Посещаю собрания религиозного общества	0

Окончание табл. 22

Посещаю кино, театры	2
Знакомлюсь с городом	9
Гуляю, хожу по магазинам	5
Посещаю рестораны, кафе, дискотеки	1
Занимаюсь спортом	3
Провожу время с семьей	12
Свободного времени очень мало, почти не отдыхаю	22
Другое	1
Нет ответа	0
Всего	100 (1186)

Телевизор, общение с друзьями, пребывание в кругу семьи — вот, по сути, и весь досуг, если он есть. Впрочем, граждан новой России, изо дня в день решающих проблему выживания, самоэксплуатацией не удивишь.

Эффективной деятельности китайской общины, безусловно, способствует ее способность в нужной степени адаптироваться к условиям своего существования. В частности, сюда относится владение значительной части ее членов хотя бы начатками русского языка. Как видно из табл. 23, в той или иной мере могут пользоваться русским или изучают его в данный момент 96 % респондентов. Правда, почти половина из них «плохо говорит и понимает» по-русски, но для практических целей их элементарных языковых знаний оказывается достаточно, пусть даже в обрыв.

Заметим, что в опросе В. Гельбраса в 1998—1999 гг. доля не знающих русского языка варьировалась в разных городах России в диапазоне 14,5—16,0 %, т. е. была существенно больше, чем у нас⁵⁶. В опросе, проведенном в 2007 г. в Забайкалье⁵⁷ Институтом Дальнего Востока совместно с его читинским филиалом, говорящих плохо или только понимающих оказалось 80,4 %. Эти данные подтверждают наш вывод о том, что в силу — и в меру — необходимости языковой барьер так или иначе оказывается преодоленным.

Таблица 23

Ответы на вопрос: «Ваш уровень знаний русского языка?» — Доля опрошенных, %

Знаю хорошо	9
Могу объясняться	33
Могу читать	5
Плохо говорю и понимаю	42
Практически не знаю	4
Не знаю/знаю плохо, но в настоящее время изучаю в институте	6
Всего	100

Хуже обстоит дело со знанием мигрантами правил, регламентирующих их пребывание в России. Число тех, кто знаком с ними в достаточной степени, на удивление мало, как то следует из табл. 24. (Почти те же цифры — 15 % — выявил и опрос В. Гельбраса в 2002 г.⁵⁸) 85 % респондентов не могут похвастаться знанием законов в необходимом объеме. Объяснить это массовое явление можно только тем, что незнание законов не слишком снижает качество их жизни: во-первых, зачастую мигранты имеют дело с властями через посредников, владеющих необходимой информацией и о законах, и о способах их обходить; во-вторых, практика общения с чиновниками и милицией имеет мало общего с законами.

Таблица 24

Ответы на вопрос: «Хорошо ли Вы знаете правила пребывания иностранцев в РФ?» — Доля опрошенных, %

Достаточно	15
Недостаточно	72
Совершенно не знаю	13
Всего	100

Короче говоря, какие-то усилия с целью адаптироваться отнюдь не являются уделом немногих; однако они прекращаются, когда достигнут практически достаточный минимум.

Главные препятствия, с которыми сталкиваются китайские предприниматели, — те же, что и у их российских коллег: они являются элементами той общей атмосферы, в которой развивается бизнес в России, в частности мелкий и средний. В ходе опроса респондентам было предложено назвать 5 наиболее серьезных трудностей, условно говоря, административно-правового характера из числа 17, мешающих их деятельности. Результаты представлены в табл. 25.

Таблица 25

Ответы на вопрос: «Назовите 5 основных трудностей административного и правового характера» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Поборы милиции	29	39	22	24	23	19
Рэкет (поборы «крышевателей»)	18	25	12	12	11	13
Взяточничество в органах власти	6	4	7	4	8	8
Поборы налоговых чиновников	4	1	6	3	8	8
Поборы таможенных чиновников	6	8	6	3	5	9
Отсутствие должного порядка в растаможивании грузов	4	5	3	2	4	2
Сложность бюрократических процедур, в том числе регистрации	5	6	5	4	5	7
Трудности сохранения грузов	2	2	2	2	4	1
Ненадежность российских партнеров	4	3	5	6	5	4
Ненадежность китайских партнеров	0	1	0	0	0	0

Окончание табл. 25

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Трудно получить коммерческую визу на долгий срок или поселение	7	2	11	12	10	10
Трудность анализа рынка	4	3	5	6	6	3
Трудно решать споры в судебном порядке	2	1	4	6	2	3
Трудно получить юридическую консультацию	6	1	9	11	8	8
Уголовные преступления россиян	2	0	3	4	2	3
Уголовные преступления китайцев	0	0	0	0	1	0
Другое	0	0	0	1	0	0
Затрудняюсь ответить	1	0	1	1	0	3
Всего	100 (1978)	100 (836)	100 (1142)	100 (360)	100 (379)	100 (403)

Первые три места с большим отрывом от последующих занимают различные виды вымогательства и взяточничества. В совокупности все эти виды незаконного отъема чужих средств составили: в России — 63 %, в Москве — 77 %, на Дальнем Востоке — 53 % (ответов). Если пересчитать жалобы в проценты не от числа ответов, а от числа респондентов, получим такие показатели: поборы милиции — 82 % (!), рэкет — 49 %, взяточничество в налоговых, таможенных и других органах власти в сумме — 45 %. (В опросе Е. Вишник в 2003 г. на коррупцию пожаловалось 26 % респондентов⁵⁹.)

Трудности непосредственно экономического характера видны из табл. 26. Здесь лидируют высокая арендная плата, дороговизна жизни, чрезмерные налоги, высокие экономические риски, низкая репутация китайских товаров. Одни из этих трудностей сильнее ощущаются в столице, другие — на Дальнем

Востоке. Судя по результатам нашего опроса, в Москве жизнь дороже, товары из Китая ценятся ниже (поскольку немало и других, а денег у населения больше), зато и предпринимательские риски не столь велики.

Таблица 26

Ответы на вопрос: «Назовите 3 главные экономические трудности в Вашей предпринимательской деятельности?» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Высокие экономические риски	12	8	14	15	15	12
Дороговизна жизни в России	27	33	22	20	24	23
Чрезмерные налоги	12	2	19	16	15	26
Высокая арендная плата	31	33	29	28	34	26
Отсутствие межбанковских расчетов	1	1	1	2	0	1
Низкая репутация китайских товаров	12	20	6	7	5	5
Низкая покупательная способность российского населения	5	2	7	11	7	3
Другое	1	0	1	1	1	0
Затрудняюсь ответить	1	0	1	1	0	2
Всего	100 (1301)	100 (524)	100 (777)	100 (256)	100 (248)	100 (273)

Тем не менее, китайские респонденты — а это, напомним, коммерсанты и служащие торговых фирм — не так уж низко оценивают в деловом плане условия своей работы в России. Их ответы приведены в табл. 27. И в России в целом, и во всех городах Дальнего Востока тех респондентов, которые считают обстановку в стране благоприятной для ведения бизнеса, больше, чем сторонников обратного мнения. Иная ситуация в Москве, где тех и других почти поровну, и половина респондентов выбрала средний ответ.

ной оценкой отношения российских властей является нейтральная, а сумма «не вполне доброжелательных» и «враждебных» оценок слегка перевешивает «доброжелательные» (28 % против 22 %). Число чисто «враждебных», правда, очень мало, а «доброжелательные» плюс «нейтральные», т. е. те варианты отношений, при которых можно нормально жить и работать, составляют в сумме чуть больше половины всех ответов — 57 %.

Несколько меньшие проценты позитивных оценок дали оба опроса В. Гельбраса и исследование Е. Мотрич⁶⁰, на основании чего можно предположить, что с годами имеет место тенденция постепенного улучшения оценок, тем более, что и Е. Мотрич такую тенденцию зафиксировала.

Интересно, что московские власти за свое отношение к китайцам получили чуть меньше, чем дальневосточные, число оценок «доброжелательно» (20 % против 23 %), но в Москве несколько больше, чем на Дальнем Востоке, сумма отрицательных оценок «не вполне доброжелательно» плюс «враждебно» — 32 % против 23 %. Соотношение же доброжелательных и отрицательных оценок в столице существенно хуже, чем на Дальнем Востоке (20 : 32 и 23 : 23). Иными словами, условно можно считать, что, с точки зрения китайцев, отношение к ним со стороны московских властей уступает отношению дальневосточных.

Что же касается местного населения, то его отношение к китайцам заслужило от них более низкую оценку, чем отношение властей: «не вполне доброжелательное» плюс «враждебное» в сумме составили 45 % (при 28 % — со стороны властей). Эти цифры свидетельствуют о том, что неприязнь к китайским мигрантам, исходящая от властей, опирается на ксенофобию масс и, следовательно, не может полностью объясняться интересами тех или иных ведомств или коррупционными мотивами.

При этом население столицы нашей родины проявило, по мнению китайцев, в 4 раза меньше, чем дальневосточники, доброжелательности и почти в 3 раза больше «неполной» доброжелательности вкупе с откровенной враждебностью (67 % против 22 %).

В чем столица и восточная окраина страны, кажется, сравнялись — так это в количестве посягательств на безопасность личности китайских мигрантов, о чем свидетельствует нижеследующая табл. 30. В Москве сумма жалоб на акты физического насилия (избиения, грабежи, поджоги), выраженная в процентах от числа респондентов, почти такова же, что и на Дальнем Востоке:

Таблица 29

Ответы на вопрос: «Как к Вам относятся местные жители?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Доброжелательно	26	11	41	41	48	34
Нейтрально	22	21	24	26	26	20
Не вполне доброжелательно	39	59	18	14	17	24
враждебно	6	8	4	6	2	5
Трудно оценить	7	1	12	10	8	17
Затрудняюсь ответить	0	0	0	1	0	0
Нет ответа	0	0	1	2	0	0
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 30

Ответы на вопрос: «Случалось ли, что россияне...?» — Доля ответов от числа опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток
Оскорбляли, ругали Вас	44	35	53
Угрожали избить	24	22	22
Избивали	12	16	9
Грабили	21	17	25
Поджигали	0	0	1
Обижали Ваших детей	1	0	3
Нарушали безопасность и достоинство Ваших друзей, родственников	14	3	26
Затрудняюсь ответить	14	32	3

Примечание. Сумма ответов превышает 100 %, поскольку вопрос допускал несколько ответов. Всего 700 респондентов дали 934 ответа.

33 % и 35 %. (В опросе Е. Вишник на преступления подобного рода пожаловались 34 % респондентов⁶¹).

Числа в таблице, а также количество жалоб, которых на треть больше, чем количество респондентов, убедительно показывают, что процент покушений на безопасность и достоинство личности китайских мигрантов в России недопустимо высок для цивилизованного общества. В переводе с сухого языка таблиц на более свободный язык журналистики ситуация в глазах китайцев выглядит следующим образом:

«Не риску предположить, что живущие в Москве китайцы все как один — хорошие люди, но более 90 % из них вполне добропорядочные. Они усердно работают, честно соблюдают российские законы, зарабатывают деньги тяжелым трудом, вовремя уплачивают положенные налоги и получают отнюдь не дешевые разрешения на работу. Но при этом в России, наверное, не найдется ни одного китайца, который не пострадал бы от рук милиции. Оштрафовать китайца — самое обычное дело. Штрафы уже никого не возмущают: отдал деньги — постараюсь заработать еще. Хуже, если избыют. Как раз в эти дни милиционеры так избили одного моего знакомого, что он потерял сознание, и бросили его на дороге. Хорошо, случайные прохожие вызвали скорую помощь и доставили его в больницу. Через некоторое время, оправившись от побоев, он пошел с милицию с жалобой. Но скоро понял: жаловаться — только время терять».

И в том же очерке: «Вчера китаезычная московская газета «Лунбао» сообщила об избиении китайцев российскими милиционерами. Среди московских китайцев эта новость никого не взволновала: избили — так избили, не в первый раз, что возмущаться попусту. Живешь ведь в чужом краю. Не хочешь, чтоб били — можешь не приезжать»⁶².

Итоговые мнения о России и планы на будущее

Какими сложилось у респондентов обобщенные представления о нашей стране, видно из табл. 31, где положительных ответов в три раза больше, чем отрицательных (в Москве — в 2 раза, на Дальнем Востоке — в 5 раз).

Динамика спектра мнений показана в табл. 32: за время пребывания мигранта в России картина явно смещается в лучшую сторону. Тех, у кого оно улучшилось, и в Москве, и во Владиво-

Таблица 31

Ответы на вопрос: «Ваше обобщенное мнение о России как стране, принимающей мигрантов?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Положительное	34	31	36	28	47	32
Отрицательное	11	15	7	4	5	10
Неопределенное	32	49	16	15	18	15
Затрудняюсь ответить	23	5	41	53	30	42
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 32

Ответы на вопрос: «Как изменилось ваше мнение о России за время пребывания в ней?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Улучшилось	44	50	37	36	45	31
Ухудшилось	15	17	12	16	10	11
Не изменилась	25	31	19	12	16	29
Затрудняюсь ответить	17	3	31	36	28	28
Нет ответа	0	0	0	0	0	1
Всего	100	100	100	100	100	100

стоке мы зафиксировали в 3 раза больше, чем их оппонентов, изменивших свое мнение противоположным образом.

Безусловно, рассмотренные мнения мигрантов о России определяются успехом или, наоборот, неудачей поездки в ее пределы. Табл. 33 подтверждает это: в нашем случае 69 % опрошенных сочли свою поездку полностью или частично успешной, и в 7 раз меньшее количество — неудачной.

На этих, преимущественно позитивных, оценках России, россиян и возможностей успешно работать в нашей стране основывают мигранты и свои планы на будущее. Как видно из табл. 34, в большинстве своем китайские мигранты хотели бы

продолжать работу в России. Прекратить свою деятельность и уехать хотело бы всего 6 %, и еще 1 % — сократить ее объем. В Москве таких пессимистов набралось 4 %, на Дальнем Востоке — 11 %.

Таблица 33

Ответы на вопрос: «Считаете ли вы, что Ваше решение поехать в Россию оправдалось?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Оправдалось вполне	46	63	29	28	28	31
Оправдалось частично	23	19	27	16	33	32
Не оправдалось	10	14	5	5	3	8
Затрудняюсь ответить	21	4	38	49	35	30
Нет ответа	0	0	0	1	0	0
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 34

Ответы на вопрос: «Ваши деловые намерения в России?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Открыть свое дело в России	17	1	33	34	36	29
Расширить свое дело в России	14	9	19	13	21	24
Приобрести/арендовать помеще- ние	15	27	3	0	5	3
Приобрести (арендовать) зе- мельный участок в городе	1	0	1	0	2	2
Каким-либо образом улуч- шить собственную жизнь в России	24	43	5	3	4	8
Сократить масштабы своего дела в России	1	0	3	3	4	0
Прекратить деятельность в России	1	0	1	1	1	3

Окончание табл. 34

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
После окончания контракта остаться в России наемным работником	6	11	1	1	3	0
После окончания контракта уехать из России	5	4	7	4	8	8
Другое	0	0	1	1		1
Затрудняюсь ответить	15	5	26	39	17	23
Всего	100	100	100	100	100	100

(В опросах В.Г. Гельбраса желающих прекратить работу в РФ или уменьшить ее объем — примерно столько же, как и у нас, или даже меньше⁶³. По данным Е.Л. Мотрич, на Дальнем Востоке в 2004 г. 54,9 % опрошенных китайских граждан выразили желание открыть или расширить свое дело⁶⁴.)

С этими результатами согласуются данные, представленные в табл. 35: постоянно проживать в России с российским паспортом или видом на жительство хотела бы почти половина респондентов: 46 % (67 % — в Москве и 27 % — на Дальнем Востоке). По данным Е.Л. Мотрич, в 2002 г. на Дальнем Востоке это отвечало желаним 11,5 % респондентов, в 2002 г. — 22 %⁶⁵. А желание порвать с Россией, вернувшись в Китай или уехав в третью страну, испытывают всего 7 % (3 % — в Москве и 11 % — на Дальнем Востоке).

Интересные результаты получила исследовательская группа Амурского государственного университета, в течение 2000—2006 гг. проводившая социологический опрос населения дальневосточных приграничных регионов России и КНР. Китайские граждане, проживающие на территории России («диаспора»), в пограничном Хэйхэ и в Харбине отвечали следующим образом на вопрос «Могли бы Вы уехать в Россию на постоянное место жительства?»⁶⁶ (табл. 36).

Вывод однозначен: чем больше у мигранта опыт общения с россиянами, тем привлекательнее для него жизнь в нашей стране. «У китайских предпринимателей есть огромное желание торговать здесь», — отмечает редактор издающегося на Дальнем

Таблица 35

Ответы на вопрос: «Где Вы хотели бы жить?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Получить гражданство РФ и жить в России	20	32	9	6	11	9
Жить в России с постоянным видом на жительство	26	35	18	16	25	13
Жить в Китае и приезжать в Россию на время по делам	35	28	41	39	46	39
Жить в Китае и больше в Россию не приезжать	5	3	8	9	6	9
Уехать в третью страну	2	0	3	1	3	4
Затрудняюсь ответить	12	2	21	29	9	26
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 36

Ответы на вопрос: «Могли бы Вы уехать в Россию на постоянное место жительства?» — Доля опрошенных, %

	Место опроса		
	«Диаспора»	Хэйхэ	Харбин
Да	39	24	17
Нет	33	43	51
Не знаю	28	33	32
Всего	100	100	100

Востоке российско-китайского коммерческого вестника «Восточный мост» Сюэ Хуэйлинь⁶⁷.

Интересно, что даже при отрицательном мнении о России почти $\frac{2}{3}$ респондентов (64 %) выразили желание иметь дело с российскими партнерами и приезжать к ним по делам (табл. 37).

Данные в табл. 38 показывают, какая часть респондентов хотела бы перевезти к себе в Россию кого-либо из членов своей семьи и, следовательно, жить в ней достаточно долгое время. Оказывается, желающих сделать это в 2 раза больше, чем тех, кто не

Таблица 37

Зависимость между ответами на вопросы: «Ваше обобщенное мнение о России как стране, принимающей мигрантов?» и «Где Вы хотели бы жить?» — Доля ответов, % (число ответов)

Ваше мнение о России	Где бы вы хотели жить?						Всего
	Получить гражданство РФ и жить в России	Жить в России с постоянным видом на жительство	Жить в Китае и приезжать в Россию на время по делам	Жить в Китае и больше в Россию не приезжать	Уехать в третью страну	Затрудняюсь ответить	
Положительное	32	30	28	3	1	5	100 (235)
Отрицательное	7	5	64	13	4	7	100 (76)
Неопределенное	24	38	29	4	0	4	100 (226)
Затрудняюсь ответить	5	14	38	6	2	35	100 (163)
Всего	20 (143)	26 (185)	35 (243)	5 (36)	2 (11)	12 (82)	100 (700)

Таблица 38

Ответы на вопрос: «Хотите ли Вы перевезти к себе кого-либо из членов Вашей семьи, оставшихся в Китае?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Да	41	64	19	11	30	16
Нет	24	17	31	32	30	32
Нет определенных планов	34	19	49	57	40	50
Затрудняюсь ответить	0	0	0	0	0	1
Нет ответа	0	0	0	0	0	1
Всего	100	100	100	100	100	100

считает это целесообразным, при том, что, по нашим подсчетам, 18 % респондентов живут в России с супругами. Заметим, что в Москве доля желающих воссоединиться с родственниками на-

много — в 3 раза с лишним — больше, чем на Дальнем Востоке; не желающих — в 2,5 раза меньше.

(В опросе В.Г. Гельбраса⁶⁸ (2002 г.) количество живущих в России с супругами таково же, как у нас, но желающих привезти родственников меньше нашего — 23,2 %.)

Наконец, табл. 39, мы бы сказали, усиливает эффект предыдущей: она показывает, что более половины респондентов (59 %) хотят, чтобы их дети вслед за ними связали свою жизнь с Россией (76 % — в Москве и 37 % — на Дальнем Востоке). Пятая часть хотела бы, чтобы их дети поселились в России, не хотело бы этого почти вдвое меньшее число респондентов. (В опросах В.Г. Гельбраса соотношение обратное, «против» превышает «за» в 2—3 раза⁶⁹.)

Таблица 39

Ответы на вопрос: «Я бы хотел, чтобы мои дети...» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Поселились в России	19	30	7	2	13	6
Получили образование в России	18	21	13	12	12	16
Работали в России	15	21	6	6	9	4
Жили в Китае, но имели работу, связанную с Россией	7	4	11	8	15	8
Не задумывался над этим	31	15	50	60	42	51
Я бы не хотел, чтобы они жили в России	11	9	13	13	10	15
Всего	100 (840)	100 (459)	100 (381)	100 (121)	100 (136)	100 (124)

Но и это еще не все. Прекрасным индикатором при анализе межнациональных отношений служит вопрос о смешанных браках, вызывающий к глубинам человеческого «я». Ответы наших респондентов на этот вопрос показали, что большинству из них русофобия чужда. Действительно, положительно относящихся к смешанным бракам (включая тех, кто сам состоит в таком браке

и, следовательно, дает ответ собственным примером) больше, чем их противников, — и в Москве, и на Дальнем Востоке. 68 % опрошенных (85 % — в Москве и 50 % — на Дальнем Востоке) не имеют возражений против смешанного брака (табл. 40). Немногочисленные отрицательные ответы все пришлось на Дальний Восток.

Таблица 40

Ответы на вопрос: «Как бы Вы отнеслись к браку Вашего ребенка или другого близкого родственника с россиянином (россиянкой)?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Сам состою в таком браке	2	1	3	3	1	4
Положительно	38	58	18	15	21	20
Безразлично	28	26	29	35	30	23
Отрицательно	8	0	17	10	16	23
Нет определенного мнения	24	15	33	37	32	30
Всего	100	100	100	100	100	100

В совместном исследовании группы Амурского государственного университета и Института истории ДВО РАН (2002—2003 гг.) положительных ответов на вопрос об отношении к смешанным бракам было в 4 раза больше, чем отрицательных (13,7 % против 3,3 %) ⁷⁰. В опросе Т. Алагуевой, К. Васильевой, А. Островского ⁷¹ (2007 г.) положительных ответов оказалось вдвое больше, чем отрицательных: 28,6 против 12,5 % при 58,9 % нейтральных. Нет ли здесь признака растущего интереса китайских мигрантов к смешанным бракам?

О положительном в целом отношении к бракам с россиянами, по крайней мере в приграничных провинциях, свидетельствует и тон материалов китайских СМИ, например, размещенного в китайском Интернете репортажа под названием «В провинции Гиринь есть «поселок русских молодых». В нем говорится: «В пров. Гиринь в Шулане пользуется известностью «поселок русских молодых», в котором более десятка крестьян женаты на иностранках — девушках из России. Жители поселка ездят на

заработки в Москву. Усердной работой и преданностью многие из них покорили сердца московских девушек. Один парень четыре года назад своим трудолюбием завоевал благосклонность русской девушки, только что закончившей университет. Сейчас они счастливо живут в Китае дружной семьей»⁷².

Для сравнения: в ходе проведенного нами параллельного опроса россиян положительно отнеслись к идее создания смешанных семей 8 % респондентов, нейтрально или терпимо — 40, отрицательно — 40 %.

Теперь — краткие итоги опроса китайских коммерсантов. Сопоставление ответов московских и дальневосточных респондентов дает нам пищу для размышлений. С одной стороны, на Дальнем Востоке обстановка, как будто бы, более благоприятна для них, чем в столице: лучше условия для предпринимательства, получше — отношение властей, заметно лучше — отношение местного населения. Соответственно, выше и оценка России как страны, принимающей мигрантов.

С другой стороны, в Москве по сравнению с Дальним Востоком меньше тех, кто хотел бы прекратить свою деятельность и уехать из России, и намного больше тех, кто желал бы и в будущем жить в России, тогда как у мигрантов на Дальнем Востоке преобладает интерес к тому, чтобы жить в Китае, но при этом иметь работу, связанную с Россией. Подобное же соотношение желательных сценариев распространяется и на детей. Далее, в Москве по сравнению с Дальним Востоком намного больше желающих перевезти к себе из Китая кого-либо из своих родных. Наконец, московские мигранты более охотно соглашались на предполагаемый брак своих родственников с россиянами.

Таким образом, выходит, что жить мигрантам как будто бы лучше на Дальнем Востоке, тем более, что оттуда и родные края поближе, но более привлекательной в планах на будущее представляется Москва. Почему? Вопрос остается открытым. Мы не можем уверенно сказать, результат ли это несовершенства нашей статистической базы или же за этим действительно скрываются значимые для мигрантов местные различия.

Однако независимо от этого абсолютно однозначным представляется другой вывод: масса мигрантов в большинстве своем рассматривает Россию как вполне подходящее поприще для хозяйственной деятельности и готова на годы связать с ней свой труд, если не проживая постоянно на ее территории, то, по край-

ней мере, регулярно посещая ее. Не менее благожелательно они смотрят на то, чтобы дети пошли по их стопам. Та далеко не престижная экономическая ниша, которую они занимают на российском рынке, и те скромные бытовые условия, в которые они попадают, их, в общем, в достаточной мере устраивают (что не мешает, конечно, китайским компаниям и внешнеторговым организациям строить планы расширения своих операций в России в соответствии с экономической конъюнктурой). Мало того, они соглашаются терпеть унижения и притеснения, которые в изобилии порождает нынешнее устройство российского общества.

Это не значит, что было бы правильно допустить стихийное движение этого трудового ресурса в Россию без оглядки на наши экономические, социальные и иные условия, в расчете на то, что законы рынка автоматически распределят миграционный поток по соответствующим отраслям хозяйства и территориям. Ни одно государство не может снять с себя обязанность регулировать процессы миграции в соответствии с национальными интересами.

Но недопустимо и другое: смотреть на китайских мигрантов как на людей второго сорта, отыгрываясь на них за собственные разочарования. Национальное высокомерие недостойно цивилизованной нации. А главное, не нужно забывать: работа китайцев в России нужна нам самим не в меньшей степени, чем им — плата за эту работу.

В добавление к результатам опроса коснемся еще одного важного аспекта деятельности коммерсантов из КНР. Справедливо ли утверждение, что китайские коммерсанты вытесняют с рынка российских, делают их присутствие экономически невозможным? Или же китайцы с начала 1990-х годов занимают пустующую нишу, не задевая чьих-либо интересов? В полярно противоположных суждениях нет недостатка (и это, как мы увидим ниже, подтверждается нашим исследованием российского общественного мнения).

Как нам представляется, единого ответа здесь не может быть вследствие разнообразия ситуаций, не говоря уже о том, что конкурентная борьба зачастую осуществляется в неявных, скрытых формах и плохо поддается изучению. В одних местах ее нет, так как предложение не превышает спроса и цены примерно равны; в других она присутствует и носит нормальный, «здоровый» характер на пользу покупателям; в третьих торговля захвачена монополистами. Наиболее основательно описанный в на-

шей литературе рынок «Шанхай» в Иркутске является «сильным и опасным конкурентом для части местного бизнеса, тогда как другая часть извлекает из него выгоды»⁷³.

Ситуация может меняться и с течением времени: обострение конкуренции, конфликты происходят при появлении новых соперников, порождающем превышение предложения над спросом, или при возникновении существенной ценовой разницы на один и тот же китайский товар за счет демпинга, или, наоборот, завышенных монопольных цен одной из сторон. Так, открытие в Петропавловске китайского торгового павильона, сопровождавшееся распродажей ширпотреба из КНР с 20 %-ной скидкой, «стало настоящим бедствием для русских челноков»⁷⁴. В подобных случаях дело может доходить до массовых акций протеста российских предпринимателей и даже до столкновений, как это было, например, на Камчатке в начале 2002 г., когда там появились китайские торговцы, а местные обвинили их в демпинге. Конфликт принял такой характер, что к его урегулированию пришлось подключиться китайским дипломатам.

Разрастанию конфликта подчас невольно способствуют своим бездействием или непрозрачными действиями местные власти, чем навлекают на себя обвинения в коррупции, безразличии к нуждам населения и т. п. К счастью, острые ситуации такого рода крайне редки. Но к ним добавляются напряженные ситуации, не доходящие до столкновений, однако достаточно неприятные.

Другая разновидность экономического соперничества касается продажи аналогичных товаров отечественного и китайского производства. Например, она существует на Дальнем Востоке в продовольственном секторе: между местными овощеводами и поставщиками овощей из Китая. Дешевизна китайской продукции делает невыгодной — если не убыточной, то менее прибыльной — для оптовиков закупку и транспортировку капусты и других овощей даже из недалеких от рынков сельских районов и даже в случае хорошего урожая и низкой себестоимости продукции. «В нашем районе выращиваем практически все — от зерновых до арбузов с баклажанами, — говорит заместитель главы муниципального образования Пожарского района Д. Бараненко. — Мы могли бы завалить капустой и другими овощами весь край. Но создается впечатление, что труд крестьянина никому не нужен. В этом году наши хозяйства собрали 330 т картофеля, а продать смогли только 120. И по смешной цене — рубль за ки-

лограмм. Куда девать остальное, не знаем. Потому что овощи из Китая заполнили наши рынки»⁷⁵.

Овощеводы предъявляют претензии местной администрации: «Наше крестьянство погубит не природа, а чиновники. Для чего существует департамент сельского хозяйства, непонятно. Помощи в реализации никакой. По большому счету, мы выращиваем картошку для выгребной ямы. Сегодня проблемы аграриев никого не интересуют»⁷⁶.

Надо полагать, оптимальное решение проблемы, в наибольшей мере отвечающее общественной выгоде, должно учитывать интерес и потребителей, и отечественных производителей. Прямой долг государства — не пуская дело на волю рыночной стихии, помочь своему производителю встать на ноги. Если же оно согласно принять монополию китайской сельскохозяйственной продукции как неизбежную данность — тогда оно обязано предложить своему крестьянину рабочее место в другой нише национальной экономики. По контрасту с пассивностью российских административных структур власти КНР, имея целью максимальное расширение своих позиций на российском рынке, оказывают предпринимателям-экспортерам активную и разнообразную поддержку, включая сюда инвестиции, налоговые и таможенные льготы и т. д. И это, безусловно, придает силы китайским коммерсантам в России.

Запрет на розничную торговлю

Буквально потрясло мир китайских мигрантов постановление правительства № 683 от 15 ноября 2006 г., в котором устанавливалась допустимая доля иностранных работников для предприятий «розничной торговли в палатках и на рынках», а также для предприятий «розничной торговли вне магазинов»: 40 % общей численности работников на период с 15 января до 1 апреля 2007 г. и 0 % — на период с 1 апреля по 31 декабря 2007 г.⁷⁷ Предполагалось, что в дальнейшем доля иностранных работников ежегодно будет устанавливаться заново, но на практике нулевая норма всеми воспринималась как постоянная.

Как указывалось в комментариях, эти меры ставили своей целью упорядочить торговлю, открыть доступ на рынок отечественным сельскохозяйственным производителям, снизить преступность, ослабить межнациональную напряженность. Руково-

дители Федеральной миграционной службы объясняли нововведения так: «Согласитесь, это ненормальная ситуация, когда российские рынки захвачены — именно, захвачены — представителями других государств»⁷⁸. Однако это объяснение выглядело не слишком убедительно: ведь чтобы покончить с захватом рынков кем-либо, необходимо сменить их владельцев, а не рядовых продавцов.

Некоторые обозреватели расценили введение новых правил как попытку заигрывания в политических целях со склонными к ксенофобии массами. Если это так, то попытка оказалась удачной: по данным ВЦИОМ, кампанию чистки рынков поддержало 75 % респондентов, в большинстве своем не ожидая от нее для себя никаких материальных выгод: ни снижения цен, ни повышения качества товаров, ни более честной торговли⁷⁹. Только четверть опрошенных предположила, что результатом будет дефицит товаров и рост цен. О том же предупреждали и многочисленные эксперты — как практические работники, так и ученые, отмечая, что особенно пострадает социально наименее защищенная часть населения.

Заметим, что новые запретительные меры вполне соответствовали приверженности правительства к идее сокращения количества рынков, пробиваемой хозяевами крупных торговых сетей.

Реформа рынка, глубоко затронувшая интересы десятков и сотен тысяч китайских бизнесменов и грозившая сокращением экспорта товаров, вызвала в КНР серьезное беспокойство. Были проведены переговоры между послом в РФ Лю Гучаном и руководителями МИД и Федеральной миграционной службы. Серия двусторонних обменов мнениями позволила сторонам лучше понять друг друга. Президент Дмитрий Медведев в ходе конференции он-лайн для китайской аудитории в феврале 2007 г. призвал аудиторию «не драматизировать» ситуацию. «Решение не направлено на выдавливание иностранцев», — подчеркнул он⁸⁰.

В свою очередь, китайские власти разработали и предложили соотечественникам — участникам народной торговли с Россией позитивное видение ситуации, которое помогло бы им настроиться на конструктивный лад и вновь направить свои усилия на российский рынок. Посол Лю Гучан в одном из интервью заявил: «Осуществление нового российского закона может в краткосрочном плане негативно сказаться на китайских коммерсантах в России, но в перспективе будет еще более благоприятным для их долгосрочной деятельности. Широкие круги коммерсан-

тов должны приспособиться к новой обстановке и двигаться вперед. А посольство будет наставлять их и оказывать им содействие»⁸¹.

Во время встречи с представителями китайской общины он обрисовал их задачи в общеполитическом контексте: «Развитие дела китайцев в России находится в решающей стадии. Россия быстро увеличивает свою национальную мощь, ее методы управления в государстве непрерывно меняются. Некоторые из них затрагивают интересы хуацяо, однако быстрое развитие китайско-российских отношений ведет к подъему двустороннего сотрудничества на более высокий уровень. Все идет к изменению традиционной модели торговли. В новой ситуации соотечественникам следует своевременно перестроить методы ведения бизнеса и стратегию развития, сплотиться воедино, помогать друг другу в духе дружбы, создавать “гармоничное сообщество зарубежных китайцев”»⁸².

Опубликование постановления № 683 привело к тому, что значительная часть китайских предпринимателей — по грубым подсчетам, половина — уехала на родину, распродав с огромными скидками, нередко по бросовым ценам, свой товар и потерпев убытки еще и на внесенных вперед арендных платежах. Местами распродажа сопровождалась ажиотажным наплывом покупателей, в том числе перекупщиков. В Хабаровске в районе международного торгового комплекса движение транспорта было парализовано автомобильными пробками, рынки перешли на круглосуточный режим работы. В конечном счете, в проигрыше оказались обе стороны. «Китайские бизнесмены, которые более 10 лет активно занимаются торговлей в России, ощутили не только радость от получения сверхприбыли в эпоху хаоса. Сейчас они испытывают горе от «новой политики» России», — писала китайская пресса⁸³.

По мере отъезда китайских торговцев прилавки на рынках дальневосточных и сибирских городов оголялись, рынки пустели. Так, в Хабаровске на одном из рынков, по словам его главы, в одночасье опустело 85 % торговых площадей. В Приморье количество китайских рынков уменьшилось со 102 в 2006 г. до 79 в августе 2007 г.⁸⁴ Экспорт китайских товаров сократился. Где-то освободившиеся места заняли российские граждане, где-то этого не произошло. Цены выросли, однако на то были и другие причины, вычленив долю каждой в ценовой прибавке было невозможно, и потому трактовали ее по-разному.

Глава Федеральной миграционной службы К.О. Ромодановский заявил, что «в целом повышения цен, не связанного с инфляцией и сезонными факторами, на рынках нет». В то же время он признал, что на Дальнем Востоке и в Амурской области «возникают некоторые проблемы»⁸⁵. Его заместитель В.А. Поставнин, побывав в мае 2007 г. на Дальнем Востоке и убедившись, что «на рынках, в розничной торговле иностранных граждан нет за прилавком», вынужден был констатировать: «Да, это привело к сокращению рабочих мест. Так, во Владивостоке на самом крупном рынке, так называемом Спортивном, 50 % мест закрыто. На них прежде торговали китайские граждане». Последствия их ухода он оценил в оптимистическом тоне: «Но закрытие не привело к ажиотажному спросу. Товар есть, продукты питания тоже. Правда, цены на продукты на 30 % увеличились, но это, скорее всего, связано с сезонным колебанием цен. На товары широкого потребления цены тоже несколько увеличились»⁸⁶.

В этих условиях какая-то часть китайских бизнесменов осталась в России, рассчитывая тем или иным способом найти выход из положения и надеясь, что запрет на розничную торговлю будет отменен.

Запрет на розничную торговлю можно было трактовать как запрещение производить акт купли-продажи, не более того. Так его почти всегда и трактовали. В.А. Поставнин прямо заявил, что ограничения касаются только продавцов и не относятся к владельцам предприятий или арендаторам помещений. На этом основывался один из способов обойти запрет: нанять российского гражданина стоять за прилавком, а самому превратиться в работодателя, в кого угодно — в грузчика, дворника, переводчика, но только ни в коем случае не брать деньги у покупателей, чтобы не попасться на контрольной закупке.

Однако не все были согласны с таким толкованием закона, примером чему может служить следующее сообщение: «После 1 апреля на рынках Читинской области продолжают работу 897 китайцев. Большинство из них — 835 человек — оформлены как торговые агенты, остальные превратились в экспедиторов. Эта информация была озвучена на заседании рабочей группы по выработке мероприятий, направленных на стабилизацию ситуации на розничных рынках Читинской области. Участники совещания приводили примеры, когда на свое место китайские торговцы нанимают «бабушек», а сами стоят у них за спиной и контролируют процесс купли-продажи. Участники совещания высказались за

недопущение такой практики, отметив, что гражданам Китая запрещено работать на розничных рынках, в том числе и в качестве торговых агентов»⁸⁷.

Другой способ не попасть под запрет заключался в том, чтобы сменить статус торговой точки: с рынка на магазин, перенеся для этого торговлю, если необходимо, в закрытое помещение, смирившись с довольно высокой арендной платой.

Эти варианты, действительно, использовались китайцами, но в ограниченных масштабах, поскольку требовали дополнительных затрат, да и найти русского продавца удавалось не всегда. Проиллюстрируем относительно удачную для торговли ситуацию информацией от китайского источника из Уссурийска, переданной еще в феврале 2007 г., накануне вступления в действие запрета: «Китайский рынок был закрыт три дня, в прошлый понедельник открылся снова. Китайских предпринимателей стало гораздо меньше. Все, кто возобновил торговлю, наняли продавцами русских, оплата 250 руб. в день. Расходы подскочили, прибыли намного уменьшились»⁸⁸. Заметим, что зарплата российского продавца, судя по освещению этого деликатного вопроса в прессе, составляла в тот период, в добавление к вышеназванной цифре, 500—600 руб. в Благовещенске и 1000—1600 руб. в Москве.

Обвальное отношение иностранных коммерсантов к ним сказало на отношении к ним общественного мнения. По данным ВЦИОМ, на апрель 2007 г. выдворение иностранцев с рынков по-прежнему пользовалось поддержкой большинства россиян, хотя доля сторонников этой идеи несколько сократилась: с 75 % в ноябре 2006 г. до 68 % в январе—апреле 2007 г. Однако в городах Дальнего Востока, где большая часть населения пользовалась услугами китайских торговцев, отношение к ним было иным. Жители Приморья направили президенту страны обращение, в котором просили оставить китайцев на рынках⁸⁹. Более 60 % жителей Благовещенска были против ухода китайцев с Центрального рынка города⁹⁰.

Местные власти оказались в сложном положении: с одной стороны, нужно было выполнять распоряжения сверху, с другой — считаться с реальными потребностями населения. Плюс ко всему этому уход китайцев означал потерю арендных платежей и сокращение налогов в местные бюджеты. В этих условиях поведение местных органов власти отличалось непоследовательностью, они то шли навстречу требованиям жителей, открывали вместо рынков торговые центры, смотрели сквозь пальцы на на-

рушения запрета, то действовали жестко. Наиболее либеральную линию проводила Москва, мэр которой пытался убедить правительство в нерациональности запрета на розничную торговлю для мигрантов. В Благовещенске рынки переименовали в торговые центры, что позволило обойти запрет, выдали 700 китайцам торговые лицензии, потом на 3 месяца запретили торговлю⁹¹. Там же было начато строительство нескольких торговых центров, ориентированных преимущественно на китайских торговцев.

В поисках выхода из трудностей, с которыми столкнулись китайские бизнесмены, в меру сил им стремились помочь местные органы власти КНР. Наиболее заметную роль здесь играла администрация пров. Хэйлунцзян, выходцы из которой преобладали среди мигрантов. Она выступила с инициативой создания новых центров оптовой торговли в Хабаровске и Красноярске. Правительства городов Суйфэньхэ и Мишань разработали меры поддержки вернувшихся коммерсантов, с тем чтобы дать им возможность заняться бизнесом в сфере торговли с Россией. Администрация г. Хэйхэ предложила соответствующим ведомствам Амурской области и Благовещенска обсудить вопрос о том, чтобы обратиться к правительству РФ с просьбой о предоставлении льгот китайским коммерсантам⁹². По некоторым оценкам, в 2007 г. китайская сторона инвестировала около 2 млн долл. в строительство торговых центров в Благовещенске⁹³.

Тем временем отлученные от рынка предприниматели помогли себе сами. Не довольствуясь освоением новых форм торговли, они вновь стали появляться за прилавками (правда, не в таких количествах, как прежде), чему не в последнюю очередь способствовала коррумпированность административных и силовых структур. Знатоки проблемы называли и суммы: в Приморье «такса за разрешение незаконно торговать составляет порядка 10 тыс. рублей в месяц»⁹⁴. Китайцы продолжили свои занятия без четких гарантий от власти, фактически на полуполюгальном положении, в нарушение закона. Но они пошли на это. «Частные предприниматели из Китая на любом приморском рынке за месяц заработают больше, чем в КНР за год. Поэтому они готовы работать в России, несмотря на штрафы, запреты, проверки», — заметил редактор российско-китайского коммерческого вестника «Восточный мост»⁹⁵.

К концу 2007 г. ситуация вокруг закона о запрете розничной торговли для иностранцев оказалась отодвинутой в самый конец списка публично обсуждаемых тем. Дискуссия заглохла. Легаль-

но или нелегально, но десятки тысяч китайцев возобновили торговлю на российских рынках.

«В Приморском крае закон о запрете торговли иностранных граждан на рынках не работает. За год его действия количество нелегальных коммерсантов не уменьшилось», — отмечалось в одном из дальневосточных интернет-изданий⁹⁶.

«На Черкизовском рынке в Москве, — писал в июне 2007 г. китайский журналист, — многие китайские торговцы в начале года уехали. Но вот прошло полгода, и здесь опять наблюдаешь оживление. Люди разных национальностей, разного цвета кожи хлопочут, торгуются... Закон о запрете уже позабыт. Я обратился с вопросом к одной китаянке: как сказанся запрет на ее бизнесе? Ответ был таков: «Какой там еще запрет? Был когда-то. А сейчас мы о нем и думать не думаем». Другой коммерсант сказал: «Когда этот закон вышел, мы все боялись, что настал конец нашим доходам, собирались домой. Я остался только потому, что товара было слишком много, а сейчас все наладилось»⁹⁷.

В июне 2009 г. Черкизовский рынок — крупнейшая площадка оптовой и розничной торговли в европейской России, откуда товары расходились по городам в радиусе полутора тысяч километров от Москвы — был закрыт. Тем самым был нанесен удар по интересам множества потребителей недорогих товаров массового спроса, без работы остались десятки тысяч торговцев, в том числе иностранцев. По данным китайской стороны, убытки понесли 60 тыс. китайских коммерсантов, пострадали тысячи фабрик, производящих ширпотреб.

Мэр столицы Ю.М. Лужков, сторонник ограничения притока мигрантов в Москву, пообещал поддержать отечественных предпринимателей, но вместе с тем подчеркнул, что в задачи городских властей «не входят вопросы размещения китайской торговли». Попытки изгнанных с «Черкизона» торговцев перейти на другие рынки натолкнулись на отчаянное сопротивление «старожилов» и шли с большим трудом. Однако был найден принципиально новый выход из тупика. Почти сразу же Российско-китайский центр торгово-экономического сотрудничества предложил для размещения китайских торговых компаний готовый комплекс на юго-востоке Москвы, способный вместить более двух тысяч арендаторов⁹⁸. В те же дни на фоне интенсивного обсуждения возникших проблем официальными инстанциями обеих сторон российская строительная компания «AFI Development» и китайская «Гуанда» подписали соглашение о совместном строительстве на

паритетных началах в Москве центра торгового и культурного сотрудничества «Китайский город». Первая очередь центра должна заработать в кратчайшие сроки. Общий объем инвестиций в этот проект составит 700 млн долл. Центр будет включать в себя огромный оптовый рынок, склады, гостиницы, представительства таможенной и миграционной служб. По окончании строительства в 2011 г. на рынке смогут работать 50—60 тыс. предпринимателей, его ежегодный торговый оборот предположительно превысит 6 млрд долл.⁹⁹ Главная особенность такого комплекса состоит в том, что закрыть его волевым, точнее сказать, волонтаристским решением одной из сторон будет невозможно.

История с запретом на китайскую торговлю — поставленный самой жизнью эксперимент. Он убедительно доказывает, что присутствие китайцев с их товарами на российских рынках имеет глубокие экономические корни: это — широкая потребность в китайских изделиях, удовлетворить которую наша промышленность (пока?) не в состоянии, и нехватка, по всей видимости, сограждан, готовых заменить иностранцев по ту сторону прилавка. А с другой стороны, достаточно высокие доходы для китайских производителей и коммерсантов.

§ 3. Рабочие

Использование китайской рабочей силы в современной России началось с нуля во второй половине 1980-х годов. Децентрализация внешнеэкономических связей в стране дала толчок дальнейшему развитию этого вида хозяйственного сотрудничества с КНР, и в 1991 г. на лесозаготовках, строительных объектах, в овощеводстве уже трудились 10 тыс. китайских рабочих. В 1992 г. был подписан базовый двусторонний документ — межправительственное «Соглашение о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России», зафиксировавшее принципы привлечения рабочей силы. Оно должно производиться в соответствии с принятыми в обеих странах порядками и «на основе контрактов (хозяйственных договоров), заключаемых между предприятиями России и утвержденными Министерством внешних экономических связей и внешней торговли КНР компаниями по внешнеэкономическому сотрудничеству министерств и

ведомств, провинций, автономных районов и городов КНР»¹⁰⁰. Срок пребывания китайских граждан по заключенному контракту устанавливался до трех лет.

В 2000 г. было дополнительно заключено двустороннее соглашение «О временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации». Соглашение содержало дальнейшую регламентацию использования китайской рабочей силы: «Работники не могут выполнять никакой другой оплачиваемой работы помимо той, на которую было выдано разрешение... Разрешение не подлежит передаче другим работодателям. Привлекаемые на основании разрешения работники не могут быть переданы другому работодателю» (ст. 9). «Работник обязан покинуть принимающее государство по истечении срока действия разрешения» (ст. 10)¹⁰¹.

В течение почти всех 1990-х годов количество привлеченных рабочих, испытывая определенные конъюнктурные колебания, все же превышало 20 тыс. ежегодно, а в «нулевых» годах поднималось до уровня 30 тыс. и более¹⁰². До конца 2007 г. Китай направил в Россию в общей сложности примерно 320 тыс. рабочих. На конец 2007 г. в стране трудились около 31 тыс. рабочих из КНР¹⁰³.

Доля китайцев в общем балансе иностранной рабочей силы особенно заметна в Дальневосточном регионе России, страдающем от сокращения населения и нехватки рабочих рук не только вследствие общенационального демографического спада, но и из-за миграции жителей в более благополучные районы страны. Так, в Хабаровском крае на конец 2007 г. численность иностранных рабочих, прибывших почти из 30 стран, составила 25,1 тыс. человек, или 3,4 % от общего числа занятых. А среди иностранных рабочих 1-е место на 2007 г. принадлежало гражданам КНР (37,3 %), за ними вплотную следовали мигранты из стран СНГ (32,3 %)¹⁰⁴. В Приморском крае из 16 тыс. иностранцев, получивших в 2007 г. разрешение на трудовую деятельность, граждан КНР было 6394 человека, т. е. 40 %¹⁰⁵.

В 2006 г. пров. Хэйлунцзян, экономические связи которой с российским Дальним Востоком делают их партнерами номер один друг для друга, экспортировала рабочую силу в 4 страны, имела с ними 106 контрактов на оказание трудовых услуг стоимостью 153,1 млн долл., и выполнила контракты на сумму 145,0 млн долл.¹⁰⁶

Распределение китайских рабочих по отраслям хозяйства можно вычислить на основании данных ФМС, приведенных выше в разделе «Китайская квазидиаспора: численность, занятая» (см. табл. 3): на 2006 г. в строительстве было занято 55,7 % трудящихся, в сельском хозяйстве — 24,5 %, в лесном хозяйстве — 19,7 %. Они работают не только на Дальнем Востоке и в Сибири, но и в отдельных точках европейской части России.

Нет необходимости лишней раз распространяться о профессиональных достоинствах китайских рабочих. Они, как правило, отличаются трудолюбием, дисциплинированы, неприхотливы в быту, согласны довольствоваться невысокой оплатой своего труда. Данные об их зарплатах не афишируются, но в публикациях на эту деликатную тему обычно фигурируют числа порядка 3—5 тыс. руб. или 100 долл. В объявлениях китайских агентств, предлагающих трудовые услуги, можно встретить и бóльшие суммы, но неизвестно, какая часть из них достается самим рабочим. Дополнительная ценность импортной рабочей силы для России проистекает из дефицита лиц, владеющих рабочими профессиями, вследствие разрушения системы профессионально-технического образования в годы реформ.

Выход китайских строителей на российский рынок происходит в различных организационных формах. Первая — это непосредственный найм рабочей силы, в том числе через рекрутинговые компании. В Интернете нетрудно найти объявления вроде нижеследующего: «Хэйлунцзянская кадрово-информационная компания Ruviv (КНР) подбирает рабочих строительных специальностей (плотников, каменщиков, разнорабочих, токарей, столяров), овощеводов, сборщиков мебели, с/х рабочих, рабочих на лесозаготовки для работы в России и странах СНГ. Китайские рабочие готовы выехать на следующих условиях: рабочее приглашение на работу, проживание, питание, проезд за счет работодателя. Рабочее время 10—12 часов, 6 рабочих дней в неделю. Контракт 1 год»¹⁰⁷.

Второй способ привлечения китайских строителей — подряд, в рамках которого они выполняют все виды работ: проектирование, возведение объекта, отделку, поставку оборудования и материалов, предоставление рабочей силы. К достоинствам китайского труда здесь добавляется относительно невысокая стоимость китайских стройматериалов, включая цемент, керамогранит, стекло и арматуру. Однако чаще всего сотрудничество ограничивается субподрядом на возведение кирпичной или бе-

тонной коробки. Крупнейший совместный проект этого типа — строительство железобетонного каркаса для Башни Федерации в Москве. Выбор в пользу Китая был сделан после того, как российские заказчики тщательно изучили мировой опыт возведение многоэтажных зданий.

Наконец, третий вариант — это когда китайские строители выступают в качестве застройщиков. В числе проектов, которые доверено осуществить китайским застройщикам, значится уникальный комплекс «Балтийская жемчужина» в Петербурге, который расположится на площади 208 га и будет включать в себя более 1 млн кв. м жилой площади и более 400 тыс. кв. м коммерческих помещений. (Символический первый камень на стройке заложен в 2005 г.) Китайские корпорации предполагают инвестировать в него 1,25—1,5 млрд долл. С деятельностью китайских застройщиков связано строительство зданий общественного назначения, возведение жилых микрорайонов в Твери, Кемерове, Благовещенске, Иркутске, Хабаровске и других городах на сотни и тысячи квартир.

Нельзя не упомянуть о компаниях КНР как о важнейших участниках строительства крупнейшего многофункционального комплекса — китайского делового центра «Парк Хуамин» в Москве (первый камень заложен в 2007 г.). Китайские строители приглашены принять участие в подготовке Сочи к Олимпийским играм. Китайские строительные фирмы, такие, как компания «Хуафу», ведущая масштабное строительство в городах Сибири и Дальнего Востока, прочно утвердились на российском рынке. Интересно, что «Хуафу» привлекает к работе в своих структурах российских специалистов: проектировщиков, юристов, управленцев, высоко оплачивая их труд.

Китайская сторона самым серьезным образом заинтересована в экспорте трудовых ресурсов и предлагает увеличить его объемы, а также объемы подрядных работ, что должно способствовать и расширению инвестиционного сотрудничества. В качестве нововведения эксперты КНР призывают российских партнеров организовать совместное планирование использования китайского труда. Так, один из китайских авторов предлагает на правительственном уровне разработать двусторонний проект экономической интеграции и «в соответствии с реальными потребностями российского рынка рабочей силы определить ее объемы по отраслям, сроки пребывания в России и каналы возвращения в Китай, социальные гарантии и условия обеспечения безопасности»¹⁰⁸.

По мнению китайских специалистов, экспорт рабочие силы в Россию мог бы быть гораздо более значительным, если бы этому не препятствовали высокий уровень конкуренции со стороны российских, украинских и турецких компаний и излишне строгое протекционистское законодательство¹⁰⁹. В перечень законодательных ограничений китайские партнеры включают, прежде всего, принятую в России систему квотирования. В ходе деловых встреч они регулярно поднимают вопрос об увеличении квот, ссылаясь на необходимость привлекать китайскую рабочую силу для выполнения финансируемых компаниями КНР проектов в строительстве, лесоразработках, овощеводстве. Обращают они внимание и на условия соглашений о разделе продукции, предусматривающие, что не менее 70 % продукции, закупаемой на средства инвесторов, должно быть произведено в России, а российские граждане — составлять не менее 80 % персонала.

Они откровенно говорят о горьком опыте, накопленном в России: «Эффективность работы правительственных структур низка, чиновники коррумпированы, взяточничество распространено повсеместно, решения могут не исполняться, оформление пересечения границы работниками запутано и требует много времени, пошлины велики. Личные средства и производственные материалы работников, въезжающих на основе двусторонних хозяйственных соглашений, облагаются высокими таможенными сборами. Действия властей непрозрачны. Критерии при утверждении ежегодно заключаемых соглашений о трудовых услугах год от года усложняются, а сроки утверждения — удлиняются. Четкие принципы утверждения у местных властей отсутствуют. Все это создает излишние трудности для нормального сотрудничества в сфере трудовых услуг»¹¹⁰.

И тут же, деликатно: «Не способствуют сотрудничеству в области трудовых услуг распространенные на российском Дальнем Востоке представления о “китайской угрозе”».

Учитывая такого рода опасения, китайские официальные лица заверяют: «Проблема трудоустройства в Китае будет решена за счет экономического развития, государство не намерено перекладывать решение этой проблемы на плечи других. Это означает, что все китайские рабочие, выехавшие в зарубежные страны на основе соглашений о сотрудничестве в сфере трудовых услуг, должны будут вернуться на родину по истечении срока контракта. Китайские рабочие не будут создавать проблем, касающихся занятости и миграции, в пригласивших их странах»¹¹¹.

С другой стороны, серьезным тормозом для более широкого использования китайского труда служат недостаточный инвестиционный потенциал большинства китайских строительных компаний и низкая квалификация работников: в основном они подготовлены лишь для простейшего физического труда — укладки кирпича и бетона или отделки.

Завлекательные рекламы рекрутинговых агентств далеко не всегда соответствуют действительности. Эксперты же прямо говорят о необходимости принять меры, чтобы повысить квалификацию кадров, расширить набор предлагаемых профессий, улучшить контроль за качеством работ. Они рекомендуют также активизировать воспитательную работу и не допускать, чтобы работники, попав за границу, проявляли неуважение к местным законам и обычаям, затевали драки и тем самым наносили урон образу Китая¹¹².

Рекомендации экспертов не остаются пустыми словами: специалисты все чаще отмечают качественную и быструю работу китайских строителей, четкую организацию работ. Китай уже вошел в число мировых лидеров по некоторым видам высотного строительства. Имеются и примеры строительного брака, который российская администрация объясняет низким профессиональным уровнем китайских рабочих (например, при возведении торгово-развлекательного центра в Новосибирске)¹¹³, однако такие случаи редки.

Вся логика развития экономики России и российско-китайских связей ведет к тому, что в сотрудничестве двух стран значительную роль будут играть крупные строительные проекты, для осуществления которых станут привлекаться большие партии китайских строителей. Собственно, в период такого рода взаимодействия мы уже вступили, и первый опыт уже накоплен. Он свидетельствует о том, что простым увеличением завоза рабочих здесь не обойтись: переход к новым масштабам требует особо тщательной подготовки, скрупулезного планирования, четкого распределения ответственности.

Насколько это важно, хорошо видно из истории, произошедшей в 2007 г. на строительстве нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан. Для прокладки отрезка длиной 170 км на участке между Тындой и Алданом компания «Транснефть» пригласила в качестве субподрядчика китайскую компанию China Petroleum Pipeline (CPP). Предпочтение ей перед российскими конкурентами было отдано из-за разницы в цене: как сообща-

лось в прессе, российские компании прокладывают 1 км нефтепровода за 18 млн руб., а китайцы — за 14 млн.¹¹⁴

Компания приступила к работе, но вскоре начались осложнения — задержки с завозом техники, с приездом 1750 рабочих, с возведением для них вахтовых поселков. График строительства нефтепровода был сорван, вследствие чего российский генподрядчик аннулировал договор с СРР. Китайская компания не согласилась с этим решением, ссылаясь на то, что отставание от графика произошло по не зависящим от нее объективным обстоятельствам: возникли сложности с растаможкой оборудования, с выдачей виз, а приехавших строителей пришлось размещать в г. Нерюнгри где попало, в тесноте и антисанитарных условиях.

Первая же проверка показала, что четверть прибывших на тот момент не была зарегистрирована в миграционной службе и почти столько же имело не рабочие, а коммерческие визы. В ходе другой проверки, проведенной после того, как у одного из граждан КНР выявилась дизентерия, обнаружилось, что ни у кого из приехавших нет документов о медицинском осмотре! Чрезвычайная противоэпидемическая комиссия обязала работодателя обеспечить медицинский осмотр китайских рабочих и потребовала «определить организацию, виновную в создании угрозы возникновения и распространения инфекционной заболеваемости среди прибывших китайских граждан и среди населения Нерюнгринского района»¹¹⁵. Выходит, во всей управленческой структуре не было звена, отвечающего за санитарное состояние и медицинское обслуживание сотен свезенных в одно место мигрантов?

В конце концов, российский и китайский партнеры пришли к согласию, и строительство нефтепровода продолжалось. (Заметим, что при этом российской стороне пришлось доучивать китайских рабочих, поскольку геологическая обстановка, в которой они работали, оказалась для них непредвиденно сложной.) Однако выявленные при проверках многочисленные нарушения трудового, миграционного и санитарно-эпидемиологического законодательства показывают, что в будущем при привлечении в массовом порядке иностранной рабочей силы этим вопросам должно быть уделено особое внимание. То же касается и координации действий всех структур и с одной, и с другой стороны. Ко всем этим вопросам нужен качественно иной подход, нежели при приеме мелких партий гастарбайтеров.

Российские строительные компании охотно прибегают к использованию китайского труда, обеспечивая себе таким образом

экономии затрат и высокое качество работ или попросту не имея другого выхода в условиях дефицита рабочей силы, в том числе квалифицированных рабочих, некогда готовившихся в системе производственно-технических училищ. Вместе с тем приход китайских строителей в качестве подрядчиков и застройщиков они рассматривают как ущемление своих интересов. Апеллируя к общественности и властям, они указывают на минусы, неизбежно вытекающие из обращения к их зарубежным конкурентам: израсходованные средства уходят за рубеж; используются импортные стройматериалы там, где можно обойтись отечественными; консервируется безработица среди отечественных рабочих. (Когда для упомянутого выше монтажа участка нефтепровода ВСТО в Якутию, республику с высоким уровнем безработицы, начали партиями завозить около 2 тыс. иностранных рабочих, правительство республики попыталось уговорить «Транснефть» принять на работу 400 местных безработных строителей, но получило согласие лишь на 200.)

Однако, как полагают эксперты, у правительства может быть иной взгляд на проблему: «привлекая крупные китайские компании, оно, очевидно, считает, что здоровая конкуренция нашему строительному рынку не повредит»¹¹⁶. На той же точке зрения стоят и власти некоторых регионов, упрекая отечественные строительные компании в монопольном завышении цен. Вероятно, позиция российского руководства отчасти продиктована и политическими соображениями — стремлением дать новые импульсы тесному сотрудничеству с КНР. Во всяком случае, политическое звучание таких знаковых сооружений, как «Парк Хуамин» или «Балтийская жемчужина», не вызывает сомнений.

Все это сплетение интересов в совокупности создает благоприятные условия для существенно более широкого использования китайской рабочей силы на наших стройках. Оно тем более целесообразно, что китайские работники, как правило, не отнимают рабочие места у россиян, поскольку занимаются малопrestижным, низкооплачиваемым трудом, не привлекательным для местных жителей.

В сельском хозяйстве России трудится в 2 раза с лишним меньше китайских рабочих, чем в строительстве. Главный ареал их деятельности, как и у строителей, Дальний Восток и Восточная Сибирь, но постепенно они добиваются и до европейской части России. По китайской статистике, в 2006 г. крестьяне одной только пров. Хэйлунцзян, являющейся главным поставщи-

ком трудовых ресурсов в Россию, обработали на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири более 2,1 млн му (более 130 тыс. га) земли, совершив для этого 35 тыс. человеко-выездов в Россию¹¹⁷. В Еврейской АО китайские крестьяне в 2006 г. выращивали сою на 2500 га, овощи и бахчевые более чем на 400 га¹¹⁸.

Интересное наблюдение сделал красноярский ученый В.Г. Дацышен: в связи с развалом в 1990-х годах высокотехнологичного пригородного сельского хозяйства (выход из строя оросительных систем, рост цен на отопление теплиц и горючее для техники) освободилось пространство для ручного труда китайских крестьян, обходящихся подручными средствами, отапливающих теплицы дровами и т. д.¹¹⁹

Отражая интерес китайских крестьян к работе в России, СМИ пров. Хэйлунцзян публикуют разнообразную информацию о потребностях тех или иных районов Дальнего Востока и Сибири в сельскохозяйственном труде, об условиях оплаты и т. п. Кстати, заработок китайского крестьянина в России за сезон, судя по публикациям китайской прессы, составляет 10—11 тыс. юаней (приблизительно 30—35 тыс. руб.). В 2007 г. представители Приморского края и пров. Хэйлунцзян подписали соглашение о создании на российской стороне центра, который должен заниматься организацией приезда китайских сельскохозяйственных рабочих, их профессиональной подготовкой, оказывать им необходимую помощь и предоставлять рыночную информацию¹²⁰.

Нельзя не признать, что в российских селах подчас встречаются появление крестьян из КНР без особого восторга. Местные жители не хотят иметь у себя под боком сильных конкурентов, согласных на невысокие заработки и подающих пример трудолюбия, а кроме того, опасаются, что те, в конце концов, осядут на арендованной земле навсегда. Недовольные считают также, что правительству следовало бы всерьез заняться налаживанием сельского хозяйства с помощью инвестиций, современной техники и новых аграрных технологий вместо того, чтобы идти по пути наименьшего сопротивления, пренебрегая интересами отечественных производителей. Даже если земля пустует, а рабочей силы в данной местности заведомо недостаточно, чтобы поднять ее, — все равно, у людей сохраняется вера, что рано или поздно у них дойдут руки и до нее; отдать ее чужим — значит похоронить эти надежды навсегда. Протестные настроения усиливаются из-за наличия во многих сельских районах безработицы.

Позволим себе здесь небольшое отступление. Феномен одновременного существования деревенской безработицы и пустующей земли объясняется совокупностью многих причин, среди которых — несправедливо низкая оплата земледельческого труда, а также потеря мотивации к труду, представляющая собой, как и массовый алкоголизм, тяжелую социальную болезнь, одну из форм распада общества, спровоцированную, в свою очередь, комплексом фундаментальных факторов. Одни из этих факторов представляют собой историческое наследие, другие имеют явное современное происхождение: ведь это факт, что такого «алкогольного эскапизма» в России еще не бывало. Попытки возложить всю ответственность за создавшееся положение на самих безработных (или алкоголиков) и, таким образом, списать их со счетов, с легким сердцем заменив их импортной рабочей силой, — бесчеловечны и пагубны для российского общества. Они имеют целью избавиться от больных вместо того, чтобы лечить болезнь. Это — откровенный социал-дарвинизм, глобализм без оглядки на национальные интересы, примером чего может служить позиция одного из наиболее известных политиков либерального направления Б.Е. Немцова: «Российская деревня спилась и вымирает? Так давайте завозить корейцев! У них все растет. Пускай в конкурентной борьбе победит сильнейший»¹²¹.

Между прочим, представления о ленивой, опустившейся российской деревне нередко преувеличиваются: они выгодны определенным группам чиновников и предпринимателей, греющих руки на махинациях с земельной собственностью. Эти представления опровергаются множеством фактов, в числе которых можно обнаружить и такие, как наем россиян на работу к китайским арендаторам (100 руб. за 8-часовой рабочий день в 2003 г.)¹²².

Возможно, в гипотетическом случае процветания российских крестьян часть земли все равно осталась бы необработанной вследствие нехватки рабочих рук, и без привлечения трудовых мигрантов из-за рубежа все равно нельзя было бы обойтись. Однако в этом случае и отношение к ним было бы, надо полагать, более дружелюбным: ведь неприятие всех мигрантов вообще, даже соотечественников, распространенное сегодня в российском обществе, в значительной мере объясняется неуверенностью в завтрашнем дне. Пока же отношение к трудовым мигрантам-иностранцам можно признать толерантным далеко не всегда и не везде, на чем играют некоторые политики, своими действиями подогревая страсти.

В том, что касается китайских крестьян, наиболее громкий, пожалуй, резонанс получили протестные акции, имевшие место в 2006 г. в Нижегородской области. Ее руководители по предложению китайской стороны решили принять у себя крестьян из КНР для выращивания овощей и разведения рыбы, предоставив им в аренду на 40 лет соответствующие сельскохозяйственные угодья. Привлекательность идеи была прямо связана с наличием в области обезлюдевших сельских территорий: за годы реформ население области сократилось до 600 тыс. человек, уменьшившись почти на 100 тыс.

Ранее в области имел место неприятный прецедент, когда китайские крестьяне забросили работу на земле и занялись торговлей, однако власти справедливо посчитали его нетипичным для китайских тружеников. 19 районов области прислали заявки на 100—700 сельскохозяйственных рабочих из КНР каждый, обещая предоставить им пустующие дома или построить новые.

Однако инициатива властей натолкнулась на серьезное сопротивление снизу, едва общественность узнала о ней (из прессы, а не от чиновников, что усугубило ситуацию). В прессе появились критические материалы. Группа нижегородцев направила губернатору письмо с просьбой отказаться от плана завоза китайцев, отмечая, что это приведет к возникновению конкуренции на рынке труда, повышению межэтнической и социальной напряженности, наконец, к оседанию китайских крестьян на российской земле и последующему росту китайской диаспоры. В унисон с авторами письма высказались несколько депутатов Госдумы и областного Законодательного собрания.

Финал истории был таков: «Вице-губернатор области Виктор Ключай, исполняющий обязанности губернатора в отсутствие В.Шанцева, после обращения к нему 26 октября на заседании Законодательного собрания области руководителя фракции КПРФ Николая Рябкова официально опроверг информацию о привлечении китайцев в регион. Ключай заявил, что правительство Нижегородской области не намерено привлекать рабочую силу из Китая и этот вопрос даже не обсуждался»¹²³.

Не получило воплощения и предложение руководителей пров. Цзилинь приобрести в Волгоградской области сельскохозяйственные угодья площадью в 1,5 тыс. га для создания на них полного цикла аграрного производства, включающего выращивание и переработку овощей, зерновых культур, разведение свиней и кур¹²⁴.

Если идеи сдачи земли в аренду на десятки лет или ее продажи иностранцам вызывают в обществе недвусмысленное отторжение, то другие формы использования китайских трудовых мигрантов постепенно начали распространяться на новые отрасли хозяйства. Рабочие из КНР начинают трудиться не только на стройках и лесоповале, но и в заводских цехах. Например, в той же Нижегородской области Навашинский судостроительный завод пригласил на год 150 сварщиков из КНР, чтобы возместить нехватку рабочих, уезжающих в столицу и Подмоскowie на более высокие заработки. Показательно, что китайские рабочие при меньшей почасовой оплате стали зарабатывать больше российских, поскольку работали по 10 часов в день без выходных. У себя на родине они страдали от безработицы¹²⁵.

Наряду с пониманием важности китайского труда постепенно, кажется, пробивает себе дорогу и более уважительное отношение к китайскому труженику. В селе Покровка Приморского края все 700 с лишним китайских рабочих стали членами российского профсоюза агропрома, обещающего защиту их прав и организацию досуга. Проверка, проведенная краевой Федерацией профсоюзов, показала, что для них созданы все необходимые условия труда и быта. Правда, некоторые критически настроенные наблюдатели подозревают, что профсоюзных боссов интересуют главным образом членские взносы мигрантов. Однако, даже если это в какой-то мере справедливо, — одно другому не мешает. «О желании вступить в российский профсоюз заявили почти все китайские гастарбайтеры, работающие в Приморье»¹²⁶.

Со вступлением России в полосу финансово-экономического кризиса в стране стали высказываться опасения, что падение производства приведет к обострению конкуренции за рабочие места между россиянами и мигрантами, новый наплыв которых будет вызван снижением уровня занятости в их собственных странах, и что результатом будет вытеснение российских работников гастарбайтерами. Действительно, некоторые предприниматели делали попытки заменить российский труд более дешевым китайским. Такой эпизод имел, например, место в конце 2007 г. — начале 2008 г. в купленной китайским предпринимателем компании «Февральсклес» (Амурская область), где рабочие в знак протеста были вынуждены провести голодовку при весьма сомнительной позиции местных властей¹²⁷. Однако в целом тревоги оказались несостоятельными. Сыграли свою роль и естественное саморегулирование миграционных потоков в прямом и

обратном направлении, и протекционистская позиция российских властей, а, возможно, и политика китайских властей, отнюдь не безразличных к общественным настроениям в России.

Еще одно важное обстоятельство состояло в том, что даже в условиях кризиса значительное количество рабочих мест осталось вакантным. В Москве в числе дефицитных профессий оказались строительные рабочие различных специальностей, разнорабочие, грузчики, уборщики, подсобные рабочие. К тому же нередко на работу берут только граждан РФ или европейских стран СНГ, что ставит их вне конкуренции с мигрантами из азиатских стран.

По всей видимости, после выхода из кризиса именно организованный труд китайских мигрантов на временной основе может получить наиболее широкое распространение в России, и не только на возведении крупных сооружений, но и на ординарных хозяйственных объектах. В любом случае это должен быть труд не стихийно функционирующий по законам рынка, а четко спланированный и хорошо организованный, с учетом преимущественных интересов российских трудящихся.

§ 4. Студенты (социологическое исследование)

В настоящее время в России обучается около 20 тыс. студентов из КНР¹²⁸. Эта цифра выглядит скромной по сравнению с сотнями тысяч молодых китайцев, проходящих обучение в развитых странах мира — странах, которые находятся на переднем крае технологического прогресса и, значит, способны обеспечить вступающему в трудовую жизнь поколению широкие возможности предпринимательской, преподавательской, научной и т. д. карьеры одновременно с высоким качеством жизни. Молодой человек, приехавший из-за рубежа, имеет шансы встроиться в эту жизнь или, приобретя соответствующий профессиональный багаж, найти себе достойное место на родине в передовых сегментах экономики, обновляемой с помощью технологий из этих же стран. По числу студентов, обучающихся за границей, Китай является мировым лидером.

России с ее незавидным местом в системе современной материальной цивилизации достается от этого потока небольшой ручеек, хотя в 50-е годы прошлого века знакомство Китая с новей-

шими достижениями науки и техники происходило именно в России, а еще раньше, в 20—30-х годах, молодые китайцы изучали здесь теорию и методы революционной борьбы. После радикальных перемен в российском обществе в 90-х годах и маловразумительной реформы образования уровень последнего понизился и, соответственно, понизился его международный престиж, хотя авторитет России в таких областях, как космические технологии и т. п., проецируется и на соответствующие сферы образования. Для молодых людей из стран Азии и Африки привлекательность перспективы провести несколько лет в России снижается еще и из-за проблем личной безопасности. Еще один барьер создает трудный для изучения русский язык.

Поэтому стремление китайских юношей и девушек к учебе в России относительно невелико, и по числу студентов из КНР Россия в мире занимает 11-е место. Однако и на учебу в российских вузах есть в Китае свой постоянный растущий спрос. Он стимулируется интенсивно развивающимся двусторонним экономическим сотрудничеством, порождающим потребность в хорошо подготовленных кадрах, владеющих техническими, экономическими, юридическими специальностями и плюс к этому русским языком. Второй стимул — сохранившийся в России относительно высокий уровень некоторых технологий, которые Китай хотел бы перенять. Существует и чистый интерес к самой России, стране с яркой самобытной культурой, чья историческая судьба тесно переплетена с судьбой самого Китая. Обучение в России обходится намного дешевле, чем на Западе, — порядка 30, максимум 50 тыс. юаней (примерно 4—7 тыс. долл.) в год, а то и меньше, что по карману значительному количеству китайских семей. Существенно и то, что при поступлении в российский вуз не требуется сдавать экзамен по русскому языку: достаточно предъявить свидетельство об окончании в КНР средней школы или высшего учебного заведения, после чего можно начать учебу на подготовительном языковом факультете. Эти обстоятельства и играют решающую роль для определенного числа молодых китайцев при выборе места учебы.

Наиболее полно тема китайских студентов в современной России рассмотрена В.Г. Гельбрасом¹²⁹, организовавшим в 2002 г. с этой целью их анкетирование (было опрошено 155 человек в разных городах страны).

В 2007 г. мы организовали новое социологическое исследование китайских студентов, с тем чтобы выявить их социальный

состав, мотивацию учебы в России, условия их жизни, отношение к нашей стране, планы на будущее и т. д. Опрос 200 студентов провел ВЦИОМ с помощью составленных нами анкет. Было опрошено 100 студентов в Москве и столько же на Дальнем Востоке, поровну во Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске. Результаты исследования и их анализ изложены ниже.

Исходные сведения о респондентах

Как им и положено, наши респонденты — молодые люди, в подавляющем большинстве холостые. Среди опрошенных оказалось 63 % мужчин и 37 % женщин; 83 % холостых и 28 % состоящих в браке, в том числе 3 % — имеющих детей. По возрастным группам они распределились так: до 18 лет — 9 %, от 19 до 21 года — 45 %, старше 22 лет — 47 %.

Как показал опрос, основным «поставщиком» студентов для России остался Северо-Восточный Китай: провинции Хэйлунцзян и Цзилинь (табл. 1). По числу выходцев из Хэйлунцзяна, имеющего с российскими приграничными землями тесные экономические и гуманитарные связи, в том числе образовательные, российский Дальний Восток заметно превосходит Москву. Другие провинции тяготеют к столице не в меньшей мере, чем к более близким дальневосточным городам*.

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Из каких мест Вы приехали в Россию?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Пекин	8	8	7	3	15	3
Хэйлунцзян	37	29	45	26	21	88
Ляонин	7	5	9	15	6	6
Цзилинь	21	24	17	3	48	0
Хэбэй	2	1	2	0	3	3

* Напомним, что поскольку все проценты округлены до целых чисел, сумма процентов в той или иной таблице может быть несколько больше или меньше 100.

Окончание табл. 1

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Шаньдун	11	11	10	29	0	0
Шанхай	3	3	2	6	0	0
Фуцзянь	1	1	1	3	0	0
Чжэцзян	5	10	0	0	0	0
Цзянсу	4	4	3	9	0	0
Гуандун	1	1	1	0	3	0
Другое	3	3	3	6	3	0
Всего	100	100	100	100	100	100

Практически все респонденты имеют среднее и даже высшее образование, 53 % и 44 % соответственно (табл. 2).

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Какое (полное) образование Вы получили в Китае?» —
Доля опрошенных, %

Университет	30
Институт	14
Среднее специальное	4
Среднее второй степени	49
Среднее первой степени	4
Всего	100

(Такой же высокий уровень образования отмечен в 2002 г. В.Г. Гельбрасом¹³⁰.)

В Россию почти все опрошенные (84 %) поехали сразу со школьной или студенческой скамьи. Относительно высокий процент работников системы образования объясняется тем, что их чаще, чем других, посылают на учебу за границу за государственный счет (табл. 3).

Таблица 3

Ответы на вопрос: «Укажите Ваш последний род занятий в Китае» — Доля опрошенных, %

Окончил школу и сразу поехал в Россию	31
Студент вуза	53
Преподаватель, сотрудник вуза, работник в системе образования	8
Служащий государственного учреждения вне системы образования	1
Служащий негосударственной службы	2
Предприниматель	3
Крестьянин	1
Рабочий	1
Домохозяйка	1
Другое	2
Всего	100

За малым исключением наши респонденты являются горожанами (табл. 4).

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Вы жили в большом городе, малом городе (чжэнь) или деревне?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
В большом городе	73	74	72	82	48	85
В малом городе	23	26	20	9	39	12
В деревне	4	0	8	9	12	3
Всего	100	100	100	100	100	100

Социальная среда, к которой они принадлежат — это на 90 % работники умственного труда, прежде всего предприниматели (табл. 5).

Таблица 5

Ответы на вопрос: «Социальное положение Ваших родителей?» — Доля опрошенных, %

Служащий государственного учреждения/компании	23
Служащий негосударственной компании	20
Предприниматель, коммерсант	31
Интеллигенция: преподаватель, инженер, врач и т. д.	14
Рабочий	9
Крестьянин	4
Прочее	1
Всего	100

В целом эту среду можно смело оценить как слой трудящихся среднего достатка, что подтверждается данными табл. 6.

Таблица 6

Ответы на вопрос: «Как бы Вы оценили Ваше материальное положение в Китае?» — Доля опрошенных, %

Очень хорошее	20
Хорошее	66
Среднее	13
Плохое	2
Очень плохое	1
Всего	100

(Этот вывод подтверждается и результатами опроса В.Г. Гельбраса.)

В Китае существуют разные категории выезжающих на обучение за границу: за государственный счет, или за собственный, или на средства фирмы. В нашем опросе необычно высоким оказался процент студентов, посланных на учебу за государственный счет: в Россию таким образом ежегодно приезжает по несколько сотен студентов из КНР (табл. 7).

Таблица 7

Ответы на вопрос: «За чей счет Вы приехали в Россию?» — Доля опрошенных, %

Направлен министерством образования, своим институтом/научным учреждением	35
Послан компанией, где я работаю	4
Приехал за свой счет, через посредническую фирму	25
За свой счет самостоятельно	37
Всего	100

Табл. 8 свидетельствует, что в нашей выборке присутствуют учащиеся со всех ступеней высшего образования с приблизительным соблюдением пропорций: студентов основных курсов на порядок больше, чем учащихся подготовительных факультетов и аспирантов.

Таблица 8

Ответы на вопрос: «На каком курсе Вы учитесь?» — Доля опрошенных, %

На курсах русского языка, на подготовительном факультете	2
На младших (первом-втором) курсах	33
На старших курсах (третьем-пятом)	59
В системе магистратуры	5
В аспирантуре	3
Всего	100

Помимо «обычных» студентов, существует определенное количество учащихся — студентов, аспирантов, стажеров-преподавателей, которые приезжают в Россию на сравнительно короткие сроки — год, несколько месяцев, несколько недель — в соответствии с межвузовскими соглашениями, совместными учебно-образовательными программами. В двусторонних обменах участвуют даже школьники. Некоторое число граждан занимается на одно-двухгодичных курсах русского языка, не предполагающих последующее поступление на учебу в российский вуз. Такого рода учащихся мы не обнаружили в числе наших респондентов и не рассматриваем их как отдельную категорию, ограничив свое

исследование «обычными» студентами, составляющими основной массив всей совокупности лиц, получающих образование в России.

По поводу табл. 9 сделаем два замечания. Первое. Высокий процент лиц, выбравших технические специальности — почти половина всех респондентов, свидетельствует о значительном интересе Китая к России как к источнику современных научно-технических знаний. Второе. Большинство респондентов выбрало специальность с таким расчетом, чтобы в будущем иметь дело с Россией. Это особенно наглядно проявилось в разделах социальных и гуманитарных специальностей. Заметим, что небольшое число студентов из КНР — 11 человек — обучается даже в духовных семинариях¹³¹.

Таблица 9

Ответы на вопрос: «Ваша будущая (или уже выбранная) специальность?» — Доля опрошенных, %

Техническая	47
Естественная	4
Социальная, гуманитарная с уклоном в изучение России	31
Социальная, гуманитарная без уклона в изучение России	8
Художественная, с уклоном в изучение России	1
Художественная, без уклона в изучение России	2
Другая	7
Затрудняюсь ответить	1
Всего	100

Табл. 10 в определенном смысле перекликается с предыдущей. Мотивация респондентов, побудившая их поехать в Россию, в реальности, разумеется, носит смешанный характер, однако примечательно, что 40 % учащихся назвали в качестве своего мотива желание получить более глубокие знания — очевидно, из тех областей, где Россия сохраняет ведущие позиции. Еще 30 % опрошенных (строки 4 и 5) хотят связать свою жизнь с Россией. А четверть респондентов (строки 1 и 2) честно заявила, что действовала, руководствуясь прагматическими соображениями.

Таблица 10

Ответы на вопрос: «Почему Вы решили поехать в Россию?» — Доля опрошенных, %

В России легче поступить в вуз и получить диплом	8
В России легче поступить по интересующей меня специальности	17
Решил, что в России дают более основательные знания по интересующей меня специальности	40
Решил стать специалистом в России	6
Хочу, чтобы моя работа была связана с Россией	23
Послан на стажировку	5
Другое	2
Затрудняюсь ответить	1
Всего	100

Учеба, быт, материальное положение

В массе своей студенты удовлетворены тем, как поставлена учеба (табл. 11), а также организацией их быта (табл. 12).

Таблица 11

Ответы на вопрос: «Удовлетворены ли Вы тем, как поставлена учеба в Вашем институте?» — Доля опрошенных, %

Удовлетворен	61
Не вполне удовлетворен	35
Совершенно не удовлетворен	2
Затрудняюсь ответить	3
Всего	100

В материальном отношении китайские студенты живут по-разному, но в целом достаточно скромно. От 11 до 20 % опрошенных вынуждены периодически отказывать себе в покупке необходимых продуктов питания, одежды, в получении необходимого лечения. Лишь немногим более половины имели возможность ни в чем подобном, даже в поездке домой на Праздник Весны себя не ограничивать. (Вопрос в табл. 13 допускал

Таблица 12

Ответы на вопрос: «Удовлетворены ли Вы тем, как организован быт студентов?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Удовлетворен	50	69	30	6	55	30
Не вполне удовлетворен	40	29	51	74	27	52
Совершенно не удовлетворен	3	0	6	15	0	3
Затрудняюсь ответить	8	2	13	6	18	15
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 13

Ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам за последний год жизни в России отказываться от чего-либо из перечисленного ниже из-за нехватки средств?» — Доля ответов от числа опрошенных, %

Покупка необходимых продуктов питания	15
Покупка необходимой одежды, обуви	20
Поездка на родину в Праздник Весны	22
Лечение, восстановление здоровья	11
Ни от чего из названного не приходилось отказываться	54

несколько ответов, поэтому сумма процентов в ней больше 100. Всего было получено 244 ответа.)

Тем не менее, судя по результатам опроса, студенты в подавляющем большинстве (на 82 %) удовлетворены своим материальным положением, оценивая его как «хорошее» и даже «очень хорошее» (табл. 14).

Похожие данные приведены и у В.Г. Гельбраса¹³².

Примерно треть респондентов так или иначе совмещает учебу с работой, от случайных подработок до регулярной работы по найму полный рабочий день в качестве торговых служащих, переводчиков, гидов и т. п. Есть и владельцы собственного бизнеса. Подработки широко распространены среди магистров и аспирантов, которым принадлежит значительная часть объявлений

Таблица 14

Ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете свое материальное положение в России» — Доля опрошенных, %

Очень хорошее	2
Хорошее	35
Среднее, терпимое	45
Плохое	16
Очень плохое	2
Затрудняюсь ответить	1
Всего	100

о поиске работы в китайских газетах Москвы. Возможность полностью посвятить себя учебе имеют $\frac{2}{3}$ респондентов (табл. 15).

Таблица 15

Ответы на вопрос: «Помимо учебы Вы еще и работаете?» — Доля опрошенных, %

Только учусь	64
Работаю регулярно по найму полный рабочий день	6
Работаю регулярно по найму неполный рабочий день	11
Работаю от случая к случаю, как придется	17
Имею собственный бизнес	3
Затрудняюсь ответить	1
Всего	100

(В опросе В. Гельбраса тех, кто только учится, оказалось ровно столько же — 65,8 %¹³³.)

При этом более половины респондентов (55 %) оказывают материальную помощь родственникам или землякам в Китае, почти четверть сами пользуются помощью родственников, и лишь чуть меньше пятой части не помогают, так как в этом нет необходимости (табл. 16).

Характерная особенность учебы китайцев в России: в отличие от китайских студентов в США, они не стремятся интегрироваться в российское общество, и потому между ними и принимающей

Таблица 16

Ответы на вопрос: «Помогаете ли Вы кому-либо в Китае материально, деньгами?» — Доля опрошенных, %

Членам семьи	14
Более дальним родственникам	2
Друзьям	34
Землякам в деревне	4
Кому-то еще	1
Нет, никому не помогаю, так как нет необходимости	18
Не помогаю, так как нет средств	4
Родственники помогают мне	24
Затрудняюсь ответить	1
Всего	100

средой постоянно сохраняется довольно плотный культурно-языковой барьер. В принципе в этом нет ничего необычного, такой барьер в той или иной мере изначально изолирует любых студентов-иностранцев от их местных однокашников. Процесс его преодоления требует большого труда и зачастую останавливается на минимуме, достаточном для удовлетворения практических потребностей. Но в варианте с китайскими студентами эта изоляция временами выглядит чрезмерной. Трудно сказать, какая сторона отвечает за возникновение барьера в том или ином случае, а где он существует по взаимному согласию, но результаты опроса отчетливо выявляют его.

Как свидетельствует табл. 17, почти в половине учебных групп рядом с иностранцами нет русских студентов.

Таблица 17

Ответы на вопрос: «Каков состав Вашей учебной группы?» — Доля опрошенных, %

Только китайцы	43
Только иностранцы	3
Смешанная: состоит из иностранцев и русских	54
Всего	100

Подавляющее большинство китайских студентов проживает в российских студенческих общежитиях, что, очевидно, способствует установлению контактов и дружеских связей. Это подтверждают результаты нашего опроса (табл. 18).

Таблица 18

Ответы на вопрос: «В каком жилище Вы живете?» — Доля опрошенных, %

В российском студенческом общежитии	86
В общежитии китайской фирмы	3
При офисе китайской фирмы	1
В российском общежитии	4
Снимаю квартиру	4
В собственной квартире	1
В китайской гостинице, общежитии	3
Всего	100

(В опросе В.Г. Гельбраса распределение по строкам близко к нашему, на студенческие общежития приходится 87,7 %¹³⁴.)

Однако лишь единицы живут в одной комнате с русскими: подруга или друг другого пола — это почти исключительно лицо той же национальности (табл. 19).

Таблица 19

Ответы на вопрос: «Кто живет в одной комнате (квартире) в Вами?» — Доля опрошенных, %

Китайцы	79
Другие иностранцы	1
Русские	1
Подруга/друг (другого пола)	7
Члены семьи	14
Всего	100

Лишь небольшая часть китайских студентов, если судить по данным опроса, проводит свой досуг вместе с русскими друзьями (табл. 20).

Таблица 20

Ответы на вопрос: «Как Вы проводите свой досуг?» — Доля ответов, % (число ответов)

Смотрю телевизор, видео, захожу в Интернет	23
Провожу время с китайскими друзьями	22
Провожу время с русскими друзьями	7
Участвую в работе китайских общественных организаций	1
Посещаю китайские клубы	0
Хожу на собрания религиозного общества	1
Посещаю кино, театры	6
Знакомлюсь с городом	11
Гуляю, хожу по магазинам	14
Посещаю рестораны, кафе, дискотеки	2
Занимаюсь спортом	10
Провожу время с семьей	2
Свободного времени очень мало, почти не отдыхаю	1
Всего	100 (608)

Большинство китайских студентов признается, что не обладает достаточными знаниями о правилах, существующих для иностранцев в РФ (табл. 21).

Таблица 21

Ответы на вопрос: «Хорошо ли Вы знаете правила пребывания иностранцев в РФ?» — Доля опрошенных, %

Достаточно	43
Недостаточно	48
Совершенно не знаю	10
Всего	100

Впрочем, впечатление, что китайские студенты отделены от российской действительности глухой стеной, было бы также неверным. Они черпают сведения о событиях окружающей их жиз-

ни из множества источников, среди которых российские названия более, чем в половине (53 %) ответов (табл. 22).

Таблица 22

Ответы на вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о жизни россиян?» — Доля опрошенных, % (число ответов)

Китайское телевидение	10 (23)
Китайские газеты	6 (13)
Китайский интернет	10 (23)
Китайские друзья, знакомые	17 (36)
Российское телевидение	22 (47)
Российские газеты	8 (17)
Российский интернет	5 (11)
Российские друзья, знакомые	17 (36)
Имею очень мало информации о жизни россиян	5 (11)
Затрудняюсь ответить	0 (0)
Всего	100 (426)

Занимаются китайские студенты усердно, продолжая, можно сказать, традиции, заложенные их дедами — студентами, обучавшимися в Советском Союзе в 50-х годах прошлого века. Преподаватели российских вузов отмечают: «Китайские студенты на редкость трудолюбивы. Чтобы успеть выполнить задание, они могут отказаться от обеда, могут ночь не спать. Они редко выходят погулять, занимаются все свободное от лекций время, занимаются даже в праздники»¹³⁵.

Дело тут, на наш взгляд, не только в том, что трудолюбие является коренным свойством китайского национального характера. В кардинально переменившемся за столетия Китае сохранились в обновленном виде мощные стимулы к овладению знаниями, к самовыражению через труд, придающие будущей деятельности ясно выраженный общественный смысл. Обратим внимание на примечательный нюанс. Китайский студент из МГУ говорит: «Еще два года назад почти все россияне смотрели на Китай как будто из прошлого века, думали, что китайские сту-

денты — бедные, необразованные, кроме своего ушу ничего не знают. Спрашивали: а в Китае есть телевизоры? Сейчас они гораздо вернее представляют себе Китай. Знакомясь с нашими студентами, они могут лучше оценить процветание и могущество Китая»¹³⁶.

Обидно, что китайские студенты, приезжая в Россию без языковой подготовки, слабо усваивают русский язык в последующем, чему способствует и скудость контактов с российскими однокашниками. А это означает, что они не смогут должным образом освоить профильные предметы и стать полноценными специалистами. Не случайно китайские дипломаты, работающие в нашей стране, высказывают предложение, чтобы молодые люди, желающие учиться в России, сначала изучили бы русский язык у себя на родине¹³⁷.

На самом деле о качестве обучения русскому языку должны заботиться в первую очередь российские вузы: у них для этого больше возможностей, да и материальный интерес, казалось бы, налицо. Между тем, постановка учебного процесса явно не всегда и не везде на высоте. Приведем в качестве примера выдержку из интервью китайскому репортеру студентки МГУ по имени Чжан Хань. «В подготовительной группе собрались студенты из Италии, Венгрии, Чехии, Кореи и других стран. Друг друга мы не понимали и общаться не могли. Преподаватель говорил то по-русски, то по-английски. Но, как он ни старался, как ни помогал себе жестами, никто не понимал, о чем он говорил и чего хотел от нас, какие давал задания». Дальше девушка рассказывает о том, как в непривычной обстановке, сталкиваясь на каждом шагу с разного рода бытовыми трудностями, она впала в отчаяние и несколько раз собиралась бросить учебу и вернуться домой. Перед поездкой она заранее настроилась не только на напряженную учебу, но и на нелегкую, даже сопряженную с опасностями жизнь. Действительность превзошла ее ожидания¹³⁸.

В нашем опросе сложное положение с русским языком выявилось с достаточной четкостью. Как показывает табл. 23, большинство студентов в состоянии лишь объясняться по-русски; знают русский язык хорошо или хотя бы могут свободно читать лишь несколько процентов.

(В опросе В.Г. Гельбраса показатели, пожалуй, еще ниже: оценили свои знания русского на «хорошо» 15,5 %, в пределах «могу объясняться и читать» — 54,8 %, но плохо говорящих и понимающих» оказалось 25,8 %¹³⁹.)

Таблица 23

Ответы на вопрос: «Ваш уровень знания русского языка?» — Доля опрошенных, %

Знаю хорошо	9
Могу объясняться	66
Могу читать	5
Плохо говорю и понимаю	7
Практически не знаю	3
Не знаю/знаю плохо, но в настоящее время изучаю в институте	12
Всего	100

Как видно из табл. 24, такая ситуация имеет место на всех курсах, хотя прогресс с годами налицо. Почти четверть респондентов вынуждены изучать русский язык уже в процессе профессионального обучения на младших курсах, а кое-кто даже на старших.

Таблица 24

Зависимость между ответами на вопросы: «На каком курсе Вы учитесь?» и «Ваш уровень знания русского языка?» — Доля опрошенных, % (чел.)

На каком курсе Вы учитесь?	Ваш уровень знания русского языка?						Всего
	Знаю хорошо	Могу объясняться	Могу читать	Плохо говорю и понимаю	Практически не знаю	Не знаю/знаю плохо, но в настоящее время изучаю в институте	
На курсах русского языка, на подготовительном факультете	0	25	0	25	0	50	100 (4)
На младших (первом-втором) курсах	6	52	8	8	3	23	100 (65)
На старших курсах (третьем-пятом)	9	74	3	6	3	6	100 (117)
В системе магистратуры	33	67	0	0	0	0	100 (9)
В аспирантуре	0	100	0	0	0	0	100 (5)
Всего	9	66	5	7	3	12	100 (200)

В силу этого, а также необходимости тратить время и силы на подработку хорошо усваивают программу, по их собственному мнению, лишь треть респондентов (табл. 25).

Таблица 25

Ответы на вопрос: «Как Вы осваиваете программу обучения?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Усваиваю хорошо	31	39	23	15	18	36
Усваиваю недостаточно из-за языковых трудностей	51	30	71	82	76	55
Усваиваю недостаточно, так как приходится работать	13	26	0	0	0	0
Усваиваю недостаточно по другим причинам	3	3	3	0	6	3
Затрудняюсь ответить	3	2	3	3	0	6
Всего	100	100	100	100	100	100

Причем здесь наблюдается разница между Москвой и Владивостоком в пользу Москвы, впрочем, возможно, обусловленная недостаточной статистической репрезентативностью опроса. Обратите внимание, что главная причина недостаточного усвоения знаний — языковые трудности, на которые ссылается половина респондентов.

Тем не менее, в конечном счете необходимые для работы знания студенты, очевидно, набирают на ходу и без работы не остаются. «Китайских коммерсантов в России сейчас очень много, особенно из Чжэцзяна, Фуцзяни, Гуандуна, Хэбэя. Им нужно большое количество работников, знающих русский язык, для перевода и торговли. И если у Вас с языком и личными качествами все в порядке, найти подходящую работу не проблема», — пишут китайские СМИ¹⁴⁰.

Китайские газеты в Москве — заочная биржа труда — публикуют множество объявлений и от работодателей, и от ищущих работу со знанием русского, а подчас еще и английского языков. Зарботки для большинства, по-видимому, достаточно привлекательны. Например, некий коммерсант, выплачивающий своим продавцам по 600 долл. в месяц, пригласил переводчика и установил ему зарплату 1500 долл.¹⁴¹

Представления о россиянах и России

И США, и Европа проявляют живейшую заинтересованность в привлечении в свои университеты иностранных студентов, в том числе китайских: студенты — это и канал возможного влияния в будущем на те или иные сферы жизни представленного ими государства, и пополнение бюджетов собственных учебных заведений. Нам тоже далеко не безразлично, какой багаж знаний и представлений о России накапливают китайские студенты, обучаясь в нашей стране, какое место отводят ей в своих жизненных планах.

Судя по материалам нашего опроса, китайские учащиеся встречают со стороны российских студентов в основном нейтральное отношение; доброжелательное отношение перевешивает «не вполне доброжелательное», а явно враждебного — просто нет (табл. 26).

Таблица 26

Ответы на вопрос: «Как к Вам относятся российские студенты?» — Доля опрошенных, %

Доброжелательно	29
Нейтрально	42
Не вполне доброжелательно	22
Враждебно	0
Трудно оценить	7
Всего	100

В позитивном свете рисуется китайским студентам и отношение к ним российских властей (табл. 27).

Таблица 27

Ответы на вопрос: «Как к Вам относятся российские власти?» — Доля опрошенных, %

Доброжелательно	31
Нейтрально	40
Не вполне доброжелательно	13
Враждебно	2
Трудно оценить	16
Всего	100

Мнение студентов, перед которыми властные инстанции предстают главным образом в облике администрации их вузов, в данном случае значительно отличается от мнения коммерсантов, имеющих дела со множеством инстанций и напрямую зависящих от воли того или иного чиновника.

Однако общая атмосфера, окружающая китайских студентов, отравлена разного рода проявлениями ксенофобии, что наглядно иллюстрирует табл. 28. (Сумма процентов в ней больше 100, поскольку допускалось несколько ответов, а проценты вычислены от числа опрошенных. Всего было дано 312 ответов.)

Таблица 28

Ответы на вопрос: «Случалось ли, что россияне...?» — Доля ответов от числа опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток
Проявляли высокомерное отношение к Вам	68	66	69
Оскорбляли, ругали Вас	30	28	32
Угрожали	12	11	12
Избивали	3	3	4
Грабили	12	10	14
Нарушали безопасность и достоинство Ваших друзей, родственников	24	25	23
Затрудняюсь ответить	7	11	2

Изучая эти удручающие цифры, не стоит забывать, что каждая акция бандитствующих националистов — это ощутимый удар по психологическому самочувствию всех, кто приехал из-за рубежа. «Новый год по лунному календарю, — писала пресса КНР в начале 2009 г., — многим китайским студентам не в радость: последнее время участились нападения скинхедов на китайских и других иностранных студентов. Из-за полученных травм нескольким студентам потребовалось удаление жизненно важных внутренних органов. Среди иностранных студентов царит страх, многие боятся выходить на улицу»¹⁴².

Тем не менее, результаты проведенного нами опроса позволяют констатировать, что Россия является для китайских студентов в высокой степени привлекательной страной, $\frac{9}{10}$ из них считают, что поехали учиться в Россию не зря, и только 1 % выражает разочарование (табл. 29).

Таблица 29

Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что Ваше решение поехать в Россию оправдано?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Оправдалось вполне	41	38	43	21	48	61
Оправдалось частично	48	58	37	68	9	33
Не оправдалось	1	0	2	3	0	3
Затрудняюсь ответить	11	4	18	9	42	3
Всего	100	100	100	100	100	100

(Однако в опросе В.Г. Гельбраса полностью или частично удовлетворенных оказалось меньше — 66,5 %, а недовольных — 15, %¹⁴³.)

Обобщенное мнение о России положительное у $\frac{2}{3}$ респондентов, к отрицательному же заключению пришло почти в 10 раз меньше (табл. 30).

Нелишне отметить, что в формировании мнений китайских студентов о России большую роль играют их представления о том, как к ним относятся российские власти. Во всяком случае, между тем и другим прослеживается отчетливая корреляция (табл. 31).

Таблица 30

Ответы на вопрос: «Ваше обобщенное мнение о России?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Положительное	64	77	51	32	67	55
Отрицательное	7	9	4	9	3	0
Неопределенное	29	14	44	59	27	45
Затрудняюсь ответить	1	0	1	0	3	0
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 31

Зависимость между ответами на вопросы: «Как к Вам относятся российские власти?» и «Ваше обобщенное мнение о России?» — Доля опрошенных, % (чел.)

Как к Вам относятся российские власти?	Ваше обобщенное мнение о России?				Всего
	Положительное	Отрицательное	Неопределенное	Затрудняюсь ответить	
Доброжелательно	90	0	10	0	100 (61)
Нейтрально	52	10	37	1	100 (79)
Не вполне доброжелательно	50	12	38	0	100 (26)
Враждебно	33	0	67	0	100 (3)
Трудно оценить	58	6	35	0	100 (31)
Всего	64	7	29	1	100 (200)

Преобладание в разы позитивных оценок над негативными прослеживается по всем курсам и ступеням, от подготовительного факультета до аспирантуры (табл. 32).

За время обучения в России свое мнение о ней изменили в лучшую сторону в три раза больше студентов, чем в худшую (табл. 33).

Таблица 32

Зависимость между ответами на вопросы: «На каком курсе Вы учитесь?» и «Ваше обобщенное мнение о России?» — Доля опрошенных, % (чел.)

На каком курсе Вы учитесь?	Ваше обобщенное мнение о России?				Всего
	Положительное	Отрицательное	Неопределенное	Затрудняюсь ответить	
На курсах русского языка, на подготовительном факультете	75	0	25	0	100 (4)
На младших (первом-втором) курсах	71	5	25	0	100 (65)
На старших курсах (третьем-пятом)	56	9	34	1	100 (117)
В системе магистратуры	89	0	11	0	100 (9)
В аспирантуре	100	0	0	0	100 (5)
Всего	64	7	29	1	100 (200)

Таблица 33

Ответы на вопрос: «Как изменилось ваше мнение о России?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Улучшилось	41	52	29	21	33	33
Ухудшилось	14	12	16	29	6	12
Не изменилось	29	29	29	32	36	18
Затрудняюсь ответить	17	7	26	18	24	36
Всего	100	100	100	100	100	100

На основании такого рода оценок формируются и планы студентов на будущее. 46 % опрошенных (табл. 34, строки 1 и 2) четко выразили готовность если не всегда, то длительное время жить, а, следовательно, и работать в России; еще 11 % не возражают против такого варианта (строка 6), и только 4 % не хотят больше туда возвращаться (строки 4 и 5). В целом 81 % хотел бы работать «на российском направлении» (строки 1, 2, 3). Важно отметить, однако, что получить российское гражданство хотели бы немногие.

Таблица 34

Ответы на вопрос: «Где Вы хотели бы жить после окончания учебы?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Получить гражданство РФ и жить в России	8	9	7	3		18
Работать в России, имея вид на жительство или визу, но оставаться гражданином Китая	38	60	16	3	18	27
Жить в Китае и приезжать в Россию на время по делам	35	24	45	38	70	27
Жить в Китае и больше в Россию не приезжать	3	0	6	18	0	0
Уехать в третью страну	1	0	2	3	0	3
Все равно, где жить, были бы подходящие условия	11	4	17	32	12	6
Другое	1	0	1	0	0	3
Затрудняюсь ответить	5	3	6	3	0	15
Всего	100	100	100	100	100	
100						

Следующие данные (табл. 35) отчасти дублируют предыдущие и показывают те же тенденции: 58 % респондентов предпочли бы после учебы работать в России (строки 1, 2, 3); почти в 3 раза меньше число тех, кто ориентируется на работу вне России.

С этими цифрами согласуется мнение китайского студента из Петербурга, считающего, что приблизительно 30 % его соотечественников планируют (не «хотели бы», а именно планируют) остаться работать в России¹⁴⁴.

Нельзя не заметить, что китайские студенты в массе своей не страдают ксенофобией и относятся к русским достаточно толерантно. 43 % респондентов считает вполне приемлемым для своих родственников, включая детей, создание смешанных семей с русскими супругами (строки 1, 2, 3) — втрое больше, чем количество тех, кто такие браки отвергает (табл. 36).

Таблица 35

Ответы на вопрос: «Ваши планы насчет будущей работы?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
После окончания учебы остаться в России, но чем заняться, еще не решил	8	5	10	6	0	24
Поступить на работу в России	22	33	10	3	18	9
Открыть свое дело в России	28	34	21	6	27	30
После окончания учебы работать вне России	21	10	32	56	24	15
Другое	1	0	2	3	0	3
Затрудняюсь ответить	22	18	25	26	30	18
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 36

Ответы на вопрос: «Как бы Вы отнеслись к браку Вашего ребенка или другого близкого родственника с россиянином (россиянкой)?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Сам состою в таком браке	2	0	3	0	6	3
Положительно	10	9	11	6	9	18
Безразлично	31	28	34	56	12	33
Отрицательно	14	15	12	9	24	3
Нет определенного мнения	44	48	40	29	48	42
Всего	100	100	100	100	100	100

(В анкетировании, проведенном В.Г. Гельбрасом, невозможным для себя сочли такой брак 4,5 %; по поводу смешанных браков родственников распределение ответов приближается к нашему: одобряют эти браки 14,2 %, безразлично относятся 40 %, против — 16,1 %¹⁴⁵.)

Мало того, 74 % — подавляющее большинство опрошенных — хотели бы (43 %, строки 1—4), или, по крайней мере, не возражают (строка 5), чтобы их дети вслед за родителями связали свою жизнь с Россией. Не желающих этого (строка 7) — почти в 11 раз меньше (табл. 37).

Таблица 37

Ответы на вопрос: «Я бы хотел, чтобы мои дети...» — Доля опрошенных, % (человек)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Поселились в России	15	21	8	3	3	18
Получили образование в России	11	10	13	5	10	23
Работали в России	6	6	7	3	8	9
Жили в Китае, но имели работу, связанную с Россией	11	6	15	8	25	14
Пусть живут и работают, где и как хотят	31	31	32	47	28	21
Не задумывался над этим	19	18	18	27	20	9
Я бы не хотел, чтобы они жили в России	8	8	7	8	7	7
Всего	100 (249)	100 (125)	100 (124)	100 (40)	100 (40)	100 (44)

Ставшее постоянным явлением присутствие китайских студентов во многих вузах России на фоне ее демографических проблем заставляет задуматься: а нельзя ли их использовать каким-то образом, когда они станут дипломированными специалистами, в интересах нашей страны?

Вот, например, представитель одной из китайских компаний в Петербурге г-н Чэнь Чжиган, получивший в России степень кандидата наук и хорошо знакомый с проблемой занятости в РФ. Он замечает: дефицит кадров в России достиг весьма серьезных размеров. Уже не хватает и высококвалифицированных

работников в области техники. «Я надеюсь, — замечает в связи с этим господин Чэнь, — что политика России в отношении иммигрантов-инвесторов, иммигрантов-специалистов претерпит соответствующие изменения»¹⁴⁶. Китайские эксперты внимательно присматриваются к российскому рынку труда с точки зрения возможностей выхода на него своих соотечественников, отмечая воздвигнутые на нем нашим законодательством «крепостные стены», за которыми имеют право работать только граждане РФ. В монографии В.Г. Гельбраса¹⁴⁷ выдвинута и рассмотрена идея привлечения китайских студентов к работе в российских структурах как одна из мер смягчения переживаемого страной демографического кризиса.

В принципе идея получения от учебной миграции «демографического эффекта» естественна и вполне логична. Она хорошо сформулирована, например, в статье Е.Е. Письменной «Миграция иностранных студентов в Россию»¹⁴⁸, где говорится: «Иностранные студенты могут пополнить население России. Часть иностранных студентов, получивших российское образование, владеющих русским языком, понимающих русскую культуру, адаптированных к российском рынке труда, может рассматриваться в качестве потенциала пополнения будущих граждан и работников. Россия могла бы более активно черпать миграционный потенциал из числа молодежи (потенциальных студентов и аспирантов) в странах СНГ и развивающихся государствах Азии, Африки и Латинской Америки». Ясно, однако, что невозможно ставить все страны в качестве источника трудовых ресурсов на одну доску, подход к ним должен быть дифференцирован в зависимости от целого ряда факторов.

Мы выскажем здесь свою точку зрения на данную проблему применительно к китайским студентам.

Действительно, катастрофическое сокращение трудового потенциала, в том числе его высококвалифицированной части, — одна из острейших проблем современной России. Однако китайские выпускники российских вузов, а тем более — китайских вряд ли станут способствовать ее решению. Материальное благосостояние китайского инженера, ученого, преподавателя с учетом доходов и цен на товары сегодня не ниже, а нередко и выше, чем российского. Мы уже не говорим о том, что в России с ее нарастающей ксенофобией иностранец, особенно с «восточной» внешностью, не может ни ощущать себя полноправным членом общества, ни чувствовать себя в безопасности.

Правда, в Китае у выпускников вузов есть сложности с трудоустройством: предприятия не торопятся брать на работу «свежих» специалистов без трудового стажа, прямо со студенческой скамьи, даже если они получили образование за границей. В КНР уже убедились, что и на Западе образование не всегда бывает качественным, а подчас привезенная оттуда квалификация плохо вписывается в китайскую реальность. Но специалист без русского языка в России не нужен и в Россию не поедет. А спрос на добротных специалистов со знанием русского языка, как мы уже говорили ранее, достаточно велик. Если же студент за годы учебы в России так и не сумел толком выучить русский язык и стать грамотным специалистом и потому не в состоянии найти работу в китайском учреждении или на китайском предприятии — вряд ли он сможет быть полезным, работая в российских структурах. Да и сам он едва ли захочет взвалить на себя непосильную ношу.

Здесь необходимо иметь в виду, что пониженный барьер для иностранцев, поступающих в российские вузы — скромная плата за обучение и отсутствие экзаменов по языку — оказывают не лучшее влияние на контингент абитуриентов. Газета «Бэйцзин ваньбао» приводит слова ответственного работника из системы высшего образования, курирующего учебу за границей. Указав на облегченные правила приема в российские вузы, он замечает: «Поэтому учеба в России — это выбор выпускников со слабым аттестатом и детей из семей с невысоким заработком»¹⁴⁹. В другом издании можно прочесть: «Обучающиеся за свой счет в основном приезжают в Россию сразу после окончания школы. Большинство из них — те, кто не сумел сдать экзамены в вуз. Правда, есть и такие, кто сдал экзамены, но вуз им не понравился или специальность оказалась не по душе, и они забрали документы»¹⁵⁰.

Как бы возражая романтикам, мечтающим заполнить российские вакансии китайскими выпускниками, генконсул КНР в Петербурге подчеркивает: «Да, ситуацию с работой в России можно считать перспективной. В настоящее время Петербург испытывает острую потребность в высококвалифицированных кадрах в строительстве, машиностроении, фармацевтическом деле и т. д. Но китайских студентов, успешно овладевших и русским языком, и профессиональными знаниями, крайне мало»¹⁵¹.

Теоретически можно было бы, конечно, поставить вопрос о том, чтобы привлекать наиболее способных из числа китайских студентов, а по окончании учебы создавать для них особые усло-

вия, сравнимые с теми, которые они имеют на Западе. Но если мы найдем достаточно средств, чтобы сделать это — тогда не лучше ли направить эти средства на то, чтобы остановить утечку мозгов в собственной стране, а то и вернуть хотя бы часть тех специалистов, которых мы потеряли за последние десятилетия? На сегодня более реалистичной представляется идея, высказанная Е.Т. Гайдаром: «Вести работу по привлечению талантливой молодежи из стран СНГ в российские вузы с предоставлением российского гражданства»¹⁵².

Однако если на возлагать на китайских студентов груз чрезмерных надежд, а просто рассматривать их как людей, так или иначе связавших свою жизнь с Россией, готовых вносить свой вклад в развитие российско-китайского сотрудничества, торгового-экономического, а в будущем, вероятно, и научно-технического — такой подход может принести только пользу обеим сторонам.

Позитивный настрой китайских студентов в отношении работы в России или, по крайней мере, тесных связей с ней имеет своим экономическим субстратом уверенное поступательное движение российско-китайского экономического сотрудничества. Его дальнейшее развитие создает потребность в значительно более широком, чем сегодня, взаимодействии сторон в области образования. Исходя из этой потребности, Китай выражает намерение шире пользоваться услугами российских вузов, при том что в КНР в настоящее время изучают русский язык около 40 тыс. студентов¹⁵³. Со своей стороны, китайские партнеры предлагают увеличить объемы преподавания китайского языка гражданам России как на российской, так и на китайской территориях. На российской они предлагают открыть пять учебных заведений. Китайская сторона хотела бы в течение 4—5 лет довести численность китайских граждан, обучающихся в России, до 35—40 тыс. человек ежегодно. С этой целью она предложила целую серию шагов, включающую в себя в качестве ближних и дальних целей:

- развитие законодательной, организационной и информационно-рекламной базы для экспорта образовательных услуг, расширение сети информационно-консультативных центров по образовательным услугам в обеих странах;
- формирование заявок на подготовку кадров в вузах страны-партнера и согласование программы взаимных обменов на уровне правительственных органов;

- принятие мер для обеспечения безопасности китайских студентов;
- введение нижнего порога цен на обучение иностранцев в вузах РФ;
- на основе совместного финансирования создание региональных центров для обучения иностранцев русскому языку перед их поступлением в российские вузы;
- разработку программы стажировок на предприятиях страны-партнера по 500 представителей российских и китайских компаний¹⁵⁴.

Как отмечают авторитетные российские эксперты, «китайский рынок представляет очень емкую область экспорта образовательных услуг из России. Этот рынок может оцениваться в сотни миллионов долларов в год»¹⁵⁵.

Создается, однако, впечатление, что Китай больше заинтересован в интенсивном образовательном сотрудничестве и, в частности, в обучении своих студентов в России, чем сама Россия. Китаю нужны российские рынки и технологии в большей мере, чем нам — китайские? Или дело просто в нашей нерасторопности? Как бы то ни было, сегодня Россия могла бы получать бóльшую отдачу от обучения китайских студентов, если бы основательно занялась этой проблемой.

§ 5. Туристы

Началом освоения России туристами из КНР в обеих странах принято считать однодневную поездку группы жителей Хэйхэ в Благовещенск в сентябре 1988 г. В дальнейшем развитие двустороннего туризма в законодательном плане определялось межправительственным соглашением 1992 г. «О безвизовых групповых туристских поездках» и его более совершенным вариантом — соглашением «О безвизовых групповых туристических поездках»¹⁵⁶, подписанном в 2000 г. Последнее констатировало: «Члены туристических групп, сформированных туристическими организациями одного государства, могут совершать поездки по территории другого государства по действительным проездным документам без виз». Срок безвизового пребывания туристической группы граждан одного государства на территории другого государства не должен превышать 30 календарных

дней. Группа должна состоять не менее чем из 5 человек. Члены групп совершают поездки только в составе этих групп, и туристические организации обоих государств несут ответственность за своевременное возвращение туристических групп в полном составе. Численность китайских туристов в 1998—2008 гг. показана в табл. 1.

Таблица 1

Динамика численности китайских туристов по годам, тыс. чел.

Годы	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число туристов	198,5	178,8	172,2	164,8	267,0	203,3	283,8	204,2	157,4	129,7	127,2

Источники: 1998—2006 гг.: Численность и миграция населения РФ в 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006 гг. (статистические бюллетени) / Сост. Государственный комитет Российской Федерации по статистике. М., 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007; 2007—2008 гг.: Федеральное агентство по туризму РФ. URL: http://www.russiatourism.ru/files/vezd_2008_k_2007_news.xls

Доля гостей из КНР в общем числе туристов, посетивших РФ, составила в 2007 г. — 5,9 %, а в 2008 г. — 5,6 %. Таким образом, поток гостей из КНР не слишком велик, хотя стороны постоянно напоминают друг другу, что для его увеличения есть множество неиспользованных возможностей. На российской стороне росту числа посетителей из Китая препятствуют такие факторы, как низкое качество обслуживания интуристов — гостиничный фонд и транспортные средства в большинстве своем изношены физически и устарели морально; слабое развитие коммуникаций; отсутствие личной безопасности иностранцев; дороговизна гостиниц и транспорта, а отсюда — высокая стоимость поездки в Россию: 7—8 тыс. юаней (более 1000 долл.) на 7 дней с 6 ночевками¹⁵⁷.

На своей стороне деятели китайского туризма самокритично отмечают нечестную конкуренцию между фирмами и их слабую «самодисциплину». Нужно также иметь в виду, что в КНР на рекламу и продажу туристических путевок в Россию был установлен запрет, под который не подпадал только приграничный туризм¹⁵⁸. В 2005 г. эти правила были либерализованы, и Россия стала 70-й страной, открытой для посещения китайскими туристами¹⁵⁹. Ожидалось, что благодаря этому количество поездок в Россию намного возрастет, возможно, до миллиона уже на

следующий год, однако этого не произошло. Пиком туристических визитов из Китая в Россию остались 2002—2004 гг., когда число гостей из КНР приблизилось к 300 тыс. Затем последовал спад (в 2007—2008 гг. — в 2 с лишним раза по сравнению с 2004 г.), вызванный рядом причин, в числе которых явственно выделяются следующие.

Во-первых, китайские власти озаботились нравственностью, а заодно и расточительностью выезжающих за рубеж граждан, отличающихся пристрастием к азартным играм. В 2005 г. была начата «кампания борьбы с игорным и секс-туризмом», усложнились правила выдачи паспортов: их стали выдавать не перед пересечением границы, а по месту жительства и по более высокой цене¹⁶⁰.

Во-вторых, в 2006 г. срок пребывания в России для участников группового туризма был уменьшен с 30 до 15 дней, а численность группы ограничена 50 участниками¹⁶¹, что резко снизило для них возможность заработать, нелегально поторговав эти дни где-нибудь на рынке.

Чуть-чуть помогает увеличить объем туризма из КНР реализация разработанной там программы организованного социального туризма для инвалидов и пенсионеров. Программа финансируется из государственного бюджета и включает в себя, в частности, поездки тургрупп в Приморье¹⁶².

Между тем, Китай переживает в последние годы настоящий туристический бум. В 2007 г. доходы КНР от обслуживания иностранных туристов составили 41,29 млрд долл.¹⁶³ В страну въехало 13 140 тыс. интуристов, в том числе 1062 тыс. из США, 1920 тыс. из России¹⁶⁴ (по российским данным, 1652 тыс.¹⁶⁵). Темпы роста выездного туризма в 2000-х годах составили около 20 % ежегодно. Однако на Россию в 2004 г. пришлось лишь 2,8 % этого туристического потока — меньше, чем на Японию, и приблизительно столько же, сколько на Вьетнам, Южную Корею и Таиланд¹⁶⁶. На российском Дальнем Востоке контраст между двумя направлениями туристического потока виден наглядно. За сутки из Благовещенска в Хэйхэ выезжают до 1,5 тыс. туристов, а число китайских туристов, прибывающих в Россию через Благовещенск, за весь 2007 г. составило лишь 9,6 тыс., увеличившись по сравнению с 2006 г. на 1 %¹⁶⁷.

Дело, однако, не в числовом контрасте, его вполне можно объяснить и разницей в численности населения двух наших стран, и разной степенью привлекательности их для туристов.

Дело в разительном контрасте между динамикой нашего и китайского туристического бизнеса. Не уделяя должного внимания развитию российского турбизнеса, мы тем самым упускаем и доходы, и возможности создания условий для более тесного знакомства китайцев с нашей страной.

§ 6. Мигранты и закон

Разнообразные и многочисленные нарушения правопорядка — большая тема, идет ли речь о мигрантах вообще, или о мигрантах из КНР, или, если на то пошло, о ситуации в РФ в целом. Противозаконные действия китайских мигрантов не только наносят ущерб российскому государству, но и не лучшим образом влияют на формирование образов Китая и китайца в российском массовом сознании.

Криминальной деятельности китайцев посвящено немало гневных разоблачительных публикаций, в которых правда перемешана с вымыслом, подчас при заметном перевесе в пользу последнего, и которые читаются как беллетристика, написанная в форме документальной прозы. Отчасти это явление объясняется понятной скудостью фактического материала, которым соответствующие органы считают возможным поделиться с общественностью, отчасти же — очевидными пристрастиями авторов.

Между тем, наряду с повышением бдительности граждан — на что, очевидно, и нацелены такие публикации — возникает другая, более конструктивная задача, подчас остающаяся в тени: попытаться выяснить, какие обстоятельства порождают масштабные правонарушения, иными словами, кто и в чем виноват, с кого и за что нужно спрашивать. На этой задаче мы и сосредоточимся в данном разделе.

Априори можно утверждать: масса людей, оторванных от родных мест и попавших в новую для себя страну, где не уважают собственные законы, потенциально представляет собой криминогенную среду. В какой мере будет реализован этот потенциал, зависит от качества работы правоохранительных органов. Впуская в страну поток мигрантов, власти тем самым берут на себя ответственность за то, чтобы обеспечить соблюдение мигрантами законов страны пребывания.

Незаконную деятельность китайских мигрантов можно классифицировать следующим образом:

- нарушения правил въезда через границу, пребывания (проживания) и занятий трудовой деятельностью — все то, что превращает законопослушного мигранта в нелегального;
- экономический криминал, связанный с провозом товаров через границу: контрабанда, «серая растаможка»;
- преступная хозяйственная деятельность на российской территории: незаконное предпринимательство, уход от налогов, подкуп должностных лиц, вывод денежных средств за рубеж через подпольные банки, браконьерство и т. д.;
- уголовные преступления: грабежи, вымогательства, похищения, убийства. Обычно они совершаются китайскими мигрантами в их собственной среде.

Рассмотрим эти виды правонарушений по порядку.

О нелегальных мигрантах мы уже писали выше, в разделе «Китайская квазидиаспора: численность, занятия», где высказали предположение, что количество нелегальных мигрантов всех видов из КНР входит в общее число китайских мигрантов в России (не более 400—500 тыс. человек) и составляет приблизительно его половину. Заметим, что среди всей массы трудовых мигрантов в целом доля нелегальных гораздо больше.

Косвенным образом о пропорции легальных и нелегальных мигрантов говорит и такой факт. В первой половине 2009 г. на Черкизовском рынке была проведена проверка документов у 4000 работавших там иностранных граждан. Из них нелегальными оказались около 900 чел.¹⁶⁸, в том числе китайцев — 150 чел., среди которых 50 — с просроченными визами, а 100 остались без работы из-за кризиса¹⁶⁹. Между тем, доля китайских коммерсантов на рынках ЦФО, как мы отмечали ранее, составляет 76 %, и это лишний раз доказывает, что доля нелегалов среди китайских мигрантов относительно невелика.

Китайцев, незаконно въезжающих в Россию, судя по всему, совсем немного. Однако время от времени эпизоды незаконного пересечения границы имеют место и даже могут носить характер организованной преступности. Так, в 2007 г. в Хабаровске состоялся суд над гражданином КНР Юань Лунхэ, которому было предъявлено обвинение по статье Уголовного кодекса «Организация незаконной миграции». Обвиняемый, зарегистрировав в Хабаровске несколько фирм на российских граждан, вместе со своим поделником в Суйфэнхэ организовал оформ-

ление фиктивных документов для въезда в Россию, пользуясь содействием одного из сотрудников миграционной службы. Подельники были арестованы одновременно, один — в Китае, другой — в России¹⁷⁰.

В прессе сообщается о случаях, когда для нелегального проникновения на территорию России используются «прозрачные рубежи, которые сохраняются у России с некоторыми странами СНГ».

Директор ФМС К.О. Ромодановский, говоря о китайских мигрантах, отметил: «У нас есть, конечно, с ними проблемы, в том числе и нелегальный транзит в Западную Европу через нашу страну под видом туристов»¹⁷¹.

Однако в массе своей нелегальные китайские мигранты являются таковыми из-за нарушений паспортно-визового режима и незарегистрированной трудовой деятельности. В известной мере эти нарушения связаны с жесткими рамками визовых правил (для продления визы мигрант в определенных случаях бывает вынужден вернуться в Китай), а также со сложностью и длительностью оформления разрешительных документов на ввоз рабочей силы.

Правительство России ведет постоянную борьбу с нелегальной миграцией с помощью целого ряда мер, в число которых входят:

- взимание штрафов за нарушение правил пребывания в России, а также за незаконное использование труда иностранных рабочих. Размер штрафов с течением времени повышается;
- проведение на постоянной основе спецопераций типа «Иностранец» и «Нелегал» с целью выявления фактов незаконной миграции. О масштабах и результатах операций такого рода можно судить по следующим примерам. В марте 2007 г. в ходе операции «Иностранец» в Еврейской автономной области были проверены 902 иностранных гражданина, к административной ответственности привлечены 62 гражданина и 4 должностных лица, выдворены из России 7 граждан КНР. Сумма штрафов составила более 190 тыс. руб.¹⁷²

В ноябре 2007 г. во время операции «Нелегал» в Хабаровске было проверено 1500 иностранных граждан, выявлено свыше 500 административных правонарушений, в том числе со стороны работодателей, выдворено 14 иностранных рабочих. Сумма штра-

фов превысила 600 тыс. руб.¹⁷³ В ноябре 2008 г. в рамках операции «Нелегал-2008» в Приморье пограничники совместно с сотрудниками миграционной службы задержали 297 иностранцев, 20 % из них — в пограничной зоне, в основном — граждан КНР. Сумма штрафов — около 100 тыс. руб.¹⁷⁴ Операции такого рода дают скромные результаты по сравнению с численностью нелегальных мигрантов, однако их профилактическая роль представляется достаточно значимой.

Одним из важнейших поставщиков нелегальной миграции являются туристические группы, члены которых зачастую не возвращаются на родину вместе со своей группой, а остаются в России до конца визового срока, а то и после его окончания, занимаясь в это время торговлей на рынках. Чтобы затруднить превращение туристов в нелегальных коммерсантов, происходившее несмотря на взыскания штрафов с турфирм, срок действия туристической визы в 2006 г. был сокращен с 30 до 15 дней, а для численности туристической группы установлен потолок в 50 человек (см. раздел «Туристы»).

В определенной мере сокращению числа нелегальных мигрантов способствуют меры по упрощению процедуры регистрации мигрантов.

Очевидно, что качественного сокращения объемов нелегальной миграции, в том числе китайской, невозможно добиться посредством вышеназванных мер. Поэтому с нелегальными мигрантами, исчисляемыми миллионами, приходится мириться. И если полпред в Дальневосточном федеральном округе К. Исхаков не погрешил против истины, заявив: «Мы обладаем точными цифрами, сколько человек, граждан какой страны трудится на том или ином производстве, в той или иной отрасли народного хозяйства, знаем, где они проживают»¹⁷⁵, то Дальний Восток должен считаться счастливым исключением на фоне общей ситуации в России, когда ни один орган власти не в состоянии огласить более или менее точное число мигрантов, ни в совокупности, ни хотя бы только китайских; ни легальных, ни нелегальных.

Впрочем, есть и другие оценки, не менее авторитетные, относительно Дальнего Востока. Глава МВД России Р. Нургалиев назвал рост незаконной миграции, наряду с усилением напряженности в ДВФО и масштабами криминализации его экономики, серьезной угрозой национальной безопасности страны¹⁷⁶.

Подчас в сфере нелегальной миграции открываются поразительные случаи. Так, в сентябре 2006 г. в Волгоградской области

сотрудники милиции, проводя операции «Урожай» и «Мигрант», задержали 44 сезонных сельскохозяйственных рабочих, незаконно трудившихся на полях одного из районов. У задержанных отсутствовали и документы, удостоверяющие личность, и разрешения на трудовую деятельность. В ходе проверки было установлено, что на арендованных полях они «не только грубо нарушали все санитарные и агротехнические нормы, но и использовали сильнейшие химические вещества — ускорители роста, вследствие чего земля оказалась «перенасыщена вреднейшими химическими составами»¹⁷⁷. Случаи применения китайскими крестьянами запрещенных в агрохимии средств фиксируются в различных районах страны.

Правительство КНР решительно выступает против нелегальной миграции в Россию. Министерство общественной безопасности КНР совместно с другими ведомствами ведут последовательную борьбу с нелегальным пересечением российско-китайской границы, против посредников, организующих преступные акции такого рода. Как отметил посол КНР в России Лю Гучан, благодаря усилиям китайской стороны, количество граждан Китая, незаконно остающихся в России, сокращается с каждым годом¹⁷⁸.

Противодействие нелегальной миграции является одним из важных направлений российско-китайского взаимодействия, зафиксированным в двусторонних документах самого высокого уровня. В Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 2001 г. записано: «Договаривающиеся стороны сотрудничают в борьбе с нелегальной миграцией, в том числе с незаконным перемещением физических лиц через свои территории»¹⁷⁹. Проблема нелегальной миграции затрагивается на ежегодных консультациях министров иностранных дел двух стран. В 2006 г. двумя МИДами была создана Совместная рабочая группа по вопросам миграции. В «Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики» от 26 марта 2007 г. отмечалось: «Уверенно развивается российско-китайское сотрудничество в сфере миграции. Успешно работает Совместная рабочая группа по вопросам миграции. Стороны намерены продолжать взаимодействие в области борьбы с незаконной миграцией»¹⁸⁰. Любопытно, что в 2001 г. стороны даже предприняли попытку организовать в экспериментальном порядке совместную охрану российско-китайской границы на Бикинско-Жэхэском участке¹⁸¹.

Вообще, на международной арене китайское правительство ведет активное наступление на нелегальную эмиграцию из страны, сотрудничая в этой области со многими государствами (подробнее см. в ниже гл. 3)

Среди нарушений закона, связанных с переправкой товаров через границу, прямая контрабанда, т. е. тайный провоз с сокрытием от таможенного контроля, занимает сравнительно скромное место. Таким способом везут небольшие по объему партии товаров, которые можно спрятать в укромных местах. Например, это разнообразный ширпотреб (одежда, обувь, проводные и сотовые телефоны), сувениры, даже кожаные кресла, а как особый вид контрабанды — наркотики и сильнодействующие вещества. Все это везут в Россию не только через российско-китайскую границу, но и через Казахстан, и не только граждане КНР, но и наши соотечественники, и граждане центральноазиатских республик.

Подобным же образом из России в Китай контрабандным путем пытаются переправлять товары животного происхождения: шкурки пушных зверей, морские продукты, древесных лягушек, медвежьи лапы, дикоросы и т. д. Контрабандный товар таможенники находят под одеждой, под сиденьями автомобилей, в межпотолочном пространстве железнодорожных вагонов, даже в шинах грузовиков.

Другой незаконный способ провоза через границу грузов, в том числе значительных по объему партий, состоит в их недостоверном декларировании и занижении стоимости. Так, в 2006 г. в Приморском крае был задержан целый железнодорожный состав, груженный, судя по документам, жиром подкожным и шпиком хребтовым, а на самом деле — сортовым мясом. По просьбе Приморской краевой прокуратуры Народная прокуратура пров. Хэйлунцзян выяснила, сколько таких поставок было за предшествующие три месяца. Оказалось, 28 — более 10 тыс. т!¹⁸²

Помимо этого, временами российскому потребителю предлагают недоброкачественные продовольственные товары, не имеющие российских ветеринарных сертификатов; детские товары, изготовленные в нарушении санитарных норм, и т. д. Имеются и факты поставки различной контрафактной продукции, от очков до игровых автоматов.

Необходимо отметить, что борьбу с контрабандой из КНР, наркотрафиком, так же как и с незаконным пересечением границы, российские таможенники и правоохранительные органы

ведут в постоянном взаимодействии с китайскими коллегами. Организуются регулярные встречи российских и китайских погранпредставительств, рабочие и протокольные встречи органов прокуратуры, милиции, налоговых и таможенных служб. Еще в 1996 г. было заключено «Соглашение о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и злоупотребления ими». В 2008 г. Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков открыла свое представительство в Китае. Примечательный факт: в 2007 г. группа китайских полицейских была награждена медалями РФ за содействие российским органам наркоконтроля в операциях по пресечению поставок в Россию больших партий наркотиков. Годом ранее наркополицейские перекрыли один из крупнейших каналов, по которому наркотики регулярно переправлялись в Благовещенск¹⁸³.

В 2004 г. во Владивостоке было подписано соглашение о сотрудничестве Дальневосточного таможенного управления и Харбинской таможни. Этим было положено начало организации обмена информацией, в рамках которого российским таможенникам могли бы передаваться из Харбина сведения о содержании экспортных деклараций на ввозимые в Россию китайские товары¹⁸⁴. В 2007 г. был подписан протокол в Кремле, означавший дальнейшее развитие сотрудничества в этом направлении.

Особое место в таможенной практике занимает так называемая серая таможенная очистка — ввоз товаров по коррупционным схемам, главная из которых именуется по-китайски «*бао цзи бао шуй*» («оплата авиатранспорта и пошлин» с вариантами: «оплата автотранспорта и пошлин», «оплата водного транспорта...», «оплата хранения...»). Суть ее состоит в том, что груз ввозится в Россию через некие российские брокерские компании, которым владелец груза оплачивает разом и транспортировку, и таможенные пошлины, после чего товар доставляется в указанное место, но без должным образом оформленных документов о прохождении таможни. (Иногда к «серой растаможке» относят также не облагаемый пошлинами провоз товаров «челноками» в качестве личного багажа.)

«Пакетный» способ провоза товаров через границу позволяет их хозяевам экономить время и средства. Основная клиентура «серой растаможки» — мелкие и средние фирмы, т. е. субъекты «народной торговли». Они утверждают, что вынуждены пользо-

ваться «серыми» схемами, так как таможенные тарифы в России чрезмерно высоки, особенно на обувь, пуховые изделия и т. п., и проводить эти товары через таможенную обычным путем им просто не под силу. Они жалуются также на сложность и длительность процедур таможенной очистки, способных попросту перекрыть товару дорогу к рынку. В наугад выбранных сообщениях китайской прессы можно встретить, например, сетования на трехмесячную волокиту, в результате которой товары, предназначенные для новогодних подарков, до праздника не успели дойти до рынка. Или рассказ о том, как экспортеру пришлось заполнять таможенные декларации по отдельности на каждый из нескольких десятков сортов конфет, и пока длилось оформление, срок годности товара истек¹⁸⁵. (Впрочем, тут возникает вопрос, много ли оставалось времени до истечения срока в момент поступления товара на таможенную.) Или жалобу на то, что при исчислении налога с пуховой куртки ее стоимость оценивают в 50 долл. при действительной цене в 20 долл.

Введенная еще в 1990-е годы, «серая растаможка», как отмечают китайские эксперты, «быстро заменила собой прежний метод, основанный на занижении стоимости товаров при их декларировании на таможне. Она открыла новые области китайско-российской народной торговли и быстро привела к многократному увеличению ее объема — как если бы тигру приделали крылья»¹⁸⁶. Более того, этот двусмысленный способ прохождения таможен стал преобладающим, и в этой оценке сходятся специалисты обеих стран. По мнению российского Центра стратегических разработок, «основная часть китайского экспорта в Россию фактически не подвергается формальной процедуре растаможивания и является объектом так называемой «серой растаможки»¹⁸⁷. По словам китайских партнеров, «после 2000 г. компании, занимающиеся таможенной очисткой, заняли едва ли не монопольное положение, и в течение определенного периода «серая растаможка» стала почти единственным каналом для российского импорта»¹⁸⁸. Свидетельством в пользу этих утверждений может служить исчисляемая миллиардами разница между китайскими данными об экспорте в Россию и российские данные об импорте из КНР (среди других причина столь значительного расхождения называют и ввоз товаров в Россию «челноками» в качестве личных вещей). По мнению полпреда Сибирского федерального округа А. Квашнина, ежегодный объем «серого» импорта китайских товаров в Россию достигает 6 млрд долл.¹⁸⁹

Серый импорт наносит серьезный ущерб российскому государству: он сокращает объем поступлений в бюджет и служит одной из причин дешевизны китайских товаров на нашем рынке, что создает давление на отечественного производителя — хотя, с другой стороны, отвечает интересам российского потребителя. Между тем, по словам главы Минэкономразвития (2007 г.) Г. Грефа, «российская легкая промышленность очень чувствительно реагирует на ситуацию в данной сфере, и при улучшении ситуации с таможенным администрированием способна быстро развернуть производство»¹⁹⁰.

Для китайских экспортеров обратной стороной «серой» оплаты таможенных пошлин является то обстоятельство, что груз, пересекший границу без соответствующих документов, считается контрабандой неизвестного происхождения и подлежит конфискации. Действительно, китайские товары неоднократно подвергались проверкам и изъятиям. По китайским данным, только за 2000—2001 гг. российская милиция произвела более 100 конфискации, изъев товаров более чем на 100 млн долл.¹⁹¹

Крупнейшая акция такого рода имела место в феврале 2004 г. на московском рынке «Эмерал», где китайские бизнесмены, главным образом из провинций Чжэцзян и Фуцзянь, арендовали более 300 контейнеров для торговли ширпотребом: в течение нескольких дней сотрудники Следственного комитета МВД изъяли 85 % китайских товаров на сумму около 30 млн долл.¹⁹² В марте 2005 г. на рынке «Садовод» под Москвой был произведен арест большой партии обуви, главным образом из г. Вэньчжоу, на сумму порядка 80 млн юаней¹⁹³ (более 10 млн долл.). Причина ареста — отсутствие документов, подтверждающих прохождение таможенной очистки и право собственности на товар.

Еще более значительный размах имела проверка, проведенная в сентябре 2008 г. на Черкизовском рынке. В ходе проверки были арестованы партии китайской обуви, одежды, чулочных изделий приблизительно на 2 млрд долл., от чего пострадали более 2 тыс. фирм Чжэцзяна, Фуцзяни, Цзянсу, Шаньдуна, Сычуани¹⁹⁴. В июне 2009 г. факт обнаружения контрабандного груза стал достоянием российской прессы. Груз был ввезен через Балтийскую таможню и размещался в 6 тыс. контейнеров на складах компаний группы «АСТ». В 58 контейнерах частичная проверка обнаружила детскую одежду и обувь, не соответствующую санитарным нормам и потому не пригодную для употребления¹⁹⁵.

Нужно подчеркнуть, что во всех таких случаях китайские власти самым энергичным образом встают на защиту своих соотечественников, возражая против изъятия у них товаров, требуя возврата конфискованного имущества. У китайской стороны есть серьезный аргумент: посреднические компании открыто предлагают свои услуги и реализуют их, не подвергаясь никаким санкциям; следовательно, их деятельность является законной; но тогда столь же законным нужно считать и использование китайскими коммерсантами их услуг. К урегулированию конфликтов подключаются высокие дипломатические инстанции, и, таким образом, инциденты приобретают политическую окраску, диссонирующую с общей атмосферой российско-китайских отношений.

Вообще, правительство КНР выступает категорически против использования «серых» схем таможенной очистки, которая создает серьезные риски для китайского бизнеса, бьет по экономическому сотрудничеству двух сторон, вносит элемент недоверия в их отношения. Кроме того, китайские предприниматели, проходящие таможду нормальным способом, оказываются в невыгодном положении рядом с их недобросовестными конкурентами.

В силу всех этих причин китайские власти обращают серьезное внимание на контроль над экспортными товарами, требуют от предпринимателей строго соблюдать российские законы. Китайские ведомства, представительства в России, СМИ ведут большую разъяснительную работу с коммерсантами: информируют их об изменениях в российском таможенном законодательстве, убеждают в невыгодности, в конечном счете, «серой растаможки» (стоит ли идти на риск потерять весь товар ради разницы между нею и законной таможенной очисткой: 28 тыс. долл. в первом случае и 30—40 тыс. во втором?).

Стремясь обезопасить своих соотечественников от опасных коллизий, китайская сторона охотно идет на сотрудничество с российской. В 2003 г. проблема таможенной очистки обсуждалась во время встречи в Пекине премьеров М. Касьянова и Вэнь Цзябао. На следующий год была создана рабочая группа по упорядочению двусторонней торговли, был принят ряд документов. В тот же период в провинциях Чжэцзян, Сычуань и Цзилинь министерство торговли КНР и Минэкономразвития РФ организовали семинары по вопросам торгово-экономического сотрудничества, в том числе по таможенным проблемам.

В июне 2009 г. был создан механизм таможенного сотрудничества, призванный «способствовать борьбе с «серыми схемами» растаможки»¹⁹⁶.

В ходе диалога между заинтересованными ведомствами двух стран с каждой стороны предпринимались попытки возложить на другую ответственность за «серый импорт»¹⁹⁷. Китайская сторона делала это, пожалуй, в более примирительной форме, признавая «серую растаможку» «продуктом социальных перемен на начальном этапе трансформации российского общества», а также «одной из форм торговли, сложившейся в особых условиях развития экономик Китая и России при переходе к рынку»¹⁹⁸. Вместе с тем китайские официальные лица объясняют широкое использование «серой растаможки» в практике экспортеров завышенными таможенными пошлинами и, исходя из этого, настаивают на снижении пошлин и упрощении таможенных процедур.

С формально-юридической точки зрения претензии за «серую растаможку» можно предъявить обеим сторонам: и российским брокерским компаниям, в порядке платной услуги волшебным образом проносящим товары невидимыми сквозь таможенные барьеры; и китайским коммерсантам, соблазняющимся услугами со скидкой, но зато не получающими необходимых таможенных документов. Но если мы хотим этот феномен устранить, необходимо и достаточно расколдовать российскую таможенную систему.

В середине XIX — начале XX вв. китайская таможенная служба находилась под контролем английских чиновников, что справедливо расценивалось в Китае как частичная утрата государственного суверенитета. Но российская таможенная служба, а равно другие ведомства, имеющие отношение к ее работе, управляются исключительно гражданами суверенной Российской Федерации, имеющими полную возможность установить там такие порядки, какие они считают нужными. Следовательно, в российской почве и таится корень зла, китайцы же не имеют к нему ни малейшего отношения. Какого рода этот корень, ни для кого ни секрет — ни для россиян, ни для китайцев. «Для кадрового таможенника «серая растаможка», заниженная таможенная стоимость и другие уловки — это бизнес... Оперативники называют все «серые», «серенькие» и «сероватые» схемы одним словом: «контрабанда»¹⁹⁹.

Китайские эксперты говорят о том же, не боясь быть откровенными: «Фактически «серая растаможка» представляет собой

незаконный способ уклонения от налогов, существующий в России уже не один десяток лет. Самое главное — что все эти компании сплошь и рядом работают с позволения и одобрения российской таможни»²⁰⁰.

Разумеется, в Китае ясно понимают социально-экономический субстрат этого явления: «Вокруг «серой растаможки» и пакетной оплаты «транспорт плюс пошлины» за годы их существования в России сложились группы интересов, чьи корни тесно переплетены между собой. Эти группы обладают огромным могуществом, ликвидировать «серую растаможку» — значит, закрыть им дорогу к обогащению, поэтому они всеми силами оттягивают момент ликвидации нерегулярной торговли»²⁰¹.

В марте 2007 г. на заседании правительства глава Минэкономразвития Г. Греф заявил, что считает «первоочередной задачей трехлетки 2008—2010 гг. полное решение проблемы «серой» и «черной» растаможки импортных товаров»²⁰².

«Хотя «серую растаможку» невозможно уничтожить в одно мгновение, ее время истекает», — предсказывали китайские наблюдатели еще за два года до заявления Грефа²⁰³. Оправдается ли их оптимизм?

В связи с упомянутым выше фактом контрабандного ввоза обуви в 2005 г. обуви из Китая Следственный комитет МВД РФ возбудил уголовное дело, но оно, по всей видимости, ушло в песок, по крайней мере, результаты его общественной известности неизвестны.

По поводу обнаруженного в 2008 г. контрабандного груза на Черкизовском рынке Следственный комитет при Прокуратуре РФ в середине 2009 г. также возбудил уголовное дело, однако, не смог найти хозяев груза (!).

Громкой акцией, проведенной под лозунгами борьбы с нелегальными формами торговли и нелегальной миграцией, стало закрытие вслед за тем, в июне 2009 г. Черкизовского рынка — места крупнейшего сосредоточения иностранных коммерсантов, в первую очередь китайских. Неожиданно опечатав рынок, московское правительство лишило трудившихся там торговцев не только рабочих мест, но и доступа к их собственным товарам. При этом стоимость товаров, принадлежавших китайским хозяевам, составила, по оценкам, 5—8 млрд долл. Попытки китайских коммерсантов вместе с вьетнамскими в знак протеста перекрыть Щелковское шоссе и провести митинг в центре Москвы были легко блокированы милицией.

Но в Китае эта история приобрела широкую огласку, и разразился небольшой международный скандал. В действие пришлось вступить дипломатическим ведомствам обоих государств. В Москву в срочном порядке прибыла из Пекина делегация министерства коммерции. Союз китайских предпринимателей в России создал временную координационную группу, добившуюся права совместно с российскими чиновниками проверять нарушения на рынке. «После конструктивной работы и дружественных консультаций, — сообщала китайская пресса, — стороны достигли широкого понимания». В свете достигнутого понимания китайская сторона недвусмысленно напомнила:

«В течение последних двадцати лет народная торговля вносила в развитие торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией вклад, который нельзя недооценивать».

«Проблема «серых схем» растаможивания стала серьезным препятствием на пути здорового развития народной торговли между двумя странами».

Была выражена надежда, что «российская сторона реально защитит личную безопасность и имущество китайских граждан во избежание нанесения ущерба достоинству китайцев и с целью минимизации их экономических потерь».

Вместе с тем было указано, что «единственным выходом для китайских торговцев и бизнесменов в России является вступление на путь законного ведения бизнеса»²⁰⁴.

Авторитетная газета «Хуаньцю шибао» в те дни писала: «Полностью решить проблему «серой растаможки», переложив ее на китайских предпринимателей, невозможно. Российские власти должны укрепить внутреннее управление, не давать ходу чиновникам, которые богатеют за счет «серой растаможки», бороться с теми должностными лицами, которые на этом делают состояние»²⁰⁵.

С этими утверждениями трудно не согласиться. Борьба с нелегалщиной на рынках должна заключаться не в уничтожении рынков, позволяющих удовлетворять жизненные потребности населения, а в ликвидации «серых схем» и укреплении миграционного контроля, короче говоря, в устранении коррупции. Если у человека грязные волосы, нужно хорошенько помыть голову, а не снимать с него скальп.

Незаконная экономическая деятельность китайских мигрантов на российской территории составляет такую же часть законной и так же неразрывно связана с нею, прикрывается ею, как и

вся теневая российская экономика относительно ее открытой части²⁰⁶. Происходящая экономическая интеграция российского Дальнего Востока с приграничными провинциями КНР, принося множество выгод обеим сторонам, вместе с тем превратила южную часть этого региона в очаг криминала, как российского, так и китайского, наносящего огромный и притом зачастую невосполнимый ущерб нашей стране. В числе основных видов совершающихся там преступлений:

- незаконная вырубка леса;
- хищническая добыча таежных, морских, речных даров природы, в том числе посредством набегов через границу. (Вплоть до того, что для добычи древесных лягушек в водоемы выливают отравляющие вещества)²⁰⁷;
- скупка леса, металлолома, биоресурсов у криминальных структур за «черный» нал, скупка с использованием «откатов» и т. д.;
- контрабандный вывоз этой продукции в Китай;
- нарушение экологического законодательства, в том числе правил недропользования при золотодобыче на арендованных участках;
- организация подпольных банков, нелегальные финансовые операции в собственной среде.

Наиболее масштабные преступления связаны с лесом, экспортируемым в Китай, Японию и Корею. По словам начальника департамента экономической безопасности МВД России на Дальнем Востоке, «высокая оборачиваемость средств сделала лесную отрасль чрезвычайно привлекательной для криминальных структур». Он отмечает, что вдоль границы в Китае «развернута широкая сеть пунктов скупки, где контрабандисты по бросовым ценам сбывают незаконно заготовленную древесину»²⁰⁸.

Ситуация с незаконной хозяйственной деятельностью на Дальнем Востоке делает вполне логичным сращивание криминального подполья с российской и китайской сторон. Как утверждают с долей осторожности ответственные работники МВД (в данном случае, начальник Приморского отдела ВНИИ МВД России), «мы можем говорить о создании транснациональных преступных групп» в Приморском крае²⁰⁹. Но, независимо от действительной степени взаимодействия преступных организаций двух стран, нельзя не признать: современная российская действительность с ее бессудностью, застарелыми прорехами в законе,

коррупцией и слабостью власти, раздерганной по звеньям и ветвям, открывает неоглядные просторы для расцвета «взаимодополняющей» двусторонней преступности, фактически прямо провоцирует ее.

Российская теневая экономика не только предоставляет соблазнительные возможности для криминального партнерства с нею; сплошь и рядом она вынуждает китайского коммерсанта действовать в обход закона. А китайский коммерсант, в свою очередь, ведет себя точно так же, как и наш, российский: он охотно принимает правила игры, если они ему выгодны, и выполняет их против своей воли в остальных случаях. «Китайские торговцы, стремящиеся встать на ноги, могут лишь следовать сложившимся правилам, т. е. “войдя в деревню, чтить ее обычаи”»²¹⁰. Вот несколько разного рода примеров из этой области.

Таможенные сборы. В 2003 г. 18 лесозаготовительных предприятий Иркутской области заплатили всего 558 тыс. руб. налогов, хотя только через иркутскую таможенную было вывезено около 3 млн куб. м леса. При этом, по данным областной администрации, в области действовало около сотни пунктов продажи леса без всяких документов, за наличные деньги. В марте появился приказ о создании в области 13 таможенных пунктов с исключительным правом пропуска леса за границу, и тут же китайские коммерсанты повысили на 8 долл. предлагаемую цену за 1 куб. м²¹¹.

«В чужие дела лезть не хочу. Но о 10 долл. отката таможен за 1 т металла в Забайкальске говорят очень многие. Хотя лично мы никогда никому откаты не платили и платить не будем», — категорически заявляет Юрий Потолицын, представитель крупной читинской компании «Втормет»²¹². Многочисленные сообщения такого рода, не будучи прямым свидетельством противозаконных действий, тем не менее, соединяясь с личным опытом россиян, складываются в достаточно убедительную картину преступности, которую правильнее называть не китайской, а российско-китайской.

Налоги, пошлины. Типичный китайский коммерсант, торгующий на рынке, не платит налоги, зато выплачивает администрации рынка большую арендную плату (за аренду контейнера в Москве — 5—8 тыс. долл. в 2007 г.²¹³), что обеспечивает ему сносное полуполюгальное положение, не избавляющее его, однако, от милицейских поборов.

Скупка сырья. Знакомый китайский коммерсант рассказывал мне, как однажды он долго и трудно вел переговоры с директором некоего российского предприятия, предлагая ему сделку на самых выгодных условиях. Директор же, в конце концов, заключил контракт с другим коммерсантом, приятелем первого, причем на условиях гораздо менее выгодных для своей фирмы. Победитель объяснил затем своему проигравшему товарищу-конкуренту, что совершил двойную сделку: и с фирмой в лице директора, и лично с директором. Он назвал это «*и э вэй э*», что означало: «вести дела с россиянами на российский манер».

Регистрация фирм. Согласно инструкции, каждая фирма должна иметь свой офис. Однако мелкому торговцу такая роскошь, за которую придется платить минимум 3 тыс. долл. в год, просто не нужна. Точно так же не нужен офис и коммерсанту покрупнее, который арендует на рынке контейнер, забивает его товаром, а в конце выгораживает себе крохотное помещение под контору, со столом и телефоном. Беда, однако, в том, что контейнер — это не адрес, и офис в контейнере не подлежит регистрации. Поэтому и первому, и второму коммерсантам ничего не остается, как обратиться к специальному маклеру, который устраивает им фиктивный договор об аренде офиса за 400—450 долл. в год. Все это, разумеется, сопровождается дачей взятки соответствующим чиновникам.

Нелегальный вывоз валюты — один из видов правонарушений, наиболее глубоко скрытых от глаз общественности. Однако в некоторых случаях кое-что удается обнаружить. Так, в 2005 г. в Благовещенске был выявлен гражданин КНР, который, организовав подпольный банк, переправил в Китай 142 млн руб. от 150 соотечественников и 11 россиян²¹⁴.

Нелегальные турфирмы. В эту картину вполне гармонично вписывается деятельность китайских нелегальных туристических фирм, гиды которых вольны как угодно интерпретировать факты из истории России и российско-китайских отношений. По законам РФ осуществлять туристическую деятельность в России имеют право только чисто российские компании, а также совместные компании с доминирующим российским участием, однако это не мешает китайским фирмам работать вполне открыто, в том числе на территории Московского Кремля.

Нарушения паспортно-визового режима. Их совершают, главным образом, лица, прибывшие без виз как туристы, но не выехавшие в срок; а также лица, приехавшие по приглашению ка-

кой-либо фирмы на 1—6 месяцев, а затем оставшиеся в России нелегально, поскольку фирма не оформляет для них подтверждения на право трудовой деятельности — документа, позволяющего находиться в стране в течение одного года. Существуют фирмы, которые за немалые деньги (порядка 1500 долл.) делают десятки приглашений, каковыми и ограничивают свои отношения с прибывшими соотечественниками.

Еще один вид нарушений заключается в том, что мигрант живет в общежитии или китайской гостинице, будучи зарегистрирован по фиктивному адресу на некоей квартире, разумеется, за определенную плату хозяину квартиры. Он и рад бы зарегистрироваться там, где живет, но хозяин общежития не дает согласия на это, чтоб не платить налог, а снять квартиру по-настоящему — дорого. Общежитие может принадлежать китайцу, а может и российской организации — в данном случае разницы между ними никакой. Известны студенческие общежития, где живут китайцы, ни один из которых не зарегистрирован в ОВИР.

Безусловно, негативные стороны деятельности китайских мигрантов, вносящих свою долю в криминализацию российской жизни, заслуживают бескомпромиссного осуждения. Однако не более сурового, чем аналогичные действия наших собственных недобросовестных дельцов. Некоторые россияне, преисполненные патриотических чувств, относятся более снисходительно к отечественным жуликам только потому, что те — «свои», и нажитые ими капиталы остаются в российских руках (всегда ли так на самом деле?). Некоторые другие изображают Россию жертвой «китайского ограбления». Но надо ясно отдавать себе отчет: основные истоки китайской преступности в России — в криминальном характере нашей российской действительности; питательная среда для китайских правонарушений — наша общественная система с ее пороками и дефектами.

Вымогает ли чиновник взятку у китайца или тот сам предлагает ее, подвергая испытанию его нравственные устои, — в любом случае все упирается в чиновника, потому что он — власть. За нечестную сделку российского «фирмача» с китайским коммерсантом, покупающим металл или лес, спрашивать надо прежде всего с «фирмача»: он — хозяин положения, законы и интересы своей страны нарушает он, а не китаец. За продажу на российском рынке опасных для здоровья недоброкачественных товаров должны отвечать производитель и продавец товара. Но

без четкой работы органов санитарного контроля и правоохранительных структур законное право потребителя на доброкачественный товар превращается в фикцию. Китайские крестьяне, которые выращивают овощи на российских полях, применяя запрещенные ядохимикаты, безусловно, являются нарушителями закона. Но какова здесь роль сельскохозяйственного надзора, не имеющего, оказывается, необходимых приборов для выявления некондиционной продукции?

Заставить одних китайцев вступить на стезю законопослушания невозможно: те, кто кормится от китайцев, собирая с них невидимую дань, прикрывают своих данников от ока и десницы закона непробиваемым щитом. Тем самым они воспроизводят и консервируют совместную российско-китайскую теневую систему, возникшую путем сращивания взаимно дополняющих друг друга различных видов криминала.

И далее: если мы не в состоянии справиться с нашими преступниками, наносящими гигантский урон нашей стране, — то имеет ли смысл требовать от Китая приструнить китайских граждан, нарушающих чужие законы на чужой территории, тем более что они, в отличие от наших, не наносят ущерба своей стране?

Впрочем, в другой области — *уголовных преступлений* — дело обстоит иначе. Такие уголовные преступления, как вымогательства, убийства, грабежи, китайские мигранты совершают, за редкими исключениями, в собственной среде. В российские правоохранительные органы по таким делам китайцы предпочитают не обращаться. Но если преступники задержаны и изобличены российским правосудием и переданы на китайскую сторону — там их ждет суровое наказание, вплоть до смертной казни²¹⁵. О сотрудничестве правоохранительных органов двух стран в деле борьбы с наркотрафиком, контрабандой, трансграничной преступностью мы уже говорили в этом же разделе.

В заключение раздела приведем интересный документ — наставление Министерства торговли КНР тем, кто намеревается делать бизнес в России.

«1. Хорошенько изучите российский рынок, прежде чем выходить на него со своим товаром.

2. Действуйте только установленными путями, выполняйте все положенные процедуры, не давайте никаким должностным лицам повода для вымогания взяток. Например, в приглашении и в заявлении о выда-

че визы должна быть указана одна и та же цель поездки. Зарегистрируйтесь в течение трех дней после въезда на территорию России.

3. Соблюдайте законы страны пребывания. Недавно посол в России Лю Гучан на совещании с зарубежными китайцами подчеркнул: от соблюдения соотечественниками законов решающим образом зависит, смогут ли они утвердиться в стране. Только строго соблюдая все положения законов, действуя по закону, можно быть принятым в обществе страны пребывания, обеспечить себе условия длительного проживания и развития. Это касается всех китайских граждан в России. Как показывает практика, при возникновении инцидентов, вызванных нарушением закона, консульская защита оказывается малоэффективной.

4. Инвесторам, предприятиям следует смотреть подальше вперед, учитывать политическую обстановку в стране пребывания. Конец «серой растаможки» уже не за горами, решение российского правительства покончить с ней, навести порядок на рынке начинает воплощаться в жизнь. Китайским фирмам и предприятиям необходимо отрегулировать свою деятельность, изменить методы торговли.

5. Умейте и не бойтесь защищать себя. На данном этапе обстановка в России еще не такова, как хотелось бы, общественная безопасность не вполне обеспечена, исполнители законов подчас сами их нарушают. Тем не менее, судебные структуры регулярно функционируют, равно как и органы внутреннего контроля в милиции. Нужно знать, как вызвать милицию, как подать жалобу. Нужно быть готовым к различным инцидентам и действовать спокойно, если они возникнут»²¹⁶.

Последний пункт в этом документе стоит особняком от остальных: он касается не соблюдения закона мигрантами, а, наоборот, их поведения, если закон нарушен в отношении их самих — в случае посягательств на их личные права. Это — одна из самых актуальных проблем, касающихся жизни мигрантов в России: нападения, ограбления, вымогательства стали для них повседневностью. Подчас происходят и убийства китайцев, как это имело место, например, в Хабаровске 14 января 2007 г. В Совместной декларации РФ и КНР от 26 марта 2007 г. стороны выразили намерение «предпринимать эффективные меры для защиты жизни, имущества и законных интересов граждан другой страны»²¹⁷, однако пока еще необходимая эффективность не достигнута.

В этих обстоятельствах посольство и консульства КНР, китайские общественные организации, турагентства постоянно, особенно накануне праздников, призывают соотечественников, находящихся на российской территории, проявлять осторож-

ность, не выходить на улицу в темное время суток, держаться подальше от значных мест. Попавшим в беду рекомендуется вызывать милицию и сообщать о происшествии в китайские представительства. «Посольство КНР будет всеми силами защищать законные права китайских граждан».

Действительно, в серьезных случаях китайская сторона без колебаний реагирует достаточно решительным образом, используя дипломатические каналы. Когда в Иркутске в 2005 г. произошла крупная стычка между милицией и китайскими рабочими, в ходе которой с обеих сторон имелись пострадавшие, китайские дипломатические органы потребовали провести тщательное расследование, наказать виновных и предпринять действенные меры, чтобы избежать повторения подобных инцидентов. Дело получило широкую огласку, и китайские СМИ, обычно освещающие жизнь мигрантов в России в спокойной манере, на этот раз не поскупились на похвалы рабочим, сумевшим на чужой земле «постоять за себя». Китайская пресса отмечала: «Этот инцидент не случаен. Российская милиция пользуется дурной славой. У китайцев в России имеются три источника страха: милиция, таможня и скинхеды»²¹⁸.

Нападения на китайских граждан раскрываются не чаще, чем на мигрантов из других стран, и лишь иногда правосудие настигает преступников. Так, в 2005 г. за нападение на граждан КНР были осуждены на сроки от 4 до 6,5 лет три жителя Амурской области. Суд установил, что они действовали из националистических побуждений.

И тем не менее, следует признать, что китайские власти отвечают на агрессию против мигрантов взвешенно, сдержанно. Принципиальная линия властей состоит в том, чтобы, отстаивая интересы своих сограждан, не допускать разжигания страстей. Нелишне заметить, что в Китае имеются горячие головы, открыто критикующие исполнителей этой линии за мягкотелость. Скинхедам достается от них по полной — и поделом. Обидно только, что «патриоты», якобы защищающие русскую нацию, своими вылазками грязнят образ страны и дают повод таким же оголтелым шовинистам за рубежом оскорблять весь народ России.

Приведенные выше рекомендации министерства торговли (а это — далеко не единственный документ подобного рода) имеют принципиальное значение, так как четко и обобщенно показывают, каким китайское правительство хочет видеть пове-

дение своих сограждан в России. Его позиция определяется стратегической задачей долговременного присутствия на обширном российском рынке. Цели двух государств здесь в значительной мере совпадают, и требовать от Пекина большего было бы попросту нереально. Дальнейшее введение деятельности китайских мигрантов в рамки закона — наша забота.

§ 7. Мигранты и депопуляция

Общепризнано, что население России, особенно его трудоспособная часть, стремительно сокращается, и страна уже не может существовать без притока рабочей силы из-за рубежа. Дефицит рабочих рук сегодня ощущается во многих отраслях хозяйства. Максимальная численность населения России пришлась на 1992 г. и составила 148,3 млн человек. Его естественная убыль за 1992—2004 гг. составила 10,5 млн человек, и нынешние объемы миграции не компенсируют ее. За переписной период 1989—2002 гг. нетто-миграция покрыла лишь 75 % убыли²¹⁹.

Неутешительные прогнозы на предстоящие десятилетия дают все научные центры России, занимающиеся исследованием демографических процессов. Согласно прогнозу Росстата, на конец первой четверти XXI в. население страны может уменьшиться до 137 млн человек и даже до 125 млн человек. К середине века при отсутствии миграционного прироста население может сократиться до 100 млн человек (прогноз ООН) и даже до 80 млн человек (расчет Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН). Убыль трудоспособного населения к 2026 г. достигнет 18 млн человек²²⁰.

Согласно разработанной Минэкономразвития долгосрочной концепции социально-экономического развития страны, при сохранении сложившихся тенденций к 2020 г. численность населения России может снизиться до 140 млн. При этом наиболее интенсивно будет происходить сокращение населения трудоспособного возраста: с 89,9 млн в 2007 г. до 77,8 млн человек²²¹.

Полагая, что никакими мерами социального или экономического порядка, включая возможное повышение производительности труда, исправить положение в ближайшие два десятилетия невозможно, ряд специалистов-демографов, в том числе веду-

щих (А.В. Вишневский, Ж.А. Зайончковская и др.), предлагает, пока не поздно, в корне изменить содержание миграционной политики, сделать ее стержнем не ограничение и контроль, как сегодня, а привлечение и прием массового количества иммигрантов. Ориентировочно за предстоящие 20 лет предполагается вселить в страну 20—25 млн иммигрантов²²².

Однако миграционный потенциал русской диаспоры в сумме с титульными народами стран СНГ может покрыть менее половины российского спроса на труд, поэтому возникает необходимость прибегнуть к широкомасштабной иммиграции из дальнего зарубежья — Китая и стран Юго-Восточной Азии. Некоторые эксперты возлагают на иммигрантов из КНР особые надежды. (Собственно говоря, именно интерес экспертов к Китаю как к потенциальному иммиграционному донору и побудил нас обратиться в данной работе к общим аспектам миграционной политики РФ.) Так, с точки зрения Ж.А. Зайончковской, как бы мы ни пытались диверсифицировать миграционные потоки по странам исхода, «у китайцев — нашего непосредственного соседа нет серьезных конкурентов»²²³. В частности, указывает она, жители Северо-Восточного Китая приспособлены к российскому климату, среди них много крестьян, которых нам так не хватает, они уже имеют опыт работы в России и общения с россиянами.

С этим мнением о достоинствах китайцев нельзя не согласиться. Можно еще добавить немало хороших слов о таких достоинствах китайских (а также вьетнамских и др.) тружеников, как трудолюбие, дисциплинированность, неприхотливость. Бесспорно и то, что для России с ее огромными просторами и уникальными запасами природных богатств жизненно необходимо иметь — как компонент совокупной национальной мощи — достаточно большое население, т. е. обладать демографической безопасностью, и что без привлечения значительного количества мигрантов этого добиться невозможно. Будет полезно, если какая-то часть мигрантов оседет в России. Однако кое-что в предлагаемой новой миграционной концепции, по крайней мере на нынешней стадии ее разработки, нам не кажется убедительным. Излагая свои соображения, мы, вероятно, не скажем ничего принципиально нового для демографов, но, по крайней мере, подадим свой голос в пользу определенной точки зрения. Кроме того, мы адресуемся в первую очередь не к ним, а к тем, кто занимается проблемами Китая.

Коснемся сначала процесса депопуляции. Нам кажется, что имеющиеся возможности остановить его и повернуть вспять далеко не исчерпаны и в отношении рождаемости, и, в особенности, смертности.

Говоря о причинах снижения рождаемости в России, нередко ссылаются на известную закономерность: с ростом благосостояния она изменяется по нисходящей кривой, что связано с урбанизацией и формированием в обществе потребительской идеологии, отодвигающей на второй план идеал многодетной семьи. Однако в России падение рождаемости имеет несколько причин: помимо названной, еще и низкий уровень жизни миллионов семей, и потерю уверенности в завтрашнем дне. Какова доля каждой из них в общем безрадостном результате, невозможно сказать заранее. Поэтому надо исходить из того, что повышение уровня жизненных стандартов — а это, вообще говоря, само по себе должно быть вершиной всей деятельности государства — способно внести вклад в улучшение демографической ситуации в стране. Нельзя также априори сбрасывать со счетов влияние пропагандистско-воспитательной работы, если государство всерьез возьмется за нее, используя всю мощь подконтрольных ему СМИ и сопровождая ее реальной помощью молодым семьям.

Для подкрепления этой точки зрения сошлемся на выводы по итогам выборочного обследования «Семья и рождаемость», проводившегося Росстатом по рекомендации ЕЭК ООН начиная с 2005 г. «Во-первых, улучшение условий жизни, условий реализации потребности в детях приведет к некоторому повышению рождаемости, во-вторых, изменение потребности в детях может дать несоизмеримо больший результат, чем улучшение условий жизни. Делать нужно, естественно, и то, и другое. Последнее может дать относительно небольшой, но сравнительно быстрый результат, а первое — несравненно более существенный, но значительно более отдаленный результат»²²⁴.

Что же касается уровня смертности, то достаточно напомнить, что обобщенно отражающий ее показатель — ожидаемая продолжительность жизни при рождении — в России меньше, чем в западноевропейских странах, США, Австралии и Японии на 15—20 лет. Смертность детей до 15 лет у нас в 2—3 раза выше, чем в названных странах. Как отмечают авторы исследования «Население России 2002», «современный разрыв в уровнях смертности детей есть результат длительного и постоянно нара-

тающего отставания России от экономически развитых стран»²²⁵. Далее авторы делают вывод о «существовании огромного резерва снижения смертности в возрасте до 15 лет за счет причин, смертность от которых могла быть предупреждена усилиями современной медицины»²²⁶.

А это значит, что, решая коренную задачу развития — улучшение качества жизни, мы тем самым создаем условия и для увеличения ее, так сказать, количества. По сути дела, это — единая задача, облеченная уже давно А.И. Солженицыным (как бы кто ни относился к тем или иным сторонам его идейного наследия) в классическую формулу «сбережение народа». Особо нужно отметить важность целенаправленного регионального развития, которое позволило бы, в частности, переломить катастрофическую демографическую ситуацию на Дальнем Востоке. Один из ведущих специалистов по демографии этого региона Е.Л. Мотрич считает необходимым «ввести дополнительные государственные компенсирующие меры, направленные на стимулирование рождаемости, сокращение смертности по «региональным причинам», увеличение продолжительности жизни населения, привлечение и закрепление населения в Дальневосточном федеральном округе»²²⁷.

Именно с ориентацией на задачу повышения благосостояния народа должны определяться и масштабы привлечения мигрантов. Зависимость возможностей развития от численности населения, в первую очередь экономически активного населения, очевидна, но столь же очевидно, что она не является жесткой, прямолинейной. Бесспорно также, что падение численности населения сказывается на состоянии безопасности государства. Возражения возникают, если численность выдвигается на передний план, превращается в фетиш, ставится задача: «численность любой ценой».

Почему нужно ориентироваться именно на ту численность, которую мы имеем на данный момент? Достигнут ли уже некий минимум «демографической достаточности»? Или в нашем падении мы уже давно опустились ниже него? А, может быть, численность населения России была недостаточной уже в тот момент, когда принималось решение о ликвидации СССР? Оборонную достаточность можно как-то рассчитать, сопоставляя величину вооруженных сил, их вооружения. Но что можно сказать о демографии кроме того, что большое население — это для России лучше, чем маленькое? Иными словами, сегодняшний

уровень численности населения страны как главный критерий при выработке миграционной политики вызывает серьезные сомнения.

Теперь рассмотрим вопрос о взаимоотношениях между прибывшими и коренным населением.

Авторы альтернативной миграционной концепции, разумеется, учитывают, что при увеличении объема иммиграционных потоков этнокультурные различия плюс принадлежность новоиспеченных граждан к нижнему слою социальной пирамиды способны вызвать серьезное обострение напряженности в обществе. Но они считают возможным «обезвредить «этническую бомбу», а неиспользованную взрывную энергию направить на созидательные цели». Нейтрализация «бомбы» «должна состоять в «переработке» как можно большего числа прибывающих мигрантов, их «натурализации», превращении их самих и уж, во всяком случае, их детей в полноценных, лояльных граждан, разделяющих социокультурные традиции принимающих государств»²²⁸. Для этого необходимо «выстроить сложную и, скорее всего, дорогостоящую систему «сопровождения» вновь прибывающих, их обучения, вовлечения в российский культурный универсум»²²⁹.

Действительно, работу с мигрантами с целью превращения их в полноценных членов единой нации проводить необходимо: стихийное переливание гигантской инородной человеческой массы в новую жизненную среду грозит непредсказуемыми последствиями. Однако для «переплавки» иммигрантов в лояльных граждан (а другие граждане нам не нужны) общей с коренным населением гражданской нации само принимающее общество должно представлять собой достаточно мощный «правильный котел», примером которого можно считать США. «Я убежден, что Россия может сыграть в XXI в. ту же роль мирового лидера по приему мигрантов, какую играла Америка в XIX и XX веках», — утверждает Е.Т. Гайдар²³⁰. Но «переплавка» возможна лишь при наличии у принимающего общества определенных качеств, которые, кстати сказать, не всегда известны заранее. В данном случае мы уверенно можем назвать четыре условия, которым оно должно отвечать.

Первое условие. Власти принимающего общества должны хотеть и быть в состоянии обеспечить вышеуказанное «сопровождение» иммигрантов, а также многое сверх того.

Здесь необходимо добавить, что «сопровождение» должно включать в себя не только сложную и долгую культурно-идеоло-

гическую работу с ними, но и отнюдь не дешевую материальную помощь в обустройстве на новом месте. Конечно, в принципе трудовые мигранты — не иждивенцы, а производительная сила, иначе бы в них никто не нуждался. Но если мы хотим, чтобы они остались у нас, тем более — чтобы остались и сделались лояльными членами общества — серьезная помощь им на первых порах просто необходима. Особенно тем, для кого Россия — мир неведомой культуры и незнакомого уклада.

Отметим и такой момент. В тех местах, которые необходимо плотнее заселять в первую очередь, например, Дальний Восток, число рабочих мест за 1990-е годы уменьшилось, и вместе с вселением туда иммигрантов необходимо будет создавать новые рабочие места, на что потребуются дополнительные инвестиции и опять-таки время. «Без широкомасштабных инвестиций, — утверждают дальневосточные ученые, анализируя ситуацию в Амурской области, — сами по себе рассуждения о том, привлекать китайцев или не привлекать, не имеют под собой никаких оснований». И далее: «Привлечение китайских граждан для улучшения демографических показателей России... представляется иллюзорным и не соответствующим сложившимся реалиям»²³¹. Приморский край, этот наиболее мигрантоемкий из дальневосточных субъектов Федерации, в котором в настоящее время, по официальным данным, работают 20 тыс. мигрантов из Китая и Кореи, не смог бы, по словам его губернатора, принять более 50 тыс. мигрантов из Китая²³².

В состоянии ли выполнить всю эту работу по воспитанию и обустройству миллионов мигрантов наши власти, склонные к ксенофобии, мигрантов не жалующие и уже продемонстрировавшие равнодушные и неэффективные в отношении переселенцев?

Мы уже не говорим о том, что перед массовым приемом иммигрантов надо бы сначала обеспечить работой собственных граждан (еще задолго до кризиса, в 2005 г. регистрируемая безработица на рынке труда Дальнего Востока — 3,2 %, общая — 8,8 %) ²³³.

Второе условие. Принимающее общество должно быть заведомо толерантно к своим новым гражданам. Бессмысленно говорить о воспитании у прибывших чувства сопричастности и уважения к новой родине, чувства патриотизма, если они на каждом шагу ощущают враждебное отношение к себе со стороны местного населения и скрытую недоброжелательность властей.

Между тем, вряд ли нужно доказывать, что наше общество больно мигрантофобией и что корни ее глубоко уходят в наше нынешнее бытие. Не вдаваясь здесь в подробный анализ причин широкого распространения антииммиграционных настроений в постсоветской России, отметим, что они возникли в таких масштабах как стихийная реакция на появление в стране непривычных для нее крупных миграционных потоков, контролировать которые государственные структуры оказались не в состоянии. Вторжение массы мигрантов в жизненное пространство россиян, принесшее им как бесспорные выгоды, так и видимые неудобства, породило в обществе болезненное чувство ущемления своих естественных прав чужаками, а также комплекс страхов по поводу возможного в будущем или уже наступающего «засилья» пришельцев. (Впрочем, был и еще один повод срывать зло на «черных» мигрантах: вытеснение русскоязычных жителей из бывших советских республик.)

Перемены, произошедшие с Россией и в России, привели к формированию целого ряда фундаментальных факторов, которые консервируют высокий уровень агрессивности общества, принимающей различные формы, в том числе форму ксенофобии и, в частности, мигрантофобии. Такими факторами являются:

- ощущение неспособности государственной власти защитить интересы народа внутри страны и на международной арене, дать ему уверенность в завтрашнем дне; убеждение в оторванности власти от народа, в ее ориентации в первую очередь на реализации собственных интересов, в коррумпированности властных структур сверху донизу;
- вопиющее социальное неравенство, бедность и нищета десятков миллионов соотечественников, вымирание нации, восприятие приватизации 1990-х годов как ограбления страны, продолжающегося и в наши дни. Как мы знаем, социальное недовольство, которого у нас в избытке, имеет свойство трансформироваться в национальную вражду²³⁴;
- утрата российской нацией прежней высокой самооценки, которая основывалась ранее на мощи государства, его высоком статусе в мировом сообществе, уверенности жителей страны в завтрашнем дне, несмотря на все дефекты советского государства, на идеологии «самого передового в мире и самого справедливого» социально-общественного строя с ее мессианской направленностью. Новой реальностью ста-

ло скатывание страны в категорию развивающихся при отсутствии сколько-нибудь внятной перспективы развития;

- подъем русского национализма с сопутствующей ему этнофобией. Он, казалось бы, не имеет прямого отношения к мигрантам извне, поскольку касается в первую очередь места русского этноса среди других этносов России и отчасти ближнего зарубежья. В сфере его внимания центральное место занимают, в частности, такие проблемы, как сокращение доли русского населения при возрастании доли других этносов страны. Однако поскольку именно русские составляют самую многочисленную часть российской нации и занимают преобладающее большинство мест во властных структурах, русский национализм заметно влияет на состояние массового сознания в стране, повышая общий градус его враждебности к «чужим».

В соответствии со своим мировоззренческим багажом, а также политическими калькуляциями властные инстанции разных уровней и разной ведомственной принадлежности вяло реагируют на проявления ксенофобии «внизу», а подчас фактически поощряют их. Расчет здесь делается на то, что такая политика позволит: отвлечь внимание народа от социальных язв и неспособности властей лечить их; получить одобрение народа в противостоянии с внешним противником; наконец, заручиться симпатиями электората в предвидении будущих выборов. Заметим, что даже ксенофобия, направленная вовне, на ту или иную страну, воспринимаемая ее как политического противника, подогревает враждебное отношение к мигрантам, в том числе из третьей страны, поскольку способствует созданию образа мира, разделенного на хороших «своих» и злодеев-«чужих».

Таким образом, далеко не доброжелательное отношение российского общественного сознания к иммигрантам произрастает из целого пласта факторов, явно имеющих долгосрочный характер, мало того, проявляющих с течением времени тенденцию к «утяжелению». Ксенофобия, а с нею и мигрантофобия растут скорее, чем отпор им со стороны властей, продиктованный подчас не столько осознанием действительной опасности данных явлений, сколько стремлением сохранить положительный образ России в глазах международной общественности.

С ростом враждебности к иностранному возрастает и вероятность выхода ситуации из-под контроля власти и возникновения эксцессов, организаторы которых действуют по принципу: если

правительство не может остановить наплыв иностранцев — мы сделаем это сами. Действительно, уголовные преступления против иностранцев становятся привычной чертой нашего быта.

На некоторых направлениях к общим антимиграционным мотивам добавляются частные. Так, война в Чечне, вылазки чеченских террористов спровоцировали особо враждебные отношения со стороны русских к мигрантам всех национальностей Кавказа. Китайские мигранты в сознании многих проецируются на образ могучего и перенаселенного Китая, неуклонно расширяющего свои экономические позиции на российском Дальнем Востоке и активно интересующегося российскими природными богатствами.

Едва ли нужно доказывать, что при массовом приеме иммигрантов нас ждет не снижение мигрантофобии, а, наоборот, ее возрастание. До какого-то предела отношение к приезжим может быть вполне толерантным, бессознательная враждебность легко преодолевается принимающим обществом — предел, естественно, условный; он зависит от уровня культуры общества и от экономических факторов: объема потребности в импорте труда, развитости социальной инфраструктуры, на которую иммигранты ложатся новой нагрузкой. Но по мере приближения к пределу картина меняется: чем больше мигрантов прибывает, чем активнее они проявляют себя — тем выше становится степень недоброжелательности местного населения. Не потому ли последние годы стал давать сбои американский «плавильный котел»? Большую роль играет и другая сторона разрастания эмигрантских общин: даже в благополучных западноевропейских странах рост их численности сопровождается большей замкнутостью, увеличением претензий по отношению к принимающему обществу, превращает их в источник нестабильности.

Именно такую зависимость между прибавлением количества мигрантов и нарастанием мигрантофобии мы наблюдаем в России. Действительно, чем больше мигрантов, ставших или еще не ставших полноправными гражданами России, тем больше потребителей социальных благ, которых не хватает уже сейчас. Тем заметнее раздражающее присутствие «чужих». Тем сильнее страхи по поводу обострения конкуренции между «своими» и «чужими» в результате стихийного избыточного скопления их в местах повышенного спроса на труд. (Москва уже является мигрантоизбыточным городом, и столичные власти выступают за более жесткое регулирование притока мигрантов²³⁵.) Крайне сомнительно, что в

дальнейшем создание социальной инфраструктуры, а где-то и новых рабочих мест сможет поспевать за массовым увеличением количества мигрантов.

В этих условиях общественное настроение по мере прибытия все новых и новых партий мигрантов может меняться только в сторону нетерпимости.

Таким образом, при нынешнем состоянии умов новую миграционную идеологию следовало бы внедрять не только в среду мигрантов, но и — еще более энергично — в наше собственное общество. В Москве уже начали заниматься воспитанием толерантности, поставив для начала более скромную задачу: «формировать благоприятную информационную среду, способствующую развитию межэтнического взаимопонимания»²³⁶. Но обстановка в стране не сулит быстрого успеха в преодолении мигрантофобии, а без этого перестройка миграционной политики из «запрещающей» в «привлекающую» едва ли возможна.

Третье условие — это сила закона, которая могла бы, с одной стороны, пресекать откровенные проявления национальной вражды, защищать права новых граждан, а с другой — препятствовала бы уклонению новичков от выполнения гражданских обязанностей, не позволяла бы им, пользуясь связями с этнической родиной, разворачивать теневую экономическую деятельность в ущерб новому отечеству и, вообще, превратиться в неуправляемую стихию. Иными словами, чтобы новые граждане были законопослушными, в принимающем обществе должен торжествовать закон. Излишне спрашивать, удовлетворяет ли наше общество этому условию. Поэтому трудно предположить, что, например, с ростом числа иммигрантов из Китая их участие в теневом использовании природных богатств Дальнего Востока прекратится — скорее, наоборот.

И, наконец, **четвертое условие**. Необходимо свести к минимуму конкуренцию между коренным населением и вновь прибывшими. Непонятно, насколько оно выполнимо, но губительная сила экономического соперничества на этнической основе, особенно при наличии у одной из сторон явного преимущества в виде более дешевого труда или более дешевых товаров, вполне очевидна. Этим можно объяснить, в частности, прохладное отношение россиян к одной из крупных инициатив китайской стороны, выдвинутой несколько лет назад.

В мае 2002 г. Китай, едва став членом ВТО, предъявил своему доверительному стратегическому партнеру в качестве одного из

условий приема последнего в эту организацию требование «полностью снять барьеры по доступу на рынок услуг; обеспечить свободный допуск в Россию китайской рабочей силы» (другие условия — отменить российские экспортные пошлины и резко снизить импортные пошлины на промышленную продукцию в течение 2—3 лет). Запрос Пекина оказался, по мнению российских наблюдателей, «куда жестче требований, выдвигаемых до этого ЕС и США»²³⁷. С их точки зрения, позиция Пекина вошла в противоречие со ст. 17 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, согласно которой «Договаривающиеся стороны развивают сотрудничество в международных финансовых учреждениях, экономических организациях и форумах, а также... способствуют вступлению одной Договаривающейся стороны в те из них, членом (участницей) которых является другая Договаривающаяся сторона». Несколько месяцев спустя, во время визита президента РФ В.В. Путина в КНР Китай смягчил свои условия. Аналогичное предложение было внесено в Шанхайскую организацию сотрудничества и включено в ее Хартию (2002 г.), но не в столь императивном виде: в числе основных направлений сотрудничества в Хартии было названо «содействие созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий»²³⁸.

Изменение этнического состава любой человеческой «популяции», особенно при убывании ее численности, воспринимается ею крайне болезненно, поскольку рассматривается каждым членом «популяции» как угроза устойчивости собственного существования. В отсутствие перечисленных выше условий массовый наплыв мигрантов с их поспешным перевоспитанием и торопливой натурализацией неизбежно спровоцирует эскалацию агрессивности местного населения, которое направит свой протест и против пришельцев, и против властей, им покровительствующих. Во встречной агрессивности новоприбывших можно не сомневаться. Среди мигрантов велик процент людей активных, уверенных в себе. И если гастарбайтер вынужден со смирением терпеть дискриминацию, то масса иммигрантов, ставших полноправными гражданами, не преминет завоевать прочные позиции на новом месте.

«Нарушение этнодемографического баланса», «вытеснение с родной земли» — такие формулы начинают циркулировать в обществе, когда речь заходит о перспективе массовой иммигра-

ции. Говорят о «повторении косовского сценария», вспоминают о мексиканских территориях, постепенно заселявшихся американцами и, в конце концов, в середине XIX в. (начиная с 1845 г.) превратившихся в американские штаты. Ж.А. Зайончковская, считая приток китайцев «необходимостью для России», вместе с тем прямо называет их «угрозой, которой невозможно избежать»²³⁹.

Особенное значение этнодемографический баланс может приобрести, если одна из национальностей представляет собой диаспору титульного этноса соседнего государства, более сильного. Это хорошо видно на примере прибалтийских государств, прежде входивших в состав СССР и получивших от него в наследство крупные по численности русскоговорящие меньшинства. Так, в Латвии, по словам главы Росзарубежцентра Э. Митрофановой, «из-за боязни, что 40 % русского населения могут в итоге поменять национальный баланс страны, власти решили пойти по жесткому пути выдавливания русских прежде всего из политической жизни»²⁴⁰.

Несколько лет назад в научных кругах Китая подхватили перспективную, как там казалось, идею о неизбежности и желательности приема в Россию до 10 млн китайцев в качестве «второго по численности национального меньшинства»²⁴¹. Однако скоро выяснилось: «Подобные прогнозы (мы цитируем здесь харбинского политолога Инь Цзяньпина. — *Авт.*) очень легко вводят людей в заблуждение. Когда китайские ученые на основе такого прогноза описывают перспективу экспорта рабочей силы в Россию, это часто вызывает у российских читателей беспокойство о крупномасштабной миграции из Китая в Россию»²⁴².

Подчеркнем еще раз: подавляющее большинство российских политиков и экспертов, расходясь в вариациях и нюансах, считает совершенно необходимым привлекать китайских мигрантов для участия в подъеме российской экономики. Однако обязательным условием здесь должен быть, как и в отношении мигрантов из других стран, соответствующий контроль, как это принято во всех цивилизованных странах. В рамках такого подхода отечественными экспертами начиная еще с 1990-х годов нарабатан большой запас идей и предложений²⁴³. Фактически они являются частью огромного комплекса предложений по устойчивому развитию дальневосточных регионов, имеющего в виду укрепление их демографического потенциала за счет повышения

благополучия местного населения, переселения соотечественников и привлечения мигрантов.

Короче говоря, искусственное, форсированное изменение этнического баланса страны способно вызвать массовое сопротивление, подорвать стабильность страны, превратить ее в арену конфликтов, парализовать созидательную деятельность общества и даже взорвать его. Драма может разыгаться даже при самой сдержанной позиции стран исхода мигрантов. С другой стороны, напряженность между старыми и новыми гражданами, даже не выливаясь в драматические формы, может серьезно осложнить межгосударственные отношения. Достаточно сослаться на ту негативную роль, какую играет положение русскоязычного меньшинства в Украине и странах Прибалтики, во взаимоотношениях России с этими ее соседями.

Нам говорят, что Россия обладает огромной абсорбционной способностью: за 1975—1988 гг. она приняла 13 млн мигрантов, а вслед за тем, в 1989—2002 гг. — еще 11 млн²⁴⁴. Но первые 13 млн — внутренние мигранты, граждане СССР, а следующие 11 млн — недавние соотечественники, почти свои и почти все — русскоязычные, к тому же они иммигрировали в период, когда отчуждение еще не укрепилось окончательно в умах бывших граждан единого государства. Однако уже тогда мигрантофобия начала набирать силу. Сегодня даже русскоговорящие мигранты из-за рубежа многими в России воспринимаются не особенно дружелюбно. Что ж говорить о представителях титульных наций стран СНГ, тем более — об иммигрантах из старого зарубежья! Нынешняя абсорбционная сила России, если мерить ее по состоянию общественного сознания, по уровню правопорядка, по эффективности управления — мала, и не стоит обольщаться на этот счет.

Отсюда следует принципиально важный вывод: политику, направленную на массовое привлечение мигрантов в качестве новых членов общества (гражданской нации), следует проводить с величайшей осторожностью, посредством серии мелких шагов, тщательно анализируя результаты каждого предыдущего шага. Принятый у нас самоуверенный стиль реформ — рубить сплеча, одним ударом вздыбив всю страну, — ни к чему хорошему здесь не приведет. Идти вперед можно только эволюционным путем. И начать все-таки с мигрантов из стран СНГ, с которыми у нас сохранилось еще немало общего — в этом, кажется, сходятся все эксперты. Только практика покажет, как далеко мы сможем про-

двинуться в сторону альтернативной миграционной политики и как будет протекать интеграция иммигрантов из той или другой страны.

Сказанное означает по крайней мере то, что вливание в общество массы иноязычных и инокультурных иммигрантов не может служить быстродействующим лекарством, потребным, чтобы, даже при самом успешном повышении рождаемости, «прожить предстоящие 20 лет, пока родившиеся подрастут и в массе вольются в рынок труда»²⁴⁵.

Жизнь сама уже поставила первые эксперименты, подтверждающие этот тезис. Об одном из них, в Нижегородской области, мы рассказали выше, в разделе «Рабочие». Добавим еще один эпизод, на этот раз касающийся не крестьян-арендаторов, получающих землю на 40 лет, а «всего лишь» обыкновенных гастарбайтеров, и при том не из Китая, а из стран СНГ. «В Ненецком автономном округе (НАО) взяты под усиленную охрану объекты, на которых используются трудовые мигранты из Центральной Азии. Усиленная охрана объектов понадобилась после волнений, которые в конце прошлой недели прокатились по поселку Искателей в пригороде окружной столицы. Местная молодежь протестовала против присутствия в Ненецком округе трудовых мигрантов из Центральной Азии»²⁴⁶. Список эпизодов такого рода при желании можно продолжить.

Есть, впрочем, и примеры другого рода, пока единичные. На заводе тяжелого машиностроения в подмосковной Электростали трудятся несколько сот иностранных рабочих из стран ближнего зарубежья. «У завода собственный центр размещения иностранцев, собственная паспортная служба и служба безопасности для защиты рабочих. Завод сам приглашает к себе работников, оплачивает им дорогу, выделяет небольшие подъемные. Все приезжие обеспечиваются жильем, питанием. Тем людям, которые решаются перевозить в Электросталь семьи, завод помогает разобраться с гражданством. Говорят, уже наклеиваются трудовые династии, хотя об этом пока еще рано: эксперимент идет только второй год»²⁴⁷. На заводе организовано обучение иностранных рабочих. Но заводская служба безопасности не сидит без дела. Мигрантов приходится охранять не только от скинхедов, но и от чрезмерно ретивых блюстителей порядка, привыкших «стричь» беззащитных гастарбайтеров.

Остановить вымирание страны — задача номер один, ключевое звено в обеспечении и ее развития, и безопасности²⁴⁸. Чтобы

выправить создавшееся положение, необходимо действовать одновременно по нескольким направлениям: всемерно улучшать качество жизни россиян; шире привлекать для этого временных трудовых мигрантов, создавая для них благоприятные условия труда и быта, облегчая бюрократические процедуры и сохраняя необходимый контроль за миграционным потоком; наконец, формировать обстановку для безболезненного приема и интеграции иммигрантов в качестве полноправных граждан и принимать их по мере вызревания такой обстановки. В отношении китайцев это вполне соответствует обязательствам сторон, зафиксированным в Совместной декларации РФ и КНР от 26 марта 2007 г.: «В соответствии с законодательством своей страны создавать благоприятные условия для физических, юридических лиц и других хозяйствующих субъектов, осуществляющих в этой стране нормальную торговую, инвестиционную и хозяйственную деятельность»²⁴⁹.

Но даже при самых серьезных усилиях переломить нынешнюю тенденцию депопуляции удастся не скоро.

§ 8. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян

Исследование проблемы мигрантов в России, в том числе и китайских мигрантов, не может быть полноценным без учета отношения к ним со стороны принимающего общества. Действительно, помимо заявления официальных лиц существует мощный пласт общественных мнений и настроений, далеко не однородный, оказывающий прямое и косвенное воздействие и на политику миграционных властей, и на всю практику контактов между двумя сторонами.

Эффективным инструментом здесь служат социологические опросы. Во второй половине 2007 г. параллельно с опросом китайских мигрантов (см. выше в настоящей главе) ВЦИОМ по нашему заказу по составленным нами анкетам провел сравнительно крупное анкетирование российских граждан, чтобы выяснить их подход к российско-китайским отношениям и китайским мигрантам в России.

За время существования Российской Федерации зондаж общественного мнения относительно российско-китайских отно-

шений, Китая и китайцев проводился не один раз — в разных масштабах, с разным объемом анкет, с различными целевыми установками²⁵⁰. Существует два вида таких опросов. Одни проводятся специализированными социологическими центрами, такими, как ВЦИОМ, РОМИР, ФОМ, на основе сравнительно большой выборки респондентов (порядка 1,5 тыс. и более), но содержат небольшое количество вопросов по китайской тематике, обычно два—три, но всегда в пределах десятка. Нередко эти вопросы составляют лишь часть анкеты, охватывающей более широкую тему. Другие исследовательские организации также проводят подобные опросы, но обычно охватывают ими более скромное число респондентов — несколько сот.

Второй вид опросов организуется китаеведами или демографами на основании развернутых анкет, содержащих несколько десятков вопросов. Таких опросов сравнительно немного, а круг респондентов, как правило, более узок. Среди наиболее крупных специализированных исследований следует назвать работы Г. Витковской и Ж.А. Зайончковской²⁵¹, проведенные в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в 1998—1999 гг. (более 2 тыс. респондентов); В.Г. Гельбраса²⁵² (Москва, Восточная Сибирь и Дальний Восток, 1998—1999 и 2002 гг.); А. П. Забияко²⁵³ (Дальний Восток, 2001—2008 гг.); периодические опросы, проводимые с 1992 г. сотрудниками Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН под руководством В.Л. Ларина²⁵⁴.

Полезный вклад в изучение рассматриваемой проблемы внесли, может быть, не столь масштабные, но ценные и содержательные опросы В.В. Миндогулова²⁵⁵, Е.Л. Мотрич²⁵⁶, Л. Лариной²⁵⁷, группы авторов в составе Т. Алагуевой, К. Васильевой, А. Островского²⁵⁸.

Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы, получив новые данные, проследить динамику общественного мнения, подтвердить или опровергнуть стабильность тех или иных его параметров, выявить региональные различия, наконец, высказать свои соображения по поводу восприятия россиянами китайских реалий²⁵⁹.

В ходе исследования было опрошено 900 респондентов: 450 — в Москве и столько же — в трех городах Дальнего Востока — Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске, по 150 человек в каждом. Такое распределение респондентов позволяет производить сравнение результатов, полученных в двух частях страны с наиболее высокой концентрацией мигрантов.

Среди респондентов оказались 47 % лиц мужского пола и 53 % — женского. Возрастная структура опрошенных выглядела следующим образом: 18—24 года — 32 %, 25—34 года — 19, 35—44 года — 18, 45—59 лет — 22, 60 лет и старше — 9 %. Уровень образования опрошенных: высшее — 32 %, неполное высшее — 12, среднее общее — 14, среднее профессиональное — 41, неполное среднее — 1, начальное или ниже — 0 %. Наконец, по роду занятий респонденты были разбиты на следующие группы: частный предприниматель, бизнесмен — 2 %; руководитель, заместитель руководителя, главный специалист предприятия, организации — 3; руководитель подразделения, специалист с высшим или средним специальным образованием — 14; служащий из числа технического и обслуживающего персонала — 25; квалифицированный рабочий (включая сельское хозяйство), младший обслуживающий персонал — 3; военнослужащий — 1; студент, учащийся — 17; пенсионер — 11; занимаюсь домашним хозяйством — 5; безработный — 4; другое — 1 %.

Таким образом, по указанным параметрам полученный нами срез общественного мнения можно считать достаточно представительным.

Мнения о российско-китайских отношениях

Среди выявленных нами мнений кардинальную значимость имеют те, которые касаются российско-китайских отношений. По сравнению с ними представления о китайских мигрантах имеют частный, второстепенный характер, хотя, разумеется, обе группы взглядов оказывают друг на друга существенное влияние, о чем мы будем говорить ниже. Оценка наших отношений с КНР представлена в табл. 1.

(Напомним, что все процентные результаты округлены до целых чисел, поэтому сумма процентов в той или иной таблице может быть несколько больше или меньше 100.)

Большинство россиян оценивают двусторонние отношения позитивно или умеренно-позитивно, в целом же положительные оценки (первые три строки) составляют подавляющее большинство по сравнению с отрицательными: 70 % от общего числа ответов по России, 72 % — в Москве и 68 % — на Дальнем Восто-

Согласно табл. 2, наибольшее число респондентов предвидит в будущем определенное расширение двустороннего сотрудничества, на втором месте стоит ожидание перехода его в более высокое качество, а в сумме оптимистическое видение перспектив заметно преобладает над скептическим: 65 % против 12 % в России, 70 % против 9 % в Москве и 62 % против 14 % на Дальнем Востоке.

Чтобы увидеть, насколько устойчивым можно считать позитивное отношение к КНР, респондентам был задан вопрос (табл. 3):

Таблица 3

Ответы на вопрос: «Как изменилось Ваше личное мнение о Китае за последние 10 лет?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Изменилось в лучшую сторону	30	28	32	40	28	29
Не изменилось	38	35	40	41	36	43
Изменилось в худшую сторону	19	20	18	12	25	18
Китай меня не интересует	10	14	5	2	7	6
Затрудняюсь ответить	3	2	4	5	3	4
Всего	100	100	100	100	100	100

Распределение ответов показывает, что сложившееся отношение к Китаю можно считать вполне стабильным: большинство ответов гласит, что оно «не изменилось». Лишь немногим меньше количество респондентов, чье мнение о Китае изменилось в лучшую сторону. Оно явно превосходит количество тех, кто стал думать о Китае хуже, чем прежде. Такая картина прослеживается, опять-таки, и в Москве, и на Дальнем Востоке, и, следовательно, в России в целом.

Как бы ни ранжировали по значимости партнеров России на международной арене те или иные политики, независимо от конъюнктуры наиболее важными для нее остаются Китай и США. На кого из них ориентироваться и в какой мере — этот вопрос в явном или скрытом виде постоянно присутствует в по-

литической жизни страны. Как отвечают на этот вопрос рядовые граждане?

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы сотрудничество с Китаем важным для России?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Считаю самым важным	27	20	35	46	14	45
Считаю таким важным, как и сотрудничество с США	38	48	28	26	45	14
Считаю важным, но в меньшей мере, чем сотрудничество с США	19	18	19	17	20	21
Затрудняюсь ответить	15	13	17	11	21	20
Всего	100	100	100	100	100	100

Как явствует из табл. 4, большинство респондентов и на Дальнем Востоке, и в Москве считает Китай столь же важным партнером, как и США, а на Дальнем Востоке — самым важным. В обоих регионах тех, кто склоняется в сторону Китая, больше, чем ориентирующихся на Соединенные Штаты.

Характерно, что и по уровню привлекательности Китай оказывается равным США (в Москве чуть ниже, на Дальнем Востоке чуть выше (табл. 5), тогда как наибольшую симпатию у дальневосточников вызывает Япония, а в Москве — Германия и другие европейские страны.

(В опросах В.Л. Ларина на Дальнем Востоке в 1995—2003 гг. уровень симпатии к Китаю, поставленному в ряд с другими странами, колебался в пределах 3—8 %. Вместе с тем уже в 1990-е годы в отношении жителей дальневосточного региона к КНР, в их восприятии состояния и перспектив российско-китайских отношений позитивные и оптимистичные оценки преобладали над противоположными²⁶⁰.)

Причины популярности той или иной страны понятны не всегда. Не вдаваясь в обсуждение этого вопроса, отметим только, что свою роль здесь играют и качество жизни в данной стране, включая материальный уровень, обеспечение порядка и личной

Таблица 5

Ответы на вопрос: «Какие из названных стран представляются Вам наиболее привлекательными, вызывают наибольшую симпатию (назовите не более трех стран)?» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Китай	10	8	12	16	11	10
США	10	10	9	9	10	9
Германия	23	26	20	17	17	20
Франция	20	22	17	14	17	21
Великобритания	16	19	12	12	12	14
Япония	20	14	25	27	27	22
Затрудняюсь ответить	2	1	4	5	1	5
Всего	100 (2001)	100 (1003)	100 (998)	100 (344)	100 (352)	100 (302)

безопасности; и степень приобщенности страны к научно-техническому прогрессу, способность производить современную продукцию, в том числе товары массового спроса, — иными словами, приближенность данной страны к идеалу места обитания. Сказывается и характер ее взаимоотношений с нашей страной — иначе почему бы США имели такой же невысокий рейтинг, как и Китай? Цивилизационная же близость не имеет, по-видимому, решающего значения — в противном случае Япония не ценилась бы столь высоко.

А раз так, можно предположить, что в условиях расцвета российско-китайских отношений по мере повышения жизненного уровня в КНР и появления в России высококачественных китайских товаров, в том числе технологически сложных, образ Китая будет приобретать все большую привлекательность. Здесь нелишне напомнить, что в настоящее время уже имеются случаи, когда россияне покупают квартиры в Хэйхэ, а российские пенсионеры перебираются туда на жительство, поскольку их пенсия позволяет вести там безбедное существование.

Серьезным плюсом в образе Китая является замечательный успех его стратегии реформ. Как россияне объясняют себе его причины? Распределение ответов по спектру предложенных объ-

яснений представлено в табл. 6. Показательно, что наибольшее количество ответов собрал вариант: «В Китае крепче государственная власть, и потому больше порядка», соответствующий сформировавшимся у нас социальным ожиданиям. Обратим внимание и на то, что почти одинаковое количество респондентов в Москве и на Дальнем Востоке выделили в качестве главного фактора успеха высокие деловые качества китайцев.

Таблица 6

Ответы на вопрос: «Последние почти 30 лет Китай развивается быстрее и успешнее России. Чем Вы могли бы это объяснить?» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
У руководителей Китая более умелая политика	17	13	21	21	16	25
В Китае крепче государственная власть, и потому больше порядка	27	27	27	28	31	22
В Китае реформы проводят постепенно, осторожно, не рубят с плеча	16	17	14	14	10	19
У Китая нет избытка нефти и газа, он не может жить их продажей, и, чтобы выжить должен эффективно развиваться	18	21	15	16	21	8
У китайцев более высокие деловые качества	16	16	15	13	16	17
Затрудняюсь ответить	7	6	8	7	6	9
Всего	100 (1275)	100 (601)	100 (674)	100 (244)	100 (220)	100 (210)

Это еще не означает, что большинство наших сограждан считает опыт китайских реформ напрямую применимым к условиям России. Как показывает табл. 7, большая часть респондентов предпочла ответ «применим лишь в очень малой мере». Примечательно, однако, что на Дальнем Востоке, где люди собственными глазами наблюдают впечатляющие достижения КНР рядом с унылым экономическим пейзажем родного края, скеп-

тиков, выбравших отрицательные ответы (3 и 4), оказалось значительно меньше (46 %), чем в Москве (67 %), извлекая наибольшую пользу из реформ и связанной с Западом гораздо теснее, чем с далеким и для большинства малоизвестным Китаем. И, наоборот, респонденты, ценящие опыт КНР (ответы 1 и 2), составили на Дальнем Востоке 48 %, а в Москве — всего 29 % от общего числа ответов.

Таблица 7

Ответы на вопрос: «Как, по-вашему, нужно ли нам использовать у себя китайский опыт быстро и успешно развития страны?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Да, китайский опыт был бы полезен для нас	19	10	28	33	25	27
Надо бы попробовать, но наши реформаторы ориентируются только на Запад	19	19	20	18	27	15
У нас другие условия, поэтому китайский опыт можно использовать лишь в очень малой мере	34	42	26	25	27	26
Нет, китайский опыт к нашим условиям совершенно не подходит	23	25	20	17	16	27
Затрудняюсь ответить	5	4	6	7	5	4
Всего	100	100	100	100	100	100

Весомый позитивный потенциал образа Китая в российском массовом сознании — прямое следствие новых отношений сотрудничества и дружбы, сложившихся между нашими двумя странами, показатель успешности политики и Российской Федерации, и КНР. Однако было бы неверно утверждать, что этот образ написан одними лишь светлыми красками. И дело не только в том, что по каждому из вопросов, как в нашем опросе, так и во всех других, помимо положительных ответов большинства присутствуют и негативные ответы меньшинства, подчас

также весьма многочисленного: полного единодушия в обществе попросту не бывает. Дело еще и в том, что, как показывают факты, образ Китая и китайцев сложился в представлении россиян неоднозначным, противоречивым, он не всегда соответствует тем отношениям стратегического партнерства, которые соединяют два великих государства. Нельзя сказать, чтобы это обстоятельство как-то особенно сильно влияло на ход нашего сотрудничества, базирующегося на общности фундаментальных интересов обоих партнеров, однако в будущем оно может помешать нам в должной мере использовать экономический потенциал китайской общины. Мы уж не говорим о более тонкой материи — о том, что восприятие «китайского фактора» в его человеческом измерении подчас высвечивает не слишком высокий нравственный уровень нынешнего российского менталитета.

Кому-то может показаться, что тот мажорный настрой, который является постоянным спутником российско-китайского партнерства, налагает табу на критический анализ положения дел в том или ином сегменте двусторонних отношений. Однако этого не должно быть. Отмахиваться от реальных проблем во имя ложно понятой политкорректности, закрывать глаза на их существование означает загонять проблемы внутрь вместо их решения, накапливать подспудную напряженность, которая в конце концов может вырваться из-под нашего контроля.

Не случайно сами китайские специалисты, чиновники и ученые начали последнее время уделять больше внимания реакции международной общественности на те или иные явления в политике КНР, более гибко учитывать в своей практике отношение к Китаю и к зарубежным китайцам. Безусловно, это связано прежде всего с явлением последних лет — непростым восприятием во всем мире стремительного роста экономического и военного могущества страны с огромным населением, энергичной экспансии ее товаров и капитала на мировые рынки, воплощенной в формуле «идти вовне». Показателем нового веяния стал достаточно быстрый отказ руководителей КНР от формулы «мирного возвышения» страны, выдвинутой в 2002 г. на XVI КПК и замененной на XVII съезде в 2007 г. на более спокойный и привычный термин «развитие». Китайские коллеги придумали даже выражение «наверху горячо, внизу прохладно» и постоянно интересуются мнением российских китаеведов: в какой мере это выражение подходит к российско-китайским отношениям? Что нужно сделать, чтобы устранить это несоответствие?

Анализ результатов показывает довольно высокий градус беспокойства: наибольшее число ответов сосредоточено в графе «возможно, произойдет, но не обязательно» и несколько меньшее — в графе «процесс уже начался». Разительным выглядит расхождение между Москвой и Дальним Востоком: в столице считают доминирование Китая неизбежным (строки 1 и 6) 27 % респондентов, а в дальневосточном регионе — 46 %; суммарно возможным или неизбежным (строки 1, 2 и 6) — 64 % респондентов: в столице — 53 %, в дальневосточном регионе — 75 %. Тех же, кто не испытывает никакого беспокойства (строки 3, 4, 5), в Москве набралось 39 %, а на Дальнем Востоке — 18 %. Для сравнения: по данным опроса, организованного В.Л. Лариным на Дальнем Востоке в 2003 г., 46 % респондентов указали в качестве главной угрозы на «экспансионистскую политику Китая». 54 % согласились с тезисом о существовании экспансии Китая на Дальнем Востоке²⁶³.

Что же касается различных форм, в которых конкретизируются тревожные ожидания, то их распространенность представлена в табл. 9.

Таблица 9

Ответы на вопрос: «Если Вы считаете, что Китай может занять преобладающие позиции на российском Дальнем Востоке, то в чем это может проявиться?» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Приобретение контроля над экономикой края	19	16	21	23	16	24
Численное преобладание китайских мигрантов над местным населением	44	48	41	43	44	37
Переход под контроль Китая участков российской территории	24	25	24	24	30	19
Затрудняюсь ответить	13	12	14	10	11	21
Всего	100 (1172)	100 (560)	100 (612)	100 (201)	100 (195)	100 (216)

Показательно, что и в Москве, и на Дальнем Востоке наиболее вероятным видом экспансии считается демографическая, потому, наверное, что китайские коммерсанты с их товаром являются самым зримым, самым наглядным свидетельством китайского присутствия на российской территории. Заслуживает внимания и другое: в обоих регионах территориальная экспансия видится более вероятной, чем экономическая. Исключение составляет Благовещенск, экономика которого наиболее тесным и очевидным образом связана с китайской, а в Хабаровске беспокорство по поводу территориальной экспансии выше, чем в остальных городах. Последнее, видимо, является следствием его географического положения: соседству с участком границы, который долгое время был предметом спора между двумя государствами, урегулированного лишь в 2004 г. (Выше мы могли заметить — и ниже это подтвердится, — что в целом в Хабаровске относятся к Китаю более настороженно, чем в других городах.) Несколько иные результаты были получены В.Л. Лариным в опросе 2003 г. на пограничных территориях Дальнего Востока: 40 % респондентов понимают китайскую экспансию как территориальную, 31 % — как демографическую и 27 % — как экономическую²⁶⁴.

Между тем перспективы «территориальной экспансии» после заключения Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в 2001 г. и полного урегулирования пограничной проблемы на основании Соглашений 1991, 1994 и 2004 гг. существуют лишь виртуально, в абстрактных политологических фантазиях, тогда как рост китайского экономического присутствия виден невооруженным глазом. Представитель президента в ДВО Камиль Исхаков, заявил в декабре 2006 г.: «Наш округ, особенно Амурская область, Хабаровский и Приморский края все больше зависят от сопредельных государств. Зависимость ДВО от импорта увеличилась в прошлом году в 1,5 раза»²⁶⁵. Губернатор Хабаровского края В. Ишаев считает, что «сегодня мы законодательно закреплены как сырьевой придаток хорошо развивающихся стран (Япония, Китай, Корея плюс США)»²⁶⁶. А В.Л. Ларин предсказывает «проникновение крупного китайского капитала в экономику России», и, как естественное следствие, «экономическую зависимость Сибири и Дальнего Востока от КНР»²⁶⁷. Возможно, страх перед территориальной экспансией подогревается тем общеизвестным фактом, что у Китая имеется собственное представление об истории Приамурья и Приморья, а также compro-

миссным характером Соглашения 2004 г. о линии прохождения границы на двух последних несогласованных участках, которое не было разъяснено населению должным образом и было воспринято неоднозначно как в России, так и в Китае.

Отметим, однако, дабы не впасть в преувеличение, что в составленном нами перечне возможных источников угрозы России Китай собрал наименьшее количество голосов — правда, опять-таки, на Дальнем Востоке больше, чем в Москве. Лидирующей рубрикой оказалась «общая слабость экономической и политической системы России» (табл. 10).

Таблица 10

Ответы на вопрос: «Откуда исходят главные угрозы России?» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Международный терроризм	20	21	19	17	19	20
Распространение ядерного оружия	13	16	11	12	12	8
Слабость и просчеты российского руководства	21	21	22	22	17	26
Общая слабость экономической и политической системы России	23	19	26	26	23	30
США	15	18	12	13	16	6
Китай	8	5	11	10	12	10
Затрудняюсь ответить	0	0	0	0	1	0
Всего	100 (1797)	100 (872)	100 (925)	100 (324)	100 (318)	100 (283)

И это не случайно. В исследовании, проведенном Левада-центром в январе 2008 г., наиболее популярным из девяти предложенных ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, представляет сейчас основную внутреннюю угрозу для России?» — оказался такой: «произвол и безответственность никем

не контролируемых властей» (20 % голосов). Ответ «угроза утраты контроля над прилежащими к Китаю российскими территориями на Дальнем Востоке» набрал наименьшее число голосов — 4 %²⁶⁸.

Существование двух как будто бы взаимоисключающих взглядов на будущее российско-китайских отношений — ожидание их расширения, улучшения и одновременно явный алармизм (ср. табл. 2 и 8) — можно было бы в принципе объяснить имманентной противоречивостью массового сознания, но в данном случае они совместимы: крепнущее двустороннее сотрудничество, вообще говоря, не препятствует — наоборот, создает известные предпосылки для нарастания зависимости российского Дальнего Востока от Китая.

Теперь обратим внимание на следующее обстоятельство. Разбиение респондентов по группам не позволяет создать сколько-нибудь четкую картину зависимостей между их возрастом, уровнем образования и родом занятий, с одной стороны, и их мнениями о Китае и китайцах — с другой. Определенная регулярность наблюдается лишь в отдельных фрагментах сопоставительных рядов, больше всего — в возрастном разрезе, существенно меньше — в образовательном и почти нулевая — в профессиональном. Самая заметная зависимость прослеживается между возрастом респондентов и изменением их мнений за последнее десятилетие: чем старше возрастная группа, тем больше в ней тех, кто стал относиться к Китаю лучше, и тем меньше разочаровавшихся. Во всех группах большинство осталось при прежнем мнении, а преобладание «улучшенных» мнений над «ухудшенными» наступает с возраста 35—44 года (табл. 11).

Логично предположить, что здесь проявляются, если можно так сказать, различия в стартовых позициях: людей старшего поколения жизнь побуждает расставаться с прежними представлениями о Китае, сформированными в годы напряженных российско-китайских отношений; молодежь же, если и знает о тех временах, то лишь понаслышке, и начинает свои отношения с китайской стороной с чистого листа.

Однако вопреки этой тенденции, при переходе от младших возрастных групп к старшим мы наблюдаем нарастание алармистских ожиданий (строки 1 и 2 в табл. 12) и снижение оптимистических надежд (строка 3); и одновременно, в соответствии с той же самой тенденцией и вопреки тревоге за будущее, — уменьшение пессимизма в оценке текущего момента.

Таблица 11

Зависимости между ответами на вопросы: «Как изменилось Ваше отношение к китайцам за последние 10 лет?» и «Ваш возраст?» — Доля опрошенных, % (человек)

Как изменилось Ваше отношение?	Ваш возраст?					Всего
	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 и старше	
Улучшилось	13	14	23	24	23	18
Осталось прежним	56	58	53	52	49	54
Ухудшилось	25	20	19	18	11	20
Затрудняюсь ответить	6	8	6	7	16	7
Всего	100 (284)	100 (172)	100 (163)	100 (200)	100 (81)	100 (900)

Таблица 12

Зависимость между ответами на вопросы: «Ваш возраст?» и «Китай развивается быстрее России. Население его огромно. Не думаете ли Вы, исходя из этого, что преобладание китайцев и китайского влияния на российском Дальнем Востоке...?» — Доля опрошенных, % (человек)

Преобладание китайцев и китайского влияния	Ваш возраст?					Всего
	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 лет и более	
Неизбежно произойдет, раньше или позже	11	12	12	19	15	13
Возможно произойдет, но не обязательно	24	28	34	32	17	28
Этого не произойдет	28	27	26	23	43	28
Процесс, который ведет к этому, уже начался	26	24	22	21	17	23
Затрудняюсь ответить	11	9	6	6	7	8
Всего	100 (284)	100 (172)	100 (163)	100 (200)	100 (81)	100 (900)

Нетрудно заметить, что в каждом из приведенных вариантов ответов тенденции роста или снижения выражены слабо и непоследовательно. В частности, данные по самой старшей группе «60 лет и более» не вписываются в «построчные» закономерно-

сти. В других таблицах с аналогичным по-групповым разбиением разброс ответов выглядит еще более хаотичным. По-видимому, те или иные мнения о Китае и китайцах принципиально не поддаются локализации внутри российского социума, они разлиты вперемешку по всему обществу, охватывая все его группы и страты. «Сами российские политики «втихаря» боятся самобытного Китая», — утверждает один из ведущих российских политологов А. Малашенко²⁶⁹.

Теперь попробуем разобраться, в чем причины опасения и недоверия, с которыми россияне смотрят на Китай. Чаще всего эти эмоции объясняют, как мы уже говорили выше, массированным воздействием российских СМИ, далеких от объективности и гоняющихся за дешевыми сенсациями вместо того, чтобы честно и обстоятельно рассказывать своей аудитории о выдающихся достижениях КНР. Сюда же подверстываются обвинения в адрес враждебно настроенных к Китаю прозападных политиков, а также представителей силовых ведомств, стремящихся снискать благосклонность хозяев бюджетного пирога. (Заметим, однако, что некоторая доля «здорового» алармиза должна быть присуща работникам силовых структур как профессиональное качество.)

Действительно, за публикациями-«страшилками» о Китае, за составом их авторов явственно просматривается логика той борьбы, которая с момента возникновения новой России ведется в верхних эшелонах власти страны между несколькими силами: деятелями либерального толка, тянущими страну на путь «асимметричного» (т. е. неравноправного) партнерства с США; сторонниками опоры на КНР в противовес западному давлению; наконец, теми, кто считает оптимальным для России независимый курс без определенного уклона в ту или иную сторону. По всей видимости, в известной мере эта борьба отражает новую мировую реальность: в глобальной конкуренции между США и поднимающимся Китаем Россия с ее богатейшими запасами нефти и других природных ресурсов оказывается лакомым куском. Об остроте противоборства указанных тенденций косвенным образом свидетельствуют неоднократные изменения позиции России в вопросах строительства трубопроводов для транспортировки нефти в КНР в первой половине 2000-х годов, в частности, история с акциями компании «Славнефть»: напомним, что в 2002 г. ее российская часть была выставлена на продажу, однако вскоре после объявления торгов Китайская национальная нефтяная компания была бесцеремонно отстранена от

участия в них, а недолгое время спустя на российский нефтяной рынок пришла «Бритиш петролеум».

Эта схватка выплескивается и в область массовой информации, где потоку материалов, поддерживающих жесткую позицию правительства в условиях экспансии США в страны по периметру российских границ, а также хлестким антизападным статьям национал-патриотической прессы противостоят утверждения об угрозе, исходящей из Китая.

Такую же картину, как в средствах массовой информации, мы наблюдаем и в области книгоиздательства. В России выходят такие, например, книги, как большая монография американского ученого К. Менгеса «Китай. Нарастающая угроза»²⁷⁰; работа В.С. Овчинского «Мафия XXI века: сделано в Китае» (в одном книжном блоке с исследованием Синь Яня и Н.П. Яблокова «Борьба с мафией в Китае»²⁷¹); полная нелепица книга Р. Русакова «Дыхание дракона (Россия, Китай и евреи)»²⁷². Написанная на злобу дня работа Б. Немцова и В. Милова «Независимый экспертный доклад “Путин. Итоги”»²⁷³ прямо призывает президента покончить с политикой «капитулянтства» перед Китаем. С другой стороны, в огромных количествах выпускается разнообразная литература с критикой в адрес США, от серьезных исследований до крикливой публицистики, включая произведения Максима Калашникова (В.А. Кучеренко) и других авторов в сериях «Америка против России» и «Заговор против России» издательства «АСТ».

Тем не менее, мы хотим привести несколько аргументов, с тем чтобы частично снять со СМИ ответственность за живучесть представлений о «китайской угрозе» и показать, что порождающие ее факторы в основном лежат в другой плоскости.

Да, в 1990-х и в самом начале «нулевых» годов в СМИ несколько раз поднималась кампания, способная создать впечатление, будто бы Россию буквально захлестывает миграционная волна из Китая. Однако самое мощное из всех средств массовой информации — телевидение в течение первой половины «нулевых» годов фактически перешло под контроль государства, которое и начало определять его вещательную политику. В отношении КНР рубежной стала опубликованная 21 марта 2004 г. в «Известиях» статья помощника президента по вопросам внешней политики и международных отношений С.Э. Приходько под названием «Мы не должны бояться Китая» (ее полный вариант под названием «Москва — Пекин: мы нужны друг другу» был опубликован в журнале «Россия в глобальной политике»²⁷⁴).

В статье автор призвал к устранению «уродливых стереотипов восприятия Китая, еще бытующих в сознании многих европейцев и американцев», усматривая их источник в ошибочной «неуверенности относительно того, как поведет себя на международной арене «сильный Китай», когда он осуществит свои грандиозные планы модернизации, превратится в экономическую, научно-техническую и военную сверхдержаву». В этот же период официальные лица стали проявлять крайнюю сдержанность в критике Китая, а количество материалов на тему о «китайской угрозе» в телевизионных передачах резко сократилось. Продолжили ее озвучивать, главным образом, отдельные либеральные политологи и оппозиционные политики и то только как попутную тему, поскольку для них Китай отнюдь не является главным предметом рассуждений.

Что же касается бумажных СМИ и книжной продукции, то они по силе влияния на общественное мнение не идут ни в какое сравнение с телевидением, а их критические пассажи в адрес КНР не отличаются частотой. Разоблачительные кампании, обрушивавшие на головы читателей гремучую смесь правды с безудержным вымыслом, так же как и далекие от дипломатичности заявления официальных лиц, остались в 1990-х годах. Кстати сказать, российские китаеведы уже в тот период решительно выступили против раздувания страхов перед «китайским нашествием»²⁷⁵.

Для уточнения ситуации мы произвели подсчет опубликованных в центральной прессе в 2005 г. материалов, муссирующих тезис о «китайской угрозе». В качестве исходной базы данных были взяты аннотации публикаций о Китае, ежемесячно составляемые в Институте Дальнего Востока РАН с использованием широкого круга массовых и специальных периодических изданий: «Известия», «Независимая газета» и ее приложения, «Российская газета», «РФ сегодня», «Коммерсантъ-власть», «Профиль», «Эхо планеты», «Проблемы Дальнего Востока», «Восток», «Азия и Африка сегодня», «Международная жизнь», «Мировая экономика и международные отношения», «Итоги», «Российская бизнес-газета», «Государство и право», «Общество и экономика», а также «Вестник ДВО РАН». Всего за год мы обнаружили во всех названных изданиях вместе взятых 8 публикаций о «китайской угрозе». Если добавить сюда несколько информации о контрабандном вывозе леса, о военных, шпионивших в пользу Китая, и тому подобные материалы негативного характера, получим 12 материалов. Всего

же о Китае публикуется 15—20 материалов в месяц плюс регулярный «выброс» их в большом количестве каждые 2 месяца специальным журналом «Проблемы Дальнего Востока». Сюда же можно было приплюсовать богатый содержанием ежемесячный журнал «Россия—Китай XXI век», заподозрить который в пропаганде чего-либо, напоминающего «китайскую угрозу», попросту невозможно (журнал закрылся в 2008 г.).

С дальневосточными СМИ мы, к сожалению, знакомы гораздо меньше и какими-либо сведениями о количественном анализе их публикаций не располагаем. Прочитав, однако, слова доктора исторических наук М.Н. Балдано из Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ), проанализировавшей материалы по Китаю в прессе двух приграничных субъектов РФ. «Считаю вполне правомерным утверждать, — пишет она, — что и в иркутской, и в бурятской прессе параллельно развиваются и одновременно присутствуют темы, формирующие как позитивное, так и негативное отношение к китайцам»²⁷⁶. Заметим также, что в социологическом исследовании, проведенном учеными из Амурского государственного университета в начале «нулевых» годов, материалы СМИ в качестве источника мнений о Китае и китайцах назвали лишь 23,1 % респондентов, тогда как на индивидуальный опыт и сведения, полученные от знакомых, сослались 54,4 %²⁷⁷.

В речах руководителей региона теперь торжествует политкорректность, каковая в прежние годы временами нарушалась. Мало того, губернатор В. Ишаев считает необходимым прямо заявить: «Хабаровскому краю китаизация точно не грозит»²⁷⁸. Губернатор Приморского края Е. Наздратенко в 1990-х годах пытался выступать перед публикой в роли защитника страны от «китайского нашествия»; его преемник С. Дарькин в 2001 г., едва заняв губернаторское кресло, заявил о необходимости для России и США вступить в «геополитический союз» против «общего серьезного соперника — Китая»²⁷⁹. Ныне он активно выступает за расширение экономического взаимодействия с КНР, совместные инвестиционные проекты, призывает российский бизнес смелее вкладывать капитал в китайские предприятия²⁸⁰.

Из сказанного можно сделать по крайней мере следующий вывод: без дополнительного серьезного анализа материалов прессы, в том числе количественного, на основании цитирования отдельных отрывков или пересказа отдельных статей, изображать ее, как это иногда делается, в виде главного мотора

формирования мифологических представлений о «китайской угрозе» будет не вполне правомерно.

Далее. Допустив, что СМИ действительно являются мощным излучателем подобных представлений, мы попытались выяснить, велико ли его влияние на умы населения. С этой целью мы предложили респондентам ответить на вопрос: «Доверяете ли Вы материалам телевидения, газет, радио о Китае и китайцах?» Ответы приведены в табл. 13.

Таблица 13

Ответы на вопрос: «Доверяете ли Вы материалам телевидения, газет, радио о Китае и китайцах?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Да, доверяю	10	14	6	4	8	5
В основном доверяю	40	35	45	40	55	41
В основном не доверяю	25	26	25	24	21	31
Совершенно не доверяю	12	10	15	17	9	18
Затрудняюсь ответить	12	15	9	15	7	6
Всего	100	100	100	100	100	100

Большинство опрошенных в основном доверяет средствам массовой информации. Тех, кто доверяет или доверяет в основном, больше тех, кто не доверяет совершенно или в основном, и в Москве, (49 % против 36 %), и на Дальнем Востоке (51 % против 40 %), и в каждом из городов Дальневосточного региона, а в целом первых примерно половина, но и вторых немало — более трети.

В следующий вопрос (табл. 14) мы специально включили в качестве вариантов ответов заведомо мифологизированные высказывания конспирологического сорта: о «тайных планах» китайского правительства относительно установления контроля на Дальнем Востоке.

С нашей точки зрения, рассуждения о «секретных планах» и «заговорах» не имеют смысла за невозможностью ни доказать их, ни опровергнуть. Возьмем, например, гипотезу о «торговом

Таблица 14

Ответы на вопрос: «Приведенные ниже утверждения взяты из различных публикаций. Какие из утверждений Вы считаете правильными?» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
У китайского правительства есть тайный план: постепенно заселить китайцами российский Дальний Восток	24	17	30	31	36	22
У китайского правительства есть тайный план: постепенно прибрать к рукам экономику российского Дальнего Востока	20	21	19	19	18	20
У китайского правительства есть тайный план: создать в России свою торговую сеть и вытеснить с розничного рынка российских коммерсантов	21	24	19	18	15	22
У Китая нет таких планов	5	7	3	2	3	3
Гадать о таких планах бессмысленно, все решает соотношение сил, а также интересов	23	24	23	22	21	25
Затрудняюсь ответить	7	7	8	7	8	8
Всего	100 (1192)	100 (543)	100 (649)	100 (207)	100 (213)	100 (229)

заговоре» Китая, реализуемом посредством армии спаянных единой дисциплиной коммерсантов. Было бы странно, если бы у китайского правительства не имелось стратегии освоения внешних рынков. В Северо-Восточном Китае фирмы, производящие продукцию для России и ведущие приграничную торговлю с ней, получают от государства поддержку в виде налоговых и таможенных преференций, дополнительных инвестиций, льготных условий землепользования. Китайская сторона тщательно отсле-

живает торгово-экономическую конъюнктуру на российском рынке и гибко приспособливает к ней свою коммерческую деятельность и производство.

При желании можно все это рассматривать как «заговор». Однако во всем этом нет ничего экстраординарного. В любом случае наша задача — следить по каждому конкретному товару или группе товаров, приносит ли нам их появление на нашем рынке выгоды или ущерб, и принимать соответствующие меры в виде поддержки отечественных предпринимателей, регулирования таможенных тарифов, проведения антидемпинговых расследований и т. д. И будет просто замечательно, если мы разработаем наконец реалистичную и эффективную политику развития Дальневосточного региона с привлечением экономического потенциала КНР).

Поразительно, но $\frac{2}{3}$ ответов (см. табл. 14) оказались утвердительными: 65 % по России, 62 % в Москве и 68 % на Дальнем Востоке! Лишь единицы отвергают эти утверждения, и только меньше четверти респондентов избрали единственно правильный, на наш взгляд, ответ (строка 5).

Затем мы составили сложную табл. 15, в которой отражено распределение ответов, данных в табл. 13, по строкам табл. 14, иными словами, показана зависимость представлений о наличии у Китая «тайных планов» от степени доверия средствам массовой информации. Например, в ответе «да, доверяю» показано, как респонденты, доверяющие средствам массовой информации, отвечают на вопросы о «заговорах»: какой процент от суммы их ответов приходится на то или иное из предложенных утверждений. Таким же образом отражены ответы тех, кто «в основном доверяет» средствам массовой информации. И так далее.

Как видно из табл. 15, доля тех респондентов, кто убежден в существовании хотя бы одного из «тайных планов» (строки 1—3), составляет: среди тех, кто доверяет СМИ — 61 %; среди тех, кто «в основном доверяет» СМИ — 64 %; среди тех, кто «в основном не доверяет» — 67 %; наконец, среди тех, кто «совершенно не доверяет» — 75 %.

Таким образом, если признать существующей зависимость между доверием к СМИ и убежденностью в наличии «заговора» у китайской стороны, то окажется, что зависимость здесь обратная: среди поклонников СМИ процент носителей конспирологических убеждений меньше, а процент их противников больше, чем среди тех, кто воспринимает сообщения СМИ скептически.

Таблица 15

Зависимость между степенью доверия к СМИ (по табл. 13) и верой в «заговоры» (по табл. 14) — Доля ответов, % (число ответов)

Какие из этих утверждений Вы считаете правильными?	Доверяете ли Вы материалам телевидения, газет, радио о Китае и китайцах?					Всего
	да, доверяю	в основном доверяю	в основном не доверяю	совершенно не доверяю	затрудняюсь ответить	
У китайского правительства есть тайный план: постепенно заселить российский Дальний Восток	25	22	25	31	17	24
У китайского правительства есть тайный план: постепенно прибрать к рукам экономику Дальнего Востока	17	19	21	24	17	20
У китайского правительства есть тайный план: создать в России свою торговую сеть	19	23	21	20	19	21
У Китая нет таких планов	15	5	4	3	1	5
Гадать о таких планах бессмысленно, все решает соотношение сил и интересов	19	25	24	19	24	23
Затрудняюсь ответить	5	7	4	4	22	7
Всего	100 (100)	100 (474)	100 (315)	100 (159)	100 (144)	100 (1192)

Сказанное дает нам основания поставить под сомнение нынешнюю роль СМИ (вкуче с ролью политиков и чиновников, чьи высказывания они тиражируют) как главной причины распространенной в общественном сознании озабоченности относительно будущего поведения Китая. В конце концов, степень воздействия СМИ определяется не только интенсивностью их собственных усилий, но и их способностью отражать, закреплять, усиливать, интерпретировать настроения и тенденции, существующие в массовом сознании помимо них.

Еще одной существенно важной причиной озабоченности относительно наплыва китайских мигрантов принято считать

недостаточное знакомство с китайским народом, его успехами в модернизации, его великими культурными традициями, представленными в лице приехавших к нам китайских торговцев и неквалифицированных рабочих отнюдь не самым достойным образом. Допустим, что такая причина действительно существует и дальнейшие исследования позволят высветить ее роль. Однако в этом случае, надо полагать, должна была бы проявиться обратная зависимость между склонностью к алармизму и уровнем образования: как ни критикуй состояние нашего образования, образованный человек должен быть лучше осведомлен о нашем великом соседе и его замечательной культуре. Но в нашем опросе, как мы отмечали выше, статистическая связь между уровнем образования и мнением о Китае почти не прослеживается. В крупном опросе В.Л. Ларина на Дальнем Востоке в 2003 г. также «ни возрастной, ни образовательный срезы не демонстрируют расхождений в симпатиях населения к Китаю»²⁸¹.

На наш взгляд, основным источником тревог являются сложившиеся за последние десятилетия долговременные геополитические и геоэкономические реалии. Они хорошо известны, и здесь мы хотим лишь подчеркнуть их первостепенную важность для российского массового сознания.

Первая из них — это перепад между огромным населением Китая, живущим в условиях нехватки природных ресурсов: воды, пахотных площадей, леса, энергоносителей, и слабозаселенным российским Дальним Востоком — то, что получило название «демографического давления», или «демографического навеса». Не случайно демографический дисбаланс беспокоил власти и общественность и в императорской России, и в СССР, при полном отсутствии какой-либо третьей силы, которая пыталась бы играть на демографическом факторе. Напомним, что численность населения на российском Дальнем Востоке достигла пика в 8,056 млн человек на январь 1991 г. и снизилась до 6,5 млн человек к январю 2006 г.²⁸², тогда как численность одних только северо-восточных провинций КНР составляет 106,52 млн человек²⁸³.

Некоторые российские исследователи, доказывая выгоду и отсутствие опасности для принимающей страны от наличия китайской диаспоры, ссылаются на пример США, Канады, Австралии или стран Западной Европы²⁸⁴. Не следует забывать, однако, что ни одна из этих стран не имеет общей с Китаем границы. К тому же США будут, надо полагать, посильнее России, а Канада и Австралия, случись что, могут рассчитывать на аме-

риканское военно-политическое покровительство. Поэтому равняться на численность китайских общин в названных странах нам не стоит.

Перемещение даже малой части населения северо-восточных провинций Китая на российский Дальний Восток и в Сибирь способно изменить демографический баланс этих территорий настолько, что возникнут непредсказуемые последствия. Директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН академик П.Я. Бакланов полагает, что «в целом рубеж безопасной миграции находится в интервале до 5 млн человек... Если общий объем мигрантов превысит численность постоянного населения приграничного района, то возможно изменение статуса этого коренного населения и резкое возрастание этнической общности населения по обе стороны границы»²⁸⁵. Но это — отнюдь не единственное мнение. Думается, что на самом деле критическая черта проходит гораздо ниже. Учитывая напряжение, вызываемое среди жителей Дальнего Востока России присутствием даже небольшого контингента иностранных трудовых мигрантов, Е.Л. Мотрич (Институт экономических исследований ДВО РАН) рекомендует «ограничить используемую в регионе китайскую рабочую силу одним процентом от общей численности занятых»²⁸⁶. Не случайно царское правительство приняло политику постепенного вытеснения китайского труда, когда доля китайского населения составляла 10—15 % от российского.

Заметим, что обеспокоенность российского общества вызывает не только обстановка на Дальнем Востоке. Авторитетные российские демографы, обсуждая проблемы миграционной политики, констатируют: независимо от ее характера «пригодные для жизни пустеющие территории все равно будут заселены — слишком велик пресс общего роста численности населения земного шара и особенно стран, примыкающих к российским границам... За пределами южных границ России формируется мощное сообщество исламских государств. К середине XXI в. в Казахстане, Средней Азии, Азербайджане, Афганистане, Ираке, Саудовской Аравии, других арабских странах зоны Персидского залива, Иране, Пакистане и Турции численность населения превысит 1 млрд человек. Концентрация многомиллионных армий безработных в этих странах может существенно изменить геополитическую ситуацию, вызвать мощную миграционную экспансию»²⁸⁷.

Вторая из фундаментальных реалий — возросшая за последние десятилетия мощь Китая («комплексная государственная

мощь»), в которую, вообще говоря, входит и его гигантский демографический потенциал, но в данном случае мы имеем в виду ее военную и экономическую составляющие. «Мы не можем абстрагироваться от того, что китайское руководство намерено осуществить планомерное наращивание «совокупной государственной мощи», в том числе военного потенциала страны», — отмечает директор Института Дальнего Востока РАН академик М.Л. Титаренко²⁸⁸. Стремительное наращивание могущества Китая создает разительный контраст с упадком военной и экономической мощи России, развалом экономики Дальневосточного региона и ослаблением его хозяйственных связей с европейской Россией. Смягчение этого контраста в перспективе не просматривается.

Между тем, надежной основой международной стабильности может служить только устойчивый баланс сил, а к чему ведут его кардинальные изменения, объяснять не нужно. Международная жизнь при всей ее сложности и непредсказуемости все же подчиняется железным законам, и раз мы уже затронули эту тему, то не откажем себе в удовольствии процитировать почти вековой давности размышления Рудольфа Челлена, автора термина «геополитика». Челлен писал: «Великая держава, опираясь на свое военное могущество, выдвигает требования и простирает влияние далеко за пределы своих границ». И далее: «Великие державы являются экспансионистскими государствами»²⁸⁹. Разумеется, в наше время экспансия — согласно словарю, «активное проникновение в какую-либо сферу»²⁹⁰ — сильно отличается от той, какая понималась под этим термином в начале прошлого века. Сегодня это прежде всего — экономическая экспансия, она вполне может иметь и форму взаимовыгодного экономического сотрудничества. Все зависит от того, каковы объективные возможности каждой из сторон и насколько умело она отстаивает собственные интересы при организации сотрудничества.

Реалия номер три — это обусловленный возросшими экономическими потребностями интерес Китая к использованию сырьевых богатств Сибири, а, значит, и к экспансии в эту часть России. Конечно, и в дореволюционное время китайцы охотно пользовались дарами тайги и моря на российском Дальнем Востоке, мыли золото. Но теперь ресурсные запросы Китая приобрели совершенно иные масштабы, стали для него делом государственной важности.

В сфере идеологии эти запросы оформились в виде концепции «северной целины», ждущей своих открывателей, неважно, из какой страны пришедших. В сфере экономики они привели к проработке крупных проектов по транспортировке нефти, газа и электроэнергии из Сибири в КНР, к договоренностям об участии китайских предприятий в финансировании программ освоения лесных ресурсов России, развития транспортной инфраструктуры и т. д.

Безусловно, такое сотрудничество с Китаем может принести России замечательные результаты. Но только в том случае, если молодые российские государственные структуры и эгоистичные российские корпорации сумеют отстоять интересы страны в ходе деловых переговоров с сильной, уверенной в себе и хорошо организованной китайской стороной. Если российские переговорщики не будут деморализованы видимым превосходством партнера, славящегося своей неуступчивостью, и не поддадутся комплексу неполноценности, имеющему свойство возникать в подобных ситуациях. По справедливому замечанию китайских представителей, экономические отношения должны базироваться на рыночных законах, а не на политических предпочтениях.

Таковы объективные геополитические обстоятельства, индуцирующие естественную тревогу и недоверие к перспективам наших отношений с Китаем у российской общественности. Люди опасаются, что контроль над хозяйственной жизнью Дальнего Востока уйдет из рук России. Ключевым звеном здесь, очевидно, является кризисное состояние российского Дальнего Востока, принявшее хронический характер.

Все это прекрасно известно китайским специалистам по российско-китайским отношениям, известно, кстати сказать, и из наших работ, которые они внимательно изучают и нередко цитируют. Однако некоторые из китайских коллег склонны видеть корень всех проблем в происках США и их российских поклонников, а всякую попытку найти более серьезное объяснение клеймят как «ксенофобию». Соответственно, достается и авторам таких попыток²⁹¹. Мотивы резкости китайских ученых понять нетрудно, но признать их позицию убедительной и согласиться с нею едва ли возможно.

Еще в дореволюционной России наличие зоны геополитического если не вакуума, то пониженного давления в азиатской части страны серьезно волновало общественность. Д.И. Менде-

леев, кстати сказать, сторонник уважительных, дружественных отношений с Китаем, во время русско-японской войны писал: «...Донельзя очевидно, хотя бы мы приняли во внимание и громадность наших бесплодных тундр, что наша земля представляет великий соблазн для большинства окружающих нас народов, то есть, что нам помимо всяких соображений должно быть готовыми к отпору против appetitов, естественно свойственных всем людям».

В царской России страх перед демографической экспансией извне питался недостаточностью сил пограничных частей, полиции и административных органов для полноценного контроля и уверенного сдерживания «наплыва» через границу. Слабость государства проявлялась также и в малой эффективности переселенческой политики, и в необходимости лавировать в вопросах иммиграции, избегая осложнения отношений с Пекином, который всегда поддерживал своих подданных (граждан) за рубежом, добываясь для них больших возможностей и лучших условий жизни. Конечно, Китай был в то время слабым государством, но и Россия не могла похвастаться прочностью своих позиций на Дальнем Востоке, особенно после поражения в войне с Японией в 1904—1905 гг., а также в период своего участия в Первой мировой войне, тем более что силу государства непрерывно подтачивало революционное движение.

Советское государство полностью избавило себя от проблемы «китайского наплыва» тем, что создало тоталитарную систему управления обществом, включавшую в себя такие чрезвычайные меры, как депортация китайцев с Дальнего Востока, и обеспечило охрану своей территории по формуле «граница на замке». Китай за это время пережил падение империи (1911 г.) и распад новорожденной республики на зоны господства милитаристских клик, Национальную революцию 1925—1927 гг., национально-освободительную войну против японских захватчиков (1937—1945 гг.), наконец, гражданскую войну (1946—1949 гг.). Все это время он фактически решал вопрос о выживании государства. Только после создания в 1949 г. Китайской Народной Республики он с помощью Советского Союза и по его образцу трансформировался в страну с сильной государственной властью и быстро развивающейся экономикой.

С распадом СССР ситуация слабости российского присутствия на Дальнем Востоке возникла вновь, сопровождаемая хозяйственной деградацией и демографическим кризисом в регионе,

разрывом его связей с европейской частью страны. Одновременно небывалый рост мирового спроса на энергоресурсы и другие природные богатства породил повышенное внимание к российским землям между Уралом и Тихим океаном. Появились идеи о том, что территории, которые Россия не в состоянии освоить, должны принадлежать мировому сообществу. «Дальний Восток слабо привязан к общероссийскому экономическому, информационному, транспортному пространству. Естественные конкурентные преимущества округа, включая транзитные коридоры, используются крайне неэффективно. Все это представляет серьезную угрозу для наших политических и экономических позиций в АТР, для национальной безопасности России в целом», — подчеркнул президент В.В. Путин при обсуждении вопроса о развитии Дальневосточного региона²⁹².

В унисон с этим высказыванием академик М.Л. Титаренко отмечает: «В обозримой перспективе проблема демографической экспансии со стороны населения Китая в отношении России возникнет лишь в случае ослабления центральной власти и реальной угрозы дезинтеграции РФ»²⁹³.

Вместе с тем реальность такова, что возрождение и модернизация Дальнего Востока невозможны без сотрудничества с Китаем, который, в свою очередь, глубоко заинтересован в реализации различных форм торгового и инвестиционного сотрудничества с нашей страной в целях собственного развития. Потребность в экономическом взаимодействии — это один из тех фундаментальных факторов, которые обеспечивают прочность российско-китайского стратегического партнерства. Не менее весомы и политические факторы: Китай нуждается в длительном мире для осуществления своих масштабных программ модернизации. У него складываются сложные, противоречивые отношения с Западом, куда он стремится интегрироваться, но не ценой перерождения, к которому Запад его подталкивает, и не ценой перехода на зависимое от Запада положение в мировой политике. В такой ситуации Китаю нужен спокойный, желателен дружеский тыл. Для него важно, чтобы Россия не превратилась в младшего партнера США, чтобы в процессе налаживания сотрудничества с Вашингтоном она не поддавалась бы его нажиму и не вознамерилась бы подчинить его интересам свою политику на китайском направлении. (Как известно, в России есть серьезные политические силы, желающие этого.)

В свете сказанного трудно представить себе, чтобы Пекин решился на дестабилизацию своих отношений с Россией ради

попыток демографической, не говоря уже о территориальной, экспансии, в то время как его политическая воля в соответствии с коренными интересами Китая направлена именно на укрепление этих отношений. Тем более, что «мигрантоемкость» российского Дальнего Востока не настолько велика, чтобы играть существенную роль в решении коренной демографической проблемы Китая.

Поэтому при всех тревогах общественного мнения представляется вполне реальной возможность продолжать и расширять на взаимовыгодной основе такое сотрудничество с КНР, которое поможет превратить Дальний Восток в один из наиболее процветающих регионов Российской Федерации, ее мощный форпост в АТР. Более того, такое сотрудничество — веление времени.

Мнения о китайских мигрантах

Отношение к китайским мигрантам в основных чертах четко вписывается в общую картину отношения россиян к трудовой миграции из-за рубежа. Постоянно обсуждаемое и в СМИ, и в специальной литературе, это — отношение общества, зараженного ксенофобией, которая, в свою очередь, представляет собой симптом глубокого социального неблагополучия. Выше, в разделе «Мигранты и депопуляция», мы попытались вкратце описать общие причины широкого распространения мигрантофобии и показать их глубинный, а, следовательно, и долговременный характер. Это — неверие в способность власти отстаивать национальные интересы, кричащее социальное неравенство, утрата оснований для привычно высокой национальной самооценки, явственная склонность к ксенофобии самой политической элиты.

С другой стороны, мигранты и сами — не ангелы. На чужбину в поисках лучшей жизни, по крайней мере, хорошего заработка, обычно едут люди предприимчивые, уверенные в себе, способные идти на риск. Такие люди в соответствующих условиях не боятся нарушать законы, могут в любой обстановке чувствовать себя хозяевами положения и смотреть свысока на местное население. К тому же многие из них имеют низкий образовательный уровень и не обладают минимальной культурой поведения. Естественно, их присутствие не может вызвать восторга у местных жителей, особенно если это — жители постсоветской России, уязвленные потерей былого самоуважения, каким они обладали в СССР.

Реальные или воображаемые ситуации, которые вызывают у россиян неприязнь к мигрантам, можно классифицировать следующим образом.

Экономические ситуации: приезжие создают конкуренцию и сбивают цены на рабочие руки, занимают рабочие места, пусть и не самые престижные, но и не такие уж плохие (продавцы на рынках, рабочие на стройках), созданные нами и для нас предназначенные. Забирают в свои руки целые сектора хозяйства, например, те же рынки, не пуская туда наших производителей сельхозпродукции и при этом эксплуатируя труд наших женщин и т. п. Начинают внедряться в сельское хозяйство. Если так будет продолжаться, они скоро станут хозяевами, а мы — людьми второго сорта в собственной стране. Они не платят налогов, разводят взяточничество.

Культурно-поведенческие: они ведут себя у нас как хозяева, не проявляют должного уважения к нашим законам и обычаям. Дай им волю — они начнут устанавливать здесь свои порядки.

Криминальные: они проживают массами на нелегальном положении, создают преступную среду, распространяют наркотики, организуют этнические преступные группировки.

Территориально-бытовые: они занимают нашу землю, ограничивают наше бытовое пространство.

Демографические: при ужасающей демографической обстановке в стране (в регионе) все кончится тем, что наша нация просто растворится среди численно превосходящих ее и по традиции заводящих большие семьи пришельцев.

В реальности все эти сюжеты, естественно, переплетаются друг с другом, скажем, за культурно-поведенческими и территориально-бытовыми страхами явственно просматривается боязнь экономической конкуренции.

Совокупность всех названных обстоятельств оказывает сильнейшее влияние на характер массового отношения к мигрантам, формируя — в разных частях общества в разной степени — агрессивные установки и эмоции: недоброжелательность, подозрительность, предвзятость в оценках, необоснованные претензии и т. д. Естественное стремление всякой нации сохранить для себя свое жизненное пространство зачастую принимает гипертрофированные формы.

Атмосфера отторжения мигрантов четко просматривается по данным социологических опросов. Так, в одном из опросов, проведенных ВЦИОМом в 2005 г., с высказыванием «иммиграция —

это в целом хорошо для развития экономики» согласились лишь 20 % респондентов, а не согласились 38 %; 32 % были «отчасти согласны, отчасти не согласны»²⁹⁴. Неприятие иммиграции в определенной мере касается даже русских, приезжающих из ближнего зарубежья, о чем свидетельствуют, в частности, и опросы ВЦИОМ²⁹⁵. Мы не говорим уже о представителях титульных народов бывших советских республик. В 2007 г. на вопрос Левада-центра: «Как Вы относитесь к тому, что на стройках России все чаще можно встретить рабочих из Украины, Белоруссии, Молдавии, других стран ближнего зарубежья?» ответ «положительно» дали всего 18 % опрошенных, а «отрицательно» — 49 %²⁹⁶.

Этот негативный настрой распространяется и на восприятие россиянами китайских мигрантов, их присутствия и деятельности, накладываясь на беспокойство, вызванное кризисным состоянием экономики и угрожающим сокращением населения Дальнего Востока. Стремительный подъем могучего соседа на фоне так и оставшихся на бумаге амбициозных программ возрождения родного края, пассивности властей порождает ощущение, что рано или поздно этот край будет для России потерян.

Взаимосвязь между политикой собственной власти и отношением к мигрантам наглядно иллюстрируется свидетельством российского ученого Д.В. Кубарского, проводившего в 2004 г. социологическое исследование в приграничных районах. Как раз в тот момент между двумя государствами было достигнуто Дополнительное соглашение о границе. Зафиксированная в Соглашении, но не разъясненная убедительным образом, «передача островов, — пишет Кубарский, — вызвала бурную негативную реакцию населения Хабаровского края... При этом резко ухудшилось отношение местного населения к китайским мигрантам: любая улыбка на лице китайца расценивается как радость за возвращенные Китаю территории, смех — как насмешка над слабыми русскими, появление китайца на набережной Амура — желание полюбоваться отошедшими Китаю островами (хотя с городской набережной их не видно)»²⁹⁷.

В силу свойств массового сознания проблема миграционного наплыва воспринимается в сгущенно тревожных тонах. Американский ученый русского происхождения М. Алексеев в 2005 г., проследившая восприятие масштабов миграции в России с помощью обширного социологического исследования на пространстве от Москвы до Приморья, обнаружил «статистически значимый, более высокий уровень завышения доли китайцев и чечен-

цев, чем других национальностей мигрантов, в населении всех регионов опроса». В поисках объяснения подобных явлений он призвал обращать особое внимание «на факторы, обуславливающие ассоциацию различных этнических групп с угрозами национальной безопасности»²⁹⁸. Именно под воздействием этой закономерности немалая часть россиян считает, что демографическая экспансия на Дальнем Востоке уже идет полным ходом.

Это хорошо видно из табл. 16: в Москве почти четвертая часть респондентов — даже больше, чем на Дальнем Востоке, — полагает, что в России уже проживает несколько миллионов китайцев. Почти треть респондентов уверена в быстром нарастании миграции из Китая, еще треть относит этот процесс за счет нелегальной миграции. С общепринятыми в экспертной среде оценками числа китайских мигрантов в России — 300—500 тыс. человек — соглас-

Таблица 16

Ответы на вопрос: «Нижеследующие утверждения взяты из материалов СМИ и высказываний специалистов. Какие из этих их утверждений Вы считаете правильными?» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Число китайцев в России не превышает 300—400 тыс. чел.	3	4	2	5	2	1
Число китайцев в России составляет несколько миллионов чел.	19	23	15	25	14	7
Число китайцев в России намного увеличивается с каждым годом	32	32	31	25	35	32
Каждый год в России нелегально остается большое число китайцев	35	31	38	27	38	52
Ежегодно из России выезжает практически столько же китайцев, сколько и въезжает	6	6	7	11	5	3
Затрудняюсь ответить	5	4	7	7	6	7
Всего	100 (1285)	10 (652)	100 (633)	100 (209)	100 (238)	100 (186)

ны лишь единичные проценты респондентов. Чуть большая, но тоже незначительная доля респондентов имеет мнение, совпадающее с официальными статистическими данными, согласно которым в ежегодном балансе пересечений границы число выезжающих из России китайских граждан лишь немного меньше числа въезжающих (в 2000 г. миграционный прирост составил 2,9 тыс. человек, в 2001 г. — 4,4 тыс., в 2002 г. — 27,2 тыс.²⁹⁹).

Завышенные оценки китайского присутствия на Дальнем Востоке зафиксированы и в опросе, проведенном Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в 2003 г.³⁰⁰

Заметим, что, как и в сходных случаях в предыдущем разделе, где мы рассматривали отношение россиян к Китаю, целиком объяснять аберрацию реальной картины одним лишь влиянием информации, идущей по каналам безответственных СМИ, едва ли возможно: как явствует из табл. 17, тех, кто обеспокоен «демографической экспансией» (строки 2—4), среди доверяющих прессе насчитывается 79 %, среди доверяющих в основном — 87 %, среди в основном не доверяющих — также 87 %, наконец, среди не доверяющих — 90 %.

Таблица 17

Зависимость между степенью доверия к СМИ (по табл. 13) и представлениями о численности китайцев в России (по табл. 16) — Доля ответов, % (число ответов)

Какие из этих утверждений Вы считаете правильными?	Доверяете ли Вы материалам телевидения, газет, радио о Китае и китайцах?					Всего
	да, доверяю	в основном доверяю	в основном не доверяю	совершенно не доверяю	затрудняюсь ответить	
Число китайцев в России не превышает 300—400 тыс. чел.	10	2	3	4	2	3
Число китайцев в России составляет несколько миллионов чел.	23	21	16	15	22	19
Число китайцев в России намного увеличивается с каждым годом	31	32	34	30	28	32
Каждый год в России нелегально остается большое число китайцев	25	34	37	45	28	35

Окончание табл. 17

Какие из этих утверждений Вы считаете правильными?	Доверяете ли Вы материалам телевидения, газет, радио о Китае и китайцах?					Всего
	да, доверяю	в основном доверяю	в основном не доверяю	совершенно не доверяю	затрудняюсь ответить	
Ежегодно из России выезжает практически столько же китайцев, сколько и въезжает	9	7	5	3	5	6
Затрудняюсь ответить	2	4	5	13	15	5
Всего	100 (124)	100 (539)	100 (309)	100 (147)	100 (166)	100 (1285)

Отсюда, как нам кажется, следует сделать вывод: попытки успокоить общественность, убедив ее, что в настоящее время демографической экспансии на Дальнем Востоке нет, не могут быть особенно успешными: изначально возбужденное массовое сознание плохо поддается логике, неуверенность в будущем легко трансформируется в искаженное восприятие настоящего.

Тревожный настрой, недоверие однозначно определяют подход россиян к вопросу о переселении к нам жителей Китая. Табл. 18 показывает, что большинство респондентов (чуть меньше половины в Москве, заметно больше на Дальнем Востоке) относятся к этой идее безусловно отрицательно (строка 4). Последовательный переход по ступеням в таблице от негативной позиции через нейтральную к позитивной сопровождается столь же последовательным уменьшением лиц, выбравших данную ступень.

Полученные нами данные подтверждают тенденцию, наблюдавшуюся Институтом истории, археологии и этнографии ДВО РАН в опросах на Дальнем Востоке в течение 1994—2003 гг. и носящую, таким образом, устойчивый характер³⁰¹.

Совершенно по иному выглядит в глазах россиян четко выраженная идея временного пребывания жителей соседней страны в качестве трудовых мигрантов или учащихся (табл. 19).

Наибольшее число голосов здесь собрал положительный вариант ответа, причем на Дальнем Востоке — вдвое больше, чем в Москве. Негативных же ответов в Дальневосточном регионе оказалось в полтора раза меньше, чем в столице. Это означает, что

Таблица 18

Ответы на вопрос: «Как Вы относитесь к идее постоянного проживания китайцев в России?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Положительно	3	4	3	3	5	1
Нейтрально, безразлично	14	21	8	7	7	10
Терпимо	23	24	22	18	29	19
Отрицательно	56	47	64	69	57	66
Затрудняюсь ответить	3	4	3	4	2	3
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 19

Ответы на вопрос: «Как Вы относитесь к временному пребыванию китайцев в России в качестве рабочих, коммерсантов, студентов и т. п.?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Положительно: их пребывание приносит нам очевидную пользу	32	20	43	49	30	49
Отрицательные стороны их пребывания перевешивают его положительную роль	27	33	22	27	24	14
Нейтрально: одно уравновешивается другим	28	30	26	17	36	26
Безразлично	8	12	4	1	4	6
Затрудняюсь ответить	5	5	5	5	6	5
Всего	100	100	100	100	100	100

существенная часть общества признает деятельность китайских мигрантов полезной.

Данный настрой особенно заметен при сопоставлении его с отношением россиян к трудовым мигрантам-иностранцам с Кав-

каза (табл. 20) по числу позитивных откликов китайцы превосходят кавказцев более, чем в 5 раз, по числу негативных — уступают в 2 с лишним раза.

Таблица 20

Ответы на вопрос: «Для сравнения: А как вы относитесь к пребыванию в России трудовых мигрантов — иностранцев с Кавказа?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Положительно: их пребывание приносит нам очевидную пользу	6	4	8	6	10	7
Отрицательные стороны их пребывания перевешивают его положительную роль	61	63	60	65	52	63
Нейтрально: одно уравновешивается другим	22	22	21	18	25	19
Безразлично	6	5	6	5	8	6
Затрудняюсь ответить	5	6	5	5	5	5
Всего	100	100	100	100	100	100

(Столь недружественное восприятие иммигрантов из Закавказья берет истоки, по-видимому, в деятельности чеченских террористов, отношение к которым посредством свойственным массовому сознанию поверхностных, примитивных обобщений легко распространяется на все народы Кавказа. Сказываются, безусловно, и этнокультурные различия.) Необходимо отметить, однако, что в других социологических опросах степень толерантности по отношению к различным этническим группам мигрантов может быть и иной. Ранжирование симпатий и антипатий к мигрантам на более широком этническом материале (но, по-видимому, без специального упора на Москву и Дальний Восток) было получено в выборочном опросе, проведенном в 2007 г. Социологическим центром Российской академии государственной службы в 12 субъектах РФ³⁰². Оно показано в табл. 21 и 22.

Таблица 21

Ответы на вопрос: «Как Вы относитесь к приезду людей на заработки в Ваш город (район)?» — Доля опрошенных, %

	Положительно	Равнодушно	Отрицательно	Трудно сказать
Из других регионов России	36,0	35,1	20,9	8,0
Из Белоруссии, Украины, Молдовы	23,7	36,1	29,4	10,8
Из Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана	13,1	22,6	55,1	9,2
Из Азербайджана, Грузии, Армении	11,4	20,0	61,4	7,2
Из Вьетнама, Китая и др. стран вне СНГ	8,3	17,0	62,7	12,0

Таблица 22

Ответы на вопрос: «Как вы относитесь к приезду в Ваш город (район) на постоянное жительство следующих групп переселенцев?» — Доля опрошенных, %

	Положительно	Равнодушно	Отрицательно	Трудно сказать
Русских из бывших республик СССР	48,4	26,7	12,9	12,0
Из Белоруссии, Украины, Молдовы	20,7	34,1	29,0	16,2
Из Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана	7,9	21,0	57,7	13,4
Из Азербайджана, Грузии, Армении	6,0	15,6	66,0	12,4
Из кавказских республик России	7,0	14,7	66,0	12,3
Из Вьетнама, Китая и др. стран вне СНГ	4,9	13,3	67,6	14,4

Эти данные не только подтверждают, что отношение населения к мигрантам варьируется в зависимости от их этнической принадлежности, но и показывают довольно высокий общий уровень неприязни к ним: даже русских репатриантов из новых постсоветских республик не хотело бы иметь соседями существенное количество опрошенных. Не много и желающих принять русских

соотечественников в качестве гастарбайтеров — по-видимому, их рассматривают как потенциальных конкурентов. Мы не говорим уже о представителях кавказских народов России. Для нас в данном случае важно, что представителей родственных в этнокультурном плане народов принимают более охотно, чем носителей далекой от нас цивилизации; мигрантов из бывших союзных республик, имеющих общее с Россией прошлое, — более охотно, чем приезжих их дальнего зарубежья; наконец, мигрантов иной цивилизации респонденты согласны видеть рядом с собой скорее временными работниками, чем постоянными жителями.

Балансирование между инстинктом самосохранения и соображениями пользы просматривается в представлениях россиян о том, какой должна быть политика правительства в отношении мигрантов из Китая. Дискуссии на эту тему, кажется, уже утихли, крайние варианты — свободный их допуск без всяких ограничений и полный запрет на въезд — существуют ныне лишь как достояние крохотного меньшинства. Остались варианты единого в принципе прагматичного подхода: допуск при соответствующем мониторинге и контроле со стороны государственных органов, как это и должно быть в любом государстве, заботящемся о сохранении своего суверенитета. Различия между вариантами не столь значительны и носят скорее эмоциональный характер. Если отвлечься от них, то окажется, что, согласно табл. 23, прагматичный подход (строки 2 и 3) разделяют 83 % респондентов: 81 % в — Москве и 84 % — на Дальнем Востоке.

Обратим внимание на то, что к трудовым мигрантам-иностранцам с Кавказа общественное мнение склонно требовать от правительства более жесткого подхода: этого хотят более половины опрошенных, максимальное число — в Москве, заметно меньшее — на Дальнем Востоке (табл. 24).

Табл. 25 позволяет ранжировать по значимости те претензии, в основном экономического свойства, которые, сверх демографического алармизма, россияне, справедливо или несправедливо, предъявляют приезжим из Китая, равно как и мигрантам из других стран. Значимость претензий выражается долей голосов, приходящихся на тот или иной из предложенных вариантов ответа, от общей суммы 2225 голосов (респондентам разрешалось выбирать более одного ответа). Столь большое число голосов само по себе уже свидетельствует о том, насколько серьезно затрагивает россиян присутствие и деятельность отнюдь не астрономического, в общем-то, количества мигрантов из КНР.

Таблица 25

Ответы на вопрос: «Если Вам не нравится присутствие китайцев в России, то чем именно?» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Они отнимают у нас рабочие места	9	8	10	9	8	12
Они могут занять наши рабочие места в будущем	10	11	9	11	8	7
Своими дешевыми товарами они мешают нашим производителям	11	11	10	9	10	13
Они подсовывают нам бракованный товар	13	12	13	12	15	12
Они уклоняются от налогов и таможенных сборов	10	9	10	11	13	5
Они скупают по дешевым ценам наше сырье (металл, лес и др.)	18	14	20	20	18	23
Они вывозят на родину заработанные у нас деньги	11	11	11	13	11	8
Они занимают наше пространство на улицах, в транспорте и т. д.	3	4	3	4	3	3
Не нравятся их человеческие качества, манера поведения	5	4	5	4	7	5
Просто, не нравятся — и все тут	2	3	2	1	3	3
Они мне нравятся. Они ведут себя ничуть не хуже, чем наши бизнесмены	4	5	4	5	4	3
Другое	1	0	1	1	2	0
Затрудняюсь ответить	4	8	2	1	1	5
Всего	100 (2225)	100 (877)	100 (1348)	100 (469)	100 (525)	100 (354)

Наиболее весомые из претензий ложатся нелегким грузом на совокупный образ китайского мигранта, хотя и признать их все безоговорочно справедливыми было бы неправомечно. Две самые серьезные из них — относительно скупки сырья и продажи бракованного товара (строки 4 и 6), пожалуй, бесспорны, если только под последним иметь в виду не просто товар, заведомо недолговечный из-за низкого качества, но зато недорогой, а тот, который содержит скрытый брак и выходит из строя почти сразу после покупки. Неоспоримо и уклонение от налогов и таможенных сборов (строка 5): китайские мигранты активно пользуются широко распространенными в России коррупционными схемами и прорехами в законодательстве.

А вот основания для первых трех претензий (строки 1—3) не вполне ясны: действительно ли китайские рабочие и китайские коммерсанты с их товарами составляют конкуренцию и вытесняют с рынка наших рабочих, продавцов и производителей? Или они только заполняют пустующие ниши? Или имеет место и то, и другое? А если конкуренция действительно существует, то идет ли она во вред или на пользу потребителю?

Исследований на эту тему, насколько нам известно, не проводилось, редкие сообщения о стычках на рынках между российскими и китайскими торговцами, свидетельствуя о наличии спорадических всплесков конкурентной борьбы, ничего не говорят о том, добивалась ли та или иная сторона в каждом конкретном случае права на сосуществование или на монопольное положение. Опрос, проведенный ВЦИОМом в августе 2007 г., показал, что в обществе достаточно распространены взаимоисключающие точки зрения на последствия использования труда китайских рабочих: одни отмечают «увеличение безработицы среди местного населения», другие — «восполнение дефицита рабочей силы». Предпочтительной является первая из них: по стране в целом ей было отдано большинство голосов (58 %) при вдвое меньшем числе голосов против (26 %). В Дальневосточном федеральном округе соотношение голосов оказалось таким же — соответственно 63 % против 31 %. Вторая точка зрения собрала меньшее число голосов — 40 % «за» и 38 % «против» по стране, 52 % «за» и 35 % «против» в ДФО. Однако обратим внимание, что в масштабе страны голоса «за» и «против» второй точки зрения разделились почти поровну³⁰³.

Остальные особенности экономического и бытового поведения приезжих из КНР (строки 7 и 8), никак не могут быть по-

ставлены им в укор. В самом деле, принимая мигрантов на работу, мы тем самым по умолчанию даем согласие на их пребывание среди нас и на вывоз их заработков к ним на родину — иначе зачем бы они к нам поехали? Возмущение тут тем более нелепо, что мы миримся с миллиардными утечками за границу капиталов, принадлежащих российским банкирам, предпринимателям и чиновникам. Нелогично было бы и приравнивать перевод заработков семьям мигрантов к инвестициям капиталов зарубежных китайцев — граждан стран Юго-Восточной Азии в экономику КНР. Последних нередко критикуют за то, что они таким образом наносят ущерб своему государству, в котором этот капитал был создан и которое нуждается в капиталовложениях. Однако заработок трудового мигранта — это плата за его работу, мигрант ничем не обязан своему работодателю и имеет полное право распоряжаться своим заработком, как хочет.

Последний блок ответов затрагивает отношение россиян к поведенческим особенностям и человеческим качествам мигрантов. Об этом мы будем подробнее говорить чуть ниже, здесь отметим лишь, что, действительно, китайских мигрантов-выходцев из нижних слоев населения нередко отличает низкая культура поведения, и не только в России. На одном из брифингов в МИД КНР в 2007 г. приводился такой факт: незадолго до того в европейских ресторанах был проведен опрос относительно культуры поведения клиентов. В итоговом списке китайские посетители заняли третье место с конца, тогда как первое от начала досталось японцам³⁰⁴. Но прежде, чем бросить камень в китайских торговцев, неплохо было бы вспомнить о собственных соотечественниках — «новых русских», внесших оригинальную лепту в образ России своими куражами на международных курортах.

Дальнейший анализ результатов нашего опроса показывает: выражая недовольство теми или иными формами теневой экономической деятельности китайских мигрантов, россияне в значительной своей части проявляют понимание разницы между теми, кто нарушает закон, и теми, кто обязан следить за его соблюдением, но по причинам, о которых нетрудно догадаться, позволяет его нарушать. И, следовательно, с кого каким должен быть спрос. Это хорошо видно из табл. 26.

Наибольшее число опрошенных — около трети — считает, что главную ответственность должно нести российское правительство. Второе и третье места делят китайцы и, с другой стороны, отечественные предприниматели и чиновники (в Москве второе

Таблица 26

Ответы на вопрос: «О китайцах подчас говорят, что они наносят вред нашей экономике: недоплачивают налоги и таможенные сборы, скупают по дешевке лес и металл и т. д. Кто должен нести главную ответственность за это?» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Китайцы: они должны соблюдать наши законы	24	27	21	17	25	20
Российские предприниматели и чиновники: они — хозяева положения, ради личной выгоды они идут на незаконные сделки с китайцами	24	21	27	32	27	21
Российское правительство: оно плохо борется с теневыми операциями в нашей экономике	31	33	30	32	32	23
Обе стороны ответственны в равной мере — и китайская, и наша	18	17	20	15	14	33
Другое	1	1	0	0	1	0
Затрудняюсь ответить	2	2	2	3	1	2
Всего	100 (1280)	100 (572)	100 (708)	100 (259)	100 (265)	100 (184)

место по числу голосов у китайцев, на Дальнем Востоке — у наших соотечественников). Около $\frac{1}{5}$ возлагает равную ответственность на обе стороны.

Мало того, $\frac{2}{3}$ россиян готовы поддержать китайцев в их жалобах на коррупцию и произвол российских властей и полагают, что наведение порядка — прямая обязанность властей (табл. 27).

На Дальнем Востоке это требование звучит еще громче, чем в столице (76 % против 61 %). Одновременно там меньше тех, кто рассматривает устранение коррупции и произвола как мало-значительное дело, а равно и тех, кто ухитряется увидеть в ней нечто положительное.

Теперь по поводу оценки россиянами национальных качеств китайских мигрантов. Эти оценки заведомо не могут быть объ-

Таблица 27

Ответы на вопрос: «Китайцы нередко жалуются на взяточничество, поборы со стороны российских чиновников и милиции. Как, по-вашему, нужно реагировать на эти жалобы?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Власти обязаны навести порядок — это и в интересах китайцев, и прежде всего в наших собственных интересах	69	61	76	84	83	61
Это не существенно, особых мер можно не принимать	13	19	7	5	4	12
Это, конечно, некрасиво, но в этом есть свой плюс: меньше мигрантов будет приезжать к нам	16	17	14	8	8	25
Затрудняюсь ответить	3	2	3	3	5	1
Всего	100	100	100	100	100	100

ективными: они, безусловно, складываются под сильным влиянием рассмотренных выше негативных социально-психологических установок в отношении наплыва мигрантов. Немалую роль играют также и нарушения законов самими мигрантами, и, по-видимому, большая дистанция между двумя цивилизациями.

Тем не менее, больше половины респондентов, в Москве немного больше, чем на Дальнем Востоке, относятся к китайцам вполне толерантно и считает их обычными людьми (табл. 28). Пятая часть респондентов готова выставить китайцам оценку «так себе». Нейтральная оценка по числу собранных голосов существенно превосходит вес как определенно позитивных, так и четко отрицательных оценок. Арифметическое отношение числа позитивных оценок к числу негативных больше в Москве, чем на Дальнем Востоке.

Ту же тенденцию мы можем проследить в табл. 29: более, чем у половины респондентов отношение к китайцам за последние десять лет осталось прежним — это в 2 раза с лишним больше числа тех, чье отношение улучшилось или ухудшилось. Иными словами, налицо стабильность отношений россиян к китайским мигрантам.

Таблица 28

Ответы на вопрос: «Каково Ваше отношение к китайцам? Что это за люди?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Очень хорошие	1	1	1		3	1
Хорошие	10	10	10	14	6	11
Обыкновенные	53	56	49	57	50	39
Так себе	20	20	20	17	15	27
Неприятные	13	8	19	11	23	21
Затрудняюсь ответить	3	4	2	1	3	1
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 29

Ответы на вопрос: «Как изменилось Ваше отношение к китайцам за последние 10 лет?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Улучшилось	18	16	21	28	16	18
Осталось прежним	54	56	53	48	51	60
Ухудшилось	20	19	21	21	26	16
Затрудняюсь ответить	7	9	6	3	7	6
Всего	100	100	100	100	100	100

Табл. 30 составлена таким образом, что в ее строках попарно чередуются названия по сути дела одних и тех же человеческих свойств, но с противоположной эмоциональной окраской: позитивной (четные строки) и негативной (нечетные). Оказалось, что только в первой паре россияне отдали предпочтение позитивно окрашенной оценке, правда, с огромным перевесом над негативной. Во всех остальных парах соотношение получилось обратным (только на Дальнем Востоке в строках 5 и 6 стоят одинаковые числа).

Таблица 30

Ответы на вопрос: «Какие из приведенных ниже высказываний, на Ваш взгляд, правильно характеризуют китайцев?» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Они на зависть трудолюбивы	21	18	22	20	20	27
Вкалывать, как китайцы — это не для нормального человека («не для белого человека»)	5	5	5	6	5	3
Китайцы замечательно предпримчивы	9	9	9	9	8	9
Китайцы пронырливые, всегда найдут свою выгоду	13	13	12	11	12	14
У китайцев прекрасно развита взаимопомощь	11	11	11	11	12	9
Китаец устроится где-то — и тянет за собой своих	13	15	11	10	14	10
Китайцы ведут себя раскованно, свободно, но с уважением к окружающими	4	5	4	6	3	1
Китайцы в России ведут себя развязно, неуважительно к нам	8	5	9	8	9	11
Китайцы — спокойные, доброжелательные люди	3	3	3	5	1	2
Китайцы внешне доброжелательны, но за их доброжелательностью скрывается расчет, хитрость	13	10	14	13	16	13
Затрудняюсь ответить	3	5	1	1	1	1
Всего	100 (2219)	100 (897)	100 (1322)	100 (487)	100 (453)	100 (382)

Такая картина обычно рассматривается как свидетельство пристрастного подхода. В данном случае он обусловлен не только укоренением мигрантофобии в общественном сознании россиян, но и распространением русского шовинизма, представляющего собой обратную сторону ксенофобии и растущего од-

современен с нею. Его характерная черта состоит в том, что он не отличает иностранцев от представителей национальных меньшинств собственной страны. (Выше мы уже могли видеть это на примере жителей закавказских государств и кавказских народов России.) Нерусские же народы России, ощущая себя в той или иной мере объектами третирования в своем государстве, гражданства которого они являются, похоже, не испытывают неприязни к мигрантам из-за рубежа, по крайней мере, она не зафиксирована сколько-нибудь заметным образом. «Широта» русского шовинизма видна из табл. 31.

Таблица 31

Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что русские люди (по своим достоинствам, или благодаря своей исторической миссии, или еще почему-либо) стоят выше, чем...?» — Доля ответов, % (число ответов)

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Китайцы	9	8	9	12	8	8
Чеченцы	9	8	9	11	10	7
Другие выходцы с Кавказа	9	8	10	8	10	13
Национальности Центральной Азии	7	5	8	12	7	5
Евреи	4	4	5	2	3	8
Украинцы	4	3	5	3	2	7
Белорусы	3	2	4	2	3	7
Американцы	5	6	4	3	5	5
Европейцы	2	2	2	0	2	4
Японцы	2	2	3	1	2	4
Жители остальных стран Азии и Африки	7	4	9	10	13	5
Я так не считаю	29	32	28	32	28	23
Затрудняюсь ответить	11	19	5	3	8	3
Всего	100 (1557)	100 (669)	100 (888)	100 (275)	100 (261)	100 (352)

Создается впечатление, что здесь мы наблюдаем тотальную «презумпцию превосходства», для которого китайские мигранты — лишь один из объектов третирования, далеко не самый важный. Можно порадоваться только тому, что 29 % россиян все-таки свободны от притязаний на особое место среди народов мира.

Для сравнения: согласно опросу Левада-центра в августе 2007 г., идею «Россия для русских» поддержали полностью — 14 %, «в разумных пределах» — 41 %, тогда как число не поддержавших составило 27 %. В августе 1998 г. эти показатели выглядели соответственно: 15, 31 и 23 %³⁰⁵.

Одним из проявлений шовинизма (или шовинизма плюс мигрантофобии) резонно считать нетерпимое отношение к смешанным бракам. На вопрос: «Как бы Вы отнеслись к браку своего близкого родственника с китайцем (китайкой)?» большинство респондентов дали отрицательный ответ, воспринимающих такой брак благосклонно оказалось в 5 раз меньше. (При этом, согласно результатам нашего опроса, распределение ответов не зависит от пола: разница не превысила 1 %.)

Таблица 32

Ответы на вопрос: «Как бы Вы отнеслись к браку своего близкого родственника с китайцем (китайкой)?» — Доля опрошенных, %

	Россия	Москва	Дальний Восток	Дальний Восток		
				Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
Положительно	8	6	10	9	9	13
Безразлично	13	13	13	9	15	14
С терпимостью	27	28	25	25	23	28
Отрицательно	40	38	43	49	38	42
Затрудняюсь ответить	12	15	9	8	15	3
Всего	100	100	100	100	100	100

Напомним, что ответы на симметричный вопрос: «Как бы Вы отнеслись к браку Вашего ребенка или другого близкого родственника с россиянином?», заданный нами в том же 2007 г. 900 китайским мигрантам, дал совершенно иные результаты.

У китайцев соотношение положительных и отрицательных ответов оказалось обратным: 32 % к 9 %. Количество же нейтральных ответов у китайцев (26 %) оказалось в 2 раза больше, чем у россиян (13 %). Иными словами, «барьер эндогамности» с российской стороны оказывается выше, чем с китайской, что объясняется разницей в социальном статусе местных жителей и мигрантов. Такой же результат показал опрос, проведенный в 2000—2003 гг. исследовательской группой Амурского государственного университета³⁰⁶.

Теперь мы хотели бы обратить внимание на взаимосвязь между отношением к китайским мигрантам и отношением к той стране, которую они представляют. Здесь существует четкая прямая зависимость, что хорошо видно из табл. 33, составленной на основе табл. 28 и 5, следующим образом: в столбце «очень хорошие» показано, как респонденты, считающие китайцев «очень хорошими» людьми (табл. 28), ответили на вопрос о наиболее привлекательных странах (табл. 5). А именно, какая доля ответов пришлась на Китай и какая — на остальные страны. Точно так же в столбце «хорошие» показано, как ответили на вопрос о наиболее привлекательных странах те респонденты, которые считают китайцев «хорошими» людьми. И т. д.

Оказывается, чем лучше отношение к людям, тем лучше отношение и к их стране, и обратно.

Таблица 33

Зависимость между отношением к китайцам и симпатией к Китаю — Доля опрошенных, % (человек)

Наиболее привлекательные страны (по табл. 5)	Ваше отношение к китайцам? Что это за люди?						Всего
	Очень хорошие	Хорошие	Обыкновенные	Так себе	Неприятные	Затруднились ответить	
Китай	24	16	12	4	2	7	10
Другие страны	76	84	88	96	98	93	90
Всего	100 (25)	100 (218)	100 (1066)	100 (385)	100 (250)	100 (57)	100 (2001)

Табл. 34 подтверждает эту взаимозависимость: в каждой категории у большинства респондентов изменение мнения о китайцах и мнения о Китае идут в одну сторону.

Таблица 34

Зависимость между ответам на вопросы: «Как изменилось Ваше мнение о Китае за последние 10 лет?» и «Как изменилось Ваше отношение к китайцам за последние 10 лет?» — Доля опрошенных, % (человек)

Как изменилось Ваше отношение к китайцам за последние 10 лет?	Как изменилось Ваше мнение о Китае за последние 10 лет?					Всего
	Изменилось в лучшую сторону	Не изменилось	Изменилось в худшую сторону	Китай меня не интересует	Затрудняюсь ответить	
Улучшилось	52	4	1	1	21	18
Осталось прежним	39	82	28	50	41	54
Ухудшилось	4	8	68	23	17	20
Затрудняюсь ответить	5	5	2	26	21	7
Всего	100 (273)	100 (338)	100 (172)	100 (88)	100 (29)	100 (900)

Нелишне отметить, что при разбиении респондентов по возрастным группам изменение отношения к китайцам за последние 10 лет показывает точно такую же тенденцию, что и рассмотренная выше десятилетняя динамика отношения к Китаю: доля тех, чье отношение улучшилось, при переходе от младших к старшим возрастам последовательно растет (от 13 % до 23 %), а разочаровавшихся — снижается (с 25 % до 11 %).

Подведем некоторые итоги.

Отношение к китайским мигрантам в российском обществе сложилось в ситуации беспримерного роста ксенофобии и, в частности, антимигрантских настроений во всех его социальных стратах и представляет собой одну из составных частей общенационального феномена мигрантофобии. Усугубляющую роль в формировании взглядов на пришельцев из соседней страны сыграло беспокойство за судьбу Дальнего Востока, положение которого вследствие его продолжающегося выпадения из общероссийского пространства, спада производства и прогрессирующей депопуляции признано угрожающим с точки зрения национальной безопасности. Это объясняет, почему, как видно из результатов опроса, в дальневосточном регионе уровень озабоченности выше, чем в столице.

Тем не менее, в подходе россиян к мигрантам из КНР наличествует и принципиально важный конструктивный потенциал, пока еще явно не раскрытый до конца. Это — растущее осознание полезности труда мигрантов; готовность принимать их на разумных условиях четкого регулирования их деятельности; понимание того обстоятельства, что введение их деятельности в рамки закона — это задача прежде всего самой российской стороны. Другое дело, что эта задача может быть реализована лишь как часть величайшей общенациональной проблемы коренного усовершенствования всей системы управления обществом, на что даже в самом лучшем случае потребуются десятилетия. Однако по мере продвижения к ее решению, оздоровления нашей экономической системы, укрепления нашего национального могущества будут вызревать условия для изживания первобытных нравов в межнациональных отношениях, для трезвого подхода к проблеме китайской «демографической экспансии», для признания той пользы, какую приносит России труд китайских и других мигрантов.

Глава 3

ЭМИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЭМИГРАЦИОННО-ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНР

Китайская диаспора — крупнейшая в мире. Таков же и исходящий из КНР миграционный поток. «Можно сказать, всюду, где светит солнце, есть и наши братья», — с гордостью говорят в Пекине. Китай и его диаспора связаны тесными и разнообразными узами, традиционными и новыми: родственными и земляческими, культурными, деловыми, информационными. Сегодня значение их и для одной, и для другой стороны небывало выросло и стало поистине уникальным. Правительство Китая — будь то Цинская империя, или Китайская Республика, или КНР — никогда не было безразличным к судьбе китайской эмиграции. В меру своих возможностей оно стремилось добиться понижения барьеров для въезда эмигрантов в ту или иную страну, облегчить условия их существования на чужбине, укрепить их связи с этнической родиной. Исключение составили годы «культурной революции», когда эмигранты рассматривались как носители враждебной идеологии. Однако с конца 1970-х годов — с того момента, когда страна встала на путь реформ и открытости внешнему миру — ценность диаспоры в глазах китайских руководителей существенно выросла, эмиграционная политика и диаспоральная политика резко активизировались.

Одним из важных азимутов этой политики является Россия. И если мы хотим, чтобы деятельность китайских мигрантов в нашей стране приносила нам максимальную пользу, содействовала упрочению российско-китайских отношений, укреплению доверия между двумя государствами — нам полезно иметь как можно более полное представление о тактике и стратегии руководителей КНР в том, что касается миграции китайцев «вовне», деятельности китайцев за рубежом, а прежде всего — об эмигра-

ционном потенциале Китая. Ниже мы попытаемся сделать шаг к выполнению названной задачи.

Напомним, что, употребляя для краткости термин «эмиграция», мы придаем ему самое широкое значение, охватывающее и эмиграцию в собственном смысле слова, т. е. выезд на длительное или постоянное проживание, и временную миграцию (трудовую, образовательную и др.), а иногда и эмиграцию в собирательном смысле, т. е. совокупность эмигрировавших лиц. То же касается и ряда других ключевых для нашего исследования терминов: диаспора, община, сообщество, зарубежные китайцы, китайское национальное меньшинство и т. п. Так же, как и термин «эмиграция», все эти термины мы будем в большинстве случаев употреблять в самом широком смысле, понимая их как совокупность лиц китайской национальности, проживающих за пределами Китая, все равно, постоянно или временно, в качестве граждан КНР или страны пребывания. Это позволяет нам, в частности, формулировать обобщения, относящиеся как к китайским диаспорам в различных странах мира, так и к китайской «квазидиаспоре» в России. В более узких значениях названные термины мы будем использовать таким образом, чтобы это было понятно из контекста.

Сделаем здесь же необходимые уточнения по поводу рамок приведенного ниже исследования.

Иногда и в нашей, и в зарубежной литературе к числу зарубежных («заморских») китайцев относят жителей Сянгана, Аомэня и Тайваня. Однако мы не последуем этому примеру и не будем рассматривать политику Пекина в отношении названных территорий (за исключением небольшого числа особых случаев), поскольку Сянган и Аомэнь с 1997 г. и 1999 г. соответственно входят в состав КНР. Тайвань также признан мировым сообществом, в том числе Россией, в качестве части КНР, хотя сами руководители Тайваня с этим не согласны. Как объект экономической политики правительства КНР население этих территорий имеет многочисленные, нередко существенные отличия от китайской диаспоры в различных странах мира, хотя налицо и немало совпадающих моментов.

Теперь дадим определения некоторых важнейших понятий, фигурирующих в китайских документах и литературе по интересующей нас теме.

Жителей Сянгана, Аомэня и Тайваня в КНР официально называют «соотечественниками» («*тунбао*»). Лица китайского про-

исхождения, проживающие в других странах, делятся на несколько категорий:

«хуацяо» — это «китайский гражданин, постоянно проживающий за границей»¹. Здесь «постоянно проживающий» означает «имеющий законное право на проживание в данной стране». Такой же смысл, как и «хуацяо», имеет термин «цяобао» — «согражданин», «соотечественник», и именно в этом смысле мы будем употреблять слово «соотечественник»;

«вайци хуажэнь» (букв. «китайцы с иностранным гражданством», сокращенная форма — «хуажэнь») — это хуацяо или их потомки, принявшие или получившие иностранное гражданство и в силу этого автоматически утратившие китайское гражданство; иностранцы китайского происхождения. В ряде случаев используется сокращенная форма данного термина: «хуажэнь». Часто два термина употребляются вместе. Словосочетание «хуацяо хуажэнь» означает: китайские эмигранты в совокупности, как граждане Китая, так и иностранные граждане;

«хайвай хуажэнь» — «заморские», т. е. зарубежные китайцы, независимо от гражданства. Фактически то же самое, что и диаспора, зарубежная община и т. д. (Английская калька этого термина «*overseas Chinese*» как у английских, так и у китайских авторов может, в зависимости от контекста, означать всех «заморских» китайцев или только китайских граждан.) В соответствующих контекстах синонимами служат слова «китайские эмигранты», «этнические китайцы» и др.

Среди зарубежных китайцев хуажэнь, т. е. граждане стран пребывания, численно намного преобладают над хуацяо, т. е. гражданами КНР;

«гуйцяо» — это «хуацяо, вернувшиеся на постоянное жительство на родину»², реэмигранты;

«цяоцзюань» — родственники эмигрантов-хуацяо и реэмигрантов-гуйцяо, проживающие в Китае. Закон определяет круг родственников-цяоцзюань: это супруг(а), родители обоих супругов, дети и внуки супругов, супруги детей, братья и сестры супругов, «а также другие родственники, в течение долгого времени поддерживающие данных хуацяо или гуйцяо»³.

Два последних термина важны, так как эмиграционная политика правительства КНР охватывает не только эмигрантов-хуацяо, но и реэмигрантов-гуйцяо, а также родственников тех и других (цяоцзюань).

«хуа-и» — буквально — «потомки китайцев», т. е. живущие за рубежом лица китайского происхождения, обычно в какой-то степени ассимилировавшиеся.

Все это — достаточно устоявшиеся определения, принятые в последние годы в официальных и полуофициальных текстах. Однако у разных авторов, особенно в работах, относящихся к 1990-м годам и ранее, можно встретить и менее строгое употребление того или иного из названных терминов.

Чтобы облегчить дальнейшее чтение и ради краткости мы из всех этих терминов будем употреблять без перевода только «хуа-цяо» (т. е. эмигрант с китайским гражданством), достаточно широко распространенный в нашей литературе. Остальные термины мы будем давать в русском переводе или вместе с переводом, по возможности сокращая и упрощая его там, где это не ведет к потере смысла.

§ 1. Эмиграционный потенциал Китая

Общепринятыми показателями возможностей КНР как источника эмиграционных потоков служат уровень и динамика численности ее населения, размеры безработицы и занятости, численность тех слоев населения, которые порождают эмиграционные потоки, а также их жизненный уровень (доходы, жилищные условия). При анализе вопроса с российского угла зрения естественно обращать внимание на граничащие с нами провинции Северо-Востока⁴. И специалисты, и СМИ широко пользуются сопоставлением демографических ситуаций по обе стороны границы.

Имеет значение и мотивация выезда за рубеж: в нее входят не только материальные соображения или желание получить образование, но и политические причины, стремление уйти от принятых в Китае ограничений на количество детей, экологические предпочтения и т. п. Однако здесь мы не будем рассматривать эти периферийные мотивы, оставим в стороне за незначительностью размеров политическую эмиграцию (даже с учетом беженцев из Тибета и Синьцзяна) и сосредоточимся на названных выше демографических и экономических параметрах, при том, разумеется, понимании, что они дают лишь весьма приблизительные, упрощенные контуры реальной базы эмиграции.

Динамика численности населения

Перевод китайской экономики на рыночные рельсы, индустриализация, урбанизация в сочетании с мерами по ограничению рождаемости коренным образом изменили демографический облик страны. От модели «высокая рождаемость, низкая смертность, высокий прирост населения» Китай окончательно перешел к модели «низкая рождаемость, низкая смертность, низкий прирост». Однако в количественном выражении этот низкий прирост характеризуется достаточно внушительными цифрами. С начала периода реформ темпы ежегодного естественного прироста населения с небольшими колебаниями уверенно идут вниз. В 1987 г. они были равны 1,661 %, в 1997 г. — 1,006, в 2006 г. — 0,528, в 2007 г. — 0,517 %. Но в абсолютном выражении разница между 2006 и 2007 г. составила 6,81 млн человек, а численность населения в 2007 г. достигла 1321,29 млн человек⁵.

В пограничных с Россией провинциях Северо-Восточного Китая численность населения и его прирост на конец 2007 г. составили: Ляонин — 42,98 млн (прирост — 0,153 %, т. е. 66 тыс. человек), Цилинь — 27,30 млн (прирост — 0,259 %, или 68 тыс.), Хэйлунцзян — 38,24 млн (прирост — 0,249 %, или 95 тыс.), итого прирост — 229 тыс. человек.

Изменилась не только динамика численности населения, но и его структура. Одной из задач модернизации и ее важнейшим результатом стало перемещение массы сельских жителей в города в процессе ликвидации аграрного перенаселения и создания трудовых ресурсов для промышленного развития. С 1990 по 2007 г. городское население увеличилось на 290 млн человек — с 301,95 до 593,79 млн, а его удельный вес в населении страны — с 26,41 % до 44,94 %. За это же время сельское население сократилось почти на 115 млн человек: с 841,38 млн (73,59 %) до 727,50 млн человек (55,062 %)⁶.

Наиболее важными характерными чертами новой демографической картины, наряду с сокращением темпов прироста населения и урбанизацией, стали:

- старение населения как результат политики ограничения рождаемости и улучшения социально-экономических условий. В особенности старение затронуло сельское население в связи с миграцией молодежи в города. Характерный показатель этого процесса — увеличение средней продолжительности жизни. Ожидаемая продолжительность жизни соста-

вила в 1982 г. — 67,7 лет, в 1990 г. — 68,65, в 2000 г. — уже 71,40 года⁷. Еще один показатель — увеличение числа семей с единственным ребенком (в возрастной группе до 30 лет единственные дети составляют 29,3 %) и сокращение средней численности семьи до 3,13 человек в среднем по стране⁸. По китайским данным, число жителей старше 60 лет в 2008 г. составило 149 млн человек — более 11 % общей численности населения КНР⁹;

- быстрый рост культурного уровня, при том, однако, что число неграмотных еще достаточно велико — 11,04 % для лиц старше 15 лет в масштабах всей страны. В граничащих с Россией провинциях Северо-Востока этот показатель — один из самых низких в стране: Ляонин — 4,7 %, Цзилнь — 5,85, Хэйлунцзян — 6,18 %¹⁰;
- следует отметить также серьезные диспропорции полового состава населения. По переписи 2000 г. в стране насчитывалось 51,53 % мужчин и 48,48 % женщин. Такое же соотношение полов было отмечено и в 2007 г. (51,50 и 48,52 %)¹¹. По мнению некоторых специалистов, такое положение может рано или поздно привести к нехватке невест.

Какое влияние могут оказать все эти процессы на величину эмиграционного потенциала страны? Самое главное и очевидное: снижение темпов естественного прироста в принципе неизбежно ведет к сокращению трудовых ресурсов, в том числе их наиболее мобильной части, способной к миграции за рубеж. С другой стороны, повышение качества жизни и отсюда увеличение продолжительности жизни, снижение смертности на фоне пусть даже замедлившегося естественного прироста порождают противоположную тенденцию. Результатом взаимодействия двух тенденций на данном отрезке времени является увеличение численности населения в трудоспособном возрасте, о чем свидетельствует табл. 1.

В абсолютных величинах за период 2000—2007 гг. население в возрасте 15—64 лет увеличилось на 72,2 млн человек: с 889,30 до 961,50 млн человек¹².

Однако миграция «вовне» — занятие, главным образом, для молодых людей. Судя по результатам целого ряда опросов, в том числе и нашего, основные контингенты трудовой и образовательной миграции находятся в возрастном диапазоне 20—40 лет. В этих границах в 2000 г. находилось 36,1 %, или 448,6 млн человек, в 2007 г. — 30,08 %. Перепись 2007 г. поводелась выбороч-

Таблица 1

Динамика численности населения по возрастам, %

Возрастные группы, лет	1982 г.	1990 г.	2000 г.	2007 г.
0—14	33,59	27,69	22,89	17,88
15—64	61,50	66,74	70,15	72,77
Более 65	4,91	5,57	6,97	9,35

Источник: Чжунго тунци няньцзянь. Пекин, 2008. Табл. 3—5, 3—7.

но, с коэффициентом 0,9 ‰, и восстановленная на основе этого коэффициента численность возрастной группы 20—40 лет составляет 397,7 млн человек. Таким образом, налицо абсолютное (на 50,9 млн человек), и относительное сокращение «миграционно-способного» населения. Поскольку в основе этого процесса лежит заданное демографической политикой правительства снижение численности вступающих в жизнь поколений, безусловно, он будет продолжаться и дальше (табл. 2).

Таблица 2

Доля миграционно-активных возрастных групп в общей численности населения, %

Год	Возраст, лет				
	20—24	25—29	30—34	35—39	20—39
2000	7,61	9,46	10,25	8,78	36,10
2007	6,61	6,46	7,30	9,91	30,08

Составлено по: Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо / Чжун хуа жэньминь гунхэго гоця тунци цзюй бянь [Материалы Всекитайской переписи населения 2000 г.]. Пекин, 2002. С. 134—144; Чжунго тунци няньцзянь. Табл. 3—5, 3—7.

Воздействие остальных названных выше факторов на объем эмиграционного потенциала КНР представляется малозначительным. О них мы можем лишь высказать некоторые соображения.

Урбанизацию можно было бы в принципе рассматривать как обстоятельство, благоприятствующее миграции за рубеж — не случайно большинство китайских мигрантов, приезжающих в Россию, у себя на родине являются городскими жителями. Однако при этом не следует забывать и о таком явлении, как «цзяосян» — сельские районы в южных приморских провинциях, обладающие вековыми традициями эмиграции и в настоящее вре-

мя по-прежнему играющие видную роль в эмиграционных процессах. При подходящих условиях и деревня может стать важным эмиграционным ресурсом.

Что же касается повышения образовательного уровня, то расширение кругозора никак не является препятствием для эмиграции, скорее, наоборот. Напомним, что китайские мигранты в России, согласно результатам нашего опроса, почти все имеют образование не ниже средней школы первой ступени, а пятая часть — даже высшее. Не будем забывать также о серьезных масштабах безработицы среди выпускников высших учебных заведений.

В целом эволюция демографической ситуации в КНР не позволяет поставить под сомнение тезис о том, что огромное население страны еще долгое время будет представлять собой исходную базу для формирования — при соответствующих условиях — мощных миграционных потоков за пределы Китая. Рост населения страны продолжается, хотя и более медленными темпами. Согласно опубликованному в 2007 г. «Плану демографического развития на 11-е пятилетие и на 2020 г.», к 2010 г. общая численность населения не должна превысить 1,36 млрд человек, а к 2020 г. — остаться в пределах 1,45 млрд человек¹³.

Занятость, безработица, жизненный уровень

В данном разделе мы опишем ситуацию, сложившуюся в Китае до начавшегося в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса и отличающуюся рядом устойчивых тенденций, а в конце отметим изменения, вызванные наступлением кризиса.

Обеспечение занятости населения, сведение к минимуму безработицы является одной из самых приоритетных задач в стратегии модернизации Китая. Прирост населения КНР и увеличение продолжительности жизни означает, как мы уже отмечали, увеличение численности людей трудоспособного возраста. К ним добавляются работники, уволенные по сокращению штатов в связи с реорганизацией и закрытием государственных предприятий. В 2006 г. не имели работы более 1 млн человек, сокращенных на предприятиях государственной собственности, и свыше 4 млн человек, сокращенных на коллективных предприятиях¹⁴. В последующие годы в связи с реформой госпредприятий и

структурной перестройкой промышленности в городах число нуждающихся в повторном трудоустройстве возросло.

В этих условиях правительство разработало и стало последовательно осуществлять целую систему мер, регулируя развитие экономики таким образом, чтобы повысить уровень занятости. Первостепенная роль здесь была отведена переброске избыточных трудовых ресурсов из деревни в город, где создаются новые рабочие места. К концу 10-й пятилетки (2001—2005 гг.) число занятых по стране, т. е. в городе и деревне, достигло почти 760 млн человек, число новых работников — 42 млн, повторная занятость сокращенных работников — 18 млн человек. За годы пятилетки 40 млн крестьян нашли работу вне сферы сельского хозяйства.

Однако увеличение числа рабочих мест не поспевало за ростом населения экономически активного возраста и не полностью компенсировало его. Рост экономически активного и занятого населения шли параллельно, и разрыв между этими показателями то увеличивался, то уменьшался, но неизменно выражался двузначными числами. За 2001—2007 гг. возросло не только население экономически активного возраста, но и разрыв между его объемом и объемом его занятой части (табл. 3).

Таблица 3

Динамика занятости в Китае, млн чел.

	2001	2005	2006	2007	Прирост за 2001—2007
Экономически активное население	744,32	778,77	782,44	786,45	42,13
Занятое население	730,25	758,25	764,00	769,90	39,65
В т. ч. : в городе	239,40	273,31	283,10	293,50	54,10
в деревне	490,85	484,94	480,90	476,40	-14,45
Незанятое население	14,07	20,52	18,44	16,55	2,48

Источники: Чжунго тунци няньцзянь 2006. С. 125; Чжунго тунци няньцзянь 2008. Табл. 4—1, 4—2.

Такая же тенденция наблюдалась и в динамике зарегистрированной городской безработицы.

На конец 2008 г. в связи с кризисом, по данным Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения, уровень городской безработицы достиг 4,2 %, или 8,86 млн человек¹⁵.

Таблица 4

Динамика зарегистрированной городской безработицы в Китае

Год	2001	2005	2006	2007
Млн. чел.	6,81	8,39	8,47	8,30
%	3,6	4,2	4,1	4,0

Источники: Чжунго тунци няньцзянь 2006. С. 125; Чжунго тунци няньцзянь 2008. Табл. 4—1.

В провинциях Северо-Востока показатели зарегистрированной городской безработицы относятся к числу сравнительно высоких, причем за период 1990—2005 гг. они заметно выросли как в абсолютном, так и в числовом выражении, но после 2005 г. начали понемногу снижаться (табл. 5).

Таблица 5

Динамика безработицы в провинциях Северо-Востока, тыс. чел. (%)

	2001 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Ляонин	237 (2,2)	604 (5,6)	541 (5,1)	445 (4,3)
Цзилинь	105 (1,9)	276 (4,2)	263 (4,2)	239 (3,9)
Хэйлунцзян	240 (2,2)	313 (4,4)	312 (4,4)	315 (4,3)

Источник: Чжунго тунци няньцзянь 2006. С. 180; Чжунго тунци няньцзянь 2008. Табл. 4—30.

Приведенные статистические данные, очевидно, не касаются частичной и скрытой безработицы, масштабы которой в предкризисные годы достигали, по некоторым китайским и российским оценкам, четверти трудоспособного населения¹⁶. На начало 2008 г. некоторые китайские специалисты оценивали число полностью и частично безработных в 184 млн человек¹⁷.

В деревне наличная рабочая сила оценивалась в 497 млн человек минус 200 млн человек уже мигрировавших в город и переменивших род занятий. Из оставшихся почти 300 млн человек сельскому хозяйству требуются 180 млн, а 120 млн составляют тот избыток рабочей силы, которому еще предстоит покинуть сферу сельскохозяйственного труда¹⁸. Сходные цифры приводятся и в других источниках. Так, по итогам широкого выборочного обследования, проведенного статистическими органами в 2005 г., перемещенная в город рабочая сила составила 183,19 млн чело-

век (включая годовой прирост за год на 9,57 млн человек), или 37,4 % от общей численности рабочей силы в деревне¹⁹. По несколько более поздним данным, опубликованным в 2008 г., из деревни мигрировало 226—230 млн человек; последнее число составляет 48 % трудоспособного сельского населения²⁰.

Ситуация с безработицей в стране усугублялась вследствие нестыковки между структурами спроса и предложения рабочей силы. С одной стороны, остро ощущалась нехватка кадров высокой и даже средней квалификации. В Шанхае, Пекине, Шэньчжэне налицо дефицит лиц с рабочими профессиями. В ряде мест, особенно в южной части приморского пояса, потребность в рабочей силе касалась всех ее категорий. По оценкам, в провинции Гуандун нехватка рабочих рук превышала 1 млн человек²¹.

С другой стороны, едва ли не по всей стране имел место дефицит рабочих мест для недавних крестьян, пополняющих ряды неквалифицированных рабочих в городах, для работников, уволенных по сокращению, а также для выпускников высших учебных заведений. Избыток последних связан со стремительным ростом их числа: выпуск 2001 г. составил 1,07 млн человек, выпуск 2008 г. — уже 5,5 млн.²² Последние годы количество безработной молодежи увеличивалось, а доля выпускников вузов, получающих распределение, — сокращалась²³. По данным одного из опросов, в 2007 г. в течение полугода после окончания вуза нашли себе работу лишь 84,7 % выпускников, в том числе 55,1 % — по специальности, 28,6 % — не по специальности, 1,2 % открыли собственное дело²⁴.

Это явление кажется парадоксальным на фоне нехватки квалифицированных кадров и требует отдельного рассмотрения. Возможно, дело тут и в качестве образования, и в диспропорциях между предложением и спросом на те или иные специальности. Так или иначе, на рынке труда наиболее дефицитными стали не обладатели дипломов, а профессионалы высоких категорий, будь то инженеры (соотношение спроса и предложения 2,8), или техники (соотношение 1,36), или рабочие (1,71)²⁵.

Удельный вес различных категорий трудящихся, находившихся в поиске работы, можно видеть из результатов, полученных в ходе обследования рынков труда в 2006 г. в 99 городах Китая. Зарегистрировалось на совокупном рынке труда 38,68 млн человек, из них принято на работу 37,33 млн, т. е. 96 %. Среди искавших работу было: безработных — 55,3 %, в том числе молодежь, пополнившая ряды безработных — 20,4 % (а среди моло-

дежи 35 % — это выпускники вузов); потерявших работу — 18,7 %; прочих — 16,2 %; рабочих из деревни — 28 %²⁶.

В Китае отмечали, что в 11-й пятилетке (2006—2010 гг.), объявленной ключевым периодом в создании общества средней зажиточности (*сяокан*) и ускорении модернизации, проблема занятости осталась острой. К концу пятилетки общий уровень рабочей силы должен достичь 830 млн человек, объем трудовых ресурсов в городе — увеличиться на 50 млн человек, тогда как на новые рабочие места могли бы рассчитывать лишь 40 млн. Таким образом, разрыв между спросом и предложением увеличивается на 10 млн человек. Сохраняются проблемы с трудоустройством сокращенных сотрудников государственных и коллективных предприятий, выходящей на рынок труда молодежи, включая выпускников вузов, трудовых мигрантов из деревни в город. Трудности с занятостью по-прежнему должен будет испытывать ряд сельских районов, особенно там, где земля истощена²⁷.

Вместе с тем в 11-й пятилетний план была заложена внушительная программа, направленная на постепенное решение вышеназванных проблем. План предусматривает:

- сдерживание безработицы в пределах 5 %;
- повышение качества труда, для чего предполагается довести число работников, овладевших профессиональными знаниями, до 1,1 млрд, из них инженерно-технического персонала — до 5 %, рабочих высоких разрядов — до 20 %;
- гармонизацию трудовых отношений (вопросы зарплаты, сверхурочных работ и т. п.);
- совершенствование системы социального обеспечения. Различными видами страхования должны быть охвачены сотни миллионов трудящихся.

Осуществление такого рода планов, улучшая условия жизни трудящихся, уменьшает их интерес к миграции за рубеж. Собственно, к этому ведет вся стратегия повышения народного благосостояния до среднезажиточного уровня (*сяокан*). Одним из ее важнейших результатов является относительно быстрый рост доходов населения. Средняя годовая зарплата рабочих и служащих (имеется в виду — с городской пропиской) по стране составляла: в 2003 г. — 14 040 юаней, в 2004 г. — 16 024, в 2005 г. — 18 364, в 2007 г. — 24 923 юаня, в том числе на государственных предприятиях — 26 620 юаней, на городских предприятиях коллективной собственности — 15 595, на предприятиях остальных форм собственности — 24 058 юаней. Жилплощадь в расчете на

одного человека составила: в городе 27,1 кв. м (в 2006 г.), в деревне 31,6 кв. м (в 2007 г.).²⁸

Существенно более тяжелым является положение мигрантов из деревни, так называемых крестьян-рабочих, не имеющих городской прописки²⁹. Их труд оплачивается по более низким ставкам, они лишены социальных гарантий. По оценке китайских ученых, в 2006 г. показатель уровня жизни крестьян-рабочих в среднем по стране составил 53,2 % от уровня «полноправных» городских жителей³⁰. Крестьяне-рабочие — это мощный резерв эмиграции, и если они не эмигрируют сами, то, по крайней мере, своим участием в конкуренции на рынке труда создают давление, подталкивающее к выезду за рубеж другие категории работников.

Однако и они постепенно вовлекаются в процесс повышения качества жизни. Правительство активно работает с ними. В провинциях создаются структуры, помогающие им в поисках работы, расширяется их участие в системе охраны труда, различных видах страхования. По данным Академии общественных наук Китая, в 2007 г. системой страхования от производственных травм и медицинского страхования было охвачено 20 % крестьян-рабочих³¹. Повсеместно внедряются системы страхования заработной платы, позволяющие контролировать ее выплату³². В некоторых отраслях (строительство, машиностроение) на предприятиях возник настолько значительный спрос на услуги крестьян-рабочих, что их зарплата стала быстро расти, достигая иногда 1000 юаней в месяц³³.

Рост благосостояния наблюдается и в деревне, где чистый душевой доход увеличивается, при небольших колебаниях, возрастающими темпами. В реальном исчислении, с учетом роста цен, увеличение чистого душевого дохода составило в 2000 г. — 2,1 %, в 2004 г. — 6,8, в 2007 г. — 9,55 %³⁴. Однако по уровню доходов сельское население уступает городскому приблизительно в 3 раза, и китайские специалисты прогнозируют дальнейшее увеличение этого разрыва³⁵.

Достигнутые в стране впечатляющие успехи позволяют китайским экспертам с оптимизмом смотреть на перспективу решения проблемы избыточной рабочей силы. Согласно их прогнозам, страну ожидает дальнейшее замедление темпов прироста населения в результате влияния таких фундаментальных факторов, как развитие рыночных отношений, переход большей части населения к городскому укладу жизни, и, главное, последовательное осуществление экономической и демографической по-

литики правительства. Одновременно должно происходить сокращение избыточной рабочей силы. По расчетам, сделанным до начавшегося в 2008 г. кризиса, предполагалось, что период ее наибольшей численности будет длиться еще приблизительно 10 лет, после чего перестанет расти и пойдет на снижение. Прирост трудоспособного населения (15—64 лет) с 2015 г. станет отрицательным и в 2020 г. достигнет —1,77 млн человек, а в 2050 г. составит — 28,18 млн человек³⁶. Однако до дефицита рабочей силы дело дойдет не скоро: «В обозримом будущем Китай по-прежнему будет иметь возможность удовлетворять спрос города на рабочую силу за счет перемещения ее из деревни»³⁷.

Параллельно, согласно докризисным прогнозам, должен будет продолжаться процесс увеличения занятости, прирост которой на 2007 г. определялся в 10,04 млн человек. При сохранении темпов роста экономики на уровне 7 % число рабочих мест в промышленности и сфере обслуживания будет ежегодно возрастать более чем на 10 млн. В этом случае при 1 %-ном темпе урбанизации число занятых в городе увеличится с 276,39 млн в 2005 г. до 326,39 млн в 2010 г. За это же время число безработных сократится с 19,49 до 15,61 млн, и таким образом безработица уменьшится с 6,59 до 4,57 %³⁸. Ту же тенденцию показывает и прогнозный ряд по скрытой безработице. Согласно Программе действий по защите прав человека, опубликованной пресс-службой Госсовета 13 апреля 2009 г., на 2009—2010 гг., несмотря на кризис, было запланировано увеличение занятости на 18 млн человек и удержание безработицы в городах в пределах 5 %.

Неясно, правда, в какой мере в китайских прогнозах учитываются такие негативные факторы, как сокращение пахотных площадей или уменьшение коэффициента отдачи, показывающего соотношение роста ВВП и количества новых рабочих мест. В начале 1990-х годов он был равен 0,1 % новых мест на 1 % роста ВВП — на треть ниже показателя 1980-х годов³⁹.

Существуют и прогнозы другого рода, которые можно назвать алармистскими. Авторы одного из таких прогнозов полагают, что к 2020 г. численность избыточной рабочей силы достигнет 250 млн человек⁴⁰.

Как бы то ни было, сегодня мы являемся свидетелями подлинно стратегического, фундаментального подхода правительства КНР к проблемам сдерживания роста населения и регулирования занятости. Китай прошел в этом направлении впечатляющий путь. А всякое продвижение к решению этих задач означает

в той или иной мере сокращение эмиграционного потенциала страны. Однако в среднесрочной перспективе, т. е. на ближайшие десятилетия, этот потенциал останется одним из крупнейших мире и будет, в частности, намного превосходить потребности России в использовании иностранной рабочей силы.

§ 2. Управление эмиграционными процессами

Политика в вопросах выезда и общий подход к проблеме миграции «вовне»

О том, что Китай с его огромным населением последние годы стал самым крупным в мире источником миграционных потоков, свидетельствуют данные МОТ⁴¹; прочие статистические данные, при всем царящем среди них разнбое, подтверждают это представление.

Согласно оценкам, фигурирующим в китайской литературе, с начала периода реформ и открытости в 1970-х годах и до конца 1990-х годов число эмигрантов (так называемые новые эмигранты, или новые переселенцы — *синь иминь*), включая эмигрантов с Тайваня, из Сянгана и Аомэня, составило приблизительно 4 млн человек⁴². Более половины этого потока — по китайским данным, 2,2—2,5 млн человек — направилось в экономически развитые страны, где китайские диаспоры стали расти особенно быстро. Почти целиком пошел в развитые страны поток с Тайваня (более 700 тыс. человек) и из Сянгана (более 600 тыс.). С учетом естественного прироста прибавка составила 3 млн человек. По данным ОЭСР, за 1995—2004 гг. объем эмиграции в 30 наиболее продвинутых стран — членов этой организации превысил 2 млн человек.

Особенно значительными оказались эмиграционные потоки в США, Японию, Канаду, Австралию, а последние годы — и в страны ЕС⁴³. Только в 2004 г. в 20 странах ОЭСР появилось 256,2 тыс. новых иммигрантов из Китая, в том числе в Японии — 90,3, в США — 51,2, в Канаде — 36,4, в Великобритании — 18,5, в Австралии — 13,6 тыс. Китайские специалисты, бизнесмены и рабочие появились также в Афганистане, Южной Африке, на островах Маврикия, в Израиле, Дубае и других странах, где их прежде не было. Китайская диаспора распространилась на 150 стран.

Рядом с этими данными существует другой ряд цифр, более значительных. В 2007 г. ответственные чиновники Канцелярии Госсовета по делам зарубежных китайцев отметили: количество соотечественников в развитых странах почти удваивается каждые десять лет⁴⁴. МИД КНР со ссылкой на американскую прессу говорит о более чем 18 млн человек, осевших за границей с начала 1970-х годов — это примерно половина всей мировой китайской диаспоры⁴⁵.

По подсчетам тайваньских ученых, за два последних десятилетия XX в. численность китайской диаспоры увеличивалась на 2,4 % ежегодно⁴⁶.

Столь внушительный рост эмиграционного потока из Китая объясняется стечением ряда фундаментальных причин, и его нужно рассматривать как частный случай общего роста международной миграции, связанного с глобализацией мировой экономики. Со стороны Китая мощным побудительным фактором здесь служат сохраняющееся аграрное перенаселение, выбрасывающее избыток рабочей силы в города, и высвобождение рабочей силы в самих городах, связанное со структурной перестройкой экономики. При этом самые серьезные усилия правительства с целью создания новых рабочих мест на основе рыночной экономики не могут решить проблемы безработицы и бедности в короткие сроки. Относительно низкий уровень жизни побуждает к эмиграции в благополучные страны и людей умственного труда. А политика открытости позволяет этому гигантскому трудовому потенциалу постепенно перемещаться за рубеж.

В то же время развитые страны испытывают нехватку рабочих рук как в сфере физического, так и в некоторых видах умственного труда и охотно принимают у себя определенное число иммигрантов нужных специальностей из развивающихся стран, в том числе из КНР, корректируя соответствующим образом свою иммиграционную политику.

Благоприятствует иммиграции из Китая отнюдь не пассивная позиция некоторых зарубежных китайских общин. Показательно в этом смысле землячество выходцев из г. Чанлэ (пров. Фуцзянь) в США. Члены землячества создали систему взаимопомощи, которая помогает новоприбывшим получить пособие, обустроиться, найти работу и поддерживать связь с родиной. Благодаря этому за последние 20 лет из Чанлэ с его населением в 680 тыс. человек эмигрировало в США 200 тыс. человек⁴⁷.

Массовая эмиграция из Китая в ее нынешнем виде, безусловно, в целом выгодна государству: она превращается в средство модернизации страны, поскольку ее результатом является приток финансов, инвестиций и новых технологий (последнее — как в натуральном виде, так и в виде информации), а также возможность организовать «циркуляцию мозгов», в которую частично удастся превратить их утечку. Мы не говорим уже о тех суммах, которые прибывают в страну в качестве помощи семьям и благотворительных пожертвований. Существенно и то, что эмиграция позволяет в определенной мере снизить напряженность на внутреннем рынке труда. Издержки же состоят как раз в «утечке мозгов» в ее невозвратной части, однако этот минус с лихвой перекрывается плюсами, и китайское правительство мирится с ним, принимая все возможные меры, чтобы сделать как можно меньшим ущерб, наносимый этим «минусом» потенциалу обновления страны. Ниже мы будем говорить об этом подробнее.

Эти факторы и определяют в основном подход КНР к эмиграционным процессам. В нем можно выделить следующие направления:

- постепенная либерализация правил выезда;
- организация экспорта рабочей силы по контрактам;
- борьба с нелегальной эмиграцией;
- воздействие на «утечку мозгов» в сочетании с работой по возвращению их на родину.

Рассмотрим эти пункты по порядку.

С момента создания КНР выезд и въезд в страну жестко контролировались, число выезжающих за рубеж было ничтожно мало. По мере перехода Китая к стратегии реформ и открытости запреты на выезд начали постепенно смягчаться, а количество выезжающих — увеличиваться. Закон Китайской Народной Республики о контроле за выездом и въездом граждан от 22 ноября 1985 г. установил основные права граждан:

«Ст. 2. Граждане Китая могут выехать из страны или въехать в нее с действительным паспортом или другим действительным документом, выданным соответствующим учреждением. От них не требуется подавать заявление о визе.

Ст. 5. Граждане Китая, желающие выехать из страны с частными целями, должны подать заявление в органы общественной безопасности города или уезда, где зарегистрировано их проживание. Положительный ответ должен быть дан, за исключением случаев, предусмотренных в ст. 8 настоящего Закона».

В ст. 8 названы: лица, обвиняемые или подозреваемые в преступных деяниях; лица, отбывающие наказание; лица, чей выезд, по мнению компетентных подразделений Госсовета, может нанести ущерб государственной безопасности и др.⁴⁸

В 2002 г. в связи со вступлением в ВТО в Китае была упрощена процедура выдачи паспортов, в частности, отменено требование о наличии приглашения из-за границы⁴⁹.

С 1 января 2007 г. вступил в силу первый в истории КНР Закон о паспортах, фиксирующий новое, несколько упрощенное оформление процедуры выезда. Теперь паспорт должен быть выдан в течение 15 дней с момента подачи заявления вместо прежних 30 (за исключением отдаленных районов страны). Срок действия паспорта — 5 лет для лиц моложе 16 лет и 10 лет для тех, кто старше 16. В отличие от прежних правил, новый закон не допускает продления паспорта⁵⁰.

Судя по всему, либерализация правил выдачи паспортов не была ограничена названными публичными послаблениями и имела достаточно глубокий характер. О ее результатах свидетельствуют следующие цифры. В начале 1980-х годов органы общественной безопасности санкционировали в среднем 100 тыс. с лишним поездок за рубеж. В 2006 г. их число составило 3,92 млн. На 2007 г. более 20 млн граждан КНР имели на руках паспорта⁵¹. По данным МИД КНР, в 2006 г. состоялось 34 520 тыс. выездов из страны⁵². По сведениям Министерства общественной безопасности, в 2007 г. число пересечений госграницы достигло 310 млн, увеличившись на 7,2 % по сравнению с показателем 2006 г.⁵³

Ослабление ограничений на выезд из страны привело к бурному росту выездного туризма. За первые 9 месяцев 2008 г. число туристических поездок за рубеж составило 34,39 млн — на 14,6 % больше, чем за тот же период 2006 г.⁵⁴

Западные правозащитники указывают на непоследовательность и неполноту проводимой реформы, отмечая, что политика китайского правительства все еще остается ограничительной и что право на въезд и выезд является одним из фундаментальных человеческих прав⁵⁵. На наш взгляд, постепенный, осторожный темп преобразований здесь имеет достаточно серьезные причины. Он объясняется и общим стилем реформ в КНР («идти вброд, ощупывая дно») и, возможно, нежеланием допускать резкий, чрезмерный напор на консульские службы привлекательных для иммиграции государств, а также на их пограничные службы, учитывая наличие нелегальной миграции (о ней речь

пойдет ниже). Миграционное давление могло бы повредить образу Китая: дать зарубежному массовому сознанию пищу и для скептического отношения к успехам КНР в деле реализации ее социальных лозунгов, и для оживления толков о «китайской угрозе» в ее демографическом варианте.

С другой стороны, анализ статистических данных, а также внутрикитайских социально-экономических факторов, создающих эмиграционный напор в стране, побуждают часть экспертов, наоборот, с настороженностью относиться к перспективе роста миграционных потоков из Китая. (Мы уже не говорим о том, что в некоторых странах Азии «считают, будто нелегальная эмиграция из Китая осуществляется в соответствии с долгосрочным планом «ненасильственной абсорбции» региона»⁵⁶.) Так, один из наблюдателей высказывает мысль, что Китай «может занять доминирующее положение в системе глобальной миграции и, в конце концов, изменить характер принимающих обществ»⁵⁷. Правда, сам автор этих слов выдвигает контрдоводы: всплеск эмиграции может быть понят как временный выброс, последовавший за долгими годами строгого контроля за выездом из страны; прошедшие обучение за границей студенты и специалисты возвращаются в Китай, привлеченные новыми возможностями, обусловленными его экономическим подъемом, и здесь возможны самые радикальные перемены в общей миграционной картине.

Однако такие контрдоводы воспринимаются не более чем проявление политкорректности и не обсуждаются всерьез. Наибольшей популярностью пользуется, так сказать, «алармистски-конструктивная» точка зрения, которая рассматривает эмиграцию из Китая как органическую часть мировой экономики и вместе с тем дает понять, что ее нельзя пускать на самотек. «Поскольку Китай все глубже вовлекается в мировую систему, — пишет профессор Калифорнийского университета Минь Чжоу, — поскольку процесс маркетизации продолжает подрывать силу государства, а народ Китая воссоединяется со своими заморскими диаспорами, китайская эмиграция, легальная и нелегальная, может образовать новый «век Китая»... В потенции эмиграция из Китая — это цунами на горизонте. Поэтому Китай и страны-реципиенты иммиграции стоят перед вызовом: как вести переговоры по миграции и как ее регулировать»⁵⁸.

Китайские ученые рассматривают эмиграцию из КНР в ином ключе. В настоящее время, считают они, «распространившаяся по всему миру масса китайских мигрантов уже стала силой, изо

дня в день оказывающей важное влияние на мировую экономику, науку, технику и культуру и привлекающей пристальное внимание всего человечества»⁵⁹. Китайская эмиграция — явление особое: ее участники, в отличие от западных колонизаторов, завоевателей и расистов, на протяжении всей своей истории занимались исключительно мирным трудом, не нарушая местных законов. Поэтому китайская диаспора в своих классических формах может «послужить плодотворным образцом для будущей миграционной волны, зреющей в человеческом обществе»⁶⁰.

Что же касается будущего, то «в век стремительной экономической глобализации, в условиях открытости Китая внешнему миру трудно будет избежать миграции еще какой-то части населения за рубеж»⁶¹. Не нужно забывать, однако же, что число европейцев, живущих за пределами Европы, составляет 50 % ее «внутреннего» населения. Так же обстоит дело с населением многих стран Африки. Между тем китайская диаспора составляет менее 3 % населения Китая, «из чего видно, что потенциальная сила движения китайского населения в международную сферу очень велика»⁶². Другой аргумент в пользу увеличения объема миграции за рубеж состоит в том, что число жителей Китая составляет 20 % населения Земли, тогда как доля китайцев в общем количестве работающих за рубежом мигрантов — менее 1 %. На Женевском международном диалоге по вопросу иммигрантов в 2007 г. представитель КНР призвал правительства всех стран «выработать более открытое, дружественное, справедливое и положительное отношение к проблеме миграции»⁶³.

Таким образом, специалисты КНР подчеркивают, что китайская эмиграция есть закономерное явление, независимо от ее абсолютных размеров обладающее бесспорным правом на существование и играющее конструктивную роль в жизни международного сообщества. В то же время неправильно было бы пускать ее на самотек: «Китайцев на Земле много; как упорядоченным образом вывести вовне китайские человеческие ресурсы и будет ли это для мира благом или бедствием — над этим надо думать»⁶⁴.

Экспорт рабочей силы

Среди различных видов миграции за рубеж видное место занимает выезд рабочих по контрактам, заключаемым специализированными агентствами. Объем организованной миграции тако-

го рода растет быстрыми темпами. По данным Министерства торговли, на конец 2005 г. за границей трудилось 547 тыс. китайских рабочих⁶⁵, на конец 2006 г. — 670 тыс. Общее же количество направленной за рубеж рабочей силы к концу 2005 г. составило 3750 тыс. человек⁶⁶. К январю 2007 г. совокупная стоимость контрактов на поставку рабочей силы составила 33,67 млрд долл.⁶⁷ В 2005 г. в Китае была принята специальная правительственная программа по стимулированию экспорта рабочей силы. Должностные лица выразили уверенность, что это «поможет облегчить бремя безработицы, позволит вовлечь китайских работников в мировые миграционные потоки и положительно скажется на внутреннем рынке труда»⁶⁸.

Наибольшая часть экспортируемого труда используется на азиатском рынке — около 400 тыс. рабочих в 2004 г., и менее 7 % приходится на Европу, являющуюся, вообще говоря, крупнейшим импортером иностранной рабочей силы⁶⁹. Рабочих из КНР можно встретить в 180 странах мира. В число потребителей китайского труда входят Япония, Сингапур, Республика Корея, Алжир, Россия, США, Иордания, Израиль, ОАЭ. Основные сферы труда: фабричное производство (200 тыс. рабочих в 2004 г.), строительная индустрия (140 тыс.)⁷⁰, затем идут лесное хозяйство, рыболовство, транспорт, общественное питание. В каталогах агентств, занимающихся предоставлением трудовых услуг, значатся десятки профессий, в том числе широкий спектр рабочих специальностей, от разнорабочих до сварщиков. Чиновники из Министерства труда и соцобеспечения отмечают: «По мере того, как Китай расширяет связи с внешним миром, иностранные партнеры все чаще приглашают наших квалифицированных рабочих»⁷¹.

Агентства предлагают и интеллектуальный труд: дизайн, консалтинг, менеджмент, наука, преподавание, культура, здравоохранение, компьютерное обслуживание. Однако численность «белых воротничков» высокого класса не превышает 1 % в общем объеме экспортируемого труда⁷². Китай и сам, как известно, испытывает острую потребность в кадрах такого рода. Тем не менее, налицо явное желание добиться более весомых показателей, обусловленное, в частности, ожидаемым увеличением спроса в развитых странах на квалифицированных специалистов в высокотехнологичных отраслях при ужесточении ограничений на неквалифицированный и малоквалифицированный труд. Ответственные лица с удовлетворением констатируют: «Хорошо

уже то, что Китаю за счет развитых приморских провинций удалось прорваться в эту область»⁷³. Заметим, что приморские провинции вообще являются главным источником экспорта рабочей силы.

Экспорт трудовых услуг — динамично развивающаяся отрасль китайской экономики. В 2003 г. Министерство торговли предоставило право заниматься этой деятельностью 1600 фирмам (против 70 фирм в 1989 г.)⁷⁴. По другим данным, в 2004 г. в стране насчитывалось 1400 таких компаний⁷⁵. Большинство из них объединено в Китайскую ассоциацию международных контракторов, на которую приходится более 90 % от общего количества вывозимых за рубеж рабочих рук⁷⁶. В 2003 г. Министерство торговли разрешило заниматься экспортом трудовых ресурсов частным компаниям.

В связи с этим правительству пришлось обратить особое внимание на защиту контрактных рабочих от нападений террористов. Три теракта против китайских рабочих были совершены один за другим в 2003 г. в Пакистане, Афганистане и Эфиопии, в результате чего несколько человек были убиты, ранены или уведены в плен. В 2008 г. в Судане повстанцы захватили в плен 10 китайских инженеров-нефтяников, и при попытке освобождения заложников 4 из них погибли⁷⁷.

После первых же инцидентов правительство обязалось расширить сотрудничество в сфере безопасности со странами-партнерами и выделить дополнительные средства на охрану рабочих от налетов террористов и от стихийных бедствий. Оно потребовало от компаний «нести должную социальную ответственность», что означает, как можно судить по материалам прессы, выплаты крупных компенсаций семьям пострадавших, а также усиление охраны сотрудников, обучение их мерам предосторожности и т. д.

Показательно, что вместе с тем компаниям было вменено в обязанность «уважать законы и правила стран пребывания, считаться с их культурой, охранять окружающую среду» и даже «делиться получаемыми благами, увеличивая, например, занятость местного населения посредством аутсорсинга»⁷⁸. Эта весьма рациональная тактика рассчитана на создание благоприятных условий для продолжения и расширения экспорта трудовых ресурсов за рубеж. Для придания китайским рабочим большей конкурентоспособности в Пекине планируют организовать для них в значительных масштабах обучение иностранному языку, повышение квалификации, дать им необходимый

минимум юридических знаний и т. п. Там рассчитывают, что спрос на китайскую рабочую силу за рубежом, особенно в Азии, будет увеличиваться⁷⁹.

Борьба с нелегальной эмиграцией

Это — актуальная тема, которой уделяют постоянное внимание и китайские, и западные авторы. Напомним, что этим термином обозначается и тайный переход границы, и проживание или работа в чужой стране без правильно оформленных документов. Скрытый характер нелегальной эмиграции дает возможность строить любые предположения о ее объемах, но не позволяет получить достоверную информацию. По сути дела, мы не имеем ничего лучшего, чем отдельные разрозненные оценки «на глазок», плохо согласующиеся друг с другом. Тем не менее, в сумме они дают хотя бы самое приблизительное представление о масштабах явления. В каждом случае речь идет о десятках и сотнях тысяч нелегалов, составляющих значительный процент, подчас даже до половины, лиц китайской национальности, проживающих в данной стране, и внушительную долю от общего числа находящихся в ней нелегальных иммигрантов из различных стран.

Согласно одной из китайских публикаций 2001 г., «число эмигрантов, нелегально оставшихся или нелегально работающих вне Китая, растет с каждым годом... Их количество намного превосходит число тех, кто легально покинул Китай, оно составляет 5—10 % мировой китайской диаспоры и ежегодно увеличивается на 20 %»⁸⁰.

Если верить тем же публикациям, каждый год 500 тыс. китайцев тайно покидают свою страну: 100 тыс. из них перебираются в США, 50 тыс. — в Москву, еще порядка 100 тыс. — в Европу, 15 тыс. — в Хошимин и Рангун, 10 тыс. — в Японию и т. д.⁸¹

В солидных китайских изданиях можно прочесть также, что в США на январь 2005 г. находилось 230 тыс. нелегальных мигрантов из Китая⁸². По оценкам американской иммиграционной службы, каждый год около 40 тыс. китайцев нелегально въезжают на территорию США и растворяются в больших городах⁸³.

Чтобы не множить количество цифр, приведем одну качественную оценку, свидетельствующую о расширении географии

нелегальной миграции из КНР: «Китайцы, особенно из провинций Фуцзянь и Чжэцзян, сделались одними из главных участников международной миграции, направляющейся в ЕС. С определенной долей уверенности мы можем сказать, что Китай поставляет наибольшее число нелегальных мигрантов из Восточной Азии в Европу»⁸⁴.

Естественно, нелегальные мигранты устремляются туда же, куда и легальные — в первую очередь в развитые страны. Приблизительно до 1996 г. бесспорным лидером среди стран назначения были США, но затем все большее число нелегалов стало ориентироваться на Европу и Австралию. Не остались без внимания и развивающиеся страны, но нередко их используют лишь как перевалочные пункты для дальнейшего путешествия. Такие пункты существуют в Азии и в Африке, в Латинской Америке и в Восточной Европе. Один из наиболее сложных маршрутов, например, выглядит таким образом: пров. Юньнань — тайный переход через границу в Бирму — переход через «золотой треугольник», по «тропе Хошимина» в Таиланд — наконец, оттуда с поддельным паспортом — самолетом в США.

Нелегальную переправку организуют тайные мафиозные структуры — «*шэтуань*» («змеиные полки», или «змеиные клубки»), имеющие в других странах агентов и партнеров, которые по цепочке передают друг другу клиентов. Доходы «змей» от переправки желающих за границу достигают, по данным ООН, 3,5 млрд долл. ежегодно⁸⁵. (Стоимость переправки в Англию доходит до 30 тыс. долл., в США — до 70 тыс.⁸⁶) Главной базой их деятельности стали южные приморские провинции Китая, в первую очередь Фуцзянь. А по времени всплеск их деятельности пришелся на конец 1980-х — начало 1990-х годов, когда попытки переправиться морским путем в США, Австралию и Канаду приняли массовый характер. В 1993 г. американская береговая патрульная служба задержала 8 судов, каждое из которых везло от 120 до 527 тайных пассажиров из Китая⁸⁷.

В последующие годы Китай наладил плотное сотрудничество с другими государствами в борьбе с нелегальной трансграничной миграцией, и деятельность «*шэтуаней*» заметно сократилась (но не исчезла полностью). Прежние многочисленные переходы границы большими, до сотни человек, группами сделались невозможными. Однако, как отмечают китайские авторы, стало расти число незаконных мигрантов, которые легальным образом выезжают из страны с целью посещения родственников, на учебу за

свой счет, в качестве туристов, членов торговых делегаций или контрактных рабочих, а затем незаконно остаются за границей и незаконно же занимаются трудовой деятельностью⁸⁸. О некоторых видах нелегальной эмиграции стоит рассказать подробнее, поскольку нечто подобное, хотя и не в точности такое, имеет место и в России и является предметом внимания и российских, и китайских правоохранительных органов.

Потенциальные эмигранты дают деньги «змеиной голове», т. е. члену «*шэтуаня*», который имеет своих людей в некоей государственной компании. Та обращается к провинциальному правительству за разрешением отправить за границу делегацию с целью изучения передового опыта или закупки оборудования. Составляется список членов делегации — сотрудников компании с их анкетными данными. В списке все полностью соответствует действительности, и его утверждают. Затем фотографии членов делегации подменяются. Мнимая торговая делегация выезжает, скажем, в Бангкок в сопровождении «змеиной головы». В Бангкоке паспорта «делегатов» сдаются сопровождающему, а сами «делегаты» поступают в распоряжение другой группы контрабандистов. Через некоторое время, будучи снабжены новыми фальшивыми паспортами, они отправляются в рискованное путешествие, скажем, в Европу, а вышеупомянутая компания представляет «исходные» паспорта властям в доказательство успешного возвращения делегации на родину⁸⁹.

Более распространенным является выезд в составе туристических групп. Сянганский ученый Джеймс Цзинь, отрывки из работы которого мы здесь пересказываем, приводит слова китайского турагента: «Подчас большая часть туристической группы неожиданно исчезает после осмотра Бангкока, перед самым отъездом в Китай». Интересно, что исчезновение туристов, становящихся, таким образом, нелегалами, оказывается выгодным для обеих стран — и отправляющей, и принимающей, вернее, для причастных к делу ведомств этих стран. Отправляющей — потому, что в случае невозвращения туриста турфирма уплачивает за него штраф органам власти в КНР. Принимающей — потому, что турист перед выездом оставляет в посольстве данной страны денежный залог (около 5 тыс. юаней), и этот залог подвергается конфискации, благо не приходится сомневаться: если турист пропал, оставив в группе свой паспорт — значит, в Таиланде он долго не задержится. Фирма не остается в убытке, так как в конечном счете все эти расходы оплачивают сами эмигранты.

Некоторым из тех, кто попал незаконными путями в желанную страну, рано или поздно удастся легализоваться или, по крайней мере, обрести более или менее стабильное положение с надеждой на будущую легализацию.

Вполне законной по форме, но мошеннической по сути является эмиграция посредством фиктивных браков. «В наши дни среди китайской молодежи весьма популярен подобный способ эмиграции в Европу, на Тайвань и в США»⁹⁰.

Стоит особо отметить, что с начала 2000-х годов к нелегальной эмиграции стало подключаться все больше жителей провинций Северо-Восточного Китая — крестьян и сокращенных рабочих с государственных предприятий.

Вообще говоря, эгоистический национальный интерес перенаселенного Китая в принципе должен был бы состоять в том, чтобы дать своим гражданам максимальную свободу выезда за рубеж, более того, поощрять их эмиграцию, облегчая таким образом напряженное положение на внутреннем рынке труда. Если бы Пекин устранил ограничения на выезд, это позволило бы снизить до нуля масштабы нелегальной эмиграции и, следовательно, снять с повестки дня задачу борьбы с нею. В другом варианте руководители КНР могли бы, сохраняя ограничения на выезд, в действительности смотреть на нелегальную эмиграцию сквозь пальцы, создав видимость борьбы с нею, старательной, и если малоуспешной, то только в силу объективных причин.

Однако политические, точнее сказать, внешнеполитические соображения в данном случае перевешивают экономическую выгоду. Во-первых, если государство согласно терпеть систематические нарушения своих границ и существование каналов для передвижения преступных элементов — оно теряет часть своего суверенитета, а заодно и уважение международного сообщества. Во-вторых, и это главное, наплыв нелегальных эмигрантов провоцирует серьезное недовольство населения в странах, куда они прибывают, и доставляет немало хлопот правительствам, вынуждая их заниматься репатриацией и обращаться по этому поводу с претензиями к Китаю. «При урегулировании процессов репатриации возникают трения, появляются острые вопросы, которые непосредственно сказываются на развитии отношений Китая с его партнерами и на его международно-политическом образе», — отмечает китайский ежегодник «Желтая книга по международной политике»⁹¹. Далее он приводит слова высокопоставленного американского чиновника: «Число депортируемых ки-

тайских нелегальных эмигрантов — далеко не самое большое из всех. Но именно их депортация для нас особенно трудна».

В этом контексте определенное давление на общественное сознание оказывают появляющиеся время от времени сообщения о попытках тайного въезда и случаях гибели китайских граждан. Один из самых громких эпизодов такого рода имел место в июне 2000 г. в Дувре, где в тайниках грузовика для перевозки томатов было обнаружено 58 трупов погибших от асфиксии китайских мигрантов. Подобные события меньшего масштаба происходили и раньше, и позднее этого эпизода. Например, в январе того же года в Сиэтле на одном из судов, прибывших из Сян-гана, в контейнере было найдено 18 беглецов из Китая. Трое из них погибли в пути⁹².

Некоторые истории имеют не особенно приятное для Пекина политическое звучание. Так, в августе 2002 г. 8 подростков 15—16 лет из пров. Чжэцзян в составе группы, организованной «змеиной головой», добрались на самолете из Пекина в Москву, оттуда поездом в Югославию, а затем на грузовике в качестве «живой контрабанды» — до парижских пригородов. Здесь они решили сбежать от своих проводников и явились с повинной в полицию, объяснив, что покинули свою страну, так как их родители — члены секты «Фалуныгун» — подверглись аресту⁹³.

Истории такого рода расцениваются на Западе как наглядное свидетельство «иммиграционной угрозы», а выступления правозащитников, вполне корректные по форме, но критические по содержанию, придают этим случаям еще более громкий резонанс. Тем самым наносится ущерб престижу Китая.

Стремясь избежать нареканий со стороны других государств и трений с ними, Пекин не только сдерживает выезд из страны, лишь постепенно ослабляя ограничения (о чем мы говорили выше), но и ведет решительную борьбу с нелегальной эмиграцией. Мы хотим подробнее рассказать о принимаемых в Китае мерах, чтобы показать их объем и разнообразие, учитывая, что вопрос о нелегальной внешней миграции, пусть даже при противоположной направленности миграционного потока, в нашей стране стоит достаточно остро.

Список принятых мер⁹⁴ включает в себя, в частности, ужесточение соответствующего законодательства, в том числе паспортного. Новый закон о паспортах, вступивший в силу с января 2007 г., содержит запрет на выдачу паспортов на срок от 6 месяцев до 3 лет лицам, нарушившим правила пограничного контро-

ля, репатриированным нелегальным эмигрантам, а равно тем, кто незаконным образом остался за границей или нелегально работает там. Закон предусматривает штрафы и тюремное заключение для лиц, изготавливающих фальшивые паспорта или пользующихся ими. В выдаче паспортов должно быть отказано преступным элементам; заключенным; лицам, которые, будучи за границей, могут представлять угрозу национальной безопасности; лицам, подделавшим документы или давшим ложную информацию в заявлении на выезд⁹⁵.

В прибрежных районах страны была развернута информационная кампания: публикации в СМИ, лекции, собрания сельских жителей в местах традиционной нелегальной эмиграции и т. п., с тем чтобы довести до сознания людей всю опасность нарушения границы. Был создан Комитет по делам незаконной миграции, в который вошли представители Министерства общественной безопасности, Министерства иностранных дел и др. Еще в конце 1990-х годов была организована морская полиция, усилены меры контроля за морским побережьем.

Стали использоваться новые методы проверки документов. По информации Министерства общественной безопасности, благодаря принятым мерам в октябре 2003 — марте 2004 гг. было предотвращено 5500 попыток выезда из Китая по поддельным документам (и почти столько же попыток въезда в Китай подобным способом, предпринятых гражданами Вьетнама, Пакистана, Северной Кореи, Бирмы). Для сравнения: в 2003 г. Министерство общественной безопасности выдало 300 тыс. паспортов, помимо служебных, выданных МИДом.

Власти начали проводить многочисленные операции против преступных групп, занимающихся нелегальной переправкой людей через границу (среди участников таких групп — «змеиных голов» — встречаются не только жители КНР, но и осевшие за рубежом эмигранты китайского происхождения). Увеличены наказания за попытку нелегального выезда за рубеж. Теперь она карается крупным штрафом или тюремным заключением на срок до 10 лет. По возможности деньги, уплаченные неудавшимися беженцами, изымаются у контрабандистов и возвращаются их жертвам. Информация о контрабандистах и помощь в их поимке поощряются денежным вознаграждением в несколько тысяч юаней.

По сведениям западных ученых, местные власти, допустившие бегство жителя за границу, подвергаются наказанию. Суще-

ствует даже система коллективной ответственности жителей друг за друга, наподобие старинной системы «баоцзя»⁹⁶.

Наказаний не избегают и лица, вернувшиеся из нелегальной эмиграции. Они могут быть лишены свободы на срок до 6 месяцев, после чего поставлены под наблюдение властей; одновременно с ними проводится воспитательная работа.

По статистике Министерства общественной безопасности, за период 1991—2003 гг. при попытке нелегального выезда всего был задержан 38 691 человек, арестовано 6149 «змеиных голов». Среди последних — немало преступников из США, Южной Кореи и Сингапура. «Змеиные головы» подвергаются более тяжелым наказаниям, чем их жертвы, с которыми они обращаются подчас самым жестоким образом. Приговором за незаконную переправку людей за рубеж может быть пожизненное заключение или даже смертная казнь. За 2005—2008 гг. в Китае были задержаны 12 645 граждан, пытавшихся выехать по поддельным документам⁹⁷.

В борьбе с нелегальной эмиграцией КНР сотрудничает более чем с 40 странами, особенно тесно — с Австралией, Канадой, США, Нидерландами, Японией, Германией, Францией. Представители Министерства общественной безопасности КНР в необходимых случаях выезжают в ту или иную страну для идентификации и депортации незаконных мигрантов. Партнеры Китая проявляют не меньшую, чем он сам, заинтересованность в ликвидации этого явления. Китай и США еще в 1998 г. создали группу связи для координации действий в борьбе с нелегальной эмиграцией, наркотрафиком и терроризмом. Интересно, что австралийский министр по делам иммиграции П. Рэддок еще в 1991 г. посетил пров. Фуцзянь, где раздал 5 тыс. агитационных плакатов. Год спустя американские чиновники привезли в Фуцзянь видеокассеты, наглядно показывающие, в каких условиях нелегалы находятся в контейнерах во время долгого пути через океан и как их арестовывают по прибытии.

Полезным способом для сокращения числа нелегальных эмигрантов эксперты считают упрощение оформления при выезде за границу, в том числе на основе соответствующих межгосударственных соглашений. Китай заключил такие соглашения почти с 30 странами. Так, соглашение с Австралией предусматривает облегченную выдачу виз, но при строгом контроле за выездом под ответственность агентств-организаторов путешествий. Благодаря этому соглашению Австралия переместилась из числа

первых на одно из последних мест по числу не возвращающихся визитеров из КНР.

О сотрудничестве китайских правоохранительных органов с российскими мы уже рассказывали выше. Следует иметь в виду, что в Россию направляются главным образом жители провинций Северо-Востока, основным же местом исхода эмигрантов, нелегально проникающих в ту или иную страну, остается южная часть прибрежной зоны КНР, и двигаются они в подавляющем большинстве своем в развитые страны и в страны Юго-Восточной Азии. Возникает вопрос: а не может ли этот поток повернуть в сторону России? Китайские ученые отвечают на этот вопрос отрицательно: «Принимая во внимание укрепление системы контроля за выездом из Китая, а также уровень развития российской экономики, можно смело утверждать, что Россия не станет вожделенной целью для мигрантов из южных провинций»⁹⁸.

Итак, китайское правительство ведет энергичную борьбу с нелегальной эмиграцией, используя для этого уникальную по объему и разнообразию систему карательных и предупредительных мер.

Другое дело, что борьба не всегда приносит желаемые результаты. Одна из причин этого состоит в том, что для местного населения и тесно связанных с ним низовых властей эмиграция соотечественников, хотя бы и нелегальная, приносит зримые блага в виде последующих денежных переводов из-за границы и сокращения числа безработных. Характерно, что это порождает уважительное отношение к «змеиным головам». Другая причина — это попустительство, если не прямая помощь, со стороны некоторых чиновников, обусловленная, надо полагать, их коррумпированностью. Один из американских специалистов по нелегальной иммиграции утверждает: «Нет недостатка в доказательствах того, что правительственные чиновники как в самом Китае, так и в различных транзитных пунктах содействуют тайному перемещению людей за границу»⁹⁹.

Еще одно немаловажное обстоятельство живучести феномена нелегальной эмиграции: в некоторых странах китайские общины прочно закрепились и способны служить автономной средой обитания для незаконных иммигрантов. Например, как отмечают китайские авторы, «экономический уровень китайских американцев вполне достаточен для самообеспечения и способен инкорпорировать в свой состав значительное количество иммигрантов»¹⁰⁰.

В силу этих и других причин нелегальная эмиграция как неизбежное теневое сопровождение легальной продолжается, а равно продолжается и борьба с нею. В 2003 г. в Китай было депортировано 26 000 нелегалов¹⁰¹. За год, с июля 2005 г. по июнь 2006 г., китайская полиция задержала 2500 человек при попытке незаконного выезда из страны. Китайские ученые вполне обоснованно замечают: «Китайская нелегальная эмиграция является весьма сложным и многослойным явлением, внутренним и международным одновременно. Искоренить ее в короткие сроки чрезвычайно трудно. Необходимо признать, что факты китайской нелегальной эмиграции представляют собой лишь малую часть общей картины мировой нелегальной эмиграции, ее главные причины коренятся в свойствах мировой экономики. Поэтому к вопросу о нелегальной эмиграции, помимо сдерживания и запрещений, международное сообщество должно подходить с точки зрения развития и рационально его регулировать»¹⁰².

Эксперты в разных странах давно уже пришли к мысли о необходимости решать проблемы международной миграции, и не только нелегальной, но и миграции в целом, коллективными усилиями мирового сообщества. В организации этих усилий выдающуюся роль может сыграть КНР. «Китай, пожалуй, находится в уникально удобной позиции для того, чтобы не отдавать проблему на откуп узко мыслящим национальным политикам, а поставить ее в повестку дня на международном форуме»¹⁰³. С этим утверждением трудно не согласиться, особенно если иметь в виду не только лидирующее место Китая в сфере глобальной миграции, но и его вес во всей системе международных отношений.

Регулирование «утечки мозгов» и проблема их возвращения

Одна из важнейших задач правительства КНР заключается в том, чтобы обеспечить молодежи возможность получить современное образование за границей, а затем побудить ее вернуться на родину или, по крайней мере, работать за рубежом на благо страны. Вторая часть задачи касается не только вчерашних студентов, но и специалистов, осевших вне Китая (и, таким образом, здесь мы имеем эмиграционную политику в самом широком смысле слова: и воздействие на эмиграционный процесс, и работу в китайском зарубежье).

Согласно китайским источникам, в КНР в области науки и техники трудятся 18 млн человек. Еще 600 тыс. специалистов китайского происхождения, граждан как Китая, так и других стран, работают за его рубежами. В одних только Соединенных Штатах таких людей насчитывается 450 тыс.¹⁰⁴ Своими исследованиями эти специалисты охватывают едва ли ни все отрасли современных высоких технологий. Многие из них получили образование за границей, выехав туда специально с целью учебы, часть училась в КНР. Учеба китайских студентов за рубежом, их возвращение, формы их участия в обновлении страны — одно из важнейших направлений эмиграционной политики правительства КНР.

Обучение китайцев в других, более развитых странах — явление с достаточно длительным историческим прошлым, возникшее еще в конце XIX в. Сначала источником новых знаний для китайской молодежи были США и Япония, затем на короткое время СССР. В 1950—1960-е годы более 2 тыс. деятелей науки из числа зарубежных китайцев вернулись на свою этническую родину, среди них — выдающиеся ученые, такие, как геолог и геофизик Ли Сыгуан, создатель ракет Цянь Сюэсэнь, специалист по атомной физике Цянь Саньцян и др. «Культурная революция» прервала связи Китая с его диаспорой и нанесла катастрофический урон научному сообществу страны. После «культурной революции», в 1978 г., Дэн Сяопин принял принципиально новое решение: ежегодно посылать на учебу за границу по 3 тыс. студентов и ученых. Он считал, что если хотя бы 15 % из них возвратятся — это будет большой выигрыш для страны¹⁰⁵. Первое время процент возвращающихся был невелик, многие учащиеся оставались за рубежом, пополняя собой китайскую зарубежную общину, однако затем в связи с быстрым развитием экономики в КНР появились заманчивые перспективы для бизнеса, а государство получило возможность значительно увеличить оплату интеллектуального труда. Соответственно, стало расти и количество возвращающихся лиц, которые обзавелись иностранными дипломами.

По данным Министерства кадров, на конец 2006 г. число лиц, прошедших обучение за границей, достигло 1067 тыс. человек¹⁰⁶. Этот показатель вывел Китай на 1-е место в мире. Из названного числа 275 тыс. вернулись на родину. Процент вернувшихся не слишком высок, однако их количество, как и число выезжающих, увеличивается с каждым годом.

В период 1978—2002 гг., т. е. в течение более чем двух десятилетий, за рубежом обучалось 580 тыс. студентов — чуть больше, чем за последующие 4 года. Из этого числа вернулось 150 тыс.¹⁰⁷ В 2005 г. за границу выехало на учебу 118,5 тыс. человек¹⁰⁸, а в 2006 г. — уже 134 тыс. (на 12,9 % больше). Вернулось же в 2006 г. 42 тыс. — на 21,3 % больше, чем в предыдущем. В 2007 г. количество вернувшихся составило 44,5 тыс. человек¹⁰⁹. По данным Международной организации миграции, в 2006 г. в развитых странах обучалось 260 тыс. китайских студентов, из них 188 тыс. — в Европе, 70 тыс. — в остальных странах ОЭСР, главным образом в США, куда, впрочем, после теракта 11 сентября 2001 г. приток желающих учиться уменьшился¹¹⁰. В России, по данным на начало 2007 г., проходили обучение 15 тыс. студентов¹¹¹.

На начало 2007 г., по официальным китайским данным, за рубежом находилось 792 тыс. учащихся из КНР — студентов дневных отделений, соискателей магистерских и докторских степеней, исследователей постдокторского уровня¹¹². За 2003—2007 гг. для повышения квалификации были направлены за рубеж 150 тыс. специалистов¹¹³.

Анализ состава возвращающихся свидетельствует о том, что с середины 1990-х годов переживает явный подъем реэмиграция специалистов из США. Подъем обусловлен развертыванием в Китае крупной телекоммуникационной и интернет-индустрии и возникновением производства полупроводниковых изделий на средства американских, тайваньских, китайских инвесторов. Китайцы с иностранными дипломами в ряде случаев выступают здесь в роли предпринимателей, большинство же находит в новых компаниях (это могут быть также филиалы американских фирм) применение своим знаниям в качестве менеджеров, инженеров и т. п. В качестве примера таких компаний можно назвать основанную китайским реэмигрантом из Техаса компанию «ЭйшаИнфо», входящую в список НАЗДАК.

Основной принцип государственной политики в отношении обучения за рубежом выражен формулой: «поддержка учебы за границей, поощрение возвращения на родину, свобода выезда и въезда». Более подробно политика правительства изложена в ряде документов, таких, как «Уведомление Канцелярии Госсовета относительно лиц, обучающихся за границей» от 12 августа 1992 г.¹¹⁴ Приведем наиболее важные положения «Уведомления».

«1. Приветствуем возвращение для работы на родине лиц с заграничным образованием. Лица, получившие образование за государст-

венный счет, должны по окончании обучения вернуться и служить родине.

Мы рады всем, кто возвращается после учебы, какими бы ни были их политические убеждения; рады тем, кто приезжает на короткое время в порядке научного обмена и сотрудничества, или с целью навестить родственников, или на отдых. Никто из тех, кто за рубежом допускал ошибочные высказывания или действия, не будет подвергнут преследованиям. Мы приветствуем и тех, кто участвовал в антиправительственных организациях и нанес ущерб безопасности, достоинству или интересам государства, если только эти лица вышли из таких организаций...

5. Организация, направившая сотрудника за границу, обязана укреплять связи с ним, интересоваться его работой и жизнью. Лицо с заграничным образованием по возвращении на родину может в соответствии с принципом «альтернативного выбора» вернуться в пославшую его организацию или самостоятельно найти себе работу. Оно может также заняться каким-либо видом инвестиционной деятельности, создать самостоятельное предприятие и т. п. С согласия своей организации оно может по совместительству работать за границей».

В соответствии с «Уведомлением» обучающиеся за границей могут выезжать туда с семьей. Местным органам власти предлагается оказывать им содействие в возвращении, в разрешении служебных и бытовых проблем. В местах, где работает большое количество вернувшихся, рекомендуется создавать специальные органы для оказания им разного рода помощи.

«9. Китайские посольства и консульства от имени государства ведут дела, связанными с обучением за границей, защищают законные интересы учащихся, оказывают им помощь в учебе, научной работе и в быту, помогают справляться с трудностями и своевременно информируют о положении в стране; добиваются, чтобы студенты соблюдали законы страны пребывания, усердно учились, уважали друг друга, жили в дружбе с местным населением, любили родину, блюли ее достоинство и интересы, трудились во славу отчизны».

Существуют две категории выезжающих на обучение: за государственный («общественный») счет или за собственный (или на средства фирмы). Согласно китайским официальным источникам, из более чем 580 тыс. китайских студентов и научных работников, обучавшихся между 1978 и 2002 г. в иностранных учебных заведениях, за счет государства получало образование

63 533 человек¹¹⁵. В 2005 г. за границу выехало на учебу 118,5 тыс. студентов, из них за свой счет 106,5 тыс.¹¹⁶

Процент возвратившихся среди «своекоштных» студентов, свободных даже от номинальных обязательств перед государством, естественно, существенно ниже, чем среди самим государством командированных. По данным Министерства образования, из выехавших за рубеж на учебу в 2006 г. 134 тыс. человек государственными ведомствами были командированы 5580 человек, посланы различными организациями 7542 человека, выехали за собственный счет 121 тыс. человек. В тот же год вернулись: «казенных» — 3716 человек, направленных организациями — 5267, «своекоштных» — 33 тыс. человек. По сравнению с предыдущим годом количество вернувшихся увеличилось на 7437 тыс. человек, или на 21,3 %. По группам: «своекоштных» — на 13,4 % больше, чем в 2005 г., «казенных» и посланных организациями — на 8,8 % больше, чем в 2005 г. Однако если мы возьмем процент вернувшихся по сравнению с числом выехавших в одном и том же 2006 г., то картина сложится явно не в пользу «своекоштных»: для названных трех категорий учащихся он составил 66,6 % — для «казенных», 69,8 — для посланных фирмами и 27,2 % — для «своекоштных»¹¹⁷.

Тем не менее, государство демонстрирует доброжелательное и покровительственное отношение к «своекоштным» студентам. Так, во «Временном положении Госсовета КНР о выезжающих на учебу за собственный счет»¹¹⁸ записано: «Выезд на учебу за собственный счет — это путь для выращивания талантливых кадров, один из аспектов политики открытости внешнему миру, привлечения зарубежных интеллектуальных сил». В политическом плане государство равно дорожит как теми, кто выезжает за казенный счет, так и «своекоштными» студентами. Правительства всех уровней и низовые структуры должны поддерживать «своекоштных» студентов и заботиться о них, побуждать их к скорейшему возвращению на родину и служению социалистической модернизации страны». Таким студентам предоставлен ряд льгот. Например, тем, кто вернулся и поступил на работу в течение 5 лет с момента выезда, сохраняется непрерывный рабочий стаж. «Тот, кто получил степень магистра или доктора и вернулся работать на родину, получает от государства компенсацию понесенных расходов, как на зарубежную туристическую поездку».

К студентам, выезжающим за государственный счет, предъявляются требования не только делового, но и политического и морального порядка. Так, в «Уведомлении о наборе на 2005 г.

согласно плану обучения в России 100 студентов»¹¹⁹ говорится: абитуриенты должны «любить социалистическую родину, обладать здоровым мировоззрением и высокими профессиональными качествами, демонстрировать отличные успехи в работе или учебе (на учебу могут быть направлены не только студенты, но и лица из научно-преподавательского состава. — *Авт.*), иметь твердое намерение по окончании учебы вернуться и работать на благо родины, обладать чувством долга».

Почти такие же требования зафиксированы в другом документе похожего содержания — «Уведомлении о дополнительном наборе студентов художественных специальностей для обучения в России в 2005 г.»¹²⁰ Это — «устойчивая политическая платформа, любовь к социалистической отчизне, высокие моральные качества, отличные успехи в работе и учебе, твердое намерение по окончании учебы вернуться и работать на благо родины». Тот, кто уже выезжал за границу на учебу за счет государственных фондов, должен после этого проработать на родине не менее 5 лет и показать незаурядные успехи.

Анализ официальных документов и других материалов показывает, что власти КНР активно работают с молодежью, выезжающей или уже выехавшей за границу, стремясь убедить ее вернуться на родину после обучения. Судя по всему, меры принуждения если и применяются, то не слишком жесткие, и записанная в «Уведомлениях» обязанность «казенных» студентов отработать расходы государства, не лимитированная никакими сроками, носит, кажется, скорее моральный характер. Руководители КНР заранее мирятся со значительным процентом «отсева». Однако усилия, прилагаемые с целью минимизировать его, носят достаточно интенсивный характер и выливаются в разнообразные формы.

Для этой цели используются, в частности, обширные системы привилегий, разработанные различными министерствами и ведомствами, а также местными органами власти Пекина, Шанхая, провинций Гуандун, Цзянсу и Хубэй для зарубежных китайцев, создающих в Китае предприятия с современными технологиями. Как правило, в такие системы привилегий входят¹²¹:

- высокие (35 % и выше) доли участия в прибылях, получаемых за счет передачи технологий в виде патентов, изобретений и т. д.;
- упрощенные процедуры регистрации предприятий и получения китайских документов, подтверждающих зарубежные дипломы;

- преимущества в обустройстве семьи: дети младшего возраста определяются в лучшие из ближайших школ, пользуются льготами при сдаче экзаменов для поступления в школы более высокой ступени и колледжи;
- благоустроенное жилище, пониженная арендная плата в течение 3 лет за офисные помещения;
- частичный возврат налога на добавленную стоимость.

Последние годы в Китае пользуются популярностью так называемые предпринимательские, или «стартовые», парки («*чунань юаньцзюй*», букв. «парки для открытия дела»), создаваемые специально как базы с особо благоприятными условиями, где китайцы с зарубежным образованием могли бы начать свой бизнес.

Развитая система льгот создает серьезные стимулы для возвращения дипломированных специалистов, хотя ей, очевидно, еще далеко до того, чтобы в глазах большинства перевесить преимущества жизни на Западе. С другой стороны, отнюдь не всегда жизнь складывается удачно у тех, кто там остался. В США и некоторых других развитых странах китайцы, ставшие «белыми воротничками», ощущают над собой невидимый «стеклянный потолок», не позволяющий им подниматься по карьерной лестнице. Их труд оплачивается ниже, чем труд их белых коллег, а иногда и индийцев. Не так уж редко возникают и трудности при поиске работы. Так, на 2004 г. среди китайских мигрантов в Канаде (около 40 % которых имели техническое образование) 31 % занимался квалифицированным трудом, 41 % был занят неполный рабочий день, в том числе на физических работах, 21 % оказался безработным и 15 % вернулись в Китай в тот же год, как приехали в Канаду¹²².

Увы, сложности с устройством на работу — по крайней мере, на такую работу, которая бы их устраивала — возникают у обладателей иностранных дипломов и по возвращении на родину, при всем огромном спросе в КНР на квалифицированный интеллектуальный труд. Число безработных среди выпускников китайских вузов достигает 30 %¹²³. Проблема безработицы в этом секторе трудовых ресурсов широко обсуждается в китайской прессе. Судя по опубликованным материалам, безработица здесь вызывается следующими обстоятельствами:

- некоторые студенты возвращаются на родину, не доучившись, и не обладают необходимой квалификацией;
- специалисты с зарубежными дипломами нередко нацеливаются исключительно на работу в крупных иностранных

фирмах, пренебрегая государственными и «народными» (т. е. мелкими и средними негосударственными) предприятиями;

- вернувшиеся специалисты сосредоточиваются в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу, где для них созданы наилучшие условия, в то время как в других городах приморского пояса (Вэньчжоу, Ханчжоу, Далянь, Циндао и других) «народные» предприятия, производящие экспортную продукцию, испытывают нехватку квалифицированных кадров;
- возникшее в стране уважение к заграничным дипломам порождает у их обладателей завышенные притязания на социальный статус, которые не всегда могут быть удовлетворены, что и ведет к долгим поискам престижной работы¹²⁴;
- научно-исследовательские центры и вузы в значительной степени уже насыщены специалистами высокой квалификации с зарубежным образованием. Кроме того, по некоторым специальностям, как, например, вычислительные машины, значительное количество специалистов готовят внутри страны. Поэтому возникает конкуренция, в которой кадры с отечественным образованием, оплачиваемые ниже, получают преимущество¹²⁵.

Разрыв между зарубежным образованием и китайской реальностью может сказываться болезненным образом и на тех «возвращенцах», которые уже нашли себе работу на родине. Ученые из Сянгана и США, проводившие опросы среди китайцев с заграничным образованием, отмечают в числе трудностей, с которыми те сталкиваются: трения между ними и их коллегами с отечественными дипломами, дающие о себе знать даже в управленческих структурах высокого уровня; сложности со ввозом в Китай технологий для тех, кто работает за границей, проистекающие из несовершенства законов об охране интеллектуальной собственности; несоответствие ввозимых технологий требованиям китайского рынка; нехватка деловых связей.

Помимо всего прочего, такое положение дел плохо тем, что отпугивает других молодых людей, раздумывающих из-за моря, стоит ли им возвращаться домой.

Тем не менее число обучающихся за границей неуклонно растет, и правительство не намеревается сворачивать этот процесс. Вместе с тем оно ставит своей задачей свести к минимуму количество неиспользуемых кадров и принимает серьезные меры для исправления ситуации, что находит отражение в се-

рии постановлений государственных органов. Одним из наиболее весомых постановлений является опубликованный в 2007 г. Министерством кадров «План работы по возвращению лиц с зарубежным образованием на период 11-й пятилетки»¹²⁶. На период 2007—2011 гг. правительство планирует ежегодно посылать за рубеж на обучение по 5 тыс. аспирантов¹²⁷. Будущим студентам же рекомендуется более тщательно подходить и к выбору учебных заведений, и к выбору профессии, старательно овладевать знаниями, не надеясь на волшебную силу иностранного диплома.

Нельзя не отметить, что, как бы идя навстречу Китаю, определенную часть расходов на обучение китайских студентов берут на себя Всемирный банк, другие международные организации, фонды и даже правительства США и других развитых стран. Согласно опросам среди вернувшихся китайских студентов, доля такого иностранного финансирования оставляла от $\frac{1}{3}$ расходов для студентов, командированных Министерством образования, до 70 % для тех, кого финансировала китайская фирма. США демонстрируют явное стремление заполучить к себе как можно больше студентов. Интерес западных структур заключается здесь в том, что китайские студенты вырастают в дисциплинированных и трудолюбивых специалистов, готовых трудиться в принявшей их стране, тем более что налицо возможность отобрать из них наиболее способных. В этих условиях, как отмечают западные исследователи, «стратегия Пекина состоит в том, чтобы направлять за границу как можно больше людей и оказывать им поддержку первый год, а потом они сами должны искать помощь у иностранных спонсоров»¹²⁸.

Невозвращение из-за рубежа студентов, ставших там специалистами, — это лишь одна их форм «утечки мозгов», если можно так выразиться, еще незрелых. Другая форма, скажем, классическая — это выезд за границу уже вполне сложившихся специалистов, ставших таковыми в самом Китае. С течением времени их доля в общем объеме эмиграции интеллекта увеличивается. Среди них немало выпускников элитных университетов, таких, как Пекинский, Цинхуа, Путей сообщения, Технологический.

Если для китайских студентов наиболее желанной страной являются США, то наибольшая часть специалистов мигрирует в Австралию и Канаду, а последние годы и в Европу¹²⁹. Это — инженеры, врачи, менеджеры, научные работники, юристы, преподаватели. Уезжают, естественно, лучшие. Таким образом, Китаю,

испытывающему острый дефицит квалифицированных работников, наносится существенный ущерб.

По оценкам Академии общественных наук Китая, в результате «утечки мозгов» КНР теряет больше первоклассных специалистов, чем любая другая страна. Правда, в относительных показателях за границу уезжает, может быть, и не так уж много — 5 % выпускников высших учебных заведений, но дело, естественно, не только в количестве. В докладе, подготовленном Академией, это явление названо «новой формой колониализма, с помощью которой Запад эксплуатирует уже не сырьевые ресурсы, а интеллектуальный потенциал» развивающихся стран¹³⁰.

В качестве примера, показывающего структуру интеллектуальной миграции вовне, приведем любопытные, хотя и не совсем свежие цифры, относящиеся к одному из ведущих университетов страны — Цзинаньскому (в Гуанчжоу). За 20 лет (с 1978 по 1997 г.), университет покинули 1235 человек. Их можно разделить на три категории: 1) — уехали на постоянное жительство 785 человек, в том числе профессора, преподаватели и административные работники — 453 человека (57,7 %); студенты — 332 человека (42,3 %); 2) — 300 преподавателей выехали в качестве «своёкоштных» студентов и после учебы остались за границей; 3) — 483 «казенных» студента и стажера из числа сотрудников университета, 151 из них (31,1 %) не вернулся¹³¹.

За возвращение кадров в науку и образование Китай ведет настоящую конкурентную борьбу, в которой где-то уступает своим соперникам, а где-то имеет преимущество перед ними. Его слабая сторона — в материальной обеспеченности условий труда и быта, а преимущества определяются возможностью жить на родной земле, ощущать себя полноправным членом общества и реализовать себя в труде на благо родины, что тоже дорогого стоит. Стратегия китайских руководителей здесь в принципе та же, что и в деле привлечения предпринимателей и менеджеров из числа зарубежных китайцев и бывших студентов. Это — демонстрация глубокого уважения к тем, кого именуют «драгоценным достоянием нации», воззвание к их патриотическим чувствам, создание благоприятных условий для творческой работы и творческого роста, наконец, предоставление различных материальных и социальных льгот, перечень которых со временем все больше расширяется. «Китай — земля счастья для работников науки и техники, здесь они могут проявить свои таланты и удов-

летворить честолюбие», — заявил глава Канцелярии Госсовета по делам зарубежных китайцев Го Дунпо¹³².

По статистике, в настоящее время в КНР вернувшиеся из-за рубежа специалисты занимают преобладающее положение в высшем и среднем эшелонах научно-преподавательских кругов. Они составляют 81 % академиков Академии наук Китая (в их числе — академик Чжун Наньшань, не так давно внесший выдающийся вклад в борьбу с атипичной пневмонией), 54 % академиков Инженерной академии Китая. За границей приобрели знания 78 % директоров китайских учебных заведений, 63 % магистрантов («*шошишэн*») и научных руководителей («*даоши*»), 72 % руководителей базовых учебных и исследовательских центров и ведущих лабораторий государственного и провинциального уровня¹³³.

Благодаря успехам своего экономического развития Китай получил возможность расходовать на возвращение ученых из-за рубежа значительные средства, и это, по-видимому, позволяет ему не скупиться, когда речь идет о реэмиграции крупных ученых. Об особом внимании к ним свидетельствует, например, опубликованный в 2007 г. документ, составленный 16 ведомствами: «Соображения о создании зеленого коридора для возвращения талантов китайского происхождения, обучавшихся за границей»¹³⁴. Документ относится к ученым международного уровня и требует индивидуального подхода к каждому из них. Другой документ, опубликованный в 2006 г. — «Политика в отношении специалистов, вернувшихся для постоянного проживания и работы на родину»¹³⁵, устанавливает широкий круг льгот для преподавателей и научных работников, в том числе, например, значительные (до 7000 юаней — порядка 1000 долл.) надбавки в зависимости от ученой степени и стажа.

Значительные средства на возвращение ученых выделяются в виде крупных грантов. Некоторое время назад правительство выделило 9 ведущим университетам страны сумму в 1 млрд юаней, не менее 20 % из которых было предназначено для рекрутирования ученых из числа зарубежных китайцев.

Приобретение профессиональных кадров из числа зарубежных китайцев к модернизации страны не требует, однако, их обязательного возвращения на землю предков. Равным образом правительство поощряет тех, кто готов «служить родине за рубежом» и, таким образом, проявляет себя как патриот, сотрудничая с китайской стороной в экономической или научно-преподавательской сферах.

В экономике это те же инвестиции, передача технологий, освоение китайского и зарубежных рынков. В 1990-х годах китайцы, приезжавшие в США, начали одну за другой создавать компании, ориентированные на производство товаров и услуг главным образом для китайского рынка. Эти компании обосновывались в США и обычно размещали свой штаб и исследовательские подразделения в Силиконовой долине, а все остальные службы и основной персонал — в Китае. Такова, например, созданная выходцем из Китая компания UTStarCom, производящая телекоммуникационную продукцию, третья по стоимости выпускаемой продукции в упоминавшемся технопарке «Чжунгуаньцунь». В ее штабе в Силиконовой долине работает 30 служащих, а в КНР — 1000 человек. По той же модели организована фирма Sina.com, ведущий интернет-портал в Китае. Создание такого рода производств расценивается специалистами как качественно новый вид сотрудничества Китая с развитыми странами: оно приобретает форму «транснационального технологического сообщества», означающего новое международное разделение труда и позволяющего Китаю успешно вписаться в процессы глобализации.

Оставаясь работать за рубежом, многие китайские студенты поддерживают постоянные деловые и личные связи с родиной. Их общественные организации, созданные в целях социального взаимодействия и поддержки новых иммигрантов, служат важными «площадками» для контактов с партнерами из КНР и обмена деловой информацией. Эти организации спонсируют регулярные деловые поездки в Китай, принимают делегации официальных лиц оттуда, помогают китайским фирмам подыскивать сотрудников среди земляков.

В научно-преподавательской сфере сотрудничество «заморских» китайцев с «материком» включает в себя чтение лекций по приглашениям, научные консультации, участие в совместных исследовательских и образовательных проектах, на которые китайское правительство нередко выделяет солидные гранты, работу в общественных организациях, имеющих тесные связи с Китаем, и т. д. Каждый год в КНР направляются группы ученых китайского происхождения, обладающих докторской степенью, с целью налаживания обмена и сотрудничества с коллегами на материке.

Привлекая к участию в возвышении страны зарубежных китайцев, правительство КНР действует чрезвычайно энергично. Новые инициативы следуют одна за другой. Так, в июне 2005 г.

в Пекине была создана новая организация — Консультационный комитет зарубежных китайцев, основной задачей которого является составление рекомендаций для выработки политики технического и экономического развития страны, а также выдвижение кандидатур для реализации программы «Заморские таланты — на службу родине» (эта программа осуществляется Эмиграционной службой с 2005 г.).

В том же 2005 г. Китайский государственный фонд естественных наук предложил большие гранты (по 1 млн юаней ежегодно в течение 4 лет) специально для финансирования крупных научных проектов, которые должны выполняться совместно специалистами высокой квалификации — иностранными гражданами китайского происхождения (*хуажэнь*) и их коллегами из КНР.

Разносторонняя деятельность китайцев из-за рубежа в пользу КНР включает в себя разного рода и масштаба благотворительные акции в форме спонсирования научных исследований. Например, Программа исследования Янцзы, финансируемая гонконгским миллиардером Ли Ка-шином, и Программа «Тысяча талантов» Академии наук Китая совместно учредили грант в сумме 2 млн юаней (порядка 250 тыс. долл.) для победителей конкурсов на выполнение одного научного проекта¹³⁶.

Обобщая политику Пекина в области привлечения кадров, мы можем уверенно констатировать: не прибегая к принудительным мерам, действуя исключительно с помощью позитивных экономических и социально-психологических стимулов, китайское руководство радикальным образом меняет эффект от «утечки мозгов», частично обращая ее вспять после, так сказать, «обогащения мозгов» или сотрудничая с ними на расстоянии, через границу. В последнем случае специалисты, учитывая если не масштабы, то перспективы этого явления, говорят даже о формировании вне Китая «зарубежного мозгового хранилища». Заведомо, казалось бы, негативное явление, благодаря объективному фактору — привлекательности китайского рынка и субъективному — разумной политике государства, становится чрезвычайно полезным для страны и играет незаменимую роль в деле ее обновления.

Россия находится вне зоны, куда стремится перебраться, овладев современными знаниями, китайская молодежь, и, похоже, в ближайшем будущем «утечка мозгов» в данном направлении Китаю не грозит. Но китайский опыт показывает нам, чего можно достичь при правильной постановке дела.

§ 3. Диаспоральная политика Пекина

О мировой китайской диаспоре

Нынешнее расселение китайцев по окрестным территориям — результат процесса, насчитывающего не одно столетие. Особенно значительные масштабы эмиграционный поток приобрел с середины XIX в. Люди отправлялись в страны Юго-Восточной Азии, Австралию, Новую Зеландию, Северную Америку с целью заработка, рассчитывая через некоторое время вернуться на родину. Те, кто оседал в этих странах, сталкивались с высокими цивилизационными и языковыми барьерами, а также с недоброжелательным отношением, спровоцированным их деловой хваткой, и это существенным образом препятствовало их интеграции. Большинство эмигрантов, занимаясь физическим трудом, закрепилось в маргинальном положении и осталось в бедности. Однако возник и значительный слой предпринимателей, которые успешно адаптировались к новым условиям и заняли заметные и даже доминирующие позиции в экономике своих стран.

В Китайской Народной Республике эмиграция из страны была фактически остановлена (если не считать легальной и нелегальной эмиграции в Гонконг). Работа с диаспорой сначала рассматривалась как важное для интересов нации дело, однако во время «культурной революции» (с середины 1960-х до середины 1970-х годов) она была свернута, проводившие ее организации прекратили свое существование. К зарубежным китайцам стали относиться как к классовым врагам, если не реальным, то потенциальным, родственные связи с ними оказались под подозрением. Немало людей, имевших родственников за границей, пало жертвами хунвэйбинов.

Только в конце 1970-х годов руководители КНР Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Ляо Чэнчжи и другие сумели вернуть политике в отношении зарубежных китайцев конструктивный характер, отвечающий целям провозглашенной в тот период модернизации страны. Большинство структур, ведавших связями с диаспорой, были восстановлены, открылись созданные для эмигрантов учебные заведения.

Новая политика, включавшая в себя некоторую либерализацию правил выезда, в сочетании с изменением курса Пекина в отношении Запада привела к возникновению новой волны эмиг-

рации, продолжающейся и в настоящее время. Пространство для нее было создано смягчением иммиграционных барьеров, ранее носивших расистский характер, в странах-реципиентах, после Второй мировой войны ощутивших растущую потребность в притоке дешевых трудовых ресурсов¹³⁷. (Некоторые исследователи рассматривают современную волну эмиграции как третью по счету в истории Китая. Первая имела место в середине XVII в., после того как в Китае установилось господство Цинской императорской династии; вторая, как мы уже отмечали — с середины XIX в., когда в европейских колониях Юго-Восточной Азии и в Северной Америке оказалась востребованной китайская рабочая сила¹³⁸.)

Особенно значительный рост эмиграции, а с нею и мировой китайской диаспоры обозначился с середины 1990-х годов. Численность мировой китайской диаспоры, по оценкам экспертов, составляла 26,8—27,5 млн человек в начале 1980-х годов (что было в 3 раза больше, чем в 1948 г.) и около 37 млн человек в 90-х годах XX в.¹³⁹ По данным Международной организации миграции, численность всех зарубежных китайцев в сумме составляет 34,5 млн человек — 18,35 % совокупной мировой диаспоры¹⁴⁰. Однако некоторые китайские источники оперируют значительно большими числами, вплоть до 57 млн человек¹⁴¹.

Последняя волна эмиграции, продолжающаяся и в настоящее время, придает облику мировой китайской диаспоры новые черты, соответствующие вызовам современной эпохи. Эмигранты нового поколения имеют более высокое образование, они рассчитывают на получение за границей интеллектуальной работы, чаще выезжают семьями, направляются преимущественно не в страны Юго-Восточной Азии, а в развитую часть мира: Северную Америку, Австралию, а последнее время также и в Европу. Расширилась исходная географическая база эмиграции: к Фуцзяни и Гуандуну теперь прибавились Чжэцзян и северо-восточные провинции. Возникли вторичные миграционные потоки: движение этнических китайцев из ЮВА в развивающиеся страны.

О темпах роста объемов эмиграции в развитые страны говорят такие цифры: количество проживающих в США уроженцев Китая увеличилось с 170 132 человек в 1970 г. до 286 120 человек в 1980 г. и до 1 578 652 человек в 2000 г. По данным переписи 2004 г., китайское население США в 2000 г. было равно 3 353 486 человек — китайцы стали самым крупным азиатским этническим меньшинством в США, причем его численность

растет в 4—5 раз быстрее, чем численность населения страны в целом¹⁴².

Среди мигрантов из Китая в развитые страны немалый процент составляют квалифицированные кадры. В Силиконовой долине на 2000 г. 53 % персонала высокой квалификации составляли иммигранты, в том числе китайцы и индийцы — по 25 % (по 15 тыс. человек, включая иммигрантов с Тайваня)¹⁴³. В 2002—2003 гг. около 17 тыс. квалифицированных работников въехали в США из КНР по визовой программе H-1B, и почти половина из них получила работу, связанную с компьютерным программированием и вычислениями. Среди американцев китайской национальности научно-технические кадры составляют 19,5 %, менеджеры высокого уровня — 10,9 %¹⁴⁴.

Китайские мигранты и их потомки «хуа-и» играют видную роль в экономике стран Восточной и Юго-Восточной Азии. По оценкам, частные состояния 20 млн этнических китайцев в ЮВА в середине 1990-х годов превысили 200 млрд долл. Из 1000 ведущих компаний региона более половины (517) принадлежат этническим китайцам, составляющим около 5 % населения региона. По некоторым данным, этнические китайцы владеют почти 80 % частного капитала в Индонезии и 40—50 % в Малайзии¹⁴⁵.

Специалисты зачастую отмечают у зарубежных китайцев своеобразный национализм, традиционное ощущение связи со своей этнической родиной, в особенности «малой родиной» — местом рождения. Для мест регулярного и значительного по объему исхода эмигрантов, их, так сказать, «родовых гнезд», существует даже специальное название «*цяоян*» (букв. «эмигрантская деревня», «родная земля эмигрантов»). Наиболее крупные скопления «гнезд» образовались в южных приморских провинциях Гуандун и Фуцзянь. По статистике, на 1989 г. выходцы из Фуцзяни составляли 34,5 % от общего числа «заморских» китайцев и 29,6 % от численности населения провинции¹⁴⁶. Специфические тесные связи эмигрантов с их *цяоян* служат предметом многочисленных исследований. Удачливые заморские земляки вносят существенный вклад в развитие родных мест, не только переводя деньги родственникам, но и создавая новые предприятия, спонсируя строительство больниц, школ и даже университетов. Имена спонсоров увековечиваются посредством мемориальных досок и памятников.

Впрочем, с середины 1990-х годов на арену вышло новое поколение зарубежных китайцев. Они более состоятельны, чем их

отцы, лучше образованы, обладают серьезными знаниями в сфере международного бизнеса и достаточно рациональны по складу ума. Гордясь своим происхождением, уже не могут ни говорить, ни читать по-китайски и считают себя «в первую очередь представителями данной страны и только во вторую китайцами»¹⁴⁷. Они свободны от ностальгии, привязанности к малой родине предков, но их привлекают перспективы создания нового бизнеса в быстро развивающейся стране, и они готовы вкладывать свои капиталы в любое место, где для этого есть подходящие условия.

В целом китайская диаспора является обладателем огромного капитала, технологий, предпринимательского опыта, международных деловых связей. Культурно-языковая общность, экономические стимулы, а также национально-психологические мотивы и традиции делают ее более склонной и более приспособленной к сотрудничеству с этнической родиной, чем все остальные зарубежные экономические партнеры Китая. Соответственно, политика правительства КНР ориентирована на то, чтобы использовать этот уникальный резерв с максимальной отдачей. Она базируется на предоставлении зарубежным китайцам многочисленных и разнообразных особых прав и льгот производственного и бытового характера, пробуждении их национально-патриотических чувств и проявлении заботливого и уважительного отношения к ним.

В силу специфики своего состава, приспособленного, в свою очередь, к особенностям российской экономики, китайская квазидиаспора в нашей стране не может служить для КНР источником современных технологий и передового менеджмента, однако она зарабатывает деньги, а также закупает сырьевые товары, и тем самым работает на модернизацию своей родины. Естественно поэтому, что китайское правительство не оставляет ее своим вниманием.

Концептуальная основа диаспоральной политики Пекина

К настоящему времени политика руководства КНР в отношении зарубежной общины оформилась и приобрела стабильный характер, став важной составной частью стратегии развития Китая. Ее идеологическую платформу, неоднократно озвучен-

ную лидерами страны, мы проиллюстрируем выдержками из выступления председателя КНР, генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на 4-й Всемирной дружеской конференции ассоциаций зарубежных китайцев в 2007 г.: «Неустанным трудом на протяжении многих поколений в суровых условиях зарубежные китайцы добились выдающихся успехов в целом ряде областей и внесли неоценимый вклад в дело независимости и возрождения китайской нации, в дело реформ, открытости и модернизации Китая, укрепления взаимопонимания и дружбы между китайским народом и народами всего мира». На будущее Ху Цзиньтао выразил надежду, что «широкие массы зарубежных китайцев, содействуя развитию и прогрессу стран проживания, одновременно будут развивать замечательные традиции китайской нации, станут активно участвовать в модернизации Китая, способствовать великому делу объединения Китая, распространять достижения китайской цивилизации, продвигать дружеские связи китайского народа с другими народами мира, вносить еще более значительный вклад в дело мира и развития во всем мире»¹⁴⁸.

В приведенных здесь тезисах содержатся в сжатом виде все основные аспекты политики правительства КНР, и дальше мы будем говорить о них подробнее.

Вся работа с диаспорой ведется с опорой на авторитет Дэн Сяопина. Его высказывания о зарубежных китайцах изданы отдельной книгой¹⁴⁹ и широко используются в пропагандистском обиходе. Основной пафос его работ составляет мысль о том, что эмигранты (с китайским гражданством) — это часть единой великой китайской нации со своей исторической миссией. Дэн Сяопин говорил: «Соотечественники на материке, на Тайване, в Сянгане и Аомэне, а также заморские хуацяо — все они суть сыновья и внуки китайской нации. Мы должны бороться вместе, добиться объединения родины и расцвета нации»¹⁵⁰.

Заслуживает внимания такой тезис Дэн Сяопина: «Если говорить о Китае, возможностей для значительного развития у него не так уж много. Однако, в отличие от других стран мира, у него есть свои особые возможности. Например, у нас есть несколько десятков миллионов патриотов — соотечественников за морем, они уже внесли большой вклад в развитие страны»¹⁵¹.

Говоря о конкретных направлениях сотрудничества с китайским зарубежьем — о привлечении инвестиций, обучении студентов за границей и т. п., Дэн Сяопин, собственно, не открывал чего-то принципиально нового: все это уже имело ме-

сто в новой и новейшей истории Китая. Принципиальная новизна подхода Дэна состояла в том, что он вписал зарубежных китайцев с их столь необходимыми для Китая экономическими, финансовыми и интеллектуальными «мощностями» в стратегический план возрождения страны, поднял сотрудничество с диаспорой на уровень первостепенных государственных задач, объявил важнейшей функцией государства служение его зарубежным гражданам.

Этот подход последовательно проводится в жизнь нынешними руководителями Китая. Статья 50 Конституции КНР торжественно провозглашает: «Китайская Народная Республика защищает надлежащие права и законные интересы хуацяо». Государство берет на себя обязанность охранять на своей территории их собственность, включая недвижимость, предприятия, банковские вклады, полученное наследство. Хуацяо имеют право беспрепятственно переселяться на родину, приезжать туда на учебу и т. п. В случае нанесения за рубежом ущерба личной безопасности хуацяо, их праву на жительство, праву собственности, благосостоянию, праву наследования и другим законным интересам китайское правительство защищает их в соответствии с международными обычаями и двусторонними договорами.

Укрепляя связи с диаспорой, государство уделяет специальное внимание не только хуацяо-эмигрантам, проживающим за рубежом, но и хуацяо-реэмигрантам, вернувшимся на постоянное проживание на родину, а также родственникам тех и других (т. е. «гуйцяо» и «цяоцзюань» — см. пояснения в начале главы). Как показатель этого внимания, в стране специально проводятся Всекитайские съезды реэмигрантов и родственников с участием высших руководителей страны. Лидеры КНР неизменно ставят эти две категории граждан в один ряд с эмигрантами-хуацяо как единый объект эмиграционной политики.

На Всекитайском совещании работников эмиграционной службы в феврале 2005 г. в Пекине Ху Цзиньтао отметил: «У нас есть несколько десятков миллионов заморских соотечественников, населяющих более 100 стран и территорий. Они питают особые чувства к Китаю, обладают могучей экономической силой, среди них имеется множество талантливых людей. У нас в стране имеется более 30 млн реэмигрантов-гуйцяо и родственников-цяоцзюань. Они действуют на различных фронтах и связаны бесчисленными узами с заморскими соотечественниками. Исто-

рия доказала и еще не раз докажет, что широкие массы заморских соотечественников, реэмигрантов-*гуйцяо* и родственников-*цяоцзюань* — это важная сила в продвижении модернизации страны, в осуществлении полного объединения родины и славного возрождения китайской нации»¹⁵².

Пекин охотно и активно выполняет выпавшую ему роль покровителя, центра притяжения всех китайцев планеты. Это отчетливо видно даже с внешней стороны его деятельности: в Китае проходят такие мероприятия, как всемирные конференции дружбы ассоциаций зарубежных китайцев, всемирные конференции китайцев, упоминавшиеся уже всекитайские съезды реэмигрантов и родственников, разного рода земляческие встречи. Посетив в 2008 г. съезд Ассоциации хуацяо-инвесторов, премьер госсовета Вэнь Цзябао пожелал зарубежным собратьям успеха на двух направлениях: в предпринимательстве и в том, что касается ответственности за отчизну. Он назвал всех зарубежных китайцев, всех хуацяо детьми общей матери-родины, которая всегда помнит о них, листьями одного дерева¹⁵³.

Каждый год из КНР в те или иные страны направляются делегации с целью познакомиться с жизнью находящихся там китайских общин. В 2006 г. одна из таких делегаций впервые посетила Казахстан и Кыргызстан.

Подчеркивая важность роли, отводимой диаспоре, воспринимая ее как своего рода «продолжение» Китая, руководители государства неизменно присутствуют на посвященных ей общенациональных мероприятиях, а выезжая за границу, включают в программы своих визитов встречи с представителями местных китайских общин. Председатель КНР Цзян Цзэминь в ходе визита в США в 1997 г. не только встретился с лидерами организаций американцев китайского происхождения, включая выходцев с Тайваня, но и посетил профессора Сунь Хэнхуня, который опекал и обучал его сына, когда тот учился в Филадельфии в университете Дрексел, где получил степень доктора по физике.

В 2005 г. председатель КНР Ху Цзиньтао во время пребывания в Москве встретился с сотрудниками посольства, руководителями работающих в России китайских фирм и представителями китайского землячества, включая студентов. Он призвал своих слушателей жить в дружбе с российским народом и со всей решимостью содействовать развитию отношений между двумя странами¹⁵⁴.

Этот факт лишний раз показывает, что политика руководителей КНР в отношении китайских мигрантов в России в целом базируется на тех же принципах и ориентируется на те же задачи, что и в других странах.

Культурные и социальные связи с диаспорой и задача ее сплочения

Неотъемлемой составной частью диаспоральной политики Пекина является укрепление связей с китайским зарубежьем и содействие их сплочению. Правительство добивается того, чтобы заморские собратья ощущали постоянную живую связь со своей этнической родиной, гордились великой китайской цивилизацией и новым возвышением Китая, стремились внести собственный вклад в дело его модернизации.

Разные части зарубежной китайской общины отличаются друг от друга содержанием связей с землей предков. Для многочисленных эмигрантов с низким уровнем образования, особенно людей старшего поколения, Китай — это, главным образом, их малая родина, к которой они крепко привязаны родственными и земляческими узами. Несколько миллионов мигрантов новой волны, возникшей в период реформ и открытости — мигранты в первом поколении, выехавшие кто на учебу, кто для занятий бизнесом, кто к родственникам — сохраняют обширные личные связи и испытывают органичный интерес к ходу событий на материке, удовлетворяемый посредством китайязычных СМИ, начиная с телевидения и Интернета.

Наибольшая дистанция отделяет от Китая молодое поколение китайцев, родившихся за границей. По экспертным оценкам, их число достигает 10 млн человек¹⁵⁵. Значительная часть их имеет относительно высокий культурный уровень, но даже она мало знакома с китайской культурой и нередко не знает стандартного китайского языка «гоюй», хотя достаточно хорошо владеет английским и может владеть каким-либо из южнокитайских диалектов. «Этому поколению принадлежит будущее, и потому особенно важно сделать так, чтобы оно, интегрируясь в местное общество, сохраняло свойства китайской нации, лучше понимало свою родину, испытывало к ней более глубокие чувства»¹⁵⁶. (Заметим, что в этой цитате речь идет о молодых людях, по закону являющихся гражданами КНР, хотя и родившихся за границей.)

Культурные связи с зарубежными общинами Китая осуществляется в самых разнообразных формах. В КНР большими тиражами издается учебная литература по китайскому языку, отечественной культуре, истории, географии. К 2007 г. за рубеж было разослано более 1,6 млн экземпляров учебников и пособий. В разных странах открываются школы китайского языка, а для работающих там преподавателей — курсы усовершенствования, организуются поездки в Китай на конференции, на совещания по обмену опытом, в летние лагеря и т. д.

Специально для обучения молодых людей китайской национальности из-за рубежа в КНР существует несколько вузов, находящихся в ведении Канцелярии Госсовета по делам зарубежных китайцев: Цзинаньский университет в Гуанчжоу, Университет хуацяо и Пекинский институт китайского языка и литературы (*Хуавэнь сюэюань*). Для этой молодежи организуют поездки на материк, именуемые «Приникнем к китайским корням», а также туристические путешествия. В 2006 г. в них участвовало более 5 тыс. человек, у которых благодаря этому «усилилось чувство национальной гордости и интерес к китайской культуре»¹⁵⁷.

Каждый год в зарубежные китайские общины приезжают с концертами художественные ансамбли из КНР. В 2006 г. художественный коллектив из Синьцзяна впервые выступал в Казахстане и Узбекистане перед национальными меньшинствами — выходцами из этой провинции. Через Интернет зарубежным китайцам рассказывают о том, как живет сегодня Китай, разъясняют политику правительства в отношении диаспоры, его позицию по тем или иным международным вопросам. Этим же целям служит активное сотрудничество с китаеязычной зарубежной прессой.

Разумеется, в этой работе, как и в любой другой, не обходится без путаницы, формализма. Одной из наиболее заметных и, по-видимому, типичных ошибок является невнимательное отношение исполнителей к разграничению *хуацяо* и *хуажэнь*, т. е. граждан КНР и этнических китайцев — граждан других государств. Китайские ученые недвусмысленно критикуют такое положение дел. Один из них пишет: «Наша политика в отношении *хуацяо* и *хуажэнь* имеет сомнительный привкус вмешательства во внутренние дела чужих стран. Немало этнических китайцев приняли иностранное гражданство, а мы все еще считаем их объектами нашего воздействия, навязываем им образ Китая как их родины и тем самым в той или иной степени мешаем их интеграции в окружающую социальную среду. Вот и получается:

примут китайцы гражданство какой-нибудь страны ЕС и там выслушивают, что, мол, из всех национальностей китайцы интегрируются с наибольшим трудом, что они держат сторону Китая и даже занимаются деятельностью, не совместимой с их гражданской принадлежностью»¹⁵⁸.

Другой китайский специалист предупреждает: «Политика в отношении иностранных граждан китайского происхождения должна быть осмотрительной, корректной, чтобы нечаянно не подставить их под удар. Некоторые считают так: если в твоих жилах течет китайская кровь — ты обязан быть патриотом. Как складывается судьба зарубежных китайцев, мы, выходит, можем не беспокоиться, да и не беспокоимся: мол, если причиним им ущерб — ничего страшного. Они — дети и внуки желтых предков, должны любить страну, вносить вклад в четыре модернизации — и так они и будут делать. Подобный образ мыслей является идеалистическим и вредным»¹⁵⁹. Скажем, предприниматель китайского происхождения, вложив капитал или сделав дар в родных местах, нередко получает почетное звание «Патриота родных мест». Но если этот китаец является иностранным гражданином, такое звание заставляет людей в его стране задуматься о его политической лояльности. То же происходит, когда иностранным гражданам китайского происхождения за их вклад в пропаганду китайской культуры вручают почетный знак с надписью, буквально означающей: «Сердце, преданное Китаю».

Интенсивность культурно-просветительной работы КНР в зарубежных общинах и ее эффективность в конечном счете зависят от того, какой сегодня является сама КНР. На данный момент ситуацию оценивают в Пекине таким образом: «Соответственно укреплению совокупной национальной мощи и международному положению нашей страны у наших зарубежных соотечественников существенно усилились чувства национальной гордости и культурной идентичности. Они говорят теперь: «Китайский спутник летает высоко, и мы тоже можем высоко держать голову». Одновременно в их глазах намного выросла привлекательная сила китайской культуры. Наша культура — это корень, это дух кровной связи между зарубежными соотечественниками и их родной страной, источник мощной жизненной силы»¹⁶⁰.

В несколько ином плане укреплению связей эмиграции с родиной способствует внимание правительства к реэмигрантам: оно отнюдь не сводится к коммерческим проектам — привлече-

нию предпринимателей или квалифицированных специалистов. Руководители КНР оказывают покровительство вообще всем реэмигрантам, кто по тем или иным причинам был вынужден вернуться на родину, вплоть до создания специальных сельскохозяйственных ферм с целью их трудоустройства. Внимание правительства к реэмигрантам несет отчетливый гуманистический смысл, а вместе с ним и политический: оно призвано укрепить психологическую связь эмигрантов с родиной, придать им уверенность в том, что государство не равнодушно к их трудностям, что Китай — это их большой дом, где для них всегда найдется место.

Наряду с получением социальной защиты для реэмигрантов со стороны власти, китайское эмигрантское сообщество отличается еще одна особенность социального плана: многообразная деятельность китайцев из-за рубежа в пользу КНР включает в себя разного рода и масштаба благотворительные акции. По данным Канцелярии Госсовета по делам зарубежных китайцев, за прошедшие 30 лет проживающие за рубежом китайцы пожертвовали 70 млрд юаней (10 млрд долл.) на дело общественного благосостояния и оказание помощи бедным в Китае¹⁶¹. Систематический характер носят пожертвования зарубежных китайцев на развитие своих родных мест. 70 % таких пожертвований приходится на пров. Гуандун, где находится множество «цяосян» — мест исхода эмигрантов. С 1978 г. она получила от зарубежных китайцев и соотечественников из Сянгана и Аомэня пожертвования на сумму 35 млрд юаней (5 млрд долл.), что явилось существенным вкладом в социальное благосостояние населения провинции. Собранные средства пошли на строительство, ремонт и реконструкцию школ, библиотек, театров и кинотеатров, домов культуры, а также мостов, дорог, водохранилищ и гидроэлектростанций¹⁶².

Серьезный вклад вносят зарубежные китайцы в благосостояние родных мест, переводя из-за рубежа своим родственникам денежные средства. В 2004 г. денежные переводы такого рода в Китай составили 21,3 млрд долл., это — 2-е место в мире, где общая сумма переводов достигла 225,8 млрд долл.¹⁶³

Укрепление разного рода связей — экономических, культурных, гуманитарных, земляческих — между метрополией и диаспорой должно, по замыслам китайских руководителей, сопровождаться единением членов самой диаспоры в духе выдвинутой председателем КНР Ху Цзиньтао идеи строительства гармоничного общества. Не слишком вдаваясь в подробности, от-

ветственные деятели Канцелярии Госсовета объясняют, что «материальная основа его формирования — это расцвет и развитие дела зарубежных соотечественников»¹⁶⁴. Процесс единения и гармонизации должен охватить все слои всех зарубежных общин: китайцев разных поколений, выходцев из разных провинций КНР.

Китайские ученые напоминают и о наличии в диаспоре социально-классовых различий. Действительно, они налицо, и можно с полным основанием назвать их противоречиями. Западные специалисты иной раз позволяют себе говорить о них достаточно резко. «Конечно, — констатируется в одной из статей, — китайские рабочие не обязательно имеют общие интересы со своими китайскими хозяевами. В то время как примерно 3 тыс. китайских предпринимателей владеют четвертой частью текстильного бизнеса в Прато, Италия, целая армия низкооплачиваемых рабочих, завербованных в Китае, работает ночи напролет, создавая изящную и дешевую одежду с ярлыком «Сделано в Италии» для экспорта в Восточную Европу. В нью-йоркских ресторанах и пошивочных заведениях китайские рабочие часто ведут бои против китайских же хозяев, которые удерживают у них часть зарплаты и отбирают чаевые»¹⁶⁵. Возможно, именно эта реальность и находит косвенное отражение в призывах: во имя единения «уважать старых и сочувствовать слабым, поддерживать бедных, помогать попавшим в беду»¹⁶⁶.

Путь к единению лежит через создание разнообразных и многочисленных общественных организаций — *шэтуань*. (В Китае их переводят на английский язык словом «associations», и мы для удобства будем называть их ассоциациями. Не путать с организациями, занимающимися нелегальной переправкой людей за границу, которые по-русски транскрибируются так же!) В деле организации различных обществ у зарубежных китайцев уже накоплен большой опыт. Достаточно назвать многочисленные землячества, (т. е. общества выходцев из одного и того же места — *тун сян хуэй*): и такие крупные, провинциального уровня, как фуцзяньское или гуандунское; и уездные; и малые — выходцев из одного населенного пункта. Существуют также родственные объединения, куда входят люди с одной фамилией. Наконец, имеются объединения по видам деятельности, среди которых исторически самое заметное место принадлежит коммерческим ассоциациям (*шанхуэй*, или *цзун шанхуэй*, в дореволюционной России их называли «коммерческими об-

ществами»), а ныне все большую роль играют научно-технические, культурные и др.

Председатель КНР Ху Цзиньтао в одном из выступлений выразил надежду, что «ассоциации китайцев смогут успешно сыграть роль мостов или приводных ремней, будут настойчиво защищать законные права зарубежных китайцев, превратятся в подлинные дома для широких масс зарубежных китайцев»¹⁶⁷.

«Если сравнить зарубежное китайское сообщество со зданием, то его организации — это его точки опоры». «Несколько сотен тысяч ассоциаций, соединяя миллионы зарубежных китайцев, образуют единое общество, единую сеть», — утверждают руководители Канцелярии Госсовета по делам зарубежных китайцев¹⁶⁸. (Другие источники оценивают количество ассоциаций в 10 тыс.¹⁶⁹) Вместе с тем впереди предстоит серьезная работа по усовершенствованию этой сети: следует привлекать в ассоциации молодежь, которая пока не торопится вступать в них; воспитывать новых, инициативных руководителей из ее среды; оживить всю деятельность ассоциаций. «Нельзя, чтобы в ассоциациях только тем и занимались, что играли в карты и мацзян и устраивали трапезы»¹⁷⁰.

Важным инструментом в деле сплочения зарубежных китайцев могут также стать местные китаеязычные СМИ. Пекин дает им такие рекомендации: «Больше писать, больше говорить, больше сообщать обо всем, что полезно для установления гармонии в китайских общинах; и не писать, не говорить, не сообщать о том, что не приносит пользы для установления гармонии»¹⁷¹. К сожалению, у нас нет возможности установить, в какой мере эти рекомендации выполняются, но сами по себе они уже свидетельствуют о больших возможностях Пекина влиять на жизнь диаспоры.

Китайские ученые отмечают, что внутри китайских общин существуют как разного рода противоречия, так и стремление к единству, основанное на приверженности к китайской культуре и на необходимости противостоять внешним вызовам. В целом же, по их мнению, главной является тенденция сплочения. Они предсказывают, что «вслед за возрастанием совокупной национальной мощи Китая, повышением его места в мировой политике отношения внутри сообщества этнических китайцев будут развиваться в сторону еще большего сплочения»¹⁷². Не беремся судить, насколько тенденция сплочения является главной, но что касается процитированного здесь предсказания — по всей видимости, так оно и будет.

Гармонизация взаимоотношений диаспоры с ее окружением

В этом разделе мы рассмотрим, в каком направлении руководители КНР стремятся воздействовать на взаимоотношения зарубежных китайских общин с окружающими их обществами, иными словами, в чем состоит политика Пекина «по периметру диаспоры».

Характер взаимоотношений двух национальных организмов — диаспоры и окружающей ее среды — зависит от многих условий. В одних случаях эти отношения развиваются более или менее гармонично, в других сопровождаются враждебностью, трениями и даже конфликтами. История китайских диаспор в странах Юго-Восточной Азии, США, Латинской Америки дает немало примеров второго рода. На протяжении длительного времени китайцы выступали в этих странах в качестве объекта дискриминации, третирования, ксенофобии и, случалось, поднимались, чтобы отстаивать свои права. В государствах ЮВА, прилегающих к Китаю и принявших к себе большую часть многомиллионной китайской эмиграции, глубоко недоброжелательное отношение к пришельцам из огромной страны сохранялось особенно долго — до 80-х годов XX в.

В настоящее время взаимоотношения зарубежных китайцев с населением стран их проживания выглядят неизмеримо более благополучными. Как представляется, решающим фактором в этой перемене стал радикальный поворот во внешнеполитической стратегии КНР и, соответственно, в ее подходе к китайской диаспоре. В течение трех десятилетий после Второй мировой войны китайское правительство выступало как идеологический антагонист западного мира, склонный использовать членов своей диаспоры для разного рода теневой деятельности против правительств принявших их государств. Особенно выпукло это проявлялось в ЮВА, где дипломатические отношения Китая со странами субрегиона отличались неустойчивостью. Однако с рубежа 1970—1980-х годов. Пекин пересмотрел свою антизападную линию, сблизил свою позицию с позициями стран ЮВА и наладил широкое экономическое, прежде всего инвестиционное, сотрудничество с диаспорой. Со своей стороны, правительства обретших независимость государств ЮВА первоначально проявляли подозрительность к китайскому меньшинству. Создавая новые национальные и культурные идентичности, они предпри-

нимали попытки его насильственной ассимиляции, требовали от него порвать связи с этнической родиной, ограничивали или запрещали деятельность китайских национальных обществ. Однако в 1980-х годах, убедившись в лояльности китайской части населения, сменили прежнее негативное отношение к ней на более толерантное.

Еще одна причина улучшения взаимоотношений между диаспорой и принявшими ее государствами ЮВА состоит в следующем: в условиях глобализации и распространения новых технологий — информационных, биологических и др. — роль китайского бизнеса с его предприимчивостью, с его международными торгово-экономическими связями стала попросту незаменимой для местных экономик. Во время финансового кризиса 1997 г. китайские предприятия хотя и понесли определенный урон, однако выстояли и помогли выжить экономике стран-хозяев, например, Таиланда.

В развитых странах более позитивное отношение к китайцам было вызвано увеличением спроса на труд — малоквалифицированный, а затем и интеллектуальный. К тому же с начала 80-х годов на появившихся китайских мигрантов стали смотреть как на посланцев нового Китая, вставшего на рыночный путь развития.

Тем не менее известная напряженность между коренными национальностями государств субрегиона и китайскими иммигрантами сохраняется и в настоящее время. (Исключением можно считать Сингапур, где этнические китайцы составляют подавляющее большинство населения и, в современной терминологии, могут считаться «государствообразующей нацией», а также Таиланд, в котором этнические китайцы успешно ассимилируются и входят во все слои общества.) Китайские общественные организации отмечают «недоброжелательность и дискриминацию лиц китайской национальности со стороны местных органов власти и групп населения, носящие наиболее злобный характер в Юго-Восточной Азии»¹⁷³.

Эту напряженность едва ли можно считать остаточной, историческим пережитком — она постоянно воспроизводится под влиянием как традиционных, так и новых обстоятельств. У местной политической и интеллектуальной элиты вызывают недоверие и беспокойство закрытость китайской общины, развитые связи этнических китайцев с границей, их инвестиции в экономику КНР, которые ныне расцениваются как утверждение «новой напористой китайской региональной идентичности». Су-

ществленную роль играет и то обстоятельство, что китайцы — это сильные конкуренты в бизнесе, сумевшие занять лидирующие позиции в важных сферах национальных экономик и накопить огромные богатства. Сами китайские специалисты оценивают деловые качества своих этнических собратьев очень высоко, отмечая их «готовность упорно трудиться, способность адаптироваться к новым условиям, проверенную деловую хватку, умение быстро использовать новые возможности»¹⁷⁴.

Конкурентная сила китайских предпринимателей возрастает в еще большей мере благодаря наличию в их среде развитых неформальных личных связей (включающих в себя, вообще говоря, не только лиц китайской национальности). Эти связи позволяют передавать конфиденциальным образом деловую информацию и даже, минуя громоздкие формальности, основываясь на одном только доверии, быстро заключать крупные сделки. Китайскую общину отличает также нелюбовь к публичности. Афористичным выражением этой черты можно считать слова одного крупного бизнесмена из ЮВА, китайца по происхождению: «Лучший способ не потерять лицо — держать закрытой его нижнюю часть».

Высокая конкурентоспособность этнических китайцев, их предпринимательский талант, вовлеченность в неподконтрольный властям межнациональный бизнес, тесные связи между членами китайских общин и между общинами разных стран, их закрытость, а как итог всего этого — сосредоточенное в руках бизнесменов китайского происхождения огромное богатство — все это вызывает естественную для массового сознания негативную реакцию со стороны коренного населения, не говоря уже о местных предпринимателях. «С течением времени, — так объясняют ситуацию публицисты из числа китайских эмигрантов, — экономические успехи ряда предпринимателей стали объектами жгучей зависти. Мало того, китайские общины в целом часто становились козлами отпущения, их членов изображали как аморальных эгоистичных людей, готовых на все ради прибыли. Потомки этнических китайцев вынуждены были преодолевать глубоко укоренившуюся в принявшие их общества враждебность, отстаивая свое достоинство и право на уважение»¹⁷⁵.

Заметим, что конкуренция между коренным населением и китайскими мигрантами подчас возникает и в сфере труда, где китайские рабочие-иммигранты, работающие за низкую плату, не защищенные трудовым законодательством и не включенные в

систему профсоюзов, создают нездоровую конкуренцию. А это ведет — или, по логике вещей, может привести — к общему ухудшению условий труда для всех рабочих и даже к отказу от использования местной рабочей силы в пользу китайской. «Простые граждане развитых стран не хотят принимать массы мигрантов, боясь потерять свои рабочие места», — утверждают западные эксперты¹⁷⁶.

Беспокойство населения по поводу иммигрантов из Китая усиливается еще и потому, что их воспринимают как первых посланцев огромной, сильной и перенаселенной страны, а также и как участников многонационального нелегального потока, остановить который не в силах никакое правительство, поскольку на дешевый и безответный труд всегда есть спрос.

К этому следует добавить, что местные общества подчас рассматривают китайскую общину как криминогенный фактор, прежде всего как источник наркоторговли. В других случаях китайцев подозревают в нелояльности по отношению к стране проживания.

В этих условиях Пекин считает важнейшей задачей создание вокруг диаспоры благоприятной среды, налаживание добрых взаимоотношений диаспоры с местным населением. Он провозглашает своей целью установление отношений «*хэ му сянь юн*», что можно перевести как «гармоничные».

Прежде всего его внимание привлекают возникающие время от времени между соседями серьезные трения и даже острые конфликты, которые подчас сильно бьют по китайскому меньшинству. Как отмечают ответственные лица в Пекине, «раздоры между зарубежными китайцами и частью местного населения, вызванные столкновением интересов, — это нарастающая тенденция, требующая серьезного внимания с нашей стороны»¹⁷⁷. Действительно, именно в последние годы имели место такие инциденты, как сжигание крупных партий китайской обуви в Испании, поджог и разграбление китайских лавок на Соломоновых Островах и в Восточном Тиморе, где лиц китайской национальности пришлось эвакуировать из опасных мест. В 2006 г. жители королевства Тонга, возмущенные тем, что китайские предприниматели привезли рабочих из Китая вместо того, чтобы набрать из местного населения, разграбили и сожгли более 30 магазинов, принадлежащих китайцам¹⁷⁸. В Мадриде «полицейские избili и ограбили китайских торговцев», в Италии был наложен арест на китайские товары стоимостью в десятки миллионов евро, по

требованию местных жителей власти Милана приняли решение о выселении китайских торговцев из района их проживания¹⁷⁹. Подверглись конфискации китайские товары в Бразилии¹⁸⁰.

«Пересечение и столкновение интересов» в Пекине считают «главным противоречием» в отношениях между китайским меньшинством и его окружением, подразумевая под интересами, насколько можно понять, экономические интересы коммерсантов, вступающих в конкурентную борьбу друг с другом. С этим тезисом трудно не согласиться: для местных предпринимателей китайцы выступают как непобедимые конкуренты, сильные дешевой своих товаров, умением торговать, взаимной поддержкой. По мере роста китайской общины в данном месте у коренных жителей возникает ощущение — неважно, справедливое или нет, — что китайцы ведут наступление: монополизируют рынки, становятся хозяевами в каком-то квартале и т. п.

При более широком анализе проблемы высвечиваются и другие ее аспекты: национальные, социальные и даже политические, разумеется, переплетенные друг с другом. В 1998 г. известные события в Индонезии, изначально вызванные падением рупии и взлетом цен, затем обратились в погромы, насилия и убийства, жертвами которых стали китайские коммерсанты и их семьи, превращенные, таким образом, в козлов отпущения. Впоследствии выяснилось, что за кулисами действий толпы стояли военные¹⁸¹. Здесь мы имеем яркий пример того, как социально-экономические причины под воздействием политических сил пробуждают агрессивный национализм, который, в свою очередь, выливается в межнациональные конфликты.

Проблема, однако, не в одних только вспышках насилия, не таких уж частых. Гармоничному повседневному сосуществованию зарубежных китайцев с местным населением мешают все те причины, о которых мы говорили выше, начиная с национального высокомерия, дискриминации китайского меньшинства, но в будничной, «вялотекущей» форме. Даже в такой многонациональной стране с высокой культурой, как США, по данным опросов, 68 % респондентов относятся в той или иной мере негативно к проживающим там китайцам, хотя отмечают у них целый ряд положительных черт: они преданы семье (с этим согласен 91 % опрошенных), честно ведут себя в бизнесе (77 %), высоко ценят образование (67 %)¹⁸². Выше мы уже говорили о неравноправном положении китайцев в вопросах служебного роста и оплаты их труда.

С другой стороны, как отмечают сами китайские ответственные лица, граждане КНР подчас ведут себя за границей невежливо, развязно. На одном из брифингов в МИДе в 2007 г. приводился такой факт: незадолго до того в европейских ресторанах был проведен опрос относительно культуры поведения клиентов. В итоговом списке китайские посетители заняли 3-е место с конца, тогда как 1-е досталось японцам. Некоторые коммерсанты, попав в Африку, смотрят свысока на местных жителей, считают их тупыми людьми, которых не грех и обмануть¹⁸³.

Как действовать в таких условиях? Как продвигаться к гармоничному сотрудничеству? Рекомендации, которые дает китайское правительство своим заморским соотечественникам, могут показаться элементарными, но от этого они не становятся менее значимыми. Они касаются как раз тех факторов, на которых пробуксовывают межнациональные отношения и которые, кстати сказать, дают о себе знать и в современном российском обществе.

Прежде всего, не следует терять чувства собственного достоинства. Китайцам есть, чем гордиться: и небывалым возвышением Китая, и впечатляющими достижениями стремительно растущей зарубежной китайской общины, и ее вкладом в развитие стран проживания. Компактные поселения китайцев появились уже, помимо Юго-Восточной Азии, в Северной Америке, Западной Европе, Бразилии, Австралии, Японии и других странах и регионах. Китайцы давно уже переросли прежние примитивные профессии, освободили руки от «трех видов ножей» (портновских ножниц, бритвы парикмахера и поварского ножа) и завоевывают все новые позиции в коммерции, промышленности, операциях с недвижимостью, в области финансов. Среди них немало талантливых людей — менеджеров, ученых.

Но этого мало. «Широкие слои этнических китайцев (*хуажэнь*) постепенно отходят от аполитичности, осознают себя гражданами стран проживания, участниками их политической жизни. Растут ряды зарубежных китайцев, обладающих политическим влиянием, экономической силой, профессиональным творческим потенциалом. Они — важная сила социально-экономического развития стран проживания, а равно важное связующее звено в укреплении сотрудничества Китая с другими государствами мира»¹⁸⁴.

Действительно, участие китайского меньшинства в политической жизни ряда стран проживания становится все более за-

метным. Показательно, что в 2006 г. премьер-министр Канады Стефен Харпер принес официальные извинения китайским канадцам за установленный в 1885 г. подушный налог на их предков и за Закон о высылке китайцев, принятый в 1923 г. Несколько ранее, во время подготовки к федеральным выборам, Харпер пообещал сделать это, рассчитывая получить таким образом голоса избирателей китайского происхождения¹⁸⁵. В США некоторые этнические китайцы делают успешную политическую карьеру, поднимаясь до губернаторского кресла и до постов в правительстве.

Что же касается зарубежных китайских сограждан (*цяобао*), то им рекомендуется с уважением относиться к обществу, в котором они живут, соблюдать законы страны проживания, уважать местные общественные и национальные обычаи, беречь природу, не ущемлять интересы людей других национальностей». Нужно шире смотреть на жизнь, не замыкаться в китайских кварталах, не отгораживаться от общества, в котором они находятся, а, наоборот, приобщаться к его жизни, углублять взаимопонимание сторон. Хороший способ «выйти в люди» — активно участвовать в работе общественных организаций по месту жительства (так называемых *шэцзюй*)¹⁸⁶.

Следует использовать возможности ассоциаций (*шэтуань*) для создания образа Китая, распространения китайской культуры¹⁸⁷. Этому должно способствовать создание в разных странах при поддержке китайских диаспор Центров Конфуция — очагов распространения китайской культуры и языка. К концу 2006 г. в 46 странах было организовано 108 таких центров¹⁸⁸. На Всемирном форуме зарубежных китайцев в Пекине в 2008 г. отмечалось: «китайские общины — это самые активные, самые горячие сеятели выдающейся китайской культуры, их вклад в укрепление «мягкой силы» Китая нельзя недооценивать»¹⁸⁹.

Еще одна рекомендация: «пресекать в своей среде действия, порочащие высокую репутацию зарубежных соотечественников, наносящие ущерб их образу»¹⁹⁰. Китайская сторона готова рассматривать на государственном уровне вопросы преступности среди зарубежных китайцев (согласно утверждениям филиппинской полиции, 70 % наркопреступлений в этой стране связаны с китайцами), но одновременно поднимает и проблему личной безопасности китайских студентов и рабочих¹⁹¹.

Что же касается противоречий, вытекающих из столкновения экономических интересов, то принципиальный подход ки-

тайской общины здесь должен быть таким: «Разрешать их еще в зародышевой стадии, а в случае их обострения защищать свои права в соответствии с законом, посредством разбора конкретных обстоятельств, хладнокровно, ни в кое случае не допуская, чтобы трения углублялись, приобретали расистский характер и выходили на уровень межгосударственных отношений»¹⁹². Наилучший вариант — «дружеские консультации». Но бездействовать нельзя ни в коем случае: «Если в ответ на негативное наступление молчать, то будут рады лишь те, кто считает, что китаец заботится только о себе и не вмешивается в чужие дела»¹⁹³.

Сказанное ни в коем случае не означает, что китайское правительство намерено хоть в какой-то мере сбросить с себя заботу об урегулировании острых ситуаций, коль скоро они возникнут. «Мы будем, — заявляют руководители Канцелярии Госсовета по делам зарубежных китайцев, — в сотрудничестве с МИДом, посольствами и консульствами использовать все наши политические, экономические, дипломатические и иные возможности и преимущества, чтобы активно побуждать правительства стран, где проживают наши соотечественники, к созданию условий, благоприятных для их жизни и развития. Необходимо создать полноценную систему консульской защиты, разработать совокупность мер предупреждения и реагирования, повысить способность ответов на конфликтные ситуации, всеми силами защищать коренные интересы наших соотечественников»¹⁹⁴.

В 2007 г. на базе одного из подразделений МИД КНР был создан специальный Центр консульской защиты, призванный работать в соответствии с принципами государственной идеологии: «в основе всего — человек» и «политика служит народу». С точки зрения МИДа, случаи, требующие консульского вмешательства, можно классифицировать следующим образом: конфликты, ведущие к эвакуации китайских граждан; террористические акты, в том числе похищения китайских граждан; экономические трения; непредвиденные инциденты (природные катаклизмы и транспортные аварии); нарушения законов китайскими гражданами. 80 % всех случаев такого рода приходится на две последние категории. В связи с постоянным увеличением количества выездов граждан КНР за границу возрастает и число инцидентов. В 2006 г. при общей сумме выездов 34 520 тыс. человек консульская защита потребовалась в 3100 случаях. Большинство инцидентов приходится на сопредельные с Китаем страны: государства ЮВА, Бирму, Россию¹⁹⁵.

Обобщая результаты анализа проблемы, китайские ученые справедливо подчеркивают: «Непрерывно возрастающая мощь Китая дает ему новые возможности, новый опыт и международное влияние для обеспечения более полной и тщательной защиты своих зарубежных сограждан»¹⁹⁶. Представляется, что позиция Пекина в ее сегодняшнем виде содержит не только констатацию этого обстоятельства, но и предупреждение: он хочет, чтобы отношение к китайским гражданам, где бы они ни проживали, строилось с учетом изменившихся реалий.

На практике весомая, тщательно продуманная формула, касающаяся защиты хуацяо, позволяет Пекину действовать достаточно гибко, оказывать давление на противоположную сторону в конфликте, не обостряя при этом межгосударственные отношения. Подобная тактика была несколько раз испробована в России, где, к сожалению, между российскими властями и китайскими мигрантами уже возникали неприятные конфликты (см. гл. 2). В подобных случаях китайские представители неизменно выступали на защиту интересов своих сограждан, но при этом проявляли выдержку и гибкость, стремились локализовать конфликт и демонстрировали готовность урегулировать его постепенно, путем тщательного изучения и обсуждения вопроса, не нанося ущерба развитию двусторонних отношений.

Однако Пекин не идет ни на какие уступки, если считает, что инцидент носит не экономический или правовой характер, а затрагивает честь нации или государства. Даже мелкие, казалось бы, случаи вызывают с его стороны демонстративно жесткую реакцию, гневную отповедь с использованием тяжелой политической терминологии. В 2006 г. в студенческом журнале новозеландского Университета Виктории был опубликован материал, автор которого призывал проявлять осторожность в отношении «пяти существ», среди которых фигурировал и китаец. Дальше события развивались следующим образом. Редактор журнала объявил публикацию неудачной шуткой. Ассоциация китайских студентов в Новой Зеландии, организация китайских жителей и посольство КНР заявили решительный протест, расценив публикацию как проявление расизма. Китайские студенты выразили намерение коллективно покинуть университет. Редактору пришлось многократно приносить публичные извинения. Но конфликт был улажен только после встречи ректора университета с представителями Министерства образования КНР¹⁹⁷.

Итак, китайские руководители стремятся к гармонизации отношений между диаспорой и ее окружением, что предполагает самоуважение сторон и их взаимное уважение в противовес национальному высокомерию и расизму; равноправное сотрудничество в противовес дискриминации; углубление взаимопонимания; урегулирование споров прагматически, вне сферы межгосударственных отношений; наконец, бескомпромиссное отношение к посягательствам на национальное и государственное достоинство.

Китайская диаспора и «китайская угроза»

На рубеже XIX—XX вв., когда КНР превратилась в одно из самых могучих и быстро развивающихся государств мира, ее связи с диаспорой приобрели небывалый размах и возникла идея формирования «Большого Китая», для недоверчивого отношения к китайским диаспорам в ЮВА появился новый мотив, вызванный прежде всего их широкой инвестиционной деятельностью на земле предков. Мало того, что своими инвестициями члены диаспоры вольно или невольно помогают Китаю наращивать силу. Если посмотреть на дело с другой стороны, для государств их проживания это означает утечку капитала. В результате «некоторые государства выражают озабоченность относительно лояльности этнических китайцев, уводящих капитал в свои деревни и уезды в Китае, в то время как страна, в которой создано их благосостояние, остается в сфере инвестиционного голода»¹⁹⁸.

По-видимому, именно настроения такого рода побуждают Пекин уклоняться от публикации объемов инвестиций, притекающих из диаспор. Сами китайские ученые отмечают: «Вследствие деликатности ряда международных вопросов материковый Китай не считает целесообразным давать свои оценки объема экономики зарубежных китайцев. Сянган, Тайвань и Аомэнь также не спешат внести ясность. В странах, где китайские эмигранты составляют национальное меньшинство, такие оценки легко могут привести к обострению межнациональных противоречий и нанести вред китайским эмигрантам»¹⁹⁹.

Позиция государств, не желающих мириться с утечкой капитала, и служит, очевидно, главным тормозом, препятствующим его вывозу. Поскольку над выходцами из Китая и их потомками постоянно довлеет опасение быть обвиненными в пропекинских

настроениях и действиях, они вынуждены вести себя в отношениях с этнической родиной с неизменной осторожностью, подчеркивая: то, чем они занимаются, — это чистый бизнес, не имеющий ничего общего с идеей «Большого Китая». Чтобы не давать пищу для подозрений, они нередко «делают все возможное, чтобы продемонстрировать уважение в первую очередь к пожеланиям местных правительств»²⁰⁰.

Линию, которой следует придерживаться членам китайской диаспоры, четко обрисовал известный политический деятель Ли Куан Ю, экс-премьера Сингапура, этнический китаец по происхождению. Позволим себе привести пространную цитату из его выступления на 2-й Всемирной конвенции китайских предпринимателей в 1993 г.: «Мы — этнические китайцы. У всех нас есть некоторые черты, определяющие общность предков и культуры. Мы легко устанавливаем доверие и связи между собой. Но мы должны быть честными и признать, что, в конце концов, наша лояльность по сути своей принадлежит стране, где мы живем, а не Китаю. Думать по-иному — что у нас больше общего друг с другом и со страной наших предков, чем с нашими согражданами в стране проживания, — было бы нереалистично. Будет печально, если наши интересы разойдутся. Более того, это вызовет непонимание и трения с теми нашими согражданами, которые не являются этническими китайцами, даже в тех странах, где этнические китайцы составляют большинство, как в Сингапуре»²⁰¹.

Далее Ли Куан Ю предостерегает: «Добившись успеха, заморские этнические китайцы не должны впадать в китайский шовинизм. Это тем более важно, что Китай становится процветающим и сильным. Успехи Китая могут посеять страх, что он станет доминировать в регионе, особенно если его будут рассматривать как соперника в борьбе за инвестиции, а не партнера в региональном процветании».

Для сглаживания проблемы инвестиций Ли Куан Ю выдвигает предпринимателям из этнических китайцев ряд оригинальных предложений: позаботиться о том, чтобы их капиталовложения в их собственные страны не сокращались в результате инвестирования в Китай, а также использовать свои связи в Китае, чтобы расширить его торговлю с их странами и инвестиции в них. Китай же, со своей стороны, может использовать связи с диаспорой и получить отдачу от своих капиталов, вложив их в Индонезию, Малайзию или Таиланд — страны с богатыми энер-

горесурсами и дешевой рабочей силой. Надо полагать, приведенные выше высказывания Ли Куан Ю в значительной мере отражают позиции правительств не только Сингапура, но и других стран ЮВА. Пока еще проблема перекачки капитала не приобрела особой остроты и не встала в повестку дня в диалоге Китая со странами региона, однако не исключено, что со временем она потребует практических решений.

Дело, однако, не только в инвестициях.

С мыслями Ли Куан Ю перекликаются рассуждения китайских ученых, признающих, что китайские эмигранты новой волны отличаются высоким уровнем этнического самосознания. «Их национализм, как и космополитизм, со временем проявляется все более полно, — отмечает исследователь из Шанхайской академии наук У Цяньцзинь. — Национализм зарубежных китайцев, хотя и не является генеральным направлением движения зарубежного китайского сообщества, представляет собой заметную силу в международных отношениях»²⁰². Поскольку эмигранты становятся гражданами стран пребывания, здесь возникает потенциально опасное противоречие, которое может быть преодолено, как считает китайский ученый, только посредством «глубокого слияния» этнического национализма и гражданской лояльности. «Если слияние будет недостаточным, если оно приведет к межнациональным противоречиям и конфликтам — национализм зарубежных китайцев должен будет раствориться в национальном самосознании большинства и исчезнуть, иначе все закончится возвращением в страну предков». По мнению ученого, «решающим здесь является отношение государства к многозначной политической самоидентификации. Трансграничный национализм может развиваться, только если его не рассматривают как угрозу политической лояльности граждан по отношению к данному государству».

Но в государствах, принявших эмигрантов, как раз и возникают опасения, что новые финансовые связи в сочетании с игрой на этнических узах позволят Китаю втянуть диаспору в сферу своего экономического и политического влияния, использовать ее как инструмент для достижения своих целей. «Мы не просто обеспокоены, — делился своими чувствами один из высокопоставленных филиппинских чиновников, — мы испытываем священный трепет. Лет за 10 или около того Китай станет главным игроком в Азии, и мы рассматриваем зарубежных китайцев как неотъемлемую часть общего пакета»²⁰³.

Насколько обоснованы тревоги насчет превращения диаспоры в разносчика «китайской угрозы»? Нам представляется, что на данный момент они опровергаются рядом серьезных аргументов.

Достаточно уже того, что сами диаспоры абсолютно не жаждут превращаться в чей бы то ни было «инструмент». Так или иначе они интегрированы в местные общества. Весь ход их жизни зависит от стабильного функционирования этих обществ, и ломать устоявшийся уклад, подчиняясь какому-то влиянию извне, явно не отвечает их коренным, жизненным интересам. Да, они инвестируют свои капиталы в экономику КНР, но в их развороте навстречу родине предков есть предел, за который они едва ли захотят. Это обстоятельство, кстати, наглядно выявилось во время «культурной революции», когда китайские диаспоры (за исключением небольшого числа индоктринированных коммунистическими идеями лиц в Индонезии) не поддержали проповедуемую Пекином идею восстания «мировой деревни» против «мирового города».

Дальше естественно задаться вопросами: может ли экономический потенциал китайской диаспоры в странах ЮВА трансформироваться в политическую силу? Если да — то может ли этот процесс, в конце концов, привести к установлению контроля диаспоры над тем или иным государством? Ведь уже сегодня наиболее крупные фигуры из верхнего слоя китайской диаспоры награждаются такими прозвищами, как «Властелины кольца» (имея в виду Тихоокеанское кольцо), «Новые азиатские императоры»²⁰⁴ и т. д. События несколько иного плана, такие, как «дело Ли Вэньхэ», американца китайского происхождения, обвиненного в 1999 г. в США в хищении военно-технических секретов, дают добавочную пищу для предположений, что китайцы за рубежом могут действовать по заданиям Пекина.

Тем не менее и на эти вопросы должен быть дан отрицательный ответ.

Во-первых, экономическая мощь китайцев в странах ЮВА (за исключениями, о которых мы говорили выше) не мешает им оставаться чужеродным национальным меньшинством, не вполне полноценной частью общества. Богатство верхнего слоя диаспор не облегчает интеграцию эмигрантов в местные общества, не дает им иммунитета от дискриминации и даже не избавляет от опасности стать козлами отпущения, если власти необходимо будет отвлечь внимание населения от фактов своей

коррупционности и некомпетентности. Оно не становится и оружием борьбы за равноправие, вообще, политической борьбы, поскольку китайские диаспоры такой борьбы избегают, не желая нарушать равновесие, установившееся в их отношениях с местным населением. По образному выражению одного из китайских ученых, экономическая мощь китайской диаспоры остается «богатством евнуха».

Ученые КНР вежливо, но решительно отвергают появляющиеся в западной литературе гипотезы относительно грядущей, пусть и в далеком будущем, «угрозы», проистекающей из увеличения экономического веса китайской диаспоры. Истолкование в подобном ключе цифр, свидетельствующих о финансовой мощи диаспоры, о наличии большого процента этнических китайцев в списке азиатских сверхбогачей — это, с точки зрения китайских ученых, одностороннее, искаженное изображение диаспоры, «способное лишь спровоцировать антикитайские настроения среди азиатских этносов, особенно в молодых государствах ЮВА»²⁰⁵.

Кажется, единственный, достаточно скромный ответ на дискриминацию и неприязнь, который могут себе позволить нынешние поколения китайских эмигрантов, — это пропагандистско-просветительская работа, направленная на создание вокруг диаспор атмосферы толерантности и одновременно на воспитание в их членах чувства достоинства, гордости за принадлежность к великой китайской нации. В качестве примера можно сослаться на организацию с громким названием «World Huaren Federation» (Всемирная федерация этнических китайцев, создана в 1998 г., базируется в США и Австралии), выпускающую на своем веб-сайте <http://www.huaren.org> интернет-журнал E-magazine For the Globe Chinese Community. Организация ставит своей целью содействие процветанию зарубежных китайцев, борьбу за их признание, за равноправное отношение к ним, преодоление негативных стереотипов, воспитание у представителей китайской общины самоуважения, чувства собственного достоинства.

Во-вторых, местные общества крайне неохотно принимают представителей китайских диаспор (за редкими исключениями) в качестве участников властных структур, и деятельность этнических китайцев, как правило, ограничивается сферой бизнеса.

В-третьих, представление о сплоченности китайской диаспоры в той или иной стране в единый организм на поверку оказывается чрезвычайно упрощенными. Правильнее было бы гово-

речь о существовании в диаспоре многочисленных групп с более или менее тесной внутренней спайкой, соперничающих друг с другом. Не случайно вышеупомянутая Всемирная федерация этнических китайцев формулирует свою задачу как «примирение между различными группами китайцев, а также между китайцами и не-китайцами». Известны многочисленные истории о богатых китайских магнатах, неспособных договориться между собой о совместном решении политических или деловых проблем. Тем более не приходится говорить о политической активности «новых азиатских императоров» на международном уровне: никаких солидарных выступлений за национальное равноправие с их стороны не наблюдается.

«Деятельность этнических китайцев протекает в мире бизнеса, и здесь расхождения в интересах разделяют их в большей мере, чем объединяет принадлежность к китайской нации, — отмечает авторитетный австралийский ученый Дэвид Гудмэн и делает вывод: — помимо основы, нередко чрезвычайно смутной, в виде общности предков, мало что объединяет китайцев региона, и концепция сообщества этнических китайцев в Восточной и Юго-Восточной Азии при ближайшем рассмотрении рассыпается»²⁰⁶.

Наконец, посвятив себя исключительно коммерции, китайская эмиграция, включая ее верхний слой, оказывается заведомо далека от того, чтобы посвятить себя грандиозной цели — содействовать возвышению этнической родины, хотя охотно гордится ее успехами. Показательно в этом смысле заключение, к которому пришел один из авторов, исследуя свойственные новым мигрантам широкие связи с недавно оставленной ими родной землей: их «национализм» уравнивается их же «транснационализмом», т. е. освоением нового жизненного пространства, вследствие чего «маловероятно, что возникнет единая идеология или движение с централизованным руководством»²⁰⁷.

Вообще, китайские эмигранты «если и идут в политику, то только из соображений выгоды, а не из идейных соображений, связанных с их китайским происхождением»²⁰⁸.

В таких условиях превращение диаспоры в проводника интересов Пекина представляется невозможным.

Однако такое положение дел вполне устраивает Пекин, заинтересованный, прежде всего, в сохранении политической стабильности на окружающем его пространстве, в продолжении экономической активности диаспор и гармонизации их взаимо-

отношений с местными властями. Поэтому его «диаспоральная» линия носит консервативно-охранительный характер. При этом в его идеолого-пропагандистской позиции начисто отсутствуют малейшие намеки на политический характер связей материка и диаспоры сегодня или в перспективе, на потенциал диаспоры как политической силы и т. п. В этом смысле можно сказать, что позиция Пекина в области отношений с диаспорой полностью деполитизирована.

Втягивая в свою экономику в массовых масштабах капитал зарубежных китайцев, подняв на небывалую высоту торговое и инвестиционное сотрудничество с Тайванем, вернув Сянган, слившийся в единое экономическое целое с прилегающими районами провинции Гуандун, Пекин подчеркнуто игнорирует разговоры о «Большом Китае», который ассоциируется в международном общественном мнении с вовлечением диаспоры в политику КНР. Благодаря этому ажиотаж вокруг идеи «Большого Китая», возникший было в первой половине 1990-х годов, затем сам собой сошел на нет.

Важно отметить, что во избежание неразберихи и разного рода конфликтов Китай в своем законодательстве еще в 1950-е годы провел ясную границу между гражданами КНР и гражданами других государств, четко обозначив свою обязанность защищать интересы собственных граждан и вместе с тем выразив готовность соблюдать интересы граждан других государств. Действующий в настоящее время Закон о гражданстве КНР от 10 сентября 1980 г., основанный как на принципе крови, так и на принципе почвы, содержит следующие положения:

«Ст. 3. Китайская Народная Республика не признает двойное гражданство своих граждан.

Ст. 4. Человек, оба родителя или один родитель которого являются гражданами Китая и который родился на территории Китая, обладает китайским гражданством.

Ст. 5. Если оба родителя или один родитель являются гражданами Китая, то человек, родившийся вне Китая, обладает китайским гражданством. Но если гражданином Китая является только один из родителей, постоянно проживающий вне Китая, то новорожденный обладает иностранным гражданством и не обладает китайским гражданством.

Ст. 6. Если родители, не имеющие гражданства или с неясным гражданством постоянно проживают в Китае, то их ребенок, родившийся в Китае, обладает китайским гражданством».

Другие статьи Закона подтверждают ст. 3: человек, получивший китайское гражданство, лишается иностранного гражданства, а получивший иностранное гражданство — лишается китайского.

Это относится и к *хуацяо*. Китайское правительство одобряет и поддерживает добровольное принятие эмигрантами-*хуацяо* гражданства страны пребывания, выказывая при этом в их адрес ряд требований и пожеланий. В материалах китайской консульской службы подчеркивается: «Добровольно принявший гражданство другой страны является иностранным гражданином, он должен пользоваться всеми правами и исполнять все обязанности гражданина данной страны. Однако, теряя китайское гражданство, *хуацяо* вместе с тем «сохраняет родственную связь с китайским народом».

Если же *хуацяо* остается китайским гражданином, то правительство Китая обязывает его «соблюдать законы и обычаи страны проживания, жить в дружбе с местным населением, вносить вклад в развитие экономики страны проживания».

Инструкции прямо определяют границы деятельности китайских консульств. Так, они не могут вмешиваться в ход судебного процесса и помогать находящемуся под судом китайскому гражданину уйти от ответственности за преступление; не могут добиваться для него особо благоприятных условий содержания под стражей; не могут оплачивать его расходы на адвокатов, на проживание, лечение, транспортные расходы и ресторанные счета; не могут помогать ему получить документы, дающие право на работу или на длительное проживание в данном государстве; не могут укрывать его на территории посольства или консульства.

Что же касается лиц китайского происхождения с иностранным гражданством («*вай цзи хуажэнь*»), то их права и интересы охраняются законами их государств. В Китае они могут действовать на правах иностранных предпринимателей и в этом качестве пользуются защитой соответствующих законов КНР. Вместе с тем установки для консульской работы гласят: «Поскольку многие иностранцы китайского происхождения имеют в стране родственников, мы рассматриваем их как родных нам людей, охраняем и развиваем их родственные, близкие связи с нашей страной». На территории Китая в предпринимательской сфере на иностранцев китайского происхождения фактически распространяются многие важнейшие права, предоставляемые эмигрантам-гражданам (*хуацяо*).

Китайское гражданское законодательство подчеркивает, таким образом, что правительство КНР не имеет никаких претензий на власть над этническими китайцами, не являющихся гражданами КНР, и лишь рассматривает их, в силу культурных и родственных связей, как «персона грата».

Главное же средство, с помощью которого китайские руководители стремятся развеять опасения относительно «китайской угрозы», едино для всех ее мыслимых видов — экономической, военной, демографической, диаспоральной и т. д. Это универсальное средство — утверждение в международном общественном мнении образа миролюбивой и ответственной державы, строго придерживающейся правил цивилизованного поведения.

Заключение

1. История китайцев в России — это небольшая, но примечательная частица истории самой России. В Российской империи китайская община сыграла заметную роль в развитии Дальневосточного края. Но тогда же гигантская разница между численностью населения по эту и ту стороны российско-китайской границы, естественная закрытость китайской общины породили синдром «китайской угрозы» и политику ограничения китайского присутствия на российской территории.

В период Октябрьской революции и гражданской войны десятки тысяч китайцев сражались на стороне советской власти, движимые смешанными мотивами, от простой необходимости выжить до стремления осуществить светлые идеалы человечества. Советская власть принимала деятельное участие в судьбе «российских» китайцев.

В последующие годы китайское меньшинство вместе со всеми другими народами страны участвовало в строительстве нового общества, прошло через НЭП, индустриализацию, коллективизацию. В 30-е годы китайцы, как и корейцы, были репатриированы с Дальнего Востока, затем их становилось все меньше и в 80-е годы XX в. осталось немногим более 10 тыс. человек, большинство из которых считали своим родным языком русский. Однако на рубеже 1980—1990-х годов, одновременно с радикальным обновлением советско/российско-китайских отношений, трудовая миграция из Китая обрела второе дыхание.

2.1. Нынешний состав китайской общины отличается, как и прежний, высокой текучестью, но вместе с тем по ряду характеристик приближается к понятию диаспоры. Высокая степень внутренней структурированности, наличие ядра («долгожителей»), обеспечивающего непрерывную передачу опыта новичкам, и безусловное сохранение самобытности дают основание назвать совокупность китайских мигрантов «квазидиаспорой».

Правильный ответ на популярный вопрос о численности китайской общины нам кажется таким: традиционная экспертная оценка ее объема в 400—500 тыс. человек должна включать в себя и ее легальную, и нелегальную части. Квазидиаспору составляют представители различных социальных групп китайского населения, от руководителей государственных учреждений низшего звена до крестьян и студентов. В отличие от дореволюционных времен, когда китайские мигранты направлялись в Россию, спасаясь от безработицы, ныне эту цель преследует примерно половина приезжих из КНР, тогда как другая половина ищет более высокие заработки.

Хотя система отношений внутри китайской общины обладает достаточной стабильностью, представление о ее членах как о послушных «винтиках» управляемой извне невидимой машины не выглядит убедительным.

2.2. Лицо китайской общины определяют в первую очередь мелкие и средние коммерсанты, рабочих в ней на порядок меньше, студентов также меньше порядок. Китайские предприниматели занимают видное место среди иностранцев на российских рынках. Главные препятствия, осложняющие жизнь китайских предпринимателей в России, — те же, что и у их российских коллег: вымогательство и взяточничество, высокие налоги и арендная плата, большие экономические риски. Для китайцев к этому списку добавляются частые проявления агрессивной мигрантофобии. Тем не менее, исходя из экономических соображений, большинство мигрантов готово продолжать работу в России (а часть — даже постоянно жить в ней) и не возражает, чтобы их дети пошли по стопам родителей. Заметим, что, судя по многим свидетельствам, средний заработок китайского коммерсанта укладывается в те же рамки, что и доход российского.

С другой стороны, как показывает опыт, российский потребитель на данном этапе не может обойтись без китайских коммерсантов с их товарами. Заявления, будто бы китайцы вытесняют россиян с рынка китайских товаров, за редкими исключениями не подтверждаются фактами. Однако на местных рынках, там, где речь идет и конкуренции между товарами отечественного и китайского производства (например, продовольствия на Дальнем Востоке), российская продукция оказывается в невыгодном положении, чему способствует пассивность российских административных структур, особенно неприглядная на фоне энергичной поддержки своих производителей властями КНР.

2.3. Китайские рабочие трудятся в России на контрактной основе, более половины — в строительстве, в том числе на уникальных «стройках века»; подавляющее большинство остальных — в сельском хозяйстве и лесной промышленности. Главная сфера применения их труда — работа, не требующая высокой квалификации, что соответствует реальным возможностям китайских рекрутинговых компаний.

Китайская сторона самым серьезным образом заинтересована в экспорте трудовых ресурсов и стремится к увеличению его масштабов, гарантируя своевременное возвращение рабочих на родину по окончании контрактов. Предполагаемое расширение объемов строительных работ в России, будь то обычное жилищное строительство или крупные промышленные проекты, будет сопровождаться, по всей видимости, и более широким использованием китайской рабочей силы.

Наилучшим образом зарекомендовали себя на Дальнем Востоке китайские сельскохозяйственные рабочие. Однако попытки сдать им в аренду на несколько десятилетий сельскохозяйственные угодья, хотя бы и пустующие, наталкиваются на активное сопротивление со стороны местного населения, считающего, что для подъема сельского хозяйства правительство должно использовать внутренние резервы.

2.4. У китайских студентов обучение в вузах России считается менее престижным, чем учеба в странах Запада, однако и на российские дипломы есть свой спрос, обусловленный интенсивным экономическим сотрудничеством двух стран. Дополнительными стимулами служат относительная дешевизна получения образования в нашей стране и возможность не сдавать вступительные экзамены по русскому языку.

Китайские студенты не жалуются на отношение к себе со стороны российских однокашников и лишь слегка недовольны администрацией вузов, однако за этими пределами они погружаются в атмосферу ксенофобии. Тем не менее большинство студентов готово связать свою будущую карьеру с работой в России — но не в качестве сотрудников российских организаций. Не будучи заинтересованы в том, чтобы интегрироваться в российское общество (в отличие, скажем, от американского), они не слишком энергично преодолевают языковой барьер, отделяющий их от окружения, чему, к сожалению, способствует и малое число российских студентов, находящихся рядом с ними в учебных группах и в комнатах общежитий. Бесспорно, здесь есть

и доля ответственности российской стороны, проявляющей, похоже, меньший энтузиазм в расширении двустороннего образовательного сотрудничества, чем Китай.

2.5. Китайский туризм (на групповой основе, безвизовый), согласно общему мнению, далеко не соответствует по своему объему российскому туристическому потенциалу, что объясняется слабостью туристической инфраструктуры и низким качеством обслуживания, а также мерами, принятыми в последнее время против распространенной среди туристов из КНР незаконной торговли на российских рынках. Сокращению числа туров в Россию способствует и борьба китайских властей с игорным и секс-туризмом.

2.6. Нарушения мигрантами, в том числе китайскими, правопорядка — большой вопрос, один из источников российской ксенофобии, тема для внутривластных спекуляций, в силу всего этого требующая объективного исследования.

Власти двух стран в тесном сотрудничестве друг с другом ведут энергичную борьбу с трансграничной преступностью, такой, как незаконное пересечение границы, контрабанда, наркотрафик. Благодаря их совместным усилиям незаконный въезд в Россию практически прекращен. В то же время процветает «серая растаможка» — полуполюгальный ввоз груза российскими брокерскими компаниями, наносящий серьезный ущерб государству и создающий риск конфискации товаров для китайского коммерсанта. Правительство КНР выступает категорически против «серых» схем растаможки, однако очевидно, что корень зла таится в российской почве.

Последнее касается и других распространенных видов отступлений от закона, совершаемых китайскими мигрантами. Это, во-первых, нарушение правил пребывания (проживания) и занятий трудовой деятельностью — все то, что превращает законопослушного мигранта в нелегального; во-вторых, незаконная хозяйственная деятельность: нелегальное предпринимательство, уклонение от уплаты налогов, вывод денежных средств за рубеж через подпольные банки, скупка природных богатств за «черный» нал, браконьерство и т. п. Не снимая вины с правонарушителей-китайцев, необходимо четко понимать, что зачастую российские экономические и административные механизмы не просто позволяют, а провоцируют и вынуждают мигранта действовать вразрез с положениями закона. На Дальнем Востоке вокруг вырубки и экспорта леса сложились идеальные условия для

деятельности «взаимодополняющей» международной преступности.

Правительство КНР, исходя из стратегической задачи долгосрочного присутствия на российском рынке, рекомендует своим предпринимателям скрупулезно соблюдать все российские законы. Однако в первую очередь борьба с нарушениями правопорядка мигрантами — это наша работа, которая может быть успешной только в контексте качественного улучшения всей системы управления обществом.

2.7. Переживаемый страной кризис отодвинул на время проблему депопуляции и дефицита рабочих рук, а с нею и план компенсации убыли населения с помощью миллионов переселенцев из других стран, как один из вариантов — из КНР. Однако процесс вымирания страны продолжается, и потому анализ идеи массовой компенсаторной иммиграции остается актуальным.

Чтобы форсированный «вброс» извне инокультурной человеческой массы не привел к разрушительным последствиям, авторы идеи предлагают организовать «переработку» новых граждан — их обучение, вовлечение в российский культурный универсум и т. д. С нашей точки зрения, в настоящий период времени «переработка» не может быть успешной, поскольку российское общество не обладает необходимыми качествами «плавильного котла» и по мере своего количественного сокращения будет их все больше терять.

2.8. Как показывают результаты проведенного нами социологического исследования, во многом совпадающие с итогами других опросов, большинство россиян вполне одобрительно оценивает развитие российско-китайских отношений и рассматривает КНР как важнейшего партнера России. Вместе с тем большинство же выражает серьезную озабоченность по поводу возможного преобладания китайского влияния на российском Дальнем Востоке, способного проявиться, скорее всего, в виде «демографической экспансии». Популярностью пользуются даже различные конспирологические сценарии. Анализ показывает, что главной причиной тревожного настроения не может быть влияние Запада, прозападных политиков, заинтересованных ведомств или безответственных СМИ — дело, прежде всего, в раскладе геополитических сил и ресурсов, в распространенном мнении о неспособности российской власти держать под контролем ситуацию на восточной окраине страны.

В большинстве своем россияне отрицательно относятся к идее переселения к нам значительного количества китайцев и предъявляют к китайским мигрантам целый спектр претензий, отчасти обоснованных (теневая экономическая деятельность, являющаяся, однако, продолжением теневой части отечественной экономики), отчасти — совершенно несправедливых. В целом на отношении к мигрантам из КНР сказывается развившаяся в обществе ксенофобия, спровоцированная его дезориентацией в условиях коренной ломки сложившихся представлений. Вместе с тем в подходе россиян к мигрантам из КНР наличествует и принципиально важный конструктивный потенциал, пока еще далеко не раскрытый до конца. Это — растущее осознание полезности труда мигрантов; готовность принимать временных трудовых мигрантов на разумных условиях четкого регулирования их деятельности; понимание того обстоятельства, что введение их поведения в рамки закона — это задача прежде всего самой российской стороны.

3.1. Проводимая правительством КНР политика планирования семьи привела к замедлению прироста населения и сокращению доли младших возрастных групп. В то же время повышение жизненного уровня имеет своим следствием удлинение продолжительности жизни, старение населения, а также абсолютное и относительное увеличение численности населения в трудоспособном возрасте. Внутри же этой группы увеличивается доля старших возрастов, тогда как население более молодых возрастов, наиболее мобильное и способное к эмиграции, сокращается. В ближайшие годы эти тенденции сохранятся, однако в долгосрочной перспективе страну, по-видимому, ожидает сокращение экономически активного населения и даже дефицит трудовых ресурсов. Пока избыток рабочей силы сохраняется, правительство КНР предпринимает самые серьезные усилия для ликвидации аграрного переселения, для увеличения занятости. Однако в обозримом будущем эмиграционный потенциал Китая останется более чем достаточным для того, чтобы удовлетворить любые потребности России в импорте рабочей силы.

3.2. Китай служит самым крупным в мире источником миграционных потоков. Массовая миграция из страны экономически полезна государству, и потому правительство проводит политику постепенной либерализации выезда за рубеж и развития

экспорта трудовых услуг. В противовес алармистским прогнозам некоторых западных экспертов, ученые КНР оценивают растущую китайскую миграцию «вовне» как закономерное явление, играющее конструктивную роль в международной экономике и имеющее полное право на существование даже в больших масштабах, чем сегодня.

3.3. Чтобы обеспечить страну высококвалифицированными кадрами, руководители КНР организуют и финансируют выезд молодежи на учебу в зарубежные вузы и поощряют обучение молодых людей за границей за собственный счет. Одновременно правительство проводит большую работу по возвращению дипломированных специалистов на родину, используя с этой целью систему производственных и бытовых льгот, а также пропаганду в национально-патриотическом духе. Россия в этой картине образовательной миграции стоит особняком: в силу ее малой привлекательности «утечка мозгов» в нее из Китая не имеет места.

3.4. Стремясь держать под контролем движение через границы и не допускать лишних трений с другими государствами, китайское правительство ведет энергичную борьбу с нелегальной эмиграцией, тесно сотрудничая с заинтересованными сторонами. Однако полностью остановить тайную миграцию в наиболее привлекательные страны пока не удастся. Российское направление в этом смысле принадлежит, по-видимому, к числу наиболее благополучных.

3.5. Совокупная китайская диаспора является самой многочисленной в мире. Руководители КНР рассматривают ее как важнейший резерв модернизации — источник инвестиций, современных технологий, предпринимательских и научно-преподавательских кадров, а Китай — как своего рода центр притяжения всех китайцев планеты. Они заботятся об укреплении связей китайских общин в разных странах с (этнической) родиной, о единении внутри общин, усилении духа взаимопомощи, создании и активизации общественных организаций. Это относится и к «квазидиаспоре» с российским адресом, которая содействует модернизации родины посредством финансовых поступлений и поставки сырьевых товаров.

3.6. Высокая конкурентоспособность китайских мигрантов — предпринимателей и рабочих вызывает в ряде случаев естественную негативную реакцию со стороны местного населения. Более того, в ряде соседних с КНР стран на фоне происходящего уси-

ления Китая на китайские диаспоры стали смотреть как на потенциальное орудие китайской экспансии, чему способствуют их закрытость и расхожие представления об их внутренней сплоченности. В КНР категорически отвергают тезис о якобы исходящей от диаспор «китайской угрозе» и выдвигают против него серию серьезных аргументов. Двойное гражданство китайским законодательством запрещено. Правительство КНР считает своей важнейшей задачей налаживание гармоничных отношений диаспор с местным населением. Оно призывает всех зарубежных китайцев вносить вклад в развитие стран проживания, способствовать укреплению дружбы народов этих стран с китайским народом, способствовать популяризации великой китайской культуры. Все это распространяется и на китайскую общину в России.

Между современной и дореволюционной ситуациями в сфере китайской иммиграции можно найти немало и различий, и сходных черт. Прежде в китайском труде основное место занимали чернорабочие, теперь — коммерсанты. В прошлом главным «толкателем» миграции в Россию была безработица, сегодня среди приезжих из Китая тех, кто не мог найти там работу, — меньше половины. До революции китайский труд играл заметную роль во многих сферах хозяйственной жизни: строительстве, промышленности, торговле, сельском хозяйстве, прибрежном морском транспорте. В наше время китайское присутствие ощутимо прежде всего в торговле.

С другой стороны, китайские рабочие и сейчас, как и до революции, отличаются трудолюбием, исполнительностью и скромностью запросов, коммерсанты из Китая по-прежнему организованы лучше наших и торгуют лучше. Правда, теперь зачастую убытки несет не российский предприниматель (свою личную выгоду продавец металла или леса не упустит), а российское государство. Вновь стали привычным явлением нарушения китайцами паспортно-визового режима. Главное же, что вернулось к нам после долгого перерыва, — это слабость российских экономических, политических и военных позиций на Дальнем Востоке. Именно отсюда проистекают и многие другие черты сходства настоящего с прошлым, в том числе и опасливое отношение к Китаю.

Между тем после выхода из кризиса и восстановления экономики миграция в Россию, в том числе и китайская, неизбежна.

но будет возрастать и играть все бóльшую роль в жизни страны. Проблема китайской миграции требует серьезного внимания со стороны государства, которое было бы в состоянии доброжелательно и вместе с тем твердо направлять ее деятельность в русло, отвечающее целям возрождения страны. Которое, в свою очередь, есть необходимое условие стабильного развития наших отношений с КНР в духе дружбы и добрососедства.

Примечания

Принятые сокращения

АВП РИ — Архив Внешней политики Российской Империи.

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации.

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политических исследований

РАН, ДВО, ИИАЭ — Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт истории, этнографии и археологии народов Дальнего Востока.

РАН, ИДВ — Российская академия наук, Институт Дальнего Востока.

ТАМИД — Тайбэй, Чжунъян яньцзююань, Цзиньдай ши яньцзюсо, вайцзяобу данань [Тайбэй, Академия Синика, Институт новой истории, архив министерства иностранных дел].

МИКРО-1 — Чжун Э гуаньси ши ляо. Э чжэнбянь юй ибань цзяошэ (и). Чжунхуа миньго лю нянь чжи ба нянь. Чжунъян яньцзююань, Цзиньдай ши яньцзюсо бянь [Материалы по истории китайско-российских отношений. 1917—1919. Политические перемены в России и общие дипломатические отношения (1) / сост. Институт новой истории, Академия Синика]. Тайбэй, 1960.

МИКРО-2 — то же, часть 2.

МИКРО, 1920 — Чжун Э гуаньси ши ляо. Ибань цзяошэ. Чжунхуа миньго цзю нянь. Чжунъян янюцзююань, Цзиньдай ши яньцзюсо бянь [Материалы по истории китайско-российских отношений. 1920. Общие дипломатические отношения / сост. Институт новой истории, Академия Синика]. Тайбэй, 1968.

МИКРО, 1921 — Чжун Э гуаньси ши ляо. Ибань цзяошэ. Чжунхуа миньго цзю нянь. Чжунъян янюцзююань, Цзиньдай ши яньцзюсо бянь [Материалы по истории китайско-российских отношений. 1921. Общие дипломатические отношения / сост. Институт новой истории, Академия Синика]. Тайбэй, 1973.

ПДВ — журнал «Проблемы Дальнего Востока».

Введение

¹ *Венюков М.И.* Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952.

² *Пржевальский Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае, 1867—1869. М., 1949.

³ *Крестовский В.* О положении и нуждах Южно-Уссурийского края. СПб., 1881.

⁴ *Назаров А.Ю.* Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Известия Восточного Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск, 1883. Т. 14. № 1—2.

⁵ *Надаров И.П.* Материалы к изучению Уссурийского края. Владивосток, 1886.

⁶ Обширный перечень работ см.: *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.). Омск, 1999.

⁷ *Граве В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. СПб., 1912.

⁸ *Арсеньев К.В.* Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914.

⁹ *Соловьев Ф.В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917). М., 1989.

¹⁰ *Сорокина Т.Н.* Указ.соч.

¹¹ *Нестерова Е.И.* Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владивосток, 2004

¹² *Ларин А.Г.* Китайцы в России вчера и сегодня : исторический очерк // РАН, ИДВ. М., 2003.

¹³ *Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири в XVII—XX вв. : проблемы миграции и адаптации / Сибирский Федеральный университет. Красноярск, 2008.

¹⁴ *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили : дипломатическая история российско-китайской границы, XVII—XX вв. М., 1996.

¹⁵ *Ларин В.Л.* Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия / РАН ДВО ИИЭА. Владивосток, 1998.

¹⁶ *Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.) / РАН ДВО ИИЭА. М., 2005.

¹⁷ *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона : российско-китайские отношения на рубеже XX—XXI веков / РАН ДВО ИИЭА. Владивосток, 2006.

¹⁸ *Дятлов В.И.* Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? : (китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000.

¹⁹ *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. М., 2001.

²⁰ *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004.

²¹ Тимофеевский О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX — начало XX вв.). Благовещенск, 2003.

²² Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20—30-е годы XX в. Владивосток, 2000.

²³ Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков / Восточно-Сибирский институт МВД России. Иркутск, 2000.

²⁴ Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке / А.С. Вашук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королёва, Г.Б. Дудченко, Л.А. Герасимова ; РАН ДВО ИИЭА. Владивосток, 2002.

²⁵ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом : образ Китая в России в XVII — XXI веках. М., 2007.

²⁶ Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России / Московский Центр Карнеги. М., 1996.

²⁷ На момент написания данной монографии издано семь сборников этой серии. Последний по времени: Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Мост через Амур : сборник материалов научной конференции / Амурский государственный университет, Центр гуманитарных программ «Даурия», Фонд Розы Люксембург ; [отв. ред. А.П. Забияко]. Благовещенск, 2006.

²⁸ Мост через Амур : Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке : сборник материалов международного исследовательского семинара / Исследовательский центр «Внутренняя Азия», Фонд Розы Люксембург ; [отв. ред. В.И. Дятлов]. М.; Иркутск, 2004.

²⁹ Петров А.И. История китайцев в России, 1856—1917 годы / РАН ДВО ИИЭА. СПб., 2003.

³⁰ Много интересного материала по этому вопросу содержится в статье: Петров А.И. Китайская историография истории китайцев в царской России: Краткий очерк // Россия и АТР. 2006. № 1.

³¹ Пан Чанвэй. Элосы жэнькоу вэйцзи юй иминь чжэнцэ тоуши : [К анализу демографического кризиса в России и ее миграционной политике] // Сиболия яньцзю. 2006. № 2. С. 58.

³² Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей. М., 1985.

³³ Там же. С. 243.

³⁴ Ионцев В.А. Международная миграция // Миграция населения : [приложение к журналу «Миграция в России» /ред. О.Д. Воробьева]. Вып. 3. М., 2001. С. 101, 109.

³⁵ Демографический понятийный словарь / ред. Л.Л. Рыбаковский. М., 2003.

³⁶ Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей. М., 1985. С. 538.

³⁷ Там же. С. 145.

³⁸ Там же. С. 538.

³⁹ *Портяков В., Ларин А.* Миграционная ситуация в Китае // Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / науч. ред. С.В. Голунов. М., 2008

Глава 1. Китайцы в России: ретроспектива

¹ Пекинский дополнительный договор об определении российско-китайских границ, порядке дипломатических сношений и о торговле в Кульдже // Российско-китайские отношения. 1689—1916 : Официальные документы / отв. ред. Л.И. Думан; сост. П.Е. Скачков, В.С. Мясников. М., 1958. С. 35.

² *Надаров И.П.* Материалы к изучению Уссурийского края. Владивосток, 1886. С. 3.

³ *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. С. 47—48.

⁴ *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили : дипломатическая история российско-китайской границы, XVII—XX вв. М., 1996. С. 278.

⁵ Российско-китайские отношения... С. 29.

⁶ Участие различных групп выходцев из Цинской империи в возникновении и развитии китайской диаспоры см.: *Дацышен В.* Формирование китайской общины (вторая половина XIX в.) // Диаспоры. М., 2001. № 2—3.

⁷ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 170. Л. 160. С.5.

⁸ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2756. Л. 2 и далее.

⁹ Цит. по: *Пескова Г.Н.* Позиция России по вопросу о продаже и вывозе за границу китайских кули // Документы опровергают. Против фальсификации истории российско-китайских отношений. М., 1982. С. 361.

¹⁰ Там же. С. 364.

¹¹ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2751. Л. 1.

¹² *Мевзос Г.М.* Население Дальнего Востока, его состав и изменения // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск—Владивосток, 1927. Вып. V : Человек. С. 22

¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 2. / под ред. Н.А. Тройлецкого. СПб., 1905. Табл. XIII. Цит. по: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=4

¹⁴ *Панов А.А.* Желтый вопрос в Приамурье : историко-статистический очерк. СПб., 1910. С. 25.

¹⁵ *Граве В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. СПб., 1912. С. 349—351.

¹⁶ Там же. С. 21

¹⁷ *Шликевич С.С.* Колонизационное значение земледелия в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. СПб., 1911. Вып. V. С. 123.

¹⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.

¹⁹ *Мевзос Г.М.* Население Дальнего Востока... С. 23.

- ²⁰ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д.1141. Л. 43—45.
- ²¹ *Кириллов Н.В.* О движении населения и смертности его в г. Владивостоке преимущественно за 1896— 1902 гг. // Обзор Приморской области за 1901 и 1902 гг. / Приморская область, Статистический комитет. Владивосток. [Б.г.]. С. 1.
- ²² Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке / А.С. Вашук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королёва, Г.Б. Дудченко, Л.А. Герасимова; РАН ДВО ИИЭА. Владивосток, 2002. С. 38.
- ²³ *Панов А.А.* Желтый вопрос в Приамурье... С. 53—54
- ²⁴ *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. С. 67.
- ²⁵ *Мевзос Г.М.* Население Дальнего Востока... С. 22.
- ²⁶ Гуанмин жибао. 1957. 21 ноября. Цит. по: *Чжоу Лайин.* Участие китайских трудящихся в борьбе за власть Советов в России (1917—1920) : автореф. дис. ... канд. ... М., 1960.
- ²⁷ *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906 —1910. СПб., 1912. Приложение. С. 2, 3, 6.
- ²⁸ *Граве В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье... С. 349—351.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Статистический вестник Дальнего Востока. Кн. 1. Январь—июнь 1924 г. / Дальне-Восточное областное статистическое управление. Чита, 1924. С. 5.
- ³¹ Считая численность населения Приморской области 523,4 тыс. человек, Амурской 14,7 тыс. человек [см.: *Рыбаковский Л.Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 66].
- ³² *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.). Омск, 1999. С. 45.
- ³³ Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. СПб., 1911. Вып. 1: Введение. Приморская область. С. 2.
- ³⁴ *Граве В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. С. 372—373.
- ³⁵ Там же. С. 422 ; Подробнее о китайском труде в этой сфере см.: *Хроленок С.Ф.* Китайские и корейские отходники на золотых приисках русского Дальнего Востока (конец XIX — начало XX вв.) // Восток. М., 1995. № 6 ; *Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири в XVII—XX вв.: проблемы миграции и адаптации / Сибирский Федеральный университет. Красноярск, 2008.
- ³⁶ См.: *Аленко А.В.* Труд китайских рабочих в освоении Приамурья в 1906—1914 гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Амурский государственный университет. Благовещенск, 2001. Вып. 2.
- ³⁷ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 770. Л. 116.
- ³⁸ Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. СПб., 1911. Вып. 1: Введение. Приморская область. С. 2.
- ³⁹ *Панов А.А.* Желтый вопрос в Приамурье... С. 25.

⁴⁰ Рассчитано по: *Граев В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. С. 356, 362.

⁴¹ Там же.

⁴² *Макуха Н.А.* Проблема контрабанды спирта на российско-китайской границе в начале XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Амурский государственный университет. Благовещенск, 2003. Вып. 6.

⁴³ *Романова Г.Н.* Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 98.

⁴⁴ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2750. Л. 35.

⁴⁵ Пекинский дополнительный договор об определении российско-китайских границ, порядке дипломатических сношений и о торговле в Кульдже // Российско-китайские отношения, 1689—1916 : официальные документы / отв. ред. Л.И. Думан ; сост. П.Е. Скачков, В.С. Мясников. М., 1958. С. 30.

⁴⁶ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2750. Л. 37.

⁴⁷ Приамурье : факты, цифры, наблюдения. М., 1909. С. 402.

⁴⁸ Там же. С. 511.

⁴⁹ *Петров А.И.* Некоторые проблемы взаимоотношений между корейцами и китайцами на Дальнем Востоке России, 1860—1917 // Международная научная конференция «Восточная Азия — Санкт-Петербург — Европа: межкультурные контакты и перспективы экономического сотрудничества». 2—6 октября 2000 г.: тезисы и доклады. СПб., 2000.

⁵⁰ *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае... С. 101—103.

⁵¹ Подробнее о незаконной деятельности китайских мигрантов см.: *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков / Восточно-Сибирский институт МВД России. Иркутск, 2003.

⁵² *Шликевич С.С.* Колонизационное значение земледелия в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. СПб., 1911. Вып. V. С. 28.

⁵³ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 493. Д. 1056. Л. 46.

⁵⁴ *Кауфман А.А.* Материалы по вопросу о колонизационной восточности Приамурского края. СПб., 1901. С. 39.

⁵⁵ *Панов А.А.* Желтый вопрос в Приамурье... С. 24.

⁵⁶ Отчет по статистическо-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-приморского района. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1905. С. 357.

⁵⁷ См., напр.: *Сорокина Т. С.* Китайские кварталы дальневосточных городов // Диаспоры. М., 2001. № 2—3.

⁵⁸ *Кириллов Н.В.* О движении населения и смертности его в г. Владивостоке... С. 18.

⁵⁹ А.К. Из воспоминаний об осаде Благовещенска китайцами // Сибирские вопросы. 1910. № 36. С. 38.

⁶⁰ См.: *Матвеев Н.* Китайцы на карийских промыслах // Русское богатство. СПб., 1911. № 12. С. 29—43.

⁶¹ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2750. Л. 17.

⁶² Там же. Л. 49.

⁶³ См., напр.: *Лангер С.Р.* Из истории китайского эмигрантского движения, середина XIX — начало XX в. М., 1992.

⁶⁴ См.: *Обручев В.А.* Невольничество в Северной Америке // Современник. СПб., 1861. Т. 86. № 3. С. 280—281 ; *Бирюков В.И.* Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М., 1983.

⁶⁵ *Михайлов В.* Третья Государственная Дума и желтая опасность. СПб., 1912. С. 31—32.

⁶⁶ *Граев В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье... С. 415—417, 430—432.

⁶⁷ Там же. С. 235.

⁶⁸ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 770. Л. 73.

⁶⁹ *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. С. 85.

⁷⁰ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 751. Л. 196.

⁷¹ *Унтербергер П.Ф.* Приморская область, 1850—1898 гг. СПб., 1900. С. 213.

⁷² АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 770. Л. 45—46.

⁷³ Анализ этой проблемы см.: *Мясников В.С.* Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизации и культуры. М., 1995. Вып. 2: Россия и Восток : цивилизационные отношения.

⁷⁴ *Куропаткин А.Н.* Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 177—178.

⁷⁵ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2755. Л. 76.

⁷⁶ *Рудаков А.* Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. Владивосток, 1901. С. 69.

⁷⁷ *Калужная Н.М.* Восстание ихэтуаней, 1898—1901. М., 1978. С. 271.

⁷⁸ *Никитина К.* Осада Благовещенска китайцами // Исторический вестник. СПб., 1920. Т. СХХII. С. 211.

⁷⁹ См., напр.: *В.* Благовещенская «утопия» // Вестник Европы. 1910. № 7.

⁸⁰ А.К. Из воспоминаний об осаде Благовещенска китайцами. С. 40.

⁸¹ События, связанные с жизнью китайской общины во время восстания ихэтуаней. См.: *Дацышен В.Г.* Боксерская война. Красноярск, 2001.

⁸² АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1142. Л. 32 ; Военная кампания русской армии и флота в Китае в 1900—1901 гг. Красноярск, 2001.

⁸³ Там же. АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1140. Л. 364.

⁸⁴ Там же. Д. 1140. Л. 84.

⁸⁵ *Матюнин И.Г.* Записка о китайцах и маньчжурах, проживающих на левом берегу Амура // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1894. Вып. LVIII. С. 34, 39 ; См. также: Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. IV. Вып. IV. Иркутск, 1884. С. 17.

Член Государственного Совета генерал Н.П. Игнатъев дает несколько большие цифры: 16 с лишним тыс. жителей, из которых «более 10 тыс. природных китайцев». См.: АВП РИ. Ф. Китайский стол, Оп. 491. Д. 1142. Л. 27.

⁸⁶ *Шренк Л.* Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб., 1883. С. 65.

⁸⁷ См.: *Сюэ Сяньтянь.* Гуаньюй цзян дун лю ши сы дунь ды дунь шу, дуньмин хэ цзюйминь шу вэньти ды цзи дянь цзыляо // Айхунь лиши луньвэнь цзи / чжужэнь бяньцзи Лю Банхоу [Некоторые материалы к проблеме количества поселков, их названий и численности населения в зазейском районе // История Айгуня : сб. статей / гл. ред. Лю Банхоу]. Харбин, 1984. С. 226. В этой же работе показано, что обычно приводимое в китайских источниках число зазейцев — свыше 30 тыс. человек — включает в себя не только постоянное население, главным образом земледельцев, но и появившихся позднее непостоянных жителей: золотоискателей, ремесленников, торговцев. Постоянное же население определяется в 20 с лишним тыс. человек. См : указ. соч. С. 227.

⁸⁸ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1140. Л. 364.

⁸⁹ Там же. Д. 2755. Л. 150.

⁹⁰ Там же. Д. 1142. Л. 18.

⁹¹ Там же. Л. 17, 18, 23, 27, 67 и др.

⁹² Айхунь лиши луньвэнь цзи / чжужэнь бяньцзи Лю Банхоу [История Айгуня: сб. статей / гл. ред. Лю Банхоу]. Харбин, 1984. С. 213.

⁹³ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 770. Л. 204.

⁹⁴ *Гребенщиков.* Имеют ли китайцы виды на Приамурский край? // Дело. СПб., 1886. № 3—4. С. 129—130.

⁹⁵ *Холодов Н.* Уссурийский край. СПб., 1908. С. 75—76.

⁹⁶ Назовем здесь лишь несколько книг: *Левитов И.С.* Желтая раса. СПб., 1900 ; *Его же.* Желтая опасность. Желтая Россия // Русский вестник. 1901. Июль ; *Панов А.А.* Грядущее монгольское иго: открытое письмо народным представителям. СПб., 1906 ; *Его же.* Желтый вопрос в Приамурье : историко-статистический очерк. СПб., 1910 ; *Меркулов С.Д.* Вопросы колонизации приамурского края : желтый труд и меры борьбы с наплывом желтой расы в Приамурье. Владивосток, 1911; *Тавокин С.Н.* К вопросу о желтой опасности. СПб.; Киев, 1913. Более полный список см. в вышеназванных монографиях Т.Н. Сорокиной, В.И. Дятлова, А.В. Лукина.

⁹⁷ *Михайлов М.* Третья Государственная Дума и желтая опасность. СПб., 1912.

⁹⁸ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2753. Л. 119.

⁹⁹ Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке : доклад С.Д. Меркулова Его императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михайловичу. СПб., 1912.

¹⁰⁰ Анализ многочисленных мнений относительно «желтой опасности», публиковавшихся в литературе того времени, см.: Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства : фактор стабильности или конфликта? М., 2000 ; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом : образ Китая в России в XVII — XXI веках. М., 2007. Архивные материалы см.: Волохова А.А. Китайская и корейская иммиграция на российском Дальнем Востоке // ПДВ. 1996. № 6.

¹⁰¹ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия // Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906—1911. М., 1991. С. 165—166.

¹⁰² Путь правды. Благовещенск, 1914. 1 февраля. Цит. по: Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. М., 1993. С. 246.

¹⁰³ Тавокин С.Н. К вопросу о желтой опасности. СПб. ; Киев, 1913. С. 15.

¹⁰⁴ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 770. Л. 112.

¹⁰⁵ Цит. по: Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных... С. 149

¹⁰⁶ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. С. 137.

¹⁰⁷ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 770. Л. 76, 104.

¹⁰⁸ Там же. Л. 16.

¹⁰⁹ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2753. Л. 119.

¹¹⁰ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 770. Л. 9.

¹¹¹ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. II. Вып. II. Иркутск, 1883. С. 24, 28.

¹¹² См.: Гончаренко С. Партнеры или конкуренты : как работает региональный китайский капитал в странах юго-восточной Азии // Вопросы экономики. 1992. № 3.

¹¹³ Подробнее о китайских общественных управлениях см.: Нестерова Е.И.. Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884—1897) // Вестник ДВО РАН. 2000. № 2.

¹¹⁴ Там же. С. 49.

¹¹⁵ ТАМИД. Док. 03-32 /318-(1). 21. 02. 1913, из консульства во Владивостоке.

¹¹⁶ ТАМИД. Док. 03-32 /318-(1). 30. 08. 1911, письмо общества «гунь-ихуэй», Селенга.

¹¹⁷ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 759. Л. 45.

¹¹⁸ Петелин И.И. Китайское общество Гун-и-хуэй в Уссурийском крае. Владивосток, 1909.

¹¹⁹ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 759. Л. 42.

¹²⁰ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. С. 192.

¹²¹ Многочисленные документы этого рода см.: ТАМИД. Раздел 03-32/318.

¹²² Скачков П.Е. Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в России // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 198. О Чжу Гэ см. также: *Его же*. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 56—61

¹²³ Скачков П.Е. Первый преподаватель... С. 201

¹²⁴ Эти сведения почерпнуты из статьи заведующей отделом истории Хабаровского краеведческого музея М.Ф. Буриловой «Честь имею: Тифон-тай». Статья получена мной в рукописном виде. Подробнее о нем см.: *Петров А.И.* История китайцев в России, 1856—1917 годы. СПб., 2003. С. 398—404; *Нестерова Е.* Русская одиссея китайского купца Тифон-тай // Россия — Китай. XXI век. 2006. Февраль.

¹²⁵ Русская разведка и контрразведка в войне 1904—1905 гг.: Документы / составитель И.В. Деревянко // Тайны русско-японской войны. М., 1993. С. 252—253.

¹²⁶ О разведывательной работе Тифон-тай см.: *Кравцов И.Н.* Тайные службы империи. М., 1999. С. 137—143.

¹²⁷ Там же. С. 202.

¹²⁸ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2752. Л. 3.

¹²⁹ Там же. Л. 106.

¹³⁰ Там же. Л. 49.

¹³¹ *Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири в XVII — XX вв. С. 111.

¹³² Тщательный анализ процесса вербовки рабочих в Китае, главным образом в европейские страны Антанты, см.: *Чэнь Саньцин.* Хуагун юй Оу чжань : [Китайские рабочие и война в Европе]. Тайбэй, 1986.

¹³³ ТАМИД. Док. 03-32 /324-(1). 20.07.1916, из российского посольства. Проект контракта для вербовки рабочих в Яньтае.

¹³⁴ Шимьянь жибао. 1915. 4 октября. См.: АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1060. Л. 50—51.

¹³⁵ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3486. Л. 14.

¹³⁶ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1060. Л. 282.

¹³⁷ Там же. Л. 157, 192, 331.

¹³⁸ ТАМИД. Док. 03-32 /324-(2). 24.10.1916, из посольства в России.

¹³⁹ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3453, приложение.

¹⁴⁰ См.: *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов : китайские добровольцы на фронтах гражданской войны в России (1918—1922). Л., 1959. Литературу, посвященную этой теме, см. в ссылке 191.

¹⁴¹ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3486. Л. 14.

¹⁴² О высылке китайцев см.: АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3330. Л. 18 и др.

¹⁴³ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 171, 172 ; Д. 3450. Л. 3,8.

¹⁴⁴ АВП РИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1060. Л. 282.

¹⁴⁵ Там же. Л. 414.

- ¹⁴⁶ *Ли Юнчан*. Люй Э хуагун юй ши юэ гэмин : [Китайские рабочие в России и Октябрьская революция]. Шицзячжуан, 1988. С. 239.
- ¹⁴⁷ Известия. 1919. 30 ноября ; МИКРО-1. Док. 898.
- ¹⁴⁸ См.: Договор Украинского правительства с китайским представителем об отправке на родину китайских рабочих // ТАМИД. Док. 03-32/328-(2). 29.02.1920, из Эмиграционной службы, приложение.
- ¹⁴⁹ МИКРО. 1920. Док. 201.
- ¹⁵⁰ ТАМИД. Док. 03-32 /327-(2). 20.12.1919, из посольства в России ; Док. 03-32/327-(2). 11.03.1920, из посольства в Англии ; Док. 03-32/328-7.(3). 30.04.1920, от посла в Англии Ши ; МИКРО. 1920. Док. 163, 1055.
- ¹⁵¹ Дружба, скрепленная кровью / ред. Лю Юн-ань. М., 1959. С. 177.
- ¹⁵² МИКРО-2. Док. 844, 863, 887, 906 и др.
- ¹⁵³ МИКРО-2. Док. 887.
- ¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. НКВД РСФСР. № 393. Оп. 1. Д. 115. Л. 44, 45.
- ¹⁵⁵ ТАМИД. Док. 03-32/336-(1). 27.09.1921, из Государственного Совета.
- ¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. СНК. № 130. Оп. 3. Д. 174. Л. 51а, 51б.
- ¹⁵⁷ О Лю Цзэжуне и его отце см.: Друг издалека / сост. Л. Каландаришвили и Б. Пирадов. Батуми, 1958.
- ¹⁵⁸ МИКРО-1. Док. 187.
- ¹⁵⁹ О деятельности СКГ — СКР и Лю Цзэжуна см.: *Ли Юнчан*. [Китайские рабочие в России...]. Гл. 14 ; см. также: *Лю Цзэжун*. Ши юэ гэмин цяньхоу во цзай Сулянь ды и дуань цзинли : [Моя жизнь в СССР до и после Октябрьской революции] // Вэнь ши цзыляо сюань цзи. Пекин. № 60.
- ¹⁶⁰ Известия. 1918. 3 июля.
- ¹⁶¹ АВП РФ. Ф.100. Оп. 3. Д. 7. П. 1. Л. 2—5.
- ¹⁶² МИКРО. 1920. Док. 201.
- ¹⁶³ *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. Л., 1959. С. 29.
- ¹⁶⁴ Известия. 1918. 28 декабря.
- ¹⁶⁵ Правда. 1918. 15 декабря.
- ¹⁶⁶ *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. М., 1996. С.188 ; АВП РФ. Ф. 100. Оп. 3. Д. 6. П. 1. Л. 3, 35.
- ¹⁶⁷ *Лю Цзэжун*. Встречи с великим Лениным // ПДВ. 1980. № 2.
- ¹⁶⁸ ТАМИД. Док. 03-32 /328-(2)6. 27.09.1919, из посольства в России; Док. 03-32 /336-(1). 29.09.1921, из Государственного Совета.
- ¹⁶⁹ Правда. 1918. 15 декабря.
- ¹⁷⁰ Документ III Всероссийского съезда китайских рабочих / публ. Ю.М. Гарушянца // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 140—141 ; Ответ Сунь Ятсена / публ. С.С. Хусейнова // Народы Азии и Африки. 1963. № 1. С.72—73.
- ¹⁷¹ Известия. 1924. 12 июня.

¹⁷² См.: *Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в период гражданской войны (1918—1920). М., 1964. С. 392—393 ; *Капица М.С.* Китайско-советские отношения. М., 1958. С. 34—35.

¹⁷³ ГА РФ. Ф. СНК. № 130. Оп. 3. Д. 176.

¹⁷⁴ Подробнее см.: *Крюков М.* Была ли миссия Чжан Сылиня в Москву «странным эпизодом» советско-китайских отношений начала 20-х годов? // ПДВ. 1997. № 2.

¹⁷⁵ *Ли Юнчан.* [Китайские рабочие в России...]. С. 261.

¹⁷⁶ ТАМИД. Док. 03-32 /369-(1). 19.01.1921, от консула Чжу из Иркутска.

¹⁷⁷ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы / рук. Го Хэньюй, М.Л. Титаренко. Т.1. М., 1994. С. 54.

¹⁷⁸ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 3. Д. 6. Л. 1, 9.

¹⁷⁹ *Цюй Цюбо* ши вэнь сюань : [Избранные стихотворения и проза]. Пекин, 1982. С. 66.

¹⁸⁰ Бэй фэн (Сиболия гунчань яньцзю шэ чжибу инсин) : [Северный ветер (Печатается и распространяется ячейкой Сибирского общества по изучению коммунизма)]. 20.08.1921. № 2 // ТАМИД. Док. 03-32/319-(1). 09.10.1921, от генерального консула в Хэйхэ. Приложение.

¹⁸¹ О коммунистическом движении в китайской диаспоре см.: *Устинов В.М.* Китайские коммунистические организации в Советской России (1918—1920) // Китайские добровольцы в боях за советскую власть. М., 1961.

¹⁸² МИКРО. 1921. Док. 332.

¹⁸³ *Пэн Мин.* Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. Л., 1957. С. 6.

¹⁸⁴ МИКРО-1. Док. 898.

¹⁸⁵ См., напр.: *Чэнь Лидэ.* Как я защищал Украину ; *Ли Синпэй.* Китаец Ли Фуцин — боец личной охраны Ленина // Дружба, скрепленная кровью / ред. Лю Юнань. М., 1959. С. 101, 177.

¹⁸⁶ *Ли Синпэй.* Китаец Ли Фуцин — боец... С. 178—180.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. СНК. № 130. Оп. 3. Д. 174. Л. 51а, 51б.

¹⁸⁸ Китайские добровольцы в боях за советскую власть. С. 136.

¹⁸⁹ См., напр.: *Лаппо Д., Мельчин А.* Страницы великой дружбы. М., 1959 ; *Потов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов ; Дружба, скрепленная кровью ; Китайские добровольцы в боях за советскую власть ; *Их же.* Товарищи китайские бойцы. М., 1959 ; *Новогрудский Г., Дунаевский А.* По следам Пау. История одного литературного поиска. М., 1962 ; Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922) : сборник документов и материалов / ред. Г.Б. Шумейко. М., 1957 ; *Бабичев И.* Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. Ташкент, 1959 ; *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов. М., 1960.

- ¹⁹⁰ *Якир И.Э.* Воспоминания о гражданской войне. М., 1957. С. 12.
- ¹⁹¹ *Смирнов А.* Казнен по приговору Брестского мира // Звезда. 1996. № 6. С. 198.
- ¹⁹² *Персиц М.А.* Дальневосточная республика и Китай. М., 1962. С. 155, 249, 253.
- ¹⁹³ *Ли Суйань.* Чжан Симань и Общество китайско-советских культурных связей // ПДВ. 2001. № 5. С. 158.
- ¹⁹⁴ *Мюллер А.А.* В пламени революции (1917—1920). Иркутск, 1957. С. 133.
- ¹⁹⁵ *Браун О.* Китайские записки, 1932—1939. М., 1974. С. 19.
- ¹⁹⁶ *Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири... С. 157.
- ¹⁹⁷ *Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока... С. 365.
- ¹⁹⁸ МИКРО-1. Док. 677.
- ¹⁹⁹ Китайские добровольцы в боях за советскую власть. С. 156—157.
- ²⁰⁰ МИКРО-1. Док. 303.
- ²⁰¹ ТАМИД. Док. 03-32/325-(2). 22.04.1918 ; 03-32/325-(2). 23.04.1918, беседа Чжу Хаосяна с послом Ку в российском посольстве.
- ²⁰² «Призыв» : орган штаба Красной Армии Николаевского-на-Амуре округа. 1920. 27 апреля (№ 20).
- ²⁰³ ТАМИД. Док. 03-32/336-(1). 21.09.1921, из Государственного Совета.
- ²⁰⁴ *Ли Юнчан.* 1918—1920 нянь Чжунго чу бин Сиболия [Китайская военная экспедиция в Сибирь (1918—1920)] // Цзиньдай ши яньцзю. Пекин. 1993. № 1. С. 217.
- ²⁰⁵ *Сладковский М.И.* Знакомство с Китаем и китайцами. М., 1984. С. 24.
- ²⁰⁶ *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. С. 30.
- ²⁰⁷ *Бабичев И.* Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. Ташкент, 1959. С. 22.
- ²⁰⁸ *Лаппо Д., Мельчин А.* Страницы великой дружбы. С. 55.
- ²⁰⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. / Министерство Иностранных дел СССР. М., 1957. С. 599.
- ²¹⁰ Дальневосточные известия. 1918. 12 мая. № 87.
- ²¹¹ *Персиц М.А.* Дальневосточная Республика и Китай. С. 254.
- ²¹² МИКРО. 1921. Док. 208, приложение.
- ²¹³ См.: *Ван Юйцзюнь.* Чжун-Су вайцзю ды сюйму. Цун Юлинь дао Юэфей : [Пролог китайско-советских отношений. От Юрина до Иоффе]. Тайбэй, 1978. С. 160—161.
- ²¹⁴ *Мировицкая Р.А.* Борьба за установление дипломатических отношений между Советской республикой и Китаем в 1917—1921 гг. // Исторические записки / Академия Наук СССР. М., 1959. № 65. С. 15—16.
- ²¹⁵ *Ван Юйцзюнь.* [Пролог китайско-советских отношений...]. С. 550.

- ²¹⁶ См.: *Кюнгер Н.В.* Очерки новой и новейшей политической истории Китая. Владивосток, 1927.
- ²¹⁷ Чжун Э гуаньси ши ляо. Чу бин Сиболия. Чжунхуа миньго лю нянь чжи ба нянь. Чжунъян яньцзююань, Цзиньдай ши яньцзюсо бянь : [Материалы по истории китайско-российских отношений: 1917—1919. Военная экспедиция в Сибирь / сост. Институт новой истории, Академия Синика]. Тайбэй, 1962. Док. 469.
- ²¹⁸ *Ли Юнчан.* [Китайская военная экспедиция в Сибирь...]. С. 214.
- ²¹⁹ Там же. С. 217.
- ²²⁰ Там же.
- ²²¹ *Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока... С. 385.
- ²²² Дальневосточная политика Советской России (1920—1922): сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета / отв. ред. В.С. Познанский. Новосибирск, 1996. С. 44.
- ²²³ Там же. С. 91.
- ²²⁴ МИКРО-1. Док.340. Цит. по: *Крюков М.* Была ли миссия Чжан Сы-линя в Москву «странным эпизодом» советско-китайских отношений начала 20-х годов? // ПДВ. 1997. № 2. С. 101.
- ²²⁵ *Чжао Ляньтай, Лю Банхоу.* Цзян дун лю ши сы цунь каолюэ // Айхунь лиши луньвэнь цзи / Чжужэнь бяньцзи Лю Банхоу : [Краткое исследование истории 64 зазейских поселков // История Айгуня: сб. статей / гл. ред. Лю Банхоу]. Харбин, 1984. С. 213.
- ²²⁶ *Аварин В.* Империализм в Маньчжурии. Т. 1. М.-Л., 1934. С. 200.
- ²²⁷ Цит. по: *Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока... С. 364.
- ²²⁸ Китайские добровольцы в боях за советскую власть. С. 132.
- ²²⁹ ТАМИД. Док. 03-32/334-(1) и 03-32/334-(2); МИКРО. 1921. Док. 444, 696 и др.
- ²³⁰ Правда. 1920. 30 июня.
- ²³¹ *Персиц М.А.* Революционные организации на территории ДВР и Сунь Ятсен // Сунь Ятсен. 1866—1966 : к 100-летию со дня рождения / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1966. С. 362.
- ²³² *Картунова А.И.* К вопросу о контактах представителей Китайской секции РПК(б) с организациями КПК // ПДВ. 1988. № 2. С. 136.
- ²³³ Известия ВЦИК. 1919. 30 ноября.
- ²³⁴ *Картунова А.И.* Указ. соч. С. 132.
- ²³⁵ Там же. С. 136.
- ²³⁶ *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. С. 188.
- ²³⁷ См. о нем: Ян Минчжай / ред. Сюй Шичэн, Чжан Шэншань. Пекин, 1988 ; *Глушин В.И.* Григорий Войтинский // Видные советские коммунисты-участники китайской революции . М., 1970.

- ²³⁸ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 42—43.
- ²³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 7. С. 20, 26.
- ²⁴⁰ *Персиц М.А.* Революционные организации на территории ДВР... С. 357—358.
- ²⁴¹ *Малинь юй ди и цы го гун хэцзо / Ли Юйчжэнь чжубянь* : [Маринг и первое сотрудничество Гоминьдана и КПК / гл. ред. Ли Юйчжэнь]. Пекин, 1989. С. 120.
- ²⁴² ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... Т. 1. С. 54
- ²⁴³ Дальневосточная политика Советской России (1920—1922)... С. 177.
- ²⁴⁴ Там же. С. 71.
- ²⁴⁵ Там же. С. 74.
- ²⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 40. С. 131.
- ²⁴⁷ *Крюков М.* Извилистый путь к альянсу : Советская Россия и Сунь Ятсен (1918—1923) // ПДВ. 1999. № 3. С. 97.
- ²⁴⁸ Китайские добровольцы в боях за советскую власть. С. 105.
- ²⁴⁹ ТАМИД. Док. 03-32/323 — (2). 04.10.1923, консул Цю из Хабаровска.
- ²⁵⁰ *Персиц М.А.* Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1910 — июль 1920) // Коминтерн и Восток. М., 1969. С. 55—56.
- ²⁵¹ МИКРО. 1920. Док. 263.
- ²⁵² МИКРО-2. Док. 38.
- ²⁵³ МИКРО. 1921. Док. 682.
- ²⁵⁴ ТАМИД. Док. 03-32/319-(1). 09.10.1921, из генконсульства в Благовещенске.
- ²⁵⁵ МИКРО-2. Док. 258.
- ²⁵⁶ ТАМИД. Док. 03-32/328-(2)6. 22.01.1919, беседа заместителя министра иностранных дел с английским послом.
- ²⁵⁷ МИКРО-2. Док. 873.
- ²⁵⁸ См.: *Ван Юйцзюнь*. [Пролог китайско-советских отношений...]. С. 522 ; МИКРО-2. Док. 65, 153, 203, 1045 ; *Костин Ю.* Два восприятия Октябрьской революции в Китае // Народы Азии и Африки. 1967. № 5. С. 76—83 ; *У-сы юньдун цзай Шанхай ши ляо сюань цзи* : [Сборник материалов по истории «Движения 4 мая» в Шанхае]. Шанхай, 1961. С.117, 118.
- ²⁵⁹ Китайские добровольцы в боях за советскую власть... С. 157—159.
- ²⁶⁰ *Ли Юйчжэнь*. Люй Э хуацяо юй Сунь Чжуншань сяньшэн ды гэмин ходун // Хуацяо юй Сунь Чжуншань сяньшэн линдао ды гоминь гэмин сюэшу яньтаохуэй луньвэнь цзи : [Китайская эмиграция в России и революционная деятельность г-на Сунь Ятсена // Конференция «Китайская эмиграция и национальная революция под руководством г-на Сунь Ятсена»: доклады]. Тайбэй, 1997. С. 596.
- ²⁶¹ Там же. С. 603.

²⁶² Ли Юйчжэнь. Сунь Чжуншань юй гунчань гоцзи : [Сунь Ятсен и Коминтерн]. Тайбэй, 1996. С. 46.

²⁶³ Ли Юйчжэнь. Китайская эмиграция в России... С. 603.

²⁶⁴ Картунова А.И. К вопросу о контактах... С. 132.

²⁶⁵ Статистический ежегодник, 1923—1925 / Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Хабаровск, 1926. С. 20—21.

²⁶⁶ Всесоюзная перепись населения. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР / Центральное Статистическое Управление СССР, Отдел переписи. М., 1928. С. 40—41, 97. Несколько большее число, 72 005 человек, по результатам Всесоюзной переписи 1926 г. приведено в: Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20—30-е годы XX в. Владивосток, 2000.

²⁶⁷ Числа в этом абзаце рассчитаны по: Статистический ежегодник, 1923—1925. С. 38.

²⁶⁸ Подсчитано по: указ соч. С. 24.

²⁶⁹ Статистический вестник Дальнего Востока. Кн.1. Январь—июнь 1924 г. / Дальне-Восточное областное статистическое управление. Чита, 1924. С. 5. Демографические сведения см.: Ткачева Г.А. Указ. соч.

²⁷⁰ ГА РФ. Ф. СНК. № 130. Оп. 5. Д. 783(4). Л. 98.

²⁷¹ Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами. С. 29.

²⁷² Подробнее см.: Кочегарова Е.Д. К вопросу использования китайских рабочих в золотопромышленности Дальнего Востока (20—30-е гг. XX в.) // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах / Амурский государственный университет. Благовещенск, 2002. Вып. 3.

²⁷³ ГА РФ. Ф. СНК СССР. № 5446. Оп. 1. Д. 6. Л. 163.

²⁷⁴ Всесоюзная перепись населения. Краткие сводки. Вып. IV. С. 40—41.

²⁷⁵ ГА РФ. Ф. ВЦИК. № 1235. Оп. 123. Д. 35. Л. 6.

²⁷⁶ См.: Дружба, скрепленная кровью ; Лю Юнань. Встречи с китайскими добровольцами // Китайские добровольцы в боях за советскую власть.

²⁷⁷ Китайские добровольцы в боях за советскую власть. С. 65—66.

²⁷⁸ Там же. С. 76.

²⁷⁹ ТАМИД. Док. 03-32/373-(2). 12.01.1923, от генконсула Чэня из Москвы.

²⁸⁰ ГА РФ. Ф. ВЦИК. № 1235. Оп. 123. Д. 35. Л.6.

²⁸¹ ТАМИД. Док. 03-32/317-(b)-(4). 07.07.1927, от и.о. генконсула Гэна из Иркутска.

²⁸² Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке... С. 78.

²⁸³ Факты, изложенные в данном абзаце, взяты из статьи: Кулинич Н. Китайцы в составе городского населения Дальнего Востока России в 1920—1930-е годы // ПДВ. 2006. № 4. С. 122—123.

²⁸⁴ Подробнее о дискриминации и борьбе с ней см.: Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке... Гл. 2. В этой главе представлена много-

гранная картина жизни китайских мигрантов в названном субрегионе до конца 30-х годов прошлого века.

²⁸⁵ Там же. С. 87.

²⁸⁶ *Романова Г.Н.* Россия и Китай: взаимное восприятие : (прошлое, настоящее, будущее) // Тезисы докладов XVI международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир» (Москва, 25—27 октября 2006 г.). Ч. 2 / РАН, ИДВ. М., 2006. С. 25.

²⁸⁷ *Голубовский М.* Ленинская национальная политика в действии. Хабаровск, 1932. С. 20.

²⁸⁸ ГА РФ. Ф. ВЦИК. № 1235. Оп. 94. Ед.хр. 136. Л.14.

²⁸⁹ Стенографический отчет III Дальне-Восточного краевого съезда Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов, 2—9 марта 1929 г. Хабаровск, 1929. С. 33.

²⁹⁰ 6-й Съезд Советов Союза ССР: Стенографический отчет // Бюллетень. М., 1931. № 6. С. 16—17.

²⁹¹ Специально этой теме посвящена статья: *Залеская О.В.* Культурно-просветительная работа среди китайских рабочих на Дальнем Востоке России (20—30-е годы XX в.) // Россия и АТР. Владивосток, 2007. № 3.

²⁹² *Голубовский М.* Ленинская национальная политика в действии. Хабаровск, 1932. С. 24—25.

²⁹³ *Залеская О.В.* Культурно-просветительная работа среди китайских рабочих... С. 144.

²⁹⁴ *Чугуевский Л.И.* Периодическая печать на китайском языке в СССР // Проблемы востоковедения. 1959. № 4.

²⁹⁵ Подробнее см.: *Королева В.А.* Китайский театр на Дальнем Востоке России // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Серия: Востоковедение. Владивосток, 2003. Т. XII. Северо-Восточная Азия. Проблемы регионального взаимодействия. История и современность.

²⁹⁶ ГА РФ. Ф. ВЦИК. № 1235. Оп. 123. Д. 35. Л. 6.

²⁹⁷ Статистический вестник Дальнего Востока. Кн. 1, январь—июнь 1924 г. / Дальне-Восточное областное статистическое управление. Чита, 1924. С. 30 ; Статистический ежегодник. 1926 г. Вып. 1 / Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Хабаровск—Благовещенск, 1927. С. 66—67.

²⁹⁸ Стенографический отчет III Дальне-Восточного краевого съезда Советов Рабочих... С. 112.

²⁹⁹ Стенографический отчет второго Дальне-Восточного Краевого Съезда Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов. 21-26 марта 1927 г. Хабаровск, 1927. С. 141.

³⁰⁰ *Романова Г.Н.* Россия и Китай: взаимное восприятие... С. 27.

³⁰¹ *Ткачева Г.А.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России... С. 31. Близкое число — 98 % для Дальнего Востока указано в: Статистический вестник Дальнего Востока. Кн.1, январь—июнь 1924 г. С. 6.

³⁰² Рассчитано по: Статистический ежегодник, 1923—1925 / Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Хабаровск, 1926. С. 38.

³⁰³ *Чернолуцкая Е.Н.* Приморский край в советский период. URL: <http://articles.excelion.ru/science/geografy/57800474/html>

³⁰⁴ Статистический вестник Дальнего Востока. Кн. 1, январь—июнь 1924 г. С. 126, 129.

³⁰⁵ ГА РФ. Ф. ВЦИК. N 1235. Оп. 64. Д. 63. Л. 17—23.

³⁰⁶ Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке... С. 73.

³⁰⁷ *Головин С.А.* Положение китайского населения на Дальнем Востоке России в 60-е годы XIX в.—30-е годы XX в. // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах / Амурский государственный университет. Благовещенск, 2001. Вып. 2. С. 41.

³⁰⁸ *Сладковский М.И.* Знакомство с Китаем и китайцами. С. 38.

³⁰⁹ ТАМИД. Док. 03-32/317-(b)-(4). 07.07.1927, от и.о. генконсула Гэна из Иркутска.

³¹⁰ Там же. Док. 03-32/360-(1). 16.07.1924, от вице-консула во Владивостоке.

³¹¹ См.: Там же. Док. 03-32 /335-(2). 20.02.1928.

³¹² Там же. Док. 03-32/332-(1). 06.10.1927, от генконсула Цзоу из Благовещенска.

³¹³ Там же. Док. 03-32/332-(2). 28.03.1928, от генконсула Цзоу из Благовещенска.

³¹⁴ *Чернолуцкая Е.* Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // ПДВ. 2008. № 4. С. 135.

³¹⁵ ТАМИД. Док. 03-32/339-(2). 02.09.1925 и 09.12.1925, от представителя в России Ли.

³¹⁶ Там же. Док. 03-32/332-(1). 04.02.1928, из Штаба.

³¹⁷ *Ткачева Г.А.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России... С. 38.

³¹⁸ *Чернолуцкая Е.Н.* Депортация китайцев из Приамурья (1938). Цит. по: *Головин С.А.* Положение китайского населения на Дальнем Востоке России в 60-е гг. XIX в.—30-е гг. XX в. // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Вып. 2. / Амурский государственный университет. Благовещенск, 2001. С. 41.

³¹⁹ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1991. С. 94.

³²⁰ См.: *Чернолуцкая Е.* Вытеснение китайцев с Дальнего Востока...

³²¹ Статистический ежегодник, 1923—1925 / Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Хабаровск, 1926. С. 3.

³²² Статистический ежегодник. 1926 г. Вып.1 / Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Хабаровск—Благовещенск, 1927. С. 112.

³²³ Стенографический отчет второго Дальне-Восточного Краевого Съезда Советов Рабочих... С. 110.

- ³²⁴ Там же. С. 141.
- ³²⁵ *Романова Г.Н.* Россия и Китай: взаимное восприятие.... С. 25.
- ³²⁶ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. С. 187.
- ³²⁷ ТАМИД. Док. 03-32/323-(1). 30. 03. 1923. Из Государственного Совета.
- ³²⁸ См.: Там же. Док. 03-32/322-(1). 22.01.1923 и 18.10.1923; 03-32/322-(3). 08.02.1923; см. также 03-32/323-(1). 27/28.03.1923.
- ³²⁹ Там же. Док. 03-32/323-(2). 04.10.1923, от генконсула Цю из Хабаровска.
- ³³⁰ Рабочая Москва. 1923. № 39(311).
- ³³¹ ТАМИД. Док. 03-32/319-(2). Сообщения от 23.02.1923 и последующие.
- ³³² Там же. 26.02.1923, из Госсовета.
- ³³³ ГА РФ. Ф. Нр-1318. Оп. 1. Ед. хр. 1267. Л. 1.
- ³³⁴ Там же. Л.12
- ³³⁵ Там же. Ф. ВЦИК. № 1235. Оп. 123. Д. 35. Л. 2—6.
- ³³⁶ В данном разделе факты, относящиеся к 1920—1930 гг. и приведенные без ссылок, взяты нами из: *Тимофеева Н.Н.* Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921—1925) // Народы Азии и Африки. 1976. № 2 ; *Ее же.* Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1926—1938). // Народы Азии и Африки. 1979. № 5 ; *Усов В.Н.* Интернациональная помощь СССР в деле подготовки китайских партийных и революционных кадров в 20—30-е годы // ПДВ. 1987. № 5 ; *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. М., 2001.
- ³³⁷ *Мировицкая Р.А.* Советский Союз и КПК (конец 20-х — начало 30-х годов) // Опыт и уроки истории КПК (К 60-летию образования партии). М., 1981.
- ³³⁸ *Фэн Юйсян.* Воды шэнхо [Моя жизнь]. Т. 2. [Б.м.]. 1944. С. 92.
- ³³⁹ Бай Юй сяньшэн фанвэнь цзилу / Чжунъян яньцзююань. Цзиньдай ши яньцзюсю [Запись бесед с г-ном Бай Юем / Академия наук. Институт новой и новейшей истории]. Тайбэй. 1987. С. 22.
- ³⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.
- ³⁴¹ [Запись бесед с г-ном Бай Юем]. С. 31.
- ³⁴² *Шевелев К.* К вопросу об отражении китайской тематики в «Биографическом справочнике Коминтерна» // Научно-информационный бюллетень. Вып. № 2 (12) / Российской государственной архив социально-политической истории. М., 2000.
- ³⁴³ *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. С. 427, 429, 431.
- ³⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 267. Л. 3.
- ³⁴⁵ Там же. Д. 263; Д. 403. Л. 62 и далее.
- ³⁴⁶ Там же. Д. 267. Л. 2.

- ³⁴⁷ Там же. Л. 19.
- ³⁴⁸ Люши нянь лай чжунго лю сюэшэн чжи фэн шуан чжо ли / Чжун хуа лю Э тунсюэ хуэй : [60 лет назад: горькие годы учебы на чужбине / Общество обучавшихся в России]. Тайбэй, 1988. Приложение. С. 18, 19.
- ³⁴⁹ Подробнее см.: *Усов В.* Китайские воспитанники интердомов России // ПДВ. 1997. № 4.
- ³⁵⁰ Подробнее см.: Этномиграционные процессы в Приморье... С. 78.
- ³⁵¹ *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений // Горизонт. 1989. № 9. С. 60—61.
- ³⁵² ТАМИД. Док. 03-32/332-(1). 10.01.1928, телеграмма из консульства в Николо-Уссурийске.
- ³⁵³ Там же. Док. 03-32/338-(4). 25.04.1928, из посольства в СССР.
- ³⁵⁴ Там же. Док. 03-32/367-(2). 19.08.1927, от и.о. консула в Иркутске.
- ³⁵⁵ Там же. Док. 03-32/332-(1). 09.02.1928, от временного поверенного в СССР Чжэна.
- ³⁵⁶ *Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири в XVII — XX вв.: проблемы миграции и адаптации. С.215 ; *Силонов С.М.* Интернированные китайцы в Сибири : (на материале Красноярского края) // Вестник НГУ, Серия: История. Филология. 2007. Т. 6. Вып. 4: Востоковедение.
- ³⁵⁷ Красное знамя. Владивосток. 1937. 28 апреля.
- ³⁵⁸ *Вотинов А.* Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М., 1939. С. 11.
- ³⁵⁹ См.: *Коровяковский П.* Китайцы — жертвы сталинских репрессий // ПДВ. 1991. № 2. С. 144. В этой статье приведено и много других фактов о репрессиях против китайцев.
- ³⁶⁰ Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке... С. 143.
- ³⁶¹ *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. 1995. № 6. С. 75.
- ³⁶² Там же.
- ³⁶³ *Ледовский А.М.* Записки дипломата // ПДВ. 1991. № 1. С. 114—115.
- ³⁶⁴ См.: Дружба народов. 1989. № 11. С. 195 ; Новый мир. 1989. № 11. С. 110 ; Юность. 1986. № 9. С. 62.
- ³⁶⁵ *Коровяковский П.* Китайцы — жертвы сталинских репрессий. С. 145
- ³⁶⁶ *Нерлер П.* «С гурьбой и гуртом...» : хроника последнего года жизни О.Э. Мандельштама // Рубеж: тихоокеанский альманах. Владивосток, 1992. № 1. С. 233.
- ³⁶⁷ Всесоюзная перепись населения 1937 г. : краткие итоги / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1991. С. 84.
- ³⁶⁸ Всесоюзная перепись населения 1939 г. : основные итоги / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1992. С. 88.
- ³⁶⁹ Национальный состав населения СССР / Госкомстат СССР. М., 1991. С. 8.

- ³⁷⁰ Там же. С. 24—25. Несколько меньшие числа приведены в: Национальный состав населения России по данным переписи населения // Население России за 100 лет (1897—1997) : статистический сборник / Госкомстат России. М., 1998; См. также : URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/gus-nation.php>
- ³⁷¹ Крушинова Л. Китайские рабочие в СССР (1945—1960-е годы) // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 120.
- ³⁷² Бугай Н., Вада Х. Из истории депортации «русских»корейцев // Дружба народов. 1992. № 7. С. 222.
- ³⁷³ Международные отношения на Дальнем Востоке. Т. 1. М., 1978. С. 53.
- ³⁷⁴ Великая Отечественная. Т. 13. Иностранцы военнопленные второй мировой войны в СССР / Институт военной истории Министерства обороны РФ [общ. ред. В.А. Золотарев]. М., 1996. С. 531, 532. Док. № 252.
- ³⁷⁵ Всеволодов В. «Арифметика» и «алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПИ НКВД — МВД СССР в период 1939—1956 гг. // Трагедия войны — трагедия плена / Мемориальный музей немецких антифашистов Акад. военных наук РФ. М., 1999. С. 43, 47—49.
- ³⁷⁶ Филатов Л.В. Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю, 1949—1966. М., 1980. С. 50.
- ³⁷⁷ Цветко А.С. Советско-китайские культурные связи. М., 1974. С. 36, 43.
- ³⁷⁸ Хрущев Н. Воспоминания / Никита Хрущев. М., 1997. С. 351.
- ³⁷⁹ Там же. С. 355.
- ³⁸⁰ См.: Дацышен В. Китайская трудовая миграция в России : малоизвестные страницы истории // ПДВ. 2008. № 5. С. 99.
- ³⁸¹ Там же. С. 355—356.
- ³⁸² Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М., 1977. С. 216—217.
- ³⁸³ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке : граница. М., 2001. С. 96, 113 ; Мясников В.С. Договорными статьями утвердили... С. 379.

Глава 2. Китайские мигранты в Российской Федерации

- ¹ Лань яньцзин, хэй яньцзин даоэ фацай пу гуан : [Подлинные истории о том, как разбогатели челноки]. Гирин, 1992. С. 19.
- ² Российская федерация в цифрах в 1993 г. М., 1994. С. 76—77.
- ³ См.: Мо Банфу (яп. Акухо Сакаэ). Цзай Элосы хэ Дун Оу ды синь хуачао : [Новые эмигранты в России и Восточной Европе]. Пекин, 2002.
- ⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной республики о визовых поездках граждан

России и КНР // Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999 / редакционная комиссия: Г.Б. Карасин [и др.]. М., 1999.

⁵ *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. Владивосток, 2006. С. 384.

⁶ *Карлусов В., Кудин А.* Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке : историко-экономический анализ // ПДВ. 2002. № 3. С. 80—81.

⁷ Федеральное агентство по туризму РФ. URL: http://www.russia-tourism.ru/files/vezd_2008_k_2007_news.xls

⁸ Насколько нам известно, первым оценил численность китайских мигрантов в России в 200—450 тыс. человек В.Г. Гельбрас. См.: *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. М., 2001. С. 39—40.

⁹ Новости Владивостока. 2007. 4 мая. URL: <http://news.vl.ru/vlad/2007/04/05/kitajtcy/>

¹⁰ *Гильбо Е.* Перспективы китаизации России // Российская Федерация сегодня. 2004. № 13. С. 63.

¹¹ *Нырова Н.* Китайские компании приграничной торговли и их место в международной преступной деятельности // ПДВ. 2004. № 1. С. 103

¹² *Приходько С.* Мы не должны бояться Китая // Известия. 2004. 21 марта.

¹³ *Внуков К.В.* Интервью директора Первого департамента Азии МИД России К.В. Внукова по проблематике российско-китайских отношений / Итоги 12.03.2007. См.: URL: <http://www.russia.org.cn/rys/?SID=1256>

¹⁴ Подробные данные переписи см. в Приложении.

¹⁵ [http://news.xinhuanet.com/fortune/2006-1/12/content_5318406/htm](http://news.xinhuanet.com/fortune/2006-1/12/content_5318406.htm)

¹⁶ Интервью радиостанции «Эхо Москвы». URL: <http://echo.msk.ru/programms/razvorot/48642>

¹⁷ Труд и занятость в России. 2007: статистический сб. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2007. С. 292.

¹⁸ *Ромодановский К. К.* Ромодановский: «Погромов, как в Париже, в России не будет!» : Интервью 29.02.2008. URL: http://www/fms/gov/ru/press/publications/news_detail.php?ID=11276

¹⁹ *Мокшанов М.В.* Проблемы и перспективы трудовой миграции граждан Китая в Россию: 1999—2005 [рукопись].

²⁰ *Нырова Н.* Китайские компании приграничной торговли... С. 102.

²¹ Труд и занятость в России. С. 292.

²² *Ромодановский К.* Указ. интервью.

²³ Обзор исследований на данную тему см.: *Попков В.* Феномен этнических диаспор / Российская Академия Наук, Институт социологии. М., 2003.

²⁴ *Леверовская Я.В.* Диаспоры // Энциклопедия социологии. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0322.htm?text=%DO...>

²⁵ *Дятлов В.И.* «Новые диаспоры» и проблема интеграции внешних мигрантов в принимающее общество // Мост через Амур : Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке / Исследовательский центр «Внутренняя Азия», Фонд Розы Люксембург. М.; Иркутск. 2004. С. 63.

²⁶ Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001.

²⁷ См.: Дятлов В.И. Мигранты и «этнические рынки»: (на примере «китайского рынка» «Шанхай» в Иркутске) // Региональное измерение трансграничной миграции в Россию. М., 2008; *Его же*. «Новые диаспоры» и проблема интеграции... См. также: подборку статей В.И. Дятлова, Н.Н. Рыжовой, Н.Ж. Шармашкеевой, Е.И. Нестеровой под рубрикой «Чайнатауны в России» / отв. ред. В.И. Дятлов // Проблемы этнографии. 2008. № 4.

²⁸ Гончаров С.Н. Китайцы в России — кто они? // ПДВ. 2003. № 4,

²⁹ <http://ru.china-embassy.org/chn/xwdt/t294278/html>

³⁰ Шармашкеева Н.Ж. Социокультурная адаптация китайских мигрантов в Бурятии: автореф. дис. ...канд. ист. наук [На правах рукописи] / Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 2007.

³¹ Чжунго миньцзянь маои фашэн да бьяньхуа: [Крупные перемены в китайской народной торговле] // Цзинцзи цанькао бао. 24.11.2003. Цит. по: URL: <http://news1.jtj.com/cn/news/2003-11-24/000000695699.html>

³² Цзинцзи цанькао. 24.11.2003.

³³ Синьхуа. 04.02.2008.

³⁴ Там же. 25.02.2008.

³⁵ Жэньминь жибао. 10.02.2008.

³⁶ Коммерсант. 2007. 31 января.

³⁷ http://www.mr-msk.ru/news/2007/03/39/news_U95.html?template=28

³⁸ Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М., 1999.

³⁹ Гельбрас В.Г. Китайская реальность России; *Его же*. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004.

⁴⁰ Забияко А.П., Аниховский С.Э., Кобызов Р.А. Исследовательский проект «Этническое самосознание русских и китайцев в Дальневосточном регионе» // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001; Забияко А.П. Аккультурация мигрантов: перспектива формирования маргинальных этнических групп и культур // Мост через Амур: Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке / Исследовательский центр «Внутренняя Азия», Фонд Розы Люксембург. М.; Иркутск. 2004.

⁴¹ Мотрич Е.Л. Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке // ПДВ. 2001. № 6. *Ее же*. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России и проблемы китайской миграции: материалы Всероссийской научно-практической конференции, МГИМО(У) МИД России, г. Москва, 21—22 декабря 2006 г.) // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения / Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России, Центр исследований Восточной Азии и ШОС; [ред. А.В. Лукин]. М., 2007.

⁴² Wishnick E. Economic Security and Chinese Migration to the Russian Far East. Honolulu. 2004.

⁴³ *Алагуева Т., Васильева К., Островский А.* Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории // ПДВ. 2007. № 4.

⁴⁴ *Шевцова Т.В.* Китайская миграция в России : ситуация, тенденции, политика // Власть. 2005. № 8.

⁴⁵ *Wishnick E.* Economic Security... P. 7.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. С. 63.

⁴⁸ Там же. С. 88 ; *Гельбрас В.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. С. 127.

⁴⁹ *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях... С. 105, 127, 157.

⁵⁰ *Wishnick E.* Economic Security... P. 9.

⁵¹ Независимая газета. 2008. 21 марта.

⁵² Гуанчжоу жибао. 19.02.2007. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/tzcy/hstw/200702/19/62365/shtml>

⁵³ Цицинь Шулань ю гэ «Элосы синь нян цунь» : [В провинции Гирин в Шулане есть «поселок русских молодых»]. URL: <http://commerce.northeast.cn>. 24.10. 2006

⁵⁴ РИА Новости. 2008. 2 сентября. URL: <http://dv.rian.ru/society/20080902/81691316.html>

⁵⁵ *Wishnick E.* Economic Security... P. 5.

⁵⁶ *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. С. 71.

⁵⁷ *Алагуева Т., Васильева К., Островский А.* Образ россиян в глазах китайцев... С. 132.

⁵⁸ *Гельбрас В.* Россия в условиях... С. 133.

⁵⁹ *Wishnick E.* Economic Security... P. 19.

⁶⁰ *Мотрич Е.Л.* Демографический потенциал и присутствие китайцев... С. 63.

⁶¹ *Wishnick E.* Economic Security... P. 19.

⁶² *Сунь Хао.* Цун Мосыкэ дэ цзинча цзай цы оуда чжунго жэнь танци [Московская милиция опять избивает китайцев]. URL: <http://column.bokee.com/46104.html>

⁶³ *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. С.101; *Его же.* Россия в условиях... С. 121.

⁶⁴ *Мотрич Е.Л.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке и проблемы китайской миграции... С. 138.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ *Забияко А.П.* Диаспоризация: китайский опыт // Россия и Китай на дальневосточных рубежах : Мост через Амур / Амурский государственный университет, Центр гуманитарных программ «Даурия», Фонд Розы Люксембург. Благовещенск. 2006. Вып. 7 : Сборник материалов международной научной конференции. С. 252.

- ⁶⁷ Дейта.RU. 2008. 27 марта. URL: <http://www.deita.ru/news...108215>
- ⁶⁸ Гельбрас В.Г. Россия в условиях... С. 97.
- ⁶⁹ Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. С.118 ; *Его же*. Россия в условиях... С. 138.
- ⁷⁰ Мост через Амур : Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке : сборник материалов международного исследовательского семинара / Исследовательский центр «Внутренняя Азия», Фонд Розы Люксембург. М. ; Иркутск. 2004. С. 78.
- ⁷¹ Алагуева Т., Васильева К., Островский А. Образ россиян в глазах китайцев... С. 134.
- ⁷² [В провинции Гири в Шулане...].
- ⁷³ Дятлов В., Кузнецов Р. «Шанхай» в центре Иркутска: экология китайского рынка // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / Иркутский государственный университет, Исследовательский центр «Внутренняя Азия». М. ; Иркутск. 2005. С. 166.
- ⁷⁴ ИА Regnum. 2004. 18 августа.
- ⁷⁵ Комсомольская правда. 2008. 16 августа.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Российская газета. 2007. 16 ноября.
- ⁷⁸ Поставнин В.А. Интервью заместителя директора ФМС В.А. Поставнина // Российская газета. 2007. 13 апреля.
- ⁷⁹ Ведомости. 2006. 30 ноября.
- ⁸⁰ Судьбы китайских торговцев в РФ находятся под пристальным вниманием СМИ КНР. URL: <http://www.annews.ru/news/detail.php?ID+77363.html> 13.02.2007
- ⁸¹ <http://www.chinaqw.com.cn/tzcy/hxw/200701/20/58486.shtml> 20.01.2007
- ⁸² <http://ru.china-embassy.org/chn/xwdt/t294278.htm> 02.02.2007
- ⁸³ Жэньминь жибао.15.05.2007. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/5734650.html>
- ⁸⁴ Загоруйко А. Приморье «отъедают». URL: www.gazeta.ru 18.09.2007
- ⁸⁵ http://www.interfax.ru/r/B/pcreport/15html?id_issue=11703991 02.04.2007
- ⁸⁶ http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=2444
- ⁸⁷ ИА Regnum 14.03.2007. URL: <http://www.china.polpred.ru/news.html?section=21>
- ⁸⁸ <http://www.chinaqw.com.cn/tzcy/hxw/200704/26/70519.shtml>
- ⁸⁹ <http://dv.rian.ru/society/20070406/81554684.html> 06.04.2007
- ⁹⁰ <http://www.svobodanews.ru/frticlete.aspx?exactdate=20070328102438723>
- ⁹¹ <http://www.svobodanews.ru/frticlete.aspx?exactdate=20070328102438723>; <http://www.chinaqw.com.cn/tzcy/hxw/200704/26/70519.shtml>; <http://www.amur.info/news/2007/06/19/23/html>
- ⁹² <http://russian.people.com.cn/31521.5562107.html>

⁹³ *Просвирнов С.Ю.* Китайская миграция в Амурской области на современном этапе // 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки: тезисы докладов XVII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 22–24 октября 2008 г.). Ч. 1 / РАН, ИДВ. М., 2008. С. 178.

⁹⁴ Иностранцы торговцы не оставили приморские рынки // Дейта.ru. 2008. 27 марта. URL: <http://www.deita.ru/news...108218>

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Элосы лунбао. Цит. по: URL: <http://www.chinaqw.com.cn/tzcy/hsxw/200706.14.76133.shtml>

⁹⁸ *Санакоев С.* Вне черкизоны. Время Черкизовского рынка прошло. URL: http://www.rus-china.com/index.php?option=com_content&view=article&id=171:2009-07

⁹⁹ Чжунго ван. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2009-07/27/content_18213796.htm

¹⁰⁰ Соглашение между правительствами Российской Федерации и Китайской Народной Республики о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России // Сборник российско-китайских договоров, 1949–1999 / редакционная комиссия: Г.Б. Карасин [и др.]. М., 1999. С. 145.

¹⁰¹ Соглашение между правительствами РФ и КНР о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации // Сборник российско-китайских документов, 1999–2007 / редакционная комиссия: А.П. Лосюков [и др.]. М., 2007. С.114.

¹⁰² *Карлусов В., Кудин А.* Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке... С. 82–83 ; *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. С. 112, 115–116.

¹⁰³ Жэньминь жибао. 19.06.2008.

¹⁰⁴ Там же. 19.06.2008.

¹⁰⁵ ИА REGNUM. URL: www.regnum.ru/news/989270.html

¹⁰⁶ Хэйлунцзян тунцзи няньцзянь 2007. [Электронный ресурс] : [Хэйлунцзянский статистический ежегодник 2007 г.]. Чжунго тунцзи чубаньшэ. 2007. Табл. 15–8.

¹⁰⁷ <http://7do.ru/cgi-bin/read.cgi&m=92553>

¹⁰⁸ *Фэн Юйцзюнь.* Национальные интересы Китая в российско-китайских отношениях // Современное внутреннее и международное положение в России в оценках политологов КНР : экспресс-информация / РАН, ИДВ, Центр научной информации и документации. М., 2008. № 3(148). С. 33–34.

¹⁰⁹ http://www.caiec.org/2005/article_view.asp?id=719 (29.05.2006)

¹¹⁰ http://www.caiec.org/2005/article_view.asp?id=719 (29.05.2006)

¹¹¹ Жэньминь жибао. 19.06.2008.

- ¹¹² Жухэ цзяцянь Чжун Э лаоу цзо хэ цзо : [Как укрепить китайско-российское сотрудничество по трудовым услугам]. URL: http://www.crc.mofcom.gov.cn/crweb/crc/info/Article.jsp?a_no=39064&col_no=18 04.08.2006.
- ¹¹³ Балтийская жемчужина. URL: <http://www/bpearl.net/press/article/745>
- ¹¹⁴ Независимая газета. 25. 10. 2007.
- ¹¹⁵ ИА Sakha News. 2007. 24 августа. URL: <http://1sn.tu/show.php?id=16755>
- ¹¹⁶ Володин В. Китайские строители атакуют российский рынок // Сибирский дом. URL: <http://www.sibdom.ru/article/php&id=231>
- ¹¹⁷ [Как укрепить китайско-российское сотрудничество...].
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Дацышен В.Г. Китайская миграция на Востоке России и связь ее с внутривосточными проблемами в начале XXI в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах : Мост через Амур. Вып. 7. С. 135.
- ¹²⁰ Жэньминь жибао. 22.11.2006.
- ¹²¹ Огонёк. 2003. 31 января. Цит. по: URL: http://archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/expert-2/kaznit_nelzya/
- ¹²² Муданьцзян нунье синьси ван : [Муданьцзянский сайт сельскохозяйственных новостей] / 17.10.2003. URL: www.mdjiang.gov.cn
- ¹²³ http://eawarn.ru/pub/Bull/WebHome/69_09/htm
- ¹²⁴ Yarmarka.net. URL: <http://www.yarmarka.net/news/news.asp?id=23284>
- ¹²⁵ Российская газета : Приволжье. 2008. 14 марта.
- ¹²⁶ НТВ новости. Китайцы вступают в российские профсоюзы. URL: <http://news.ntv.ru/99790/> ; Охрана труда. В Приморье условия труда китайских мигрантов проверили профсоюзы. URL: <http://www.tehbez.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=389837>
- ¹²⁷ Независимая газета. 2008. 26 сентября ; Комсомольская правда. 2008. 31 октября.
- ¹²⁸ По словам вице-премьера А.Д. Жукова. См.: Жэньминь жибао. 19.03.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/95197/6617845/html>
- ¹²⁹ Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции.
- ¹³⁰ Там же. С. 151.
- ¹³¹ Независимая газета. 2006. 23 ноября.
- ¹³² Гельбрас В.Г. Указ. соч. С. 161.
- ¹³³ Там же. С. 158.
- ¹³⁴ Там же. С. 157.
- ¹³⁵ <http://commerce.northeast.cn> 04.09.2006.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Бэйцзин ваньбао. 01.02.2008.
- ¹³⁸ <http://commerce.northeast.cn> 04.09.2006.
- ¹³⁹ Гельбрас В.Г. Указ.соч. С. 152.
- ¹⁴⁰ Чжун гуан ван. 08.01.2008.

- ¹⁴¹ Чжунго цюван. 17.04.2007. URL: chinaqw.com.cn
- ¹⁴² Жэньминь жибао. 22.01.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6579550/html>
- ¹⁴³ Гельбрас В.Г. Указ. соч. С. 163.
- ¹⁴⁴ Бэйцзин ваньбао. 01.02.2008.
- ¹⁴⁵ Гельбрас В.Г. Указ. соч. С. 165.
- ¹⁴⁶ Бэйцзин ваньбао. 01.02.2008.
- ¹⁴⁷ Гельбрас В.Г. Указ. соч.
- ¹⁴⁸ Письменная Е.Е. Миграция иностранных студентов в Россию // На-родонаселение. 2008. № 1. С. 83.
- ¹⁴⁹ Бэйцзин ваньбао. 01.02.08.
- ¹⁵⁰ <http://commerce.northeast.cn> 04.09.2006.
- ¹⁵¹ Бэйцзин ваньбао. 01.02.2008
- ¹⁵² Гайдар Е.Т. Экономический рост и человеческий фактор // Вестник Европы. 2003. № 9. URL: <http://www.gaidar.org>
- ¹⁵³ Жэньминь жибао. 19.03.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/95197/6617845/html>
- ¹⁵⁴ Деловой Китай / Российско-китайский центр торгово-экономического сотрудничества. Т. X—XI. М., 2006. С. 189—190.
- ¹⁵⁵ Дмитриев М. Интервью агентству Интерфакс-Китай. URL: <http://www.interfax.ru/r/R/exclusive/260/html?mem&ID=11311497>
- ¹⁵⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках // Сборник российско-китайских документов, 1999—2007. М., 2007. С. 53, 55, 56.
- ¹⁵⁷ Чжунго люй ван : [Китайский туристический Интернет]. 04.07.2006. URL: <http://www.51.yala.com/Html/20064711220-1.Html>
- ¹⁵⁸ Деловой Китай... Т. X—XI. С. 261; Чжунго люй ван...
- ¹⁵⁹ Синьхуа. 22.07.2005.
- ¹⁶⁰ Просвиринов С.Ю. Китайская миграция в Амурской области... С. 179.
- ¹⁶¹ Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых туристических поездках от 29 февраля 2000 г. // Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 / редакционная коллегия: А.П. Лосюков [и др.]. М., 2007. С.484, 485.
- ¹⁶² Turist.ru 19.04.2004. URL: <http://www.turist.tu/news/19/04/2004/39413>
- ¹⁶³ Гоцзя люйю цзюй. 2007 Чжунго люйю е тунцзи гунбао : [Государственное агентство по туризму. Статистический отчет по туризму КНР за 2007 г.] URL: <http://www.cnta.gov.cn/html/2008-9/2008-9-10-11-35-98624.html>
- ¹⁶⁴ <http://www.cnta.gov.cn/htm/2008-6/2008-6-2-21-29-3-317/html>
- ¹⁶⁵ <http://www.russiatourism/files/Viezd-2007.doc>

- ¹⁶⁶ *Нечаева А.В.* Этапы развития и особенности китайского выездного туризма // ПДВ. 2008. № 4. С. 120, 128.
- ¹⁶⁷ ИА Regnum. 19.06.2008.
- ¹⁶⁸ Там же. 22.07.2009. URL: <http://www.regnum.ru/news/1189017.html>
- ¹⁶⁹ GZT.RU. 09.07.2009. URL: <http://www.gzt.ru/megapolis/248127.html>
- ¹⁷⁰ Тихоокеанская звезда. 2007. 25 октября. Цит. по: URL: <http://www.habarovsk.ru/news/news27980.php>
- ¹⁷¹ *Ромодановский К. К.* Ромодановский: «Погромов, как в Париже, в России не будет!» : [интервью]. 29.02.2008. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=11276U
- ¹⁷² <http://www.nashisrael.ru/news/print/php?i=15415>
- ¹⁷³ <http://www.chinaqw.com.cn/hqhr/ymzx/200711/14/95013/shtml>
- ¹⁷⁴ Дейта.RU. <http://www.deita.ru/news/?news,,,111664>
- ¹⁷⁵ Независимая газета. Приложение «НГ регионы». 2006. 4 сентября.
- ¹⁷⁶ Независимая газета. 2006. 15 декабря.
- ¹⁷⁷ <http://ug.gian.ru/incidents/20060911/81510556/html>
- ¹⁷⁸ Независимая газета. 2004. 21 июня.
- ¹⁷⁹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 / редакционная комиссия: А.П. Лосюков [и др.]. М., 2007. С. 150.
- ¹⁸⁰ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Сборник российско-китайских документов, 1999—2007. С. 495.
- ¹⁸¹ Россия—Китай : [газета]. Москва. 2000. 5 августа.
- ¹⁸² Независимая газета. 2007. 16 октября.
- ¹⁸³ <http://www.amur.info/news/2007/02/10/21/html>
- ¹⁸⁴ <http://www.russia.org.cn/rus/ID=543>
- ¹⁸⁵ *Хэ Шаоси.* Чжун Э миньцзянь маои хэ ши цзоучу «хуэйсэ тунгуань» ничжао : [Когда «серая растаможка» в китайско-российской народной торговле вылезет из трясины?] // Мосыкэ хуажэнь бао. 31.03.2004.
- ¹⁸⁶ *Чжан Цзяньжун.* Анализ явлений «серого бизнеса» в народной торговле между Россией и Китаем // ПДВ. 2005. № 1. С. 74, 75.
- ¹⁸⁷ *Дмитриев М.* Михаил Дмитриев: «Россия и Китай впервые разрабатывают план взаимного экономического сотрудничества». : [интервью]. 16.06.2005. URL: http://www.interfax.ru/r/V/exclusive/260.html?menu=8&id_issue=11311497
- ¹⁸⁸ Чжунго фучжуан се мао ван : [Китайская одежда и обувь]. 29.10.2008. URL: <http://www.fzxm.com/html/2008/10/1000174958shtml>
- ¹⁸⁹ ИТАР-ТАСС. 2005. 17 июня.
- ¹⁹⁰ Ведомости. 2007. 2 марта.
- ¹⁹¹ *Хэ Шаоси.* [Когда «серая растаможка»...]

- ¹⁹² http://english.people.com.cn/200402/16/eng20040216_134947.shtml
- ¹⁹³ Жэньминь жибао. 23.03.2005. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/3264240.html>
- ¹⁹⁴ [Китайская одежда...]
- ¹⁹⁵ См.: The Epoch Times : [Великая эпоха]. 2009. 8 июня. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/25356/3>; http://www.gazeta.ru/news/social/2009/06/09/n_1370684/shtml
- ¹⁹⁶ «Жэньминь жибао» он-лайн. 30.07.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6714141.html>
- ¹⁹⁷ Там же. С. 349, 355.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 349.
- ¹⁹⁹ Коммерсантъ Деньги. 2000. 1 марта. № 8 (26). URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?tocsID=24074&print=true>
- ²⁰⁰ [Китайская одежда...]
- ²⁰¹ Шанъу бу: циньчжэнь мяньдуй элосы пигэ шичан : [Министерство торговли: всерьез повернуться лицом к российскому рынку кожи] // Чжунго цзинцзи ван. 19.03.2008. URL: http://fasion.ce.cn/main/yjxw/200803/19/t20080319_14890280/shtml
- ²⁰² Ведомости. 2007. 2 марта.
- ²⁰³ Жэньминь жибао. 30.06.2005. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/3509124.html>
- ²⁰⁴ «Жэньминь жибао» он-лайн. 30.07.2009 URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6714141.html>
- ²⁰⁵ Хуаньцю шибао. 04.07.2009.
- ²⁰⁶ Процесс становления полукриминальной экономики на примере трансграничного рынка Благовещенск — Хэйхэ. См. : Рыжова Н. Останется ли китайско-российский симбиоз в Приамурье конъюнктурной суетой? // Диаспоры. 2006. № 1. С. 80—120.
- ²⁰⁷ Агентство национальных новостей. URL: <http://www.annews.ru/news/detail/php?ID=70595>
- ²⁰⁸ Независимая газета. 2005. 15 декабря.
- ²⁰⁹ Семенюк М.Ю. Проблемы борьбы с транснациональной преступностью в Приморском крае // Проблемы укрепления государственности и обеспечения верховенства закона. Владивосток, 2003. Цит. по: URL: <http://law.edu.ru/article.asp?articleID=1186757>
- ²¹⁰ Чжан Цзяньжун. Анализ явлений «серого бизнеса»... // ПДВ. 2005. № 1. С. 77.
- ²¹¹ Портал лесопромышленника. 2004. 23 апреля. URL: <http://www.drevesina.com/news/htm/a5136/>
- ²¹² Огонек. 2006. № 34. С. 42.
- ²¹³ Мосыкэ хуажэнь бао. 31.03.2004 ; Чжунго цяован 24.07.2007. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/tzsw/200707/24/80687/shtml>
- ²¹⁴ <http://www.amur/info/news/2005/97/26/23/html>

²¹⁵ См.: Независимая газета. 2002. 15 января ; *Семенов М.Ю.* Проблемы борьбы с транснациональной преступностью в Приморском крае. Цит. по: URL: <http://law.edu.ru/article.asp?articleID=1186757>

²¹⁶ [Министерство торговли: всерьез повернуться...]

²¹⁷ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Сборник российско-китайских документов. 1999—2007. С. 495.

²¹⁸ Жэньминь ван. URL: <http://world.people.com.cn/GB/14549/3406738.html>

²¹⁹ *Зайончковская Ж.А.* Иммиграция: альтернативы нет // Нужны ли иммигранты российскому обществу / под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2006. С. 7.

²²⁰ Там же. С. 8.

²²¹ Независимая газета. 2008. 10 сентября.

²²² *Зайончковская Ж.А.* Указ.соч. С. 9.

²²³ Там же. С. 14.

²²⁴ Краткие итоги пилотного обследования «Семья и рождаемость». URL: http://www.gks.ru/dfree_doc/2006/demogr.htm

²²⁵ Население России — 2002 : десятый ежегодный демографический доклад / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека ; [отв. ред. А.Г. Вишневский]. М., 2004. С. 117.

²²⁶ Там же. С. 130.

²²⁷ *Мотрич Е.Л.* Демографическая ситуация в Дальневосточном федеральном округе // Народонаселение. 2004. № 2. С. 95.

²²⁸ *Вишневский А.В.* Альтернативы миграционной стратегии // Россия в глобальной политике. 2004. Ноябрь-декабрь (№ 6). Цит. по: Демоскоп Weekly. № 185—186. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit0.5.php>

²²⁹ Там же.

²³⁰ Вестник форума переселенческих организаций. 2003. № 7. Цит. по: URL: http://archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/expert-2/kaznit_nelzya/

²³¹ *Просвиринов С.* Миграционные проблемы Амурской области : реальность, мифы и иллюзии // ПДВ. 2007. № 4. С. 47.

²³² <http://news.vl.ru/vlad/2006/11/20/megapolis/>

²³³ *Мотрич Е.Л.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России и проблемы китайской миграции // Российско-китайское сотрудничество : проблемы и решения... С. 140.

²³⁴ Подробнее см.: *Малахов В.* Понаехали тут... М., 2002. Гл. «Национализм и его прорабы» ; О ксенофобии как форме социального протеста молодежи см. также: *Паин Э.* Куда делась дружба народов // Избранное.Ru. 2008. 5 февраля. URL: <http://www.izbrannoe.ru?25887.html>

²³⁵ См.: Независимая газета. 2007. 30 ноября.

²³⁶ Там же. 15.03.2007.

- ²³⁷ Ведомости. 2002. 23 мая.
- ²³⁸ См.: URL: <http://www.sectsko.org/RU/show.asp?id=86>
- ²³⁹ *Зайончковская Ж.А.* Иммиграция: альтернативы нет. С. 17.
- ²⁴⁰ Независимая газета : Дипкурьер. 2005. 24 октября (№ 13 (92)).
- ²⁴¹ *Зайончковская Ж.* Возможно ли организовать переселение на Дальний Восток? // Миграция. 1997. № 3 ; *Витковская Г., Зайончковская Ж.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России : надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона : межстрановое взаимодействие / Московский Центр Карнеги ; [под ред. Г. Витковской и Дмитрия Тренина]. М., 1999.
- ²⁴² *Инь Цзяньпин.* Китайцы на Дальнем Востоке : от «угрозы» до содействующего фактора для стабильного развития экономики ДВ // Взгляд вне рамок старых проблем : опыт российско-китайского сотрудничества. Occasional Papers. No 6 / Slavic Research Center, Hokkaido University. Sapporo, 2005. С. 44.
- ²⁴³ Из наиболее крупных работ см.: *Рыбаковский Л.Л.* Концепция миграционной политики в южных районах Дальнего Востока / Л.Л. Рыбаковский, Н.В. Тарасов, Е.П. Сигарева, А.Г. Гришанов ; Институт социально-политических исследований РАН. М., 1999 ; См. также названные выше монографии В.И. Дятлова, В.Г. Гельбраса.
- ²⁴⁴ *Зайончковская Ж.А.* Иммиграция: альтернативы нет. С. 9.
- ²⁴⁵ Там же. С. 13.
- ²⁴⁶ <http://www.rosbalt.ru/2007/10/14/422283.html>
- ²⁴⁷ *Боброва О.* Пролетарии всех стран... // Новая газета. 26.04—02.05.2007.
- ²⁴⁸ По поводу второго подробнее см.: *Рыбаковский Л.Л.* Демографическая безопасность : геополитические аспекты // Народонаселение. 2004. № 1.
- ²⁴⁹ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Сборник российско-китайских документов. 1999 — 2007. С. 495.
- ²⁵⁰ Обзор результатов ряда опросов второй половины 1990-х — начала 2000-х гг. см.: *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом : образ Китая в России в XVII — XXI веках. М., 2007.
- ²⁵¹ *Витковская Г., Зайончковская Ж.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России...
- ²⁵² *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. М., 2001.
- ²⁵³ *Забяко А.П.* Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая : теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002.
- ²⁵⁴ *Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях [80-е годы XX — начало XXI в.]. М., 2005 ; *Его же.* В тени проснувшегося дракона : российско-китайские отношения на рубеже XX — XXI веков. Владивосток, 2006.

²⁵⁵ *Миндогулов В.В.* Что думают жители Дальнего Востока о российско-китайских приграничных отношениях? // Социологические исследования. 1995. № 10.

²⁵⁶ *Мотрич Е.* Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке // ПДВ. 2001. № 6

²⁵⁷ *Ларина Л.* Китай глазами молодежи // Россия—Китай, XXI век. 2006. Декабрь.

²⁵⁸ *Алагуева Т., Васильева К., Островский А.* Образ россиян в глазах китайцев... // ПДВ. 2007. № 4.

²⁵⁹ В нескольких случаях мы использовали для нашей анкеты вопросы и варианты ответов из публикаций ВЦИОМ, работ В.Г. Гельбраса и некоторых других авторов.

²⁶⁰ *Ларин В.Л.* Китай и Дальний Восток России. Владивосток, 1998. С. 159—170.

²⁶¹ См.: *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона.

²⁶² См.: Чжун Э гуаньси ды лиши юй сяньши : [История и современное состояние китайско-российских отношений] / гл. ред. Луань Цзинхэ. Кайфэн, 2004.

²⁶³ *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. С. 280, 281.

²⁶⁴ Там же. С. 282, 283.

²⁶⁵ *Исхаков К.* Камиль Исхаков: «Положение на Дальнем Востоке превратилось в прямую угрозу национальной безопасности всей России» : [интервью] // Интерфакс / 2006. 28 декабря. URL: http://www.interfax.ru/r/V/exclusive/22html?menu=1&id_issue=11655605

²⁶⁶ <http://www.izvestia.ru/press/article3092130>

²⁶⁷ *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. С. 420.

²⁶⁸ Внутренняя угроза России / Левада-центр. 2008. 8 февраля. URL: <http://www.levada.ru/press/2008020800/html>

²⁶⁹ Независимая газета : Приложение «НГ политика». 2007. 26 апреля.

²⁷⁰ *Менгес К.* Китай. Нарастающая угроза. М., 2006.

²⁷¹ *Синь Янь, Яблоков Н.П.* Борьба с мафией в Китае ; *Овчинский В.С.* Мафия XXI века: сделано в Китае. М., 2006.

²⁷² *Русаков Р.* Дыхание дракона : Россия, Китай и евреи. М., 1995,

²⁷³ *Немцов Б., Милов В.* Независимый экспертный доклад «Путин. Итоги». М., 2008.

²⁷⁴ *Приходько С.* Москва — Пекин : мы нужны друг другу // Россия в глобальной политике. 2004. № 2. Март—апрель. URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/7/>

²⁷⁵ См.: *Портяков В.Я.* Китайцы идут? : миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // Международная жизнь. 1996. № 2.

²⁷⁶ *Балдано М.Н.* Конструирование образа мигранта в региональной российской прессе // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Амурский государственный университет, Центр гуманитарных программ «Даурия»,

Фонд Розы Люксембург. Благовещенск. 2006. Вып. 7: Сб. материалов международной научной конференции С. 191.

²⁷⁷ *Забияко А.П.* Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая : теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. С. 424.

²⁷⁸ Ведомости. 2006. 25 мая. Цит. по: URL: <http://www.vedomosti.tu/newspaper>

²⁷⁹ Независимая газета. 2001. 28 июня.

²⁸⁰ См.: Внешмаркет. URL: <http://www.vneshmarket.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?id=150816>

²⁸¹ *Ларин В.Л.* Китайский фактор в общественном сознании российского приграничья: срез 2003 года // ПДВ. 2004. № 4. С. 68.

²⁸² *Мотрич Е.Л.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России... С. 131—132.

²⁸³ Чжунго тунцзи няньцзянь 2008 / Чжун хуа жэньминь гунхэго гоцзя тунцзи цзюй бянь : [Китайский статистический ежегодник 2008 / сост. Государственное статистическое управление КНР]. Пекин, 2008. Табл. 3-3.

²⁸⁴ См.: *Карлусов В., Кудин А.* Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке... С. 82.

²⁸⁵ *Бакланов П.Я.* Географические, социально-экономические и геополитические факторы миграции китайского населения на юг Дальнего Востока : доклад на круглом столе 28.06.1999 // Перспективы Дальневосточного региона : китайский фактор / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН. Владивосток, 1999. С. 3.

²⁸⁶ *Мотрич Е.Л.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России... С. 131.

²⁸⁷ *Воробьева О.* Россия: миграционные вызовы XXI века / О. Воробьева, Е. Гонтмахер, Ж. Зайончковская, Л. Рыбаковский. URL: <http://www/archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/strategii/doclad-csr-migrations>

²⁸⁸ *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 273.

²⁸⁹ *Kjellen R.* Das Staat als Lebensraum. Leipzig, 1917. P. 42—46.

²⁹⁰ Политология : энциклопедический словарь / ред. Ю.И. Аверьянов. М., 1993. С.400.

²⁹¹ Чжун Э гуаньси ды лиши юй сяньши : [История и современное состояние китайско-российских отношений]. Кайфэн, 2004.

²⁹² Цит. по: URL: <http://lsn.ru/show.php?id=9963>

²⁹³ *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. М., 2008. С. 207.

²⁹⁴ *Поликанов Д.* В центре внимания // РИА «Новости» 26.05.2005. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1310/html>

²⁹⁵ ВЦИОМ. В центре внимания. 2006. 3 июля. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/2844.html>

²⁹⁶ Национализм и ксенофобия // Левада-центр. 2007. 29 августа. URL: <http://www.levada.ru/press/2007082901/html>

²⁹⁷ *Кубарский Д.В.* Социально-психологическая адаптация китайцев на Дальнем Востоке в восприятии местного населения // Толерантность в межкультурном диалоге / отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М., 2005. Цит. по: URL: http://far-east-chinese.narod.ru/about_project/monogr2004.htm

²⁹⁸ *Алексеев М.* Восприятие масштабов миграции в России : этнорегиональные измерения и психология цифр // Вестник общественного мнения. 2006. № 4. С. 44—54; См. также: Демоскоп Weekly. 2007. 10—23 января (№ 293—294) URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0293/analit05.php>

²⁹⁹ *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях... С. 34.

³⁰⁰ *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. С. 279-280.

³⁰¹ См.: *Ларина Л.* Китайцы на Дальнем Востоке России: динамика их восприятия за последнее десятилетие // Взгляд вне рамок старых проблем: опыт российско-китайского пограничного сотрудничества. Occasional Papers. No 6 / Slavic Research Center. Hokkaido University. Sapporo, 2005.

³⁰² Результаты выборочного социологического опроса населения, проведенного Социологическим центром РАГС при Президенте российской Федерации // Государственная служба. Научно-политический журнал. № 6 (50). Ноябрь—декабрь, 2007.

³⁰³ Пресс-выпуск / Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2007. № 773 (20 сентября) URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8844.html>

³⁰⁴ Чжунго линши баоху чжинань чу тай му хоу : [Китайская консульская защита вступает в действие. Обратная сторона явления]. URL: <http://chinaqw.com.cn/hqhr/hrdt/200711/11/94642/shlml>

³⁰⁵ Национализм и ксенофобия // Левада-центр. 2007. 29 августа. URL: <http://www.levada.ru/press/2007082901/html>

³⁰⁶ *Забияко А.П.* Аккультурация мигрантов:перспектива формирования маргинальных этнических групп и культур // Мост через Амур : Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке...

Глава 3. Эмиграционный потенциал и эмиграционно-диаспоральная политика Китая

¹ Чжунхуа Жэньминь Гунхэго гуйцяо цяо цзюань цюань баоху фа : [Закон КНР об охране прав вернувшихся хуацяо и родственников-цяоцзюань]. П. 2. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai3723.html>

² Там же.

³ Там же.

⁴ О месте миграции в Россию в общей картине международной миграции из КНР см.: *Портяков В.Я.* Российский вектор в глобальной китайской миграции // ПДВ. 2006. № 2.

⁵ Чжунго тунцзи няньцзянь 2008 / Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тунцзи цзюй бянь : [Китайский статистический ежегодник 2008 / Государственное статистическое управление КНР]. Пекин, 2008. Табл. 3-1, 3-2.

⁶ *Чжан И.* Чжунго данцянь ды жэнькоу цзегоу хэ фачжань тайши // Шэхуй ланьпи шу. 2007 нянь: Чжунго шэхуй синши фэньси юй юйцэ / Чжу бянь: Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь : [Структура и динамика населения Китая. Современное состояние // Синяя книга о китайском обществе. 2007 год: положение в китайском обществе. Анализ и прогноз / гл. ред. Жу Синь и др]. П., 2006. С. 110 ; Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. Табл. 3-4.

⁷ Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. Табл. 3-6.

⁸ *Чжан И.* [Структура и динамика...] С. 115.

⁹ Цит. по: ИТАР-ТАСС. 22.02.2008.

¹⁰ *Чжан И.* [Структура и динамика...] С. 115.

¹¹ Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо / Чжун хуа жэньминь гунхэго гоцзя тунцзи цзюй бянь : [Материалы Всекитайской переписи населения 2000 г. / Государственное статистическое управление КНР]. Пекин, 2002. С. 134—144; Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. Табл. 3-1.

¹² Рассчитано по: Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо. С. 134—144; 2008 Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. Табл. 3-7.

¹³ Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/5691704/html>

¹⁴ *Ян Июн.* 2006 нянь цзю е синши юй 2007 нянь юйцэ // Цзинцзи ланьпишу. 2007 нянь: Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцэ / Чжу бянь: Чэнь Цзягуй : [Положение с занятостью в 2006 г. и прогноз на 2007 г. // Синяя книга по экономике. 2007 год: положение в китайской экономике. Анализ и прогноз / гл. ред. Чэнь Цзягуй]. Пекин, 2006. С. 196.

¹⁵ ИТАР-ТАСС. 21.01.2009.

¹⁶ См. *Островский А.В.* Перспективы экспорта трудовых ресурсов на российский Дальний Восток в условиях глобализации // Китай в мировой и региональной политике : история и современность / отв. ред. Б.Т. Кулик. М., 2003. С. 168, 169.

¹⁷ См.: *Скосырев В.* Поднебесная остается без работы // Независимая газета. 2008. 21 ноября.

¹⁸ *Ян Июн.* [Положение с занятостью в 2006...] С. 196.

¹⁹ *Чжао Ли.* Нунцунь лаодун ли чжуаньбянь ды чэнбэнь ю до да : [Какова себестоимость перемещения деревенской рабочей силы?] // Чжунго го гоцин ли. 2007. № 1. С. 28.

²⁰ *Цай Фан.* Жэнькоу бяньхуа юй цзю е цинши: чанци юй дуань ци // Цзинцзи ланьпишу. 2009 нянь Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцэ / Чжу бянь: Чэнь Цзягуй : [Динамика населения и занятости: долгосрочные и краткосрочные тенденции // Синяя книга по экономике. 2009 год. Положе-

ние в китайской экономике. Анализ и прогноз / гл. ред. Чэнь Цзягуй]. Пекин, 2009. С. 268.

²¹ *Чжан Чэвэй*. Лаодун гунцю гуаньси чжэн цзай фашэн чжунда бяньхуа // Цзинцзи ланьпишу. 2007 нянь: Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцэ / Чжу бянь: Чэнь Цзягуй : [В соотношении между предложением труда и спросом на труд происходят важные изменения // Синяя книга по экономике. 2007 год: положение в китайской экономике. Анализ и прогноз / гл. ред. Чэнь Цзягуй]. Пекин, 2006. С. 186.

²² *Ли Чуньлин, Ван Боянь*. Чжунго да сюэшен цзю е юй гунцзы шуйпин дяоча баогао // Шэхуй ланьпи шу. 2009 нянь Чжунго шэхуй синши фэньси юй юйцэ / Чжу бянь: Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь : [Итоги обследования уровня занятости и зарплат китайских студентов // Синяя книга о китайском обществе. Положение в китайском обществе в 2009 г. Анализ и прогноз / гл. ред. Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь]. Пекин, 2008. С. 90.

²³ См.: Цзю е ланьпишу. 2002 нянь: Чжунго цзю е баогао : [Синяя книга. Отчет о занятости в 2002 г.]. Пекин, 2003. С. 1.

²⁴ *Ли Чуньлин, Ван Боянь*. [Итоги обследования уровня...] С. 90.

²⁵ *Ян Июн*. [Положение с занятостью в 2006...] С. 195.

²⁶ Там же. С. 194.

²⁷ Жэньминь жибао. 02.12.2006.

²⁸ Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. Табл. 9-35.

²⁹ Подробнее о проблеме крестьян-рабочих см.: *Гельбрас В.Г.* Миграция, преобразующая Китай // Азия и Африка сегодня. 2005. № 9, 10.

³⁰ 2006—2007 нянь: Чжунго нунцунь цзинцзи синши фэньси юй юйцэ. Люйпишу [Экономика китайской деревни в 2006—2007 гг. Зеленая книга]. Пекин, 2007. URL: <http://nc.people.com.cn/GB/61154/5660512/html>

³¹ <http://news.sina.com.cn/2008-01-03/134014659224/shtml>

³² *Ян Июн*. Положение с занятостью в 2006... С. 195.

³³ *Чжан Чэвэй*. [В соотношении...] С. 187.

³⁴ *Ли Гаосян, Чжан Шаошань*. 2008 нянь нунье цзинцзи синши юй 2009 нянь чжаньван // Цзинцзи лань пи шу. 2009 нянь Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцэ / Чжу бянь: Чэнь Цзягуй : [Состояние китайской экономики в 2008 г. и ее развитие в 2009 г. // Синяя книга по экономике. 2009 год. Положение в китайской экономике. Анализ и прогноз / гл. ред.. Чэнь Цзягуй]. Пекин, 2009. С. 253.

³⁵ 2006—2007 нянь: Чжунго нунцунь цзинцзи синши фэньси юй юйцэ. Люйпишу : [Экономика китайской деревни в 2006—2007 гг. Зеленая книга]. Пекин, 2007. Цит. по: URL: <http://nc.people.com.cn/GB/61154/5660512/html>; См. также: *Ли Гаосян, Чжан Шаошань*. Состояние китайской экономики... С. 255.

³⁶ *Чжан И*. [Структура и динамика...] С. 110.

³⁷ *Чжан Чэвэй*. [В соотношении...] С. 184, 185.

³⁸ Там же. С. 185.

³⁹ Цзю е ланьпишу. 2002 нянь: Чжунго цзю е баогао : [Синяя книга. Отчет о занятости в 2002 г]. Пекин, 2003. С. 1.

⁴⁰ Guowuyuan fazhan yanjiu zongxin, Zhong gong Zhongyang zhengce yanjiu shi. Wo guo nongcun laodongli zhangyi yu zouxiang shiminhua de zhanlue cikaо (shang) 2003-02-26 : [Центр изучения проблем развития, Кабинет изучения политики ЦК КПК. Соображения о стратегии перемещения рабочей силы из деревень страны и постепенного превращения их в горожан. Часть 1]. Цит. по: *Гельбрас В.Г.* Миграция, преобразующая Китай // Азия и Африка сегодня. 2005. № 9. С. 48.

⁴¹ United Nations. International Migration Organization. Regional Fact Sheet. Asia. URL: www.un.org/migration/presskit/factsheet_asia.pdf

⁴² *Чжуан Готу*. Гуаньюй синь иминь яньцзю ды цзи дянь сыкао : [Некоторые соображения об изучении новых мигрантов] // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. 1997. № 2 ; *Чжан Готу*. 70 няндай илай ды хуажэнь синь иминь фажань чжуанкуан цзи во го ды дуйцэ // Хуацяо кэти яньцзю луньвэнь цзи : [Развитие ситуации с новыми мигрантами китайского происхождения с 70-х годов и наша политика // Сборник работ по проблемам эмигрантов]. Пекин, 2001.

⁴³ United Nations. International Migration Organization. Regional Fact Sheet. Asia. URL: www.un.org/migration/presskit/factsheet_asia.pdf

⁴⁴ Хэ му сян юн, хэцэ гун ин. Гоуцзянь игэ чунмань холи ды хуацяо хуажэнь шэхуй. Цзай ди сы цзюй шицзе хуацяо хуажэнь шэтуань ляньи дахуй шан ды баогао : [Гармония — сотрудничество с выигрышем для всех. Построим исполненное живой силы сообщество зарубежных китайцев : доклад (главы Канцелярии Госсовета по делам зарубежных китайцев Ли Хайфэн) на 4-й Всемирной конференции дружбы ассоциаций зарубежных китайцев]. URL:<http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78235/shtml>

⁴⁵ Чжунго линши баоху чжинань чу тай му хоу : [Китайская консульская защита вступает в действие. Обратная сторона явления]. URL: <http://chinaqw.com.cn/hqhr/hrdt/200711/11/94642.shtml>

⁴⁶ *Li Peter S.* Chinese Overseas as a Minority in Majority Settings // Proceedings II: the International Chinese Overseas Conference. 2001. Taipei. P. 19—40.

⁴⁷ Цзинь 20 нянь Фуцзянь Чанлэ жэнь иминь Мэйго ды дунци хэ тяоцзянь : [Стимулы и условия эмиграции жителей Чанлэ (Фуцзянь) последние 20 лет] // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. 2006. № 1. С. 1—2.

⁴⁸ Law of the People's Republic of China on the Control of the Exit and Entry of Citizens. URL: http://www.novexcn.com/entry_exit_citizens.html

⁴⁹ Жэньминь жибао. 17.01.2002.

⁵⁰ China Daily. 30.12. 2007.

⁵¹ Там же.

⁵² Чжунго линши баоху шицзянь суй нянь дицзэн : [Число случаев китайской консульской защиты увеличивается с каждым годом]. URL: <http://chinaqw.com.cn/hqhr/hrdt/200711/29.96/26.shtml>

- ⁵³ Синьхуа. 03.03.2008.
- ⁵⁴ Там же. 20.11.2008.
- ⁵⁵ *Liu Guofu*. The Right to Leave and Return and Chinese Migration Law. Martinus Nijhoff Publishers. 2006.
- ⁵⁶ *Min Zhou*. The Chinese Diaspora and International Migration. URL: http://www/sscnet.ucla.edu/soc/faculty/Zhou_Chinese_Diaspora.pdf
- ⁵⁷ *Skeldon Ronald*. (University of Sussex). China: From Exceptional Case to Global Participant. URL: www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?ID=219. P. 7.
- ⁵⁸ *Min Zhou*. The Chinese Diaspora...
- ⁵⁹ Хэ Шиюань. Хай вай хуажэнь юй гоцзи иминь яньцзю // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи / Хэ Шиюань чжубянь : [Изучение зарубежных китайцев и международной миграции // Сборник работ по изучению зарубежных китайцев / гл. ред. Хэ Шиюань]. Пекин, 2002. С. 7.
- ⁶⁰ Там же. С. 6.
- ⁶¹ Цю Либэнь. Гоцзи жэнькоу цянйи юй хуацяо хуажэнь яньцзю // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи / Хэ Шиюань чжубянь : [Международная миграция населения и изучение зарубежных китайцев // Сборник работ по изучению зарубежных китайцев / гл. ред. Хэ Шиюань]. Пекин, 2002. С. 51.
- ⁶² Там же. С. 53.
- ⁶³ Синьхуа. 29.11.2007.
- ⁶⁴ Чжоу Юйэ, Ван Сяньфэн. Дан дай чжунго фэйфа иминь ходун ды тэчжен : [Особенности современной нелегальной миграции]. URL: <http://www.jnu.edu.cn>
- ⁶⁵ <http://www/china.org.cn/english/Life/144942.htm> ; <http://www.chinanews.cn/news2005/2007-01-22/32729.html>
- ⁶⁶ Юэ 375 вань чжунго лаогун цзай шицзе ге ди да гун : [Приблизительно 3750 тыс. китайских рабочих трудились и трудятся в различных странах мира]. URL: <http://www.chinanews.cn/news2005/2007-01-22/32729.html>
- ⁶⁷ <http://www/china.org.cn/english/Life/144942.html>
- ⁶⁸ См. Деловой Китай / Российско-китайский центр торгово-экономического сотрудничества. Т. X—XI. М., 2006. С. 263.
- ⁶⁹ Chinese Workers Set Foot on Global Market // China Daily..2005. 1 April.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Emigration Rules Toughening // China Daily. 2004. 18 November.
- ⁷² Chinese Workers Set Foot on Global Market // China Daily. 2005. 1 April.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Rule Tightens Controls on Labor Abroad // China Daily. 2004. 3 August.
- ⁷⁶ Keeping overseas Chinese workers safe. URL: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2004-07/14/content_348368.htm
- ⁷⁷ Независимая газета. 2008. 29 октября.

⁷⁸ Gov't to protect workers abroad. URL: http://english.people.com.cn/200705/16/eng20070516_375043.html; China to establish security mechanisms to protect overseas workers. URL: http://english.people.com.cn/200705/15/eng20070515_374565.html

⁷⁹ Chinese Seeking Jobs Overseas. URL: <http://www.china.org.cn/english/Life/113158.html>

⁸⁰ Хуан Жуньлун. Чжунго ды фэйфа иминь веньти : [Проблема китайских нелегальных мигрантов] // Жэнькоу юй цзинцзи. 2001. № 1. С. 12.

⁸¹ Хуан Цзе. Чжунго жэнь шэ хэй му — тоу ду да чжуй цзун : [За черным занавесом китайских «змей» — по следам контрабандистов]. Фучжоу, 2002. С. 241.

⁸² Ли Сяомэй. Чжунго хай вай иминь цинкуан шупин // Гоцзи синши хуан пи шу. 2007 нянь: цюань цю чжэнчжи юй аньцюань баогао : [О ситуации с эмигрантами из Китая // Желтая книга по международной безопасности. Доклад о глобальной политической и экономической безопасности]. Пекин, 2007. С. 205

⁸³ Desperate People — illegal immigrants from China. URL: http://www.findarticles.com/p/articles/mi.MOEPF/is_22_99/ai61361437

⁸⁴ Chin James K. Reducing Irregular Migration from China // International Migration. V. 41. Issue 3. September 2003. URL: <http://www.blackwell-synergy.com/doi/abs/10.1111/1468-2435.00241>

⁸⁵ 85 Chin James K. Trends and Government Policies: Reducing irregular Migration from China. P.6. URL: www.eldis.org.static/DOC20279.htm

⁸⁶ Kwong, Peter. Chinese Migration goes Global // YaleGlobal online. URL: <http://yaleglobal.yale.edu/display.article?id=9473>

⁸⁷ Хуан Цзе. [За черным занавесом...] С. 226.

⁸⁸ Хуан Жуньлун. [Проблема китайских...] С. 12—22.

⁸⁹ Chin James K. Trends and Government Policies... HP.6.

⁹⁰ Там же. P. 12.

⁹¹ Ли Сяомэй. [О ситуации с эмигрантами...] С. 210.

⁹² Desperate People — illegal immigrants from China. URL: http://www.findarticles.com/p/articles/mi.MOEPF/is_22_99/ai61361437

⁹³ Chin James K. Trends and Government Policies... P. 15

⁹⁴ Подробнее см.: Omelaniuk I. Best Practices to Manage Migration: China. CEME (Cooperative Efforts to Manage Emigration). URL: http://migration.ukdavis.edu/ceme/more.phpbid=149_0_6_0U

⁹⁵ Passport Law to Fight Against Illegal Emigration. Xinhua News Agency. June 2, 2006.

⁹⁶ Chin James K. Trends and Government Policies... HP. 25.

⁹⁷ China Daily. 2008. 9 Desember.

⁹⁸ Пан Чанвэй. Элосы жэнькоу вэйцзи юй иминь чжэнцэ тоуши : [К анализу демографического кризиса в России и ее миграционной политике] // Сиболия яньцзю. 2006. № 2. С. 59.

⁹⁹ *Chin Ko-lin*. The Social Organization of Chinese Human Smuggling. 2001. Цит. по: Smuggling of Chinese into the United States. URL: http://www.workingimmigrants.com/2006/03/smuggling_of_chinese_workers_i_1.html

¹⁰⁰ До юань цзуюнь ши е ся ды хуажэнь тэсин : [Особенности китайских мигрантов в условиях многонационального общества] // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. 2007. № 1. С. 11.

¹⁰¹ Emigration Rules Toughening // China Daily. 18.11.2004.

¹⁰² Чжоу Юйэ, Ван Сяньфэн. Дан дай чжунго фэйфа иминь ходун ды тэчжен : [Особенности современной нелегальной миграции]. URL: <http://www.jnu.edu.cn>

¹⁰³ *Kwong, Peter*. Chinese Migration goes Global // YaleGlobal online. URL: <http://yaleglobal.yale.edu/display.article?id=9473>

¹⁰⁴ A promising undertaking. URL: <http://www.chinahouston.org/news/2000825214035.html>

¹⁰⁵ *Zweig David, Rosen Stanly*. How China trained a new generation abroad // SciDev.Net. 22 May 2003. URL: http://www.SciDev_Net.htm

¹⁰⁶ 16 бу вэй: гао цэн цы хай гуй цзы нюй гао као кэ юсянь сюньцзюй : [16 ведомств: дети реэмигрантов высокого уровня смогут иметь преимущества на экзаменах в вузы]. URL: <http://edu.people.com.cn/GB/5540658.html>

¹⁰⁷ Chinese Enthusiasm for Overseas Study Goes Rational. URL: <http://www/china.org.cn/english/culture/130336.htm>

¹⁰⁸ http://english.people.com.cn/200702/27/eng20070227_352602.html

¹⁰⁹ Чжунго цзяо ван. 08.10.2008. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/lxs/hgdt/200810/08/133043/shtml>

¹¹⁰ United Nations. International Migration Organization. Regional Fact Sheet. Asia. URL: www.un.org/migration/presskit/factsheet_asia.pdf

¹¹¹ Россия и Китай развивают связи в области образования // Синьхуа. 16.05.2007

¹¹² SO com. 07.03.2007. URL: <http://goabroad.sohu.com/200703-7/n248551737.shtml>

¹¹³ Синьхуа. 11.01.2008.

¹¹⁴ Гоуюань баньгунтин гуаньюй цзай вай лю сюэ жэньюань ю гуань вэньти ды тунчжи : [Уведомление Канцелярии Госсовета относительно лиц, обучающихся за границей]. URL: <http://www.csc.edu.cn/gb/readarticle/asp?articleid=346>

¹¹⁵ China's returned students policy pays off (10/13/2003). URL: <http://www.chinahouston.org>

¹¹⁶ http://english.people.com.cn/200702/27/eng20070227_352602.html

¹¹⁷ SO com. 07.03.2007. URL: <http://goabroad.sohu.com/200703-7/n248551737.shtml>

¹¹⁸ Гоуюань гуаньюй цзыфэй чу го лю сюэ ды чжань син гуйдин : [Временное положение Госсовета о выезжающих на учебу за собственный счет].

URL: <http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3179/userobjectbai91915.html>

¹¹⁹ Гуань юй линьсюань 2005 нянь «фу Э бай жэнь лю сюэ сяньму»люсюэ жэньюань ды тунчжи : [Уведомлении о наборе на 2005 г. согласно плану обучения в России ста студентов]. URL: <http://www.csc.edu.cn/gb/admin/readarticle.asp?articleid=2112>

¹²⁰ Гуань юй бу сюань 2005 нянь Элосы ишу лэй сяньму лю сюэ жэньюань ды тунчжи : [Уведомлении о дополнительном наборе студентов художественных специальностей для обучения в России в 2005 г.]. URL: <http://www.csc.edu.cn/gb/readarticle.asp?articleid+2043>

¹²¹ A promising undertaking. URL: <http://www.chinahouston.org/news/2000825214035.html>

¹²² United Nations. International Migration Organization. Regional Fact Sheet. Asia. URL: www.un.org/migration/presskit/factsheet_asia.pdf

¹²³ *Eweng, Kent*. Keeping China's best and brightest at home. URL: <http://atimes.com/atimes/China/IF15Ad01/html>

¹²⁴ «Хай гуй пай» сянькуан мянь мянь гуань : [Заметки о вернувшихся студентах]. URL: <http://www.chinasite.com>

¹²⁵ «Хай гуй»: чжунго баюй ды пайфу : [Вернувшиеся специалисты — драгоценное достояние Китая]. URL: <http://www.cctv.com/abroad/20050228/102266.shtml>

¹²⁶ Жэньминь жибао хай вай бань. 18.01.2007. URL: <http://news.people.com.cn/GB/37454/37459/5296923.html>

¹²⁷ <http://edu.people.com.cn/GB/5331488.html>

¹²⁸ *Zweig David, Rosen Stanly*. How China trained a new generation abroad // SciDev.Net. 22 May 2003. URL: http://www.SciDev_Net.htm

¹²⁹ *Zhang Guochu*. Migration of Highly Skilled Chinese to Europe : Trends and Perspective // International Migration. September 2003. V. 41, issue 3. URL: <http://www.blackwell-synergy.com/doi/abs/10.1111/1468-2435.00242>

¹³⁰ *Eweng, Kent*. Keeping China's best and brightest at home ; «Хай гуй пай»...

¹³¹ *Вэнь Бэйдань*. Гуандун буфэнь гао сяо синь иминь дяоянь юй сыкао : [Исследования и соображения относительно новых эмигрантов из некоторых вузов Гуандуна] // Цяо у гунцзо яньцзю. 2000. № 3.

¹³² A promising undertaking. URL: <http://www.chinahouston.org/news/2000825214035.html>

¹³³ [Вернувшиеся специалисты...]

¹³⁴ Гуаньюй цзяньли хай вай гао цэн цы лю сюэ жэньцай хуэй го гунцзо люйсэ тундао ды ицзянь : [Соображения о создании зеленого коридора для возвращения талантов китайского происхождения, обучавшихся за границей]. 30.03.2007. URL: www.gov.cn/ztc/kjtzgh/content_883681.html

¹³⁵ Гуань юй хуэй го (лай хуа) дин цзюй гунцзо чжуаньцзя ды ю гуань чжэньцэ : [Политика в отношении специалистов, вернувшихся для постоянного проживания и работы на родину]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/news/2006/0309/1/2071.shtml>

- ¹³⁶ *Zweig David, Rosen Stanly*. How China trained a new generation abroad.
- ¹³⁷ Подробнее см.: *Skeldon Ronald*. China : From Exceptional Case to Global Participant. URL: www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?ID=219
- ¹³⁸ Migration. The Third Wave. By *Bertil Lintner* in Chiang Mai // Far Eastern Economic Review. June 24. 1999.
- ¹³⁹ *Poston Dudley L., Jr., Mao Xinxiang Michael, Yu Mei-Yu*. The Global Distribution of the Overseas Chinese Around 1990 // Population and Development Review 20. New York. 1994. No 3 (September). P. 631, 633.
- ¹⁴⁰ World Migration 2005 : Costs and Benefits of International Migration. URL: <http://www.iom.int/jahia/page255.html>
- ¹⁴¹ Working in China // China Daily. 08.04.2002.
- ¹⁴² *Skeldon, Ronald*. China: From Exceptional Case...
- ¹⁴³ *Тэн Шуфэнь*. Ячжоу дан цзя, жэньцай цзюэ шэн : [Их дом — Азия. Таланты побеждают] // Тайвань гуанхуа. 2006. № 9. С. 8.
- ¹⁴⁴ *Лун Дэнгао, Чжан Хунъюнь*. До юань цзюнь ши е сяды хуажэнь тэ-син [Китайская специфика в условиях многонациональности] // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. 2007. № 1. С. 17.
- ¹⁴⁵ *Rajeswary Ampalavanar-Brown*. Overseas Chinese Investments in China — Patterns of Growth Diversification and Finance // The China Quarterly. 1998. # 155 (September). P. 594.
- ¹⁴⁶ *Song Ping*. The Studies on Qiaoxiang in Fujian // IAS Newsletter Online. # 16. Regions. East Asia. URL: <http://ias.leidenuniv.nl/iiasn/16/regions/ea2.html>
- ¹⁴⁷ *Skeldon, Ronald*. China: From Exceptional Case to Global Participant.
- ¹⁴⁸ <http://www.chinaqw.com.cn/zgqj/qjdt/200706/20/76733.shtml>
- ¹⁴⁹ Дэн Сяопин лунь цяоу / Гоюань цяоу баньгунши, Чжун гун чжунъян вэньсянь яньцзюши бянь. Чжунъян вэньсянь чубаньшэ : [Дэн Сяопин о работе с эмигрантами / Канцелярия Госсовета по работе с эмигрантами, Кабинет по изучению документов ЦК КПК. Изд-во документов ЦК]. Пекин, 2000.
- ¹⁵⁰ Цит. по: *Тань Тяньсин*. Дэн Сяопин цяоу сысян ды цзинсуй цзи ци шидай ии : [Квинтэссенция идей Дэн Сяопин о работе с эмигрантами и их историческое значение]. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3178/node3425/userobject6ai245414/html>
- ¹⁵¹ [Дэн Сяопин о работе с мигрантами]. С. 12, 13.
- ¹⁵² Жэньминь жибао. 01.03.2005.
- ¹⁵³ Чжунго цяован. 16.01.2008. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/zgqj/qjdt/200801/16/103249/shtml>
- ¹⁵⁴ Жэньминь жибао. 02.07.2005. URL: <http://www.russia.people.com.cn/31519/3550944.html>
- ¹⁵⁵ *Сюй Юшэн*. Цзяцянь туаньцзе моу фучжи, чжао ли гоуцзянь хай вай хэцзе цяошэ : [Теснее сплываться, идти к счастью, всеми силами строить

гармоничное сообщество зарубежных китайцев]. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/2006112/01/53386.shtml> 01.12.2006 (1).

¹⁵⁶ [Гармония и сотрудничество...] URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78235.shtml> (4).

¹⁵⁷ [Гармония и сотрудничество...] URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78233.shtml> (2).

¹⁵⁸ Цзай цюаньцюхуа куанцзя чжун гайцинь чжунго иминь чжэнцэ ды цзи дянъ сысян : [Некоторые соображения о совершенствовании эмиграционной политики Китая в рамках глобализации]. URL: http://www/sociology/cass/cn/shxw/shld/t20050602_6155.htm

¹⁵⁹ Хун Юйхуа, У Вэньхуань. Кода хуажэнь яньцзю дэ шиэ // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи / Хэ Шиюань чжубянь : [Расширять сферу изучения зарубежных китайцев // Сб. работ по изучению зарубежных китайцев / гл. ред. Хэ Шиюань]. Пекин, 2002. С. 38.

¹⁶⁰ [Гармония и сотрудничество...] URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78235.shtml> (4).

¹⁶¹ Синьхуа. 03.12.2008.

¹⁶² Гуандун лэйцзи цзешоу хуажэнь хуацяо, Ган Ао тунбао цзюань цзэн юй сань бай и юань : [Гуандун собрал пожертвования и дары заморских китайцев более чем на 30 млрд юаней]. URL:<http://chinese.people.com.cn/GB/42310/3562181/html>

¹⁶³ Ли Сяомэй. [О ситуации с эмигрантами...] С. 210.

¹⁶⁴ [Гармония и сотрудничество...] URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78236.shtml> (5).

¹⁶⁵ Kwong Peter. Chinese Migration Goes Global.

¹⁶⁶ [Гармония и сотрудничество...] URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78236.shtml> (5).

¹⁶⁷ <http://www.chinaqw.com.cn/zgqi/qjdt/200706/20/76773.shtml>

¹⁶⁸ Сюй Юшэн. [Теснее сплываться...]. 01.12.2006. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/2006112/01/53386.shtml> (1)

¹⁶⁹ Ли Шицзе. Фахуэй хай вай хуажэнь шэтуань цзоюн, цу чжун хуа вэньхуа цзоу сян шицзе : [Усиливать роль ассоциаций зарубежных китайцев, продвигать в мир китайскую культуру]. URL: <http://cppcc.people.com.cn/GB/34961/90780/90789/6030216/html>

¹⁷⁰ Сюй Юшэн. [Теснее сплываться...] 01.12.2006. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/2006112/01/53385.shtml> (2)

¹⁷¹ [Гармония и сотрудничество...] URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78236.shtml> (5).

¹⁷² Цзэн Шаоцун. Хай вай хуажэнь цзуюнь дэ нэй бу гуаньси // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи / Хэ Шиюань чжубянь : [Внутригрупповые связи в среде зарубежных китайцев // Сборник работ по изучению зарубежных китайцев / гл. ред. Хэ Шиюань]. Пекин, 2002. С. 463.

¹⁷³ About Us. URL: <http://www.huaren.org>

- ¹⁷⁴ Overseas-Chinese Entrepreneurship. WHF. E-magazine for the globe Chinese community. 2004. January. # 3. URL: <http://www.huaren.org>
- ¹⁷⁵ About Us. URL: <http://www.huaren.org>
- ¹⁷⁶ *Kwong Peter*. Chinese Migration Goes Global
- ¹⁷⁷ [Гармония и сотрудничество...] URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78233.shtml> (2)
- ¹⁷⁸ *Kwong Peter*. Chinese Migration goes Global.
- ¹⁷⁹ Жэньминь жибао. 16.04.2007.
- ¹⁸⁰ Чжунго Ван. 10.04.2007. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/tzcy/hsxw/200704/10/68569.shtml>
- ¹⁸¹ Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Jakarta_Riots-of-May-1998
- ¹⁸² Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Chinese_American#_note-0
- ¹⁸³ Чжунго линши баоху чжинань чу тай му хоу : [Китайская консульская защита вступает в действие. Обратная сторона явления]. URL: <http://chinaqw.com.cn/hqhr/hrdt/200711/11/94642.shtml>
- ¹⁸⁴ [Гармония и сотрудничество...] URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78235.shtml> (4)
- ¹⁸⁵ Late Apology // Beijing Rewiew. 2006. July 6. P. 3.
- ¹⁸⁶ [Гармония и сотрудничество...] URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78236.shtml> (5)
- ¹⁸⁷ *Ли Шицзе*. Фахуэй хай вай хуажэнь шэтуань цзоюн, цу чжун хуа вэньхуа цзоу сян шицзе : [Усиливать роль ассоциаций зарубежных китайцев, продвигать в мир китайскую культуру]. URL: <http://crrcc.people.com.cn/GB/34961/90780/90789/6030216.html>
- ¹⁸⁸ Синьхуа. 22.09.2006.
- ¹⁸⁹ Чжунго Ван. 2008. 30 октября. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/zgqj/qjdt/200810/30/135601.shtml>
- ¹⁹⁰ [Гармония и сотрудничество...] URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78233.shtml> (2)
- ¹⁹¹ *Чжай Кунь*. 1991-2002: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН — исторический обзор и стратегия на будущее // ПДВ. 2005. № 5. С. 41.
- ¹⁹² [Гармония и сотрудничество...] URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78233.shtml> (2)
- ¹⁹³ Жэньминь жибао. 16.04.2007.
- ¹⁹⁴ [Гармония и сотрудничество...] URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78233.shtml> (2)
- ¹⁹⁵ Чжунго линши баоху шицзянь чжу нянь дицзэн : [Число инцидентов с китайской консульской защитой все растет]. URL: <http://chinaqw.com.cn/hqhr/hrdt/200711/29/96926.shtml>
- ¹⁹⁶ 2007 чжунго жэнь хайвай аньцюань цюйши фэньси: Дао насье гоцзя цзуй вэйсянь : [Анализ тенденций в сфере безопасности для китайцев за границей в 2007 г. : в какой стране всего опаснее]. URL: <http://www.>

chinaqw.com.cn/hqhr/hrdt/200701/05/56944.shtml Чжунго жэнь цзинжань юй ду шэ ици бэй лижу «ву да тифан у чжун» : [Китайцы вместе с ядовитыми змеями попали в число «пяти существ, от которых нужно беречься»]. URL: <http://ww.secrechina.com/news/gb/articles/6/5/14/151138p.html>

¹⁹⁸ *Lee Kuan Yew*. The Loyalty of Overseas Chinese Belongs Overseas // International Herald Tribune. 1993. 23 November. URL: <http://www.iht.com/articles/193/11/23/nulee.php>

¹⁹⁹ *Дань Чунь*. Люэ лунь хай вай хуажэнь цзинци // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи / Хэ Шиюань чжубянь : [Кратко об экономике зарубежных китайцев // Сб. работ по изучению зарубежных китайцев / гл. ред. Хэ Шиюань]. Пекин, 2002. С. 194.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ *Lee Kuan Yew*. The Loyalty of Overseas Chinese Belongs Overseas.

²⁰² *У Цяньцзинь*. Лэн чжань хоу хуажэнь иминь ды куа го миньцзучжуй : [Трансграничный национализм китайских эмигрантов после «холодной войны»] // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. 2006. № 1. С. 28.

²⁰³ Enter the Dragon: Building the Chinese Powerhouse 6/26/94. URL: www.academic.brooklyn.cuny.edu/core/9/phalsall/chinpress.html

²⁰⁴ *Haley George, Tan Chin Tiong, Haley Usha C.V.* New Asian Emperors. Butterworth Heinemann, 1998.

²⁰⁵ *Дань Чунь*. [Кратко об экономике...] С. 197.

²⁰⁶ Survival. Winter 1997—1998. P.141.

²⁰⁷ *Hong Liu*. New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism // Journal of Contemporary China. 2005. May. V. 14. # 43. URL: <http://taylorandfrancis.metapress.com/app/home/contribution.asp?wasp=562e68c-bc09b4>

²⁰⁸ *Phar Kim Bemg*. Overseas Chinese: How Powerful are They? Asia Times online. 10.12.2002. URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/DL10Ad04.html>

Приложения

Приложение 1

Китайское население России по переписи 2002 г.

1.1. Китайское население России: половая структура, чел.

	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины
Городское и сельское население	34 577	23 894	10 683
Городское население	33 279	23 032	10 247
Сельское население	1298	862	436

1.2. Владение русским языком, чел.

	Численность лиц китайской национальности	Из них владеют русским языком
Городское и сельское население	34 577	23 399
Городское население	33 279	22 369
Сельское население	1298	1030

1.3. Китайское население России по владению русским языком по субъектам РФ, чел.

	Численность	Из них владеют русским языком
Центральный ФО	13 924	11 822
В том числе: Москва	12 801	10 903
Московская обл.	13 453	11 455
Северо-Западный ФО	1229	941
В том числе С.-Петербург	1064	781
Южный ФО	1696	1564
Приволжский ФО	731	636
Уральский ФО	2766	991
Сибирский ФО	4639	3404
Дальневосточный ФО	9679	4124

1.4. Распространенность владения китайским языком, чел.

	Численность лиц, владеющих соответствующим языком
Указавшие владение китайским языком	59 235

1.5(а). Китайское население по возрастным группам и полу в Хабаровском крае, чел.

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Китайцы	3815	2511	1304	3635	2378	1257	180	133	47
В том числе в возрасте, лет:									
0—4	33	21	12	26	15	11	7	6	1
5—9	24	10	14	23	10	13	1	—	1

Окончание табл.

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
10—14	19	10	9	16	8	8	3	2	1
15—17	41	26	15	38	25	13	3	1	2
18—19	211	137	74	206	133	73	5	4	1
20—24	516	341	175	506	334	172	10	7	3
25—29	564	384	180	553	377	176	11	7	4
30—34	675	445	230	655	427	228	20	18	2
35—39	550	383	167	533	369	164	17	14	3
40—44	378	252	126	361	238	123	17	14	3
45—49	353	230	123	337	214	123	16	16	—
50—54	192	129	63	174	116	58	18	13	5
55—59	76	43	33	60	36	24	16	7	9
60—64	60	33	27	48	28	20	12	5	7
65—69	60	27	33	53	21	32	7	6	1
70 и более	57	38	19	40	25	15	17	13	4
Возраст не указан	6	2	4	6	2	4	—	—	—
Из общей численности — население в возрасте:									
моложе трудоспособного	86	48	38	73	39	34	13	9	4
трудоспособном	3513	2363	1150	3391	2263	1128	122	100	22
старше трудоспособного	210	98	112	165	74	91	45	24	21
Медианный возраст	33,6	33,7	33,5	33,3	33,4	33,2	44,0	42,1	50,8

1.5(б). Китайское население по возрастным группам и полу в Амурской области, чел.

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Китайцы	851	512	339	778	464	314	73	48	25
В том числе в возрасте, лет:									
0—4	7	5	2	3	2	1	4	3	1
5—9	7	4	3	6	4	2	1	—	1
10—14	13	5	8	13	5	8	—	—	—
15—17	14	9	5	13	9	4	1	—	1
18—19	29	16	13	28	15	13	1	1	—
20—24	107	69	38	101	63	38	6	6	—
25—29	152	88	64	144	83	61	8	5	3
30—34	174	109	65	169	105	64	5	4	1
35—39	128	81	47	125	79	46	3	2	1
40—44	77	49	28	74	46	28	3	3	—
45—49	40	23	17	35	20	15	5	3	2
50—54	34	20	14	23	14	9	11	6	5
55—59	13	5	8	10	3	7	3	2	1
60—64	20	9	11	12	6	6	8	3	5
65—69	18	8	10	12	5	7	6	3	3
70 и более	17	12	5	9	5	4	8	7	1
Возраст не указан	1	—	1	1	—	1	—	—	—
Из общей численности — население в возрасте:									
моложе трудоспособного	32	16	16	26	13	13	6	3	3

Окончание табл.

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
трудоспособном	755	467	288	711	435	276	44	32	12
старше трудоспособного	63	29	34	40	16	24	23	13	10
Медианный возраст	33,0	32,8	33,2	32,5	32,5	32,7	49,5	45,0	52,8

1.6(а). Китайские мужчины Дальневосточного ФО по состоянию в браке, чел.

	Мужчины в возрасте 16 лет и более, включая мужчин до 16 лет, указавших состояние в браке	В том числе						
		состоящие в браке	из них		никогда не состоявшие в браке	вдовы	разошедшиеся	не указавшие состояние в браке
			в зарегистрированном браке	в незарегистрированном браке				
Хабаровский край	2463	1432	1363	69	838	52	101	40
Городское население	2339	1370	1314	56	817	47	93	12
Сельское население	124	62	49	13	21	5	8	28
Амурская область	496	338	317	21	141	5	12	—
Городское население	451	309	293	16	131	3	8	—
Сельское население	45	29	24	5	10	2	4	—

1.6(б). Китайские женщины Дальневосточного ФО по состоянию в браке, чел.

	Женщины в возрасте 16 лет и более, включая женщин до 16 лет, указавших состояние в браке	в том числе						
		состоящие в браке	из них		никогда не состоявшие в браке	вдовые	разошедшиеся	не указавшие состояние в браке
			в зарегистрированном браке	в незарегистрированном браке				
Хабаровский край	1266	809	766	43	338	51	62	6
Городское население	1223	788	745	43	330	43	56	6
Сельское население	43	21	21	—	8	8	6	—
Амурская область	323	238	230	8	61	16	8	—
Городское население	301	222	218	4	61	11	7	—
Сельское население	22	16	12	4	—	5	1	—

1.7. Китайское население в ДФО по уровню образования, чел.

	Хабаровский край			Амурская область		
	Все китайское население	Городское население	Сельское население	Все китайское население	Городское население	Сельское население
Численность населения в возрасте 15 лет и более	3733	3564	169	823	755	68
В том числе имеют образование:						
профессиональное:						
послевузовское	5	5	—	—	—	—

Окончание табл.

	Хабаровский край			Амурская область		
	Все китай- ское насе- ление	Город- ское на- селение	Сель- ское на- селение	Все китай- ское насе- ление	Город- ское на- селение	Сель- ское на- селение
высшее	217	205	12	69	65	4
неполное высшее	172	171	1	18	16	2
среднее	306	268	38	59	49	10
начальное	519	499	20	17	13	4
общее:						
среднее (полное)	1706	1689	17	231	217	14
основное	685	651	34	387	376	11
начальное	60	46	14	36	18	18
Не имеют начального общего обра- зования	31	26	5	6	1	5
Из них неграмотные	13	9	4	4	1	3
Не указавшие уровень образования	32	4	28	—	—	—

1.8. Китайское население в ДФО по источникам средств к существованию, чел.

	Хабаровский край			Амурская область		
	Все китай- ское насе- ление	Город- ское на- селение	Сель- ское на- селение	Все китай- ское насе- ление	Город- ское на- селение	Сель- ское на- селение
Численность — всего	3815	3635	180	851	778	73
Всего указали источников средств к существованию (кол-во источ- ников)	3975	3765	210	905	807	98
В том числе:						
доход от трудовой деятельности (кроме работы в личном подсоб- ном хозяйстве)	3238	3132	106	695	665	30

Окончание табл.

	Хабаровский край			Амурская область		
	Все китай- ское насе- ление	Город- ское на- селение	Сель- ское на- селение	Все китай- ское насе- ление	Город- ское на- селение	Сель- ское на- селение
личное подсобное хозяйство	64	47	17	30	10	20
стипендия	27	27	—	3	3	—
пенсия (кроме пенсии по инвалидности)	208	160	48	60	38	22
пенсия по инвалидности	25	20	5	7	3	4
пособие (кроме пособия по безработице)	34	23	11	9	5	4
пособие по безработице	5	3	2	—	—	—
другой вид государственного обеспечения	11	11	—	3	—	3
сбережения	8	7	1	3	3	—
доход от сдачи внаем или в аренду имущества	—	—	—	2	2	—
на иждивении отдельных лиц	319	303	16	73	61	12
иной источник средств к существованию	36	32	4	20	17	3
Не указавшие источник средств к существованию	6	6	—	—	—	—
Из общей численности китайцев указали:						
один источник средств к существованию	3652	3500	152	802	753	49
два источника	148	122	26	45	22	23
три источника	9	7	2	3	2	1
четыре источника и более	—	—	—	1	1	—

1.9. Китайское население РФ по возрастным группам, чел.

	Все китайское население России	Городское население	Сельское население
Всего	30 598	30 083	515
В том числе в возрасте, лет			
0—9	177	169	8
10—19	2226	2194	32
20—29	10 611	10 512	99
30—39	10 909	10 729	180
40—49	5283	5154	129
50—59	1110	1062	48
60—69	172	158	14
70 и более	65	60	5
Возраст не указан	45	45	—
Из общей численности — население в возрасте:			
моложе трудоспособного	421	404	17
трудоспособном	29 835	29 359	476
старше трудоспособного	297	275	22

1.10. Китайские граждане по возрастным группам по субъектам Российской Федерации, чел.

	Всего	Из общей численности — население в возрасте		
		моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
ЦФО	12 672	48	12 538	61
Москва	11 843	41	11 723	58
СЗФО	1019	6	1006	7
Санкт-Петербург	992	4	982	6

Окончание табл.

	Всего	Из общей численности — население в возрасте		
		моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
ЮФО	2485	165	2309	11
ПФО	437	8	417	12
УФО	2367	21	2337	8
СФО	3200	138	2928	119
ДФО	8371	46	8233	85
Итого	30 551	432	29 768	303

1.11. Русские и китайские женщины по числу рожденных детей, чел.

	Русские	Китайки
Всего женщин, указавших число рожденных детей	13 767 095	1308
На 1000 женщин соответствующей национальности, указавших число рожденных детей:		
женщины, не родившие ни одного ребенка	212	422
женщины, родившие:		
1 ребенка	319	273
2 детей	344	186
3 детей	84	66
4 детей	21	20
5 детей	10	16
6 детей	4	6
7 и более детей	6	11
Среднее число рожденных детей (на 1000 женщин соответствующей национальности)	1446	1135

1.12. Население, временно находившееся на территории РФ, но постоянно проживающее за рубежом, по стране постоянного проживания и цели приезда в Российскую Федерацию

	Всего	В том числе указали целью приезда					Не указавшие цели приезда
		работу	служебную или деловую поездку	туризм, отдых или лечение	транзитную миграцию	другие цели	
Население, временно находившееся на территории Российской Федерации	239 018	156 317	13 542	26 537	2677	37 668	2277
В том числе постоянно проживают:							
в Китае	25 709	18 784	1276	2032	45	3404	168

Источник: Материалы Всероссийской переписи населения 2002. URL: www.perepis2002.ru

Таблицы 1—10: см. т. 4. «Национальный состав и владение языками, гражданство».

Таблица 11: см. т. 12. «Рождаемость».

Таблица 12: см. т. 10. «Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства».

Приложение 2

Численность китайских диаспор и миграция китайцев по странам

2.1. Численность китайских диаспор

Источник: Википедия.

URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Overseas_Chinese

Примечания автора: 1) численность диаспор указана в трех вариантах; 2) поскольку статистика в Википедии постоянно обновляется, некоторые данные в таблицах могут оказаться устаревшими.

Таблица 1

Страна	Численность, чел. (год)	% от местного населения	% от общего числа зарубежных китайцев
Азия	30 976 784 (2006)	0,8	78,7
Таиланд	8,5 млн (2006)	14	11,7
Индонезия	7,3 млн (2003)	3,1	11,7
Малайзия	7,0 млн (2006)	24,5	12,1
Сингапур	2,7 млн(2005)	75,6	4,3
Вьетнам	2,3 млн(2006)	3	2—3
Филиппины	1,5 млн(2004)	2	2,4
Бирма	1,3 млн (2003)	3	2,1
Индия	186 461 (2005)	0,02	0,5
Япония	175 000 (2003)	0,1	0,3
Камбоджа	150 000 (2003)	1,2	0,2
Республика Корея	85 000 (2003)	0,2	0,16

Продолжение табл. 1

Страна	Численность, чел. (год)	% от местного населения	% от общего числа зарубежных китайцев
Бруней	56 000 (2006)	15	0,1
Лаос	50 000 (2003)	1	0,1
КНДР	50 000 (2003)	0,2	0,1
Израиль	23 000	0,3	0,1
Монголия	11 323	0,4	0,03
Америка	5 920 000 (2005)	0,6	14,4
США	3 млн (2005)	1	6,8
Канада	1,3 млн (2004)	3,69	3,4
Бразилия	360 000 (2006)	0,10	0,4
Перу	250 000	2,08	0,4
Панама	150 000	5	0,4
Аргентина	60 000	0,16	0,1
Никарагуа	12 000 ^[7]	—	—
Ямайка	10 000 (2004)	0,3	0,02
Куба	500	—	—
Тринидад и Тобаго	3800	Менее 1	—
Европа	1 700 000 (2006)	0,2	4,1
Россия	680 000	0,5	1,9
Франция	300 000	0,5	0,9
Великобритания	247 403 (2001)	0,4	0,7
Ирландия	16 533 (2006)	0,39,	
Италия	111 712	0,19	0,2
Испания	99 000 (2006)	0,22	0,16

Окончание табл. 1

Страна	Численность, чел. (год)	% от местного населения	% от общего числа зарубежных китайцев
Германия	71 639 (2004)	0,1	0,1
Нидерланды	44 713 (2006)	0,7	0,1
Румыния	2249	—	—
Океания	1 000 000 (2003)	1,9	1,7
Австралия	~700 000 (2006)	2,5	1,3
Новая Зеландия	147 570 (2006)	2,8	0,3
Фиджи	6000 (2000)	0,5	0,01
Африка	103 000 (2003)	0,02	0,3
Южная Африка	100 000 (2003)	0,2	0,3
Ангола	100 000	0,2	—
Всего	39 379 784	0,6	100

Данные в таблице основаны на местной статистике указанных стран или на наиболее надежных из числа других источников.

Примечание автора: исходные источники см. на указанном выше сайте Википедии.

Таблица 2

Зарубежные китайцы (граждане стран проживания), чел.

Общая численность	
39 379 784	
Большинство населения	
Сингапур	2 684 936
Остров Рождества	1045
Меньшинство населения	
Индонезия	7 566 200
Таиланд	7 153 240
Малайзия	7 070 500
США	3 376 031
Канада	1 612 173
Перу	1 300 000
Вьетнам	1 263 570
Филиппины	1 146 250
Бирма	1 101 314
Россия	998 000
Австралия	614 694
Япония	519 561
Камбоджа	343 855
Великобритания	296 623
Франция	230 515
Индия	189 470
Лаос	185 765
Бразилия	151 649
Новая Зеландия	147 570
Нидерланды	144 928
Республика Корея	137 790
Панама	+100 000

Таблица 3

20 стран с наибольшим числом зарубежных китайцев, чел.

Страна	Китайское население в 2005г.	Место
Индонезия	7 566 200	1
Таиланд	7 053 240	2
Малайзия	6 187 400	3
США	3 376 031	4
Сингапур	2 684 900	5
Канада	1 612 173	6
Перу	1 300 000	7
Вьетнам	1 263 570	8
Филиппины	1 146 250	9
Бирма	1 101 314	10
Россия	998 000	11
Австралия	614 694	12
Япония	519 561	13
Камбоджа	343 855	14
Великобритания	296 623	15
Франция	230 515	16
Индия	189 470	17
Лаос	185 765	18
Бразилия	151 649	19
Нидерланды	144 928	20

Источник: Статистика Комиссии по делам зарубежных китайцев, Тайвань.

2.2. Объемы миграции из Китая в 20 стран ОЭСР, тыс. чел.

Страна	1995 г.	2000 г.	2003 г.	2004 г.
Австралия	3,7	9,5	11,1	13,6
Бельгия	0,6	0,8	1,6	1,4
Великобритания	1	1	18,6	18,5
Венгрия	1,2	1,1	0,7	0,6
Дания	...*	0,6	1,5	1,3
Испания	...	4,8	7,3	14,4
Италия	...	15,4	...	10,6
Канада	13,3	36,7	36,2	36,4
Нидерланды	...	1,8	3,8	3
Новая Зеландия	5,3	5	8,2	8,7
Норвегия	0,2	0,3	0,6	0,5
Польша	...	0,4	0,40	0,5
Португалия	...	0,4	0,2	0,3
Словакия	0,2	0,2
США	35,5	45,5	40,7	51,2
Финляндия	0,1	0,2	0,4	0,4
Франция	0,8	1,8	2,3	2,8
Швеция	0,5	...	1,4	1,5
Республика Корея	...	66,6	57,7	...
Япония	38,8	75,3	92,2	90,3
Всего	101	267,4	285,1	256,2

Источник: United Nations. International Migration Organization. Regional Fact Sheet. Asia. www.un.org/migration/presskit/factsheet_asia.pdf

* Данные отсутствуют.

Указатель таблиц

Глава 2. КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Китайская «квазидиаспора»: численность, занятия

1. Распределение китайцев по целям поездок в Россию, 1998—2007 гг.	148
2. Распределение трудовых мигрантов из КНР по федеральным округам	151
3. Распределение трудовых мигрантов из КНР по видам экономической деятельности	153
4. Распределение китайских мигрантов в ДФО по видам экономической деятельности	154
5. Пребывание/проживание в РФ граждан КНР	155
6. Прибытие/выбытие рабочей силы из КНР в 2003 г.	156

§ 2. Коммерсанты

1. Ответы на вопрос: «Какое учебное заведение Вы окончили в Китае?»	165
2. Ответы на вопрос: «Ваше семейное положение?»	165
3. Ответы на вопрос: «Из каких мест Вы приехали в Россию?»	166
4. Ответы на вопрос: «Вы жили в городе, малом городе (<i>чжэнь</i>) или деревне?»	166
5. Ответы на вопрос: «Укажите Ваш последний род занятий в Китае»	167
6. Ответы на вопрос: «Как бы Вы оценили Ваше материальное положение в Китае?»	168
7. Ответы на вопрос: «Почему Вы решили поехать в Россию?»	168

8. Зависимость между ответами на вопросы: «Укажите Ваш последний род занятий в Китае» и «Почему Вы решили поехать в Россию?»	169
9. Ответы на вопрос: «Сколько лет Вы суммарно прожили в России?»	170
10. Ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете свое материальное положение в России?»	171
11. Зависимость между ответами на вопрос «Сколько лет Вы суммарно прожили в России» и «Как Вы оцениваете свое материальное положение в России?»	171
12. Ответы на вопрос: «Ваши связи через границу с другими мигрантами?»	172
13. Ответы на вопрос: «Укажите, пожалуйста, Ваш ежемесячный доход»	173
14. «Помогаете ли Вы кому-либо в Китае материально, деньгами?»	175
15. Зависимость между ответами на вопросы «Помогаете ли Вы кому-либо в Китае материально, деньгами?» и «Как Вы оцениваете свое материальное положение в России?»	176
16. Ответы на вопрос: «В каком жилище Вы живете?»	177
17. Ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам отказываться из-за нехватки денег от чего-либо из следующего перечня?»	177
18. Ответы на вопрос: «Ваш род занятий в России?»	179
19. Ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете масштаб фирмы, в которой Вы работаете (которая Вам принадлежит)?»	179
20. Ответы на вопрос: «Как к Вам относится Ваш работодатель?»	182
21. Ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете Ваших соотечественников в качестве деловых партнеров?»	183
22. Ответы на вопрос: «Как Вы проводите свой досуг?»	183
23. Ответы на вопрос: «Ваш уровень знаний русского языка?»	185
24. Ответы на вопрос: «Хорошо ли Вы знаете правила пребывания иностранцев в РФ?»	185
25. Ответы на вопрос: «Назовите 5 основных трудностей административного и правового характера»	186
26. Ответы на вопрос: «Назовите 3 главные экономические трудности в Вашей предпринимательской деятельности?»	188
27. Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что в России имеются благоприятные условия для мелкого и среднего бизнеса?»	189
28. Ответы на вопрос: «Как к Вам относятся российские власти?»	189
29. Ответы на вопрос: «Как к Вам относятся местные жители?»	191

30. Ответы на вопрос: «Случалось ли, что россияне...?»	191
31. Ответы на вопрос: «Ваше обобщенное мнение о России как стране, принимающей мигрантов?»	193
32. Ответы на вопрос: «Как изменилось ваше мнение о России за время пребывания в ней?»	193
33. Ответы на вопрос: «Считаете ли вы, что Ваше решение поехать в Россию оправдалось?»	194
34. Ответы на вопрос: «Ваши деловые намерения в России?»	194
35. Ответы на вопрос: «Где Вы хотели бы жить?»	196
36. Ответы на вопрос: «Могли бы Вы уехать в Россию на постоянное место жительства?»	196
37. Зависимость между ответами на вопросы: «Ваше обобщенное мнение о России как стране, принимающей мигрантов?» и «Где вы хотели бы жить?»	197
38. Ответы на вопрос: «Хотите ли Вы перевезти к себе кого-либо из членов Вашей семьи, оставшихся в Китае?»	197
39. Ответы на вопрос: «Я бы хотел, чтобы мои дети...»	198
40. Ответы на вопрос: «Как бы Вы отнеслись к браку Вашего ребенка или другого близкого родственника с россиянином (россиянкой)?»	199

§ 4. Студенты (социологическое исследование)

1. Ответы на вопрос: «Из каких мест Вы приехали в Россию?»	224
2. Ответы на вопрос: «Какое (полное) образование Вы получили в Китае?»	225
3. Ответы на вопрос: «Укажите Ваш последний род занятий в Китае»	226
4. Ответы на вопрос: «Вы жили в большом городе, малом городе (<i>чжэнь</i>) или деревне?»	226
5. Ответы на вопрос: «Социальное положение Ваших родителей?»	227
6. Ответы на вопрос: «Как бы Вы оценили Ваше материальное положение в Китае?»	227
7. Ответы на вопрос: «За чей счет Вы приехали в Россию?»	228
8. Ответы на вопрос: «На каком курсе Вы учитесь?»	228
9. Ответы на вопрос: «Ваша будущая (или уже выбранная) специальность?»	229
10. Ответы на вопрос: «Почему Вы решили поехать в Россию?»	230

11. Ответы на вопрос: «Удовлетворены ли Вы тем, как поставлена учеба в Вашем институте?»	230
12. Ответы на вопрос: «Удовлетворены ли Вы тем, как организован быт студентов?»	231
13. Ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам за последний год жизни в России отказываться от чего-либо из перечисленного ниже из-за нехватки средств?»	231
14. Ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете свое материальное положение в России»	232
15. Ответы на вопрос: «Помимо учебы Вы еще и работаете?»	232
16. Ответы на вопрос: «Помогаете ли Вы кому-либо в Китае материально, деньгами?»	233
17. Ответы на вопрос: «Каков состав Вашей учебной группы?»	233
18. Ответы на вопрос: «В каком жилище Вы живете?»	234
19. Ответы на вопрос: «Кто живет в одной комнате (квартире) в Вами?»	234
20. Ответы на вопрос: «Как Вы проводите свой досуг?»	235
21. Ответы на вопрос: «Хорошо ли Вы знаете правила пребывания иностранцев в РФ?»	235
22. Ответы на вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о жизни россиян?»	236
23. Ответы на вопрос: «Ваш уровень знания русского языка?»	238
24. Зависимость между ответами на вопросы: «На каком курсе Вы учитесь?» и «Ваш уровень знания русского языка?»	238
25. Ответы на вопрос: «Как Вы осваиваете программу обучения?»	239
26. Ответы на вопрос: «Как к Вам относятся российские студенты?»	240
27. Ответы на вопрос: «Как к Вам относятся российские власти?»	241
28. Ответы на вопрос: «Случалось ли, что россияне...?»	241
29. Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что Ваше решение поехать в Россию оправдалось?»	242
30. Ответы на вопрос: «Ваше обобщенное мнение о России?»	243
31. Зависимость между ответами на вопросы: «Как к Вам относятся российские власти?» и «Ваше обобщенное мнение о России?»	243
32. Зависимость между ответами на вопросы: «На каком курсе Вы учитесь?» и «Ваше обобщенное мнение о России?»	244
33. Ответы на вопрос: «Как изменилось ваше мнение о России?»	244
34. Ответы на вопрос: «Где Вы хотели бы жить после окончания учебы?»	245

35. Ответы на вопрос: «Ваши планы насчет будущей работы?»	246
36. Ответы на вопрос: «Как бы Вы отнеслись к браку Вашего ребенка или другого близкого родственника с россиянином (россиянкой)?»	246
37. Ответы на вопрос: «Я бы хотел, чтобы мои дети...»	247

§ 5. Туристы

1. Динамика численности китайских туристов по годам	252

§ 8. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян

1. Ответы на вопрос: «Как бы Вы оценили нынешние отношения России и Китая? Это отношения...»	291
2. Ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете перспективы развития российско-китайских отношений в XXI в.?»	291
3. Ответы на вопрос: «Как изменилось Ваше личное мнение о Китае за последние 10 лет?»	292
4. Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы сотрудничество с Китаем важным для России?»	293
5. Ответы на вопрос: «Какие из названных стран представляются Вам наиболее привлекательными, вызывают наибольшую симпатию (назовите не более трех стран)?»	294
6. Ответы на вопрос: «Последние почти 30 лет Китай развивается быстрее и успешнее России. Чем Вы могли бы это объяснить?»	295
7. Ответы на вопрос: «Как, по-вашему, нужно ли нам использовать у себя китайский опыт быстрого и успешного развития страны?»	296
8. Ответы на вопрос: «Китай развивается быстрее России. Население его огромно. Не думаете ли Вы, исходя из этого, что преобладание китайцев и китайского влияния на российском Дальнем Востоке...»	298
9. Ответы на вопрос: «Если Вы считаете, что Китай может занять преобладающие позиции на российском Дальнем Востоке, то в чем это может проявиться?»	299
10. Ответы на вопрос: «Откуда исходят главные угрозы России?»	301
11. Зависимости между ответами на вопросы: «Как изменилось Ваше отношение к китайцам за последние 10 лет?» и «Ваш возраст?»	303

-
12. Зависимость между ответами на вопросы: «Ваш возраст?» и «Китай развивается быстрее России. Население его огромно. Не думаете ли Вы, исходя из этого, что преобладание китайцев и китайского влияния на российском Дальнем Востоке...?» 303
13. Ответы на вопрос: «Доверяете ли Вы материалам телевидения, газет, радио о Китае и китайцах?» 308
14. Ответы на вопрос: «Приведенные ниже утверждения взяты из различных публикаций. Какие из утверждений Вы считаете правильными?» 309
15. Зависимость между степенью доверия к СМИ (по табл. 13) и верой в «заговоры» (по табл. 14) 311
16. Ответы на вопрос: «Нижеследующие утверждения взяты из материалов СМИ и высказываний специалистов. Какие из этих их утверждений Вы считаете правильными?» 321
17. Зависимость между степенью доверия к СМИ (по табл. 13) и представлениями о численности китайцев в России (по табл. 16) 322
18. Ответы на вопрос: «Как Вы относитесь к идее постоянного проживания китайцев в России?» 324
19. Ответы на вопрос: «Как Вы относитесь к временному пребыванию китайцев в России в качестве рабочих, коммерсантов, студентов и т. п.?» 324
20. Ответы на вопрос: «Для сравнения: А как вы относитесь к пребыванию в России трудовых мигрантов — иностранцев с Кавказа?» 325
21. Ответы на вопрос: «Как Вы относитесь к приезду людей на заработки в Ваш город (район)?» 326
22. Ответы на вопрос: «Как вы относитесь к приезду в Ваш город (район) на постоянное жительство следующих групп переселенцев?» 326
23. Ответы на вопрос: «Каким, по Вашему, должен быть подход российского правительства к притоку мигрантов из Китая?» 328
24. Ответы на вопрос: «Каким, по-вашему, должен быть подход российского правительства к притоку иностранных трудовых мигрантов с Кавказа? Таким же, как к китайцам?» 328
25. Ответы на вопрос: «Если Вам не нравится присутствие китайцев в России, то чем именно?» 329
26. Ответы на вопрос: «О китайцах подчас говорят, что они наносят вред нашей экономике: недоплачивают налоги и таможенные сборы, скупают по дешевке лес и металл и т. д. Кто должен нести главную ответственность за это?» 332

27. Ответы на вопрос: «Китайцы нередко жалуются на взяточничество, поборы со стороны российских чиновников и милиции. Как, по-вашему, нужно реагировать на эти жалобы?»	333
28. Ответы на вопрос: «Каково Ваше отношение к китайцам? Что это за люди?»	334
29. Ответы на вопрос: «Как изменилось Ваше отношение к китайцам за последние 10 лет?»	334
30. Ответы на вопрос: «Какие из приведенных ниже высказываний, на Ваш взгляд, правильно характеризуют китайцев?»	335
31. Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что русские люди (по своим достоинствам, или благодаря своей исторической миссии, или еще почему-либо) стоят выше, чем...?»	336
32. Ответы на вопрос: «Как бы Вы отнеслись к браку своего близкого родственника с китайцем (китайкой)?»	337
33. Зависимость между отношением к китайцам и симпатией к Китаю	338
34. Зависимость между ответам на вопросы: «Как изменилось Ваше мнение о Китае за последние 10 лет?» и «Как изменилось Ваше отношение к китайцам за последние 10 лет?»	339

Глава 3. ЭМИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЭМИГРАЦИОННО-ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНР

§ 1. Эмиграционный потенциал Китая

1. Динамика численности населения по возрастам	347
2. Доля миграционно-активных возрастных групп в общей численности населения	347
3. Динамика занятости в Китае.	349
4. Динамика зарегистрированной городской безработицы в Китае	350
5. Динамика безработицы в провинциях Северо-Востока	350

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1	470
Приложение 2	481

Избранная библиография

Принятые сокращения

РАН, ДВО — Дальневосточное отделение Российской академии наук.

РАН, ИДВ — Институт Дальнего Востока Российской академии наук.

ПДВ — журнал «Проблемы Дальнего Востока».

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской Империи. Фонды: Китайский стол; Тихоокеанский стол.

Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 100.

Государственный архив Российской Федерации. Фонды: НКВД РСФСР, № 393; СНК, № 130; СНК СССР, № 5446; ВЦИК, № 1235.

Российский государственный архив социально-политических исследований. Фонды: 514, 530, 532.

Вайцзяобу данань — Тайбэй, Чжунъян яньцзююань, Цзиньдай ши яньцзюсо : [Архив министерства иностранных дел Китайской Республики — Тайбэй, Академия Синика, Институт новой истории]. Фонд 03.

Документы, статистика

На русском языке

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае : документы / рук. Го Хэньюй, М.Л. Титаренко. М., 1994.

Дальневосточная политика Советской России (1920—1922) : сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета / отв. ред. В.С. Познанский. Новосибирск, 1996.

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 / редакционная комиссия: А.П. Лосюков [и др.]. М., 2007.

Материалы Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство ; Т.10. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства ; Т.12. Рождаемость. URL: www.perepis2002.ru

Национальный состав населения России по данным переписей населения // Население России за 100 лет (1897—1997) : статистический сборник / Госкомстат России. М., 1998. (См. также: Демоскоп Weekly. Приложения). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nation.php

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройлецкого. Т. 2. СПб., 1905.

Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых туристических поездках от 29 февраля 2000 г. // Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 / редакционная коллегия: А.П.Лосюков [и др.]. М., 2007.

Российская Федерация в цифрах в 1993 г. М., 1994.

Российско-китайские отношения, 1689—1916 : официальные документы / отв. ред. Л.И. Думан ; сост. П.Е. Скачков, В.С. Мясников. М., 1958.

Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. II. Вып. II. Иркутск, 1883.

Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. IV. Вып. IV. Иркутск, 1884.

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики (от 26 марта 2007 г.) // Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 / редакционная коллегия: А.П.Лосюков [и др.]. М., 2007.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о визовых поездках гра-

ждан России и КНР // Сборник российско-китайских договоров, 1949—1999 / редакционная комиссия: Г.Б. Карасин [и др.]. М., 1999.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках // Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 / редакционная комиссия: А.П. Лосюков [и др.]. М., 2007.

Соглашение между правительствами Российской Федерации и Китайской Народной Республики о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации // Сборник российско-китайских документов, 1999—2007 / редакционная комиссия: А.П. Лосюков [и др.]. М., 2007.

Соглашение между правительствами Российской Федерации и Китайской Народной Республики о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России // Сборник российско-китайских договоров, 1949—1999 / редакционная комиссия: Г.Б. Карасин [и др.]. М., 1999.

Статистический вестник Дальнего Востока. Кн. 1. Январь—июнь 1924 г. / Дальне-Восточное областное статистическое управление. Чита, 1924.

Статистический ежегодник. 1923—1925 / Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Хабаровск, 1926.

Статистический ежегодник. 1926 г. Вып. 1 / Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Хабаровск ; Благовещенск, 1927.

Труд и занятость в России 2007: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. М., 2007.

Численность и миграция населения РФ в 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006 годах : статистические бюллетени / Государственный комитет Российской Федерации по статистике. М., 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007 ; Численность и миграция населения РФ в 2007—2008 годах : статистические бюллетени / Федеральная служба государственной статистики. М., 2008, 2009.

На китайском языке

Гоуюань баньгунтин гуаньюй цзай вай лю сюэ жэньюань ю гуань вэньти ды тунчжи : [Уведомление Канцелярии Госсовета относительно лиц, обучающихся за границей]. URL: <http://www.csc.edu.cn/gb/readarticle/asp?articleid=346>

Гоуюань гуаньюй цзыфэй чу го лю сюэ ды чжань син гуйдин : [Временное положение Госсовета о выезжающих на учебу за собственный счет]. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai91915.html>

Гуаньюй хуэй го (лай хуа) дин цзюй гунцзо чжуаньцзя ды ю гуань чжэнцэ : [Политика в отношении специалистов, вернувшихся для постоянного проживания и работы на родину]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/news/2006/0309/1/2071.shtml>

Гуаньюй цзяньли хай вай гао цэн цы лю сюэ жэньцай хуэй го гунцзо люйсэ тундао ды ицзянь : [Соображения о создании зеленого коридора для возвращения талантов китайского происхождения, обучавшихся за границей]. 30.03.2007. URL: www.gov.cn/ztz/kjtzgh/content_883681.html

Дэн Сяопин лунь цяоу / Гоуюань цяоу баньгунши, Чжун гун чжунъян вэньсянь яньцзюши бянь. Чжунъян вэньсянь чубаньшэ : [Дэн Сяопин о работе с эмигрантами / Канцелярия Госсовета по работе с эмигрантами, Кабинет по изучению документов ЦК КПК. Изд-во документов ЦК]. Пекин, 2000.

Хэйлунцзян тунци няньцзянь 2007: [Хэйлунцзянский статистический ежегодник 2007 г.] [Электронная версия]. Чжунго тунци чубаньшэ, 2007.

Хэ му сян юн, хэцзо гун ин. Гоуцзянь игэ чунмань холи ды хуацяо хуажэнь шэхуй. Цзай ди сы цзюй шицзе хуацяо хуажэнь шэтуань ляньи дахуй шан ды баогао : [Гармония и сотрудничество с выигрышем для всех. Построим исполненное живой силы сообщество зарубежных китайцев : доклад (главы Канцелярии Госсовета по делам зарубежных китайцев Ли Хайфэн) на 4-й Всемирной конференции дружбы ассоциаций зарубежных китайцев]. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78235.shtml>

Чжун Э гуаньси ши ляо. Э чжэнбянь юй ибань цзяошэ (и). Чжунхуа минь го лю нянь чжи ба нянь. Чжунъян яньцзююань, Цзиньдай ши яньцзюсю бянь : [Материалы по истории китайско-российских отношений, 1917—1919 : Политические перемены в России и общие дипломатические отношения (1) / сост. Институт новой истории, Академия Синика]. Тайбэй, 1960.

Чжунго тунци няньцзянь 2008 / Чжун хуа жэньминь гунхэго гоцзя тунци цзюй бянь : [Китайский статистический ежегодник 2008 / Государственное статистическое управление КНР]. Пекин, 2008.

2006—2007 нянь: Чжунго нунцунь цзинци синши фэньси юй юйцэ. Люйпишу : [Экономика китайской деревни в 2006—2007 гг. Зеленая книга]. Пекин, 2007.

Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо/ Чжун хуа жэньминь гунхэ-го гоцзя тунци цзюй бянь : [Материалы Всекитайской переписи населения 2000 г. / Государственное статистическое управление КНР]. Пекин, 2002.

Чжунхуа Жэньминь Гунхэго гуйцяо цяо цзюань цюаньи баоху фа : [Закон КНР об охране прав вернувшихся хуацяо и родственников-цяоцзюань]. П. 2. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai3723.html>

На других языках

Law of the People's Republic of China on the Control of the Exit and Entry of Citizens. URL: http://www.novexcn.com/entry_exit_citizens.html

Литература

На русском языке

Аварин В. Империализм в Маньчжурии. Т. 1. М.-Л., 1934.

Алагуева Т. Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории / Т. Алагуева, К. Васильева, А. Островский // ПДВ. 2007. № 4.

Алексеев М. Восприятие масштабов миграции в России: этнорегиональные измерения и психология цифр // Вестник общественного мнения. 2006. № 4

Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914.

Бабичев И. Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. Ташкент, 1959.

Бакланов П.Я. Географические, социально-экономические и геополитические факторы миграции китайского населения на юг Дальнего Востока : доклад на круглом столе 28.06.1999 // Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН. Владивосток, 1999.

Балдано М.Н. Конструирование образа мигранта в региональной российской прессе // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Амурский государственный университет, Центр гуманитарных программ «Даурия», Фонд Розы Люксембург. Благовещенск, 2006. Вып. 7 : Сб. материалов международной научной конференции.

Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922) : сборник документов и материалов / ред. Г.Б. Шумейко. М., 1957;

Бойко В.Г. Китайские общины Западной Сибири в 1920-е—1930-е годы // Актуальные вопросы российско-китайских отношений: история и современность : материалы региональной научно-практической конференции (13 октября 1999 г). Барнаул, 2000.

Браун, Отто. Китайские записки : 1932—1939. М., 1974.

Венюков М.И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952.

Витковская Г. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии / Г. Витковская, Ж. Зайончковская // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М., 1999.

Вишневский А.В. Альтернативы миграционной стратегии // Россия в глобальной политике. 2004. Ноябрь—декабрь. № 6.

Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке : Граница. М., 2001.

Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001.

Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004.

Гельбрас В.Г. Миграция, преобразующая Китай // Азия и Африка сегодня. 2005. № 9, 10.

Головин С.А. Положение китайского населения на Дальнем Востоке России в 60-е годы XIX в. — 30-е годы XX в. // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах / Амурский государственный университет. Благовещенск, 2001. Вып. 2.

Голубовский М. Ленинская национальная политика в действии. Хабаровск, 1932.

Гончаров С.Н. Китайцы в России — кто они? // ПДВ. 2003. № 4.

Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. СПб., 1912.

Гребенщиков. Имеют ли китайцы виды на Приамурский край? // Дело. СПб., 1886. № 3—4.

Дацышен В.Г. Боксерская война. Красноярск, 2001.

Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири в XVII — XX вв.: проблемы миграции и адаптации / Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2008.

Документ III Всероссийского съезда китайских рабочих /публ. Ю.М. Гарушянца // Советское китаеведение. 1958. № 1.

Друг издадека /сост. Л. Каландаришвили и Б. Пирадов. Батуми, 1958.

Дружба, скрепленная кровью / ред. Лю Юн-ань. М., 1959.

Дятлов В.И. «Новые диаспоры» и проблема интеграции внешних мигрантов в принимающее общество // Мост через Амур : Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке / Исследовательский центр «Внутренняя Азия» ; Фонд Розы Люксембург. М. ; Иркутск. 2004.

Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000.

Дятлов В. «Шанхай» в центре Иркутска: Экология китайского рынка // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / В. Дятлов, Р. Кузнецов ; Иркутский государственный университет, Исследовательский центр «Внутренняя Азия». М. ; Иркутск. 2005

Забяко А.П. Аккультурация мигрантов: перспектива формирования маргинальных этнических групп и культур // Мост через Амур : Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке / Исследовательский центр «Внутренняя Азия»; Фонд Розы Люксембург. М.; Иркутск. 2004.

Забяко А.П. Диаспоризация: китайский опыт // Россия и Китай на дальневосточных рубежах : Мост через Амур / Амурский государственный университет, Центр гуманитарных программ «Даурия», Фонд Розы Люксембург. Благовещенск. 2006. Вып. 7 : Сборник материалов международной научной конференции.

Забяко А.П. Исследовательский проект «Этническое самосознание русских и китайцев в дальневосточном регионе» / А.П. Забяко, С.Э. Аниховский, Р.А. Кобызов // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001.

Забяко А.П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002.

Зайончковская Ж.А. Иммиграция: альтернативы нет // Нужны ли иммигранты российскому обществу / под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2006.

Залеская О.В. Культурно-просветительная работа среди китайских рабочих на Дальнем Востоке России (20-е — 30-е годы XX века) // Россия и АТР. Владивосток, 2007. № 3.

Инь Цзяньпин. Китайцы на Дальнем Востоке : от «угрозы» до содействующего фактора для стабильного развития экономики ДВ // Взгляд вне рамок старых проблем : опыт российско-китайского сотрудничества. Occasional Papers. No 6 / Slavic Research Center, Hokkaido University. Sapporo, 2005.

Калюжная Н. М. Восстание ихэтуаней: 1898—1901. М., 1978.

Капица М.С. Китайско-советские отношения. М., 1958.

Карлусов В. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке : историко-экономический анализ / В. Карлусов, А. Кудин // ПДВ. 2002. № 3.

Картунова А.И. К вопросу о контактах представителей Китайской секции РПК(б) с организациями КПК // ПДВ. 1988. № 2.

Кауфман А.А. Материалы по вопросу о колонизационной восточности Приамурского края. СПб., 1901.

Китайские добровольцы в боях за советскую власть (1918—1922) / ред. Лю Юнь-ань. М., 1961.

Концепция миграционной политики в южных районах Дальнего Востока / Л.Л.Рыбаковский [и др.] ; Институт социально-политических исследований РАН. М., 1999.

Коровяковский П. Китайцы — жертвы сталинских репрессий // ПДВ. 1991. № 2

Королева В.А. Китайский театр на Дальнем Востоке России // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Серия: Востоковедение. Владивосток, 2003. Т. XII. Северо-Восточная Азия. Проблемы регионального взаимодействия. История и современность.

Костин Ю. Два восприятия Октябрьской революции в Китае // Народы Азии и Африки. 1967. № 5.

Кочегарова Е.Д. К вопросу использования китайских рабочих в золотопромышленности Дальнего Востока (20—30-е гг. XX в.) // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах / Амурский государственный университет. Благовещенск, 2002. Вып. 3.

Крестовский В. О положении и нуждах Южно-Уссурийского края. СПб., 1881.

Крушианова Л. Китайские рабочие в СССР (1945—1960-е годы) // Россия и АТР. 2007. № 3.

Крюков М. Была ли миссия Чжан Сылиня в Москву «странным эпизодом» советско-китайских отношений начала 20-х годов? // ПДВ. 1997. № 2.

Крюков М. Извилистый путь к альянсу: Советская Россия и Сунь Ятсен (1918—1923) // ПДВ. 1999. № 3.

Кубарский Д.В. Социально-психологическая адаптация китайцев на Дальнем Востоке в восприятии местного населения // Толерантность в межкультурном диалоге / отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М., 2005.

Кулинич Н. Китайцы в составе городского населения Дальнего Востока России в 1920—1930-е годы // ПДВ. 2006. № 4.

Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.

Кюннер Н.В. Очерки новейшей политической истории Китая. Владивосток, 1927.

Лангер С.Р. Из истории китайского эмигрантского движения : середина XIX — начало XX в. М., 1992.

Лаппо Д. Страницы великой дружбы / Д. Лаппо, А. Мельчин. М., 1959.

Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня : Исторический очерк. М., 2003.

Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона : Российско-китайские отношения на рубеже XX—XXI веков. Владивосток, 2006.

Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998.

Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). М., 2005.

Ларина Л. Китайцы на Дальнем Востоке России: динамика их восприятия за последнее десятилетие / Лилия Ларина // Occasional Papers. No 6; Взгляд вне рамок старых проблем : опыт российско-китайского сотрудничества / Slavic Research Center, Hokkaido University. Sapporo, 2005.

Левитов И.С. Желтая раса. СПб., 1900.

Ли Суйань. Чжан Симань и Общество китайско-советских культурных связей // ПДВ . 2001. № 5. С.158.

Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом : Образ Китая в России в XVII — XXI веках. М., 2007.

Лю Цзэжун. Встречи с великим Лениным // ПДВ. 1980. № 2.

Макуха Н.А. Проблема контрабанды спирта на российско-китайской границе в начале XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах /Амурский государственный университет. Вып. 6. Благовещенск, 2003.

Матвеев Н. Китайцы на карийских промыслах // Русское богатство. СПб., 1911. № 12.

Матюнин И.Г. Записка о китайцах и маньчжурах, проживающих на левом берегу Амура // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVIII. СПб., 1894.

Мевзос Г.М. Население Дальнего Востока, его состав и изменения // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск — Владивосток, 1927. Вып. V : Человек.

Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке: доклад С.Д. Меркулова Его императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михайловичу. СПб., 1912.

Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России / Московский Центр Карнеги. М., 1996.

Миндогулов В.В. Что думают жители Дальнего Востока о российско-китайских приграничных отношениях? // Социологические исследования. 1995. № 10.

Мировицкая Р.А. Борьба за установление дипломатических отношений между Советской республикой и Китаем в 1917—1921 гг. // Академия Наук СССР. Исторические записки. М., 1959. № 65.

Михайлов В. Третья Государственная Дума и желтая опасность. СПб., 1912.

Мотрич Е.Л. Демографическая ситуация в Дальневосточном федеральном округе // Народонаселение. 2004. № 2.

Мотрич Е.Л. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России и проблемы китайской миграции : материалы Всероссийской научно-практической конференции, МГИМО(У) МИД России, г. Москва, 21—22 декабря 2006 г. // Российско-китайское сотрудничество : проблемы и решения / Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России, Центр исследований Восточной Азии и ШОС; [ред. А.В. Лукин]. М., 2007.

Мотрич Е.Л. Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке // ПДВ. 2001. № 6.

Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история российско-китайской границы, XVII—XX вв. М., 1996.

Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края. Владивосток, 1886.

Назаров А.Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Известия Восточного Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Т. 14. № 1—2. Иркутск, 1883.

Национализм и ксенофобия // Левада-центр. 29.08.2007. URL: <http://www.levada.ru/press/2007082901/html>

Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России : (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток, 2004.

Нестерова Е.И. Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве : (1884—1897) // Вестник ДВО РАН. 2000. № 2.

Нечаева А.В. Этапы развития и особенности китайского выездного туризма // ПДВ. 2008. № 4.

Новогрудский Г. Товарищи китайские бойцы / Г. Новогрудский, А. Дунаевский. М., 1959.

Островский А.В. Перспективы экспорта трудовых ресурсов на российский Дальний Восток в условиях глобализации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность/ отв. ред. Б.Т. Кулик. М., 2003.

Отчет по статистическо-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-приморского района. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1905.

Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье. Историко-статистический очерк. СПб., 1910.

Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. М., 2001.

Персиц М.А. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения : (1910 — июль 1920) // Коминтерн и Восток. М., 1969.

Персиц М.А. Дальне-Восточная республика и Китай : роль ДВР в борьбе советской власти за дружбу с Китаем в 1920—1922 гг. М., 1962.

Персиц М.А. Революционные организации на территории ДВР и Сунь Ятсен // Сунь Ятсен. 1866—1966 : к 100-летию со дня рождения / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1966.

Пескова Г.Н. Позиция России по вопросу о продаже и вывозе за границу китайских кули // Документы опровергают. Против фальсификации истории российско-китайских отношений. М., 1982.

Петелин И.И. Китайское общество Гун-и-хуэй в Уссурийском крае. Владивосток, 1909.

Петров А.И. История китайцев в России. 1856—1917 годы. СПб., 2003.

Петров А.И. Китайская историография истории китайцев в царской России : Краткий очерк // Россия и АТР. 2006. № 1.

Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов : китайские добровольцы на фронтах гражданской войны в России (1918—1922). Л., 1959.

Портяков В.Я. Китайцы идут? Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // Международная жизнь. 1996. № 2.

Портяков В.Я. Российский вектор в глобальной китайской миграции // ПДВ. 2006. № 2.

Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867—1869. М., 1949.

Приходько С. Москва — Пекин: мы нужны друг другу // Россия в глобальной политике. 2004. № 2. Март — апрель.

Просвирнов С. Миграционные проблемы Амурской области: реальность, мифы и иллюзии // ПДВ. 2007. № 4.

Пэн Мин. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. Л., 1957.

Романова Г.Н. Россия и Китай: взаимное восприятие : (прошлое, настоящее, будущее) // Тезисы докладов XVI международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир» (Москва, 25—27 октября 2006 г.). Ч. 2. / РАН, ИДВ. М., 2006.

Романова Г.Н. Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке : торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000.

Россия: миграционные вызовы XXI века / О. Воробьева [и др.]. URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/strategii/doclad-csr-migrations>

Рудаков А. Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. Владивосток, 1901.

Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты // Народонаселение. 2004. № 1.

Рыжова Н. Останется ли китайско-российский симбиоз в Приамурье конъюнктурной суетой? / Наталья Рыжова // Диаспоры. 2006. № 1.

Семенюк М.Ю. Проблемы борьбы с транснациональной преступностью в Приморском крае // Проблемы укрепления государственности и обеспечения верховенства закона. Владивосток, 2003.

Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков / Восточно-Сибирский институт МВД России. Иркутск, 2000.

Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами. М., 1984.

Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М., 1977.

Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917). М., 1989.

Сорокина Т.Н. Китайские кварталы дальневосточных городов // Диаспоры. М., 2001. № 2—3.

Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края : (конец XIX — начало XX вв.). Омск, 1999.

Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия // Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906—1911. М., 1991.

Тавокин С.Н. К вопросу о желтой опасности. СПб. ; Киев, 1913.

Тимофеева Н.Н. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921—1925) // Народы Азии и Африки. 1976. № 2.

Тимофеева Н.Н. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1926—1938) // Народы Азии и Африки. 1979. № 5.

Тимофеевский О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье : (середина XIX — начало XX в.). Благовещенск, 2003. (См. также: URL: http://igpi.ru/center/GV/hist_tradit/east/china/timofeev_1/html ; ...timofeev_2/html)

Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. М., 2008.

Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998.

Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20—30-е годы XX в. Владивосток, 2000.

- Унтербергер П.Ф.* Приморская область : 1850—1898 гг. СПб., 1900.
- Усов В.* Китайские воспитанники интердомов России // ПДВ. 1997. № 4.
- Усов В.Н.* Интернациональная помощь СССР в деле подготовки китайских партийных и революционных кадров в 20—30-е годы // ПДВ. 1987. № 5.
- Устинов В.М.* Китайские коммунистические организации в Советской России (1918-1920) // Китайские добровольцы в боях за советскую власть. М., 1961.
- Фэн Юйцзюнь.* Национальные интересы Китая в российско-китайских отношениях // Современное внутреннее и международное положение в России в оценках политологов КНР : экспресс-информация / РАН, ИДВ, Центр научной информации и документации. М., 2008. № 3(148).
- Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока (1918—1920). М., 1964.
- Холодов Н.* Уссурийский край. СПб., 1908.
- Хроленок С.Ф.* Китайские и корейские отходники на золотых приисках русского Дальнего Востока : (конец XIX — начало XX в.) // Восток. М., 1995. № 6.
- Хрущев Н.С.* Воспоминания / Никита Хрущев. М., 1997.
- Чернолуцкая Е.* Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // ПДВ. 2008. № 4.
- Чернолуцкая Е.Н.* Приморский край в советский период. URL: <http://articles.excelion.ru/science/geografy/57800474/html>
- Чжан Цзяньжун.* Анализ явлений «серого бизнеса» в народной торговле между Россией и Китаем // ПДВ. 2005. № 1.
- Чугуевский Л.И.* Периодическая печать на китайском языке в СССР // Проблемы востоковедения. 1959. № 4.
- Шармашкеева Н.Ж.* Социокультурная адаптация китайских мигрантов в Бурятии: автореф. дис. ...канд. ист. наук [На правах рукописи] / Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 2007.
- Шевелев К.* К вопросу об отражении китайской тематики в «Биографическом справочнике Коминтерна» // Научно-информационный бюллетень. Вып. № 2 (12). / Российской государственной архив социально-политической истории. М., 2000.
- Шликевич С.С.* Колонизационное значение земледелия в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. Вып. V. СПб., 1911.
- Шренк Л.* Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб., 1883.
- Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке/ А.С. Вашук [и др]. Владивосток, 2002.

На китайском языке

Айхунь лиши луньвэнь цзи / чжужэнь бяньцзи Лю Банхоу : [История Айгуня: сб. статей / гл. ред. Лю Банхоу]. Харбин, 1984.

Бай Юй сяньшэн фанвэнь цзилу / Чжунъян яньцзююань. Цзиньдай ши яньцзюсо : [Запись бесед с г-ном Бай Юем / Академия наук. Институт новой и новейшей истории]. Тайбэй, 1987.

Ван Юйцзюнь. Чжун-Су вайцзюо ды сюйму. Цун Юлинь дао Юэфей : [Пролог китайско-советских отношений. От Юрина до Иоффе]. Тайбэй, 1978.

Вэнь Бэйдань. Гуандун буфэнь гао сяо синь иминь дяоянь юй сыкао : [Исследования и соображения относительно новых эмигрантов из некоторых вузов Гуандуна] // Цяо у гунцзо яньцзю. 2000. № 3.

Дань Чунь. Люэ лунь хай вай хуажэнь цзинцзи // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи / Хэ Шиюань чжубянь : [Кратко об экономике зарубежных китайцев // Сборник работ по изучению зарубежных китайцев / Гл. ред. Хэ Шиюань]. Пекин, 2002.

Ли Гаосян, Чжан Шаошань. 2008 нянь нунье цзинцзи синши юй 2009 нянь чжаньван // Цзинцзи лань пи шу. 2009 нянь Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцэ / Чжу бянь: Чэнь Цзягуй : [Состояние китайской экономики в 2008 г. и ее развитие в 2009 г. // Синяя книга по экономике. 2009 год. Положение в китайской экономике. Анализ и прогноз / гл. ред.. Чэнь Цзягуй]. Пекин, 2009.

Ли Сяомэй. Чжунго хай вай иминь цинкуан шупин // Гоцзи синши хуан пи шу. 2007 нянь: цюань цю чжэнчжи юй аньцюань баогао : [О ситуации с эмигрантами из Китая // Желтая книга по международной безопасности. Доклад о глобальной политической и экономической безопасности]. Пекин, 2007.

Ли Чуньлин, Ван Боянь. Чжунго да сюэшен цзюо е юй гунцзы шуйпин дяоча баогао // Шэхуй ланьпи шу. 2009 нянь Чжунго шэхуй синши фэньси юй юйцэ / Чжу бянь: Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь : [Итоги обследования уровня занятости и зарплат китайских студентов // Синяя книга о китайском обществе. Положение в китайском обществе в 2009 г. Анализ и прогноз / гл. ред. Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь]. Пекин, 2008.

Ли Шицзе. Фахуэй хай вай хуажэнь шэтуань цзоюн, цу чжун хуа вэньхуа цзоу сян шицзе : [Усилить роль ассоциаций зарубежных китайцев, продвигать в мир китайскую культуру]. URL: <http://cppcc.people.com.cn/GB/34961/90780/90789/6030216/html>

Ли Юйчжэнь. Люй Э хуацяо юй Сунь Чжуншань сяньшэн ды гэмин ходун // Хуацяо юй Сунь Чжуншань сяньшэн линдао ды гоминь гэмин сюэшу яньтаохуэй луньвэнь цзи : [Китайская эмиграция в России и революционная деятельность г-на Сунь Ятсена // Конференция «Китай-

ская эмиграция и национальная революция под руководством г-на Сунь Ятсена» : доклады]. Тайбэй, 1997.

Ли Юйчжэнь. Сунь Чжуншань юй гунчань гоцзи : [Сунь Ятсен и Коминтерн]. Тайбэй, 1996.

Ли Юнчан. Люй Э хуагун юй ши юэ гэмин : [Китайские рабочие в России и Октябрьская революция]. Шицзячжуан, 1988.

Ли Юнчан. 1918—1920 нянь Чжунго чу бин Сиболия : [Китайская военная экспедиция в Сибирь (1918—1920)] // Цзиньдай ши яньцзю. Пекин. 1993. № 1.

Лун Дэнгао, Чжан Хунъюнь. До юань цзуюнь ши е сяды хуажэнь тэсин : [Китайская специфика в условиях многонациональности] // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. 2007. № 1.

Лю Цзэжун. Ши юэ гэмин цянью во цзай Сулянь ды и дуань цзинли // Вэнь ши цзыляо сюань цзи : [Моя жизнь в СССР до и после Октябрьской революции // Культура и история : сб. документов]. Пекин. № 60.

Люши нянь лай чжунго лю сюэшэн чжи фэн шуан чжо ли / Чжун хуа лю Э тунсюэ хуэй : [60 лет назад: горькие годы учебы на чужбине/ Общество обучавшихся в России]. Тайбэй, 1988.

Малинь юй ди и цы го гун хэцзо / Ли Юй чжэнь чжубянь : [Маринг и первое сотрудничество Гоминьдана и КПК/ гл. ред. Ли Юйчжэнь]. Пекин, 1989.

Сюэ Сяньтянь. Гуаньюй цзян дун лю ши сы дунь ды дунь шу, дуньмин хэ цзюйминь шу вэньти ды цзи дянь цзыляо// Айхунь лиши луньвэнь цзи / чжужэнь бяньцзи Лю Банхоу : [Некоторые материалы к проблеме количества поселков, их названий и численности населения в зазейском районе// История Айгуня: сб. статей / гл. ред. Лю Банхоу]. Харбин, 1984

У Цяньцзинь. Лэн чжань хоу хуажэнь иминь ды куа го миньцзучжуй : [Трансграничный национализм китайских эмигрантов после «холодной войны»] // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. 2006. № 1.

У-сы юньдун цзай Шанхай ши ляо сюань цзи : [Сборник материалов по истории «движения 4 мая» в Шанхае]. Шанхай, 1961.

Хуа гун чу го шиляо бянь (Чжу бянь Чэнь Ханьшэн). И. Чжунго гуань вэнь шу сюань бянь / Лу Вэнди, Чэнь Цзэсюань, Пэн Цзэли. Чжунго ди и лиши дананьгуань хэ бянь : [Сборник материалов по истории рабочей эмиграции в 4 т. / гл. ред. Чэнь Хэшэн. Т. 1. Избранные китайские официальные материалы / Лу Вэнди [и др.]. Пекин, 1985.

Хуан Жуньлун. Чжунго ды фэйфа иминь вэньти : [Проблема китайских нелегальных мигрантов] // Жэнькоу юй цзинцзи. 2001. № 1.

Хуан Цзе. Чжунго жэнь шэ хэй му — тоу ду да чжуй цзун : [За черным занавесом китайских «змей» — по следам контрабандистов]. Фучжоу, 2002.

Хун Юйхуа, У Вэньхуань. Кода хуажэнь яньцзю дэ шиэ // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи / Хэ Шиюань чжубянь : [Расширять сферу изучения зарубежных китайцев // Сборник работ по изучению зарубежных китайцев / гл. ред. Хэ Шиюань]. Пекин, 2002.

Хэ Шиюань. Хай вай хуажэнь юй гоцзи иминь яньцзю // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи / Хэ Шиюань чжубянь : [Изучение зарубежных китайцев и международной миграции // Сборник работ по изучению зарубежных китайцев / гл. ред. Хэ Шиюань]. Пекин, 2002.

Цай Фан. Жэнькоу бяньхуа юй цзю е цинши: чанци юй дуань ци // Цзинци ланьпишу. 2009 нянь Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ / Чжу бянь: Чэнь Цзягуй : [Динамика населения и занятости: долгосрочные и краткосрочные тенденции // Синяя книга по экономике. 2009 год. Положение в китайской экономике. Анализ и прогноз / гл. ред. Чэнь Цзягуй]. Пекин, 2009.

Цзай цюаньцюхуа куанцзя чжун гайцзинь чжунго иминь чжэнцэ ды цзи дянь сысян : [Некоторые соображения о совершенствовании эмиграционной политики Китая в рамках глобализации]. URL: http://www/sociology/cass/cn/shxw/shld/t20050602_6155.htm

Цзинь 20 нянь Фуцзянь Чанлэ жэнь иминь Мэйго ды дунци хэ тяоцзянь : [Стимулы и условия эмиграции жителей Чанлэ (Фуцзянь) последние 20 лет] // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. 2006. № 1.

Цзэн Шаоцун. Хай вай хуажэнь цзуюнь дэ нэй бу гуаньси // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи / Хэ Шиюань чжубянь : [Внутригрупповые связи в среде зарубежных китайцев // Сборник работ по изучению зарубежных китайцев / гл. ред. Хэ Шиюань]. Пекин, 2002.

Цю Либэнь. Гоцзи жэнькоу цянйи юй хуацяо хуажэнь яньцзю // Хай вай хуажэнь яньцзю лунь цзи цзи / Хэ Шиюань чжубянь : [Международная миграция населения и изучение зарубежных китайцев // Сборник работ по изучению зарубежных китайцев / гл. ред. Хэ Шиюань]. Пекин, 2002.

Чжан И. Чжунго данцянй ды жэнькоу цзегоу хэ фачжань тайши // Шэхуй ланьпишу. 2007 нянь: Чжунго шэхуй синши фэньси юй юйцэ / Чжу бянь: Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь : [Структура и динамика населения Китая. Современное состояние // Синяя книга о китайском обществе. 2007 год: положение в китайском обществе. Анализ и прогноз / гл. ред. Жу Синь и др]. Пекин, 2006.

Чжан Чэвэй. Лаодун гунцю гуаньси чжэн цзай фашэн чжунда бяньхуа // Цзинци ланьпишу. 2007 нянь: Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ / Чжу бянь: Чэнь Цзягуй : [В соотношении между предложением труда и спросом на труд происходят важные изменения // Синяя книга по экономике. 2007 год: положение в китайской экономике. Анализ и прогноз / гл. ред. Чэнь Цзягуй]. Пекин, 2006.

Чжао Ли. Нунцунь лаодун ли чжуаньбянь ды чэнбэнь ю до да : [Какова себестоимость перемещения деревенской рабочей силы?] // Чжунго го гоцин ли. 2007. № 1.

Чжао Ляньтай, Лю Банхоу. Цзян дун лю ши сы цунь каолюэ // Айхунь лиши луньвэнь цзи / Чжужэнь бяньцзи Лю Банхоу : [Краткое исследование истории 64 зазейских поселков // История Айгуня: сб. статей / гл. ред. Лю Банхоу]. Харбин, 1984.

Чжуан Готу. Гуаньюй синь иминь яньцзю ды цзи дянь сыкао : [Некоторые соображения об изучении новых мигрантов] // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. 1997. № 2.

Чжуан Готу. 70 няньдай илай ды хуажэнь синь иминь фачжань чжуанкуан цзи во го ды дуйцэ // Хуацяо кэти яньцзю луньвэнь цзи : [Развитие ситуации с новыми мигрантами китайского происхождения с 70-х гг. и наша политика // Сборник работ по проблемам эмигрантов]. Пекин, 2001.

Чжоу Юйэ, Ван Сяньфэн. Дан дай чжунго фэйфа иминь ходун ды тэчжен : [Особенности современной нелегальной миграции]. URL: <http://www.jnu.edu.cn>.

Чжун Э гуаньси ды лиши юй сяньши : [История и современное состояние китайско-российских отношений]. Кайфэн, 2004.

Чэнь Саньцзин. Хуагун юй Оу чжань : [Китайские рабочие и война в Европе]. Тайбэй, 1986.

Ша Э цинь Хуа ши / Фудань дасюэ лиши си. Мо Юнминь чжуань : [История агрессии царской России в Китае / Фуданьский университет, исторический факультет; гл. ред. Мо Юнминь]. Шанхай, 1986.

Ян Июн. 2006 нянь цзю е синши юй 2007 нянь юйцэ // Цзинцзи ланьпишу. 2007 нянь: Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцэ / Чжубянь: Чэнь Цзягуй : [Положение с занятостью в 2006 г. и прогноз на 2007 г. // Синяя книга по экономике. 2007 год: положение в китайской экономике. Анализ и прогноз / гл. ред. Чэнь Цзягуй]. Пекин, 2006.

Ян Минчжай / ред. Сюй Шичэн, Чжан Шэншань. Пекин, 1988.

На других языках

Ampalavanar-Brown Rajeswary. Overseas Chinese Investments in China — Patterns of Growth Diversification and Finance // The China Quarterly. September 1998. # 155.

Beng Phar Kim. Overseas Chinese: How Powerful are They? Asia Times online. 10.12.2002. URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/DL10Ad04.html>

Chin James K. Reducing Irregular Migration from China // International Migration. V. 41. Issue 3. September 2003. URL: <http://www.blackwell-synergy.com/doi/abs/10.1111/1468-2435.00241>

Chin James K. Trends and Government Policies: Reducing irregular Migration from China. URL: www.eldis.org.static/DOC20279.htm

Eveng Kent. Keeping China's best and brightest at home. URL: <http://atimes.com/atimes/China/IF15Ad01/html>

Kwong Peter. Chinese Migration goes Global // YaleGlobal online. URL: <http://yaleglobal.yale.edu/display.article?id=9473>

Liu Guofu. The Right to Leave and Return and Chinese Migration Law. Martinus Nijhoff Publishers. 2006.

Min Zhou. The Chinese Diaspora and International Migration. URL: http://www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/Zhou_Chinese_Diaspora.pdf

Omelaniuk I. Best Practices to Manage Migration: China. CEME (Cooperative Efforts to Manage Emigration). URL: http://migration.ukdavis.edu/ceme/more.phpbid=149_0_6_0

Skeldon Ronald (University of Sussex). China: From Exceptional Case to Global Participant. URL: www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?ID=219.

Wishnick E. Economic Security and Chinese Migration to the Russian Far East. Honolulu. 2004.

Zhang Guochu. Migration of Highly Skilled Chinese to Europe: Trends and Perspective // International Migration. v. 41. issue 3. September 2003. URL: <http://www.blackwell-synergy.com/doi/abs/10.1111/1468-2435.00242>